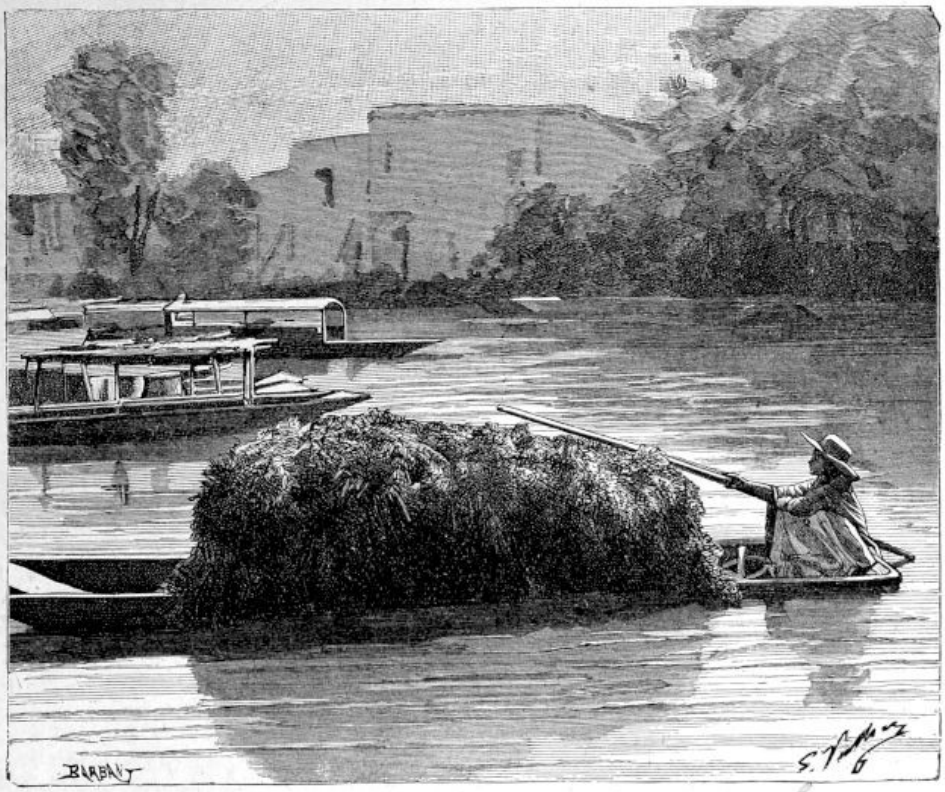
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Томы 16 и 17.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ,

подъ редакціей **С. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА» И Ко
Большая Подъяческая, № 39.
1900.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XVI.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К° Большая Подъяческая, 39.
1900.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XVI

Соединенные Штаты

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
1900.

Том XVI. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Глава 1 Общий обзор

I. Пространство, геологическое строение, естественные деления страны

Часть Северной Америки, заключающаяся между Канадой на севере и Мексикой на юго-западе, не имеет специального географического имени и не может иметь, так как она составляет одно нераздельное целое с сопредельными странами. Употребляемое для обозначения её чисто политическое наименование «Северно-Американские Соединенные Штаты» (United States of North America) могло бы быть с таким же правом присвоиваемо и Мексиканской республикой. В обыкновенной речи совокупность этой территории называют просто «Соединенными Штатами» (United States) или ещё короче—«Штатами» (States), как будто нет других держав, к которым мог бы подходить этот титул. Но в действительности невозможно смешать эти Соединенные Штаты с другими федерациями, существующими в остальном мире: территориальное протяжение, число жителей, промышленная и торговая деятельность ставят этот североамериканский союз государств так высоко, что можно ограничиться сокращенным наименованием его, не опасаясь вызвать недоразумение. Слово «Америка», употребленное одно, без более точного определения, также понимается, от Нью-Йорка до Сан-Франциско, и даже в Канадской конфедерации как применимое по преимуществу к англо-саксонской республике: забывают, что другие государства этого двойного континента имеют точно такое же право на имя, принадлежащее всей совокупности Нового Света. Гражданин Соединенных Штатов называет себя «американцем» (American), и очень удивился бы, если бы канадец, гватемалец или кубанец, в разговоре с ним, принял то же наименование.

Впрочем, Соединенные Штаты в короткий, едва вековой, период, протекший со времени вступления «американцев» в сонм независимых наций, так расширились, что имя страны применялось последовательно к географическим пространствам, весьма различным по протяжению. В 1776 г., когда возмутившиеся северо-американские колонии Англии провозгласили свою независимость, «Соединенные Штаты» в числе тринадцати, от Нью-Гемпшира до Георгии, окаймляли побережье Атлантического океана, простираясь на запад, по другую сторону Аппалахских гор, только до берегов двух больших озер Эри и Онтарио и до прибрежных лесов Огайо. Борьба ограничивалась почти исключительно частью поморья, заключающейся между Бостонской бухтой и входом в залив Чезапик. Территория нового государства могла быть исчисляема в то время в миллион квадр. километров, что составит около одной восьмой нынешних владений, не считая Аляски. В 1782 г. мирный трактат, признавший независимость Соединенных Штатов, значительно увеличил площадь области, отделенной от британской колониальной империи, так как уступка обнимала не только владения, уже занятые белыми, но также многие местности на западе, находившиеся ещё во власти индейцев-звероловов. На севере оффициальной границей было определено течение реки св. Кре-

ста (Сент-Круа), которая и теперь ещё служит раздельной линией между канадским Новым Брауншвейгом и северо-американской республикой. На юге пояс прибрежья, уступленный Великобританией, был ограничен территорией двух Флорид, принадлежавших тогда испанцам. Но, за исключением пунктов, специально означенных трактатом, границы описанной через эти пункты территории оставались очень неопределенными. Так, северный рубеж, отделявший новую республику от канадских провинций, оставшихся верными британской короне, не мог быть правильно отграничен на всём его протяжении, так как он проходил через мало изледованные местности: допускали, однако, что по ту сторону озер Верхнего и Лесного (lake of the Woods) он достигал долины Миссисипи, ниже её истоков. Согласно этому предположению, постановлено было, что средняя струя (стержень) этой реки будет служить границей территории Соединенных Штатов во всей её западной части до 31 градуса широты, где начиналась Луизиана. Уступленное Англией пространство обнимало около 1.050.000 квадр. километров, т.е. слишком в два раза больше площади, действительно занятой колонистами.

В 1803 г. территориальное протяжение Соединенных Штатов во второй раз удвоилось, вследствие присоединения Луизианы, уступленной французским правительством за 80 миллионов франков. Правда, что под именем «Луизианы» обе договаривающиеся стороны понимали неопределенное пространство, без точных границ, так как этот географический термин применялся вообще ко всей части миссисипской покатости на запад от реки и «Скалистых гор» до Тихого океана; но, как ни сбивчивы были толкования относительно размеров уступленной территории, тем не менее сделка эта положила конец всяким столкновениям по поводу границ между Францией и Соединенными Штатами и давала этой последней державе, уже владевшей атлантическим поморьем, надежду утвердиться современем на берегах Великого океана. Многие публицисты называли политическим преступлением эту уступку Луизианы Францией северо-американской республике; но каковы бы ни были побуждения и цели негоциаторов, не подлежит сомнению, что, проданная или покинутая, Луизиана могла наперед считаться потерянной для французов: им должна была остаться только слава открытия этой страны. Колонизовав всего один сколько-нибудь важный пункт, прибрежную местность вокруг Нового Орлеана и Мобиля, как могли бы они оказывать сопротивление напору группы государств, заключавшей в ту эпоху уже слишком шесть миллионов жителей, и какой помощи эта горсть французских колонистов могла бы ожидать от метрополии, не имевшей тогда флотов и отрезанной от всякого сообщения с остальным миром? Несмотря на давность своих оккупационных прав и на опорную точку, которую давало ей владение Кубой, Испания должна была уступить той же политической необходимости, когда, в 1819 г., отказалась от Флоридского полуострова за вознаграждение в 5 миллионов пиастров. С этого времени северо-американская республика завладела всем северным берегом Мексиканского залива и его входными воротами, расположенными против Гаванны.

Истолкование трактатов, заключенных с Великобританией, также способствовало увеличению территории Соединенных Штатов: жребий не мог не благоприятствовать той из двух держав, владения которой расширяются, так сказать, самопроизвольно, путем колонизации, и которой достаточно выжидать, чтобы совершившиеся факты решили дело в её пользу. Так, в 1842 г. американский штат Мэн присоединил к себе, почти до побережья св. Лаврентия, верхний бассейн реки св. Иоанна (Сент-Джон), который по первоначальному смыслу трактатов несомненно должен был принадлежать Канаде, говорят англичане. Точно также в 1846 г. граница, установленная трактатом 1782 г. за Лесным озером, в средней низменности континента, была продолжена по прямой линии 49-ю параллелью до Тихого океана, так что нижнее течение Колумбии и весь бассейн Змеиной реки (Snake-river) отошли к Соединенным Штатам, хотя честь открытия этих стран принадлежит канадским «путешественникам», состоявшим на службе у одного английского общества, зависевшего от Гудсонской компании, и хотя Ванкувер формально присоединил к владениям Англии всё побережье, после произведенного им исследования пролива Хуан-де-Фука и залива Пэджет. С другой стороны, первый переход через опасный порог на Колумбии, обследованный уже в 1775 г. испан-

цем Эсетой, был совершен бостонским мореходом Греем, плававшим, в 1792 г., под американским флагом; этот же мореплаватель дал окончательное название реке, которая до того времени обозначалась на картах под испанским именем Сан-Роке. Дипломаты Великобритании отступились от этой спорной территории. Оставался только один сомнительный пункт, именно вопрос о том, кому должен принадлежать маленький архипелаг Сан-Хуан, лежащий между английским островом Ванкувер и материком: в 1872 г., германский император, выбранный в третейские судьи, решил спор в пользу Соединенных Штатов.

Захваты англо-американской республики на землях её юных соседей, Мексиканских Штатов, были ещё гораздо более значительны по пространству и по ценности присоединенных областей. В 1835 г. у Мексики был вырван первый клочек земли, обширная территория Техаса, и организован в независимую республику американскими плантаторами, переселившимися туда вместе со своими невольниками. Десять лет спустя плантаторы эти добились включения своего штата в состав Северо-Американского союза и тем вызвали войну между двумя соседними республиками. Неравенство сил было слишком велико, чтобы Мексика могла долго выдерживать борьбу, и в 1848 г. трактат, известный под именем Гвадалупе-Идальго, обеспечил Соединенным Штатом обладание Новой Мексикой, покатостями Колорадо, Утахским плоскогорьем и Калифорнией. Но даже это огромное территориальное приобретение, цены которого не знали сами завоеватели, и которое дало им более 1.000 километров побережья на Тихом океане, показалось им недостаточным, и пять лет спустя они купили, на юге от реки Хила, другую полосу мексиканской территории, говоря, что эта земля необходима им для будущей постройки железной дороги: и в самом деле, один из трансконтинентальных рельсовых путей Соединенных Штатов проходит по этой территории, называвшейся прежде «Гадсденской», по имени её покупателя, или Месильей, по имени одного из её западных округов, и поделенной ныне между Аризоной и Новой Мексикой.

Со времени этих крупных земельных приобретений со стороны Мексики Соединенные Штаты не делали захватов на смежных территориях севера и юга и не присоединили земель на Антильском море, обладание которыми предсказывалось им многими лжепророчествами; но на северо-западной оконечности континента другая страна громадных размеров, и при том почти совершенно неизвестная, прибавилась в 1867 г. путем купли к их территориальной империи: это—Аляска, бывшая русская Америка, проданная за семь слишком миллионов долларов. Владение этой обширной областью лесов, гор, тундр и льдов не имело до сих пор никакой экономической важности; но в глазах многочисленных политиканов продажа Аляски рассматривалась как признание Россией принципа главенства Соединенных Штатов на американском континенте и в особенности как предостережение по адресу Великобритании, сюзерена Канадской державы. Присоединение Аляски прибавило около 1.500.000 квадр. километров к владениям Соединенных Штатов, главная масса которых, большой четыреугольник, заключающийся между двумя океанами, Канадой, Мексиканским заливом и плоскогорьем, уже сама по себе представляет громадное пространство, в 7.838.000 квадр. километров, т.е. пространство, в пятнадцать раз превосходящее площадь Франции, равное слишком трем четвертям Европы, составляющее около семнадцатой части континентальных областей земного шара.

Последовательные приращения территории Соединенных Штатов, по приблизительным исчислениям, таковы:

	квад.километров.
Первоначальные колонии, без Зааллеганской области	1.000.000
Территория, уступленная Великобританией в 1782 г.	1.040.000
Луизиана, купленная от Франции в 1803 г.	2.575.000
Флорида, купленная от Испании в 1819 г.	153.500
Северный Мэн, уступленный Англией в 1842 г	28.500
Территория Орегон, уступленная в 1846 г.	520.000
Техас, присоединенный в 1815 г.	710.550
Новая Мексика и Калифорния, уступленные Мексикой в 1848 г.	1.760.240
Территория Месилья, купленная от Мексики в 1853 г	46.500

	квад.километров.
Аляска, купленная от России в 1867 г.	1.495.380
Архипелаг Сан-Хуан, уступленный Англией в 1872 г	1.690
Всего	9.331.360

К этому нужно прибавить ещё в последнее время присоединенные или приобретенные земли: Сандвичевы острова, остров Гуам в Марианском архипелаге, Пуэрто-Рико, Филиппинские острова,—общее пространство которых определяют в 321.000 кв. километров.

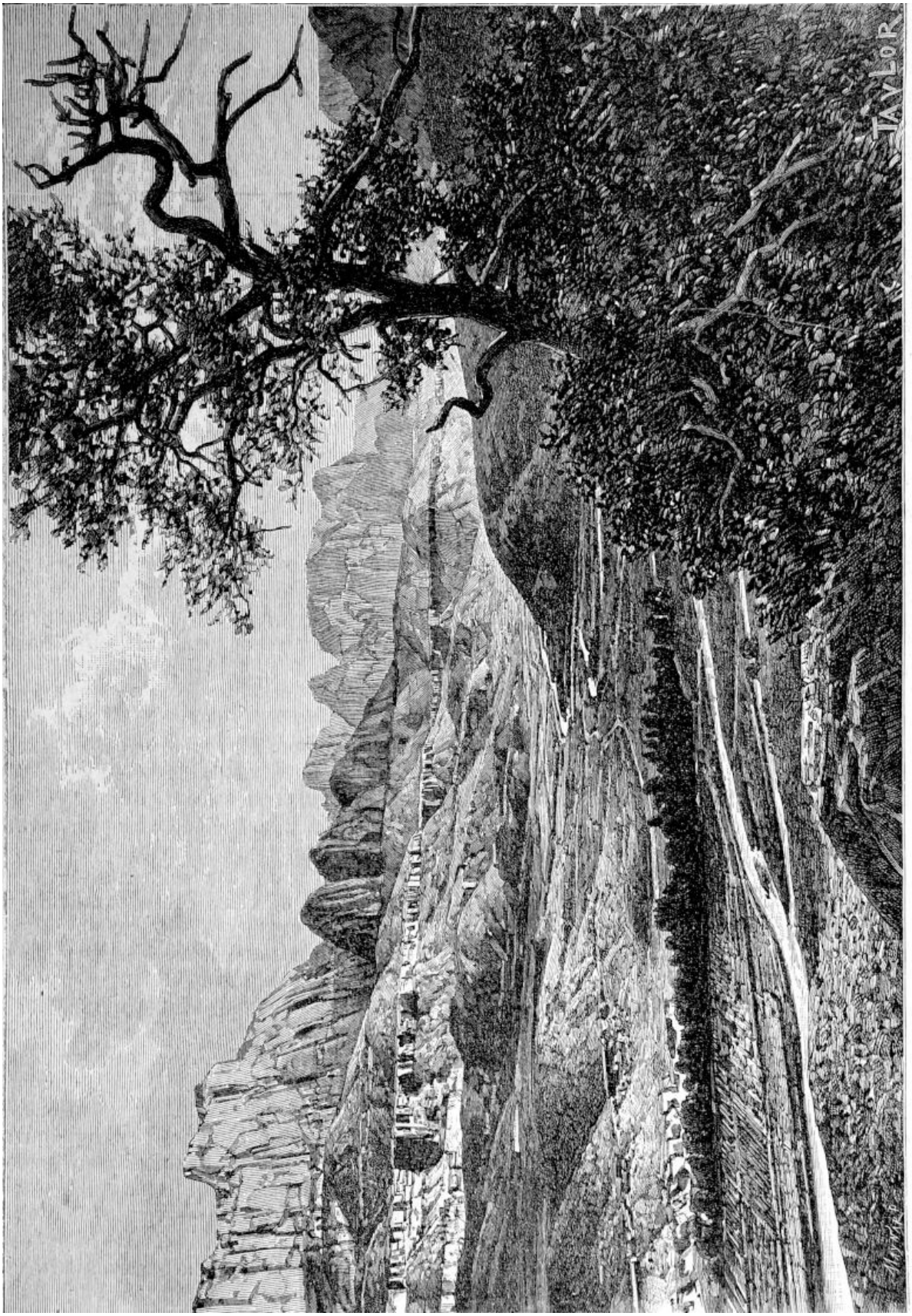
О всей совокупности Соединенных Штатов можно сказать то же, что теперь говорят об Аляске, именно, что присоединение, мирное или насильственное, различных входящих в состав их областей, совершилось гораздо ранее, чем эти страны были исследованы или стали известны в общих чертах их географии. Человек должен был торопиться, чтобы поставить эту часть Северной Америки на одинаковый уровень с Европой в отношении научного изучения почвы и климата: не прошло ещё десяти поколений с того времени, как первые цивилизованные белые поселились на землях, сделавшихся владением северо-американской республики. Известно, что норманские мореплаватели около 1000 года открыли берега Винланда, или «Страны винограда», американской земли, которую первые комментаторы, Рафн, Коль, д'Авезак, отожествляли с Массачузетсом, и которая во всяком случае должна была находиться на юге от реки св. Лаврентия. Вероятно, страна эта после того была посещаема и другими мореходами, но история тех времен слишком перемешана с легендами, чтобы можно было вывести из неё какой-либо достоверный факт: существование в этих областях лесистых и обитаемых земель есть единственный географический факт, поставленный вне сомнения норманскими путешественниками.

Первые исследования, сделанные вдоль морских берегов и в нынешней территории Соединенных Штатов после решительных открытий Колумбов и Каботов, принесли по крайней мере ту огромную пользу, что дали реальную основу смутным понятиям географов; но дошедшие до нас известия об этих исследованиях слишком кратки и упоминаемые в них имена мест слишком мало узнаваемы, чтобы можно было с точностью начертать пройденные исследователями пути. Экспедиции, совершенные в разное время под руководством испанских путешественников Понсе де-Леон, Васкес де-Аильон, Памфило де-Нарваэс на полуострове Флориде, затем под руководством Фернандо де-Сото и Москосо внутри материка до реки Миссисипи, проходили через леса, прерии, болота неизвестными нам дорогами: общее описание страны позволяет только утверждать, что переправа через Миссисипи была совершена близ места, где ныне находится городок Гелена, к северу от слияния Белой реки (Уайт-Ривер) и Арканзаса[1]. По крайней мере западные берега страны, известной теперь под именем Калифорнии, были обследованы, в 1542 г., испанцем Кабрильо до мыса Мендосино, и с этого времени можно было изображать на картах умеренные области Северной Америки с контурами, мало разнившимися от действительности. Что касается главной черты географии внутренних земель, то исследователи Канады обозначили её, поднимаясь вверх по цепи озер, затем следуя по течению Миссисипи до впадения этой реки в Мексиканский залив: в конце семнадцатого столетия были составлены первые карты, представляющие приблизительным образом центральную гидрографическую систему Северной Америки. Детальные карты, гораздо более точные, и съемки, сделанные землемерами, изобразили страны, граничившие с французскими поселениями на реке св. Лаврентия. Карта озера Чамплен, составленная Анжером, в 1748 г., почти не уступает в точности картам тех же размеров, издаваемым американцами в наши дни для того же бассейна.

Заселение атлантических берегов английскими и голландскими колонистами способствовало более точному ознакомлению с контурами побережья и с географическими чертами береговой области до гор Аппалахской системы. В 1642 году, правительство Массачузетса поручило двум «математикам» обмежевать границу отведенной ему территории. Затем военные экспедиции против французов и их союзников-туземцев дали случай ознакомиться с загор-

1 John W. Monette, „History of the Discovery and Settlement of the Valley of the Missisipi".

ными областями до Великих озер, а по окончании войны за независимость быстрое движение колонизации в долине Огайо и по направлению к Миссисипи вызвало обширные кадастровые работы, результаты которых вскоре были резюмированы географическими картами.

Скалистыя горы на Утахской территоріи.

В начале настоящего столетия американцы, сделавшись владельцами громадных территорий Луизианы, распространили свои культуры и свои исследования по другую сторону великой реки. В 1804 г. Льюис и Кларк, осуществляя предприятие, проектированное уже за тридцать

лет перед тем Карвером и Уитвортом[1], поднялись до области истоков реки Миссури, перешли Скалистые горы и, спустившись в бассейн Колумбии, проследовали по этой реке до её устья, открытого уже двенадцатью годами ранее Греем. Перезимовав здесь, они в следующем году вернулись другой дорогой в миссисипские равнины. Путешествие это доказало возможность постройки дороги через пустыни дальнего запада; однако, прошло более полстолетия, прежде чем путешественники получили возможность переходить эти горы и плоскогорья иначе, чем по тропинкам, с трудом прокладываемым в скалах и песках.

Льюис и Кларк имели в деле исследования дальнего запада многочисленных преемников, и около половины текущего столетия орографическая система этих гористых областей стала известна в её главнейших чертах. Фримонт, по имени которого был назван один из самых высоких пиков Скалистых гор, исследовал, между 1842 и 1846 годами, многочисленные проходы в горах, заключающихся между реками Колорадо и Колумбией; Стансбюри рекогносцировал в особенности Утахское нагорье, его озера и пустыни; но методическое изучение началось только после мексиканской войны и уступки Калифорнии Соединенным Штатам: американцы спешили ознакомиться с громадными пространствами которых они сделались счастливыми обладателями. С 1853 года были посылаемы научные экспедиции на поиски лучших мест прохода для трансконтинентальной железной дороги, и рядом с этими изысканиями экономического характера страны производились исследования, относящиеся к геологии и гидрологии, к естественной истории, ископаемым древностям, местным племенам и их переселениям. Громадная работа, изучение всех территорий, лежащих вдоль 40-й параллели и специально от 100-го градуса долготы, продолжается, с большими расходами, различными «научными департаментами» министерств военного и внутренних дел и делегатами Смитсоновского института; министерство иностранных дел (State departament) также имело своих особых агентов. Кроме того, «общее геологическое исследование» Соединенных Штатов началось в 1867 г. изучением новоорганизованного штата Небраски и продолжается до сих пор. Несмотря на различие материальной организации и личного состава экспедиций, несмотря на пререкания о компетенции между министерствами или руководящими учреждениями, труд этот в общем подвигался вперед и породил огромную коллекцию документов, приведенных в систему и составляющих, без сомнения, богатейшую в свете специальную библиотеку этого рода: имена Уипля, Марку, Эмори, Гайдена, Мика, Лиди, Уилера, Джильберта, Кинга, Эммонса, Гэга, Поуэля тесно связаны с этим делом и ему обязаны в большей части своей славой. Генеральная карта (в масштабе 1:253.440) Замиссисипья, в 143 листах, подразделяющихся каждый на четыре части, исполнена более, чем на половину и содержит резюме многих тысяч отдельных исследований, произведенных в разных пунктах страны; кроме того, бесчисленные детальные карты год от году прибавляются к существующим уже обширным коллекциям.

Хотя штаты, лежащие по сю сторону Миссисипи, сделались владением белого человека гораздо ранее того, сравнительно недавнего, времени, с которого началась колонизация дальнего запада, однако, они сильно запоздали в отношении производства картографических работ, подобных тем, какие совершенны для областей, находящихся за этой рекой. Первая попытка, предпринятая с целью определить точным образом направление градуса широты, по поводу возникшего спора о границах, относится к половине восемнадцатого столетия. В договоре, заключенном между Пенсильванией и Мерилендом, было условлено, что раздельная линия, начинаясь в 12 английских милях к северо-западу от Ньюкестля, должна направляться точно к западу на пространстве 5 градусов по долготе. Землемеры, которым была поручена эта операция, не обладали необходимыми для подобных работ знаниями, и после долгих и безуспешных проб ощупью, они должны были отказаться от возложенной на них задачи. Тогда обратились к двум англичанам, Мэзону и Диксону, которые действительно исполнили требуемую работу; но предыдущие измерения уже испортили её в основе, и в ней обнаружились многочисленные ошибки. Граница, определенная этими двумя геодези-

1 Washington Irving, „Astoria, Entreprise beyond the Rocky Mountains“.

стами, получила громкую известность под именем «Mason's and Dixon's line», потому что она указывала впоследствии раздельную черту между «северными» и «южными» штатами, между штатами свободными и рабовладельческими; от этой «линии Мэзона и Диксона» и произошло название «Диксия», часто употребляемое в народной речи для обозначения южных штатов.

Операции того же рода, сделанные для разграничения штатов и графств, в течение восемнадцатого и первой половины девятнадцатого столетий, также дали во многих случаях очень сомнительные результаты, по той причине, что чиновники кадастра не принимали в рассчет сходимость меридианов и по большей части смешивали истинный север с севером компаса[1]. Так, раздельная линия между Виргинией и Северной Каролиной, между Кентукки и Тенесси, продолжающаяся на пространстве 12 градусов по долготе, считается совпадающей с 36°30' широты, тогда как последующими поверками констатировано, что она идет изгибами между 36°31' и 36°36'. Но эти погрешности не имели важных последствий, так как карты в то время служили только для установления политических и административных делений между штатами и графствами и для размежевания имений частных землевладельцев. Большинство тогдашних так называемых «карт» были не что иное, как резюме листов кадастра, и представляли условные деления страны в широких, ярко окрашенных чертах, без показания физических условий местности, рельефа высот и разветвления долин. Нужно, однако, сказать, что магнитная карта Соединенных Штатов была продуктом более серьезных исследований и более полных работ, чем соответственная карта Европы[2].

Насколько велика была бедность по части серьезных картографических работ до междуусобной войны, можно судить по тому, что один только штат, Массачузетс, составляющий 2027-ю часть территории Соединенных Штатов, обладал в то время картой, могущей сравниться с топографическими работами Западной Европы[3]. Но «интересы торговли и обороны» настоятельно требовали, чтобы, по крайней мере, морские берега были определены посредством точных геодезических измерений, и предприятие это, ограничивавшееся в начале изображением деталей наиболее посещаемых портов и прилегающей береговой полосы, постепенно расширило рамки своей задачи настолько, что сделанное им может служить надежным базисом для картографии всей страны. В самом деле, служба «Coast and Geodetic Survey» уже почти окончила подробную съемку побережья на двух океанах и на Мексиканском заливе; кроме того, она составила гидрографию Великих озер, изучила порядок течения рек до начального пункта судоходства и связала частные треугольники морского берега с триангуляцией гор; она даже продолжила цепь треугольников далее, к Скалистым горам, для того, чтобы соединить по 39-й параллели съемки западного берега с работами на атлантическом поморье; кроме того, многие штаты просили этот корпус геодезистов связать их территорию с общей системой триангуляции страны. Теперь дело уже настолько подвинуто вперед относительно главной территориальной массы Соединенных Штатов, что его можно было продолжать исследованием побережья Аляски, а также исследованием Гавайских островов[4], на которые уже смотрят, как на естественное владение северо-американской республики.

Успехи этой обширной работы не позволяли более отступать перед другой громадной задачей—составлением систематической карты Соединенных Штатов в размере, достаточном для изображения деталей топографии: выполнение этой задачи предприняло, с 1884 г., «бюро геологической съемки» (the United States' Geological Survey), продолжая в то же время свою первоначальную задачу, состоящую в «приготовлении геологической карты страны»[5]. Составленные до сих пор сотни отдельных листов дают понятие о колоссальных разме-

1 A. Lindenkohl, „Petermann's Mittheilungen", 1865, Heft VI.
2 E. Behm, „Geographisches Jahrbuch", vol. XIII, 1889.
3 Aug. Petermann, „Behm's Jahrbuch", vol. 1, 1866.
4 „Report of the United States Geological Survey for 1888".
5 I. W. Powell, „Eight Annual Report of the U. S. Geological Survey", 1889.

рах предпринятой работы; она уже окончена в девятнадцати листах для Нью-Джерсея и в четырех листах для «Национального парка» в Иеллостоне; начата же она во всех штатах. Предположено сначала покончить с восточными штатами, как Массачузетс и другие, пространство которых относительно не велико, и где прежния работы облегчили дело. Масштаб генеральной карты Соединенных Штатов различен, смотря по степени населенности различных областей: от 1:62.500 для густо-населенных восточных штатов он поднимается до 1:125.000 для большинства других штатов и до 1:250.000 для гористых стран, почти безлюдных. Число отдельных листов перешло бы за сто тысяч, если бы вся территория государства изображалась так же детально, как Массачузетс и другие при-атлантические штаты.

Изданные доселе геологическим бюро листы очень красивы на вид и представляют рельеф очень отчетливо горизонталями, проведенными через каждые сто английских футов (около 36 метров). Но в сравнении с подобными картами, изданными в Европе, листы эти кажутся крайне бедными по части имен мест. Географическая номенклатура Соединенных Штатов весьма недостаточна, или, вернее сказать, её ещё надо создать. Иначе и не может быть в стране, которая, со времен доисторических, оставалась очень слабо населенной, в которой не могла совершиться передача умственной культуры от первых обитателей к нынешним её жителям. В Италии, во Франции имена, данные местам за тысячи лет пред сим, сохранились за ними, либо в первоначальной форме, смысл которой утратился, либо в новой форме, приспособленной к унаследовавшим их языкам. Правда, многие из этих имен были забыты в течение веков, но их последовательно заменяли названиями, взятыми либо от внешнего вида или характера местности, либо от какого-нибудь исторического события или частного факта, и родившимися самопроизвольно в народной речи. Таким образом, имена греческие, япигские, кельтские, лигурийские, баскские, германские, латинские, арабские, итальянские, провансальские, гасконские и французские соединились в огромную номенклатуру, заключающую в себе сотни тысяч и даже миллионы слов, как в этом можно убедиться, просматривая книги кадастра, или как это явствует из крестьянской речи. Ономастика мест или стран с давней цивилизацией есть как бы сокровищница, наполненная бесчисленным множеством монет, частию стертых до неузнаваемости, частию ещё отчетливо сохранивших изображение и надпись, отчеканенных на языке, слова которого нам хорошо известны.

Совсем иначе обстоит дело в Соединенных Штатах. Несколько индейских имен, по большей части сильно искаженных, были сохранены либо за их звучность, либо, наконец, в некоторых случаях, в виду грандиозности данного местоположения и далеко распространенной известности, которую оно приобрело уже под своим индейским названием. Замечательно, что именно в прибрежных областях атлантического поморья, всего ранее колонизованных белыми и лишившихся своего индейского населения, сохранилось наибольшее число имен, принадлежащих американским идиомам; кроме того, в Новой Англии и в штате Нью-Йорк известны сотни индейских наименований, замененных теперь английскими словами[1]. Это богатство наследия объясняется очень просто: в первые времена колонизации европейцам, относительно малочисленным, приходилось постоянно иметь дело со своими соседями краснокожими: они должны были вести с ними торговлю, брать их проводниками в лесах Запада, подписывать в их вигвамах договоры, раскуривать с ними «трубку мира», в ожидании того дня, когда они, европейцы, будут достаточно сильными, чтобы истребить этих аборигенов, оттеснить их внутрь материка или из переживших сделать покорных слуг. Впродолжении трехсотлетнего соприкосновения, мирного или враждебного, белые успели постепенно ознакомиться с большей частью местной номенклатуры и, привыкнув произносить эти иностранные слова, не имели надобности заменять их банальными названиями, заимствованными из своего собственного языка. В западных областях, напротив, вторжение белых было быстрое или даже внезапное; после коротких стычек, индейцы принуждены были

1 I. Warner Barber, „Historical Collections of every Town in Massachusetts“;—Lewis Morgan, „League of the Ho-de-no-sau-nec or Iroquois“.

бежать или дать запереть себя в тесных пределах мест водворения. Сношения между двумя расами были довольно редки, и индейская география осталась почти совершенно неизвестной завоевателям. Иммигранты знакомились с дальним Западом не через посредство индейцев, а через посредство канадских путешественников, французов и метисов; ещё до прибытия англо-саксонских пионеров за-миссисипские страны, до середины цепи Скалистых гор, были представлены на карте, испещренной французскими терминами, именами племен и гор, рек, скал и равнин. После заселения края американцами английского языка, имена эти сохранились, иногда в измененной или искаженной форме: так, например, река и город Шийен (Cheyenne) напоминают, вероятно, пребывание индийского племени «Собак» («Chiens»).

Но главную массу имен нужно было импровизировать, когда поток колонизации устремился в эти страны. Однако, ум человеческий не способен создать сам из себя новый язык. Американцы, подобно своим предкам всякого происхождения, не могли давать названия новым местам иначе, как по их физическим признакам, или по воспоминаниям о родине, или в честь или прославление каких-либо уважаемых, сильных или богатых личностей, или, наконец, названия, выражающие надежду на какое-нибудь завоевание, нравственное или материальное. Но для того, чтобы наименовать все места столь обширного, почти равного Европе, пространства, потребовались бы необыкновенно живое воображение, громадная память, большая глубина поэтического чувства, и если бы даже пришельцы обладали этими интеллектуальными рессурсами, повторения всё-таки были бы неизбежны. Закругленная на верхушке гора у всех колонистов, в Южной Каролине, как и в Огайо, получила название «Round Top» или «Round Hill» («Круглая вершина» или «Круглый холм»); голой, безлесной вершине обыкновенно давали прозвище «Bald Mountain» («Лысая Гора»), и смотря по растущим на них древесным породам, высоты получали сложное имя, составленное из названий деревьев: Pine, Laurel, Oak, Chestnut, Hickory, в соединении с словами, означающими различные формы рельефа: Mount, Ridge, Hill, Cliff, Ledge, Range и другие. Точно также каждая страна или область должна была иметь свои реки Deep или Flat, Crazy или Lazy, Muddy, Rocky или Sandy («Глубокая» или «Мелкая», «Бешеная» или «Ленивая», «Мутная», «Каменистая» или «Песчаная»). Каждый город Старого Света, исчезнувший или существующий ещё, натурально имеет своего тезку в Новом: Вавилон и Мемфис, Кантон и Дели, Афины и Рим, Париж и Лондон. Патриотическая привязанность побуждает повторять в новом отечестве имена родных городов; однако, редко случалось, чтобы предсказание основателей оправдывалось на деле, и чтобы новые города напоминали какой-нибудь чертой своих судеб судьбы своих патронов: американский Каиро походит на египетский Каир разве только разветвлением своих вод; Париж представлен в заатлантической республике незначительными городскими поселениями; а Лондон имеет в Новом Лондоне весьма скромного соперника. С другой стороны, Бостоны, Йорки, Балтиморы, Орлеаны Соединенных Штатов много превосходят одноименные города Европы. Особенно богата серия патриотических имен, простых или сложных: Вашингтонам, Джефферсонам, Файетам или Лафайетам, Адамсам счету нет. Относительно редки имена—столь обыкновенные в китайской топонимии,—напоминающие добродетели или выражающие пожелание: Harmony, Economy, Good Luck («Согласие», «Бережливость», «Удача»). Заселение земель, распространение земледельческой культуры, фантазия земледельцев ежедневно увеличивают номенклатуру; однако, даже в густо населенных местностях европейский путешественник во время своих экскурсий часто бывает поставлен в затруднительное положение недостатком определенных имен мест. Страна ещё не живет исторической жизнью, и бедность географической номенклатуры вынуждает обозначать обширные пространства простыми указаниями на положение относительно главных стран света. Одно слово «Смит» или «Джонс», дополненное прилагательным и «Северный», «Восточный», «Южный», «Западный», «Центральный», должно служить номенклатурой для больших пространств, усеянных селами, деревнями и поселками; правда, что в просторечии почти всегда прибавляют к этим именам название графства и даже штата; только этим способом и удается различать многочисленные местности, носящие одно и тоже наименование.

Вне главных городов упоминают больше округ, чем место. Что касается правописания, то оно значительно изменилось, как это явствует из сравнения текстов английских и американских (американцы пишут, например, Egg Harbor, а не Egg-harbour, Snow Plow, а не Snow-plough, Boise City вместо Boisee, Laramie вместо Laramee и т.д.). Она ещё не фиксирована оффициально, но обычай—тот же закон, так как весьма важно придать характер единства географическим работам.

Соединенные Штаты составляют столь значительную часть Нового Света, что общее описание этой громадной страны сливается с общим описанием Северной Америки. Так же, как вся совокупность этого материка, территория англо-американской республики отличается замечательной простотой геологического строения: это обширная средняя равнина, ось которой образует большая река Миссисипи, а внешние края занимают две системы гор: Аппалахские—на атлантической стороне, Скалистые, с прилегающими плоскогорьями,—на тихоокеанской; но эти береговые возвышенности ориентированы различно: в то время как Аллеганские цепи протянулись с северо-востока на юго-запад, Скалистые горы в общем расположены по направлению с северо-запада на юго-восток. Названные орографические системы резко разнятся также и своими размерами: громадное нагорье, заключающееся между цепями Скалистых гор и Сиерра-Невадой, гораздо обширнее и гораздо выше параллельных гряд Аппалахской системы; но геологические исследования обнаружили, что эти восточные горы представляют лишь ничтожные остатки того, чем они были прежде. Что касается полуострова Флориды, кораллового происхождении, то он составляет особый мирок, или, вернее сказать, часть антильских архипелагов. Средняя высота Соединенных Штатов, со включением Аляски, исчисляется Тонером в 648 метров[1].

Простоте рельефа и контуров соответствует простота геологического строения: в этом отношении Соединенные Штаты резко отличается от Европы, остов которой, образованный из многочисленных материковых отрывков, представляет весь ряд геологических формаций, и где очень трудно распознать их последовательность; напротив, ярусы северо-американской почвы следуют один за другим в правильном порядке. Восточная треть страны, обнимающая всю область Аппалахских гор и покатость Великих озер и реки св. Лаврентия, состоит из пород первичных и переходных, до каменноугольных формаций: это краеугольный камень континента, на котором появились первые организмы. К западу от этих древних земель и до Скалистых гор преобладают, по протяжению, вторичные формации. Наконец, западная треть поверхности Соединенных Штатов состоит из обширного пьедестала кристаллических пород, выступающих кое-где наружу в виде горных гребней, а в других местах, прикрытых вторичными и третичными пластами, из которых первые являются в виде параллельных цепей, а последние в виде равнин и замкнутых бассейнов. Кроме того, потоки лавы, огромной мощности, занимают наибольшую часть северо-западной территории в бассейне Колумбии и в береговых цепях Орегона и Калифорнии.

Несмотря на геометрическую правильность, приданную линиям границы Соединенных Штатов, от пролива Пэджет до Верхнего озера и от берегов Калифорнии до течения Рио-Гранде, условные пределы не слишком удалены от раздельных поясов, начертанных природой. Так, на северо-западном берегу канал Сан-Хуан-де-Фука и острова залива Пэджет принадлежат именно в последнему фиорду поморья. На севере, океанский берег изрезан каналами, разветвляющимися заливами, и защищен рядами многочисленных островов и островков до полуострова Аляски и до длинной цепи Алеутских островов. На юге, морской берег, если не прямолинейный, то по крайней мере очень мало изломан и почти не имеет значительных иссечений; единственный залив, один из великолепнейших в свете, открывающийся в стене береговых утесов,—это совокупность портов Сан-Франциско; бухта эта представляет собою не фиорд, подобный фиордам Британской Колумбии и Аляски, а простую долину между параллельными горами, сообщающуюся с морем посредством узкой бреши.

1 „Dictionary of Elevations and Climatic Register of the United States“.

На другой оконечности Соединенных Штатов, на побережье Мэна, политическая граница менее совпадает с естественным раздельным поясом. В самом деле, все берега этого штата изрезаны фиордами столь же отчетливо, как берег Лабрадора, и бесчисленные озера «Высоты земель» составляют ещё часть канадской области. Даже на юге бухты, вдающиеся внутрь материка, суть фиорды, постепенно заваливаемые обломками; наконец, озера Джордж и Шамплен и Адирондакские пруды, даже долина реки Гудсон, тоже принадлежат к области фиордов: только к югу от Нью-Йорка морской берег, выравниваемый песчаными косами, начинает входить в состав другой геологической области. После долины и залива св. Лаврентия, явственно рассекающих материковое туловище, наиболее отчетливое естественное деление на атлантическом побережьи Северной Америки представляет Нью-Йоркская бухта. Эта граница фиордов на прибрежьи совпадает с предельной линией морен, выдвинутых северными льдами.

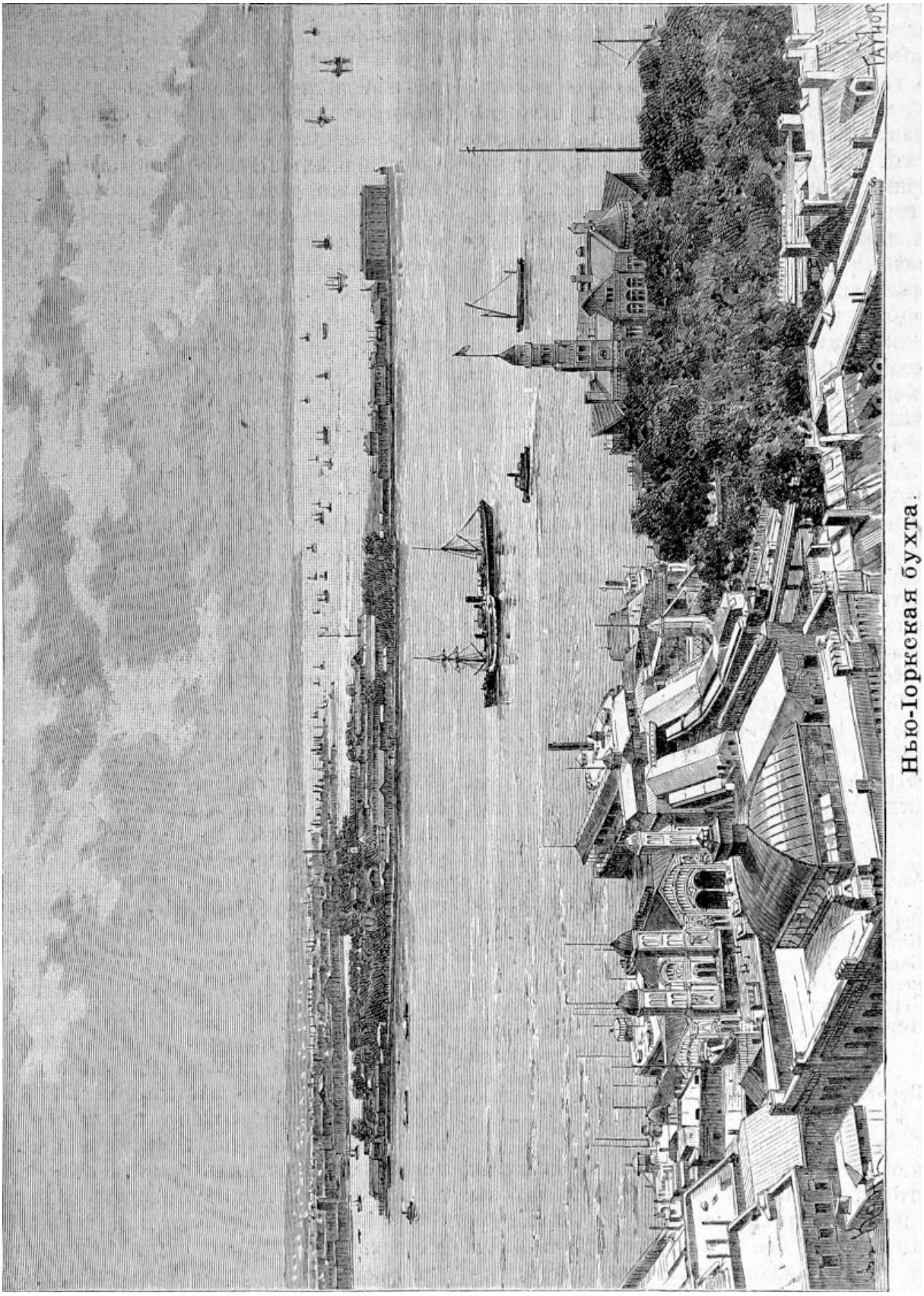
Между двумя углами Соединенных Штатов, северо-восточным и северо-западным, совокупность внутренних морей, питающих реку св. Лаврентия, служит политической и фискальной границей, тогда как, с точки зрения международных сношений и торгового обмена, это средиземное пресноводное море есть, напротив, главный элемент общения между прибрежными населениями. Через окружающий её пояс озер канадская провинция Онтарио составляет фактически, в экономической и социальной жизни, нераздельную часть той же области, к которой принадлежат англо-американские территории бассейна реки Огайо. Таким образом, эта озерная граница, столь отчетливо очерченная на карте конфигурацией берегов, является в действительности более искусственной, чем длинная условная линия 49-го градуса широты между Лесным озером и заливом Пэджет, геометрическая линия, до некоторой степени оправдываемая природой, так как она дает Соединенным Штатам весь бассейн верхнего Миссисипи и почти весь бассейн Миссури. Кроме того, она пересекает Скалистые горы в относительно узкой части этой орографической системы, в части, представляющей понижение рельефа между отдельными массивами. На южной окраине, со стороны Мексики, больше половины границы обозначено течением Рио-Гранде; остальная часть оставляет Соединенным Штатам всё течение реки Хила (Rio Gila) и перерезывает около основания полуостровов Калифорнию.

Пространство Соединенных Штатов (по Ганнету и Карпентеру)—7.835.980 кв. кил.; суши—7.821.580; вод, без Великих озер—21.580; Соединенных Штатов, с Аляской—9.331.360.

Наибольшая длина территории с востока на запад— 4.625 кил.; с севера на юг—1.285 кил.

Каждому из трех главных делений северо-американской территории—Аппалахская горная цепь, бассейн Миссисипи, Скалистые горы и нагорья—соответствуют различные моря. Атлантический океан отложил земли, простирающиеся у подошвы Аллеганских гор и их отрогов; Мексиканский залив составляет южную границу земель миссисипского ската, а озера Канадского Средиземного моря, другого океанского залива, хотя соединенного с морем простой рекой, а не проливом, ограничивают ту же покатость на севере и отделяют её от областей, обращенных к Ледовитому океану; наконец, на западе воды Тихого океана омывают основание предгорий системы Скалистых гор. Достаточно взглянуть на очертание берегов, чтобы понять различие их происхождения. Северо-восточные берега, которые ещё недавно были покрыты льдами, сохраняют, с небольшим изменением, тот вид, какой они имели под кристаллической массой. На юге всё побережье морского образования, до полуострова Флориды, представляет ряд песчаных кос, которые море протянуло впереди первоначального побережья, постепенно возвышая подходы берега. Начиная от конечного бастиона, образуемого полуостровом Флоридой, южные берега Соединенных Штатов, омываемые Мексиканским заливом, имеют вид, напоминающий атлантические пляжи. Напротив, побережье, окаймляемое Великим океаном, каменисто почти на всём его протяжении, или по крайней мере песчаные берега, образованные прибоем волн, развертывают свои кривые между высокими ка-

менными мысами. Это различие в очертаниях берегов и в материалах, из которых они составлены, указывает на различие их геологической истории и находится в связи с вековыми явлениями колебаний уровня материковых масс. На основании наблюдений, сделанных в

Нью-Йоркская бухта.

некоторых пунктах поморья, можно заключить, что берег Атлантики постепенно захватывается водами; напротив, берега Мексиканского залива, от Флориды до Техаса[1], также, как бе-

1 A. Donai, „Petermann's Mittheilungen“, 1864, Heft IV.

рега Тихого океана, повидимому, находятся, относительно моря, в периоде поднятия: только повышением почвы и можно объяснить, например, положение внутри твердой земли, в 80 километрах к северу от Мобиля, груды морских раковин, которые, очевидно, должны были находиться на самом берегу моря. Геологическая работа, сообщившая всей континентальной массе её форму и контуры, медленно, но неустанно, продолжается и поныне.

В первые времена колонизации характер берега, скалистый или песчаный, имел капитальную важность в истории торговля и заселения. И теперь ещё, хотя человеку удалось уже во многих местах создать безопасные от Массачузетса и остроконечного мыса Код, гавани на негостеприимных берегах, различные части побережья Северной Америки существенно разнятся по своей экономической ценности. Крутые берега, изрезанные бухтами и бухточками, представляют по большей части глубокия и защищенные воды, тогда как низменные пляжи, продолжающиеся в море длинными мелями, очень опасны для судоходства, особенно в соседстве песчаных мысов, где линия побережья вдруг меняет направление. Моряки должны были делать выбор между иссечениями берега, выбор, который при том подчинен тысяче географических условий соседней внутренней местности, каковы рельеф и степень плодородия земли, направление естественных путей, ориентировка рек и горных цепей. Вообще, «развитие морских берегов», на которое Карл Риттер так любил указывать в описании различных стран, как на один из главных элементов сравнительной оценки, но которое невозможно измерить точно на картах, много разнится в отношении экономической важности, смотря по свойству самых берегов, и в общей экономии данной страны несколько километров побережья, изрезанного гаванями, имеет гораздо более высокую цену, чем нескончаемые пляжи, открытые ветрам и волнам. Очень трудно, однако, указать цифрами относительное протяжение полезных или бесполезных берегов известной страны в её сношениях с другими странами, так как прогресс промышленности и различные перемены в равновесии населений беспрестанно изменяют отношения человека с землей, на которой он живет, и дают иное направление судоходным путям уничтожением баров и созданием искусственных портов. Можно сказать только, что в целом атлантическое побережье Соединенных Штатов, по крайней мере к югу от бухты Чезапик, есть одно из наиболее обделенных природой в отношении богатства расчленений и числа удобных гаваней. Самая легко доступная часть береговой окружности та, где находятся гавани, наиболее широко открытые к Старому Свету, есть вместе с тем та область англо-саксонской республики, где население и торговля возрастали всего быстрее.

Побережье Соединенных Штатов, измеренное по прямой линии от одной до другой оконечности, и по контуру берегов, вместе с островами и судоходными реками, по карте в масштабе одной миллионной следующее:

	№1. килом.	№2. килом.
Атлантический берег, от устья р. св. Креста до Кей-Уэстт	2.500	31.930
Берег Мексиканского залива, от Кей-Уэст до устья Рио-Гранде	1.660	15.335
Берег Великих озер, от Тысячеостровья до Дулута	1.500	5.360
Берег Тихого океана, от мыса Флаттери до мексиканской границы	1.475	5.945
Всего	7.135	58.570
Берег скалистый	25.010 килом.	
„ песчаный	33.560 „	

В своей совокупности северо-американская территория по климату соответствует Европе, хотя по своей средней широте она находится гораздо южнее: она лежит между 49-м и 25-м градусами, тогда как европейский материк имеет пределами 71-ю и 36-ю параллели, так что в то время, как средняя широта Соединенных Штатов следует по 37-му градусу, проходя через Виргинию, Кентукки, Миссури, срединная ось Европы на 1.800 километров более приближена к полюсу; она направляется из южной Англии в центральные степи России через Голландию и Северную Германию. Разница кажется громадной, но если взять,—что будет вполне верно с экономической точки зрения,—два порта, Ливерпуль и Нью-Йорк, как соответствующие города этих двух частей света, один—соединяющий в пучек главные европей-

ские линии эмиграционного движения, другой—составляющий узловую станцию для путей заселения, расходящихся радиусами внутрь Соединенных Штатов, то разность широты между этими двумя большими портами оказывается только 12°42'; что касается их средней температуры, то она представляет лишь весьма незначительную разность в пользу города, лежащего ближе к жаркому поясу.

Годовой порядок изменений температуры в Ливерпуле и Нью-Йорке:

	Ливерпуль (53°24' с. ш.)	Нью-Йорк (40°42' с. ш.)	Разность: 12°42'
Изотермы	10°,3	11°	0°,7
Температура июля	16°,9	23°,9	7°
января	4°,8	—1°	5°,8

Если летния жары сильнее в Нью-Йорке, чем в британском городе, то с другой стороны зимние холода там суровее; влияние атмосферных и морских течений океана, направляющихся регулярно с юго-запада на северо-восток, повышает и уравнивает температуру западных берегов Европы. Движение вод и ветров наискось через северную Атлантику, вообще говоря, есть не что иное, как перенесение климата Америки в более высокие широты нашей части света; отсюда чрезвычайно важное значение предсказания бурь и циклонов, возвещаемого метеорологами Нового Света за один или два дня вперед своим коллегам Старого Света. Таким образом переход из Европы в Америку облегчается климатом, несмотря на разницу широт. Конечно, перемещение с одного берега океана на другой всегда сопряжено с некоторой опасностью для здоровья, но здесь эта опасность меньше, чем при всяком другом переселении на большое расстояние от родного места: климат Соединенных Штатов, имеющий более континентальный характер, суше и непостояннее; тем не менее, англичанин может считать себя дома в Новой Англии; француз находил в Огайо реку своего отечества, а земли Новой Мексики и Калифорнии были для испанца второй Кастилией и второй Андалузией. По Ганнету[1], центральной точкой колебания для температуры Соединенных Штатов следует принять 11°,6, что соответствует средней температуре области нижней Луары, между городами Тур и Сен-Назер. Население сгруппировалось в наибольшем числе именно в том поясе Соединенных Штатов, который всего более соответствует, по климатическим условиям, Западной Европе, т.е. между изотермами 10 и 13 градусов и между изогиетами (линиями равного годового количества выпадающих дождей) 76 и 125 сантиметров.

Внутри материка нет естественных препятствий, прерывающих географическое единство страны в направлении с севера на юг. Аппалахские и Скалистые горы, ориентированные в том же направлении, как и ближайшее побережье, не могли затруднять, ни замедлять заселение по направлению меридиана между областью Великих озер и Мексиканским заливом. В бассейне же Миссисипи, эмигрантам нужно было только следовать вдоль течения, чтобы селиться во всей стране, от истоков до устья великой реки. Эта общая форма рельефа придала территории замечательное географическое единство: переходы климата, флоры и фауны совершаются нечувствительно от широты до широты. Самые большие контрасты направляются в направлении с востока на запад. Английские колонии полтора века оставались сосредоточенными на узкой покатости Атлантического океана, и переход через Аппалахские горы и через леса, покрывавшие их длинные западные скаты, был делом крайне трудным. Точно также путешественникам лишь с большим трудом удавалось переходить Скалистые горы. С востока на запад климатические поясы указываются видом почвы и характером растительности: за болотами атлантического прибрежья следуют горы и их большие леса; затем идут прерии, усеянные отдельными группами деревьев, далее следуют травяные моря, степи и, наконец, бесплодные пространства, даже настоящие пустыни. Таким образом территория всего более имеет характер единства в направлении с севера на юг, а наибольшее разнообразие представляет в направлении с востока на запад. В этом последнем направлении страна могла сделаться единой только благодаря бродячим населениям. Перекочевки индейцев происходили некогда через весь континент, от берегов залива Пэджет до берегов Атлантическо-

1 „Census Bulletins“, № 33.

го океана, как ныне совершаются переезды англо-американцев на пароходах и по железным дорогам.

Поэтому Соединенные Штаты необходимо рассматривать как одно целое в общем очерке их истории, от индейского периода до появления современного населения, состоящего из эмигрантов белой и черной расы; но с специальных точек зрения рельефа почвы, проточных вод, геологии, климата и естественной истории, кажется, всего удобнее описывать занимаемую ими территорию по трем главным нормальным делениям её, каковыми являются Аппалахские горы, бассейн Миссисипи и Скалистые горы. Однако, условные пределы, данные этим трем областям границами штатов, не совпадают с раздельными чертами, указываемыми природой: это по большей части линии, проведенные в силу постановления конгресса, по градусам широты и долготы, даже ранее предварительного исследования страны.

Главные геологические области Соединенных Штатов:

	Пространство по скатам, кв. килом.	Пространство по штатам, кв. килом.	Население в 1890 г. (с индейцами), жит.	Километр. плотность населения, жит.
Аппалахские горы	900.000	1.104.385	25.520.000	23
Миссисипи, озера и Мексик. залив	4.785.980	3.523.381	301.120.000	9,7
Скалистые горы	2.150.000	3.208.214	3.080.000	0,9
Аляска	1.495.380	1.495.380	30.000	0,02
Всего		9.331.360 кв. кил.	62.750.000	6,7

По исчислению в середине 1898 г., общее население 45 штатов и 5 территорий Североамериканского Союза: 74.389.000 душ.

Глава II Первобытные обитатели страны

Человек несомненно живет очень давно на нынешней территории Соединенных Штатов. Палеонтологические находки, сделанные учеными исследователями, доказывают, что он был современником доисторических толстокожих и лошадей. В штате Миссури, скелет мастодонта, открытый Кохом на дне болота, был окружен кремневыми стрелами и другими каменными метательными снарядами, которые, очевидно, были пущены в него, а большие кучи золы, наваленные возле скелета, заставляют предположить, что костры, зажженные на болоте, где пал этот громадный зверь, были крайним средством доканать его[1]. В Калифорнии также нашли несколько сделанных рукой человека предметов, перемешанных с костями больших толстокожих животных. Крупные пески, где золотоискатели ищут блёстки драгоценного металла, принадлежат четверичным векам, и можно сказать с уверенностью, что калифорнский человек уже жил в ту эпоху, так как эти формации содержат во многих местах каменные орудия; там собрали даже несколько кусков человеческих костей. Заступ натыкался на кремневые топоры, лежавшие на слое ила, в нескольких десятках метров под поверхностью первоначальной почвы; каменные орудия находили даже в застывших потоках базальта. Несколько времени тому назад даже распространился слух, будто открыт человеческий череп на западном скате Сиерра-Невады, в графстве Калаверас, в третичной формации, под несколькими слоями лавы[2]; однако, ни один наблюдатель не видел этого черепа в скале: рудокоп, показывавший его, говорит, что нашел его в одном руднике Лысой горы (Bald Mountain), близ города Альтавиль, на глубине 40 метров, но шахта эта с того времени всегда была наполнена водой. По мнению Джеффриса Уаймэна, череп этот приближается к эскимосскому типу: он, повидимому, принадлежит не очень давней эпохе, и покрывающая его

1 Dana, „American Journal of Science and Arts“, May 1875;—De Nadaillac, „L'Amerique prehistorique“;—Emil Schmidt, „ Spuren des Menschen in Nord-Amerika“.

2 Whitney, „The Tertiary Auriferous Grounds“.

твердая кора содержит пресноводную раковину, очень обыкновенную в реках той местности[1]. Как бы то ни было, глубокая древность человека доказана несомненно, так как он был современником больших животных, живших до последнего ледяного периода. Терпеливые изыскания, сделанные Абботом в глетчерных отложениях Трентона, между Нью-Йорком и Филадельфией, установили тот факт, что аборигены жили на берегах Делавара до последнего вторжения северных льдов. В этом месте три цивилизации, обнаруживаемые каменными орудиями, следовали одна за другой, как наслоения речного аллювия. Древнейшие палеолитовые предметы, приписываемые населениям, которые вели такой же образ жизни и, вероятно, принадлежали к той же расе, как современные эскимосы, находятся в слоях песка и гравия; предметы эти совершенно отличаются по форме от орудий сравнительно нового происхождения и отделены от них слоем глетчерных обломков, с исчерченными и отшлифованными боками камней: даже на одном из каменных орудий оказались черты, проведенные льдами[2].

Древность рыболовных народов так же бесспорно доказана, как и древность охотничьих племен. Кухонные остатки, находимые во многих местностях приморья, как на Атлантическом, так и на Тихом океане, и, на берегах рек с приливом, состоят почти исключительно из раковин,—откуда их английское название *shell-mounds*,—и, следовательно, происхождение их должно быть приписано населениям, существовавшим рыбной ловлей. Очень продолжительно было пребывание этих народцев в тех местах, судя по громадным размерам раковинных куч, представляющих настоящие горы длиной в несколько сот или даже тысяч метров: в окрестностях Балтимора, материал, из которого состоят эти горки, давно уже употребляют для плавления железной руды и для починки дорог, при чём запасы его ещё далеко не истощились; во Флориде раковинные кучи—самые высокие холмы побережья: они достигают 10 и даже 12 метров высоты. Происхождение этих слоев относится к очень давним временам, так как там нигде не открыли орудий из железа, ни из какого-либо другого металла: из предметов, сделанных рукою человека, там находили только грубую глиняную посуду и орудия из кремня, из рога и особенно из кости. С другой стороны, эти остатки доисторических пиров не восходят к потретичным векам, так как собранные там кости животных принадлежат современным видам, или видам, существовавшим ещё в эпоху открытия Америки: таков, например, *alca impennis*. Найдены также остатки домашней собаки.

Если кухонные отбросы свидетельствуют о пребывании человека в Америке в очень отдаленные века, то курганы и могилы, встречающиеся почти во всех областях нынешних Соединенных Штатов, указывают на период цивилизации, уже довольно высокой. Хотя пахари уже сравняли с землей тысячи этих искусственных насыпей, но другие тысячи их остались ещё нетронутыми. Особенно богаты такими горками долина Огайо и бассейн нижнего Миссури: в одном только штате Огайо насчитывают около десяти тысяч холмов, воздвигнутых «курганостроителями», *moundbuilders*[3]; река Язу обязана своим индейским именем, означающим «Старые развалины», бесчисленным насыпям, рассеянным по её берегам; точно также Сент-Луи называется Маунд-Сити по причине искусственных бугров, которыми некогда была покрыта местность, занимаемая этим городом. Холмы этого рода распространены на север до канадской области Красной реки, впадающей в озеро Виннипег, на юг—до берегов луизианских байю (боковых рукавов Миссисипи); они встречаются также на западе, по ту сторону Скалистых гор, на востоке,—на атлантическом побережьи, во Флориде и даже на её прибрежных островах. Высота этих насыпных холмов, почти исключительно прямоугольных, различна, от 2 до 30 метров, и большинство их расположены на берегу рек и речек. Но, кроме простых горок, пирамидальных, конусообразных, продолговатых или осьмиугольных, кроме квадратных террас в болотистых местностях, террас, где помещались отдельные жилища или даже целые селения, существуют ещё, и при том в значительном числе, *mounds*,

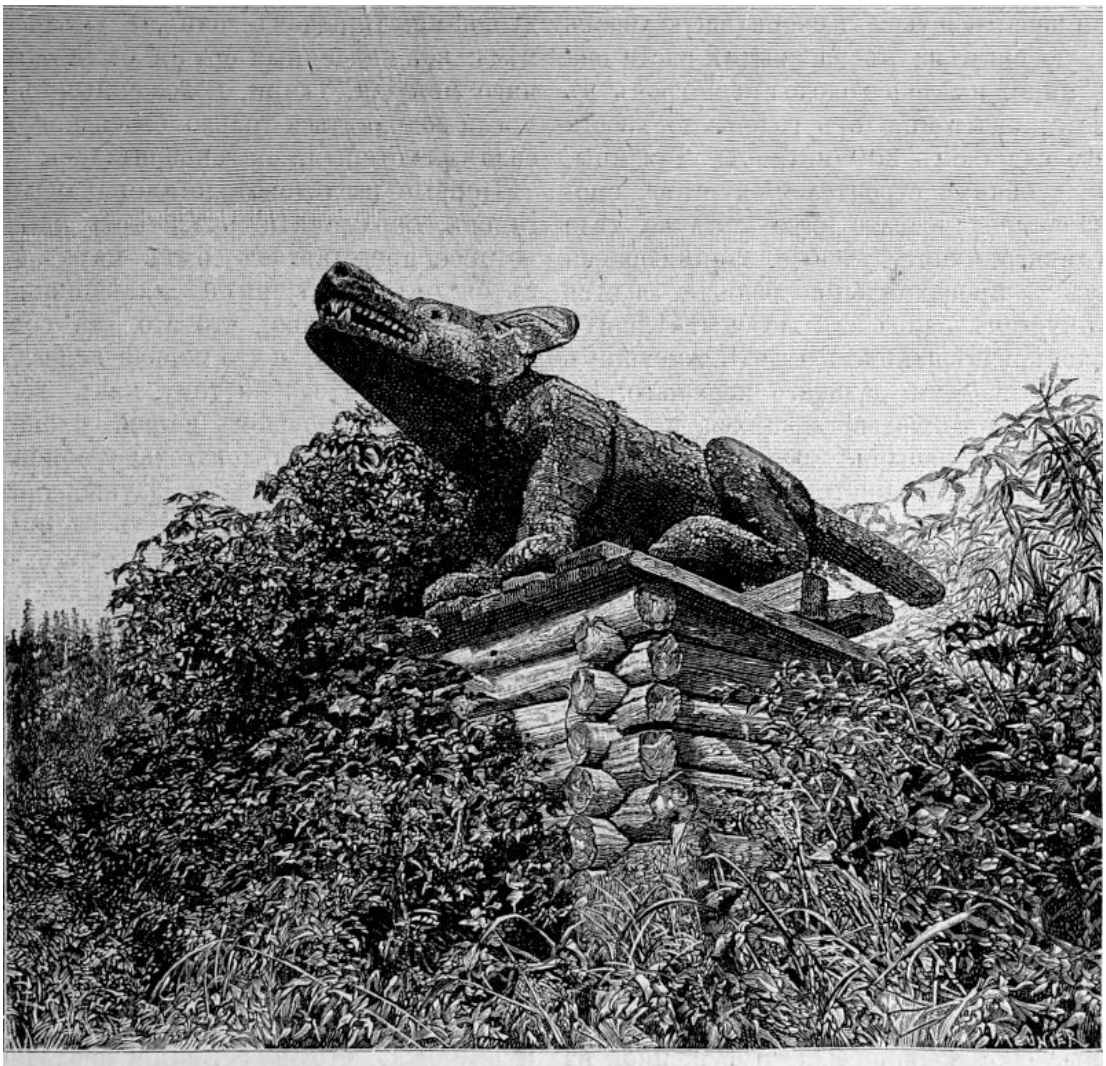
1 Jules Markou, „Bulletin de la Societe Geologique de France“, seance du 16 avril 1883.

2 Abbot, „Primitive Industry“; Peabody Museum, 1876 and 1878;—De Nadaillac выше цитиров. сочинение.

3 O. C. Marsh, „Ancient Sepulchral Mound near Newark, Ohio“.

форма которых гораздо сложнее, и которые покрывают обширное пространство почвы.

Некоторые из насыпей последнего рода были, очевидно, крепости, с защитными оградами, извилистыми дорогами, траншеями, проходами, крытыми и подземными, продолжающимися даже под ложем рек; иные из этих укрепленных лагерей охватывают огромное пространство, до 10 квад. километров[1]. Форт-Эншент («Древний форт») близ Мургэда, в штате Огайо, был некогда укрепленной деревней, которая могла дать убежище 35.000 человек. Раскопки археологов обнаружили также, что между холмами, воздвигнутыми индейцами той эпохи, многие представляют собою могильные курганы, подобные курганам древних обитателей Галлии, Фракии, Скифии. Наконец, символизм, патриотический и религиозный, несомненно определил форму многочисленных земляных насыпей, профиль которых изоб-

Памятникъ на могилѣ индѣйскаго вождя.

ражает *отемов*[2], т.е. животных-покровителей, медведя, лося или барса, черепаху или ящерицу, ежа или лягушку: такия насыпи встречаются во всех штатах Запада, и преимущественно в Висконсине. Один из этих курганов изображает человека, другие напоминают форму мастодонта; один из них показывает целую процессию чудовищ, следующих одно за другим длинной вереницей. В штате Огайо, на берегах ручья Бруш-Крик, один курган,—по оригинальности формы единственный в Новом Свете и не имеющий себе подобного в Старом,—представляет змею, грациозно извивающуюся и свернувшую хвост в тройную спираль; в раскрытой пасти она держит яйцо, имеющее около ста метров в окружности; расстояние от головы до хвоста животного слишком 300 метров. Туземцы, забывшие древних строителей кургана, смотрели на символического змея как на дело рук великого маниту; ученые, зани-

1 Ch. Whittlesey, „Ancient Monuments of the Mississip Valley“.

2 А не тотемов: см. Cuoq, „Etudes philulogiques sur quelques langues sauvages de l’ Amerique“.

мающиеся вопросом о происхождении религий, видят в этом кургане один из любопытнейших памятников, завещанных ныне живущим поколениям людьми далекого прошлого. В местностях, часто подвергающихся наводнениям, земляные насыпи, очень высокие, но менее оригинальной конструкции, были, вероятно, просто местами убежища во время разлива вод; теперь они покрыты купами больших деревьев. Плывя по Миссисипи, путешественник примечает издалека эти горки, выступающие в виде конуса зелени над однообразной линией прибрежных лесов.

Главные предметы человеческого искусства, содержащиеся в курганах Соединенных Штатов,—каменные орудия, кости, обструганные или пробуравленные, детские свистульки, куклы, украшения воинов, раковины с резьбой, глиняные сосуды, покрытые краской, которая быстро тускнеет на воздухе. Как и самые холмы, эти сосуды представляют разных животных; некоторые изображают фигуры человека. Трубки встречаются во всех горках, одне из глины, обожженной или высушенной на солнце, другие из твердого камня, даже из порфира, и представляют чрезвычайное разнообразие формы и отделки, свидетельствующее о богатстве художественной фантазии древних курганостроителей. Эти последние, как и аборигены, питавшиеся моллюсками, не знали железа, но у них был другой металл—самородная медь, залежи которой находятся, между прочим, на берегах Верхнего озера, на полуострове Кевенав и на Королевском острове (Isle-Royale). В некоторых местах открыли древние рудники, с галлереями, наполовину прикрытыми слоем земли, на которой выросли целые леса: топоры и ножи, отделенные от глыб металла, лежат ещё в этих доисторических копях. Археологи вполне разгадали, какие средства употреблялись первобытными рудокопами Иль-Ройяля для отделения кусков меди от её самородной залежи[1]. Очистив скалу от всех покрывавших её обломков, они зажигали на ней небольшой костер, затем быстро охлаждали верхний накалившийся слой металла, поливая его холодной водой. Камень делался от этого более ломким, и они могли откалывать от него большие куски, ударяя по нему дубинами. Впрочем, они не умели плавить медь: все найденные орудия были из кованного металла. Ткани, положенные в могилы, могли сохраниться только благодаря медным солям, которыми они пропитались.

Первые исследователи американских курганов, пораженные различием цивилизации, которое представлял быт маундбильдеров с бытом нынешних индейцев, пришли к тому заключению, что это две совершенно различные расы, и что первая исчезла путем истребления. Подобно тому, как геологи воображали в прошлом нашей планеты ряд катаклизмов, последовательно обновлявших горные породы, флоры и фауны, так точно этнологи склонны были видеть в истории человечества лишь ряд переворотов, внезапно прерывавших преемственную связь рас. Напротив, большинство новейших ученых готовы признать у американских аборигенов непрерывность этнических элементов и не допускают, чтобы курганостроители стояли выше индейцев, современников Жака Картье, по искусствам и цивилизации[2]. Уже Нотт и Глиддон, ученые авторы книги *Types of Mankind* («Типы человеческого рода»), смотрели на маундбильдеров как на предков краснокожих, ныне живущих в Северной Америке. Однако, период времени, в течение которого сохранялась цивилизация века курганов, быть-может, был очень продолжителен, и возможно, что многие нации последовательно принимали участие в сооружении этих земляных насыпей[3]. Многие из раскапываемых археологами искусственных холмов должны быть очень древнего происхождения, так как найденные в этих могильниках человеческие кости оказались почти совершенно истлевшими; по крайней мере остатки животных, даже под курганами самой глубокой древности, все принадлежат видам, ныне живущим в стране или в соседних странах, из чего нужно заключить, что климат в ту эпоху был такой же, как и в наши дни[4].

1 Gh. Whittlesey, „Smithsonian Contributions to Knowledge“, vol. XIII, 1863.
2 Holmes;— Powel; —Carr;—Thomas;—Brinton, etc.
3 Friedrich von Hellwald, „Metallurgie des Menschen“.
4 O. C. Marsh, цитиров статья.

Наконец, разве не виден постепенный переход в способе архитектуры между искусственными холмами долины Огайо, четырехгранными уступчатыми пирамидами, и настоящими пирамидами из высушенного на солнце кирпича, которые мы встречаем в Новой Мексике и в Аризоне, и совершенный тип которых представляют храмы ацтеков и майя, в Анагуаке и Юкатане?[1] Горки в штатах Иллинойс и Миссури опираются о стены, подобные стенам зданий Анагуака; некоторые раковины с резьбой имеют чисто ацтекский характер по стилю рисунка[2]. При том, даже в бассейне верхнего Миссисипи, как удостоверяют исторические свидетельства, сооружение искусственных холмов продолжалось ещё некоторое время после прибытия европейцев в край. Крики были курганостроители, также, как семинолы Флориды, черокезы Георгии, начезы области Миссисипи; озерные ирокезы, аппалахи, жившие в странах, покрытых густыми лесами, не воздвигали курганов, но строили очень крепкие палисады или заборы из кольев и ветвей, связанных веревками из древесной коры. В некоторых курганах штата Огайо нашли остатки европейской промышленности; один холм черокезов, в верхнем бассейне Алабамы, содержит медные вещи испанской работы[3], из чего следует, что эти горки были построены или переделаны в шестнадцатом столетии. Что удивительного, что с той эпохи произошел упадок? Теснимые друг на друга, туземные племена должны были оставить мирные искусства и глубже погрузиться в варварство войн и резни.

В те времена, когда рыбачьи населения обитали по берегам Атлантического океана, когда земледельческие племена занимали некоторые внутренния части страны, в плодородных бассейнах Огайо, Миссури и нижнего Миссисипи,—индейцы Северной Америки были, вероятно, более многочисленны, чем сколько их нашли европейцы, четыреста лет тому назад. По Банкрофту, часть Северной Америки, заключающаяся между Великими озерами, рекой св. Лаврентия, Атлантическим океаном, Мексиканским заливом и Скалистыми горами, содержала не более трехсот тысяч индейцев. Это очень немного для такой обширной территории; но рассуждение и известные исторические факты оправдывают это исчисление. В эпоху открытия Нового Света, самые цивилизованные из пред-миссисипских краснокожих, по крайней мере те, которые жили к северу от реки Огайо, знали лишь рудиментарное земледелие. Иллинойсы «сеяли индийский хлеб, по большей части трижды в год, и все возделывали арбузы, чтобы прохлаждаться во время жаров»[4]. Ирокезы, гуроны, альгонкины поморья и другие полу-оседлые народы также имели маленькия пашни вокруг своих хижин. У земледельческих наций юга, каковы аппалахи, черокезы и начезы, жившие в верхних долинах южных Аппалахских гор и в долине Миссисипи, именно в части её, соседней с Мексиканским заливом, было даже плодовое дерево, *prunus Chickasaw*, которое не встречается более в диком состоянии, и которое можно видеть только в старых лесных прогалинах, покинутых индейцами[5]. Чоктавы, «нация крестьян», помогали даже своим женщинам в полевых работах. Если эти земледельческие народцы могли спокойно пользоваться своими нивами, они, без сомнения, не встретили бы недостатка в удобных землях, и равнины могли бы заселиться миллионами и миллионами людей; но эти племена, привязанные к земле, были по этому самому более покорны; крепкая власть вождей и жрецов держала их в большой тесноте, под предлогом «защиты» их от нападений звероловов, и в эпоху прибытия европейцев народцы эти по большей части находились уже в состоянии упадка. Обширные территории представляли из себя безлюдные пустыни. Часто путешественники проходили огромные пространства лесов, не встречая ни малейшего следа человеческих жилищ. Что касается пастушеского фазиса, который, по мнению историков Старого Света, незнакомых с американскими условиями, был необходимым социологическим состоянием между бытом охотничьих и бытом земледельческих народцев, то эта переходная стадия цивилизации вовсе не су-

1 De Nadaillac, „Societe d'Anthropologie", seance du 17 fevrier 1887.
2 Holmes, „Art in Shell", Transactions of the Anthropological Society of Washington, vol. II.
3 Cyrus Thomas, „Smithsonian Institution, Bureau of Ethnology".
4 Joliet, цитируемый в статье G. Gravier, „Revue de Geographie", fevrier, 1880.
5 Daniel G. Brinton, „Notes on the Floridian Peninsula".

ществовала в Северной Америке. Индейцы не одомашнили ни бизона прерий, ни дикой козы Скалистых гор.

Для бродячих племен большинства краснокожих бесконечные леса, саванны, болотистые равнины были не более, как местом охоты или войны, и большие, совершенно необитаемые, пространства разделяли территории с изменчивыми границами, служившие кочевьями различным враждебным друг другу народцам. По Леббоку, нормальным количеством дичины, с которого народ-зверолов ежегодно собирает дань для своего пропитания, должно считать не менее 70 животных на человека, обновляющихся из году в год, путем естественного прироста[1]. Таким образом, племена должны были постоянно воевать между собой и истреблять друг друга для того, чтобы сберегать запас дичи; жизнь лесного зверя была дороже жизни чужого человека. Никогда, даже в лучшее время своей славы, нации ирокезов, черокезов, криков, чоктавов или оджибуэ не имели, каждая, более четырех или пяти тысяч воинов; самые могущественные индейские союзы племен не превосходили численностию шотландские кланы. По свидетельству первых колонистов, совокупность аборигенов Новой Англии составляла никак не более 20.000 душ. Прибавляя к индейскому населению атлантического поморья и бассейна Миссисипи и краснокожих, относительно более многочисленных, которые до последнего времени мирно жили в некоторых долинах Скалистых гор и на покатости Тихого океана, приходим к заключению, что общее число туземцев, рассеянных по нынешней территории Соединенных Штатов, не превышало полмиллиона в эпоху прибытия европейцев на северный континент Америки. Подробная таблица, составленная Герландом[2], на основании показаний путешественников и миссионеров, дает для начала семнадцатого столетия цифру 570.000 человек, как, вероятно, близкую к истине.

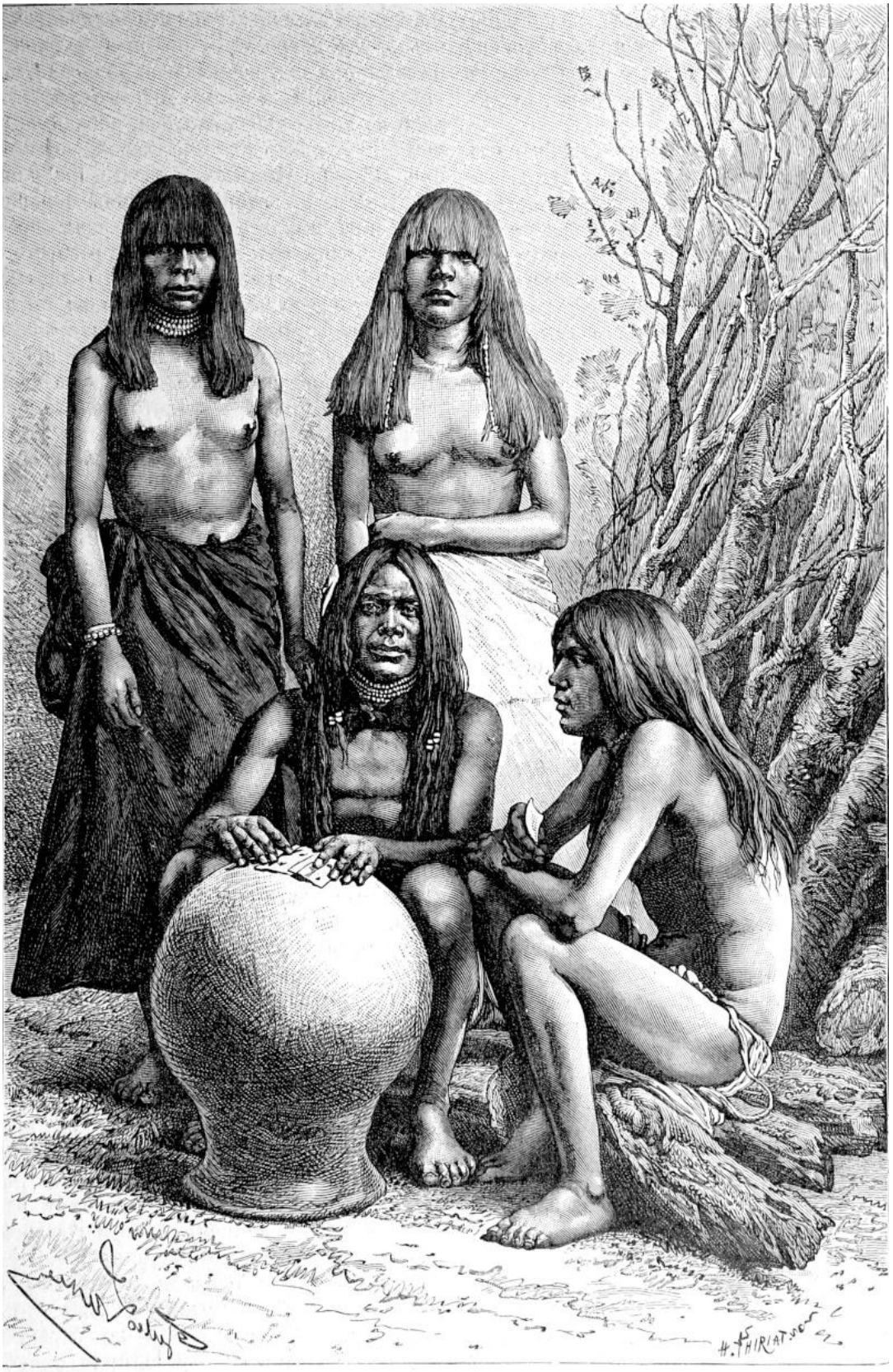
Индейцы различных северо-американских племен имеют очень много сходства между собой, и по этому поводу часто цитировались слова д'Уллоа, сказавшего, в прошлом столетии, что «кто видел одного индейца, тот видел их всех». Это, конечно, большое преувеличение, и сами индейцы хорошо знают все контрасты наружности, отличающие людей различных народностей. Тем не менее, верно, что общий тип индейца представляет большое однообразие от одного конца Союза до другого, и во многих случаях только по наречию можно определить, если не расу, то по крайней мере этническую группу, к которой принадлежит данный индивидуум.

Цвет кожи, от которого туземцы Северной Америки получили название «краснокожих», в начале бывает желтым у детей и переходит в медно-красный лишь мало-по-малу: из этого следует,—говорит Мануврье,—что красные расы не отличаются существенно от желтых, по крайней мере, что касается цвета кожи, и с этой точки зрения их можно бы было рассматривать, как видоизмененные азиатские расы. Кроме того, у индейских детей замечается та «скошенность глаз», которую считают характеристическим признаком монгольского типа, и этот факт, повидимому, дает ещё один аргумент в пользу гипотезы общего происхождения народов, живущих по ту и другую сторону северного Тихого океана[3]. Однако, различия между монгольским и северо-американским типами очень резко выражены в других отношениях; кроме того, языки этих двух рас совершенно различны по способу образования. По словам Вольнея[4], индейцы племени миами, между которыми ему пришлось прожить несколько времени, были так же белы, как и он, а красноватый цвет, приобретаемый ими постепенно, происходит не от чего иного, как от их привычки жить на открытом воздухе, под палящими лучами солнца,—этого, по их выражению, «отца цвета». У некоторых других племен, между прочим, у калифорнских диггеров, или «землекопов», цвет кожи почти черный[5].

Форма американских черепов различна. У большинства краснокожих голова широкая;

1 Evans „Ancient Stone Implements of Great-Britain".
2 „Petermann's Mittheilungen",1879, Heft V.
3 L. Manouvrier, „Societe d'Anthropologie", seance du 16 avril 1885.
4 „Tableau du climat et du sol des Etats-Unis".
5 Flower, „Nature", May 20, 1888.

но есть между ними также очень длинноголовые: ни в одной стране крайности размеров черепных коробок не достигают столь значительной разницы[1]. Смотря по месту происхождения, человек Нового Света представляет также большие различия по вместимости черепной

Индѣйцы племени пимосъ. Аризона.

коробки. По Мортону и Эткену, средняя для всех индейцев равна 1.376 кубич. сантиметров,

1 Retzius, „Ethnologische Schriften“;—De Nadaillac, „L’Amerique prehistorique“.

но некоторые племена краснокожих имеют черепа удивительных размеров. У племени оджибуэ и потаватоми средняя черепной вместимости превышает 1.492 куб. сантиметров, по Мортону. Средняя семи чинукских черепов, принадлежавших взрослым мужчинам, находящихся в музее медико-хирургической коллегии (College of Surgeons) в Лондоне, оказалась 1.589 куб. сантиметров,—объем далеко превосходящий среднюю вместимость черепа французов и англичан; для черепа одного скелета индейца из племени тенесси нашли баснословную цифру 1.825 кубич. сантиметров[1]. Возможно, конечно, что эти черепа представляют исключительные экземпляры, и что нормальная полость черепной коробки меньше в совокупности коренного населения Соединенных Штатов, но не подлежит сомнению, что головы некоторых индейских племен отличаются изумительными размерами. Между тем черепа цивилизованных мексиканцев и перуанцев сравнительно очень не велики,—в 1.339 и в 1.234 куб. сантиметров,—контраст, который сначала показался несообразностью, так как не допускали, чтобы дикари американских лесов, по количеству мозга, могли превосходить обитателей, относительно культурных, плоских возвышенностей. Однако, если правда, что большая вместимость черепа действительно составляет обыкновенный признак большей интеллектуальной силы, то дикари Северной Америки, которым приходится вести такую трудную борьбу за существование, несомненно, должны обладать умом, гораздо более напряженным, инициативой, гораздо более живой и деятельной, чем бедные кичуа, во все времена жившие под гнетом рабства[2]. Во многих могильных курганах черепа оказались трепанированными: сдирая кожу с волосами, скальперы вырезали также кусок черепной кости.

Если исключить племена, выродившиеся от пьянства и разврата, каковы, например, некоторые племена на Утахских плоскорьях и в равнинах Калифорнии, то большинство индейцев отличается высоким ростом и крепким телосложением. По измерению 381 ирокеза, завербованных в федеральную армию во время междоусобной войны, которые, впрочем, были, конечно, из числа самых рослых и сильных представителей своей расы, средняя роста вышла 1,73 метра: это почти рост англичан из Галловая[3]. Редкие оставшиеся в живых семинолы на полуострове Флориде также превосходят ростом своих соседей белой или черной расы. Вальтер Ралей рассказывает о дикарях, виденных им в Виргинии, как об «исполинских чудовищах». Хотя очень сильные и очень ловкие, туземцы имеют, при равной крепости телосложения, менее дюжий вид, чем европеец: различие это приписывают меньшей угловатости мускулов: гладкие волоса на голове, круглые, иногда обвислые щеки, длинная развевающаяся одежда придают женскую наружность многим воинам, у которых, однако, нет ничего женственного в характере. Краснокожие терпеливее европейца переносят раны, и кем-то высказано мнение, что их бравады и притворная нечувствительность во время пыток им в действительности легче, чем они были бы людям белой расы.

В настоящее время костюм индейцев, кроме праздничного, состоит из обносков бедняков; прежде он различался, смотря по местности и образу жизни. Охотники любили щеголять в звериных шкурах: они носили плащи из кожи лося или бизона и украшали себя орлиными перьями, лисьими хвостами, иглами дикобраза. Земледельческие народы к шкурам животных присоединяли материи или одевались в ткани, сделанные из коры деревьев или из волокон корней. Так, семинолы Флориды ходят в бумажной блузе, перехваченной на талии поясом; кроме того, на шею они повязывают галстук, а вокруг головы обматывают род чалмы, составленной из полос шерстяной материи[4]; женщины носят длинное платье с пелериной, похожее на платок испанок, и, может-быть, кастильское влияние действительно играло некоторую роль в нынешнем костюме этих племен. Различные народцы отличались друг от друга покроем, узорами и украшениями одежды: при виде воина, сразу узнавали, из какой он нации, а более опытные даже угадывали по какой-нибудь мелочи, повидимому,

1 Lucian Carr, „Stone Graves in Tennessee“.
2 S. G. Morton, „Crania Americana“.
3 Topinard, „Revue d'Anthropologie“, 1876;—Flower, „College of Surgeons“, Nature. 20 May, 1880.
4 Clay Mac Cauley, „Smithsonian Institution, Report of the Bureau of Ethnology“, 1833-84.

ничего не значащей, с какой целью он пришел—по делам торговли, мира или войны. Цвета, в которые мужчины окрашивали себе лицо, имели свое хорошо известное значение, и типы их менялись в разных странах и соответственно характеру событий, радостному и печальному. Татуировки также получали известный смысл, особенно, когда они изображали животных или другие предметы, символизировавшие *отем* или духа-хранителя клана. Наконец, некоторые племена отличались и теперь ещё отличаются конфигурацией, которую матери придают черепу новорожденных.

Жилища различались по местностям формой, положением и строительным материалом: хижина аллеганов, например, нисколько не походила на хижину обитателей Скалистых гор. Среди лесов альгонкины, гуроны строили себе сараи, окруженные крепкими частоколами; на берегу озер и болот, в безлесных пустынях, они сооружали хижины из камыша, иногда довольствовались простыми шалашами; в открытой равнине выкапывали большие ямы, прикрывая их дерном: этот род жилища был совершенно похож на *dug-out* или на *sod-house* американского пионера. В местностях, изобилующих глубокими пещерами, как Кентукки, некоторые части Северной Каролины и Алабамы, туземцы находили готовые жилища, устроенные самой природой; наконец, в гористых странах, покрытых голыми, лишенными растительности, высотами, разрезанными на отдельные столы и обелиски, население, для обеспечения себя от нападений, воздвигало свои постройки на вершине утесов, или старалось сделать их неприступными, окружая их отвесными стенами, подобными стенам соседних гор. Но самое обыкновенное жилище индейцев-звероловов,—жилище, наиболее знакомое нам по рисункам и рассказам путешественников,—это конусообразная палатка, разбиваемая среди прерии. Прежде, когда в степях бродили несметные стада бизонов, юрты эти были из кож; у племени оджибуэ их сооружали из бересты, откуда их название *вигвам*[1], применяемое белыми безразлично ко всем индейским жилищам; теперь палатки делаются из парусины, оттого основание у них белого цвета, а верхушка черная, закоптелая; иногда они бывают размалеваны причудливыми картинами.

Характер, понятия и нравы, естественно, должны были значительно разниться у индейцев, смотря по условиям их быта, как охотников, рыболовов и земледельцев; описания же, оставленные нам большинством путешественников, относятся исключительно к краснокожим, живущим звериной ловлей, и потому было бы ошибочно применять эти описания, как это обыкновенно делают, ко всем аборигенам страны. Альгонкины, ирокезы, гуроны, туземцы, образ жизни которых, вследствие их сношений, мирных или воинственных с французскими и английскими колонистами, всего больше обращал на себя внимание последних, описывались, конечно, всего чаще, и этих-то индейцев и считают типическими представителями расы. «Последний из Могикан», альгонкинский воин, воображаемые приключения которого рассказал нам Фенимор Купер, остается для нас индейцем по преимуществу, и дотого правдиво описание, что герой этого романа действительно резюмирует в своей жизни идеальные черты кочевых племен Северной Америки. Произведение американского романиста будет «*Илиадой* красной расы»[2].

Бдительность—главное качество индейца-охотника. Он выведывает пространство, наблюдает на земле следы, изучает помятый лист, сломанную ветку, прислушивается к отдаленному шуму, беспрестанно вопрошает окружающую природу, предчувствует подготовляющиеся явления; он знает, откуда подует ветер, где образуются облака, с какой стороны польет дождь и в какой чаще, у какого источника будет находиться подстерегаемое им животное. Ум его всегда в напряженном состоянии, воображение всегда плодовито на всякия хитрости, терпение всегда неистощимо. Он умеет неслышно пробираться в листве и по валежнику, обходить вокруг дичи так, чтобы она не почуяла его присутствия, ползти в траве, чтобы захватить врасплох добычу. И когда случится, что всё его искусство не привело к желанной цели, он спокойно покоряется судьбе и без устали снова начинает свои терпеливые стратагемы.

1 J. G. Kohl, „Kitsclii Gami“.

2 Henri Gaullieur, „Etudes americaines“.

При встрече с врагом, или даже с чужим человеком, который тоже может оказаться врагом, как почти всегда и оказывается бледнолицый иноплеменник, он также ведет себя по-охотницки, оставаясь всё время настороже и скрывая свои чувства под холодной неподвижностью черт: можно подумать, что он ничего не видит и не слышит, но на самом деле он отлично сообразил, что нужно делать, чтобы отразить нападение, или чтобы предупредить его. Если в конце-концов он попадется в руки противника более сильного или более хитрого, он не колеблясь принимает свое решение; он чувствует, что обязан перед самим собой, перед своим племенем не выказывать малодушие, он бравирует ещё врагов, захвативших его в плен. Старинные писатели рассказывают нам, как, привязанный к костру, он подстрекал детей и женщин вырывать у него куски мяса, отрубать ему члены, жечь его на медленном огне, и как, чувствуя наступающую смерть, он затягивал свою военную песнь для того, чтобы и в последнем издыхании его слышался ещё хрип гордости и презрения. Но эти чудовищные сцены пыток давно уже прекратились. В войнах между племенами единственное честолюбие индейцев—содрать кожу с головы врага, мертвого или живого, для того, чтобы украсить свою палатку «шевелюрой побежденнаго»: брать пленников у него не в обычае.

Громадность пространств, по которым приходилось странствовать во время кочевок, вынуждала туземцев жить небольшими группами: их политический мир, слившийся с кругом близких знакомых, был очень узок. Но тем теснее была солидарность между членами клана и племенного союза. С детства они привыкали к мысли, что жизнь их принадлежит братьям, и храбро приносили её в жертву, когда того требовала коллективная честь. В столь тесно сплоченном обществе, где существование и общая безопасность зависели от преданности всех общественному делу, не могло быть монархического неограниченного правления, в роде того, какое выработалось у земледельческих населений, прикрепленных к почве. Слово «король» не переводимо на индейский язык, потому что самое понятие, соответствующее этому слову, совершенно чуждо краснокожим: их главарь или предводитель есть не что иное, как «первый между равными», товарищ, на которого они всего более рассчитывают в случае опасности, либо по причине его личных достоинств и заслуг, либо за чародейскую силу, связанную с его родом или с его именем. Но дух исключительного патриотизма в отношении клана точно также не позволяет им понять идею «республики», как не понимают они идею «монархии». Они гордятся благородством своего имени, своей родовитостью не меньше английского лорда или испанского гранда: гордость клана, обладание отемом, этим своего рода гербом, радость принадлежать к грозному племени дотого опьяняют индейца, что он относится с высокомерным презрением ко всякому иноплеменнику: «Бобр» с пренебрежением смотрит на «Оленя», а этот последний не иначе, как с чувством отвращения, говорит о «Лисице». Символ, выбранный каждой группой, есть в одно и то же время знак единения для её членов и знак ненависти к чужаку.

Отчужденность семей, объединяемых одним и тем же отемом, не способствует сохранению чистоты происхождения. Члены родового союза, будучи братьями и сестрами, не должны вступать в брак между собой; в большинстве племен на подобный союз смотрели как бы на кровосмешение; следовательно, молодой воин должен искать себе жену вне клана, даже в каком-нибудь племени, отличном по происхождению и по языку. С другой стороны, когда группа уменьшается численно, вследствие эпидемии, голода или войны, она может пополняться и обновляться вступлением в большую семью приемных детей, даже пленников. Новоприбывшие члены дают племени ту же восторженную любовь, ту же геройскую преданность, как и его собственные сыны по плоти и крови. Очень редко случается, чтобы возникали споры между членами клана. Все эти гордые люди уважают гордость ближнего; всегда справедливые, они, кроме того, деликатны и скромны; в хижинах или палатках, обитаемых несколькими жильцами, каждый в точности соблюдает желаемые расстояния; вещи, вообще не многочисленные, которые индеец считает «своей собственностью», никто никогда не тронет с места, где они оставлены владельцем. Правила вежливости, очень строгия и сложные, исполняются, тем не менее, с педантической пунктуальностью. Принято, чтобы имущий делился со своими собратьями: однако, последние не имеют права взять что-либо без пригла-

шения, и иной скорей умрет с голода в палатке, наполненной съестными припасами, чем позволит себе дотронуться до них в отсутствие хозяина[1]. И, однако, эти самые люди, отличающиеся такой строгой честностью и такой утонченной вежливостью, обладают вместе с тем веселым характером, любят посмеяться и поболтать: иностранцы, имевшие счастье впервые быть принятыми в качестве братьев теми, которых они видели бесстрастными и непроницаемыми, не надивятся при виде чрезвычайной перемены, происходящей с этими гордыми и суровыми воинами. В то время, как американские пионеры, привыкшие позволять себе всякия несправедливости в отношении туземцев, вызывая тем со стороны последних вероломство и жестокость, повторяют свою поговорку: «индеец хорош только убитый!»—миссионеры, живущие среди них, канадские странствующие торговцы, вступающие с ними даже в родственные связи через браки, являются, напротив, восторженными друзьями и хвалителями краснокожих, которых они называют «добродушнейшими и справедливейшими из людей».

Племена, деморализованные поражением, бегством, последовательными изгнаниями и растлевающим влиянием азартных игр, пьянства, нищенства, мало уже заботятся о своей будущности; но в ту эпоху, когда они ещё сохраняли гордость и надежду, одною из главных забот общины было воспитание детей. Впрочем, воспитание это делалось без труда, благодаря жизни на открытом воздухе и простоте быта. Очень искусные в приручении животных, потому что они знают их привычки и потребности, индейцы не менее искусны в воспитании своих детей, которые должны заменить их, как опоры и защитники племени. Первое физическое воспитание, даваемое матерью, составляет уже прекрасную подготовку к развитию геройских качеств. Может-быть, и родила-то она в лесу, без помощи матроны или подруги, и ей пришлось нести новорожденного в становище издалека, через болота и холмы; может-быть даже, она несла одной рукой свое детище, а другой—вязанку хвороста или корзинку собранных плодов[2]. Но как ни тяжело её собственное существование, она умеет усладить жизнь своему младенцу; из кусков материи, пуха и мха она устраивает ему мягкую и в то же время гигиеническую колыбельку, где ребенок сохраняет нормальное положение членов и чистоту тела, и которую мать может носить привязанною на спине всюду, куда её призывает работа. Кормление грудью продолжается больше года; ребенок уже силен, когда его пускают с другими за ограду селения. Вскоре у него появляется свой колчан и стрелы, он упражняется в попадании в цель, скачет и прыгает, пробует догонять животных на бегу; изучает повадки зверей, подражая им; он подкрадывается как ласка, бегает как волк, выпрямляется как медведь: уже охотник, он принимает участие в маленьких экспедициях, вместе с товарищами-сверстниками.

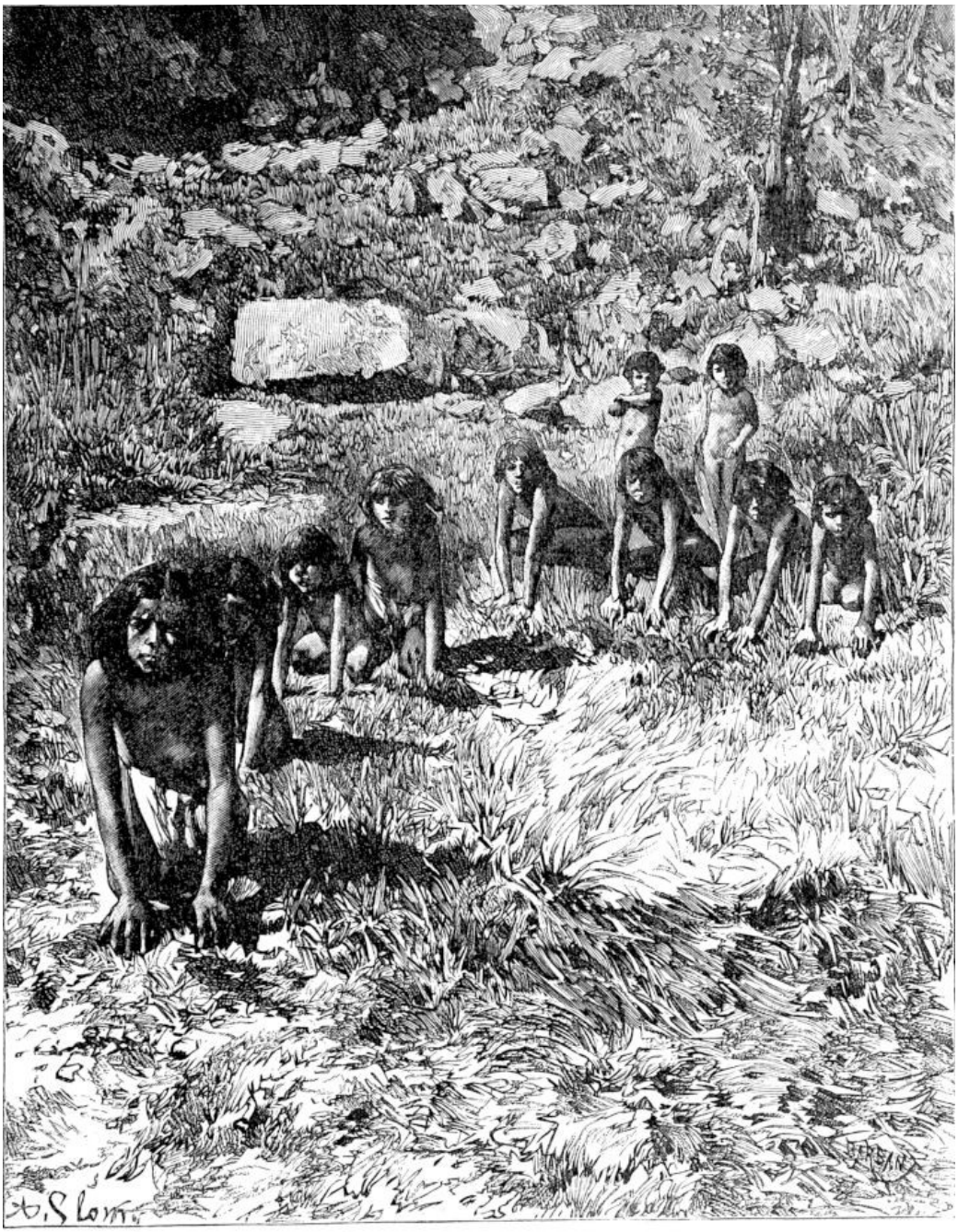
Но как ни ловок, как ни силен, как ни храбр стал возмужавший юноша, он хорошо знает, что может вступить в собрание мужей и заслужить имя воина не прежде, как показав силу выносливости, к которой он способен. Поэтому он сам просит подвергнуть его испытанию, которое сделает его равным мужчинам, и испытание это ужасно: родители хорошо знают это, но ещё больше, чем другие индейцы, они хотят, чтобы их сын, дитя племени, с честию вступил в свою новую жизнь воина. Нет пытки, которой бы, смотря по различным преданиям и местностям, не подвергали кандидатов на экзамен возмужалости: продолжительный голод, выставление нагого тела жалам насекомых, суровому холоду и солнопеку, глубокие порезы и раны, вытягивание членов большими тяжестями или клещами, подвешивание за волоса или за кожу, наконец, брань и оскорбления—таковы страдания, которые заставляют переносить кандидатов в эти дни искуса, и часто жертвы предпочитают лучше умереть, чем просить пощады. Белые, принятые по дружбе в лоно племени, также должны выдержать испытание, приобрести себе «индейскую плоть». Кушинг, допущенный в среду зуньи, в их орден Лука, сильно рисковал поплатиться жизнью, проводя ночи, почти неодетый, на хо-

1 Butler, „The Great Lone Land“.

2 Henry Schoolkraft, „The red Race of Amerika“.

лоде, ветре и дожде[3].

Раз юноша признан достойным занять место между мужчинами, в совете или на войне, он становится равным всем, и никто из его братьев по клану не позволит себе бросить ему в лицо укор или обидное слово за какой-нибудь факт его поведения: он доказал, что он мужчина, и все смотрят на него как на такового. Коллективная власть племени могла бы наложить на него кару лишь в исключительно важных обстоятельствах, когда бы поступок его

Игра въ волка и медвѣдя.

угрожал общественной безопасности. Тогда старики собираются на совет, и приговор их может оказаться тем более строгим, чем реже представляются случаи для его произнесения: в случае осуждения виновный приговаривается к изгнанию или смерти. В прежнее, относительно недавнее, время, пока судебная практика и нравы белых ещё не внесли перемены в их правосознание, индейцы относились с безусловным уважением к решениям судов. Так, не было случая, чтобы крикский воин, обвиняемый в поступке, за который грозила смертная казнь, не явился на суд по первому вызову. Если обвинение подтверждалось, подсуди-

3 Publications de la „Smithsonian Institution“;—H. Gaullieur, цитир. сочинение.

мого приговаривали к смерти, с тем, чтобы казнь была совершена после пяти возвратов солнца, затем его отпускали. Один, без всякой стражи, он возвращался домой, чтобы провести последние дни жизни в кругу своих близких и, когда наступал роковой час, он сам становился у смертного столба. Ни один индеец не унизился бы до такого позора, чтобы осквернить свой отем, уклоняясь от исполнения приговора или самовольно отдаляя срок, назначенный судьями.

Как ни велика их сила духа пред лицом опасности или страданий, индейцы тем не менее остаются детьми во многих отношениях. Так, молодой человек предается всем излишествам своего жизнерадостного настроения, всему кокетству, свойственному его возрасту. Бывали случаи, что воин, обезображенный оспой, лишал себя жизни, чтобы избегнуть стыда своего уродства. Ум туземцев необыкновенно изобретателен по части придумывания новых и резко бросающихся в глаза украшений для костюма и шевелюры; разнообразие цветов, в которые они окрашивают себе лицо, бесконечно: иногда окраска одной стороны физиономии составляет полный контраст с окраской другой: один глаз кажется потухшим, тогда как другой ярко блестит; одна щека сияет, как солнце, другая вся черная, сливается с волосами. Часто они меняют рисунки, подражая фазам луны в её последовательных видах. Обыкновенно загрунтовку составляет ярко-красная краска, цвет радости и силы, цвет, символизирующий расу, и на этот грунт наносятся другие цвета: желтый, синий, с разными оттенками, в форме пятен, звезд, крестов или полос. Впрочем, каждое новое обстоятельство вызывает перемену украшения, более радостную или более мрачную. Европеец, живущий среди индейцев, придерживающихся ещё старой моды, так привыкает к причудливо раскрашенным физиономиям этих людей, что бывает не мало удивлен, когда ему случится увидеть у кого-нибудь из них натуральное лицо: последнее принимает тогда вид привидения, без сомнения, подобный тому, за который европейцы получили обыкновенное у индейцев название «бледнолицых[1]».

Старики и женщины тоже красятся в торжественные праздники, но единственно для соблюдения приличий; только юноши имеют страсть прихорашиваться размалевыванием себя, из желания нравиться молодым девушкам. Но раз женщина завоевана, для обоих супругов начинается серьезная жизнь, и в разделении между ними труда более легкая доля не та, которая достается жене или женам—многоженство не воспрещается нравами. Мужчина взял на себя сопряженную с опасностями часть общих интересов—охоту и войну; он оставил за собою также участие в советах общины: он учится говорить и выражается очень метко и картинно; некоторые примеры его образного красноречия, переданные историками, отличаются замечательным совершенством. Он может, кроме того, заниматься украшением своего оружия, раскрашиванием или вышиванием свой одежды, но все тяжелые работы, всё домашнее хозяйство лежат на женщине: она пашет землю, сеет хлеб и собирает жатву; она принимает продукты охоты и утилизирует все части убитого зверя: мясо—для приготовления пищи, нервы и жилы—для культуры и выделки охотничьих снарядов, кости—для различных надобностей домашнего обихода, кожу—для шитья одежды и обуви, мокассинов. Несмотря на этот тяжелый труд, женщины не забывают уделять часть добычи своим детям, делая для них ожерелья, погремушки и свистульки, тележки, куклы.

Индеец полагает свою гордость в том, чтобы хорошо умереть, не только тогда, когда его постигнет насильственная смерть пред лицом врага, но также и тогда, когда преклонный возраст или болезнь обрекают его на бесславное угасание среди своих близких. Подобно смертельно раненому животному, он ищет какой-нибудь темный уголок, чтобы уснуть на веки. В некоторых племенах, где борьба за существование была исключительно трудна по причине суровости климата или недостатка дичи, у сиуксов, например, старики сами просили смерти, и по чувству сыновней любви их собственные дети умерщвляли их, желая, чтобы они переселились из этой юдоли плача в мир духов, где страдание неизвестно. Для людей, твердо верящих в будущую жизнь, подобное убийство было высшим доказательством родственной привязанности. У индейцев, как у большинства младенческих народов, погребаль-

1 J.G.Kohl, „Kitschi Gami“.

ные церемонии сопровождались беседами с умершим и снабжением его оружием и провизией для дальнего пути[1]. «Змеиные» индейцы даже убивали любимого коня скончавшагося вождя, и даже его жену, для того, чтобы ему не пришлось в одиночестве совершать путь в страну духов. Индианка племени оджибуэ, когда смерть похитит у неё грудного младенца, тотчас же делает куклу, надевает на неё платье умершего ребенка и украшает ей голову любимой маленькой шевелюрой, убранной лентами: кукла эта, которую горюющая мать называет своей «грустью», напоминает ей дорогое существо, которого она лишилась; она кладет её в колыбельку, кропит её каплями своего молока, носит на руках, поручает другим детям прогуливать её; так сохраняет она это чучело несколько месяцев, даже целый год, до тех пор, пока бедный умерший малютка, по её мнению, подростет настолько, что может уже один найти дорогу в рай[2].

Но смерть—великая тайна; несмотря на свою веру в бессмертие души, переживающие, тем не менее, инстинктивно привязаны к жизни, и когда болезнь постигнет молодого и сохранившего силы человека, они энергично борются с ней, стараясь запугать злого духа, который приходит с того света, чтобы вербовать себе товарищей. Собравшиеся колдуны отчаянно бьют в барабаны и оглашают воздух криками. Если им не удалось прогнать привидение, и оно схватило последний вздох подстерегаемого больного, труп тотчас же уносят, не через дверь, а через дыру, нарочно проделанную в стене, затем самую хижину разрушают до основания и утаптывают землю, где она стояла, чтобы изгладить всякие следы прежнего жилища; в новом жилье очаг зажигается девственной искрой, взятой из очага здоровой семьи, и со всех сторон сбегаются утешители отгонять своими песнями и рассказами страшную мысль о смерти.

Память предков тесно связана с религиозными понятиями индейцев: вполне естественно, что они обращали взоры к своим предшественникам, чтобы узнать от них тайны неведомого мира. Так как идея смерти ускользала от человека, то жизнь должна была продолжаться и за гробом; но чувства ненависти или страха, удивления или любви должны были сохраняться также и у переживших, и таким-то образом мертвые были производимы в добрых или злых гениев, в покровителей или демонов; иногда они становились отемами племени: два мира, естественный и сверх-естественный, беспрестанно перемешивались. Однако, это неизвестное будущей жизни, которое фантазия краснокожих облекала в определенные формы, составляет лишь небольшую часть тайны вещей; они должны были пытаться объяснить также окружающую природу и в своем младенческом неведении могли делать это не иначе, как легендарно: всё принимало жизнь в их глазах, для того, чтобы благоприятствовать или вредить им. Всякое живое существо, всякий незнакомый предмет, всякое непонятное явление были для них, как вообще для всех «первобытных» людей, духом, «целебным средством», т.е. силой, постоянно действующей для добра или для зла.

Живой человек также, как и мертвый, мог сделаться для индейца предметом суеверного культа. Краснокожий почитал *меду* или колдуна, приписывавшего себе знание тайн природы; он почитал также храбреца, не боявшагося смерти, и этим почитанием храбрости объясняются, между прочим, акты религиозного людоедства, часто упоминаемые путешественниками: ещё недавно один сиукский вождь, знаменитый Sitting Bull, или «Сидящий Бык», вскрывал грудь у федеральных офицеров, геройски павших на поле битвы, и пожирал их сердце, для того, чтобы питать свою храбрость храбростью своих врагов. Индейский охотник оказывает подобное же уважение медведю, которого он одолел. Так, туземцы племени миами запрещали женщинам, ещё не имевшим детей, вкушать этого священного мяса и старательно отгоняли собак, из опасения, чтобы они не лизали кровь убитого зверя или не утащили его кость; останки эти тщательно зарывались в землю или сжигались, а шкуру медведя, с окрашенной в зеленый цвет мордой, вешали на столб, вокруг которого собирались воины,

1 J. G. Kohl, цитиров. сочинение;—H. H. Bankroft „Native Races“.

2 Lewis and Clarke, „History of an Expedition to the sources of the Missouri“.

чтобы обеспечить себе покровительство и помощь покойника в болезнях и предприятиях[1]. Кроме того, каждое племя специально чтило животное, служившее ему отемом, и которое оно называло своим отцем; наконец, таинственный змей, ползающий в траве и исчезающий под землей, есть одно из существ, имя которых всего чаще упоминается в песнях и легендах. Пищевые растения также составляют предмет почитания: краснокожие взывают к духам хлеба, бобов, гороха, тыкв. Огонь, варящий пищу и согревающий озябших и недомогающих, тоже получает приношения: охотник бросает в пламя несколько капель жиру, несколько волокон мускула убитого животного[2]. Даже оружие и орудия, долго служившие, считаются как бы одаренными жизнью и становятся домашними гениями.

Но особенно чествуются явления природы—радуга, буря, облака, свет небесных тел. Многие народцы, между прочим, исчезнувшее племя начезов, ставили все акты своей жизни в тесную связь с правильным движением дневного светила: самый ритм их существования был продолжительным поклонением огню. Каждое утро великий жрец приветствовал восходящее солнце от имени своего народа, он протягивал к нему свою трубку и указывал путь, известный наперед, которым оно должно следовать по небу. Главные празднества пуэблосов и других индейцев Новой Мексики и Аризоны совершаются также в честь солнца. У «Плоскоголовых» ему приносились даже кровавые жертвы: самая мужественная женщина племени приносила в жертву кусок своего тела, вырезанный из груди, и сын вождя должен был немедленно последовать её примеру. Пляски, акты религиозные по преимуществу, имеют по большей части астрономический характер; культ солнца проявляется также в тех рисунках, которыми индейские художники украшают свои парадные одежды, кожаные палатки, стволы деревьев и стены скал. Священная трубка мира, окрашенная в голубой цвет и усаженная разноцветными перьями, которую протягивали между сражающимися, чтобы прекратить войну, казалась всем образом чистого неба и солнца. Протянутая поочередно на все четыре стороны горизонта, она осеняла землю большим крестом и располагала её в пользу людских предприятий.

Все эти гении, все эти силы земные и небесные сливались в одном высшем и таинственном существе. Имя Маниту, которое перевели словом «Великий Дух», кажется, гораздо точнее было бы передать словом «Неизвестное». Первые миссионеры, католические или протестантские, посетившие альгонкинские племена на берегах Великих озер или в лесах Новой Англии, изучали этих новых людей с предвзятыми идеями: одни искали в религии туземцев следы иудейства или даже древне-христианского откровения; другие видели в ней дело дьявола, вечного искусителя, и заранее клеймили слова и поступки аборигенов именем богохульства и осквернения святыни: по одной нелепой гипотезе, которая постепенно приобрела почти силу догмата, краснокожие считались исчадиями сатаны от сожительства его с ведьмами[3]. Тем не менее, индейцы не уступали пуританам по серьезности жизни и почитанию сверхъестественного. Благоговение составляет одну из отличительных черт краснокожего: ни в одном из его наречий нет непочтительных выражений по адресу духов маниту; когда он ругается, он заимствует грубые слова из английского или французского языка. В эпоху прибытия европейцев в Северную Америку индейцы-охотники, вероятно, имели храмы, как их имеют поныне пуэблосы Новой Мексики; по крайней мере, они воздвигали священные холмы, и до сих пор ещё существуют святые места, которые индейцы, занятые каким-нибудь мирским делом, каковы охота или рыбная ловля, всегда почтительно обходят. Трудно доступные скалы, островки среди озер, защищенные волнами и бурями, были страшными местами, на которые смотрели как на обиталище духов. Таковы, между прочим, были Большой Манитулин на озере Гурон, Мишиллимакинак и острова Маниту на озере Мичиган.

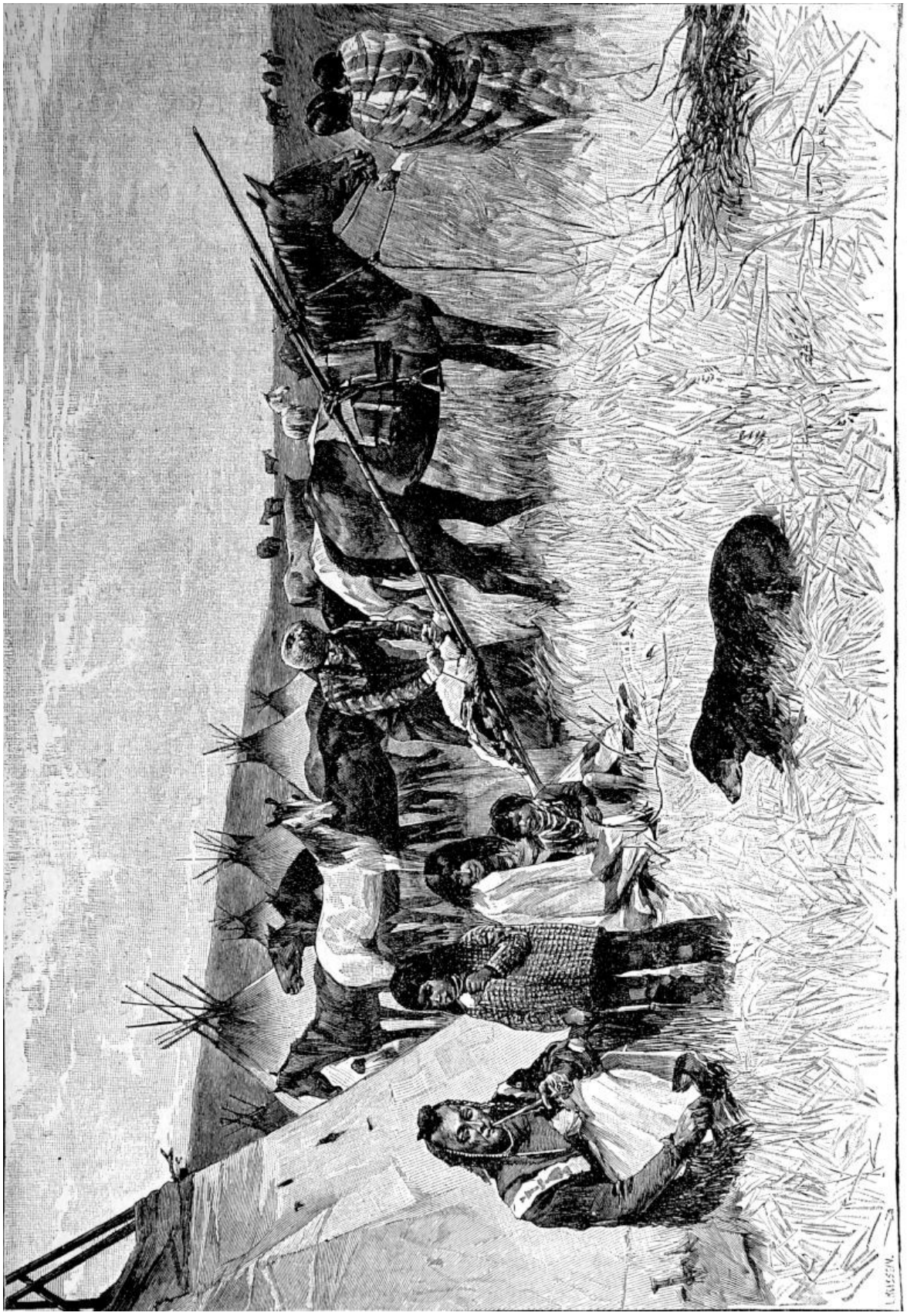
Так же, как на бассейне св. Лаврентия, самая многочисленная семья племен в нынешней

1 Allouez, „Nouvelle France, Relation de 1635“.

2 Adair, „History of the North American Indians“.

3 Burckhardt;—Grundemann, „Die Evangelische Mission“.

территории Предмиссисипья была та, которой французы дали название «альгонкинов». Первенствующая нация этой альгонкинской семьи, ленни-лепап, или «первобытные люди», обитали по берегам рек Делавар и Шуйлькиль, входящих ныне в состав штатов Пенсильвания и

Лагерь индѣйцевъ.

Нью-Джерсей; вокруг главного племени были рассеяны многочисленные народцы, называвшие себя «детьми» или «племянниками» ленни-ленапов; их встречали от Лабрадора до северных лиманов Георгии, от берегов бухты Чизапик до реки Монахов, в штате Иова, на про-

странстве около трех миллионов квадр. миль; впрочем, эта громадная территория была разделена с племенами других этнических корней. Микмаки и эчемины, или «люди лодок», обитали на северо-востоке, в области фиордов, вместе с абенаками, или «народом утренней зари»; массачузеты, наррагансеты, пекводы, могикане, мангаттане и другие кланы, имена которых сохранились в названиях штатов, округов или городов Новой Англии и Нью-Йорка, господствовали в этой части поморья и на берегах реки Гудсон. К югу от ленни-ленапов жили поугаттаны, аккомаки и памлико, тогда как в области Аллеганских гор по территориям охоты, от Южной Каролины до Кентукки, кочевали преимущественно шаунисы, или «южане». К югу от Великих озер, оттавяне, миамисы и потаватомисы, иллинойсы, с их подплеменами: каскаскиа, какокиа, пеориа, далее «водопадные» индейцы (Saulteux), или оджибуэ на Верхнем озере, меномонисы по берегам Зеленой бухты, маскутины, или «степняки», в Миссисипской долине, киккапусы, соки и «Лисицы» в Висконсине и Замиссисипье—все эти народцы также принадлежали к обширной альгонкинской семье[1]. Язык ленни-ленапов, типический идиом альгонкинского корня, есть один из тех, которые обыкновенно приводят как пример американских полисинтетических диалектов, где слова склеиваются в очень длинные многосложные выражения, при чём каждый слог прежде был особым словом, более или менее видоизмененным при агглютинации, и получают свой окончательный смысл по своему относительному положению. Большинство индейских слов, перешедших в европейские языки, происходят из того или другого наречия альгонкинов; таковы имена: «маниту», применяемое к силам природы, «сагамор» или «сашем», употребляемое для обозначения главарей или предводителей племени.

Большая семья иендатов или вайандотов, представляемая в Канаде гуронами и ирокезами, имела также обширные области кочевки на юге от Великих озер. Когда гуроны были прогнаны своими соплеменниками из «междуморья», сделавшагося ныне провинцией Онтарио, часть их ушла за Верхнее озеро и кочевала в лесах и степях, посещавшихся также индейцами оджибуэ; другие направились на юг, в местности, лежащие на водоразделе между покатостью Великих озер и бассейном реки Огайо: от берегов озера Эри до берегов Миссисипи всюду были рассеяны гуронские роды, впрочем, носившие различные названия. Кланы этого племени существовали даже, может-быть, с отдаленных времен, в приморской полосе Виргинии и в низменных землях Северной Королины: таковы шованы, ноттоваи и знаменитые тускароры, которые впоследствии вернулись на север и примкнули к союзу ирокезов.

Эти последние, игравшие первенствующую роль в новейшей истории Северной Америки, были бесспорными хозяевами в территории, заключающейся между Зелеными горами, озером Эри и областью истоков рек Огайо, Делавара и Сусквеганны; кроме того, страх, который внушало их имя, распространялся далеко за пределы их звероловной территории; многие племена в других расах и в их собственной повиновались их приказаниям; так, они командовали, между прочим, народами Новой Англии, и когда Вильям Пенн проник в землю альгонкинов племени делавар, эти последние уже отказались от права противиться требованиям ирокезов: хотя делаварцы называли себя менгве, т.е. «людьми по преимуществу», однако, они должны были признать, что в сравнении с своими победителями они сделались «женщинами». Но не для одних только своих родичей ирокезы были грозными врагами: «бледнолицые» тоже боялись их, и не без основания. Занимая промежуточное пространство между территориями, колонизованными французами и англичанами, эти индейцы поддерживали равновесие между владениями двух европейских наций и, может-быть, именно выгоде иметь их своими союзниками англичане были обязаны своим окончательным торжеством: договариваясь с Великобританией, как держава с державой, они заставляли строго уважать их границу, обозначенную водораздельной областью Сусквеганны и Огайо[2]. Военная сила ирокезов происходила главным образом от соединения их в союз «наций», независимых в отношении своего внутреннего управления и солидарных для борьбы против общего врага. Амери-

1 George Bancroft „History of the United States“.

2 A. Mondat, „Histoire des Indiens des Etas-Unis“.

канцы хотели видеть в этой лиге образец, который в их собственной конституции дает равные права каждому отдельному гражданину и каждому штату, как коллективным личностям. «Пять наций», потомки которых существуют ещё поныне, обитая в той же стране, где жили их предки, были племена: могавк, онеида, онондага, каюга и сенека, к которым с 1715 г. присоединилась шестая нация—тускарора. Поэтому имена «Пять» или «Шесть наций» применяются одинаково к победоносной лиге ирокезов. Сами туземцы называли этот союз Годеносони, т.е. «Люди Длинной Хижины», намекая тем на свою общую жизнь в большой конфедерации[1].

Черокезы, или «Любимый народ», отличающиеся от альгонкинов и иендатов, составляли особую этническую группу. Это были горцы, жившие сотнями отдельных кланов в верхних долинах Аппалахских гор, как на восточном склоне, так и на западных скатах и в равнинах Тенесси, до порогов Мускль-Шольс. Обитая в одной из прекраснейших стран Америки, где каждая местность имеет свои разнообразные леса, холмы, скалы, плодородные бассейны, текущие воды, черокезы были одним из наиболее оседлых индейских населений: они имели постоянные хижины и возделанные поля. Когда они должны были покинуть родину, вытесненные белыми за Миссисипи, они не упали духом и сохранили преимущество, которое давала им давняя цивилизация над другими индейцами, и теперь ещё их считают первой из цивилизованных наций между потомками аборигенов.

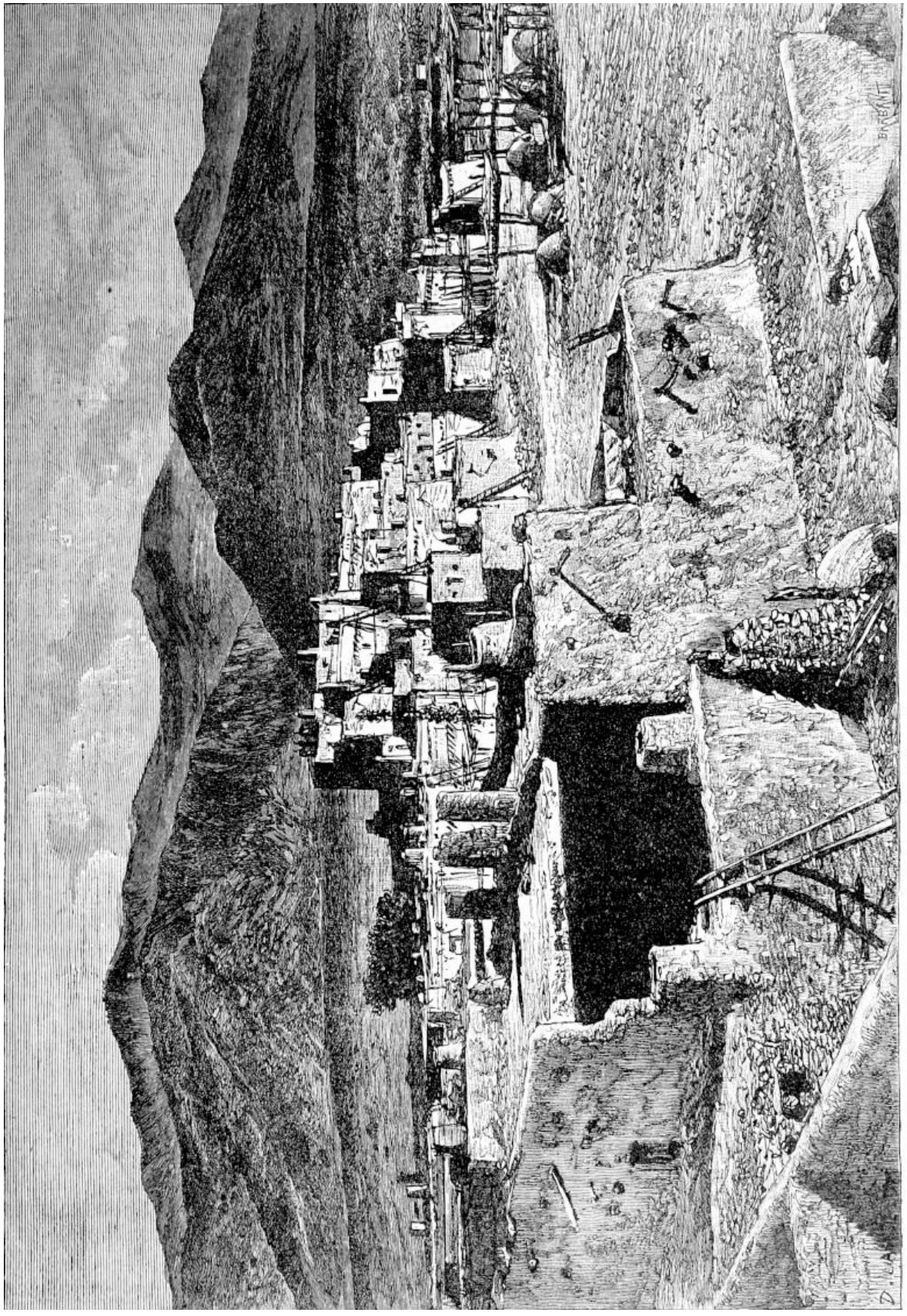
Почти вся часть Предмиссисипья, не занятая альгонкинами, иендатами и черокезами, принадлежала индейцам мускогского происхождения, разделявшимся на следующие племена: мобили, которые оставили свое имя бухте, находящейся в соседстве Миссисипской дельты; алибамоны, название которых сохранилось в имени большой реки Алабамы; чикасавы, жившие преимущественно в волнистых равнинах верхней Томбигби, но имевшие также становища на береговых утесах Миссисипи; крики или собственно мускоги, населявшие низменные равнины атлантического побережья, от мыса Фир, границы альгонкинов, до крайней оконечности Флориды; ямасси или саванны, о пребывании которых напоминают имена реки и большого города; семинолы, «дикие люди», удалившиеся на внутренние флоридские архипелаги, променяв земледелие на звероловство; наконец, между Алабамой и Миссисипи, чоктавы (чакта), приобревшие известность своими сношениями с французами Луизианы. Земледельцы, как и черокезы, и не промышлявшие охотой, они даже более приближались к состоянию цивилизации, сходному с состоянием современных обществ, так как во многих частях своей территории они жили большими селениями. У них мужчины помогали женщинам в обработке полей.

Что касается начезов (накше), соседей чоктавов и тоже прибрежных жителей Миссисипи, то они составляли особую нацию по языку, хотя очень близкую к алибамонам по образу жизни. Отличные земледельцы, они знали большое число пищевых растений и умели приготовлять из них вкусные яства, высоко ценившиеся всеми их соседями. Начезы были, может-быть, самой цивилизованной нацией на покатости, обращенной к Мексиканскому заливу, но самая эта цивилизация, давая им материальное довольство и даже богатство, облегчала образование аристократических классов, живших на счет народной массы «смердов». Главари начезов величались «королями Солнцами», как Людовик XIV, и когда они умирали, целая свита служителей должна была следовать за ними в могилу. Убивали также жену скончавшагося Солнца: оттого дворянство нации издало закон, воспрещавший девушкам их касты вступление в брак с вождями. Некоторые другие предмиссисипские племена, менее прославившиеся сравнительно с начезами, также были, повидимому, подобно этой последней нации, иного происхождения, чем господствовавшие в стране расы, альгонкины и иендаты, черокезы и мускоги. Таковы индейцы катавбасы и учисы, жившие среди иноязычных населений. Учисы, ныне уже несуществующие, принадлежали, может-быть, к атабасканской расе.

До недавнего времени самыми могущественными из индейских народцев, на западе от

1 Lewis H. Morgan, „League of the Ho-de-no-sau-nee or Iroquois“.

Миссисипи, были дакоты, давшие свое имя двум штатам северо-американской республики: это Naudouisses или Naudouissioux, «головорезы», как их называли старинные французские путешественники—название слишком длинное, существующее теперь уже только своей по-

Пуэбло де Таосъ.

следней частью. Слово «Сиуксы» сделалось генерическим термином, которым обозначали всех краснокожих северной области Соединенных Штатов, между Миссисипи, Миссури и Скалистыми горами. Миссионер Шарль Рэмбо первый упоминает о сиуксах в 1642 г., но

только в 1659 г. некоторым канадским странствующим торговцам случилось проживать среди этих туземцев. С того времени племена их часто меняли места обитания, даже прежде, чем напор колонистов оттеснил их к горам и к границам севера. Большинству нации дали название «Семи Советов», но к союзным племенам, известным под этим общим именем, разновременно присоединялись другие народцы того же происхождения. Одна из сиукских наций долго оставалась в стороне, именно виннебагосы, или «озерные», которые жили у озера того же имени, составлявшего прежде продолжение Зеленой бухты озера Мичиган, и которые впоследствии были переведены за реку Миссури, в Небраску.

Между родственными сиуксам нациями, которые со времени прибытия европейцев в Америку, повидимому, всегда обитали в равнинах Замиссисипья, одно из главных мест занимала нация омага или теджига, социальный строй которой, основательно изученный[1], считается типом индейского племени. Племена: гидатса; минетари, или «толстопузые», на верхнем Миссури; упсарока, или «Вороны», в предгорьях Скалистой цепи, почти постоянно воевавшие со своими сородичами, ассинибойнами на канадской границе; озадж на нижнем Миссури; иова, ото и миссури, канзас и арканзас, имена которых применяются и к рекам их области,—также принадлежали к семье сиуксов. Манданы, которых старинные французские путешественники называли «Mentons», но которые сами себя именуют намакаки, т.е. «людьми», также произошли от сиукского корня. Почти совершенно истребленное, кроме нескольких семей, оспенной эпидемией в 1837 г., племя это некогда было могущественным и одним из наиболее цивилизованных: манданы жили большими деревнями, и тщательно обработанные поля их тянулись далеко вдоль рек. Что касается степных племен пони («Волки»), арапого и рикари, пользовавшихся очень дурной славой по причине их разбойничьих привычек, то их причисляют к разным расам—к сиуксам, шошонам и атабасканам. Презираемые, как воришки, всеми благородными племенами Запада, «Волки» были единственные туземцы, которых канадские меновые торговцы считали возможным подвергать, в виде наказания, обращению в рабство[2]. Никакая другая нация не потерпела бы такого унижения.

Атабасканские племена, большинство которых, как показывает самое их имя, кочует на севере, в бассейне Атабаски, встречаются также и на юг от канадской границы. Почти все они, посещенные впервые канадскими торговцами, сохранили данные им французские названия: это Tetes-Plates или Flat-Heads («Плоскоголовые»), Pend'Oreilles («Серьгоносцы»), Nez-Perces («Проткнутые Носы»), Coeurs d'Alene[3] («Скороходы»). Совокупность атабасканских племен этой группы обыкновенно обозначается общим именем «Селиш»: оно обнимает большую часть туземцев, живущих на юге от Британской Колумбии, между Каскадной цепью и главным хребтом Скалистых гор в бассейне р. Колумбия. Название «Плоскоголовые», присвоенное главному племени, может быть применено, даже в гораздо большей степени, ко всем другим народцам этой семьи, особенно к шинукам: мало найдется американских наций, которые бы так старались придать красу своей наружности посредством сдавливания черепа и введения украшений в ноздри, уши или губы.

Ещё в половине настоящего столетия разноязычные племена были скучены в большом числе на узкой полосе побережья, у основания Каскадных гор, к северу и к югу от реки Колумбии: эта область ущелий, имеющая немало подобных себе горных лабиринтов и в Старом Свете, представляла своего рода западню, куда легко войти долиной Колумбии, но откуда трудно выйти; нигде в других местах Америки не существует подобного хаоса разнородных, чуждых племен[4]. По Моргану, долина Колумбии была главным центром индейских переселений. Между этими разноязычными народцами некоторые атабасканского или тиннехского происхождения, другие примыкают к колумбийцам Ванкувера, иные, наконец, по мнению

1 J. Owen Dorsey, „Omaha Sociology".

2 Tasse „Les Canadiens de l'Ouest".

3 Или вернее „Queurts d'Haleine", в смысле „Скороходовъ" (a bout d'haleine, запыхавшийся). Это старинное канадское выражение более не употребительно. (Рукописная заметка г. Эрнеста Трамбле).

4 H. H. Bancroft, цитиров. сочинение;—Gerland, „Petermann's Mittheilungen", 1879, Heft VII

этнографов, принадлежат к тому же корню, как и шошоны. Индейцы Нисквалли, живущие на берегах залива Пэджет, родственны путкасам и, подобно им, питаются рыбой; племена клаллам, на мысе Флаттери, и кликетам, на горе Олимп, составляют часть той же этнической группы. Кламаты, также прибрежные жители, а прежде обитавшие в долине того же имени (Кламат), к югу от Колумбии, образуют особую группу населения и долгое время относились враждебно к белым,—отсюда и прозвище Rogues, или «Негодяи», данное им первыми англо-американскими колонистами Калифорнии: это тиннехи, также как гупасы, шастасы, модоки. Шинуки, у которых тоже существует обычай сдавливать череп новорожденным, как у их соседей «Плоскоголовых», кочуют в прибрежных долинах нижней Колумбии; они, повидимому, очень смешанной породы, причину чего, без сомнения, следует искать в их частых путешествиях, в качестве носильщиков и торговцев. Кроме своего собственного языка, они употребляли торговый жаргон, состоявший из нескольких сотен слов французского и английского происхождения: этот «франкский язык» долгое время был главным средством понимания для торговых сношений во всей области гор и рек между Аляской и испанскими миссиями. Шинуки и их соседи к своей животной пище, рыбе и дичи, примешивают много плодов, ягод и корней. В Калифорнии в шутку называют «шинукскими оливками» жолуди, которые эти индейцы складывают в яму (силос) и в течение одной зимы подвергают их действию мочи, чтобы придать им более пикантный вкус[1].

Группа шошонов обнимает племена Великого Бассейна и соседних гор. В эпоху прибытия европейцев восточные народцы обитали в бассейне Миссури, в нынешней области сиуксов, затем общее передвижение населений оттеснило их мало-по-малу к Скалистым горам и даже за главный хребет этой цепи. Собственно шошоны, или индейцы «Змеи» (Snake Indians), живут теперь в высоких равнинах, ограничиваемых на севере рекой Снэк-Ривер, которой они дали свое имя. Так же, как вагинашты, их западные соседи, обитающие в долинах Сиерры-Невады, шошоны ведут очень трудную жизнь на своих бесплодных землях и часто терпят голод. К этнической группе шошонов принадлежит большинство тех рахитических, уродливых и почти чернокожих индейцев равнин Калифорнии, которых называют Diggers, «землекопами», потому что они роют землю, либо для того, чтобы сделать себе логовище, либо для того, чтобы найти корни, служащие им пищей; но, кроме шошонов, и все остальные индейские расы представлены между этими несчастными, рыскающими и голодными, как волки. Наравне с шошонами, диггеры умеют плести корзины дотого плотные, что их можно наполнять водой; в этих же корзинах они кипетят воду, бросая туда накаленные камни[2].

Утахи (юты, уты), сообщившие свое имя одной из территорий северо-американской республики, также шошоны. Эти индейцы гор Вахсач не имеют той важности вида, которая считается отличительным признаком людей их расы; напротив, физиономия у них по большей части очень подвижная, и говорят они чрезвычайно быстро. Язык их, родственный языку мексиканских сонорцев, как и все другие шошонские диалекты[3],—один из самых благозвучных между наречиями краснокожих, но он уже сильно испорчен и содержит много слов испанских и английских; даже с соседними южными племенами, навахосами, они не могут объясняться иначе, как при помощи кастильского языка, более или менее правильного. Утахи—одни из самых искусных художников между краснокожими: почти в каждом утахском жилище на стенах нарисованы фигуры людей, животных, палатки и разные предметы, долженствующие изображать битвы или другие памятные события[4]. Пах-утахи (пиуты, пах-уты), живущие южнее, на плоскогорьях и в ущельях, впадающих в долину Колорадо, принадлежат к той же группе, как и утахи; на совершенно бесплодных местностях они влачат такое же жалкое существование, как и диггеры, с которыми более счастливые индей-

1 Kane, „Wanderings of an Artist“.

2Waitz, „Anthropologie der Haturvolker“.

3 Buschman, „Die Volker und Sprachen Neu-Mexicos und der Westseite Nord-Amerikas“.

4 E. A. Barber, „Bulletin of the U. S. Geological Surwey of the Territories“, vol. IV, № 1, 1876.

цы смешивают их в одном общем чувстве презрения.

Команчи или паюни, т.е. «соседи», граничат с утахами, с восточной стороны, около истоков Колорадо; но главная масса их нации обитает гораздо южнее, на среднем течении Рио-Гранде и в долине реки Пекос. Команчи сродни шошонам и, также, как эти последние, говорят языком мексиканского типа; но порода их очень смешанного происхождения, так как команчи, подобно апачам, практиковали ремесло воинов и грабителей, делали набеги на их селения и захватывали в плен женщин и детей, т.е. жен и будущих товарищей по оружию. Поэтому между команчами встречается много индивидуумов, ничем не отличающихся от Воронов, Волков, навахосов или рикариев. На востоке команчи граничили с многочисленными техасскими нациями, которых встречали Кабеса-де-Вака, Кавелье-де-ла-Саль и другие путешественники-исследователи, и которые теперь уже исчезли. Каддосы, населявшие берега Красной реки в средней части её течения, вели торговлю, с одной стороны, с команчами, с другой—с начиточами накогдочами, аттакапами, или «людоедами», читимачами, на байю Теш, таэнсами, на Миссисипи, и заречными начезами: язык каддосов служил посредствующим говором для всех этих народцев, как шинукский диалект— для тихоокеанских наций.

Индейцы племени моки, на нижнем Колорадо, носящие уже мексиканский пончо, приближаются своими преданиями и образом жизни к туземным населениям Анагуака. Соседи их на западе и юго-западе в низовьях той же реки, мохавы (Mojaves, Mohaves), составляют особую этническую группу, вместе с юмами и кокопами, живущими по берегам речного лимана, с диегуньосами, жителями окрестностей Сан-Диего, с яки, обитателями Соноры, марикопами, населяющими берега реки Хила, и с гуалапаями, жителями северо-западных гор Аризоны. Мохавы и их сродичи по большей части среднего роста, хорошо сложены, коренасты; жилища их формой напоминают ульи: это деревянные срубы, прикрытые землей и имеющие всего только одно отверстие. Они возделывают аллювиальные земли, обсыхающие после спада воды в Колорадо, и сеют пшеницу, кукурузу, бобы, дыни и тыквы; кроме того, пищей им служат плоды особого вида акации, подвергаемые брожению, затем высушиваемые и растираемые в муку. Ещё недавно мохавы испещряли окрестные скалы своими надписями, и г. Пинар утверждает, что они отлично знают смысл этих иероглифов и употребляют их доселе, остерегаясь, однако, объяснять их значение белым людям[1]. Мохавские женщины татуируют себе нижнюю губу и груди.

Другие обитатели границы, пима, или пимосы, и папагосы очень походят на мохавов, хотя совершенно отличаются от них языком: они принадлежат к группе, представленной на мексиканской территории опатами. По большей части малорослые и хорошо сложенные, они имеют выдающийся лоб, тонкий нос, ласковый взор, светлый цвет лица, мягкое тело; однако, и между ними попадаются индейцы типа истого краснокожего, отличающиеся высоким ростом, более темным цветом кожи и орлиным носом. Язык их, очень благозвучный, состоит преимущественно из гласных, и гортанные звуки в нём неизвестны. Цивилизованные с незапамятных времен, пимосы умело обработывают свои земли и заботливо орошают их при помощи ирригационных каналов: гидравлические работы, сделанные их предками, могли бы служить образцом даже нынешним американцам; местами видны оросительные канавы, теперь засорившиеся, которые тянутся верст на двадцать, огибая холмы. Пимосы—народ, пришедший в упадок, и они сами знают это: по одному из их преданий, они были прогнаны из их жилищ каким-то свирепым племенем,—может-быть, апачами,—и должны были искать убежища в горах, но впоследствии вернулись, уже немногочисленные, чтобы увидать свою землю опустошенной и свои дворцы разрушенными: остатки построек, стоящие на холмах, casas grandes, описанные археологами, были жилищами их предков. В их территории, к северо-западу от Туксона, на холме, господствующем над долиной Хила, находится и «Casa Grande de Montezuma» (дворец Монтезумы), о котором упоминал иезуит Кино, в конце семнадцатого столетия, и от которого теперь остались одни стены. Впрочем,

1 „Bulletin de la Societe de Geographie", 14 mars 1877.

это имя «Монтезума» известно было только тем пимосам, которые находились в сношениях с испанцами или американцами. Их национальный герой, Монтезума современных легенд, назывался Сиуанно: во времена этого полубога пимосы, по их преданиям, благоденствовали, были богаты, жили в каменных домах и теснились в равнине, «словно муравьи в муравейнике»[1].

Из всех туземных наций ни одна не была изучаема в это последнее время более тщательно, чем пуэблосы Новой Мексики, получившие это название от девятнадцати селений, по-испански pueblos, в которых они обитали. Форма их жилищ, древности, открытые в стране, легенды о Монтезуме, воспоминание об экспедициях, предпринимавшихся некогда в поисках за «Семью городами Сибола», наконец, социальный быт и религиозные верования и

Индѣецъ Юма.

обряды этих туземцев заинтересовали ученых, и теперь мы имеем уже целую богатую литературу об этих обедневших народцах, которых считают этническим переходом между «курган-строителями» и ацтеками. Пуэблосы живут по большей части вблизи берегов Рио-Гранде; однако, одно из наиболее известных племен, зуньи, обитают вдали от этой реки, около истоков Хилы, а племя моки, причисляемое многими к пуэблосам, живет в соседстве реки Колорадо, в северо-восточной Аризоне. В земле пуэблосов находили, с половины настоящего столетия[2], любопытные жилища «утесников», Cliffdwellers, которые гнездились на вершине крутых скал, или устраивали себе логовище в пещерах, естественных или искусственных, открывающихся на половине высоты утесов; взбирались они на эти с виду неприступные скалы при помощи длинных дубинок с боковыми зубьями, вонзавшимися в дыры, пробитые

1 Alph. Pinart, цитиров. сочинение.

2 I. H. Simpson. „Report, of the Secretary of War“, 1850;—Holmes;—Jackson;—Powell; Hewberry; -Schwatka; Hamy, etc.

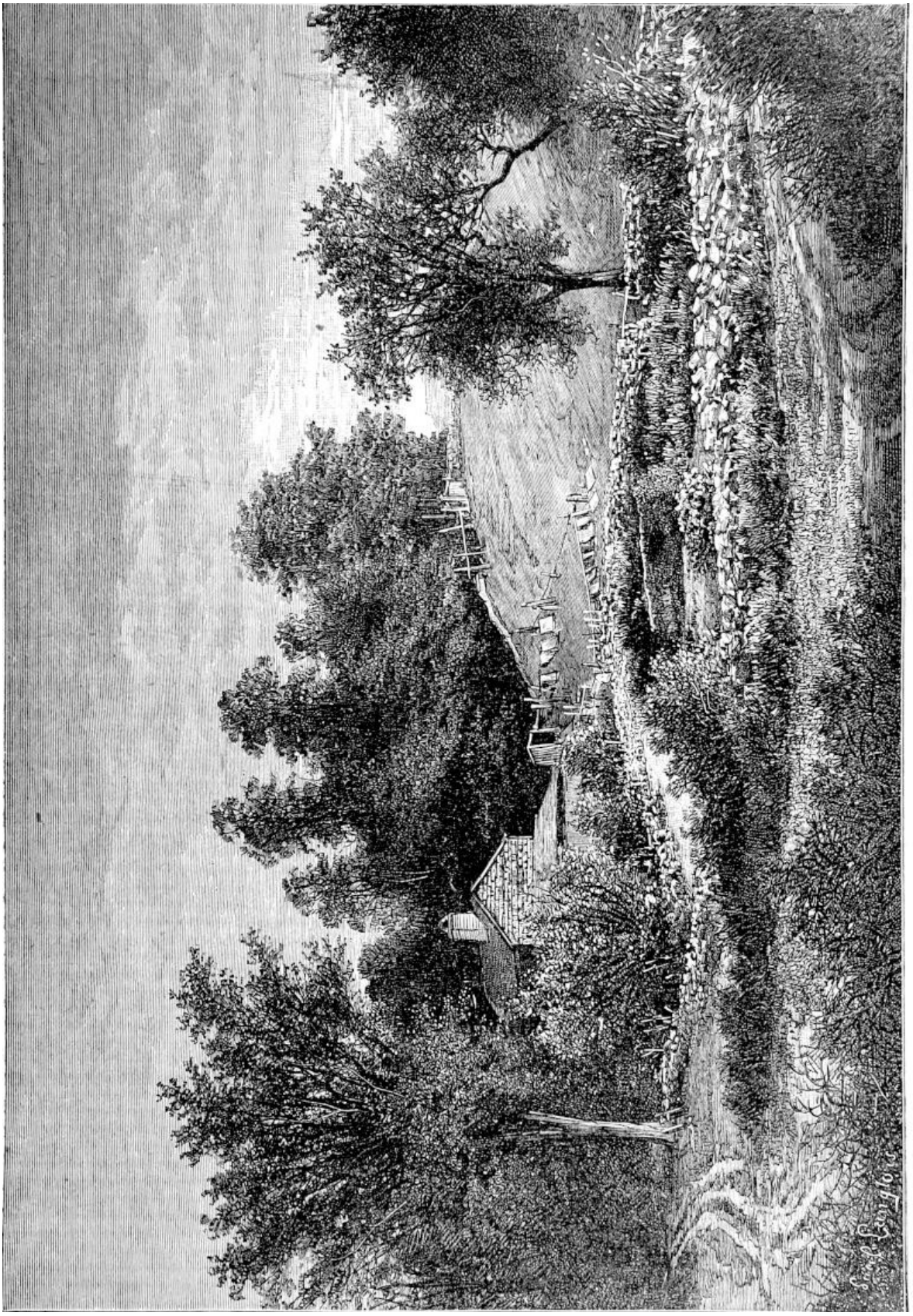
через размеренные промежутки на боках отвесной скалы. Самые странные из этих жилищ, в сравнении с которыми вершины самых круглых гор представляются легкодоступными, не имеют более обитателей; но у племени моки и теперь ещё есть деревни, построенные на mesas, или столообразных песчаниковых скалах, одиноко стоящих среди песчаного океана, почти без всякой растительности. Отвесные или представляющия лишь небольшие выступы стены круто вздымаются над равниной: снизу видишь нагнувшихся над пропастью индейцев, с любопытством разглядывающих чужеземца, или детей, играющих с козами на краю обрыва. Благодаря неприступности своего убежища, эти «утесники» всегда были гарантированы от нападений своих соседей грабителей, апачей или навахосов: опасная тропинка, легко обороняемая, есть единственный путь, которым можно добраться до их селения. Подобные жилища были тем более необходимы для моки, что религиозные предания этих туземцев запрещали им материальное сопротивление: им не дозволялось проливать человеческую кровь[1].

Самое имя «пуэблосы», данное испанцами индейским колониям на Рио-Гранде, доказывает, что в эпоху открытия Америки эти аборигены жили уже не на вершинах утесов, а в равнине, селениями,—в роде тех, в которых обитают их сородичи на полуострове Калифорнии и в северных провинциях Мексики. Эти «casas grandes» тоже представляют из себя настоящие крепости, так как наружные стены их, отвесные или с уступами, не имеют отверстий, и нужно взбираться на них по приставным лестницам, чтобы потом спуститься на крыши, террасы и во внутренние дворы, на которые обращены все кельи клана. Архитектура эта напоминает способ постройки, употребляемый племенем ургамма в Каср-эль-Муденни, в южном Тунисе: аналогичные условия существования естественно должны были привести туземцев к постройке сходных убежищ, служащих в одно и то же время местом пребывания и крепостью; некоторые из этих зданий заперты только с трех сторон строениями с вертикальными стенами, четвертая же сторона защищена небольшой выпуклой стеной. Полагают, что «утесники» Новой Мексики, вследствие постепенно увеличивавшейся сухости климата, вынуждены были сойти со своих скал и построить себе эти искусственные пещеры. Священная пляска *ка-ка*, практикуемая особенно у зуньи, но лишь в редких случаях, после продолжительных засух, придает некоторое вероятие этой гипотезе. Одни мужчины имеют право принимать участие в этом религиозном акте, но женщины представлены в нём замаскированными молодыми парнями в длинных черных париках. Одежда пляшущих голубого цвета, и главарь племени держит в руке горсть муки, которую понемногу разбрасывает на все четыре стороны, чтобы очаровать почву и вызвать рост посеянного зерна. В каждом здании пуэблосов имеется, около центральной его части, одно или несколько таинственных убежищ, estufas или «бань», в которых совершаются священные таинства, и которые украшены архаическими картинами, изображающими людей, звезды и цветки.

Прежде пуэблосы, подчиненные миссионерам, которые были в одно и то же время их главарями и наставниками, казались обращенными в католичество. Протестанты, пасторы и наставницы, также стараются обратить их в христианство; тем не менее, индейцы эти сохранили свою старую веру, и редкие путешественники белой расы, приобревшие их доверие или даже сделавшиеся их «посвященными братьями», как Кушинг и двое Менделиф, принимали участие в их религиозных обрядах, которые имеют натуралистический характер и относятся к культу змеи, к циклу времен года и возрастов жизни. В 1873 г. члены экспедиции Уилера проникли в эстуфы пуэблосов племени валлатоа, называемых испанцами хемесами, и убедились в языческой древности совершаемых там обрядов; однако, они повторяли, со слов своих испанских информаторов, что этот таинственный культ относится к Монтезуме, и что неугасимый огонь жертвенника горит в честь этого ацтекского государя, неизвестного пуэблосам. Разделение труда, которое английские экономисты всё ещё восхваляют как открытие новейшей индустрии, с незапамятных времен господствовало у индейцев пуэблос. Каждое племя, хотя совершенно независимое, соединено с другими племенами полной

1 Simpson, „Report of the Secretary of War“, 1850.

солидарностью интересов. Так, хемесы доставляли хлеб, кочити фабриковали глиняную посуду, другие выделывали ткани, а моки, поэты этих наций, слагали песни, военные и любовные.

Ферма въ Коннектикутѣ.

Рядом с этими мирными индейцами, самыми цивилизованными во всей Америке к северу от Анагуака, жили отчаянные грабители, апачи,—липаны, хикарильясы, мескалеросы и другие,—атабасканцы, забравшиеся далеко от первоначальной родины и вынужденные бес-

плодием своего нового отечества прокармливаться насчет своих соседей, обитателей долин. Последним притоном этих хищников, до интернирования их по приказу федерального правительства, была сиерра Мецацаль, в центре Аризоны: в верхней долине Рио-Тонто, изрезанной крутыми оврагами, окруженной пещеристыми скалами, краснокожие воины незаметно прокрадывались из грота в грот, неуловимые и недосягаемые для американских солдат, в которых они метили наверняка. Другие атабасканцы, навахосы, происшедшие, по сказанию их легенды, из колоса кукурузы и обитающие на плоскогорьях между Рио-Гранде и Колорадо, сумели лучше апачей приспособиться к среде, чтобы жить не грабежом, а мирным трудом[1]. Полуцивилизованные, они занимаются овцеводством, даже с большим успехом, чем их соседи испанцы, и из собираемой шерсти выделывают одеяла, по прочности и непромокаемости превосходящие все шерстяные ткани европейского производства. Кроме того, одеяла эти выкрашены в подобранные с большим вкусом яркие и прочные цвета, высоко ценимые иностранцами.

Может-быть, в эпоху открытия Новаго Света на нынешней территории Соединенных Штатов жили и другие нации, кроме перечисленных выше, так как с того времени нередко бывали ожесточенные войны между различными народцами, и кровопролитные побоища, изгнания, слияние гонимых племен с другими, принявшими их в свою среду, племенами следовали одно за другим в необъятной области, заключающейся между двумя океанами. Поэтому очень трудно было бы проследить за четыре последние столетия родословную туземцев и их четырехсот народцев, обозначаемых каждый многочисленными синонимами; невозможно также было бы указать с точностью для этих различных наций территорию, которую они занимали. Так, например, «Чернооногие» индейцы, получившие это прозвище от грязи, приставшей к их ногам во время перехода через ручьи и речки, были оттеснены с верховьев Миннесоты до самого Орегона; или другой пример, относящийся к недавнему прошлому: одно племя Продырявленных Носов переселилось, с женами и детьми, с берегов Колумбии на берега Миссури, за 2.500 километров от первоначального места жительства, сражаясь днем и продолжая бегство ночью[2].

Глава III Колонисты Соединенных Штатов, белые и черные

В наших европейских странах, тщетно было бы пытаться определить точную долю участия различных рас, слившихся ныне в однородные народы: нам не только неизвестно, в каких пропорциях они смешались, но ученые даже спорят о тождестве населений, фигурирующих в истории под одним и тем же именем. В Соединенных Штатах разыскание белых предков европейского происхождения представляется более легким, так как у нас имеются, с несколькими маловажными пробелами, летописи колонизации этой страны за три последние столетия; но если мы знаем все этнические элементы, слившиеся в американский народ, то было бы опрометчиво утверждать, в какой мере они способствовали образованию массы нации, и какие особенные черты они сообщили её характеру. Во всяком случае, было бы ошибочно видеть в Соединенных Штатах, какими они существовали до больших иммиграций новейшего времени, исключительно английские колонии. Название «англо-саксонской» республики, часто даваемое Северо-Американскому Союзу, тем менее справедливо, что сама Великобритания была населена не единственно потомками англов и саксов, и что бритты и валлийцы, гаэлы и иры—безспорные кельты. Быть-может, кельтская раса представлена в Соединенных Штатах даже сильнее, нежели германский элемент. Флеминг насчитывал в этом государстве, на шестьдесят слишком миллионов жителей, всего только восемнадцать

1 E. A. Barber, „Bulletin of the U. S. Geological Surwey“, vol. IV, № 1, 1876

2 Henri Gaullieur, „Etudes americaines“.

миллионов англичан или потомков англичан[1]. Как бы то ни было, северо-американцы, столь различные по происхождению, представляют из себя народ новый, видоизмененный скрещиванием и климатом, отличным от климата, в котором жили их предки. В жилах американского белого человека течет кровь француза и англичанина, ирландца и немца, испанца и скандинава, с примесью, что бы он ни говорил, нескольких капель крови индейца и негра.

Испанцы, Понсе-де-Леон, Памфило-де-Нарваэс, Эрнандо-де-Сото и их товарищи, были первые из европейцев, после открытия Колумба, попиравшие почву нынешних Соединенных Штатов, но лишь для того, чтобы умирать там или бежать оттуда с большим трудом. Иммигранты в собственном смысле, поселившиеся в древнейшее историческое время в стране, сделавшейся ныне северо-американской республикой, были не англичане, а французы. В 1562 г., гугенот Рибо, посланный Колиньи, основал колонию на юго-восточных берегах территории, названной им «Флоридой», но потом переименованной в «Каролину» со времени английской оккупации в царствование Карла II[2]. Эмигранты построили свои первые хижины на островке Шарльфор, может-быть, по соседству с Лимон-Айлендом[3], и расположенном у берегов одного из широких лиманов, вблизи которых впоследствии возник город Чарльстон; но, потеряв большую часть своих товарищей, унесенных в могилу лихорадками и лишениями всякого рода, оставшиеся в живых двадцать-шесть колонистов решили бежать и, пустившись в океан на сколоченном кое-как суденышке, долго носились по волнам; наконец, проходивший мимо английский корабль перенял их в европейских морях. Два года спустя, Лодоньер, другой наместник Колиньи, поднялся во Флориде вверх по течению реки Май, вероятно, той, которая теперь называется Сент-Джон, затем построил на треугольном островке крепостцу Каролину; в следующем году испанцы поспешили положить конец этому вторжению в территорию, на которую они смотрели, как на принадлежащую им по праву открытия. Прибыв с целым флотом и с 2.600 солдат и матросов, Менендес утвердился на морском берегу в Сан-Августине, затем, напал врасплох на горсть колонистов и приказал перерезать их, «не как французов, а как еретиков». Три года спустя, гасконский дворянин Доминик де-Гург отмстил за эту резню, овладев, с маленьким отрядом, тремя испанскими фортами, ближайшими к месту избиения французских переселенцев, и повесив их защитников, «не как испанцев, но как изменников, воров и убийц»[4]. Пост Сан-Августин—Сент-Огюстин, как его называют американцы—существует до сих пор: за исключением городов, возникших на месте бывших индейских селений, Сент-Огюстин, по времени своего основания, первый город Соединенных Штатов, по сю сторону Миссисипи.

В силу «права» владения, которое, по его мнению, давало ему открытие атлантического побережья Северной Америки каботажем, английское правительство охотно присвоило себе морские берега территории, составляющей ныне Соединенные Штаты, но в течение почти столетия оно не подкрепило своих притязаний никакой попыткой колонизации и культуры. Только в 1524 году царедворец Вальтер Ралейг получил в лен большую часть береговой полосы, которую он назвал «Виргинией», в честь королевы Елизаветы; но его троекратные попытки колонизации не увенчались успехом: в начале семнадцатого столетия ещё не жил ни один англичанин на континенте Северной Америки, где теперь обитает столько миллионов людей, принадлежащих к этой национальности. Англичане прочно основались только в 1607 г., т.е. сорок пять лет спустя после высадки французов на берегу острова, лежащего в лимане реки Джемс, в Виргинии, и основали город Джемстаун, место для которого, впрочем, было выбрано очень неудачно, и от которого теперь осталась только развалина церкви. Первые колонисты были рабочие да авантюристы-мещане без определенной профессии; новобранцы следующих годов, приходившие пополнять собой виргинское население, принадлежали к тем же классам общества. Голодовки, болезни, война похищали много жертв среди

1 John C. Fleming, „North-American Rewiew“, Aug. 1891.
2 Paul Gaffarel, „Histoire de la Floride francaise“.
3 George Bancroft, „History of the United States“.
4 „The Parkman, „Pioneers of France in the North World“;—Paul Gaffarel, цитиров. сочинение.

переселенцев, так что в 1619 г., двенадцать лет спустя после основания Джемстауна, в колонии насчитывалось не более шестисот душ. Но с этого времени население стало быстро возрастать, благодаря культуре табака, введенного с Антильских островов. Концессионеры выписывали из Англии целые грузы молодых девушек гарантированной честности, которые продавались с публичного торга, по цене от 1.200 до 1.500 фунтов табаку за штуку. Все колонисты, мужчины и женщины, были англо-саксонского, ирландского или шотландского происхождения.

Собственники плантаций скоро придумали средство заменить себя в полевых работах; прежде даже, чем употреблять труд негров, привозимых с Антильских островов, они стали утилизировать руки крепостных белой расы. Эти «наемные работники» (indented servants) были временными невольниками, которых покупали, как рабочий скот. Специальные агенты занимались вербовкой этого человеческого скота во всех портах Англии и поставляли его по определенной цене за голову; иногда они дополняли груз корабля, похищая мужчин и женщин на улицах; наконец, английское правительство само питало эту торговлю людьми, отправляя в Чизапик пленных, захваченных во время междоусобных войн. Промышленники, снабженные формальным полномочием, беспрепятственно охотились на человека. Кроме того, Англия ссылала преступников в американские колонии и продавала их там с публичного торга.

Из этого видно, что население Виргинии слагалось из самых разнообразных элементов. Слишком сорок лет спустя после основания колонии, во время революции в Англии, значительное число «кавалеров», дворян или мещан, эмигрировали в Виргинию, и многие из них сделались там крупными землевладельцами; но в 1660 г., после реставрации Стюартов, большинство этих эмигрантов уехали обратно в метрополию. Хотя выражение «первые фамилии Виргинии» (*first families of Virginia*, или сокращенно *f. f. V.*) вошло в поговорку, однако, не подлежит сомнению, что главная масса белого населения—плебейского происхождения; она происходит в особенности от первых колонистов и от наемной прислуги. Что, вдобавок ко всему, способствовало присвоению этим поселением названия аристократической колонии, это—употребление негров на земледельческие работы[1]; в 1620 г. первый невольничий корабль высадил свой груз на берегах реки Джемс. Сделавшись владельцами человеческих стад, живя в богатстве и роскоши, плантаторы, судьи и представители округов легко вообразили себя потомками старинных дворянских родов Великобритании; они называли себя сквайрами, и штат их до сих пор ещё с гордостью сохраняет за собой имя *Old Dominion*.

В то время, как колонизация виргинских земель была вверена королем Иаковом обществу царедворцев, которых их американские ленники взяли себе за образец, северные области, соседния с Канадой и уже прозванные «Новой Англией», были предоставлены компании купцов, по большей части плимутских и бристольских. Компания эта сделала несколько попыток, тоже неудачных, к эксплоатации своих земель. Основание первого поселения, которое должно было получить ещё более важное значение в истории нации, чем колонизация Виргинии, относится к 1620 г. В этом памятном году сто два эмигранта, мученики за веру, вынужденные бежать сначала в Голландию и оттуда пустившиеся за океан, к устью Гудсона, на барке *Mayflorver*, по ошибке пристали к береговой скале Новой Англии. Десять лет спустя другая партия пуритан, числом около трехсот человек, высадилась на берег в соседстве с первой, в Салеме, командующем над входом в Бостонскую бухту, и с того времени заселение распространялось шаг за шагом далее внутрь страны. Благодаря отдаленности метрополии, эмигранты пользовались неоценимой привилегией в том смысле, что могли управляться сами собой; но, суровые сектанты, пуритане Плимута и Массачузетса пытались организовать у себя теократическую демократию по ветхозаветному образцу. Ревностные члены церкви одни имели права гражданства; все акты жизни, публичные и частные, регламентировались законами; уголовное возмездие было беспощадно жестоко. Религиозная нетерпимость уси-

1 August Carlier, „Histoire du peuple Americain“.

лилась до того, что диссиденты, вынужденные искать в бегстве спасения от преследований, основали отдельные колонии в Род-Айленде; другие рои колонистов осели в Коннектикуте и Нью-Гампшире. Суровость пуританского режима, в соединении с суровостью климата и бесплодием почвы, не могла, конечно, привлекать иностранцев: оттого до эпохи новейших больших иммиграций население Новой Англии оставалось очень однородным. Оно состояло почти единственно из англосаксов, с незначительной примесью потомков шотландских и ирландских пресвитериан и весьма малого числа наемных работников, набираемых где-попало, подобно виргинской челяди. Несколько французских гугенотов поселились в Массачузетсе, после отмены Нантского эдикта; но в сравнении с массой колонистов число их было ничтожно. Негры тоже ввозились. Говорят, что, привезя «пилигримов», *Mayflower* отправился в Африку за грузом чернокожих для Антильского рынка[1]. Одно и то же судно служило для перевозки свободных людей и невольников для торговцев живым товаром: так подготовлялось столкновение, долженствовавшее в отдаленном будущем обагрить кровью американскую почву.

Население Нью-Йоркского штата гораздо более смешанного происхождения, сравнительно с населением Новой Англии и Виргинии. Уже в 1615 г., за несколько лет до прибытия пуритан в Массачузетс, голландцы построили на реке Гудсон форт Оранский, в том месте, где ныне стоит город Альбани, столица штата. В 1623 г. триста фламандцев французского языка, уроженцев города Авен (Avesnes) были привезены Жаном де-Форе на остров Манаттан, где теперь находится Нью-Йорк; затем туда же прибыли голландские колонисты, и, благодаря поддержке со стороны правительства метрополии, заменили именем «Новый Амстердам» имя «Новый Авен», которое носил нарождающийся город, сделавшийся первым городом, *Empire City*, Нового Света[2]. В начале число жителей Нового Амстердама возрастало медленно; но около половины семнадцатого столетия удобства, представляемые портом на реке Гудсон для торговых сношений, и религиозная терпимость голландцев привлекли переселенцев из разных стран Европы, евреев, французских гугенотов, лютеран, немцев и швейцарцев, даже итальянцев. Англичане и пуритане из Новой Англии также приходили искать убежища в голландских владениях, важность которых быстро увеличивалась. После полувекового существования, колония попала в руки англичан; но до начала восемнадцатого столетия голландские колонисты, и даже французские протестанты, превосходили числом англо-саксонских иммигрантов. Начиная с этой эпохи прилив переселенцев из Великобритании доставил численный перевес британскому элементу, но, вследствие притяжения торговли, штат Нью-Йорк всегда представлял в составе своего населения наиболее высокую цифру жителей, родившихся в различных странах европейского континента и в Ирландии. Там насчитывают по крайней мере четверть иноземцев не-англичан, к которым следует ещё прибавить потомков, иноплеменников, поселившихся в крае в предшествовавшие два с половиной века. Что касается колонии Нью-Джерсей, то соседство большого города, от которого она отделена только рекой Гудсон, сделало её, с этнографической точки зрения, настоящим округом Нью-Йоркского штата: там можно встретить представителей всех стран Европы; но первоначальное население состояло почти всё из англичан, квакеров или пуритан.

Жители Пенсильвании имеют троякое происхождение: они происходят от английских квакеров, от эмигрантов северной Германии, почти все протестантов, и от ирландцев пресвитериан, пришедших из Бельфаста и окрестных местностей. Английский элемент, представленный квакерами, был маловажен по численности, но он долго сохранял преобладающее влияние. Когда вспыхнула война за независимость, немцы составляли не менее трети населения, исчисляемого в 30.000 душ. Несколько потомков шведов, поселившихся на берегах Делавара, шотландских крестьян и ссыльных, также входили некоторой долей в число жителей Пенсильвании. Так же было в Мериленде, который с 1699 г. безусловно признал принцип веротерпимости. Штат этот, граничащий, близ Чизапика, с Делаваром и прилегаю-

1 N. Hawthorne, „Englisch Note-books“.

2 Vildet d'Aoust, „Compte rendu de la Societe de Geographie“, 1871, № 12.

щий своими западными равнинами к Пенсильвании, связан этнографически с своими двумя соседями: на востоке преобладает население английского происхождения, на западе очень многочисленны потомки немецких переселенцев.

В Северной Каролине белокожие жители британской и ирландской национальности лучше, чем в какой-либо другой части Союза, сохранили чистоту своей расы; только небольшие группы немцев и швейцарцев укоренились в Новом Берне и в других пунктах по берегам Незы: северные шотландцы часто высаживались в Вильмингтоне, и до недавней эпохи группы населения гаэличсского языка сохранялись во внутренних лесных местностях[1]. Со времени войны за независимость иностранная иммиграция в эту часть северо-американской республики почти совершенно прекратилась, и многие из европейских стран, в том числе и Франция, имеют гораздо более космополитическое население, чем Северная Каролина. Что касается южных каролинцев, то предки их были разнообразного происхождения: в состав первоначального общества колонии вошли английские пуритане, шотландские пресвитериане, ирландцы, голландцы из Нового Амстердама, немцы, ссыльные и наемные работники разного рода и племени; плантаторы с острова Барбады, высадившиеся на мысе Фир, привезли с собой свои дворни невольников. Тысячи французских протестантов, изгнанных из Сентонжа, Лангедока, Пуату, Турени, также пришли искать нового отечества в этой стране, первая попытка колонизации которой принадлежала одному из их единоверцев и земляков. Большинство французов поселились в Чарльстоне и севернее на берегах Санти. Потомки их составляют значительную долю нынешнего населения этого штата; но число их невозможно определить в точности, так как многие французские фамилии приняли английскую форму или даже были просто переведены. В самой южной из тринадцати первоначальных колоний, в Георгии, основанной в 1732 г. Оглеторпом, первое население не отличалось такой пестротой, как население Южной Каролины: оно состояло почти исключительно из иммигрантов английских, шотландских, немцев из Зальцбурга и швейцарцев; «моравские братья» образовали в этой провинции довольно многочисленную общину. Также как колонисты других приатлантических штатов, георгийцы не могут быть рассматриваемы как представители англо-саксонской расы.

Кентукки, Тенесси, территории, первоначально входившие в состав Виргинии, принадлежали к числу тех областей Соединенных Штатов, где британская основа населения сохранилась в наибольшей чистоте. Наиболее предприимчивые колонисты, проникшие в самое сердце Аллеганских гор, постепенно поднимались по их длинным параллельным долинам к юго-западу и, наконец, достигли верховьев реки Тенесси. Но в западном направлении предгорья Аппалахской цепи и земли, полого спускающиеся к реке Огайо, были покрыты сплошным лесом, который долго казался непроходимым. Наконец, в 1766 г. некоторые смелые пионеры прорубили тропинку в лесу, вскоре за ними последовали другие и, после продолжительной борьбы с индейцами, успели основать постоянные поселения на «мрачной и кровавой почве» Кентукки. Потомки этих первых колонистов, усиленных другими виргинцами, до сих пор ещё живут в крае и, кроме как в прибрежных местностях по реке Огайо и особенно в городе Луисвиль, они не смешались с другими американцами и с переселенцами из Европы.

В бассейне Миссисипи и в областях, простирающихся до берегов Тихого океана, иммигрантам англо-саксонского происхождения предшествовали, как во Флориде, французы и испанцы. Через область Великих озер трапперы и пионеры, французы и метисы, основали там и сям несколько деревень на полуостровах, омываемых озерами Гурон и Мичиган, на берегах Вабаша, реки Иллинойс; они даже перешли Миссисипи, поднялись вверх по течению Миссури и начали разработку свинцовых рудников; затем, когда они поселились в Луизиане в 1699 г., они связали свои северные владения с южными рядом острогов, построенных на утесах левого берега. Вся английская территория атлантической покатости очутилась таким образом оцепленной огромным полукругом пустынь, на которые Франция заявляла

1 Fr. Law Olmsted, „Visit to the Slave States“.

свои права на основании редко разбросанных поселений, основанных её колонистами и соединенных неопределенными тропами. По другую сторону миссисипского бассейна, на побережьи Техаса, в долинах Пекоса и Рио-Гранде, наконец, на берегах Калифорнии все жители белой расы были испанцы или креолы кастильского языка, и теперь ещё обитатели Новой Мексики называют себя в большинстве потомками спутников Кортеса.

Но за исключением этой страны, а также некоторых округов Мичигана, Иллинойса, Миссури и Луизианы, группы чисто латинского населения давно уже замыты волной собственно американцев. Однако все основанные этими поселенцами романской расы крепостцы послужили опорными точками для заселения, сократив на много лет начальное дело колонизации введением земледелия и усмирением индейцев. Когда приатлантические колонии окончательно обеспечили свою независимость и, избавившись от бича войны, получили возможность подумать о развитии огромных экономических рессурсов своей территории, земледельцы тысячами переходили горные цепи и леса, служившие в течение ста лет преградой английской колонизации, и спускались в плодородные области бассейна Огайо. На юге виргинцы основали поселения в Кентукки и породили энергическую расу пионеров, прославившуюся спокойным мужеством, присутствием духа, изобретательностью по части стратагем. На севере поселенцы Новой Англии, жители Нью-Йорка, и Пенсильвании колонизовали территории «Северо-Запада», из которых впоследствии образовались штаты Огайо, Индиана, Мичиган, Иллинойс. В ту эпоху семьи пуритан Массачусетса, фермеры Коннектикута и соседних штатов отличались большой плодовитостью: оттого эмиграция направлялась из этих областей в равнины запада в виде настоящего человеческого потока. Никогда поход военных полчищ не представлял ничего подобного этому свободному и мирному движению целой нации. Как жалкой кажется в сравнении с этим переселением оффициальная колонизация, когда она совершается под руководством чиновников, которым поручено выбирать земли для переселенцев, регулировать заселение и сочинять законы против возможных уклонений будущих жителей! Канадские французы видели уже только бостонцев между всеми этими колонистами английского языка, которых они встречали по другую сторону Великих озер. Вычислено, что около 1850 года треть белого населения Соединенных Штатов, т.е. восемь миллионов человек, считала между своими предками одно или несколько из четырех тысяч семейств, находившихся в пуританских колониях около половины семнадцатого столетия. А их доля влияния на судьбы Америки,—как её оценить? «Предки странники» были, без сомнения, самодуры и фанатики, но они всем рисковали не для того, чтобы искать золото или обогащаться производством колониальных товаров, но чтобы завоевать себе свободу веровать, жить и управляться по-своему.

Великое эмиграционное движение, увлекающее, со времени окончания наполеоновских войн, обездоленных и авантюристов Европы в Новый Свет, «обыкновенное убежище потерявших надежду», по выражению Сервантеса, произвело значительную перемену в этнографическом составе населений, распространяющихся в миссисипских странах. Немцы и ирландцы, массами устремившиеся за океан, англичане, переселявшиеся прямо из метрополии или из Канады в Соединенные Штаты, канадские французы Новой Англии и прилегающих к Великим озерам штатов, скандинавы, поселившиеся в Висконсине и в соседних штатах, наконец, русские, итальянцы, португальцы, азорцы, прибывающие в постоянно увеличивающемся числе, глубоко видоизменили скрещиваниями кровь «бостонских» пионеров. В 1848 году занятие Калифорнии и открытие золотых приисков ввели ещё новые элементы в круговорот американской жизни: к представителям европейских народов примешались мексиканцы, перувианцы, чилийцы и другие креолы полуиндейского происхождения; канаки с Сандвичевых, тагалы с Филиппинских островов, малайцы из Зондского архипелага также вошли, как химические ингредиенты, в эту смесь рас, и хотя китайцы и японцы обыкновенно держатся в стороне, однако, и они способствуют в известной мере этому опыту смешения племен, совершающемуся в Соединенных Штатах в колоссальных размерах. Сыны Израиля, очень редкие в первые времена иммиграции, сделались в эти последние годы одним из этнических элементов, наиболее быстро возрастающих, и теперь уже в каждом городе имеется

многочисленная колония евреев, немецких или русских. Мало того—как бы для дополнения этой пестроты рас и национальностей, тысячи цыган, по большей части английские *Gypsies*, переселились в Новый Свет, чтобы продолжать там свою кочевую жизнь. Смешения между

Китайскій кварталъ въ Санъ-Франциско.

различными элементами населения, даже между различными расами прибавляют ещё новые группы к тем, которые встретились на территории Соединенных Штатов, приходя со всех концов земного шара.

В виду этого множества рас и подрас и при почти полном неведении, в котором мы находимся об относительной плодовитости семейств различного происхождения в разных климатах и в течение ряда поколений, нет никакой возможности определить истинное соотношение этнических элементов в составе народа Соединенных Штатов. Нужно ограничиться исчислением колонистов, родившихся в чужих странах: другие, уже вошедшие в громадную лабораторию американского общества, составляют в действительности часть совершенно новой нации, имеющей свои достоинства и недостатки, свои отличительные черты, свою самобытную индивидуальность. Тем не менее, не имея намерения составлять точную статистику, можно всё-таки попытаться классифицировать население Соединенных Штатов по большим группам, соответствующим некоторому разделению труда в совокупности нации.

Жители Новой Англии, те, которых специально называют *янки*,—альгонкинское прозвище первых английских колонистов, распространенное впоследствии без всякого основания на всех северо-американцев,—были до нашествия в их штаты ирландских и франко-канадских переселенцев самыми чистыми представителями так называемой «англо-саксонской» расы, т.е. английской национальности, пересаженной в Новый Свет. Имя *New England* (Новая Англия), данное совокупности их штатов, было вполне справедливо. Из всех англо-американцев жители Новой Англии всего более походят на англичан по манерам, традициям, домашним обычаям, всего более выказывают сыновней привязанности к своему первоначальному отечеству, всего более поддерживают сердечные отношения со своими родичами Старого Света и проявляют наибольшее уважение к драгоценному сокровищу общего языка. Но как ни сильны ещё узы кровного родства и симпатии, тем не менее, в течение трех веков в населении Новой Англии произошли значительные перемены под влиянием иной природы и нового образа жизни. В среднем, бостонцы худощавее, стройнее англичан, черты лица у них резче очерчены, губы тоньше, движения порывистее, у них больше нервной подвижности, хотя, как и другие американцы, они относительно спокойны и умеют владеть собою: отсюда прозвище *white-livered*, или «люди с белой печенью», данное им их южными соотечественниками.

Впрочем, каковы бы ни были доли влияния первоначального происхождения и среды, в которой они развивались со времени прибытия корабля *Mayflower*, нео-англичане бесспорно занимают первое место между северо-американцами: им принадлежит умственная и нравственная гегемония. Перечень американских писателей свидетельствует об огромном преобладании Новой Англии в мире мысли, литературы и искусства; по части практического применения науки к промышленности, янки также занимают первое место. Если они несколько пренебрежительно оставляют другим американцам важнейшую роль в грубой избирательной борьбе, в государственной и общественной службе и в народных волнениях, тем не менее они не раз имели решительное влияние в великих исторических движениях нации: им в особенности Соединенные Штаты обязаны приобретением политической независимости. Первое возмущение против метрополии вспыхнуло в их главном городе; с самого начала борьбы они отвоевали себе свободу и затем пошли освобождать своих соседей: маленький северный штат Массачузетс один имел больше республиканских солдат, чем все южные штаты вместе[1]. Точно также преимущественно нравственному влиянию Новой Англии северо-американская республика обязана своей реорганизацией путем отмены рабства. Таким образом, в двух великих национальных кризисах янки были инициаторами. Их относительная важность в жизни нации не могла не уменьшиться со времени заселения остальной страны и перемещения центров культуры, торговли и богатства; однако, северные штаты всё ещё сохраняют косвенно свое первенство беспрестанным выделением из себя переселенцев в ново-колонизованные земли и специальностью, которую они взяли себе в общем деле народного образования: это штаты Новой Англии снабжают остальной Союз учителями, учительницами и учебными руководствами.

Подобно тому, как семьи Новой Англии выделяли из себя новые рои в другие страны Со-

1 Adolf Douai, „Land und Leute“.

единенных Штатов и преимущественно в области, простирающиеся на Запад, также точно виргинцы заселили последовательно центральные штаты, Кентукки и Тенесси, затем способствовали в широкой мере колонизации Замиссисипья. Говорят, что от восьми до десяти миллионов жителей Союза ведут свой род от виргинцев, хотя в самой Виргинии белое население состоит всего из миллиона душ. Но это дело колонизации, по мнению Шалера[1], имело следствием оскудение первоначального ствола, уменьшение его физической силы и нравственной энергии. Уход молодых и деятельных членов общества, тогда как дома оставались слабые, больные, люди без инициативы, был-де гибелен для первоначальной расы. Как бы то ни было, не может быть и речи о вырождении относительно потомков этих виргинских эмигрантов, особенно относительно жителей верхних долин реки Тенесси и её притоков. Напротив, население Кентукки славится своей красотой, силой и ловкостью. В этих странах Нового Света, которые по характеру местности всего более походят на слегка волнистые области Западной Европы, европейский корень населения пустил свои лучшие отпрыски. Американец центральных штатов не имеет в своей наружности той жесткости, которая характеризует истого янки; добродушный и простой, он не имеет ничего фанатического в физиономии, никакой суровости в нравах, но он так же деятелен, нервен, непостоянен, так же любит наживать деньгу и ещё более тратить её. Наиболее резкие контрасты между американцами различных частей Союза те, которые представляют с земледельцами Севера потомки плантаторов, «креолы», особенно луизианские, и так называемые «малые белые» Юга; но контрасты эти происходят в особенности от совершенно различного образа жизни, который вели те и другие, вследствие различия социальных условий. На первый взгляд, калифорнцы тоже отличаются от американцев восточных и центральных штатов большей развязностью, большей веселостью и живостью характера, большей нравственной свободой.

Ирландский элемент в недавнем прошлом гораздо более выделялся среди англо-американского общества, чем это мы видим в настоящее время. После большого голода, постигшего Ирландию, началась массовая эмиграция оттуда за-океан. Толпы несчастных, бежавших с проклятого острова, состояли почти исключительно из ирландцев-католиков, которых побуждала группироваться вместе общность расы, страданий и вероисповедания. В 1880 г., когда эмиграционное движение достигло наибольших размеров, около 190.000 сынов «Зеленаго Эрина» высадились в портах Соединенных Штатов, и в эту эпоху насчитывали на всём пространстве за-атлантической республики 1.855.000 жителей, родившихся в Ирландии, и 4.529.000 родившихся в Америке от отца-ирландца. Число колонистов уроженцев Зеленого острова и жительствующих в Америке превосходит теперь слишком в два раза число островитян, оставшихся в метрополии. Любопытно, что ирландцы, почти все без исключения земледельцы у себя на родине, обыкновенно меняют род занятия по прибытии в Соединенные Штаты. В то время, как немецкие крестьяне продолжают заниматься обработкой почвы и рассыпаются по деревням и поселкам, от атлантического побережья до Миссисипи, ирландцы предпочитают оставаться в больших городах или их предместьях; сначала они работают в качестве носильщиков, чернорабочих, выгрузчиков, землекопов, затем, скопив несколько долларов, делаются ремесленниками, подрядчиками, торговцами и, принимая горячее участие в местной политике, не упускают также случая урвать кусок общественного пирога, в виде доходного местечка. Что касается ирландских женщин, то они нанимаются в американские семейства в качестве *helps*, «помощниц» или служанок, и современем, посредством брака с земляками или с американцами, входят последовательно в свободное общество; они также остаются по большей части в городах и способствуют умножению промышленного и торгового населения. Таким образом, по какому-то удивительному контрасту, земледельческая Ирландия, с разбросанным населением, создает по другую сторону океана Ирландию существенно городскую. Но этот новый Эрин мало-по-малу теряет свою прежнюю силу сцепления: обезлюдневшая метрополия посылает ему уже ежегодно лишь небольшой контингент новых переселенцев; браки, предприятия, деловые интересы растворяют ирландские

1 „The Sommer's Journey of a Naturalist", Atlantic Monthly, September, 1878.

элементы в англо-американском мире, а с тех пор, как католицизм имеет в Соединенных Штатах последователей всякого языка и всякой расы, и религия перестала влиять в смысле сохранения ирландской национальности. Замечено почти во всех частях Союза, что ирландцы в политической борьбе всегда становились на сторону защитников рабства, без сомнения, из ненависти к неграм, оспаривавшим у них работу. Во время междоусобной войны ирландцы Нью-Йорка и других больших городов Севера занятым ими положением в отношении вспыхнувшей распри всего более поощряли южан к их долгому и упорному сопротивлению.

Германский элемент в Соединенных Штатах распадается на две совершенно отличные одна от другой части: потомков бывших наемников, привезенных во времена английского господства, и немцев, переселившихся добровольно с 1848 года, одного из климатерических годов истории. Почти все немцы первой иммиграции были родом из Швабии и долины Рейна. Когда Вильям Пенн, в конце семнадцатого столетия, купил у индейцев земли, сделавшиеся впоследствии колониальной провинцией, затем штатом Пенсильванией, многие прирейнские жители, крестьяне из Шварцвальда и Рауэ-Альп, внимая призыву, с которым он обратился ко «всем несчастным и угнетенным», пришли поселиться вокруг него. За этими пионерами колонизации последовали другие эмигранты, вышедшие из той же страны и в тех же условиях крайней бедности. Очень многие из них шли пешком, побираясь, вдоль Рейна до Голландии, где нанимались на несколько лет к какому-нибудь капитану судна, который перепродавал их на рынках американского порта.

В 1709 г. необыкновенно суровая зима довела до последней степени нужды прирейнские и палатинские населения, территория которых перед тем уже была опустошена войной, и случай этот показался королеве Анне благоприятным для вербовки рабочего люда в её заморские колонии. Беглецы стеклись массами, в гораздо большем числе, чем их ожидали: до 32.000 голодных немцев расположились лагерем в окрестностях Лондона, на Блекгетских пустырях. Правительство не сделало никаких приготовлений к приему выходцев, ни к защите их от туземных рабочих, враждебно смотревших на всякого чужеземца-конкуррента. Народ стал целыми шайками нападать на пришлых немцев, многие из них должны были разбрестись, куда глаза глядят, и умирали на дорогах от голода и истощения сил. Тех из них, которые оказались католиками, безжалостно выпроваживали обратно на континент. Другие, тысячами высланные в разные места, на север Англии, на острова Силли (Сорлингенские), в Ирландию, ходили по миру, выпрашивая работы или клочек земли, и почти везде получали отказ. Только треть эмигрантов, около десяти тысяч человек, увидели, наконец, после долгого, более, чем годового ожидания, исполнение королевского обещания и были отправлены в Пенсильванию в качестве «наемников», т.е. временных невольников[1]. Специальные подрядчики, окрещенные именем *soul-drivers*, «торговцы душами», сделались коммиссионерами в этой торговле живым товаром, и каждый город имел свой рынок, где выставленные на торгу несчастные продавались в услужение на разные сроки, от двух до десяти лет. Такая продажа «наемников» продолжалась до войны за независимость и даже в начале настоящего столетия: главная причина, заставившая прекратить эту торговлю, была та, что эти работники, не отличаясь цветом кожи от своих господ, легко могли уходить в бега. Большинство их служило у своих земляков. Немцам же, колонистам восточных округов Пенсильвании, были сданы, за известную плату, во временное крепостное состояние пленные гессенские солдаты, проданные Англии их государями[2].

Без сомнения, немецкие колонисты Пенсильвании и Мериленда, вольные или порабощенные, были лучше сгруппированы, чем иммигранты всякого иного этнического происхождения, и легко могли бы образовать из себя новую нацию, если бы обладали малейшей солидарностью и сознанием своей силы; но слишком покорные от природы, слишком приниженные судьбой, чтобы заявлять свои национальные права, они почти все старались возвы-

1 Franz Loher, „Geschichte und Zustande der Deutschen in Amerika“.

2 G. von Rath, „Pennsylvanien“.

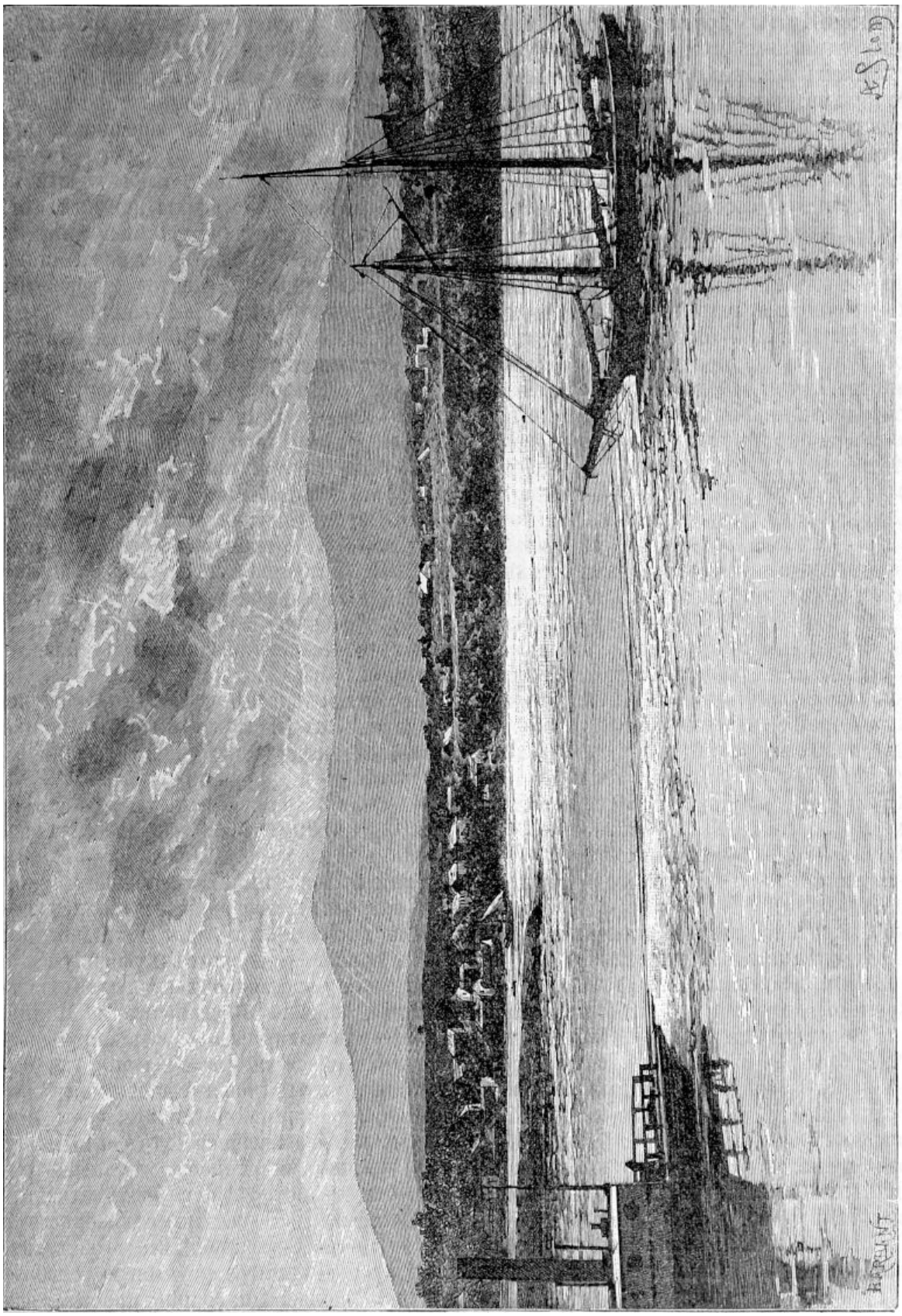
ситься, сливаясь с господствующим населением, с англо-американцами. Притом же они не имели с своим первоначальным отечеством никаких сношений, ни политических, ни торговых, вся связь их с родиной ограничивалась редкой семейной перепиской; цивилизацию они получали целиком от своих соседей английского языка. Оттого большинство их забывали родную речь после первого или второго поколения; очень многие переменяли даже фамилию, либо переводя её по-английски, либо заменяя её каким-нибудь личным прозвищем или именем, заимствованным от названия места жительства, так что теперь невозможно было бы определить численную силу старинных родов немецкого происхождения, населяющих центральные штаты, особенно Пенсильванию и Мериленд. Сохранившие же германские имена и родное областное наречие примешивали к нему такое множество английских слов, навязанных новыми условиями их существования, что соотечественник, прибывший из Германии, не в состоянии понять их говора. Народная литература богата курьезными книгами, написанными на этом жаргоне, который не есть ни немецкий, ни английский язык, и который часто дает повод к забавным ошибкам. Только с половины нынешнего столетия некоторые *Dutschlanders* старейших колоний были возвращены патриотами новой иммиграции в лоно германской национальности, сознающей себя или даже агрессивной.

Немецкие иммигранты, пришедшие массами с 1848 года во все части за-атлантической республики, земледельцы, промышленники, коммерсанты, представители свободных профессий, имели в своих рядах достаточно людей дельных и предприимчивых, чтобы тотчас же выделиться своим трудом в совокупности американской нации. В большинстве они сделались соотечественниками янки, вследствие более или менее частого употребления английского языка и участия в социальной и политической жизни; но они отличаются от янки характером, нравами и, по крайней мере в первом поколении, составляют род нации в нации. Они остались в постоянных сношениях с своим первоначальным отечеством и в большой мере способствуют торговле, происходящей между Гамбургом и Нью-Йорком, а также между другими портами двух стран. Они ввели в Соединенных Штатах немецкие праздники и церемонии, поют хором национальные гимны, культивируют свою родную литературу и развивают её в школах, театрах, журналах и книгах; они даже воздействуют в сильной степени на общественное мнение и успевают расположить его в свою пользу, как это можно было видеть во время франко-германской войны 1870 г. Вследствие этих событий, изучение немецкого языка быстро распространяется в американских школах; даже в штате, бывшем некогда французской территорией, в Миссури, преподавание этого языка сделалось обязательным, и большинство американских студентов, уезжающих за границу для довершения своего образования, направляются в германские университеты; для изучения живописи главным притягательным центром является Париж.

Оценки, относящиеся к численности немцев, живущих в англо-американской республике, сильно расходятся между собой вследствие различия определений. С точки зрения многих патриотов, немцами следует признавать всех родившихся в Америке от германских родителей или даже насчитывающих одного или нескольких германских иммигрантов между своими предками: этим объясняются цифры в шесть, даже в десять миллионов, приводимые в некоторых сочинениях, как число немцев, населяющих Соединенные Штаты. Другие писатели, более умеренные в своих претензиях, причисляют к немцам всех жителей Северо-Американского союза, которые сохранили свое фамильное имя и могут ещё более или менее разговаривать на первоначальном языке. Самое благоразумное исчисление присвоивает название немцев собственно иммигрантам этой национальности и членам их семейств, для которых немецкая речь остается обычным языком. Число этих последних относительно очень невелико,—так сильно действует притяжение, оказываемое американским обществом на пришельцев, вступающих в его среду; все дети, можно сказать, думают сначала на языке страны[1]; большинство иммигрантов, быстро объамериканиваются, так что после нескольких лет пребывания в новом отечестве они уже всегда говорят по-английски, даже в интимном

1 Wilhelm Libknecht, „Ein Blick in die Neue Welt“.

кругу домашнего очага. За неимением специальной статистики, основанной на показаниях самих граждан, можно оценивать приблизительно в два с половиной миллиона душ общую численность германского элемента в Соединенных Штатах. Движение немецкой иммигра-

Скатскильскія горы на берегахъ Гудсона.

ции в эту страну выразилось следующими цифрами за время с 1820 по 1890 год: с 1820 по 1830 г.—6.751 чел.; с 1831 по 1840 г.—152.454 чел.; с 1841 по 1850 г.—434.626 чел.: с 1851 по 1860 г.—951.667 чел.; с 1861 по 1870 г.—822.077 чел.; с 1871 по 1880 г.—757.628 чел.; с

1881 по 1890 г.—1.457.000 чел.; всего—4.582.000 чел.

Что касается евреев, обыкновенно причисляемых к немцам или к русским, то их следовало бы исчислять особо; общее число их, вероятно, доходит до пятисот тысяч душ, и колонии их, почти исключительно городские, быстро возрастают со времени усиления европейской эмиграции из России.

В сравнении с ирландцами и немцами, другие европейские нации способствовали лишь в гораздо меньшей мере заселению Соединенных Штатов. Колонисты, пришедшие прямо из Франции, особенно в Нью-Йорке, в Калифорнии, в Луизиане, малочисленнее даже потомков французских эмигрантов семнадцатого столетия, более или менее смешавшихся с массой американского населения. Особенно в отношении глубокого влияния на расу они далеко уступают франко-канадцам; но последних нельзя считать иммигрантами в собственном смысле слова. Удаляясь лишь на небольшое расстояние от места происхождения, слишком тесного для их деятельности, они только расширяют свою область заселения, следуя за движением, увлекающим к западу жителей Новой Англии: общее потрясение, перемещающее янки, перемещает также франко-канадцев, которые являются во множестве заменять собою ушедших, либо с намерением вернуться со временем в родные места, либо для того, чтобы поселиться в новом отечестве, но всегда поддерживая сношения с родными и друзьями, оставленными по другую сторону политической границы. Северная часть штата Мэн уже оказывается присоединенной к франко-канадской этнической области провинции Квебек; в некоторых смежных с Канадой округах Вермонта и Нью-Гемпшира французский элемент также является преобладающим; и каждый промышленный город Новой Англии имеет свою канадскую колонию, вскоре разделяющуюся на две фракции: объамериканившихся и «Jean-Baptiste»'ов, оставшихся верными своей кленовой ветке, символу нации. В Мичигане, Индиане, Иллинойсе, Висконсине, Миннесоте распространение франко-канадской расы совершается подобным же образом, хотя и в меньшей степени, как разлив выступившего из берегов озера.

Число французов и франко-канадцев в Соединенных Штатах в 1891 г., по приблизительной оценке: потомков французских колонистов и черных «креолов» Луизианы—80.000 чел.; французских иммигрантов—100.000 чел.; франко-канадцев—820.000 чел.; всего—1.000.000 чел.

Скандинавские иммигранты, шведы и норвежцы, датчане и исландцы, сделались относительно многочисленными в последние десятилетия, прибавляя очень ценную силу к земледельческому населению холодных северных штатов, каковы Висконсин и Миннесота. Также и итальянцы, до недавнего времени направлявшиеся исключительно в Южную Америку, узнали теперь дорогу на северный континент, и их предприимчивость, страсть к наживе, развившаяся под влиянием нужды, их крайняя умеренность в потребностях, легкость, с которой они акклиматизируются, делают их естественными колонистами для всех частей Союза; они везде захватили в свои руки розничную фруктовую торговлю. Но главная эпоха иммиграции прошла: захват земель и относительное уравновешение нации, распределившейся уже по всем частям громадной территории, должны иметь следствием постоянное сокращение прилива переселенцев, и в то время, как толпа новоприбывающих уменьшается, совокупность нации численно возрастает: пришельцы тем скорее теряются в окружающем их океане людей.

Но если белое население становится всё более и более однородным, то остается другой, весьма значительный, этнический элемент, слияние с которым совершилось в такой слабой степени, что большинство американцев белой расы не могут думать об этом без ужаса: элемент этот—африканцы, число которых в Соединенных Штатах простирается уже до семи или восьми миллионов, составляя, следовательно, девятую часть всего населения Союза. Они пришли сюда не по своей воле, как большинство других иммигрантов: это потомки невольников, привезенных негроторговцами и продававшихся как рабочий скот. В своих первых экспедициях на берега Флориды и в Новую Мексику испанские завоеватели приводили

с собой черных рабов. В свою очередь, английские колонисты охотно стали приобретать даровые рабочия руки: в 1620 г., виргинцы получили, «по благости Провидения», своих первых негров с одного голландского корабля, и вскоре после того эта торговля людьми, производившаяся почти исключительно английскими моряками, правильно организовалась во всех британских колониях Северной Америки. Однако, продажа африканцев совершалась преимущественно в поселениях, находившихся к югу от Делавара, т.е. там, где земля, разделенная на большие имения, производила табак и другие колониальные продукты. Оценивают в триста тысяч число негров, привезенных, до войны за независимость, либо непосредственно из Африки, либо с островов Ямайки или Барбадоса, в английские колонии на севере от Флориды. Путем естественного прироста это порабощенное население достигало, в ту эпоху, полумиллиона душ, и девять десятых этого числа находились в поселениях к югу от линии Мэзона и Диксона[1].

Казалось бы, провозглашение принципа «свободы и равенства всех людей» должно было иметь следствием отмену рабства чернокожих—ничуть не бывало. Мятежники, правда, упрекали Великобританию в том, что им был навязан торг невольниками, но сами продолжали этот торг в свою пользу; арматоры Род-Айленда сделались продавцами человеческого товара, вместо ливерпульских купцов, и плантаторы Юга по-прежнему снабжались африканскими работниками: набор партий негров производился путем купли, тогда как в северных областях свободная иммиграция белых рабочих достаточна была для расширения земледельческой культуры. Пенсильвания первая между старыми провинциями вступила на путь мер, направленных к упразднению невольничества: в 1780 г., она законодательным актом отменила у себя рабство для детей, которые родятся после издания этого акта. Остальные штаты Севера один за другим последовали её примеру, и даже было решено, что территория «Северо-Запада» образует впоследствии несколько новых свободных штатов: в южных же штатах ничего не было изменено в положении негров, и правительство сохраняло свободу торга невольниками до 1808 г. С этого времени торговля эта продолжалась тайком [так, например, в 1818 г. было ввезено чернокожих около 14.000 человек][2], и только в 1820 г. она была уподоблена пиратству: до половины настоящего столетия были высаживаемы целые грузы негров с о-ва Кубы на берега Флориды и Алабамы. Естественный прирост африканского населения перевесом рождаемости над смертностью позволял плантаторам поддерживать свои культуры, свои богатства и, следовательно, свою власть, без ввоза новых рабочих.

Различие учреждений, образа жизни и интересов между свободными и рабовладельческими штатами, совпадая с территориальной границей, явственно начертанной с востока на запад, должно было придать вопросу о невольничестве капитальную важность, сделать его даже единственным насущным вопросом и подчинить этому главному факту все другие факты современной политики. Борьба стала непрерывной в Конгрессе, и мало-по-малу политиканы Юга, которые в первые времена борьбы ещё имели некоторый стыд открыто выступать защитниками рабовладельческих учреждений, сделались более энергичными в своем сопротивлении, более смелыми в нападении. В 1820 г. им удалось ввести в Союз Миссури в качестве рабовладельческого штата; правда, что, взамен того, они обязались никогда не требовать введения негров-работников в территориях, лежащих к северу от 36°30' широты. Тем не менее они потребовали этого: каждое расширение владений республики вызывало новый спор и с их стороны—новые домогательства. Представителям Севера приходилось делать уступки даже по вопросам внутреннего права: билль 1850 г. обеспечивал 113.000 землевладельцам Юга возвращение их беглых невольников, и даже верховный суд в своем пресловутом решении по одному делу объявил «негра неимеющим никаких прав, которые белый был бы обязан уважать». Крепче сплоченные, чем их противники, более привыкшие командовать, помещики-плантаторы постоянно одерживали победу в законодательных прениях.

---

1 George Bancroft, цитиров. сочинение;—Tucker, „History of the United States“;—Auguste Carlier, „De Esclavage dans ses rappcrts avec l'Union Americaine“.

2 Fr. Kapp, „Die Sklavenfrage in den Vereinigten Staaten“.

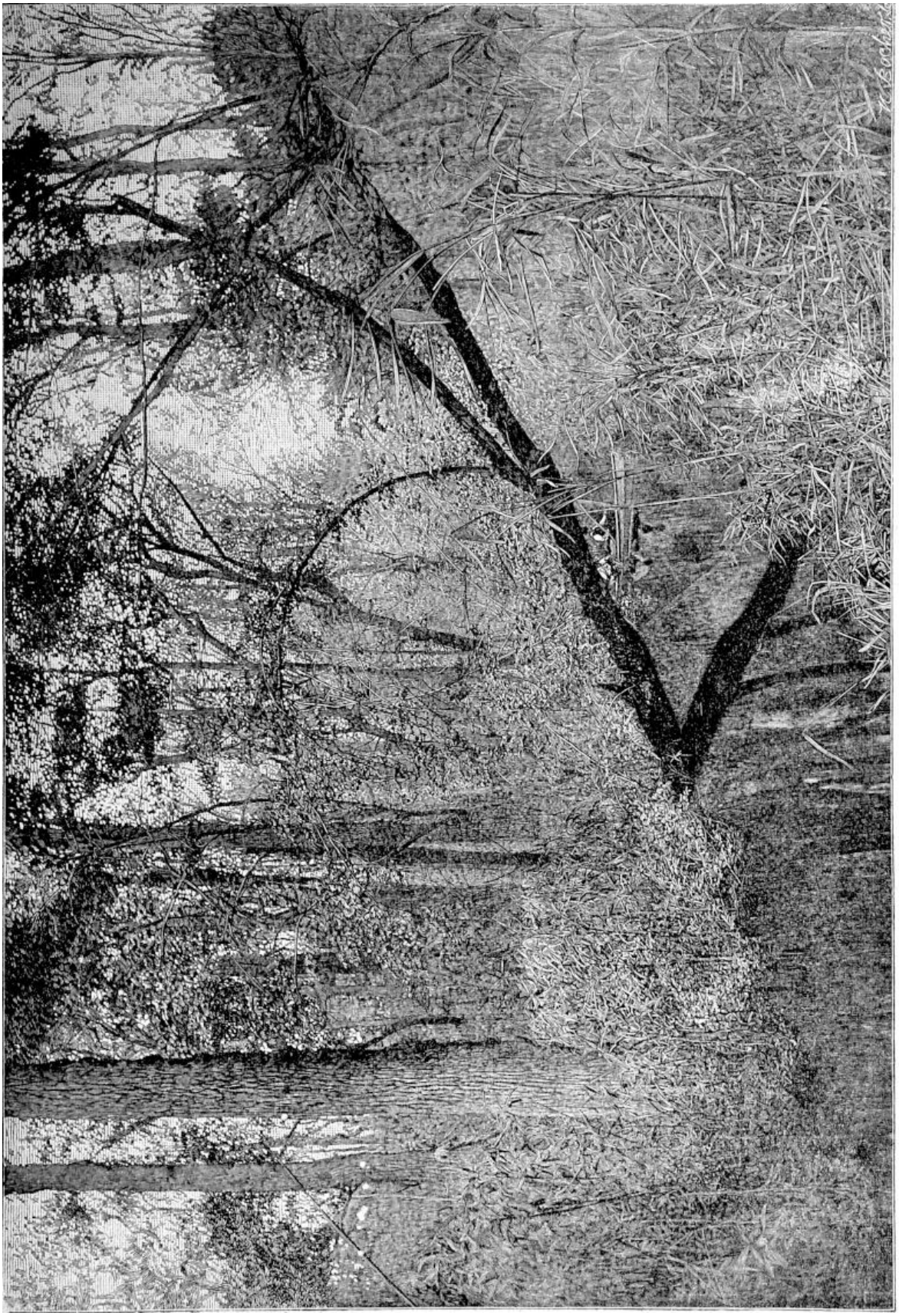
Но ораторские и юридические триумфы казались им недостаточными: для них важнее было увеличивать свои владения, чтобы устоять против общин Севера, достигших цветущего экономического положения. Франция и Испания уступили Луизиану и Флориду—две рабовладельческие страны; политическое влияние плантаторов помогло им завоевать Миссури; терпеливые вторжения, попытки колонизации, часто неудачные, затем дипломатия и открытая война дали им в результате присоединение Техаса, страны более обширной, чем Франция. Несмотря, однако, на эти приращения территории, южане стояли ниже северян по промышленности и богатству. Отсюда эти попытки «флибустьеров» Юга на острове Куба и в Центральной Америке, попытки, которые не раз близки были к успеху, но которые в конце-концов разбивались о сопротивление местных населений, иностранных держав и в особенности об отказ в сообщничестве со стороны сограждан Союза. Рабовладельцам ничего более не оставалось, как порвать политическую связь с Союзом; это была война, но «рыцари Золотого Круга» уже давно готовились к ней, и, когда она вспыхнула, они имели на своей стороне все выгоды нападающего.

Однако, на Севере уже постепенно скопились элементы сопротивления, не только вследствие столкновения интересов, но также благодаря образованию партии аболиционистов, требовавших освобождения чернокожих. Уже ранее бывали местные столкновения, в Миссури, в Канзасе; Джон Броун и некоторые из его друзей пытались даже вызвать восстание негров в самой Виргинии; оппозиция росла по мере того, как «кодексы о чернокожих» принимали более жестокий характер, и рабовладельцы, не довольствуясь пользованием даровым трудом невольников, дошли до провозглашения этой эксплоатации священным принципом, согласным с Божеским законом и с требованиями экономического порядка. Даже церкви должны были принять участие в борьбе: забывая, что Веслей определял рабство как «совокупность всех преступлений», большинство веслеян Юга, как и члены других сект, не видели ничего дурного во владении невольниками и систематически воздерживались от всякой религиозной пропаганды, от всякого акта братской любви в отношении порабощенных негров. Общая политическая жизнь становилась всё более и более трудной для двух групп штатов, страсти разгорались, чудовищные противоречия, допущенные в конституции основателями республики, разрешились, наконец, открытой войной.

Тем не менее достаточно было взглянуть на карту, чтобы заранее предсказать роковую неудачу попытки «отделения», предпринятой аристократией рабовладельческих штатов. В самом деле, страна, из которой они хотели сделать особое государство, не отделена от свободных штатов Севера никакой естественной границей; с той и с другой стороны раса, язык, религия одинаковы: единственное различие было создано интересами одного класса, составляющего слабое меньшинство нации. С того момента, как долина Миссисипи, реки, проходящей через всю территорию, была покорена до самого впадения её в море, дело конфедерации рабовладельческих штатов можно было считать окончательно проигранным: она должна была сузиться и растаять в железных объятиях армий, наступавших на неё со всех сторон. Впрочем, население штатов-победителей, именно северо-восточной части республики и области, заключающейся между Великими озерами и реками Огайо и Миссисипи, имело на своей стороне не только сильный численный перевес, но также превосходство, которое давали борцам лучшее образование, большая инициатива и привычка к труду.

По своему собственному побуждению негры не принимали никакого участия в войне; нигде они не поднимались массой за свое освобождение, но оценивают приблизительно в триста тысяч число чернокожих, вступивших добровольно или по принуждению в ряды войска северян. Эмансипированные теперь, но не получившие, вместе со свободой, земли, которая могла бы обеспечить им действительную независимость, брошенные в жизненную борьбу без союзников и приняв себе девизом выражение, вошедшее в поговорку на Юге: *Root, hog, or die!* «Рой землю рылом, свинья, или умирай!», наделенные правом голоса на выборах, но не осмеливающиеся им пользоваться, разве только в некоторых средних штатах, как, например, в Виргинии, негры очутились в том неопределенном и опасном положении воль-

ноотпущенника, который должен ещё всего бояться от своих бывших господ. С другой стороны, они так многочисленны, особенно в низменностях, прилегающих к Атлантическому океану и к Мексиканскому заливу, что внушают опасение даже белым землевладельцам.

Видъ въ Дисмаль-Свампъ.

Чернокожие составляют, правда, лишь девятую долю северо-американского населения, но в той части страны, где они обитают, число их во многих местах равняется или даже превышает число белых. Примирение далеко не достигнуто, так как к различию социального положе-

ния, всегда столь резкому между собственниками и пролетариями, присоединяются контраст цвета кожи и сохранившееся от прежнего времени взаимное озлобление. Самый вид негра напоминает плантатору унижение понесенного им поражения.

Недавно американцы спрашивали себя также, не грозит ли судьбе Соединенных Штатов другой расовый вопрос: часто поднимались толки о китайцах, как будто предстояло настоящее нашествие этих желтолицых людей, готовых оспаривать у белых территорию, только-что завоеванную у краснокожих. Действительно, иммиграционное движение китайцев на берега Тихого океана совершалось с необыкновенной быстротой в течение нескольких лет, следовавших за наплывом белых золотоискателей на прииски Калифорнии; скоро в Сан-Франциско и во всех городах западного ската Скалистых гор появился китайский квартал, лабиринт грязных и зловонных улиц, где лавки, так же уставленные разным товаром, как лавки Кантона и Шанхая, примыкают к тяжелым американским постройкам. Китайцы, казалось, кишмя кишели в бедных кварталах, и каждый корабль, приходивший с крайнего Востока, привозил оттуда сотнями новых эмигрантов. Янки тревожно задавали себе вопрос, не будет ли Америка быстро заполнена новой расой, когда «небесные» люди станут прибывать семьями на постоянное жительство, а не как временные эмигранты. Правда, что эти кулии с берегов Си-Кианга не были свободными работниками, приходившими на собственный счет: вербуемые «пятью компаниями», чрез посредство «шестой компании» в Сан-Франциско[1], они почти все прибывали сильно задолжавшими, и большая часть скудного заработка уходила на уплату, с лихвенными процентами, издержек перевозки, к которым предусмотрительно прибавлялась плата за будущее обратное путешествие, либо в живом состоянии, либо в красивом гробу.

Теперь сильно затрудненная, даже сделавшаяся почти невозможной, вследствие принятия законодательных мер строго запретительного характера, иммиграция китайцев в Калифорнию не грозит более повернуть вверх дном экономические условия Соединенных Штатов; но факт минуты имеет лишь второстепенную важность: главное то, что убедительный опыт был уже сделан, и что исход китайцев в Новый Свет, миллионами и миллионами, признается как возможная случайность. Форсируя двери Срединной империи и обязывая пекинское правительство пускать и защищать «чужестранных чертей», моряки американского флота и сопровождавшие их дипломаты тем самым брали на себя обязанность хорошо принимать «небесных» жителей на своей собственной территории. Они не исполняют этого обязательства, говоря, что нарушение его является мерой общественного спасения, так как эти китайские рабочие по своей легкости приспособления к среде, по своей ловкости, умеренности в потребностях, бережливости, по сильно развитому духу корпоративной солидарности, слишком опасны, чтобы белые рабочие могли даже попытаться выдержать их конкурренцию. Это столкновение интересов, в соединении с расовой ненавистью, которая всегда проявляется инстинктивно между людьми, различающимися наружным видом, цветом кожи и языком, объясняет меры, принятые против китайской иммиграции в Америку; но кто поручится, что не настанет день, когда капиталисты, заинтересованные в привлечении этих азиатов, будут уже не кантонские негоцианты, а сами же американские фабриканты и синдикаты, орудующие огромными промышленными предприятиями и спекулирующие на дешевизну рабочих рук? Тогда китайская иммиграция возобновится в несравненно больших размерах и вызовет обратное движение белой эмиграции, если только кровавые перевороты не изменят социального равновесия.

Как бы то ни было, не может быть и речи об экономической или политической отчужденности в наше время, когда достаточно одного месяца, чтобы попасть с крайнего Востока в Европу, через американскую территорию. Соединенные Штаты причастны всем колебаниям великого океана народов и не могут держаться особняком, несмотря на громадные рвы, ограничивающие их на востоке и западе. По крайней мере они представляют в совокупности мира такую могущественную державу, что никакое другое государство не могло бы и думать

1 Hepworth Dixon, „The White Conquest“.

меряться с ними. Почти без армии и располагая лишь второклассным военным флотом, они не боятся наций с наилучше организованными военными силами, они могут даже обходиться без оборонительных мер, зная хорошо, что никогда неприятельское нашествие не направится к их берегам, или, по крайней мере, что они сумеют отразить нападение.

Самая эта беззаботность составляет их силу. Не только политическое единство Соединенных Штатов не угрожаемо более, как оно было угрожаемо во время междуусобной войны, но если бы существовала опасность, то опасность эта была бы скорее обратного свойства: нужно бы было опасаться слишком быстрого расширения северо-американской территории, если подобное возрастание в протяжении должно было совершаться не самопроизвольно, но путем грубого завоевания или купли стран и обитающих в них населений. Со времени мексиканской войны и трактата Гуадалупе Идальго, так широко раздвинувшего пределы Соединенных Штатов присоединением обширных владений, американский народ, удовлетворенный столь важными территориальными приобретениями, не поддался искушению сделать новые приобретения этого рода; но вопрос об этом тем не менее постоянно обсуждался: политиканы и газеты много раз заводили речь о том, что не худо бы присоединить Калифорнский полуостров или Гавайские острова, Канаду или Нью-Фаундленд, Кубу или Сан-Доминго, бухту Самана или Мол св. Николая. Впрочем, политическое могущество англо-американцев так велико, что если бы они захотели дальнейшего материального расширения своих владений, то, без всякого сомнения, достигли бы желаемой цели. Будут ли они и далее так же благоразумно не хвастать своей силой, давая тем пример другим государствам, у которых жажда легких завоеваний часто бывает пропорциональна внутренним затруднениям? Можно опасаться, что это величавое спокойствие не всегда сохранится, когда видишь политических деятелей, не довольствующихся требованием «Америки для американцев», но агитирующих в пользу образования «Панамерики», в которой гегемония принадлежала бы англо-саксонской республике.

Впрочем, несмотря на политическое единство и могущество Соединенных Штатов, внутреннее равновесие их ещё не достигло надлежащей устойчивости. Население распределено весьма неравномерно по обширному пространству территории, следствием чего являются различные демографические условия в разных штатах. Две трети жителей сгруппировались в северо-восточном углу страны, который обнимает менее четверти владений государства, и который, будучи чрезмерно населен в сравнении с другими частями национальной почвы, сделался эмиграционным краем. Эти области с неравным населением представляют всякого рода контрасты, из которых главный состоит в том, что северо-восточные приатлантические общины имеют не только численное преобладание, но также гегемонию, даваемую капиталами, торговлей, промышленностью, экономической деятельностью. Там проектируются предприятия для всей остальной страны, и туда же стекаются барыши: Уолль-Стрит, улица финансовых тузов Нью-Йорка, есть более, чем вашингтонский Капитолий, местопребывание истинного правительства республики. Политическая власть принадлежит этой малочисленной аристократии денег, хотя она не осуществляет её непосредственно, и это в пользу её фабрик и монополий были вотированы законы, обрекающие народ на всеобщее вздорожание жизни.

Таким образом, Соединенным Штатам, вследствие неравномерности заселения, приходится преодолевать совершенно особенные трудности, чтобы достигнуть национальной однородности, и трудности эти ещё увеличиваются различием этнических элементов, входящих в состав населения. Аборигены, краснокожие, ассимилированы лишь в весьма малой части, и за исключением немногих благоприятствуемых племен, северо-американские населения умели только выгонять или даже истреблять первоначальных владельцев земли, чтобы самим занять их место. Относительно негров и цветных являются трудности иного рода, но ещё более серьезные, так как тут дело идет о населении, в двадцать пять раз превосходящем число первобытных туземцев. Чтобы устранить всякую причину расовой борьбы, нужно бы было ни более, ни менее, как убедить негров колонизовать Африку, или отбросить постепен-

но на Антильские острова миллионы людей, принадлежащих к презираемой расе. Наконец, если иностранцы, взятые в массе, почти повсеместно допускаются в качестве будущих сограждан, то терпимость уроженцев страны не всеобща, и уже поговаривают о необходимости делать выбор между выходцами из Старого Света; кровавые столкновения часто доказывали, что союз рас ещё не осуществился в общем американском отечестве.

Наши современники в Соединенных Штатах имеют перед собой эти великия проблемы, требующие разрешения, не считая тех задач, которые представляют все промышленные страны, вследствие антагонизма капитала и труда. Страшная война, обагрявшая кровью американскую почву в течение четырех лет, устранила только часть опасностей, и можно опасаться, что рано или поздно произойдут другие, не менее грозные, столкновения между многочисленными враждебными элементами, из которых слагается население Союза. Как бы то ни было, нельзя сомневаться в великой будущности этой столь энергической фракции человечества, которая овладела пространством Нового Света между Большими озерами и Мексиканским заливом, и которая впродолжении каких-нибудь ста лет сделалась самой могущественной и самой богатой из всех наций. История Америки представляет поразительное явление. Населенный дикарями, звероловами или знавшими лишь самое примитивное земледелие, континент этот не считался даже принадлежащим к области цивилизованного мира, и вот в короткий период нескольких поколений страна заняла первое место по возрастанию населения и развитию промышленности, по энергии и интенсивности материального прогресса; что касается сознания своей силы, то американский народ обладает им в такой степени, что его правительство может позволять себе иногда злоупотреблять этим сознанием, как это оно сделало в отношении Англии, утверждая, вопреки всем дипломатическим прецедентам, даже вопреки здравому смыслу, что Берингово море есть «море замкнутое». Без сомнения, этот народ Соединенных Штатов, рост которого совершался с такой изумительной быстротой, представляет собою смесь, в различных пропорциях, всех этнических элементов Европы; но самое это смешение разных национальностей, а также различие среды и новые условия быта, созданные иной исторической точкой отправления, дали американцу необыкновенную оригинальность типа. Как их междоусобная война была беспримерной в истории национальных раздоров, так точно они, быть-может, найдут какое-нибудь непредвидимое решение грозных экономических и социальных вопросов, выступающих теперь на очередь в цивилизованном мире.

Самый оригинальный поэт Америки, и в этом отношении один из лучших представителей своей расы, Уальт Уитман, гордо обращается в одной из своих строф к «Иностранным Нациям»: «Я узнал,—говорит он,—что вы стараетесь разгадать загадку Нового Света; вы просите, чтобы вам объяснили нашу демократию атлетов. Вот мои поэмы: в них вы найдете ответ на ваши вопросы!» Человек этот говорит гордо, и слова его заслуживают быть выслушанными, ибо никто лучше поэта не может постичь глубокий идеал, скрывающийся под прозаической внешней оболочкой обыденной жизни; но, прочтя его неровные творения, то дивно вдохновенные, то холодные, как судебный акт, всё-таки колеблешься ещё и задаешь себе вопрос, не слишком ли возвеличил вещий поэт свой народ, возлагая на него миссию, которую он, несмотря на его молодость и силу, едва-ли в состоянии выполнить один. Без сомнения, Америка, позднее всех вступившая в семью наций, есть одна из тех стран, пример которых будет наиболее полезен и доля участия в общем деле наиболее значительна; но вне солидарности между людьми всякой расы и всякого континента мыслимо ли достижение какого-либо прогресса?

Глава IV Аппалахские горы и приатлантические штаты

I. Аппалахские горы

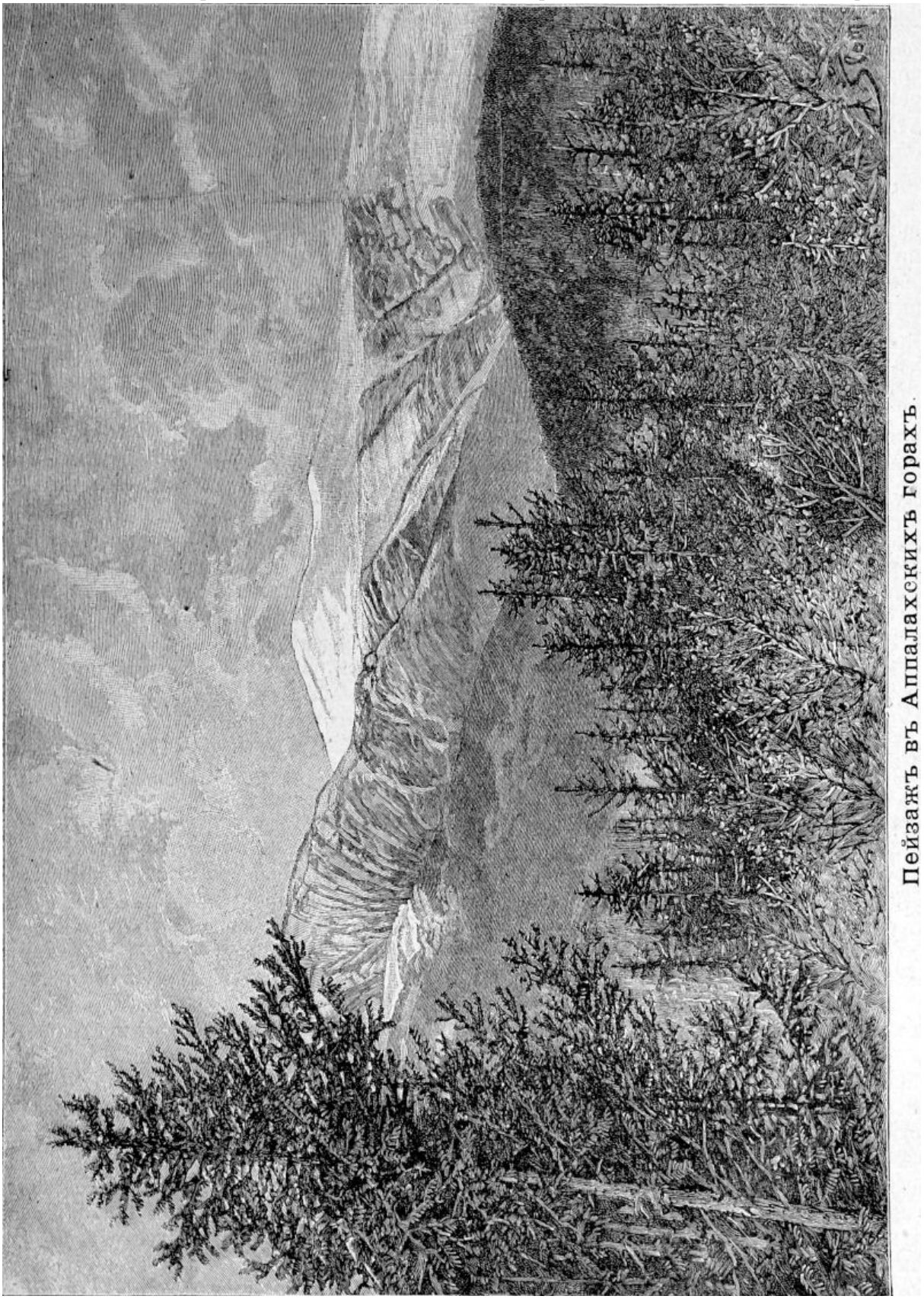
Рельеф при-атлантических гор начинается далеко за пределами Соединенных Штатов: высоты Лабрадора и Нью-Фаундленда, продолжающиеся по обе стороны Бель-Ильского пролива, принадлежат к системе, принимающей в территории северо-американской республики название Аппалахских гор. Но широкий лиман и залив св. Лаврентия прерывает горные цепи, и собственно Аппалахская ось начинается в горах восточной Гаспезии, называемых Шикшак, которые тянутся длинными хребтами на юг от св. Лаврентия, затем, удаляясь от этой реки, под именем гор Богоматери, проникают в штат Вермонт, чтобы образовать цепь Зеленых гор. От канадской оконечности Аппалахской системы, над бухтой Гаспе, до средины штата Алабама, где последние отроги теряются под меловыми и третичными пластами почти горизонтальных равнин, расстояние, без изгибов главного хребта, составляет около 2.100 километров. Среднее направление цепи—с северо-востока на юго-запад.

Аппалахская система состоит из множества второстепенных отрывков, различающихся между собой направлением, формой и рельефом, но распадающихся на три ясно разграниченные группы: северную, среднюю и южную. Северная группа, в Новой Англии, самая старая—ибо массивы её принадлежат к силурийским и девонским формациям, гораздо более древним сравнительно с породами, составляющими большинство других при-атлантических гор, есть также и наименее правильная по форме и направлению; долгое разрушительное действие воздуха, воды и ледников разнообразно изваяло вершины и склоны этой группы в течение неисчислимого ряда земных циклов; горы Мэна, опоясанные при основании лабиринтами озер; противостоящие массивы Зеленых и Белых гор, разделенные глубокой долиной Коннектитута; гряды Таконика и Гузика, протянувшиеся с севера на юг, параллельно впадине, чрез которую протекает река,—все эти неровности почвы составляют отдельные выступы рельефа, но покоящиеся на общем фундаменте, который имеет скат, с одной стороны —к Гудсону, с другой—к Атлантическому океану. На западе, континентальная брешь, занятая водами Гудсона, представляет настоящую вырезку земной поверхности: поднятие уровня почвы всего только на 60 метров установило бы сообщение между морем и рекой св. Лаврентия через резервуар озера Чамплен, а дальнейшее повышение уровня на 75 метров соединило бы бассейн озера Онтарио с бассейном реки Могавк и Гудсона через водораздельный порог по Логану (оценки разнятся на несколько метров у разных авторов). В этом треугольном пространстве, ограниченном на северо-западе рекой св. Лаврентия, на юге—Могавком, на востоке—Чампленом и Гудсоном, высится, прорезываемое параллельными гребнями, гористое плоскогорье Адирондак,—небольшой массив, отделившийся от северных Аппалахских гор.

Средняя часть Аппалахской системы начинается в штате Нью-Йорк горами Катскиль и Высокими Землями (Highlands). В начале она довольно узка, затем раздвигается на обширное пространство в Пенсильвании, образуя многочисленные хребты, отличающиеся замечательной правильностью в отношении формы, высоты, направления и крутизны скатов; все эти параллельные каменные стены походят одна на другую, и реки, изливающиеся в Атлантический океан, разрезывают их на короткие участки. Эта часть Аппалахской системы известна под общим именем Аллеганских гор, тогда как главная цепь, ближайшая к Атлантическому океану, носит название «Голубого хребта» (Blue Ridge). Между бассейнами реки Роанок, впадающей в Атлантический океан, и реки Канавга, притока Миссисипи через Огайо, повороты и разветвления цепи указывают начало южной Аппалахской группы, в которой находятся самые высокие вершины всей системы, венчающие «Черные горы» (Black Mountains) и «Дымные горы» (Smoky Mountains). В то время, как северная и средняя группы в своем общем направлении представляют небольшой изгиб, обращенный выпуклостью

к северо-западу, к долине св. Лаврентия и бассейну озера Онтарио, южные Аппалахские горы несколько изогнуты в обратную сторону.

В большинстве горных цепей господствующие вершины находятся около центра систе-

Пейзажъ въ Аппалахскихъ горахъ.

мы. В Аппалахских горах, напротив, самые высокие вершины расположены симметрично на оконечностях: на севере—в Белых горах, где гора Вашингтон достигает высоты 1.916 метров, и на юго-западе—в группе Митчель, где «Черный Купол» (Black Dome) закругляет свою

верхушку 130 метрами выше. Аллеганские горы, около середины Аппалахской системы, не имеют даже тысячи метров средней высоты. По аналогичному контрасту, самый высокий выступ рельефа не средний, а тот, который поднимается прямо над равнинами атлантической покатости: Голубой хребет, восточная цепь, сохраняет характер главного Аппалахского гребня на протяжении более 500 километров. Продольная долина, широкая и глубокая, идущая по направлению с северо-востока на юго-запад между параллельными цепями, дала повод утверждать, что, по крайней мере в Аллеганских горах, положительная ось центрального хребта заменена осью отрицательной, т.е. пустым пространством, где текут реки, впадающие в Огайо и в Атлантический океан. Верхние пласты, простиравшиеся некогда около середины оси, на высоте, в два или три раза превосходящей нынешнюю высоту гор, были менее тверды, чем залегавшие под ними породы, и пласты эти, вследствие долгой разрушительной работы атмосферных деятелей, постепенно исчезли, обнажив нижние слои[1]. Однако, Аппалахские горы походят на большинство других орографических систем формою цоколя: плоскогорья, служащие им основанием на западе, имеют наибольшую ширину около центральной части, а не на оконечностях северной и южной; опорные возвышенности выдвинуты далеко в бассейн Огайо.

Изучаемые детально, различные отрывки Аппалахской системы составляют как бы отдельные мирки. В штате Мэн «Высоты Земель», служащие отчасти границей между Соединенными Штатами и Канадой, представляют, как показывает самое название их, скорее неровный водораздел, чем горную цепь, связанную правильным хребтом с Канадскими горами Богоматери. На юге от «Высоты Земель» почва мало-по-малу поднимается к центру штата, и на цоколе, высотою около 200 метров, перерезанном долинами, где рассеяны озера с прозрачной водою, стоят круглые вершины силурийской формации, имеющие, в среднем, от 600 до 1.000 метров высоты. Катадин или Ктаадн (1.642 метра), гранитная гора, почти совершенно изолированная среди окружающих её озерных долин, господствует над обширным горизонтом лесов. В соседстве моря силурийские пласты, прикрывавшие гранитный остов, исчезают, и остается только кристаллическая порода, разрезанная на высокие мысы и береговые утесы. Кое-где эруптивные породы окаймляют побережье, в виде полуостровов и островов: такова Пустынная гора (Mount Desert), высшая вершина которой достигает 660 метров.

К западу от штата Мэн, Белые горы (White Mountains), действительно покрытые снегом большую часть года, продолжают собою главный хребет, но принимая гораздо более явственный вид горной цепи. Горы эти составляют главный массив северной Аппалахской группы: они симметрично соответствуют массиву Черных гор, на другом конце орографической системы. Высота этих горделивых вершин, на которые чаще, чем на какие-либо другие горы Соединенных Штатов, предпринимаются восхождения, побудила дать им имена людей, прославившихся в Американской истории. Вашингтона, Лафайета, Джефферсона, Мадисона, Адамса, Монро, Франклина, и часто весь этот массив называют «цепью Президентов» (Presidential Range). Самая высокая из этих вершин, которой присвоили имя «Отца Отечества», стоит почти одиноко близ границы Мэна. Со свойственной всем народам склонностью к преувеличению, жители прибрежья оценивали, в прошлом столетии, в 3.000 слишком метров высоту этой горы[2]; по Пикерингу[3], точная высота её 1.918 метров. Одна из её стен поднимается отвесно на несколько сот метров; основание её изрыто глубокими оврагами, *notches*, по которым извиваются дороги, ведущие на гору; рельсовый путь зигзагами взбирается по склонам на эту центральную обсерваторию Новой Англии. С вершины видны на западе весь ряд нижних пиков и, через долину Коннектикута, цепь Зеленых гор; на северо-западе виднеется, на краю горизонта, синяя вершина Катадина, а на юго-востоке блестит безбрежная поверхность моря. К югу следуют одна за другой возвышенности, образующие бордюр вдоль

1 Warren Upham, „Popular Science Monthly“, Sept. 1891.
2 Friedrich Ratzel, „Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika“.
3 „Appalachia“, December, 1886.

долины Коннектикута; из них более замечательны: Сунапи (1.413 метров), Монаднок (1.133 метр.), Кирсадж (996 метр.), уединенные горы, принадлежавшие прежде к орографической системе, вершины которой были частию выровнены льдами, тогда как морены заполнили долины. Самая высокая вершина внутри штата Массачузетс—Вачузетс (615 метр.), имя которой имеет то же происхождение, как и название страны. Долина Коннектикута некогда была ограничена горным валом, отрывки которого, Том на западе, Голиок на востоке, получили название гор, хотя они не достигают и 400 метров высоты. Голиок, вулканического происхождения, оканчивается пучком колончатого траппа, с высоты которого можно созерцать одну из великолепнейших панорам Новой Англии.

Если Белые горы должны быть рассматриваемы как продолжение группы высот, господствующая вершина которых Катадин, то Зеленые горы Вермонта продолжают собою, с большей правильностью, канадскую цепь Богоматери; они принадлежат, следовательно, к главной цепи Аппалахской системы, первые выступы которой начинаются, вместе с самым материком, на юге от залива св. Лаврентия. Зеленые горы уклоняются от нормального направления Аппалахских гор: вместо того, чтобы идти с северо-востока на юго-запад, они протянулись скорее с севера на юг. Много уступая высотой Белым горам, так как главная вершина их, Мансфильд, имеет всего только 1.328 метров, они тянутся на гораздо большем пространстве в виде непрерывной цепи, и продолжаются даже, но под другими именами, до морского прибрежья. Высоты Массачузетса, скалы кристаллического мрамора, известные под названием Беркширских холмов (Berkshire Hills), по имени доминируемого ими графства, принадлежат к этому продолжению Зеленых гор.

Горный узел, главная вершина котораго—двуглавый пик Ольд-Грейлок (1.068 метр.), вздымает свои скалы из белого мрамора над глубокими долинами, где зарождаются первые притоки Гузатоника: *opes* или «перспективы», открывающиеся через леса скатов, показывают великолепный горизонт озер, лесов и волнистых равнин. В этом массиве берут начало два хребта, направляющиеся параллельно к югу—Гузик (Hoosic, Hoosac) на востоке и Таконик (Taconic, Taghkanic) на западе, одинаково живописные, изрезанные зеленеющими долинами, одинаково привлекающие в летнее время толпу посетителей. Через Гузик проходит самый длинный железнодорожный туннель (7.650 метр.), какой существует в Северной Америке. Оба эти хребта, Гузик и Таконик, состоят из древних осадочных пород, залегающих на первоначальном остове. Вопросы геологии, поднятые по поводу «таконикской системы», вызвали такие страстные споры между учеными, что карта Эммонса, отгравированная в числе 3.000 экземпляров, на которой изображена «таконикская» формация штата Нью-Йорк, увидела свет только тридцать лет спустя после её составления: она была скрываема неизвестными лицами, вероятно, заинтересованными в поддержании противоположных взглядов в науке[1]. Возвышенности (Highlands), продолжающие на юго-западе цепь Таконик, и через которые проходит река Гудсон извилистым ущельем, сливаются с невысокими кряжами восточной Аппалахской группы в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерсей. В соседстве морских берегов, на восточной окраине Аппалахских гор, показываются узкия полосы эруптивных пород, расположенные в виде длинных горных валов: таковы «Палисады», господствующие над заливообразным устьем Гудсона, к западу от Нью-Йорка, и отделяющие его от болотистых равнин Пассека.

Горы Адирондак стоят, в виде усеченной пирамиды, в треугольном пространстве, образуемом рекой св. Лаврентия, озером Чамплен и долиной Могавка. С трех сторон пологие скаты нечувствительно поднимаются к этому массиву, хребты которого мало выступают над цоколем скал. Высший пик, Тагавус или гора Марси, достигает 1.667 метров. Так же, как в Высоких Землях штата Мэн, озера и озерки столь многочисленны в Адирондаках, что тамошние горцы имеют обыкновение носить с собой лодки, *carries*, для перехода из долины в долину. Удивляешься, видя людей, взбирающихся на гору с челноками и веслами на спине; но им так хорошо знакома топография страны, что они делают наибольшую часть перехода во-

1 Jules Marcou, рукописные заметки.

дой. Достигнув оконечности одного озера, наполняющего дно долины, они перетаскивают лодку через узкий порог или перешеек, чтобы продолжать плавание по следующему озеру[1]. Эммонс предлагал главным образом упразднить волоки между верхним бассейном Гудсона, озером Чамплен и рекой св. Лаврентия.

Самые живописные места встречаются не внутри гор, а на окраине, там, где кручи образуют резкий контраст с расстилающейся у их подножия равниной. Таковы, например, «Ворота Адирондаков» (Gate of the Adirondacks), величественный шлюз, которым «Песчаная» река, действительно, катящая в своих водах мелкий песок, выходит из области гор, чтобы излиться в озеро Чамплен. Мало найдется горных ущелий, которые имели бы более грандиозный вид. Стены скал, отвесных или даже нависших и состоящих из правильных пластов, образующих где выступы, где ниши, смотря по силе сопротивления породы разрушительной работе атмосферных деятелей, развертываются в виде обширных цирков при поворотах реки; встречающиеся через известные промежутки разрезы в стенах открывают выход к обширным дремучим лесам. Лесам этим грозит полное истребление, благодаря беспощадной рубке; впрочем, их, может-быть, спасет то обстоятельство, что первые воды реки Гудсон вытекают из Адирондакских гор: поэтому проектировано «наложить табу» на всю эту область путем обращения её в национальную собственность; штат Нью-Йорк уже приобрел значительную часть гор и старается войти в соглашение с другими владельцами, особенно с обществами охоты и рыбной ловли, чтобы помешать расчистке верхних долин. Сохранение лесов позволило бы поддерживать правильность речного режима.

За Могавком, в углу, образуемом двумя реками, первые Аппалахские холмы, Гельдерберг-Гильс, представляют лишь весьма небольшое возвышение почвы; но расположенная южнее цепь Катскиль имеет вид настоящих гор. Высоты эти доселе ещё носят имя, данное батавскими колонистами, предшественниками англичан в стране. Река Катскиль, т.е. «Кошачья», впадающая в Гудсон у восточного основания этих гор, была названа так по причине множества диких кошек, рыскавших в прибрежных лесах. Трудно доступные, покрытые густым лесом, Кошачьи высоты долго были обегаемы колонистами, заселившими берега Гудсона и Могавка. На картах они изображались как бесформенный массив, без определенного очертания и направления: можно было только признать, что по своему положению на Аппалахской оси они принадлежат к большой восточной цепи Соединенных Штатов. Но с 1862 г. внимательное исследование этих гор, сделанное сначала Арнольдом Гюйо и его учениками, затем пополненное другими географами, раскрыло мало-по-малу истинную форму высот Катскиль и дало возможность составить точную карту их, с правильными разрезами и профилями.

Главный факт, выясненный Арнольдом Гюйо, тот, что цепи Катскиль имеют направление обратное с нормальными Аппалахскими цепями. В то время, как вся система в совокупности и большинство отрывков, из которых она состоит, ориентированы с северо-востока на юго-запад, гребни Кошачьих гор тянутся по направлению с северо-запада на юго-восток, параллельно течению рек, берущих начало в их долинах,—Катскиль, Шохари, Эзопус. При этом, однако, констатировано то странное явление, что три кульминационные точки массива: Блек-Дом (1.334 метр.), Гунтер-Маунтен (1.346 метр.) и Сляйд-Маунтен (1.402 метр.), расположены по оси Аппалахских гор, с северо-востока на юго-запад, хотя вершины эти принадлежат к разным цепям. В целом Кошачьи горы, далеко превосходящие высотой все другие массивы треугольника, ограничиваемого реками Гудсон, Могавк и Делавар, высоко поднимаются, точно цитадель, над окружающими холмами и равнинами. Восточная оконечность горделиво высится в виде отдельных мысов, тогда как западные части массива теряются под волнообразными пластами плоскогорий. Три параллельные цепи, образуемые этими горами, явственно разграничены промежуточными потоками: на севере—хребет, заключающийся между Катскиль и верхним течением Шохари; в центре—собственно Кошачьи горы, ограничиваемые той же долиной верхней Шохари и долиной верхнего Эзопа; наконец, на

1 Verplanck Colvin, „Adirondack Wilderness“.

юге от этой последней реки—цепь Шандакен. Кроме ворот, открываемых этими долинами внутрь гор, несколько глубоких разрезов, откуда горные ручьи бегут каскадами, дают доступ к высоким вершинам, куполам правильной формы, покрытым лесами. Эти узкие дефилеи скал получили от первых голландских путешественников название *kloofs* (разселины), сохранившееся доселе в английской форме *cloves*[1].

К юго-западу от массива Катскиль, система Аппалахских гор сначала как будто прерывается; но складки почвы мало-по-малу снова поднимаются, словно морские волны, без высоких выступов, нарушающих однообразие гребня. Первая каменная волна, называемая «Южными горами» (South Mountain), или «Первым Поясом» (First Belt), имеет вид длинного хребта, средняя высота которого около 300 метров; затем следует широкая долина Киттатини, составляющая истинную ось Аппалахской системы, следуя с северо-востока на юго-запад и постепенно поднимаясь от 50 до 180 метров. Далее тянется другой параллельный выступ, западная цепь Аллеганских гор, называемая также Киттатини, как и промежуточная равнина: это «Гора, которой нет конца». Более высокая сравнительно с восточной цепью, она достигает своими верхними хребтами высоты от 400 до 500 метров и имеет довольно величественный вид, благодаря быстрому подъему скатов, крутым стенам, прерывающим там и сям однообразие выступов, и лесам, по крайней мере кустарникам, покрывающим ещё скалы и констрастирующим своими оттенками с более нежной зеленью чередующихся в равнине лугов и нив. Верхний профиль Аллеганских цепей, хотя отличающийся большой правильностью, прерывается через известные промежутки брешами, из которых одни представляют простые вырезки, не проникающие, далеко в глубь каменной массы: это—так называемые *wind gaps* или «ворота ветров»; другие, напротив, спускаются до уровня равнины, до самого основания гор: это— *water gaps*, или «ворота вод», которыми реки переходят из одной долины в другую. Впрочем «ворота ветров» суть не что иное, как бывшие «ворота рек», вырытые водами в отдаленную эпоху, когда процесс размывания и выветривания ещё не подвинулся так далеко, как ныне. Проходы эти были покинуты текущими водами, когда более глубокия бреши открыли им более легкий выход[2].

Как ни однообразны Аллеганские горы в своем общем строении, они представляют в своей главной цепи несколько второстепенных, параллельных между собой, хребтов, разделенных промежуточными долинами. Хребты эти во многих местах соединяются, как две ветви одного и того же ствола; в других местах они распадаются на второстепенные разветвления: поперечные разрезы, чертимые географами от берегов Атлантического океана до Миссисипской покатости, все представляют некоторую разницу в волнообразной линии горного профиля. Внутри горных пород неровности ещё гораздо более значительны. Кроме видимых складок, сообщающих им в целом удивительный ритм, Аллеганские горы являют в своем внутреннем строении следы других движений, которые остаются скрытыми в глубинах скалы и были обнаружены только при разработке рудников: это крутые изменения, взбросы, заставившие, в некоторых местах, соскользнуть некогда непрерывные пласты на сотни и даже на тысячи метров от первоначального местонахождения.

В пенсильванской части своих гряд Аппалахские горы, разрезанные на участки двумя ветвями реки Сусквеганны, представляют в целом некоторую выпуклость, стрелка которой обращена к северо-западу. Наибольшей правильностью эта орографическая система отличается в виргинской территории, за брешами, через которые проходит река Потомак. Цоколь в целом здесь выше; длинная промежуточная впадина, составляющая продолжение долины Киттатини и называемая в Виргинии «Большой долиной», Great Walley, тоже лежит на более значительной высоте, и средняя ширина её от 25 до 30 километров; параллельные цепи, также более высокие, переходят за тысячу метров своими верхними хребтами: горы Маунт-Маршаль, Реджел-Маунтен, Стони-Мэн, Гокс-Биль следуют одна за другой на юге от слияния двух ветвей реки Шенандоа. Вся страна разделена естественно на продольные полосы

1 Arnold Guyot, „Physical Structure and Hypsometry of the Catskill mountain region“.

2 Jacques W. Redway, „Physical Geography of the United States“.

равной ширины: внизу, на атлантической покатости, область предгорий, называемая французским именем «Piedmon»; восточнее, восточная цепь, или «Blue Ridge», затем Большая долина; далее ещё другие гряды, из которых главная, господствующая над скатами, обращенными к стороне Огайо и её притоков, называется Кумберлендскими горами (Cumberland Mountains); самая крутая часть откосов, покрытая темным лесом, известна под именем Аллегани-Фронт, «Фасада Аллеганских гор». В некоторых округах можно насчитать, на ширине 50 километров, до двадцати последовательных выступов почвы, возвышающихся каждый на сотни метров над уровнем промежуточных впадин. Но внешний цоколь, в Западной Виргинии, утратил, во многих местах, всякий вид правильности; это не что иное, как хаос неравных повышений и понижений почвы, напоминающий поверхность бушующего моря, когда волны беспорядочно сталкиваются под кружащимися ветрами циклона.

Южная часть Аппалахской системы, расположенная в Тенесси и в Северной Каролине, не имеет уже той правильной формы, напоминающей шествие гусениц или войска, дефилирующего полками и батальонами. Некоторые цепи, соединяясь, образуют массивы с неправильным профилем; другие в своей ориентировке уклоняются от нормального направления всей системы, следуя с севера на юг или с востока на запад; иные, наконец, стоят уединенно, ограниченные со всех сторон глубокими долинами. В этой части Аппалахская система представляет наибольшее разнообразие по расположению и направлению, и здесь же она имеет наиболее горделивый вид, здесь вершины её, куполы и конечные площадки достигают наибольшей высоты. Ближайшая к Атлантическому океану цепь, за которой обычай сохранил имя «Голубого хребта» (Blue Ridge), но которая делится на множество массивов и ветвей с особыми названиями, содержит самые высокие вершины. Гора Рон-Маунтен (1.916 метр.) имеет соперником, на восточной стороне, плато Грасси-Ридж, или «Травяного хребта». «Черные горы», Black Mountains, названные так от их растительности, состоящей из *abies nigra* и других хвойных с темной листвой, «Дымные горы», Smoky Mountains, горы Унака, вздымают свои хребты слишком на 2.000 метров; гора Гюйо, имя которой напоминает главного исследователя цепи, имеет такую же высоту; Клингманов купол (Clingman's Dome) поднимается на 2.017 метров; гора Митчель, круто обрывающаяся на восточной и западной стороне, ещё выше, по новой топографической карте Соединенных Штатов (2.045 метр.). Все эти горы покрыты лесами, за исключением «лысых» вершин или *balds*, иногда неправильно называемых balls[1],—которые имеют более 1.500 метров высоты. Растительность этих высоких хребтов, которые кажутся ощипанными, состоит из мелкого кустарника, папоротников, кустов дикой смородины и других ягодных растений, а выше—из сочных трав, составляющих великолепные луга. «Лысины» Рон-Маунтена, продолжающиеся на пространстве около 10 километров, служат летом пастбищами для кобылиц и жеребят всех окрестных местностей[2].

Эти южно-аппалахские массивы, самые замечательные по красоте пейзажей и разнообразию растительности, едва известны в сравнении с горами Новой Англии, менее высокими и менее богатыми флорой, потому что население южных штатов, белое и черное, ещё относительно не многочисленно, а сила притяжения живописных ландшафтов проявляется в широкой мере пропорционально цивилизации окружающих стран. При том же горы Каролин и Тенесси очень трудны для восхождения: низкая растительность, покрывающая почву и в которой преобладают все кустарники рода рододендронов, образует дотого густую массу, что иногда не находишь никакого прохода, кроме, разве, лазеек, которые сделали медведи сквозь сеть переплетающихся ветвей, ломая их своей тяжестью. Железные и грунтовые дороги, проникающие в высокие долины или даже проходящие через перевалы, ещё не соединены в сеть горными тропами. Но каждый год увеличивает область экскурсий и изучений.

Далее, за каролинскими горами, цепи быстро понижаются; однако, в Георгийской территории, на продолжении Аппалахских гор, многие пики переходят ещё за тысячу метров вы-

1 James M. Safford, „Geology of Tennessee“.

2 Mitchell, „American Journal of Science“, 1839;—James M. Safford, цитиров. сочинение.

соты; группы Энота, Бальд, Трай, Кровавых гор (Blood Mountains), наконец, «Адамов узел» (Adams' Knob), имеют соответственно 1.460, 1.236, 1.336, 1.367 и 1.093 метра высоты. Различные истоки Кузы, главной ветви Алабамы, зарождаются между сейчас названными массивами, и долина этой реки составляет замечательнейшую физическую черту Аппалахской системы: её можно рассматривать как продолжение главной оси. Впрочем, Куза и соседния реки текут между кручами, которые во многих местах принимают вид гор: с обеих сторон параллельные скаты, соответствующие своими выступами и входящими углами, поднимаются так высоко, чти их можно принять за цоколи горделивых пиков; взойдя на верхнюю грань, приметную снизу, попадаешь на почти горизонтальное плато; удаляясь от долин по этим совершенно гладким плоскогорьям, скоро теряешь из виду глубокия долины, и можно подумать, что находишься в обширной равнине, выровненной водами моря.

Истинный конец Аппалахских гор, если не в невидимой части каменных пород, то по крайней мере в наружном профиле, находится там, где плоскогорья позднейшего образования сменяют выступы древнего происхождения, составляющие остов этих гор до залива св. Лаврентия. Весь восточный пояс Аппалахской системы состоит из гранитов и озойских или палеозойских формаций глубокой древности, давших повод к часто повторяемому утверждению, что Новый Свет в действительности самый старый, по крайней мере, там находили ископаемые остатки отдаленнейших веков. Многие геологи полагают, что ими открыт в самом гнейсе один вид фораминиферы, которому они дали название *эозоон*, «заря жизни»; но даже допуская в этом случае ошибку, всё-таки трилобит Брэнтри (paradoxides Harlani), открытый в горных породах бостонских окрестностей, будет первое известное доселе животнос всей земной фауны[1]. Западнее, различные Аппалахские цепи состоят из силурийских и девонских пластов, а западная часть гор вся принадлежит к каменноугольным векам. Известно, какую капитальную важность для заселения и промышленного прогресса страны имели слои минерального топлива, залегающие между различными пластами этих драгоценных формаций, слои, тем более драгоценные, что вдоль почти всех цепей Аппалахской системы тянутся полосами жилы железа необычайной мощности и превосходного качества.

Угли, находимые на восточной стороне гор, в маленьких эллиптических бассейнах Виргинии и Северной Каролины, принадлежат к юрской эпохе. Они отложились в углублениях гранита и со времени своего образования были так глубоко опрокинуты, что разработка их очень затруднительна. Слои антрацита различного возраста, открытые в северных Аллеганах, залегают на палеозойских породах. Они составляют особые площади, отделенные одна от другой обширными пространствами, где уголь тоже отлагался, но залежи его исчезли путем выветривания и размывания в течение долгих геологических периодов. Антрациты Пенсильвании продолжались некогда к северо-востоку через нынешние штаты Нью-Йорк и Коннектикут и соединялись с формациями того же рода в Род-Айленде: теперь не осталось, может-быть, и одной сотой доли громадного пласта аппалахского антрацита. Но на западной стороне гор, вне театра геологических событии, изогнувших в складки, искрививших и выстрогавших Аллеганы, правильные слои смолистых углей простираются в виде обширной сплошной площади в Западной Пенсильвании, Огайо, Западной Виргинии, Кентукки, Теннесси и Алабаме: единственная значительная брешь образовалась в месте прохода реки Теннесси, ниже Чаттануги. С востока на запад замечаются постепенные переходы в составе углей. В то время, как антрациты содержат всего только от 2 до 5 процентов газа и горят ясно, западные угли заключают в себе от 20 до 40 процентов газа и распространяют очень густой дым. Отсюда контраст фабрик и заводов, употребляющих эти два сорта минерального топлива: в долине Сусквеганны они не загрязняют атмосферы; в долине Мононгагелы, промышленные города, употребляющие каменный уголь, непрерывно извергают облака черного дыма. Очевидно, объяснение этой разницы двух горючих веществ нужно искать в их геологической истории: смолистые угли, оставшиеся в том самом состоянии, в каком они отложи-

1 Jules Marcou, рукописные заметки.

лись, сохранили свой первоначальный состав; напротив, восточные угли были так часто выводимы из первоначального положения или даже ломаемы, что газы успели улетучиться из породы и уголь превратился в антрацит[2]. Кроме того, на восточном скате гор не находят тех глубоких резервуаров минерального масла, ни тех пустот, наполненных газом, которые характеризуют подземную геологию верхнего бассейна Огайо, и открытие которых произвело столь замечательный промышленный переворот в этих странах.

II. Реки Атлантической покатости

Проточные воды, спускающиеся с Аппалахских гор, с одной стороны к океану, с другой —к Миссисипи и к Великим озерам, скромно продолжают геологическую работу растирания и смывания горных пород, начатую после отступления льдов, покрывавших Северную Америку до Гудсона и даже за этой рекой. Давно уже геологи признали, что северные области Соединенных Штатов были покрыты в предшествовавшую эпоху, и даже дважды, толстым слоем льда, и кроме того, констатировано, что эти находившиеся в движении кристаллические массы толкали перед собой мощные морены и переносили тяжелые глыбы камня. Детальные наблюдения, производившиеся систематически, позволили почти точно определить границы части территории, подвергавшейся действию льдов, и первоначальная почва которой, по крайней мере в равнинах, исчезла под обломками скал, принесенными с севера. На побережье Атлантического океана вся Новая Англия, вместе с её полуостровами и островами, принадлежит к этому поясу, и судя по глетчерным чертам, наблюдаемым на склонах гор, можно оценивать в 500, может-быть, даже в 700 метров, толщину древнего ледника, расстилавшагося некогда над южным Коннектикутом[1]. Каменные обломки, увлекаемые ледяной массой, переходили за глубокую долину Гудсона и, пройдя над Нью-Джерсеем, спускались далеко в Пенсильванию, чтобы перейти через параллельные цепи Аллеганских гор и рассыпаться по верхним слоям западной Сусквеганны. Иная гранитная скала, находящаяся ныне в Массачусетсе, принадлежала к горам Нью-Гампшира, иной камень, лежащий на известковой террасе Пенсильвании, отделился от цепи Адирондак или от гор Богоматери. В верхней долине реки Аллегени рассеяны, на высоте слишком 570 метров, каменные глыбы, родной массив которых отстоит оттуда по крайней мере на 400 километров[2].

Переходный период между ледниками и реками с правильным течением ещё далеко не закончился в северной части Соединенных Штатов. К югу от Сент-Джона, принадлежащего Союзу своими верхними притоками, и реки св. Креста, составляющей северо-восточную границу страны со стороны Нового Брауншвейга, реки представляют скорее цепи озер, соединенных простыми истоками, чем настоящие потоки: озерный период, наступивший после ледяного, ещё продолжается в штате Мэн. Каждая долина заключает в себе озера; каждая впадина плоских возвышенностей или отлогих земель имеет свои лужи, болота, торфяники, обсыхающие на половину во время засух, вздувающиеся во время дождей и туманов, столь частых в этих областях. Обвал, размыв крутого берега меняют истоки одной реки в другую, и часто воды изливаются разом на две стороны, как воды бассейна в монументальных фонтанах. Все эти озера разветвляются, выделяя из себя горный массив; но в целом они ориентированы с северо-запада на юго-восток, соответственно общему скату почвы, и вытекающие из них реки спускаются со ступеньки на ступеньку, т.е. из озера в озеро, перпендикулярно к морю. Из всех рек, вытекающих с «Высоты Земель», самые многоводные—Пенобскот, истоки которого зарождаются на окраине горы Катадин, и Кеннебек, который берет начало в Музгеде, самом большом озере штата Мэн, и с которым соединяется равный ему по объему поток Андроскоджин, невдалеке от общего устья. Южнее текут Мерримак и Сако, получающие свои воды с Белых гор. Все эти потоки, переходящие от формы расположенных уступа-

2 Lesley, „Geology of Pennsylwania“;—G. von Rath, „Pennsylwanien“.

1 James D. Daua, „Amerikan Journal“ X.

2 T. C. Chamberlin, „Bulletin of the United States Geological Surwey“, № 58.

ми одно над другим озер к форме рек, доставляют промышленности значительную движущую силу, первую причину группировки населений и возникновения городов.

В Массачузетсе и Род-Айленде морская покатость слишком узка, чтобы по ней могли

Видъ Диксвиль-Ноче у Нью-Гампшира.

проходить многоводные реки: встречающиеся там потоки принимают вид настоящих рек только при устьях, благодаря морскому приливу. Но на западе Белых гор широкая брешь позволяет водам Высоты Земель убегать к югу, в виде «длинной реки»: таков, будто бы,

смысл индейского слова Ауонектакат или Коннектикут, переводимого также как «река Сосен». Течение этой реки, от границ Канады до устья, открывающагося в пролив Лонг-Айленд, превосходит длиной и площадью бассейна все остальные потоки Новой Англии. Долина её уже гораздо правильнее, и расположенные уступами озера её первоначального бассейна почти все опорожнились, между прочим, и озеро, существовавшее некогда выше Голиокского ущелья: но пороги и водопады, с приютившимися около них фабричными городами, прерывают ещё там и сям речное течение. Другая река, изливающаяся тоже в пролив Лонг-Айленд, к западу от Коннектикута, Гузатоник, имеет подобный же характер течения.

Главные реки Новой Англии, по Уэльту и другим:

	Длина течения, килом.	Площадь бассейна, кв. кил.	Средний расход воды, куб. метр. в секунду
Пенобскот	480	21.000	285
Кеннебек	360	23.500	312
Андроскоджин	320		
Сако	150	3.500	48
Мерримак	275	12.000	150
Коннектикут	650	23.000	300
Гузатоник	250	3.000	50

Гудсон, текущий параллельно Коннектикуту, представляет, с геологической точки зрения, скорее морской пролив, чем реку. Прежде он составлял одну водную площадь с озерами Джордж и Чамплен и соединялся через эти великолепные бассейны с лиманом св. Лаврентия. Впадина, в которой бежит Гудсон, доминируемая с одной стороны Зелеными горами, с другой—цепью Адирондак, образует в целом одну из средних долин Аппалахских гор, подобную длинным желобам, в которых текут Шенандоа и Нью-Ривер; озеро Чамплен, вместо того, чтобы изгибаться к юго-западу, вместе с остальной частью Аппалахской системы, открывается на юг, чтобы сообщаться с морем через боковую брешь: как многие другия черты планетного рельефа, непрерывный ров, где следуют одно за другим ложа озера Чамплен, озера Джордж и реки Гудсон, обязан своим происхождением многосложным причинам. Исток Чамплена и Гудсон, соединенные теперь искусственным каналом, образуют центральную ось долины.

Озеро Джордж, или Георгиевское, прежде Горикон, «Серебряная Вода», занимает небольшую боковую впадину, параллельную южной оконечности озера Чамплен, и изливается в главный бассейн массою, падающей с высоты 10 метров, потоком Тикандерога, или «Шумящая Вода»; недалеко оттуда французы построили форт Карильон (Трезвон), названный так от музыки каскадов,—важнейшая крепость этой территории, столь часто бывшей предметом спора между французами и англичанами. Озеро это одно из «чудес» северо-восточной Америки: полурека, полубассейн, оно извивается у подножия гор и холмов, варьируя до бесконечности пейзаж своих пляжей и высоких мысов, своих островов, низменных или скалистых, голых или поросших лесом; прозрачные воды его имеют до 120 метров глубины в самом впалом водоеме; говорят, что хрустальная чистота их объясняет имя «Saint-Sacrement» (св. таинство), данное озеру французами: вода его употреблялась при совершении обряда крещения в приходах области св. Лаврентия. Озеро Чамплен, очень длинное, как Георгиевское, такое же извилистое, и то расширяющееся в круглый бассейн, то съуживающееся между скалистыми мысами, представляет en grand картины, сходные с ландшафтами прелестного озера «Серебряной Воды». Почти вчетверо длиннее предыдущего, оно расстилается в ширину на гораздо более значительном пространстве; наибольшая глубина его почти та же, 120 метров. Открытое в 1609 г. Самуилом Чампленом, оно осталось своей северной оконечностью в Канадской территории, и выходящая из него река, Сорель или Ришелье, течет на всём своем протяжении в пределах провинции Квебек.

Самый верхний исток Гудсона бьет из земли в сердце Адирондакской цепи, на высоте 1.310 метров, у подошвы горы Тагавус; маленькое озеро при истоке получило поэтическое имя «Слезы облаков», *Tear of the Clouds*. Горный поток спускается рядом каскадов, увлекая

в своих водах камешки лабрадорита, синие, зеленые, золотистые, опаловые. По пути сотни озер соединяют свои ручьи с нарождающимся Гудсоном, который скоро становится настоящей рекой и катит значительную массу воды. Скалы из черного мрамора преграждают ему дорогу у водопада Глен (Glen's Falls): поток низвергается величественной скатертью с высоты 25 метров в глубокий овраг, где теперь скалы и деревья заменены домами; затем, после ряда порогов и быстрин, льется с террасы на террасу новыми каскадами. Место, где Гудсон соединяется с Могавком, почти на половине расстояния между истоком и устьем, приблизительно в 250 километрах от того и другого, есть один из жизненных пунктов в географии американского континента: эти две долины, встречающиеся под прямым углом, одна ориентированная к Великим озерам, другая—к низовью св. Лаврентия, представляют два исторических пути, настолько ясно обозначенные, что место соединения их всегда должно было иметь большую стратегическую цену, даже в те времена, когда край этот был обитаем только дикарями. Французы и англичане, затем восставшие американцы и королевские войска часто сталкивались здесь на поле битвы. Когда наступила эра колонизации и торговли, этот перекресток главных ветвей Гудсона играл другую роль, роль фактора, обеспечивавшего преуспеяние Нью-Йорка. Города, следующие один за другим на обоих берегах, в виде одного непрерывного города, свидетельствуют о выгодах, которые представляет это привилегированное место.

Могавк, соединяющийся под прямым углом с Гудсоном и сообщающий последнему его речной характер, берет начало на востоке озерной области «Шести Наций» и течет сначала по слегка волнистым равнинам между лугов и лесков. Другой поток, приходящий с севера, удвоивает объем его вод: это «Канадский ручей» (Canada Creek),—Канахта или «Янтарная Вода»,—прославившийся в Америке своими чудными каскадами, Trenton Falls. Вода льется пятью большими уступами с общей высоты в 95 метров в глубокий, густо заросший овраг. Вид водопадов и тысячи пейзажей этой глубокой долины разнообразен до бесконечности; бока ущелья, состоящие из силурийского известняка, вздымаются словно стены, сложенные из горизонтальных рядов камня разной толщины и разрезанные там и сям трещинами; дно оврага точно вымощено темно-синей плитой, полируемой водами разлива. Трентонские водопады—классическое место для геологов, благодаря их богатству ископаемыми остатками, принадлежащими к заре мира.

Ниже слияния, Могавк, огибая основание Адирондакских гор, тоже образует каскады, Little Falls, утилизируемые построенными около них фабриками и заводами, затем течет тихо между луговых берегов до последнего порога, называемого Когос, выше архипелага островков, между которыми соединяются течения Могавка и Гудсона. Но водопад, высотой 24 и шириной 300 метров, существует только во время разливов: заводчики обратили всю падающую массу воды на служение своим машинам и разделили её на тысячу каналов, которые, совершенно загрязненные, снова входят в речное русло по деревянным или железным проводам.

Соединившись, эти два потока образуют собственно Гудсон, великолепную реку, часто называемую «американским Рейном»,—имя, которого она вполне заслуживает, не столько за поэзию легенд и исторические воспоминания, которые, впрочем, придают уже ей свою прелесть, сколько за красоту, живописность и разнообразие её пейзажей: в этом отношении Гудсон не имеет соперников. По оживленности торгового и пассажирского движения он также равняется, даже превосходит Рейн; железные дороги окаймляют его с обеих сторон, и пароходы, парусные суда, шаланды, яхты беспрерывно бороздят его воды: часто один туэр тащит за собой до полсотни нагруженных барок. Морской прилив не поднимается до слияния двух рек, но влияние его ощутительно в небольшом расстоянии ниже, по крайней мере в том смысле, что он задерживает верховое течение и замедляет его скорость. В прежнее время, когда транспортное дело не было ещё так развито, как ныне, морские суда поднимались по Гудсону с приливом до города Гудсона, на 185 километров от моря. Каждую зиму река покрывается ледяной корой вверх от части русла, пробегаемой морскими приливами, и экс-

плоатация льда составляет один из главных промыслов прибрежного населения. Сани на парусах отлично скользят по этому хрустальному полю с едва заметным уклоном.

Гудсон огибает высокие мысы Кошачьих гор, не образуя нигде порогов. При проходе цепи Возвышенностей (Highlands) река ещё сохраняет равномерность своего течения; но выше преграды она разливается в настоящее озеро, затем бросается вправо и влево крутыми поворотами. В этом месте была запруда, задерживавшая воды Гудсона и заставлявшая их течь обратно на север к реке св. Лаврентия через бассейн озера Чамплен. Средняя ширина Гудсона выше и ниже около километра; на проходе через цепь Гайлендс река суживается до 550 метров. Впрочем, Гудсон походит ещё на реки Канады недоконченностью своего русла: он ещё сохранил до некоторой степени вид фиорда неправильностями своих берегов, изрезанных бухтами и бухточками; береговые обрывы ещё не сформировались окончательно во многих местах: только труд человека придал реке постройкою боковых плотин более правильный профиль. Большая «бухта» Таппан, открывающаяся ниже цепи Гайлендс, есть в действительности удлиненное озеро, разделенное на несколько бассейнов скалистыми мысами. Ниже, приняв снова характер реки, Гудсон проходит у восточного основания утесов из траппа, называемых «Палисадами» (Palisades), вероятно, по причине находившихся там прежде укреплений, построенных голландскими колонистами. Скалы эти, поднимающиеся от 100 до 150 метров над уровнем реки, тянутся на пространстве 24 километров, почти против Нью-Йорка. Местами они являются в виде ряда отдельных столбов, образующих настоящие колоннады, но подпирающие их внизу обвалы, поросшие травой, уменьшают на половину их высоту.

Ниже «Палисад», Гудсон, называемый моряками «Северной рекой», потому что он находится к северу от Делавара,—известного прежде под именем «Южной реки»,—составляет уже Нью-Йоркскую бухту. Одна из его боковых ветвей, неглубокий рукав, вдоль которого теперь проведен канал, высеченный в камне, отделяется от главной реки на восток, соединяясь с другой половиной обширного порта, носящей имя «Восточной реки» (East River), и разветвляясь, кроме того, посредством «Адских Ворот», Hell Gate, к проливу Лонг-Айленд. Гудсон сливается с бухтами и проливами лимана. Гудсонская долина продолжается даже за лиманом на дне моря,—явление аналогичное тому, которое констатировано около Кап-Бретона, и во Франции, против прежнего устья Адура. Факт этот, относительно Гудсона, был впервые открыт геологом Дана на основании промеров, произведенных коммиссией береговой съемки. Приблизительная длина Гудсона—500 километров; площадь бассейна—34.450 кв. километ.; расход воды—410 куб. метр. в секунду.

Делавар и другие реки, проходящие через Аппалахские горы, по характеру своего течения много разнятся от Коннектикута и Гудсона. В то время, как эти два потока спускаются прямо с севера на юг между группами гор, Делавар, направляющийся с северо-запада на юго-восток, течет к морю рядом крутых поворотов в продольных долинах и поперечных разрезах гор. Первые истоки Делавара зарождаются в западных долинах Кошачьих гор и текут сначала на юго-запад через высокие холмистые равнины. Река как будто направляется к Сусквеганне, но первый встречный пролом в горах открывает ей дорогу на юго-восток; ниже течение её служит границей Пенсильвании, штатам Нью-Йорк и Нью-Джерсей. Второй поворот, очень крутой, отбрасывает реку к юго-западу, вдоль восточных склонов хребта Киттатини. Вдруг показывается узкая расселина между двумя стенами гор, на севере—величественный Таммани, на юге Минси, с более пологими скатами, и Делавар бросается в это скалистое ущелье, длиною около 3 километров, между стен в 300 и 400 метров высоты, чтобы затем снова повернуть под прямым углом в свою долину. Ущелье это, пользующееся наибольшей известностью из *water gaps* или «речных теснин», сделалось одним из самых любимых дачных мест: в летнее время посетители десятками тысяч толпятся в его отелях, привлекаемые лесами, водопадами, живописными видами этой прославленной местности.

Важнейший приток Делавара, Легай (Lehigh), называемый также «западной ветвью» (West Fork of the Delaware), представляет в миниатюре те же особенности течения, как и

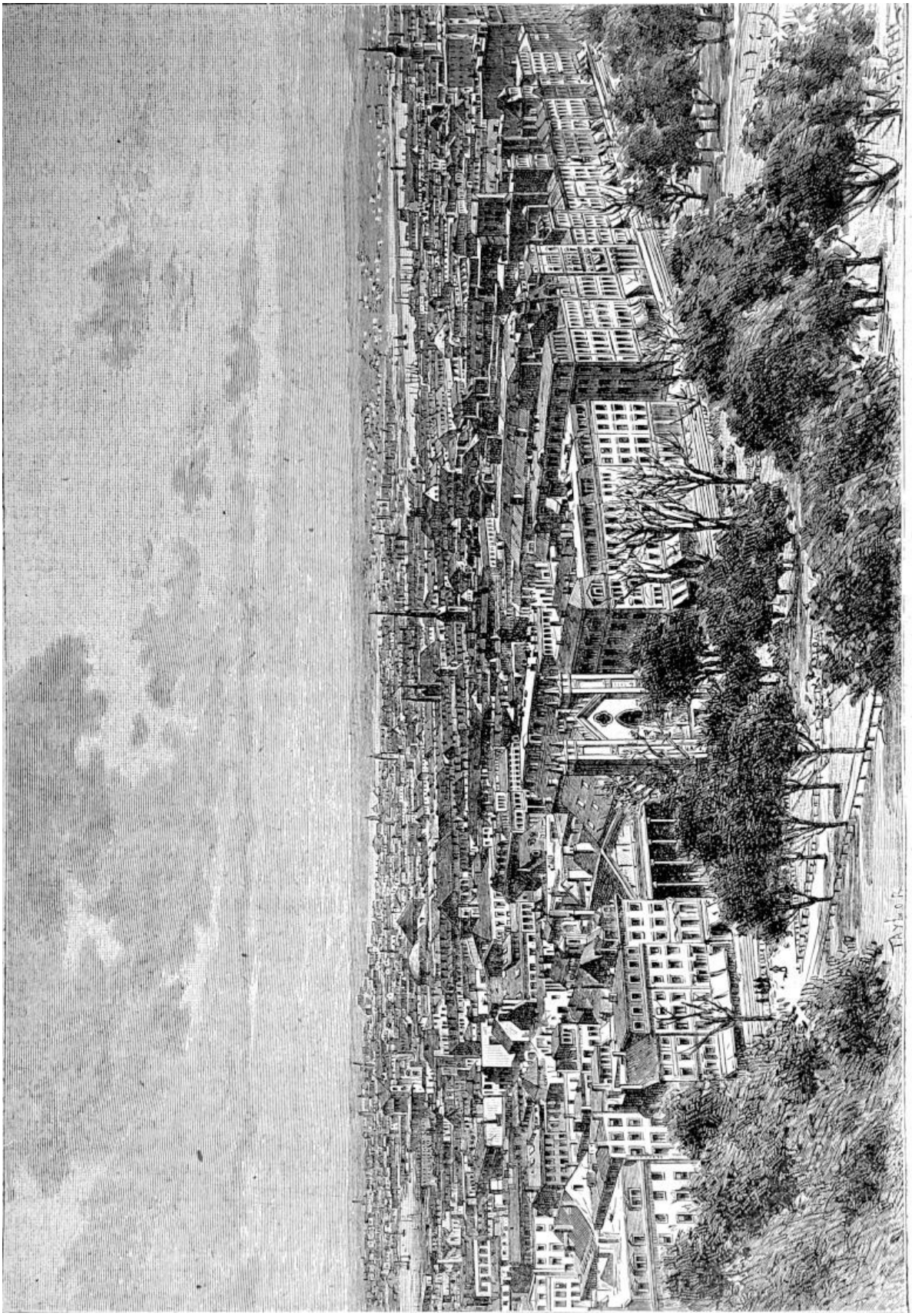
главная река. Он бежит также крутыми изгибами и переходит горы Киттатини узкой поперечной долиной, называемой Легай-Гап; затем, ударяясь о противостоящие горы, поворачивает на северо-восток, чтобы слиться с Делаваром. Соединенный поток двух рек проникает в новую брешь и последовательно открывает себе проход через параллельные выступы Аппалахских предгорий. Ниже Трентона, где течение местами очень стремительно, река поворачивает к юго-западу, в низменные равнины прибережья, следуя по линии, которая, может-быть, была прежде морским берегом, ибо она, повидимому, составляет продолжение побережья пролива Лонг-Айленд, заключающагося между Нью-Йорком и Нью-Гавном. В этой части своего течения Делавар принимает в себя приток Шуйлькиль, проходящий перед тем мимо Филадельфии, и устье которого замаскировано островками: отсюда и название *Schuyl Kill*, или «Скрытая река», данное ей голландскими мореплавателями. Ниже, Делавар постепенно расширяется в лиман и впадает длинной излучиной в бухту, которая снова принимает юго-восточное направление. Морские суда поднимаются вверх по реке до Филадельфии, а небольшие пароходы даже до Трентона. Развернутая длина течения Делавара—500 километров; площадь бассейна—29.500 кв. километров; расход воды—375 куб. метр. в сек.

Сусквеганна превосходит Делавар длиной течения и величиной бассейна, так как она берет начало севернее и соединяется с морем южнее, описав на западе кривую более значительного радиуса, но приблизительно параллельную своими изгибами другой реке. Однако, в торговом отношении она менее полезна, чем Делавар, во-первых, потому, что она находится дальше от Нью-Йорка и Филадельфии, главных центров экономической деятельности северо-востока, во-вторых, потому, что она впадает не прямо в море или в лиман, обращенный к большим линиям морского судоходства: она изливается на оконечности узкой, извилистой бухты Чизапик, которая тянется верст на триста в южном направлении, удаляясь таким образом от главных путей торговли[1]. К тому же она менее судоходна: индейское имя её *Ленниленап* значит «широкая и мелкая», и действительно, почти на всём своем среднем и нижнем течении она разливается на целый километр в ширину, но дотого мелководна, что местами её можно перейти в брод, русло её усеяно камнями, загромождено порослями травы, через которые с трудом пробираются плоты и барки, так что в некоторых местах пришлось прорыть обходные каналы, параллельно её берегам.

Дочь Кошачьих гор и прибрежных высот Могавка, Сусквеганна течет сначала в юго-западном направлении, следуя по нормальной линии низменности, заимствуемой также, гораздо западнее, верхней долиной Огайо, затем, по принятии нескольких притоков, выходящих из параллельных борозд, она вдруг поворачивает к юго-востоку, чтобы снова войти через брешь в средину Аппалахских гор. Далее, встретив стену Аллеган, преграждающую ей путь, она опять принимает юго-западное направление, чтобы соединиться с западной ветвью Сусквеганны, зарождающейся в равнинах запада, на Миссисипской покатости, и проходящей через параллельные цепи Аппалахских гор рядом ущелий. После слияния двух главных ветвей, речной поток принимает в себя ещё Юниату, «красивую синюю» реку, прославленную писателями за её живописные пейзажи. Подобно другим ветвям Сусквеганны, Юниата переходит рядом ущелий хребты Аппалахских гор. Господствующие над ней скалы представляют последовательный ряд всех геологических формаций этой горной системы, между угленосными ярусами запада, и через силурийские пласты средней оси, до гранитных пород востока. Но, более короткая, чем две главные ветви Сусквеганны, Юниата проходит через толщу цепи в пространстве гораздо более узком и оттого более богатом контрастами. Один из её верхних притоков, Синкинг-Спринг, зарождается на дне грота, затем льется с высокой арки, в отверстии которой вертится мельница; далее он снова падает в пропасть, и по временам слышится его журчание, доносящееся из глубины воронкообразных впадин; потом он опять появляется на поверхности земли, чтобы в третий раз исчезнуть под высокой скалой, откуда низвергается водопадом в Юниату. В нижней равнине, Сусквеганна, широкая, как рукав моря, течет прямо к северной оконечности Чизапикской бухты, образуя как бы про-

1 Friedrich Ratzel, цитиров. сочинение.

должение последней. Ещё недавно железная дорога, соединяющая Филадельфию с Вашингтоном, прерывалась речным потоком, и паровые паромы перевозили поезда с одного берега на другой; теперь построены два параллельных моста путевода чрез этот пролив, полу-реку,

Общій видъ Бостона.

полу-залив между прибрежными лесами.

Развернутая длина течения Сусквеганны—650 километр.; площадь бассейна—63.400 кв. километр.; расход воды—800 куб. метр. в секунду.

Подобно Суксвеганне, Потомак изливается не в океан, а в почти замкнутую Чизапикскую бухту, настоящее внутреннее море. Река эта берет начало также в Аллеганских горах, к западу от главной цепи, и убегает к Атлантическому океану через узкия бреши, вырытые ею через горы; вероятно, что речной поток, появившийся на свет прежде пробитых им гор, постепенно углублял выход, по мере поднятия изогнутых пластов. Выше своего последнего ущелья, Потомак соединяется с другой значительной рекой, Шенандоа, которая и сама образуется из нескольких параллельных потоков, орошающих междуаллеганские равнины, и представляет многочисленные изгибы в своем течении. Ниже мыса Гаперс-Ферри, разделяющего Потомак и Шенандоа, во время мелководья в обоих руслах показываются пороги скал, источенных водами. Но никакого каскада нет в этом пункте: последние водопады находятся уже в береговой равнине, в небольшом расстоянии вверх от Вашингтона и длинного, похожого на реку, лимана, перерезывающего морское побережье.

Развернутая длина Потомака—480 киломер.; площадь бассейна—29.975 кв. километр.; средний расход воды—300 куб. метр. в секунду.

Все другие реки, впадающие в Чизапикскую бухту, Раппаганок, Маттапони. Памункей, Джемс-Ривер, Аппоматокс, Ноттовай, также заканчивают свое собственно речное течение водопадами, образующимися в месте соприкасания гранитных формаций с третичными равнинами побережья, и открываются широко к океану извилистыми заливами, куда поднимаются соленые морские воды. Между этими реками только одна берет начало в средине гор, за Голубым хребтом: это Джемс-Ривер, притоки которого, зарождающиеся в параллельных долинах, соединяются с ним крутыми поворотами при проходе чрез ущелья. Один из этих притоков, незначительный ручей, проходит под грандиозным естественным мостом, закругляющим свою арку на высоте 65 метров над уровнем потока, с отверстием в 27 метров. В высокой равнине, где бьют из земли первые истоки Джемс-Ривера, горная цепь кажется прерывающейся; едва приметный порог разделяет бассейн Джемс-Ривера, реки атлантической покатости, и бассейн Нью-Ривера, принадлежащего, через Канавгу и Огайо, к речной области Миссисипи. Река Стонтон, верхний приток Роанока, берет начало на том же аллеганском водоразделе.

Все реки, спускающиеся с Аппалахских гор и их южного продолжения в Каролинах и в Георгии, походят одна на другую направлением и характером течения. Роанок, Кэп-Фир-Ривер, Грет-Пиди, Санти, Саванна, Альтамака и меньшия реки этой покатости текут нормально к морю, т.е. с северо-запада на юго-восток, по наклону почвы. Все катят чистые воды и образуют красивые каскады в своих верхних долинах, все движутся медленно в береговых равнинах, а в низовьи, около устьев, окаймлены болотами, разветвляются на боковые рукава или загромождены низменными архипелагами и песчаными косами. Между многочисленными водопадами этих рек особенно замечателен по грандиозности вида водопад Таллула—по-черокезски «Страшный»,—три последовательные скатерти которого прерывают верхнее течение одного притока Саванны, при выходе его из ущелья гор.

В юго-восточном углу Аппалахской системы, проточные воды, спускающиеся из узких долин, расходятся веерообразно на юго-восток, юг и юго-запад, первые по направлению к океану, остальные на покатости Мексиканского залива. Реки Флориды, текущие в угловом пространстве, заключающемся между двумя морскими берегами, составляют отдельную систему вод и, за исключением нескольких маленьких потоков, должны быть рассматриваемы скорее как ручьи океанского происхождения; образовавшись относительно недавно, они представляют ещё признаки, напоминающие их происхождение и должны быть изучаемы особо в морской гидрографии.

Берега Атлантического океана гармонируют с речными бассейнами, посылающими им избыток дождевых вод и размельченные обломки гор. Ещё загроможденные в недавнюю геологическую эпоху ледяными языками, выступавшими из внутренних гор, лиманы, в которые впадают реки Мэна, сохранили свое первоначальное очертание, свои утесы, выступы скал, гранитные острова и архипелаги, носящие на себе следы прохождения ледников: кри-

сталлические массы, наполнявшие проливы, связывая острова побережья с твердой землей, растаяли, обнаружив таким образом первоначальную конфигурацию побережья; с того времени плоские берега, пляжи или насосы гальки, песку или илу, отложенных в течение современных веков, почти не изменились в своих контурах. Но в ближайшем соседстве моря до-ледниковый рельеф почвы значительно изменен длинными извилистыми буграми, *kames*, состоящими из глины, песку и гравия, неправильно наслоенных, которые были отложены ледниками в направлении их движения и переработаны проточными водами. Бугры эти, достигающие 20 метров высоты над уровнем окружающих полей, образовались тем же путем, как *eskers* Ирландии и *asar* Скандинавии, и так же, как эти последние, сливаются во многих местах с боковыми или передними моренами. Другие отложения, оставленные льдами во время их отступательного движения, известны в Новой Англии под именем *drumlins*; это невысокие холмы, с крутыми скатами, имеющие чечевицеобразную форму и следующие один за другим параллельными грядами, при чём большая ось их расположена в том направлении, которое принимали некогда ледяные реки. Все зеленеющие холмы, находящиеся в соседстве Бостона, к югу от этого города и его бухты, суть не что иное, как *drumlins*, или бугры глетчерного происхождения. Наконец, бесчисленные маленькия озера, известные в северо-восточных штатах под именем *kettle holes* или «ям-котлов», также обозначают прохождение древних ледников. Впадины эти, частию ещё наполненные водой, частию высохшие или покрытые слоями торфа, вероятно, обязаны своим существованием льдинам, служившим ядром моренам: растаяв, кристаллическая масса, покрытая камнями и гравием, оставляла после себя глубокую яму в окружавших её глетчерных формациях[1].

К югу от скалистых берегов Мэна, низменные пляжи Новой Англии, кажется, подверглись весьма значительным переменам в ледяную эпоху. Острова, лежащие за мысом Код, находились, несомненно, на фронте ледника. По Райту, большая передняя морена простиралась от западной оконечности Лонг-Айленда до острова Нантукет; когда тающие льды покинули этот прибрежный пояс, другая морена, параллельная первой, тянулась на юге пролива Лонг-Айленд до полуострова, мыса Код. Каменистое дно, подводная точка опоры, определило заранее расположение фронтальных морен; оставленные ими обломки были подхвачены океанскими течениями во время общего оседания страны, и движение морских вод, которое при всём своем бесконечном разнообразии, повинуется, однако, общему ритму, изменило форму этих груд ещё не скрепленных материалов.

Между многочисленными полуостровными придатками северо-восточного берега особенно выделяется странным профилем своих берегов мыс Код, или «Тресковый» (Наузет на языке древних аборигенов). Выступая под прямым углом из массы материка, затем изгибаясь к северу и северо-западу, как нос гондолы, он окружает своими низменными пляжами бухту в 40 километров шириной: по очертанию своих берегов мыс этот имеет вид морского водоворота, внезапно отвердевшего, и нет сомнения, что он действительно обязан своей формой движению течений, сталкивающихся и изгибающихся в виде длинных правильных кривых. Озера, сохранившиеся между прибрежными буграми, суть бывшие площади морской воды, которые были постепенно заперты образовавшимися впереди их песчаными плотинами, и от дождей и притоков мало-по-малу превратились в пресноводные пруды. Сильный выступ полуострова за линию материковой массы, странность его формы и опасность подхода к нему, естественно, должны были обратить внимание первых мореплавателей на мыс Код, как на самую замечательную черту этой области моря. Оттого многие историки хотели, по примеру Рафна, признать в этом мысе Кьялярнес, или «мыс Киля», к которому приставал Торвальд, норманский мореход: название это, будто бы, было дано мысу по причине сходства его с носом скандинавского корабля[2]. Английское имя *hole*, «дыра», приуроченное ко многим иссечениям побережья в соседстве мыса Код, есть, по мнению некоторых писателей, не что иное, как норвежское слово *holl*, «холм», применявшееся прежде к прибрежным гор-

1 G. Frederick Wright, „The Ice Age in North America“.

2 Gabriel Gravier, „Decouverte de l'Amerique par les Normands“.

кам, и первоначальный смысл которого был впоследствии извращен[1].

Остров Martha'Vineyarde, или «Виноградник Марфы», называвшийся до 1650 г. «Мартиновым Виноградником», по крестному имени открывшего его мореплавателя, Мартина Принн[2], напоминает, по мнению тех же историков, древний «Винланд», и, вероятно, получил особое название для отличия от большой «Земли винограда», под которой подразумевался соседний берег материка. Остров этот, также, как полуостров Код и остров Нантукет, свидетельствует своей формой о действии морских течений. Своим южным берегом, лежащим на линии Лонг-Айленда, он указывает край континентального цоколя, поддерживающего Новую Англию; но берег этот вдруг круто поворачивает с юга на север, в направлении, которому следует конечный нос мыса Код: можно подумать, что этот остров, краеугольный камень континента, обозначает границу морского пространства, дно которого понизилось под захватами моря, или должно снова выступить из-под воды. Длинный южный пляж Лонг-Айленда, протянувшийся на пространстве более 200 километров, между Нью-Йоркской бухтой и мысом Монток, продолжаясь ещё Блок-Айлендом, на всём своем протяжении —морского происхождения; песчаный вал, идущий от одного конца до другого, замаскировывает неровности внутреннего берега, изрезанного заливами и бухтами, при основании холмов вторичного образования, составляющих остов острова.

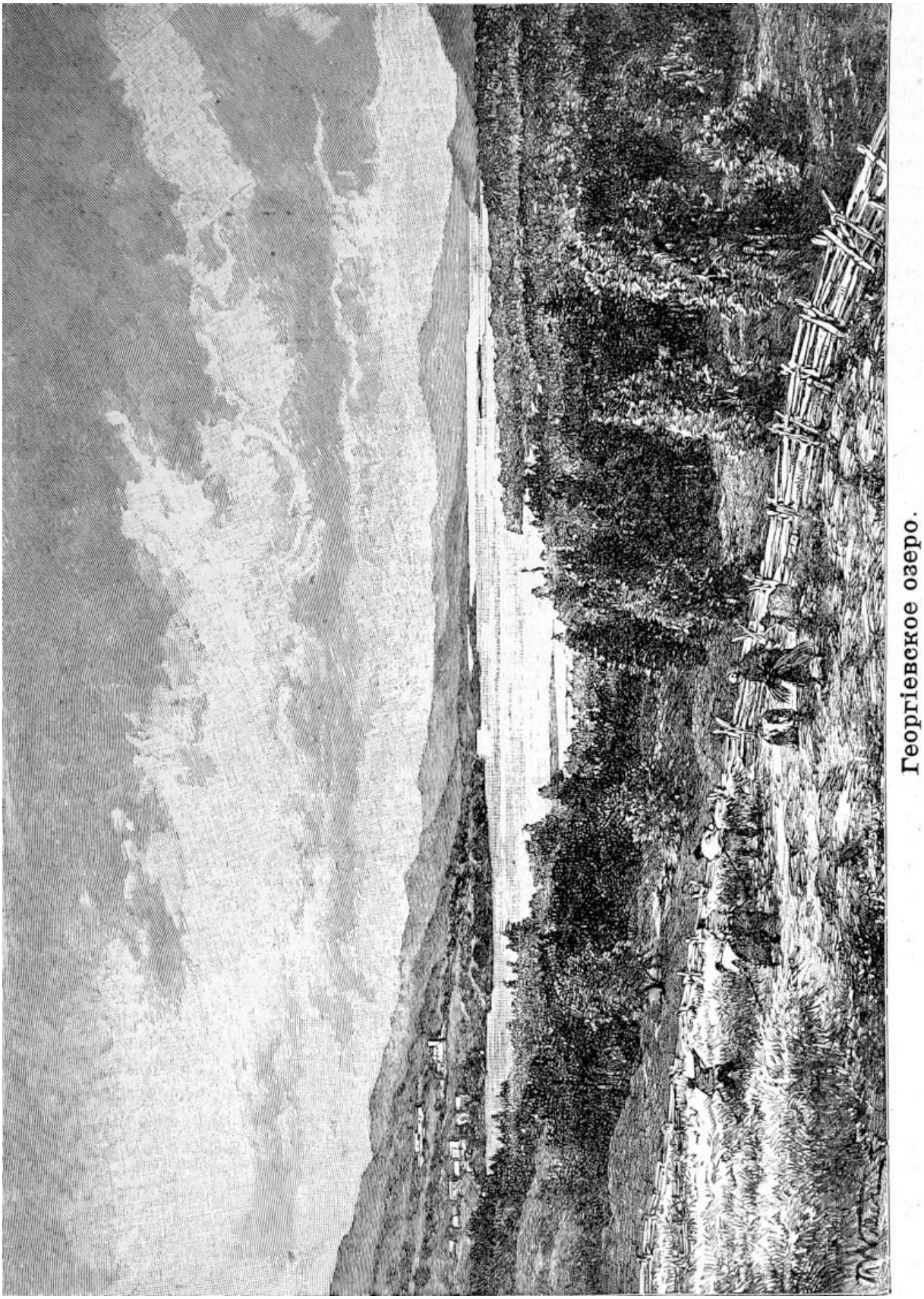
К югу от Нью-Йоркской бухты, из материка выделяется полуостровной придаток, с массивными контурами, ограничиваемый с одной стороны океаном, с другой—течением Делавара, ниже Трентона. Хотя основание этого полуострова состоит не из намывной почвы недавнего происхождения, а из вторичных формаций, он, однако, мало возвышается над уровнем моря; раздельный порог между Южным Амбоем и Трентоном едва обозначен. Со стороны океана, этот полуостров, составляющий южную часть штата Нью-Джерсей, представляет песчаную плотину такого же образования, как береговой вал Лонг-Айленда, и почти такой же длины: таким образом большим воротам Америки предшествует, на атлантическом фасаде, преддверие замечательно правильной формы; только прибрежная коса Нью-Джерсея, более извилистая, чем стрелка Лонг-Айленда, и более изрезанная брешами, позволяет внутренним лагунам сообщаться с открытым морем. Северную оконечность Нью-Джерсейской косы, где находятся маяк, семафор, спасательная станция и оборонительные укрепления, составляет прославленный Санди-Гук, «Песчаный крюк», который выдвинулся в море на 10 километров, указывая издали вход в рейд кораблям, держащим путь к Нью-Йорку.

На юг от Санди-Гук, песчаный вал в начале прилегает к материку, но далее он тянется в некотором расстоянии от истинного берега, охватывая обширные площади соленой воды и болотистые пространства, при продолжительных засухах составляющие часть суши, а во время больших дождей снова отходящие в область моря. Низменные равнины морского образования простираются далеко внутрь материка, до основания холмов, составляющих ядро полуострова. В уровне соприкасания суши и воды происходили большие колебания, как о том свидетельствуют погребенные леса берегов, именно в соседстве мыса Май, южной оконечности полуострова, командующей над входом в Делаварскую бухту. Там находятся обширные болота, наполненные толстым слоем ила, в котором погребены, до глубины слишком 3 метров, большие деревья, принадлежащие к виду белого кипариса (cupressus thyoides). Прибрежные жители нашли средство эксплоатировать эти лежащие в недрах земли леса. Уверившись насчет формы бревен при помощи железного крюка, вонзаемого в ил, они отрывают щепку, запах которой обнаруживает природу леса, затем снимают верхний слой грязи, яма наполняется водой, и вскоре дерево всплывает на поверхность; таким способом удалось извлечь из болота огромные кипарисы, в сердцевине которых насчитывали от 1.000 до 1.200 концентрических колец. Эти погребенные леса, повидимому, указывают на понижение страны, тогда как устричные мели, поднятые на несколько футов над поверхностью моря, доказывают, что происходили также изменения уровня в обратном направлении.

1 Jos. Story, „The Track of the Northemen".

2 Horsford, „Discovery of America by Northmen".

Полуостров между Делаваром и Чизапикской бухтой походит на Нью-Джерсейский, но он менее массивен, длиннее, и его зазубренная оконечность образует более красивый выступ на юге. Внешний берег обоих полуостровов ориентирован в одном и том же направлении—

Георгіевское озеро.

параллельно хребтам Аппалахской цепи и краю океанской впадины, в которой проходит Заливное течение. Длина полуострова, отделяемого Чизапикской бухтой от материка, около 280 километр., а ширина его сто слишком километров в центральной части; но основание

этого огромного придатка очень узко: от лимана до лимана всего только 17 километров, и раздельные земли не высоки. Поэтому легко было соединить бассейны Делавара и Сусквеганны, между Филадельфией и Балтимором, каналом в 3 метра, который дает доступ гоэлетам и рыболовным судам, более многочисленным в этих водах, чем на всём остальном американском берегу.

Чизапикская бухта не имеет себе равных между внутренними морями Соединенных Штатов: это дверь всей центральной области Аппалахских гор, общий вход многочисленных речных бассейнов, Сусквеганны, Потомака, Раппаганока, Йорка, Джемса, аванпост Балтимора и Вашингтона, Ричмонда и Норфолька. Она имеет над Нью-Йоркской бухтой то огромное преимущество, что суда самого большого водоизмещения могут проникать туда даже во время отлива, хотя в целом средняя глубина её не превышает 10 метров; срединный ров имеет всего только 15 метров глубины. Морской прилив распространяется во все лиманы; повидимому, гидрографический порядок в этой бухте тот же, что и в атлантических водах, но её волна, короткая и толкущаяся, не обладает способностью видоизменять форму берегов, как это делает, по другую сторону полуострова, могучая зыбь Атлантического океана. Береговой песчаный вал, идущий вдоль внешнего берега, изгибаясь в виде дуги, не соответствует подобному же образованию на берегах Чизапикского залива. Там берега глубоко изрезаны бухтами и бухточками, имеющими многочисленные второстепенные разветвления, все без песчаной стрелки, прямолинейной или слегка изогнутой; они могут быть загромождены болотами и островками, но нигде перед входом не выдвигается песчаная коса, намытая волной; лиманы сохраняют многочисленные иссечения своих берегов; приносимый течениями ил, смешанный с бесчисленными организмами, кишащими в водах моря, есть единственный геологический деятель для изменения формы побережья. Изменения эти, впрочем, совершаются быстро, по причине малой разницы уровней: простого накопления ила и песка достаточно, чтобы прибрежный островок соединился с материком; отложение слоя обломков в несколько метров толщины выводит на поверхность новые островки. Во многих местах морские воды вдаются далеко под поверхностной почвой берегов: при бурениях, производившихся с целью устройства артезианских колодцов, находили соленую воду на значительных расстояниях от моря[1].

В предшествовавшую геологическую эпоху внутреннее море, к которому принадлежала Чизапикская бухта, продолжалось на юг за лиман реки Джемс: остатки его сохранились до сих пор в виде обширных болот. Самое большое из них, известное под именем Dismal Swamp, «Зловещего болота», действительно представляет ужасный вид, с его огромными соснами, бросающими густую тень на черные земли окраины, и водяными аллеями, отражающими слабый рассеянный свет между островками грязи и грудами гниющих деревьев. Дисмаль, или Большой Дисмаль (Great Dismal), покрывающий на границах Виргинии и Северной Каролины пространство около 1.500 кв. километров, лежит немного ниже уровня западных равнин, посылающих ему ленивые ручьи, вода которых теряется в слоях торфа. Вздуваясь от притока этих вод, проникающих в его губчатую массу, болото постепенно поднимается к центру, где поверхность его на 3 или 4 метра выше уровня краев. В этой средней, более высокой части скопляющиеся воды образуют озеро черной жидкости, глубиной около 4 метров; на окружности Дисмаля, на юге, на востоке, на севере, вода сочится ручьями из густо сплетающейся болотной растительности; канавы, выкапываемые в толще болота, проникают в слой жидкой грязи, где не встречается более даже растительных остатков. Дисмаль-Свамп и некоторые соседния болота Северной Каролины, в южном направлении,—последние болотистые пространства, которые, по своей растительности плотно наслоенных сфагнумов, могут быть признаны настоящими торфяниками, как торфяные болота Нью-Гампшира и Массачузетса[2]. Далее на юге, болота, называемые *dismals* или *pocossins*, следующие одно за другим до южной оконечности Флориды, имеют совершенно иной характер,

1 Robert Wilson, „On the Eastern Shore“, Lippincott's Magazine, 1876.

2 Lyell „Travels in North-America“;—Shaler, „Sea-Coast Swamps“.

по отсутствию губчатых мхов. Болото Окифиноки, в южной Георгии, на границах Флориды, вдвое обширнее Дисмаль-Свампа; бурения, произведенные там в видах осушительных работ, обнаружили существование пласта настоящего каменного угля на глубине 60 метров от поверхности.

Берега Северной Каролины, к югу от мыса Генри, ограждены от волн Атлантического океана почти непрерывным песчаным валом или косой, которая отличается от подобных естественных плотин своей огромной длиной и своими тремя остроугольными выступами, выдвинутыми, в виде острия копья, в открытое море: это мысы Гаттерас, Лукаут и Фир. Эти три выступа берега, окруженные подводными песчаными банками, очень опасными для мореплавателей, указывают места, где течения сталкиваются и образуют водовороты: движение вод определило форму побережья, сообщив ему этот сильный выступ к востоку, разнящийся по направлению от других физических черт страны—цепи Аппалахских гор и океанского края континентального цоколя. Песчаный вал отделил от моря два значительных залива, почти столь же обширных, как Чизапикская бухта,—Альбемарль-Саунд и Памлико-Саунд; но эти внутренния моря, сообщающиеся с океаном только через низменные и изменчивые протоки, загроможденные островками и илистыми мелями и омывающие только болотистые или песчаные равнины, где нет больших городов, почти совершенно оставлены торговлей. Внутренние берега этих лиманов, как и берега Чизапикского залива, изрезаны многочисленными бухточками, с резкими или округленными контурами, но нигде не представляющими песчаных плотин в форме стрелки или косы.

Вдоль Южной Каролины, морской берег тянется в виде дуг круга, похожих на красиво изгибающиеся узкие песчаные поясы, ограничиваемые тремя мысами Северной Каролины; но эти криволинейные пляжи уже связаны с материком или по крайней мере заключают внутри лишь незначительные заливы, превращенные многочисленными островами в лабиринт каналов: такова, к югу от Чарльстона, группа островов Порт-Ройяль, прославившаяся в истории первыми попытками колонизации и в торговом мире своим превосходным «шелковистым» хлопком. Южнее, берег меняет направление и тянется в виде длинной кривой по линии меридиана. В этом месте кончается часть берега, принадлежащая геологически к Северной Америке. Параллелизм побережья с осью Аппалахских гор не существует более: по своей ориентировке, также как по характеру своих горных пород, по своему климату и произведениям, Флорида, отрывок антильского мира, как и Багамские острова, физически принадлежит к Соединенным Штатам только по выступу своего полуостровного основания. Третичные формации врезываются туда клином до некоторого расстояния: тогда как средняя высота Флориды составляет всего только 17 метров, железная дорога из Седар-Кейс в Фердинандину, пересекающая раздельный порог в поясе соединения полуострова с материком, проходит на высоте 55 метров[1].

Флоридский полуостров, отличающийся более удлиненной формой, чем мексиканский Юкатан, имел подобное же происхождение в южной своей части: недавняя работа моря там ещё виднее. Состоя из известковых пород кораллового происхождения и из песков, отложенных водами вместе с раковинами, он образовался постепенно с плиоценовых времен, и протяжение скалистых выступов, также как направление рек, отчасти рассказывают его генезис. В этом отношении долина, занимаемая рекой Сент-Джон, представляет поучительное явление. Она тянется параллельно атлантическому побережью, с таким незначительным скатом, что река, или вернее, ряд озер и узких протоков, следующих с юга на север, имеет общую покатость, на пространстве 400 километров, всего только от 106 до 107 сантиметров. Очевидно, этот внутренний канал был прежде проливом, отделявшим от твердой земли береговой пояс каралловаго образования: пролив этот засорился на юге, вследствие чего пресные воды, изливаемые в канал дождями и ключами, заменили соленую воду и, ища себе выхода к морю, мало-по-малу преобразовали пролив в реку. Здесь мы имеем перед собой явление, сходное с процессом образования *rio*, или внутреннего канала, на северном берегу Юкатана;

1 Fr. Ratzel, цитиров. сочинение.

только степень прогрессирования в этой геологической эволюции различна в двух странах. Если ничто не помешает ходу процесса, совершающегося на наших глазах, новый прибрежный пояс суши, образующийся впереди морского берега, соединится, в свою очередь, в непрерывный вал, затем, замкнувшись на одном из своих концов, заставит воды канала измениться в реку, как это случилось с Сент-Джоном.

В южной части Флориды, постройки, последовательно возведенные кораллами вокруг полуострова, задержали внутри материка пруды, болота и озера весьма значительного протяжения, площадь и контуры которых постоянно меняются с временами года и годами, смотря по обилию дождей и продолжительности засух. Самое большое из озер, Окичоби, площадь которого определяют приблизительно в 3.000 кв. километров, и которое продолжается на юге целым лабиринтом болот, известных под общим именем *Everglades*, настолько обширно, что совершенно прерывает сообщение между двумя половинами полуострова, на востоке—к океану, на западе—к Мексиканскому заливу; кажется, ещё ни один научный исследователь не переходил через весь полуостров в этой области[1]. Обсохшие земли между водными пространствами покрыты густым лесом, а бухточки наполнены сплошными порослями камышей. Мелководье озер и потоков не допускает никакого судоходства, кроме плавания на лодках, и даже в соседстве редких групп жилищ увидишь иногда два-три рабочих суденышка. В самых впалых местах озера Окичоби глубина не превышает 4 метров: оттого, во время бурь, ветер взбудораживает воду до самого ила, покрывающего дно. Этим объясняется редкость рыбы: толчея не позволяет мелюзге держаться в воде; даже ракообразные не водятся в озере. Аллигаторы населяют заливчики, защищенные от ветра камышами и другими водяными растениями. Птицы, за исключением каролинской утки, обегают это озеро, где они не нашли бы достаточно пищи; в его лабиринт чередующихся чащей и заливчиков удалились звери кустарника и вод, преследуемые охотниками Севера.

Около Кей-Бискайн, некоторые коралловые рифы, образующие внешний вал, возвышаются более, чем на 7 метров над уровнем моря, что, повидимому, указывает на общее поднятие берега: вал этот препятствует нормальному истечению дождевых вод, чем и объясняется образование внутренних озер и болот. Во многих местах, трещины и галлереи известковых скал дали выход прудам, и моряки знают в соседстве флоридских берегов обильные пресноводные ключи, бьющие со дна морского; иногда, после больших дождей, эти фонтаны окрашивают своей водой обширное пространство моря в желтоватый цвет и причиняют большую смертность в морской фауне. Один из них, в 7 километрах к югу от Сент-Огюстина и всего только в 1.400 метрах от пляжа, покрывает своей клокочущей водой пространство в 2.000 кв. метров; обыкновенным лотом не достали его дна.

Так как уровень озерных вод во внутренней Флориде на несколько метров выше уровня моря, то легко было бы спустить их посредством канала в Багамский пролив, и уже работа эта была частию исполнена одной компанией, учрежденной с целью канализации и обращения осушаемых земель на пользу земледелия; даже там, где скат был бы достаточен для естественного истечения вод к брешам внешнего вала, сплетение корней деревьев и чащи камышей замедляют поток и наконец совсем останавливают его: он испаряется прежде, чем достигнуть края бассейна. Самое пребывание воды во внутренних водовместилищах мало-помалу размывает их, так как углекислота, содержащаяся в жидкости, разъедает скалу и вырывает в ней галлереи и пещеры[2].

В настоящее время работа кораллов продолжается не на всей окружности Флоридского полуострова. Прежде полагали, что полипы-строители начинали свои сооружения около мыса Бискайн, в юго-восточном углу полуострова; но геолог Шалер констатировал существование недавних карлловых образований гораздо севернее, даже за Юпитеровым проливом (Jupiter Inlet). По крайней мере один вид кораллового полипа был распространен в недавнюю эпоху до пролива Москито; но в этом направлении строителям приходится упорно

1 Alex. Agassiz. „Bulletin of the Museum of Comparative Zoology“, vol. XIV n°7, 1890.

2 Nathaniel S. Shaler, „The Topography of Florida“.

бороться против песков, приносимых встречным береговым течением и частию засыпающих работы при каждом приливе. Высокая температура вод составляет существенное условие для распространения коралловых полипов: они находят вполне благоприятную для своего развития среду на всех частях флоридского побережья, омываемых заливным течением, но умирают, как только течение это удаляется от берега, давая доступ холодному течению, которое северо-восточные ветры гонят вдоль берегов Каролин и Георгий.

В Эвергледах явственно видны ряды *hummocks*, коралловых построек, последовательно образовавшихся в океанской зыби и затем отделенных от моря новыми коралловыми стенами. Ряд *keys* или «cayes», начинающийся близ мыса Флорида, чтобы затем развернуться в виде огромной кривой до меридиана Гаванны, на протяжении 250 километров, при средней ширине около 25 километров, представляет аггрегат полипняков того же происхождения, как полипняки в Эвергледах, и долженствующий современем сделаться продолжением их геологической формации. Все эти «cayes»—очень низкие островки, выступающие на 2 или на 3 метра над поверхностью моря; только самые большие из них, как например, Кей-Уэст, достигают высоты от 5 до 6 метров; но в сильные бури даже самые высокие из них частию затопляются. Все эти острова, Флоридские (Florida Keys), Маркизские, Черепашьи, более крутым берегом обращены на юг, к водам Заливного течения, тогда как на север они продолжаются мелями, которые мало-по-малу покрываются осадками. Кое-где слой наносной земли настолько значителен, что в нём могут укореняться корнепуски: задолго до выступления нового островка на поверхность воды деревья эти, стоящие на поворотах воздушных корней, выстраиваются шпалерами или группируются в леса; морские водоросли, плавучий лес, обломки всякого рода оседают между стволами корнепусков, и мало-по-малу остров показывает свои тинистые лагуны или песчаные лиманы под шатром зелени. Иногда растительность отсутствует, и существование скрытых под водой полипняков обнаруживается дюной, стоящей одиноко среди моря[1].

Снаружи, на юге и на западе от цепи выступивших из моря островков (cayes), другие коралловые рифы, более нового происхождения, показывают там и сям подводные камни, поднимающиеся уже над поверхностью воды. Этот передовой барьер подводных скал составляет страшную опасность для мореплавателей, и тысячи судов потерпели там крушение. С другой стороны, гидрографическое изледование доказало, что в поясе рифов открываются многочисленные проходы, достаточно глубокие для самых больших кораблей, и что видимые островки подводных полипняков разделены длинным бассейном спокойной воды, имеющим от 5 до 10 метров глубины. Хорошо известный и обставленный на всём протяжении бакенами, канал этот мог бы сделаться удобным судоходным путем между мысом Флорида и островом Кей-Уэст. Так один ряд следует за другим в постройке флоридского здания. Но почему островки, *cayes*, поднялись со дна моря таким образом, что придали новым землям эту форму полуострова? Первое ядро горных пород, вокруг которых расположились колонии полипов-строителей, объясняет постепенное увеличение полуострова по направлению с севера на юг; но нужно принять в рассчет долю участия, принадлежащую в этом процессе Заливному течению, которое, следуя вдоль берегов Кубы, роняет налево, т.е. в моря Флориды, увлекаемые им твердые частицы: все эти осадки, отбрасываемые течением в тихую воду, служат материалом для сооружения полуостровного цоколя.

При выходе из Флоридского пролива гольфстрем катит количество воды, весьма различно оценивавшееся первыми изучавшими порядок этого течения географами, но которое можно, если не измерить, то по крайней мере вычислить более приблизительно, так как глубины и прочие размеры пролива хорошо известны, и скорость вод часто была определяема во все часы прилива и отлива и во все времена года: объем жидкой массы, изливаемой Заливным течением в Атлантический океан, заключается между пределами 120 и 130 кубич. километров,—весьма небольшая доля вод, которые движутся на северо-восток, увлекаемые к берегам Западной Европы общим перемещением океана. Чрезвычайная важность для море-

1 L. Agassiz, „American Association“, Cincinnati, 1852.

ходства всех явлений, имеющих связь с флоридским течением, побудила тщательно изучать ложе, пробегаемое этой морской рекой в американских водах. Прежде полагали, что она течет в своего рода долине, параллельной берегу Георгий и Каролин, и допускали, что она состоит из ряда параллельных потоков, отделяемых один от другого полосами холодной воды и соответствующих стольким же особым бороздам. Исследования, произведенные «геодезической службой» Соединенных Штатов, доказали, что этих неровностей вовсе не существует, что ложем гольфстрему служит подводное плоскогорье, отстоящее от поверхности на семьсот-восемьсот метров, слегка наклоненное к наружному краю, круто опускающееся на востоке на глубины в две или три тысячи метров. Следовательно, Заливное течение движется ещё на континентальном цоколе, и сила его ощутительна до самого дна, ибо в этом месте оно совершенно очистило океанское ложе от ила и других обломков, тогда как на западе, вдоль плоских берегов, и на востоке, в океанских глубинах, твердые частицы, в более спокойной воде, покрывают дно сплошными слоями. Измерение температуры на разных глубинах показало также, что флоридское течение обнимает жидкую массу во всей её толще, ибо теплота воды уменьшается там в той же пропорции, как и южнее, между Флоридой и Багамскими островами: от 28 с небольшим градусов Цельзия,—высшая температура на поверхности,—термометр опускается до 7°2, на дне морском, тогда как за мысом Гаттерас, там, где текут воды полярного течения, прибор показывает на той же глубине только от 3 до 4 градусов[1]. Над морским течением часто проходит воздушный поток; многие ураганы, зарождающиеся в восточных Антильских островах, описывают кривую подобную кривой Заливного течения, вдоль атлантических берегов.

Рельеф Флоридского полуострова навел геолога Шалера на мысль, что гольфстрем следовал другим путем в недавнюю эпоху. Южная коралловая область, состоящая всецело из органических остатков, представляет почти совершенно ровную поверхность: неровности почвы измеряются там дециметрами. Что касается северной части Флориды, до широты Сент-Огюстина, то она связана с континентальным туловищем третичными формациями, покрытыми песком, который правильно отлагали идущие с севера морские течения. Но средняя полоса полуострова представляет иной вид. Это страна песчаных бугров, которые в иных местах достигают высоты 90 метров, и промежуточные земли которых усеяны озерами, лужами и болотами: резервуары, всегда наполненные водой, насчитываются там тысячами. Вид этой области песчаных холмов и озер напоминает местности Новой Англии, пересекаемые извилистыми кряжами *kames*, грядами *drumlins*, и усеянные бесчисленными маленькими бассейнами *kettle holes*. Сходство этих двух стран дает повод предполагать аналогию геологических явлений: по всей вероятности, эти бугры Флориды были также отложены течениями, и рассеянные во множестве озера суть следы их прохода. Флорида ещё не была поднятой над поверхностью моря, когда образовались эти горки; между Мексиканским заливом и океаном существовал свободный проход у нынешнего основания полуострова, и Заливное течение, проходящее теперь через узкия ворота Багамского канала, изливалось различно от запада к востоку через широкий пролив. Нынешнее устье реки Сент-Джон, вероятно, обозначает прежний выход морских вод[2].

III. Климат, флора и фауна Аппалахских гор и атлантической покатости

Вдоль морских берегов нормальная температура возрастает довольно правильно с севера на юг, и наибольшие аномалии встречаются в северной полосе, между Нью-Йорком и рекой св. Лаврентия, области, побережье которой изрезано бухтами и заливами, усеяно полуостровами. В горах Аппалахской системы климатические явления изменяются, конечно, с высо-

1 Bartlett, «Deep-sea Soundings and Temperatures in the Gulf Stream of the Atlantic Coast“.

2 N. S. Shaler, цитиров. сочинение.

той места, но в общем влияние их на климат соседних равнин едва заметно. На равной высоте, суточные и годовые температуры одинаковы на восточном и на западном скате; количество выпадающих дождей также почти одинаково на восточном и на западном скате. Причину тому нужно искать в ориентировке горной системы, параллельной направлению течений атмосферы и океана. Нормальные ветры, как, и морские течения, Заливное и Полярное, движутся с северо-востока к юго-западу, и в обратном направлении. Расположенные приблизительно по той же линии, словно устой моста среди реки, цепи Аллеганских гор не вносят никакого расстройства в общее движение воздушных масс: климаты уравновешиваются одинаково на обоих фасах, и для метеоролога этот выступ рельефа суши имеет лишь второстепенное значение.

Самые сильные жары, ощущаемые в летнее время на атлантическом берегу Соединенных Штатов, не всегда приходятся на Флориду, как этого следовало бы ожидать по географическому положению её относительно экватора. Исключительные температуры тем больше, сравнительно, чем выше поднимаешься к северу, и этот сильный солнечный зной кажется тем тягостнее, что в том же периоде суточные колебания температуры значительнее: тогда как на острове Кей-Уэст температура мало разнится от зимы к лету, от ночи к дню и в разные часы дня, она колеблется между пределами, вдвое или втрое более широкими в Чарльстоне, в Балтиморе, в Филадельфии, в Бостоне[1]. Одна из причин, наиболее способствующих повышению температуры лета в атлантическом поясе Соединенных Штатов, та, что ветры в это время года всего чаще дуют с юга и с юго-запада; зимой же холода часто усиливаются вследствие северо-западного происхождения ветра. Посевы часто страдают от весенних морозов. Даже в Георгии апельсинные деревья замерзают под открытым небом, и безбоязненно культивировать их можно только в южной Флориде. В Саванне средняя температура та же, что в Кадиксе, но в то время, как в южной Испании хлопчатник переносит зиму, он ежегодно погибает в южных штатах, убиваемый холодами.

Колебания температуры лета в различных пунктах атлантического побережья:

	Широта	Температура лета		Разность
		Наибольшая	Наименьшая	
Кей-Уэст	24°34’	30°,7	24°,1	7°,6
Чарльстон	32°47’	32°	20°,9	11°,1
Балтимор	39°16’	33°,5	14°,8	18°,7
Филадельфия	39°57’	34°,4	14°,0	20°,4
Бостон	42°21’	36°,7	14°,7	22° 0

Выпадение атмосферных осадков неравномерно, но каждое время года имеет свои дожди и ливни; в среднем, число дождливых дней зимой и в первые недели весны больше, чем в другие времена года, но самые обильные дожди обыкновенно изливаются летом. Зимой, облака складывают свою ношу в форме снега в Новой Англии, особенно в штате Мэн, где слой твердого атмосферного осадка достигает иногда 2 метров; туземцы употребляют там лыжи для своих зимних путешествий. За исключением южной Флориды, нет местности в береговой полосе, которая бы не получала известного количества снега в холодное время года. Можно сказать, вообще, что количество выпадающего дождя соразмерно годовой температуре, и, следовательно, в южных штатах оно значительнее, чем в северных: средний столб дождевой воды достигает наибольшей высоты во внутренней Флориде. Высота его там переходит за 1,75 метра; но уже это обилие атмосферной влаги свидетельствует о соседстве тропического пояса: в сезон выпадения самых больших дождей солнце только-что прошло через зенит, увлекая за собой пояс дождевых облаков, сопутствующих ему в его годовом движении по эклиптике.

В гористых областях Новой Англии, высоты, о которые ударяются влажные ветры, приходящие с востока, т.е. с океана, сгущают пары воздуха и часто бывают окружены поясом дождей: Зеленые и Белые горы, цепь Адирондак, представляют собою большие лаборатории облаков, и вершины их по целым неделям остаются закутанными облачной пеленой. Вер-

1 Hann;—Whitney, „United States“.

шина горы Вашингтон почти всегда остается скрытой от взоров; туристы, восходящие на неё, часто попадают под ливень и град, тогда как внизу атмосфера в это время спокойна и безоблачна[2]. Зимние снега там очень обильны. Нельзя сказать того же относительно Аллеганской цепи Пенсильвании и гор Северной и Южной Каролин, т.е. относительно всей той части Аппалахской системы, которая тянется правильно с северо-востока на юго-запад. В этих областях, годовое падение атмосферной воды постепенно уменьшается, описывая вокруг Аппалахских гор очень длинные концентрические кривые. В то время, как в Новой Англии, также как в большинстве гористых стран, количество дождей возрастает с высотой до известного предела, в Аллеганских горах замечается обратное явление. Происходит это, без сомнения, от той же причины, которой приписывают равенство климата на обоих скатах. Так как цепи эти расположены таким образом, что они не преграждают путь ветрам, то последние движутся параллельно выступам рельефа, не ударяясь об них, и потому количество воды, которое они роняют на землю, отлагается в нижних слоях воздуха. В отношении дождей, как и в отношении средней температуры, Аппалахские горы почти не нарушают нормального равновесия климата.

Меридиан линий магнитного склонения, называемый также «агонической» линией или линией без склонения, проходит наискось через Аллеганские горы: с тех пор, как начались точные исследования о движениях земного магнетизма, всегда по направлению через эту горную цепь находили точное совпадение между севером компаса и севером мира; но эта линия без склонения постепенно передвигается к западу. В начале настоящего столетия она проходила около Гаррисбурга и Балтимора; в настоящее время она приближается к Чарльстону.

Атлантическое поморье и господствующие над ним горы были некогда, вместе с берегами Верхнего озера, долиной Миссисипи и некоторыми частями бассейна Колумбии, одною из главных лесных областей Соединенных Штатов: богатство высокими и ветвистыми деревьями совпадало там с влажностью почвы и воздуха: оттого в Аппалахских горах и на их восточных скатах нет ни степей, ни прерий, подобных тем, которые простираются на западе; почва везде орошается довольно обильно, чтобы вызвать к жизни богатую лесную растительность; деревья отсутствуют только на голых скалах да в болотах, где влажность в излишке: там сфагнум и камыш заменяют леса. В целом аппалахская флора, продолжающая на юге канадскую, которая очень похожа на флору Скандинавии, представляет общую физиономию, мало отличающуюся от вида растительности Западной Европы: с первого взгляда европейскому путешественнику кажется даже, что он не переменял страны и находится в своих родных местах; только изучая ближе растения, замечаешь различие видов, совпадающее с тождеством семейств и родов.

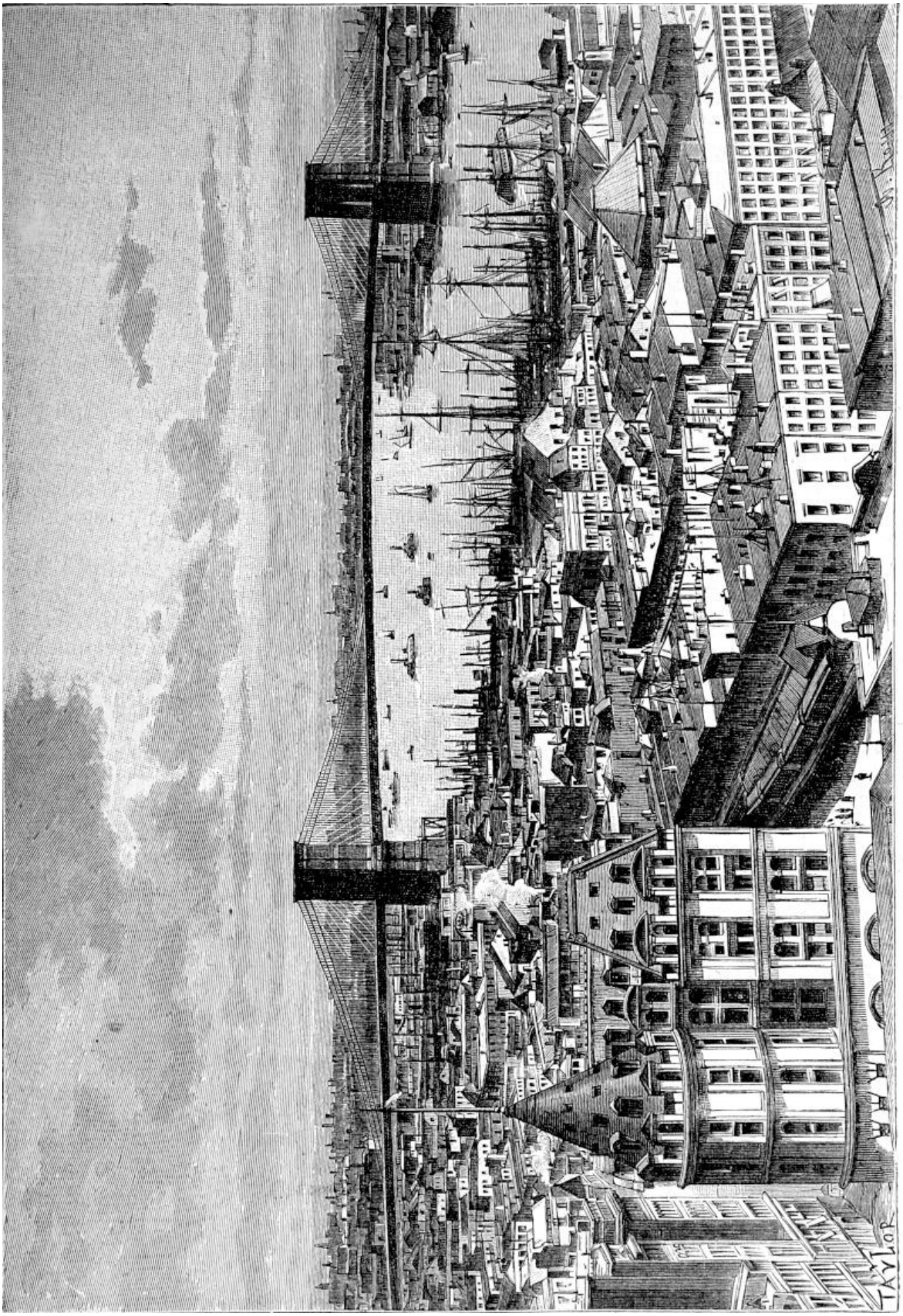
Ботанические области следуют одна за другой с севера на юг соответственно изменению средней температуры. Область Новой Англии по своим древесным породам мало разнится от приморских провинций Канады. Переход совершается постепенно от Мэна к нижней долине Гудсона и от Адирондакских гор к долинам Могавка и Аллегени. Эта последняя река, приток Огайо, рассматривается приблизительно как граница двух площадей лесной растительности, формы которых, перемешиваясь на раздельной полосе, придают пейзажам очаровательное разнообразие. Эти две отдельные области суть: область Пенсильвании и область пред-миссисипской покатости: с одной стороны, на горах Аппалахской системы самые многочисленные деревья—хвойные, и прежде там преобладала виргинская сосна (pinus strobus), уже порядком порубленная теперь; в гористых местностях северные породы выдвинули площадь своего произрастания далеко на юг, тогда как в низменных равнинах южные виды поднимаются на значительное расстояние к северу[1].

Песчаные земли, чередующиеся с болотами на берегах двух Каролин и бывшие некогда

2 Lorin Blodget, „Meteorology of the United States“.

1 Charles Sprague Sargent, „The Silva of North America“.

также дном морским, покрыты обширными сосновыми лесами, напоминающими леса французских ланд. Но уже в этой области, на-ряду с *pine barrens*, появляется «кипарис» (cypres), величественное дерево, характеризующее болотистые пространства, от Каролины до Техаса.

Видъ Бруклинскаго моста изъ Нью-Іорка.

Дерево это (cupressus disticha) мало отличается от исполинских *ahuehueles* Мексиканского нагорья: ствол у него прямой, высокий, утолщенный при основании, на-подобие луковицы, и опирается на крепкия подпорки, которые выделяются из верхней части корневища, чтобы

лучше утвердиться в болотистой почве. У подножия дерева, в лужах, омывающих его луковицеобразное основание, из грязной воды торчат маленькие конусы, в форме кинжалов: эти «колена», из которых негры делают ульи для пчел[1], представляют собою дыхательные придатки, выходящие из подземного ствола; без них, при отсутствии сообщения между главными корнями и атмосферой, дерево должно бы было погибнуть. Верхушка кипариса усажена небольшими ветвями с бледно-зеленой листвой. На ветвях висят длинные серые волокна «испанской бороды» (*tillandsia usneoides*), составляющей характеристическую черту лесов Юга. В «кипарисниках», захваченных наводнениями и погибших вследствие прекращения доступа воздуха к корням, остаются только сероватые стволы, с выступающими на верхушке засохшими ветвями, в виде виселицы, где качаются эти лишаи, словно скальпированные шевелюры истребленных аборигенов. В береговых лесах Южной Каролины и Георгии встречается также один вид латании, *sabal palmetto*; наконец, на полуострове Флориде мы видим уже переход к тропической флоре: красное дерево растет во флоридских лесах, как в лесах Сан-Доминго, и корнепуски окаймляют американские коралловые островки, как берега Бразилии.

Леса Соединенных Штатов представляют, сравнительно с европейскими, гораздо большее разнообразие древесных пород. От Пиренеев до равнин России мы находим всего только один или два вида дуба, ясень, один или два вида вяза, один или два вида березы, столько же пород ольхи, десятка два хвойных: один только атлантический скат Аппалахских гор обладает более значительной древесной флорой. Известно также, что осенью леса Северной Америки далеко превосходят блеском красок леса Европы, уже столь красивые в своем одеянии желтых, красных и темно-красных цветов. Американские деревья принимают самые яркие и великолепные оттенки, фиолетовый, пурпурный, оранжевый, золотистый, без сомнения, потому, что температура, отличающаяся здесь большими крайностями, чем в Западной Европе, энергичнее ускоряет или замедляет выработку окрашивающих соков. Весь лес, особенно дубы и клены, кажется покрытым мантией из блестящих цветков, и если среди пурпурной или золотистой листвы стоит дерево ещё зеленое, то ствол его обвит гирляндами биньоний и дикого винограда, спускающих с высоты ветвей свои цветки в виде скатертей и каскадов.

Большие лесные звери почти совершенно исчезли из восточных областей Союза; только северные части Новой Англии укрывают ещё в своих глубоких пустынях трех лаурентинских оленей: уапити или канадского оленя (*cervus canadiensis*), лося или *moose* (*cervus alces*) и карибу (*rangifer caribou*); во всей остальной аппалахской провинции самые крупные дикие звери—барс и медведь. Впрочем, сходство климатов на обоих скатах Аппалахских гор придало фауне однообразный характер по обе стороны цепи до Миссисипи и простирающихся за этой рекой обширных прерий и степей. Постепенные переходы представляют более резкие скачки в направлении с севера на юг, сообразно различию температуры, нежели в направлении от востока к западу, соответственно влажности воздуха. Как на замечательный вид, не встречающийся ни к северу, ни к востоку от Гудсона, следует указать на двуутробку виргинскую (*dedalphis virginiana*), единственный местный представитель семейства сумчатых, жизненным центром которого является австралийский материк. Один вид попугая (*conurus carolinensis*), прежде очень распространенный в Каролине и в центральных штатах, переселился далее на юг, и теперь его можно встретить только в Георгии и Флориде. Этот последний штат, полу-антильский по своей флоре, принадлежит также отчасти и по фауне к поясу Мексики и Антильских островов: так, белый журавль, птица ростом с человека, которую считали свойственной только мексиканским берегам, обитает также и на берегах Флориды; точно также, болотный коршун (*rosthramus sociabilis*), питающийся рыбой и водяными гадами, обитает в Эвергледах, как и на болотистых землях побережья Южной Америки. По мельчайшим животным, которыми она и построена в большей части, по коралловым полипам, южная Флорида тоже составляет часть зоологической области Антильских

1 Bartram, „Travels through North and South Carolina“.

островов.

В целом, атлантический пояс Соединенных Штатов заключает в своей фауне большое число грызунов; он очень богат также различными породами рыб и речных моллюсков; ни один вид пресмыкающихся не принадлежит ему исключительно, и до сих пор нашли только одно земноводное, ему свойственное. Натуралисты Северной Америки констатировали тот факт, что различные виды грызунов, населяющие леса страны, мыши, полевки, белки, зайцы, иногда подвергаются опустошительным эпизоотиям, после которых остается в живых лишь небольшое число особей. Но случается также, что в благоприятные годы грызуны размножаются дотого, что покрывают землю, так сказать. Тогда белки из Новой Англии и с Адирондакских гор эмигрируют массами на юго-запад, пробегая лесные области Аппалахских гор до лесов восточного Тенесси; около половины августа начинается исход, и в конце декабря он ещё продолжается; открытие охоты на белку наступает последовательно в каждом штате. В 1889 г. неизвестные климатические обстоятельства придали переселению исключительные, колоссальные размеры, и некоторые деревни Пенсильвании были наводнены несметными полчищами этого зверка[1].

IV. Приатлантические штаты и города

I. Мэн

Штат, составляющий северо-восточную оконечность Союза, вдаваясь на севере между собственной Канадой и Новым Брауншвейгом, несомненно принадлежит к группе колониальных провинций, завоевавших свою независимость от Великобритании, но в то время он не существовал ещё в виде отдельного штата и зависел от Массачузетса, которому удалось включить его в состав своей территории в половине семнадцатого столетия. Мэн, получивший оффициально это имя при Карле I-м, без сомнения, потому, что он был уже так называем своими первыми французскими колонистами, занял место между штатами только с 1820 года. Он один по пространству составляет более половины Новой Англии; но поверхность занимаемой им страны, средняя высота которой около 200 метров, покрыта на большей части её протяжения горами, моренами, озерными плоскогорьями и теми длинными, извилистыми буграми, *kames*, которые воды глетчерного ледохода отложили на своем пути, утекая к морю. Человек не мог утилизировать этих земель иначе, как для охоты, рыбной ловли и эксплоатации лесов; впрочем, теперь земледельческая культура начинает мало-помалу овладевать этими дикими местностями.

Население Мэна слабо возрастает с половины этого столетия: в десятилетие, совпадающее с гражданской войной, число жителей даже уменьшилось, отчасти вследствие эмиграции, отчасти вследствие смертности на полях битвы. В пятидесятилетний период, с 1840 до 1890 года, цифра постоянных жителей этого штата не увеличилась даже на четверть; она представляла бы значительное уменьшение, если бы франко-канадцы не пополняли убыль англо-американского населения, являясь в качестве рабочих в промышленные города и в качестве фермеров в соседния с Канадой деревни. В северном графстве Арустук больше канадских французов, чем местных уроженцев, говорящих по-английски: вследствие иммиграции число жителей этого графства быстро возрастает и даже уравновешивает для всего штата, взятого в совокупности, уменьшение населения в других округах. Таким образом, борьба национальностей, начавшаяся в семнадцатом веке захватом земли от имени враждебных друг другу правительств, и до сих пор продолжается мирно, подобно свободной колонизации. За исключением франко-канадцев, иностранцев здесь очень мало; единственными представителями индейцев являются несколько семей из племен пассамакводди и эчеминс, живущих по берегам реки св. Креста, в соседстве с Калэ. «Закон Мэна», принятый также

1 „Revue Scientifique“, 1890, № 20, p. 637.

многими другими штатами, графствами и городами, воспрещает безусловно употребление всяких спиртных напитков, во имя гигиены и общественной нравственности.

Мэн, территория которого некогда была сплошь покрыта обширным лесом,—откуда и произошло его прозвище *Lumbe State* и *Pine Tree State*—прежде занимал первое место между городами Союза по своим кораблестроительным верфям: эта отрасль его промышленности почти прекратилась с тех пор, как употребление железа и стали заменило дерево для постройки корпусов; впрочем, и теперь только ещё Мичиган, Висконсин, Орегон и Вашингтон превосходят его по размерам эксплоатации лесных богатств. Его рыболовный и коммерческий флот уступает только Нью-Йорскому хотя по ценности своих торговых оборотов Мэн стоит гораздо ниже всех больших штатов атлантического поморья.

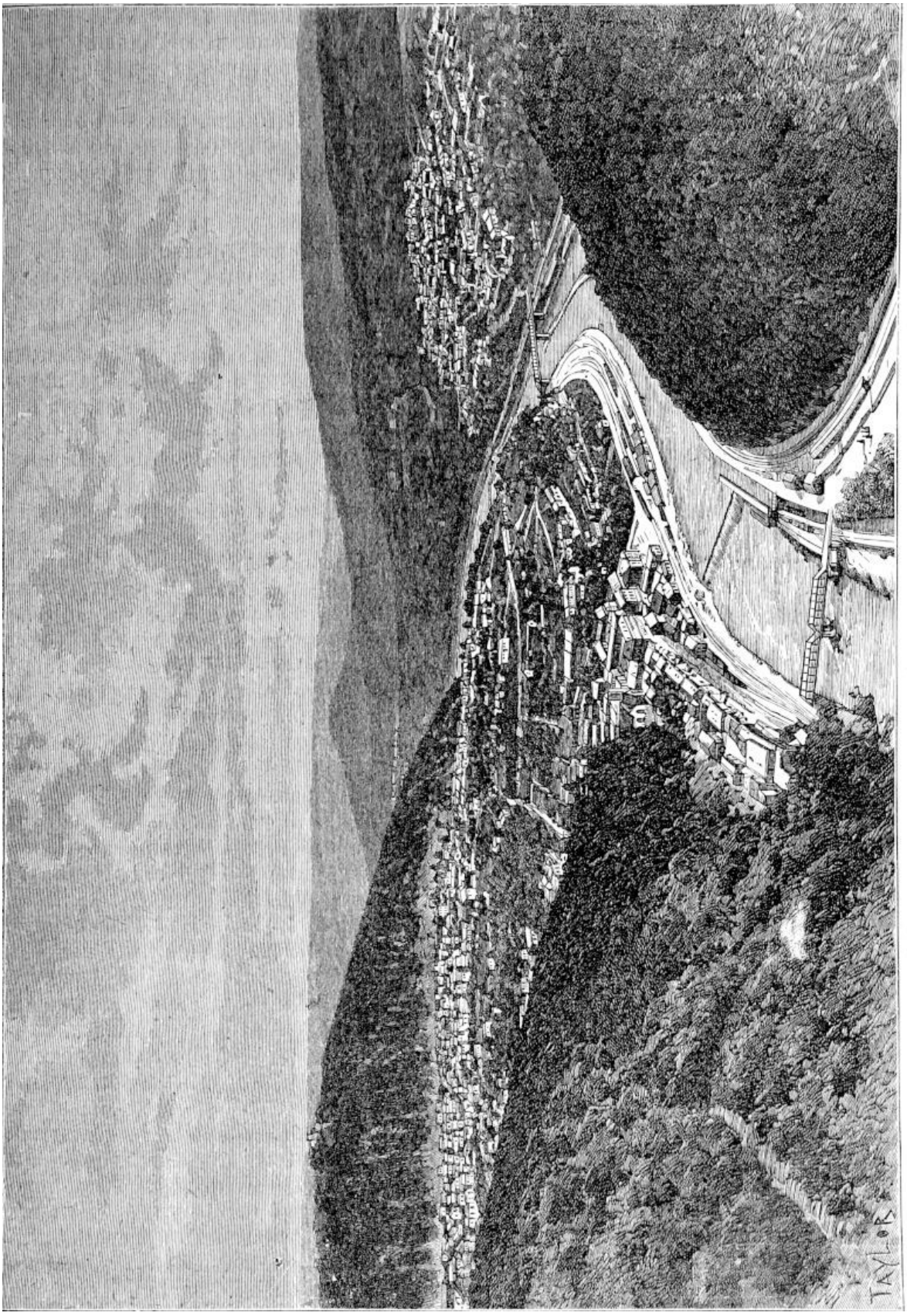
Место, занимаемое Мэном между штатами, территориями и округами Северо-Американской республики: по пространству (33.040 ан. кв. миль или 85.574 кв. мил.)—38-е; по народонаселению (661.086 жит. в 1890 г.)—30-е; по километрич. плотности населения: (8 жит. в 1890 г.)—30-е.

Благодаря иссечениям своих берегов и рядам прибрежных островов и островков, Мэн обладает, сравнительно с другими штатами, наибольшим числом хороших гаваней, глубоких и вполне защищенных, но гавани его бывают загромождены льдами впродолжении нескольких месяцев или по крайней мере нескольких недель в году. Кроме того, страна эта располагает огромной движущей силой, доставляемой порогами и водопадами её потоков, а также морскими приливами и отливами в её портах, но она утилизирует только незначительную часть этой силы.

Все внутренние города Мэна похожи друг на друга: построенные почти исключительно из дерева, как подобает в стране лесов, окруженные складами бревен и досок, они стоят на берегу потока, водопады которого приводят в движение колеса многочисленных лесопильных и других заводов. Самый северный из этих городов, Калэ, расположен на правом берегу реки св. Креста, напротив канадского города св. Стефана (Сент-Стивенс), составляющего в действительности один город с Калэ: во время войны 1812 года, граждане этих двух городов заключили между собой специальный дружественный договор. Бухта Пассамакводди, куда впадает река св. Креста, находится на границе между двумя смежными государствами, и потому международная торговля получила там довольно важное значение (внешняя торговля в этой бухте, в 1890 г., по приходу и отходу: 1.460 судов, общей вместимостью 445.940 тонн).

Город Бангор, хотя он лежит на берегу реки Пенобскот, в сотне километров от океана, представляет, тем не менее, морской порт, посещаемый северо-американскими моряками и отправляющий весьма значительное количество грузов досок; большие суда становятся на якорь ниже его мостов, а выше река Кендускиг, приток Пенобскота, доставляет движущую силу, употребляемую на лесопильных, чугунно-литейных и машиностроительных заводах (движение судоходства на реке Пенобскот, в Бангоре в 1890 г.: общая вместимость пришедших и отшедших судов—2.165.000 тонн). На реке Кеннебек, в 69 километрах от моря, находится другая группа лесопилен—Августа (Augusta), столица штата и один из красивейших городков Новой Англии. В нём всего только одна торговая улица с двумя рядами скученных домов; остальная часть города состоит из вилл, разбросанных среди лесов, по берегам извилистой реки и по склонам холмов; на самом высоком хребте, над поясом зелени, высятся белые стены «Правительственного дома» (State House). На Андроскоджине, Левистон, самый многолюдный город и один из важных мануфактурных центров Новой Англии, составляет, вместе с лежащим на противоположном берегу той же реки городом Обурн, большую агломерацию, соперничающую с Портлендом по числу жителей. Что касается города Бата, командующего устьями двух рек, Кеннебека и Андроскоджина, и гавань которого часто бывает всю зиму почти свободною от льдов, то в прежнее время он славился своими верфями, на которых строились каботажные и рыболовные суда; теперь он превращается мало-по-малу из судостроительного города в город промышленный (движение судоходства по рекам Кеннебек и Андроскоджин в 1890 г: 2.540.000 тонн). Соседний с ним маленький город Брун-

свик прославился своим колледжем Боудоген, основатель которого, гугенот по происхождению, завещал этому заведению прекрасную картинную галлерею. Питомцы этого колледжа совершили в 1891 г., вместе со своими профессорами, замечательную экспедицию с научной

Маухъ-Шункъ.

целью во внутренния области Лабрадора.

Портленд, главный город и действительная столица Мэна, стоит величественно на террасе полуострова, между двумя бухточками залива Каско, глубокого и хорошо защищенного,

представляющего лучшую естественную гавань Северо-Американского Союза на Атлантическом океане. Сланцевые утесы, отвесно погружающиеся в море, опоясывают, на юго-восточной стороне города, обширное и редко замерзающее водное пространство, куда могут входить суда, имеющие до шести метров осадки; предшествующий порту в собственном смысле рейд, хорошо прикрытый многочисленными островами и защищенный тремя крепостями, представляет глубину, достаточную даже для кораблей с осадкой выше десяти метров; северная же бухта слишком мелководна и потому неудобна для стоянки судов; при входе, через неё построен железно-дорожный мост. Прежде она со всех сторон окружала скалу, соединяющуюся с твердою землею низким перешейком, по которому проложен водопровод, доставляющий городу чистые воды озера Себаго. Портленд,—один из портов, где зимою пристают канадские пароходы по недоступности для них реки св. Лаврентия,—ведет торговлю главным образом с Антильскими островами и с Южной Америкой; вместе со своим соседом Фальмутом, он отправляет в Англию тысячи живых омаров.

Движение судоходства в Портленде, в среднем: около 2.000 судов, с общей вместимостью около 1.600.000 тонн; внешняя торговля в 1890 году: 389 судов, вместимостью в 260.796 тонн.

Между городами, лежащими к северу от Бостона, Портленд занимает первое место, не только в сфере торговли и промышленности, но также в области литературы и искусства; жители его заботятся об украшении своего города красивыми памятниками, статуями, аллеями, парками и садами; скала оканчивается над морем мысом Монджойс-Гилль, который оставлен в натуральном виде, с его оригинальным нарядом из эрратических камней. Метрополия Мэна замечательна также как месторождение известного поэта Лонгфелло.

В южной части штата два города, Биддефорд и Сако, лежащие друг против друга по берегам реки Сако, ниже её водопадов, представляют, подобно Калэ, Бангору и Левистону, фабричные аггломерации и каботажные пристани. Кроме того, в штате Мэн существует множество временных городов, куда в летний сезон устремляются толпой любители загородных прогулок из Нью-Йорка, из Пенсильвании, из Вашингтона. Озерные местности и северные леса привлекают массы посетителей, но даже у самых ворот приморских городов—сколько очаровательных мест! О бесконечном разнообразии пейзажей и легкости экскурсий и прогулок на гоэлетах и лодках можно судить по необыкновенно оживленному виду, который представляет в летнее время чудный архипелаг Каско и ряды лесистых скал, вдающиеся в открытое море длинными параллельными полуостровами. Большой остров *Mount Desert*, на северном берегу,—самый обширный и наиболее известный купальщикам; тысячи семейств сочли бы себя потерявшими право на принадлежность к своей касте, если бы не побывали в Бар-Гарборе или в какой-нибудь другой модной станции Маунт-Дезерта, хотя бы им пришлось жить там под навесом палатки, в соседстве роскошных отелей.

Главные города Мэна и численность их населения в 1890 году: Портленд—36.425 жит.; Левистон—21.701 жит.; Обурн—11.250 жит.; Бангор—19.103 жит.; Биддефорд—14.443 жит.; Сако—6.075 жит.; Августа—10.527 жит.

2. Нью-Гампшир

Нью-Гампшир, носящий ещё имя одного из графств Англии, соприкасается с морем только своим юго-восточным углом. Так же, как Мэн, он, в большой части своего протяжения, занят горами, откуда и произошло его прозвище *Granite State* (Гранитный штат). Самая высокая вершина Новой Англии находится на его территории: на западе, река Коннектикут отделяет его от Вермонта, другого штата, расположенного в форме четырехугольника и также ограничиваемого на севере Канадой, на юге—Массачузетсом. Склоны гор ещё покрыты обширными лесами: здесь находятся «кленовые рощи», снабжающие кленовым сахаром бостонский рынок. Организованный в отдельную колонию только в 1741 г., Нью-Гампшир, один из тринадцати первоначальных штатов Союза, остался одним из последних по пространству и населению.

Место, занимаемое Нью-Гампширом между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (9.305 англ. кв. миль или 24.100 кв. кил.)—43-ье; по народонаселению (в 1890 г. 376.530 жителей)—33-ье; по километр. плотности населения (10 жит.)—16-ое.

Около десятой доли населения Нью-Гампшира состоит из франко-канадцев, группирующихся в промышленных городах или сменяющих янки в покинутых ими фермах.

Так же, как и в штате Мэн, водопады рек и легкость судоходства были причиною возникновения больших городских поселений Нового Гампшира. Так, Довер возник у подножия реки Кочеко, притока Пискатаквы, а Портсмут, единственная гавань штата, выстроился на южном берегу главной реки, расширяющейся в глубокий, хорошо защищенный лиман. Большие суда свободно входят в этот лиман; однако, Портсмут, лежащий между Портлендом и Бостоном, не соперничает по торговле с этими двумя большими портами, и движение его судоходства ограничивается почти только каботажем, в размере около 200.000 тонн ежегодно. Как раз напротив этого города, на полуострове Картери, принадлежащем Мэну, правительство содержит кораблестроительную верфь. Портсмут и Довер, основанные в 1623 году, —самые старые города штата; в Портсмуте начала выходить с 1756 года первая газета Английских колоний.

Нынешняя столица Нью-Гампшира—Конкорд, по-индейски Пенакук, мануфактурный город, расположенный на обоих берегах Мерримака и славящийся своими каретными мастерскими, бумагопрядильпями и каменоломнями. Другие фабричные города штата следуют друг за другом у каждого из порогов или водопадов Мерримака: таков Манчестер, который, хотя и не заслуживает имени, данного ему его честолюбивыми жителями, сделался, однако, первым городом штата и очень деятельным центром по производству бумажных и шерстяных тканей и кисеи, по постройке локомотивов и различных машин. Затем идут Нашуа, утилизирующий двигательную силу одного из притоков Мерримака, и другие группы фабрик и заводов, принадлежащие к тому же промышленному району, как и прославившиеся города Лоуэль и Лоренс, находящиеся ниже по течению той же реки, в штате Массачузетс.

Главные города Нью-Гампшира и численность их населения в 1890 году: Манчестер—44.126 жит.; Нашуа—19.311; Конкорд—17.004; Довер—12.790; Портсмут—9.827 жит.

На некотором расстоянии от моря, загородные отели и группы вилл, рассеянные в горах Нью-Гампшира, и далее на север до канадской границы, летом заключают в себе многочисленное приезжее население, иногда далеко превышающее цифру постоянных жителей в городах равнины и морского побережья. Эти дачные места, обитаемые временно, сотнями рассеяны на мысах, в полянах лесов и по берегам озер и горных потоков. У горцев почти нет другого прибыльного занятия, кроме прислуживания приезжим дачникам; впрочем, они занимаются также кое-какими мелкими промыслами; так например, в местности около Диксвильского «ущелья» (notch) жители приготовляют в своих хижинах четверть всего картофельного крахмала, выделываемого в Соединенных Штатах.

3. Вермонт

Штат Вермонт, сохранивший в немного измененном виде свое старое французское имя, представляет, как и Нью-Гампшир, четырехугольное пространство, очерченное геометрическими линиями, исключая части восточной стороны, где границей служит русло Коннектикута, и северо-западной, где озеро Чамплен отделяет его от штата Нью-Йорк. Северным своим пределом Вермонт граничит с Канадой. Штат этот не принадлежит к числу первоначальных, так как он был основан только в 1791 г., после долгих споров; вермонтские горцы, занимая территорию в ущерб двум штатам, Нью-Гампширскому и Нью-Йоркскому, составляли маленькую независимую республику и согласились вступить в число членов Союза только тогда, когда были приняты поставленные ими условия. «Зеленые горы» (Green Mountains) пересекают штат с севера на юг и делят его на две, почти равные, части.

Место, занимаемое Вермонтом между штатами и территориями Северо-Американской

республики: по пространству (9.565 кв. миль или 24.673 кв. кил.)—42-ое; по народонаселению (332.422 жителей в 1890 г.)—36-ое; по километрич. плотности населения (13,5 жит.)—21-ое.

Хотя Вермонт очень богат водопадами и порогами, дающими громадную движущую силу, однако, промышленная деятельность в нём слабо развита:—это прежде всего страна пастбищ и земледелия; овцы его доставляют очень тонкую шерсть, а из каменоломен его извлекают великолепный материал для построек Бостона и Нью-Йорка. Первобытные способы обработки почвы привели в конце концов к истощению лучших земель, и земледельческое население должно было в большом числе эмигрировать для приобретения новых ферм в девственных странах Запада; земельные имения тысячами были покинуты в этой области Новой Англии, и те из них, которые куплены новыми владельцами, почти все предназначаются для разведения парков, а не для целей сельского хозяйства: таким образом земледелие в собственном смысле пришло в упадок в этом крае. Вермонт, не прилегающий к морю, ведет внешнюю торговлю только с Канадой, главным образом по озеру Чамплен, на котором судоходство очень деятельно. Из всех восточных штатов в Вермонте население возрастало всего медленнее; оно оставалось даже почти неподвижным в течение последних двадцати лет. Численность его даже уменьшилась бы, если бы пришлые канадцы, особенно франко-канадцы, не пополняли убыль, иммигрируя в качестве фабричных и сельских рабочих и покупателей ферм. Прилив этих эмигрантов много способствует увеличению населения в северо-восточных графствах, тогда как в большинстве других графств число жителей уменьшается.

В Вермонте нет значительных городов. Столица штата, Монпелье, имеет некоторое преимущество только по своему положению почти в центре штата, в плодородной долине, где течет река Винуски, впадающая в озеро Чамплен. Самый многолюдный центр, Бурлингтон, раскинулся на берегу этого озера, и с террас его можно обозреть обширную панораму островов, проливов, заливов и берегов, доминируемых массивом Адирондакских гор. Город этот является средоточием озерной торговли, в особенности по ввозу леса из Канады. Сент-Альбанс, лежащий севернее, в нескольких километрах от озера, отправляет масло и сыр. Рутленд господствует над проходами на юге главного массива Зеленых гор, где добывают белый мрамор, высоко ценимый; наконец, Беллос-Фольс (Bellows-Falls), промышленный городок, построенный на берегу Коннектикута,—образующего в этом месте водопады,—также принадлежит к числу довольно важных населенных пунктов штата. Верженн, самое маленькое поселение Соединенных Штатов, получившее титул «города», представляет из себя лишь скромное местечко, несмотря на «могучую силу воды» его порогов и его судоходную реку, Оттер-Крик, приток Чамплена.

Важнейшие города Вермонта, с цифрой их населения в 1890 году:

Бурлингтон—14.590 жит.; Рутленд—11.760 жител.; Монпелье—4.160 жител.; Верженн—2.250 жителей.

4. Массачузетс

Массачузетс (Mos Wachusett), как говорят этимологи, был назван так по имени полуострова Вачузетт, на котором построен Бостон и который называли, по причине его формы, Mos или «Голова Стрелы»; от станции это имя перешло к одному индейскому племени, затем ко всей колонии белых и, наконец, к целому штату. По другой этимологии, название это означает: «Страну холмов»[1]. Оффициальный титул, отличающий этот штат от всех других, именует его *Commonwealth*, это—«Республика по преимуществу». Прозвище свое *Bay State* («штат при бухте»), хорошо известное всем американцам, он получил потому, что в первые времена колонизации поселенцы существовали главным образом рыбной ловлей и торговлею, так что «бухта» была их кормилицей, а национальной эмблемой служила треска.

1 Schoolcraft, „The Red Race of America“.

Жители Массачузетса называют также свой штат *Old Bay State* «Старый Штат при бухте» и с ещё более нежным оттенком: *the Mother State*—«Штатом-Матерью». В самом деле, отсюда вышла инициатива войны за независимость, здесь же началась пропаганда аболиционистов, которая, распространяясь всё далее и далее, уничтожила институт невольничества, сохранив при этом союз между республиканскими общинами Севера и Юга. Во многих других отношениях Массачузетс тоже можно назвать—«штатом-матерью»; относительно, он гораздо больше других первоначальных штатов способствовал заселению территорий Запада; он также больше других сделал для распространения новых открытий и усовершенствованных способов производства в области промышленности; наконец, дело народного образования достигло там больших успехов, чем в каком-либо другом штате: учителя, в особенности учительницы из Массачузетса рассеялись по всей американской территории. Из 14.243 американцев, помещенных в число «знаменитостей» в словаре Апплътона, 2.686, т.е. почти одна пятая, были уроженцы Массачузетса[1].

Этот «Старый штат при бухте», незначительный по пространству со времени потери Мэна, занимает узкий параллелограмм правильной геометрической формы, заключающийся между горами Таконик и морем; впрочем, он несколько расширяется в части, прилегающей к морю, охватывая весь берег от устья Мерримака до острова Нантукет и подходов бухты Наррагонсет; с каждым десятилетием он понемногу увеличивается в протяжении, благодаря осушке и обращению в пахатную землю полосы солончаков, окаймляющих побережье. Но как ни мала, сравнительно с другими штатами, территория Массачузетса, он, тем не менее, является, вместе с дистриктом Колумбией и Род-Айлендом, самой населенной областью Союза: по километрической плотности населения, штат этот далеко превосходит Францию и только немногим уступает Британским островам. Впрочем, в эти последние десятилетия население его возрастало не столько вследствие избытка числа рождающихся над числом умирающих, сколько благодаря иммиграции иностранцев, главным образом ирландцев и франко-канадцев: жители Массачузетса, любившие прежде называть себя сынами «Отцов странников», принадлежат теперь к очень смешанной расе.

Число иммигрантов, прибывших в Массачузетс в 1890 г.: с Британских островов—20.336; из Канады—19.781; из других мест—11.230; всего—51.367 челов.

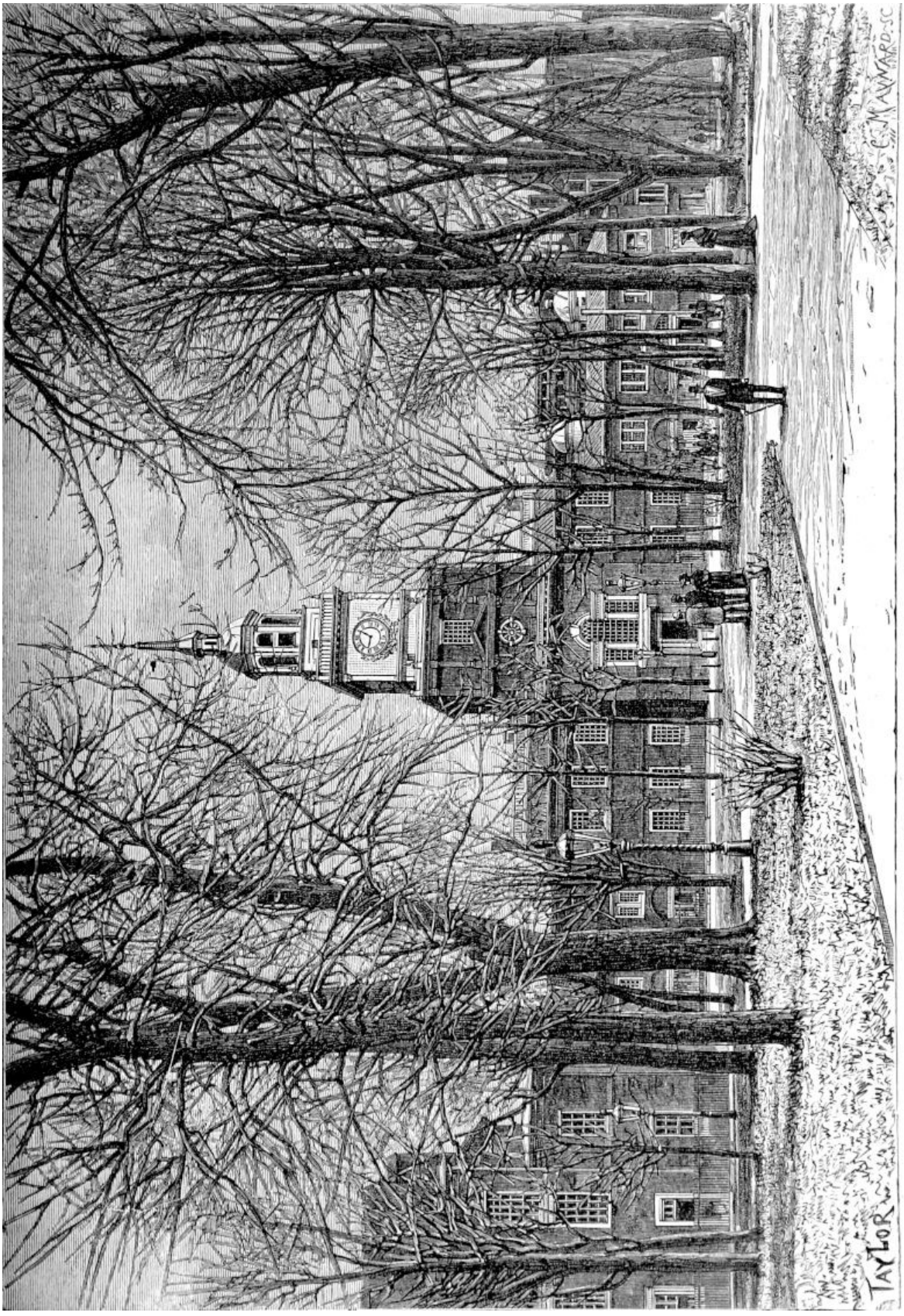
Заселение мануфактурных городов в ущерб деревням совершилось не без некоторого упадка земледелия. В 1890 г. специальная коммиссия констатировала, что 1.461 ферма, заключающих в совокупности 51.859 гектаров, были покинуты их владельцами.

Место, занимаемое Массачузетсом между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (8.315 анг. кв. миль, 21.365 кв. кил.)—44-ое; по народонаселению (2.238.943 жит. в 1890 г.)—6-ое; по километрич. плотности населения (104 ж.) — 3-ье: по народному образованию (7.859 школ, 443.644 учащихся)—1-ое; по промышленному производству (549.346.552 долл.)—3-ье.

Река Мерримак, проникающая из Нью-Гампшира в северную часть штата, протекает по густо населенной местности: около каждого из её порогов группируются фабрики, заводы и поселения фабричных рабочих. Лоуэль, один из этих промышленных центров, соперничающий с Вустером (Worcester), как второй город штата, располагает огромной движущей силой, благодаря водопадам Мерримака и его притока Конкорда, силой, почти равной 20.000 паровых лошадей; главные фабричные заведения—прядильные, ткацкия и красильные, но нет такой мануфактуры, которой не существовало бы в Лоуэле, этой важнейшей группе фабрик в Массачузетсе. Было время, когда этот город описывали как настоящий рай земной для рабочих и особенно для работниц; в начале развития крупной промышленности в Америке путешественники прославляли в идиллическом стиле радости труда на Лоуэльских фабриках; но теперь его бумагопрядильни походят на подобные же мануфактуры других стран. Первое время работники и работницы находились всецело в руках директоров компаний,

1 Henry Cabot Lodge „Century“, September 1891.

которые доставляли им жилище и содержание, заставляли их строго соблюдать «день субботний» и не позволяли им посещать ни театра, ни какого бы то ни было увеселительного места. Однако, счастье этих привилегированных работниц, должно быть, не было полное,

Домъ Независимости въ Филадельфіи.

судя потому, что работа в прядильнях была почти совершенно оставлена американками, которых теперь заменяют в «потерянном раю» ирландки и особенно канадские француженки[1].

1 Mrs Harriet A. Robinson, „Early Factory Labor in New England“.

То же самое можно сказать о городе Лауренсе, построенном ниже на Мерримаке, который в этом месте запрудили при помощи колоссальной плотины, чтобы приводить в движение колеса многочисленных прядильных мануфактур, литейных и других заводов. Гавергиль, следующий за Лауренсом, находится на границе двух промышленных районов—Лоуэльского, производящего преимущественно бумажные ткани, и Линнского, изготовляющего кожаный товар. Ньюбюрипорт, стоящий при устье Мерримака, также принимает участие в этих двух отраслях промышленности. Гавань его, где в период отлива суда находят не более двух с половиной метров глубины, имеет некоторое значение только как рыболовный и каботажный порт. Глостер (Gloucester), на выступе берега, защищенном со стороны моря мысом Анн, приобрел гораздо более важное значение. Первый коммерческий порт колонии в эпоху её основания, он и до сих пор остается первым по ловле сельдей и макрели, и уступает только Бостону по числу принадлежащих ему судов (Торговый и рыболовный флот Глостера состоял в 1890 г. из 468 судов, вместимостью в 35.127 тонн). Сосед его Рокпорт эксплоатирует свои каменоломни гранита, обломки которого служат ему материалом для постройки великолепных молов и волноразбивателей.

На берегу Атлантического океана, защищенном с юга и востока высоким мысом Марбльгед, у основания гранитного полуострова стоит город Салем. Это был *Naumbkeag* («место ловли угрей») индейцев. Основанный в 1626 году, Салем представляет первоначальную колонию северного Массачузетса, и Бостон, возникший четыре года спустя, был лишь одним из выделенных им роев. Этот древний пуританский город, занимающийся, как и Линн, производством обуви, был в XVIII ст., вместе с Марбльгедом, самою деятельною, по внешней торговле, группою портов Новой Англии. Он пользовался действительной монополией в торговых сношениях Американской республики с крайним Востоком: ежегодно более полсотни судов, принадлежавших к его торговому флоту, огибали мыс Доброй Надежды. Восточный музей, наполненный редкостями Индии и Китая, напоминает об этом славном периоде местной истории. Салем—один из городов Союза, приобревших известность как место рождения знаменитых американцев: между прочим, Прескотт и Готорн были уроженцами этого города. Марбльгед, пригород Салема, подобно последнему, утратил свое торговое значение; гавань его ныне посещается только любительскими яхтами и служит сборным пунктом для гонок. Главная масса его населения принимает теперь участие в крупной промышленности Линна и занимается производством башмаков и калош; значительная часть жителей, уроженцев Нормандских островов, говорит ещё на диалекте, испещренном французскими словами. К юго-западу от Салема находим другой промышленный город, расположенный вблизи моря, у основания полуострова, далеко вдающагося в Бостонскую бухту: это Линн, названный так по имени английского города *Lynn Regis*, откуда был родом первый пастор этой колонии, прибывший в 1629 г. Ни один город не занимается более деятельно, чем Линн, кожевенной промышленностью и специально производством дамской и детской обуви: в нём насчитывается около двухсот фабрик, изготовляющих этот товар. Запах кожи распространяется из города по окрестным деревням, а в порте смешивается с запахом рыбы. Главная часть работы производится при помощи машин, и в мастерских заняты почти исключительно женщины и дети; количество выделываемый обуви с 80.000 пар в 1767 г. возросло в 1890 году до 26 миллионов пар.

Бостон, принявший имя одного английского города,—прежде Ботольфс-таун,—есть в одно и то же время столица штата, его самый многолюдный город и метрополия Новой Англии. Он состоит в действительности из нескольких городов, отделенных один от другого рукавами моря. Начало первому городу было положено в 1623 году хижиной одного пионера, который «не хотел иметь над собой господами ни епископов, ни братьев пуритан». Прибытие этих «братьев» заставило его искать другое уединенное место, и Бостон сделался маленькой деревней, построенной на одном из полуостровов Массачузетской бухты, который соединялся с материком на юго-западе песчаной косой, едва возвышавшейся над уровнем моря. Этот первоначальный полуостров, по-индейски Шавмут, т.е. «Пресные воды», оффициально называется Тримаунтэн, или проще Тремонт, но из трех холмов, которым центральное ядро

Бостона обязано своим поэтическим прозванием «Тригорье», остался только один, в 42 метра высотой, Бикон-Гилль, или «Гора-Светоч», увенчанная «дворцом штата», с позолоченным куполом. Полуостров Шавмут первоначально занимал пространство в 320 гектаров, более чем удвоенное теперь земляными насыпями, которые расширили песчаный перешеек и сделали из него валганг, на котором помещается большая часть нового Бостона; когда городу понадобятся новые места для его зданий, площадей или садов, он приобретает их на западе, делая захваты на мелководном лимане, в который впадает Чарльз-Ривер. Труд человека продолжает геологическую работу, совершенную наносами и, может-быть, постепенным поднятием почвы в течение прошлых веков. На других песчаных берегах происходит подобный же процесс. Прежняя бухта Бостона, занимавшая всё пространство, ограничиваемое высокими берегами, слоями гравия и скалами береговых обрывов, была почти вдвое больше нынешней: болота, покрывающиеся в часы прилива слоем воды в несколько сантиметров, постепенно сузили её окружность, да и самые эти болота исчезают, в свою очередь, уничтожаемые трудом человека.

Холм «Трех гор» и его расширенный полуостров соединяются с материком в том месте, где прежде стоял отдельный город, Роксбюри, вошедший теперь в черту разростающагося Бостона, также как Дорчестер и другие соседние города и деревни этого берега. На севере от Бостона, бывший Чарльстаун, составлявший прежде самостоятельную городскую общину, также присоединен к могущественному бостонскому муниципалитету, и хотя холм его, застроенный домами, отделен от Бостона проливом, но через этот канал проходит такое множество дамб, путеводов и железных дорог, что он исчезает почти целиком под их густой сетью: легко было бы совершенно прикрыть его широкой платформой, соединяющей в одно целое все эти мосты, построенные по разным направлениям. На западной стороне бухты, бывшие прежде самостоятельными городские аггломерации, также сделались теперь кварталами Бостона, тогда как Бруклин и большой пригород Кембридж, тоже составляющий часть «современных Афин» и даже являющийся их умственным центром, удержались в виде отдельных общин. На северном берегу бухты Бостон построил новые города: на северо-востоке обширный квартал Восточный Бостон, на юге-востоке квартал, Южный Бостон расположены на островах, соединенных теперь с материком. Из пятидесяти земель или скал, больших и малых, рассеянных в рейде, почти нет таких, которые не были бы в прямой зависимости от Бостона по своим маякам или портовым огням, укреплениям, госпиталям или другим общественным заведениям.

Это быстрое возростание метрополии Массачузетса на побережьи, частью болотистом и усеянном островами, изменяет с каждым годом план города, так что даже близкия между собой, по времени составления, карты представляют поразительное различие. Нынешний город в тридцать или сорок раз обширнее, чем первоначальный островок; он был бы ещё гораздо больше, если бы включить в черту метрополии все аггломерации, которые образовались вследствие притяжения, оказываемого Бостоном на его окрестности. Описав окружность в 12 англ. миль—немного более 19 километров—вокруг Бикон-Гилля, мы очертим территорию, заключающую в себе больше трети населения всего штата: по народной переписи 1890 г., жителей оказалось 872.482, что составляет около двух пятых всего постоянного населения Массачузетса. Таким образом, Бостон—четвертый город Соединенных Штатов, и хотя по числу жителей он стоит ниже Нью-Йорка и Бруклина, Филадельфии, Чикаго, но опередил их общим влиянием на нравы, инициативой в политических и социальных вопросах, литературной и артистической деятельностью: сыны его дали ему прозвище Hub или «Ось», как будто он представляет из себя центр, вокруг которого вращается колесо американской фортуны. Кембридж—это *the Hub of the Hub* («Ось оси»). Со всех сторон, когда приближаешься к Бостону, издалека виден золоченный купол «Дворца Штата» (State House), стоящего на вершине островка, где возник первоначальный город, и представляющего лучшую обсерваторию, откуда можно обозревать всю группу городов с окружающими холмами и обширную бухту с её кораблями и архипелагом её островков. Обширный луг, *Common*, пространством около 20 гектаров, занимает скаты холма, увенчанного зданием

дворца: это—знаменитое место, на котором розыгрывалась в большей части политическая история Бостона, место, где до тридцати пленных индейцев были избиваемы в один день, где воздвигался костер для сжигания ведьм, где головы казненных жертв выставлялись воткнутыми на кольях. Позднее здесь подготовлялась революция против Англии, вокруг или в соседстве этого общественного луга, одного из славнейших исторических мест американского союза, бостонцы воздвигли главные памятники и статуи, напоминающие великия события их истории, между прочим, дворец Городской думы, *City Hall*. Неподалеку оттуда стоит здание *Faneuil Hall*, названное так по имени одного французского гугенота, его основателя, и получившее прозвище «Колыбель американской свободы», в воспоминание происходивших здесь народных собраний и памятных речей, которые произносились на этих собраниях великими ораторами. Обелиск Бункер-Гилль (*Bunker*—переделанное на английский лад канадское имя *Boncoeur*), другой знаменитый памятник, высится на вершине Чарльстаунского холма, напоминая атаку английских войск в 1775 году. С верхушки этой колонны перед глазами зрителя развертывается панорама города и бухты, не менее красивая, чем вид с «Дворца Штата». Центр Бостонской агломерации не может переместиться: конфигурация почвы удерживает его на полуострове Шавмут; но центр этот становится, как лондонское Сити, биржей для жителей окружающего архипелага. В зданиях, пышно отстроенных после страшного пожара 1672 года, помещаются почти исключительно купеческие конторы, обитаемые только несколько часов в день. Толпа входящих утром, толпа выходящих вечером—громадна: ни в каком другом городе пешеходы и экипажи не теснятся в большем количестве на таком маленьком пространстве: перед иным зданием в один день проходит до тысячи шестисот омнибусов. Поэтому становится необходимым пробить холм во всех направлениях, чтобы дать подземные выходы этому огромному уличному движению.

С 1869 года Бостон имеет высшее учебное заведение, носящее титул университета; но школа, составляющая гордость Массачузетса, находится не в самой метрополии: она помещается по другую сторону реки Чарльс-Ривер, в пригороде Кембридж; ей дали имя «Гарвард-Колледж», в память лица, завещавшего этому заведению, в 1638 году, свою библиотеку и денежную сумму: великолепная статуя Гарварда красуется на лужайке колледжа. В новейшее время школа эта достигла изумительного развития. Гарвардский университет представляет теперь город в городе, заключая в себе обширные аудитории, амфитеатры, лаборатории, два богатых музея: зоологический (Агассиц) и археологический (Пибоди), дворцы—скорее, чем дома,—для профессоров и воспитанников, общую столовую, одно из красивейших зданий Соединенных Штатов, воздвигнутое в память студентов, убитых во время междоусобной войны; сады, парки, луга для атлетических игр; кроме того, имеется отдельный женский колледж, принимающий до 200 студенток. Астрономическая обсерватория Гарвард-Колледжа—одна из самых богатых и наилучше организованных, и снабжает учеными астрономами-наблюдателями другие заведения этого рода в Новом Свете, между прочим, даже обсерваторию в Арекивле, в южном Перу; замечательный ботанический сад также составляет часть фундаций Гарварда. Наконец, университет этот обладает если не самой богатой, то по крайней мере лучшей и наилучше утилизируемой библиотекой Соединенных Штатов (в 1890 году библиотека его состояла из 375.576 книг и 300.863 брошюр). Директора Гарварда не высказывают желаний о приобретении чего-либо нужного для колледжа, которые не были бы тотчас же удовлетворены пожертвованиями или завещаниями бывших питомцев или людей, сочувствующих преуспеянию этого заведения: щедроты первого благотворителя—ничто в сравнении с нынешними доходами университета, имущество которого превышает семь миллионов долларов.

Бюджет Гарвард-Колледжа в 1890 году: капитал—7.122.855 дол. (36.000.000 фр.); доходы всякого рода—2.805.774 дол.; пожертвования, не считая документов и земель—439.508 дол.

Школа эта, бывшая вначале чисто теологической, имеет теперь все факультеты (профессоров, «туторов», «ассистентов» и т.д. 186; студентов: 1.341).

Вне университета, Бостон имеет городскую публичную библиотеку, ещё более богатую, чем Гарвардская (в 1890 году Бостонская библиотека состояла из 540.000 томов и 300.000 брошюр), картинную галлерею, которая считалась бы замечательной даже в Европе, музей естественной истории и группу технических школ, превосходно организованных. Бостон и Кембридж—города Америки, всего охотнее избираемые для своего местопребывания учеными и писателями. Франклин—уроженец Бостона, так же, как Эмерсон, Вендель-Филипс, Сомнер, Паркман, Эдгар Поэ; многочисленные статуи великих людей, между прочим, статуя аболициониста Лойд-Гаррисона, украшают парки и аллеи города. Исландец Лейф Эриксен, открывший Винланд в 1000 году, также увековечен бронзовым бюстом.

Обширный Бостонский порт, водная площадь которого, несмотря на захваты, делаемые городом в её пределах, занимает ещё около 195 кв. километров, имеет то преимущество перед Нью-Йоркским, что он ближе к Европе; но он не находится при входе великолепного естественного пути, какова река Гудсон; тем не менее, он является одним из притягательных центров международной торговли. Движение судоходства в порте Бостона переходит, ежегодно, за три миллиона тонн, и годовая ценность внешней торговли, относительно небольшая, в сравнении с колоссальными торговыми оборотами некоторых других городов Соединенных Штатов, составляет, в среднем, свыше полмиллиарда франков.

Движение судоходства по внешней торговле в портах Бостона и окружающего консульского дистрикта, в 1890 году: в приходе—5.387 судов, вместимостью 1.923.545 тонн; в отходе—5.431 судов, вместимостью 1.854.309 тонн, всего—10.818 судов, вместимостью 3.777.854 тонн.

Движение судоходства в лимане Чарльс-Ривера, в 1889 году: 1.500.000 тонн.

Обороты внешней торговли в 1891 г.: ввоз—70.804.622 доллар.; вывоз—81.141.846 дол.

Коммерческий флот Бостона в 1890 г.: 634 судна, вместимостью 251.526 тонн.

Преобладающую роль во внешней торговле Бостона играет Великобритания: четыре пятых тоннажа, приходящего из-за моря, принадлежит этому государству. Часть порта остается пустынной, несмотря на счастливое положение: это—морское пространство, которое федеральное правительство оставило за собою для своих верфей и стоянки своих судов, на севере холма Чарльстаун, в лимане Мистик. С высот, господствующих над портом, путешественник с удивлением замечает эту водяную пустыню в бухте, кишащей судами.

Вне бухты, Чельси, один из городов Бостонского городского округа, сохранивший ещё свою административную автономию, тянется на северо-восток до атлантического берега северо-восточного полуострова, лежащего при входе в бухту. По своему пляжу Ривир, усеянному дачными местами, это—летний Бостон, продолжающийся на юг рядом кривых линий до «Оленьего острова» (Deer Island), названного так потому, что первые колонисты часто видели там «оленей», переплывавших через морской пролив, чтобы спастись от волков. Восточнее, другой полуостров, скалистый Нагант, также усеян изящными виллами, разбросанными по вершинам холмов и по берегам бухточек. На севере, Бостон продолжается городом Мальден, в степной и озерной местности, пересекаемой многочисленными железными дорогами. На северо-западе, за Сомервилем, следуют один за другим два исторических города: Лексингтон и Конкорд, где происходили битвы во время войны за независимость; в Конкорде жили Торо, Эмерсон, Готорн. Вблизи деревни Ватертаун, к западу от Кембриджа и прекрасной тенистой рощи кладбища Маунт-Обурн, недавно воздвигнутая башня указывает место, где, по мнению Горсфорда, оспариваемому, впрочем, большинством археологов, норманны основали свою первую колонию на земле Нового Света; там, будто-бы, находилась знаменитая Норумбега Кабота, т.е. Норбега или «Норвегия»; встречающиеся там развалины стен, плотин, груды камней признаются остатками древних построек[1]. Дальше, в том месте, где Чарльс-Ривер спускается каскадами, стоит Вальтгам, очень деятельное промышленное местечко, занимающееся главным образом фабрикацией карманных часов, которых там выделывается, в среднем, около 1.500.000 штук ежегодно. На юго-западе, равнины, где рассеяны

1 „Discovery of America by Northmen“; „The ancient Site of Horumdega“, etc.

города Ньютон, Брайтон, Бруклин, Роксбюри, образуют обширный парк, обнимающий область холмов, лесов, лугов и озер: тут находятся главные резервуары, снабжающие водой Бостон и Кембридж; один из них, Честнут-Гилль, содержит 36 миллионов гектолитров воды; зимой, замерзшая поверхность озера, разрезываемая особым орудием, в роде плуга, доставляет лед тысячами тонн на бостонский рынок. К юго-востоку, на берегу бухты, городок Кенси, расположенный у подножия нависшего гранитного холма, приобрел известность как место, где был проложен первый рельсовый путь в Соединенных Штатах, построенный для обслуживания каменоломен. Дальше, на том же берегу, Гингам, городок с морскими купальнями, замечателен своей старинной церковью, древнейшим храмом Новой Англии, сооруженным в 1681 году.

На морском берегу, продолжающемся на юго-восток от Бостона и защищенном от волн Атлантического океана полуостровом мыса Код, стоит исторически знаменитый город Плимут, где началась колонизация Новой Англии, в 1620 году. Метрополия эта осталась далеко позади многих других новых городов, населенных её детьми. Она располагает лишь небольшой мелководной гаванью, куда пристают каботажные и рыболовные суда. «Старая Колония», *Old Colony*, не могла дать своим жителям необходимых рессурсов; единственный местный промысел—изготовление корабельных снастей и гвоздей. Но Плимут привлекает посетителей как исторический город. На холме его, над домами, высится колоссальная статуя «Веры»; здание *Pilgrim Hall* заключает в себе много любопытных предметов, относящихся к первым временам колонизации; на песчаном берегу железная решетка защищает от любителей старины скалу, теперь треснувшую, на которую вступили пилигримы, высадившись в Новом Свете. Городок Дюксбюри, лежащий недалеко от Плимута, и в котором жил предводитель (*dux*) пуритан, замечателен как береговая станция французского трансатлантического кабеля, проложенного в 1869 году из Бреста в Соединенные Штаты через Сен-Пьер и Микелон.

Узкий полуостров, образовавшийся из бывших морен и оканчивающийся косой мыса Код, имеет лишь маленькия гавани, где снаряжаются суда для рыбной ловли. Важнейшие из этих портов—Барнстебль (рыболовный флот которого в 1890 г. состоял из 245 судов, общей вместимостью 20.031 тонн) и Провинстаун, с очень деятельным и отважным населением, часто вступающим в борьбу с морем для спасения погибающих во время кораблекрушения. Подвижные дюны, гонимые сухим северо-западным ветром по оконечности мыса Код, угрожают Провинстауну, защищающемуся с большим трудом от их вторжения. Между Буцуардс-Бай и бухтой мыса Код теперь работают над прорытием большого судоходного канала, который даст возможность установить прямое водное сообщение из Нью-Йорка в Бостон, избавляя слишком 40.000 судов ежегодно от необходимости делать крюк по крайней мере в 150 километров в опасных водах мыса Код; самая высокая точка порога не достигает даже 19 метров. Лежащие впереди полуострова, среди Атлантического океана, два острова, Мартас-Вайнъярд и Нантукет, с побережьем, часто видоизменяющимся от удара волн, также имеют рыболовные города, прежде пользовавшиеся большой известностью; до войны за независимость, Нантукет владел 140 судами, и моряки его, в числе около 2.200 человек, занимались ловлею китов; по большей части разоренное войной, население мало-по-малу вернуло было свое прежнее благосостояние, когда открытие источников минерального масла, совпадая с возрастающею редкостью китов, значительно уменьшило доходы рыболовов. Нантукет и сосед его, Мартас-Вайнъярд, постепенно обезлюднели, теряя свое белое население, как раньше они потеряли свое кроткое индейское население, представителями которого теперь являются лишь несколько метисов. Оба острова начинают приобретать некоторое значение как дачные места: так, Мартас-Вайнъярд сделался в большей части собственностью методистов-веслеян, которые в летнее время стекаются сюда тысячами, пастыри и пасомые, в виллы и палатки парков. Торговая деятельность этих островов переместилась на берег континента, в Нью-Бедфорд, гавань которого, хорошо защищенная островами, лежащими в море, может вмещать в себе большие суда. Вайнъярд-Гавн остался портом убежища для судов во время бурь.

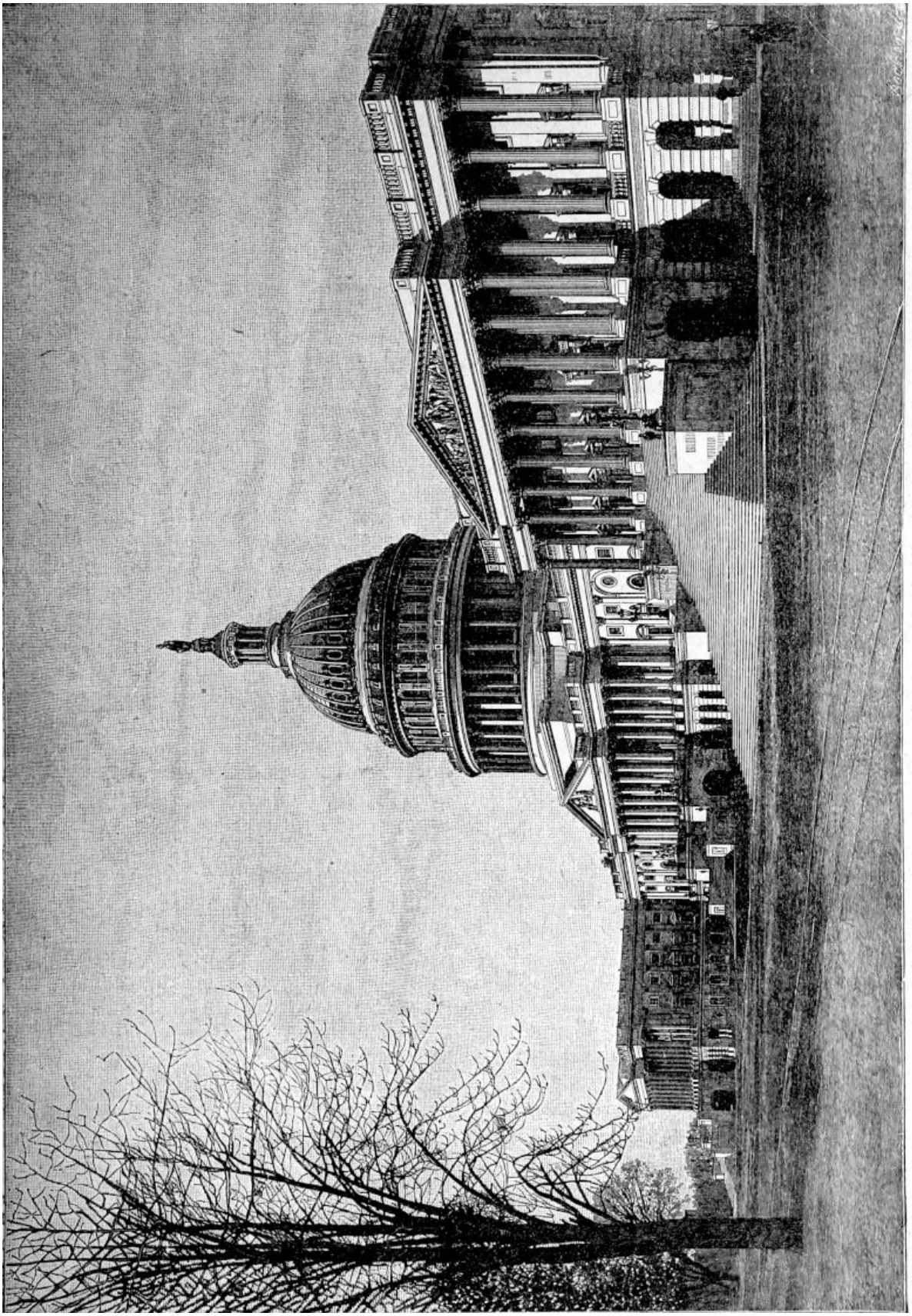
Нью-Бедфорд (Акушнат, по-индейски)—всё ещё самый деятельный китоловный порт в свете, хотя он тоже значительно упал в этом отношении с половины нынешнего столетия; в ту эпоху он снаряжал, вместе с городом Фергавн, лежащим на противоположном берегу лимана, более трехсот судов для ловли кита, и число его моряков доходило до десяти тысяч (флот Нью-Бедфорда в 1890 году: 142 судна, общей вместимостью 27.248 тонн, в том числе 52 китобойных судна, вместимостью 12.984 тонны; движение внешнего судоходства в том же году: 81 судно, 13.500 тонн). Если Новый Бедфорд отчасти утратил свое прежнее значение в качестве рыболовного порта, то взамен того он быстро растет как мануфактурный центр, особенно по бумажно-ткацкому производству,—промышленность, которую он разделяет со своим соседом Фоль-Ривером, лежащим к северо-западу от него, на восточном берегу реки Тонтон-Ривер; лиман доступен большим судам, и город занимает устье, ныне подземное, потока, доставляющего значительную движущую силу, очень деятельно утилизируемую. По составу своего населения, Фоль-Ривер почти совсем утратил первоначальный англо-американский характер. Беспрестанное перемещение народов, вызываемое экономическими переменами, заменило в этом городе потомков пуритан ирландскими и канадскими католиками, затем этих последних—итальянцами, португальцами; азорцами. Подобные же этнические явления наблюдаются в Нью-Бедфорде, один из кварталов которого принял имя Файяль, и в двух мануфактурных городах, Тонтоне и Броктоне, лежащих между Фоль-Ривером и Бостоном.

К западу от Бостона, город Вустер (Worcester), где родился Джордж Банкрофт, обязан своему центральному положению в штате, в точке соединения главных путей, своим рангом второй столицы Массачузетса; часто избираемый как место политических съездов и конвентов, он получил прозвище *Hearth of the Commonwealth*, «Сердце Республики». Он лежит вблизи водораздельной возвышенности, там, где собираются истоки реки Блекстон, спускающейся на юго-восток к Провиденсу. В Вустере существуют разнообразные отрасли мануфактурной промышленности, рабочее население его беспрерывно пополняется иностранными иммигрантами, преимущественно франко-канадцами и скандинавами. Город Фичбург, лежащий севернее, на реке Нашуа, притоке Мерримака,—тоже промышленный центр, производящий самые разнообразные фабричные изделия, обои, ткани, машины и проч.

Река Коннектикут, пересекающая Массачузетс с севера на юг, окаймлена по обеим сторонам многолюдными и мануфактурными городами. Нортамптон—Нонотак по-индейски,—в очаровательной долине, где культивируют табак, расположен близ правого берега реки, выше Голиокского ущелья: это—родина Джонатана Эдвардса, знаменитейшего кальвинистского теолога Новой Англии. Ниже, в излучине реки, окружающей его с трех сторон, большой город Голиок раскинул на пространстве пяти верст свои многочисленные мануфактуры, писчебумажные и другие фабрики, где постоянно занято около двадцати тысяч рабочих, из которых свыше пяти тысяч—канадские уроженцы; федеральное правительство имеет здесь фабрику почтовых карточек (открытых писем). Запруда реки, образующая падение с высоты 10 метров, доставляет огромную движущую силу всем этим фабрикам и заводам. Ниже по реке, другие водопады, а также водопад одного маленького притока, приводят в движение колеса мануфактур городка Чикопи; затем следует городок Спрингфильд, где находятся главные оружейные заводы Соединенных Штатов и военный арсенал федерального правительства. Однако, одно место долины Коннектикута до сих пор избегло вторжения крупной промышленности и пролетариата: это—город Амгерст, с его колледжем, земледельческим училищем и коллекциями произведений искусства, естественной истории и археологии. Амгерст лежит в небольшой боковой долине, к востоку от главной реки и к северо-востоку от Нортамптона.

К западу от Коннектикута, гористая область, где зарождаются Гузик и Гузатоник, менее населена, и города её, Норт-Адамс. Питсфильд. Стокбридж, менее деятельны; но они посещаются в летнее время любителями прогулок, и окрестности их усеяны виллами и дачами. Соседние теплые источники, New Lebanon Springs, находящиеся в штате Нью-Йорк, также

привлекают большое число посетителей, особенно благодаря соседству знаменитой общины шэкеров, основанной в 1795 г. пророчицей Анной Ли. Город Норт-Адамс, к северу от Грейлока, занимает выход подземелья Гузик (Гузак), главного пути сообщения между Бостоном

Капитолій въ Вашингтонѣ

и Гудсонской долиной. Над прорытием этого туннеля трудились двадцать лет, и сооружение его обошлось сто слишком миллионов франков.

Исторические и многолюдные города Массачузетса, с цифрой их населения в 1890 г.: Бо-

стон—448.477 жит. (в 1894 г.: 501.000 жит.); Кембридж—70.028; Сомервиль—40.152; Чельси—27.909; Ньютон—24.379; Мальден—23.031; Вальтгам—18.707; Бруклин—12.103; Медфорд—11.079; Вустер—84.655; Лоуэль—77.696; Фоль-Ривер—74.398; Линн—55.727; Спрингфильд (с Западным Спрингфильдом)—44.179: Лауренс—44.654; Нью-Бедфорд—40.733; Голиок—35.637; Салем—30.801; Гавергиль—27.412; Броктон—27.294; Тонтон—25.448; Глостер—24.651; Фичбург—22.037; Питсфильд—17.281; Кенси—16.723; Норт-Адамс—16.074, Нортамптон—14.990; Чикопи—14.050; Ньюбюрипорт—13.947; Марбльгед—8.202; Плимут—7.314 жителей.

5. Род-Айленд

Род-Айленд, *Little Rhody*, самый малый из штатов Северо-Американского Союза, составляет по протяжению лишь двести тринадцатую часть самого большого штата, Техаса; но по плотности населения и по относительной ценности своих произведений он занимает одно из первых мест. Принадлежа к той же естественной области, как Массачузетс на севере, Коннектикут на западе, он представляет тот же характер местности и те же роды земледельческой культуры, за исключением юго-западной его части: с этой стороны бухта Наррагансет глубоко врезывается в побережье, омывая многочисленные острова, из которых один, древний Аквиднек, или «Плавающий на водах», был назван английскими колонистами «Род-Айленд», по имени азиатского острова Родоса, и передал это название всему штату.

Место, занимаемое Род-Айлендом между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (1.250 кв. миль—3.237 кв. километр.)—49-е; по народонаселению (345.506 жит. в 1890 г.)—35-е; по километр. плотности населения (107 жит. в 1890 г.)—2-е (после дистрикта Колумбии).

Все города Род-Айленда представляют из себя группы фабрик и заводов: так как земля слишком дорога в этом густо населенном крае, чтобы можно было эксплоатировать её для целей земледелия первобытными способами, как в большинстве других штатов, то большая часть рук занята здесь садоводством и особенно работами на фабриках. Блекстон, маленькая речка Массачузетса, проникающая в восточную часть штата, тотчас же по вступлении на его территорию приводит в движение колеса фабрик города Вунсокет-Фольс, затем колеса заводов других городов и деревень до Потокета и Провиденса, одной из двух столиц штата: в Потокете (Pawtucket), теперь уже почти входящем в черту соседнего быстро разростающего города, была основана, в 1790 г., первая в Соединенных Штатах фабрика хлопчато-бумажных изделий. Впродолжении полстолетия Потокет сохранял за собой первенство в промышленном отношении, да и теперь ещё он обладает важнейшей в Соединенных Штатах прядильней. Специальность долины Блекстона составляют бумажные и шерстяные ткани: ни одна река, ни даже Мерримак, не утилизируется лучше, чем Блекстон, как движущая сила. Около полмиллиона людей населяют этот узкий бассейн—англо-американцы, ирландцы, франко-канадцы и шведы.

Провиденс, содержащий сам по себе, без предместий, более трети населения Род-Айленда и более половины вместе со своим городским округом, в начале был колонией изгнанников. Убегая от свирепых пуритан Массачузетса, Роджер Вильямс и пятеро его товарищей, виновные в том, что объясняли иначе, чем управлявшие общиной пасторы, тайны веры, пришли просить убежища у индейцев племени наррагансет и основали, в 1636 г., колонию в том месте, где река Блекстон соединяется, в виде лимана, с большой южной бухтой и становится доступной морским судам: там каждый гражданин пользовался полной свободой религиозного культа и, благодаря этой привилегии, новый город быстро заселился. Провиденс выгодно отличается от большинства других американских городов тем, что план его не представляет совершенно правильной шахматной доски: первые дороги и тропинки окружающей местности сделались главными улицами города; человек набожный, преследуемый за веру, Вильямс окрестил их именами главных добродетелей. Центральный бассейн порта или *Cove*, обратившийся в сточную канаву, предположено засыпать и на месте его построить

общую станцию для всех проходящих через город железных дорог. Провиденс, промышленный центр, имеет не только прядильщиков и фабрикантов машин и орудий, но также искусных ювелиров, и обладает прекрасными картинными галлереями и библиотеками. Он слывет относительно самым богатым городом Соединенных Штатов, принимая во внимание число жителей. Главная школа его, Brown University, превзойдена в Новой Англии только кембриджским Гарвард-Колледжем и Нью-Гавенским Яль-Колледжем. У жителей Провиденса тоже имеется священный камень, быть-может, мифический, на котором, будто-бы, основатель города стоял, когда индейский глава племени пришел поздравить его с благополучным прибытием, приветствуя его словами «What Cheer», которые сделались легендарными и употребляются теперь в патриотическом смысле, как пароль, чтобы засвидетельствовать о превосходстве всего, что принадлежит Род-Айленду.

Вторая столица, Ньюпорт, занимает южную оконечность острова, давшего свое имя всему штату и соединенного теперь каменным мостом с материком; она состоит в действительности из двух городов: старого—рыболовного и торгового местечка, и нового, состоящего сплошь из вилл и загородных замков. Порт, хорошо защищенный, представляет обширный бассейн, заключающийся между Род-Айлендом и Конаникут-Айлендом и усеянный островками, которые по большей части обратились в дачные места. До революции, Ньюпорт имел значительную торговлю, далеко превосходившую размерами торговлю Нью-Йорка; в настоящее время он ведет почти только каботажную торговлю, и многочисленные пароходы, приходящие и уходящие, перевозят больше дачников и туристов, нежели торговцев; часто гонки приводят в Ньюпорт сотни яхт. Старый город, защищаемый фортом Адамс, имел некогда важное стратегическое значение, как страж входов бухты Наррагансет и пролива Лонг-Айленд; теперь там находятся федеральный арсенал и минная школа. Новый город, гораздо более обширный, хотя менее населенный, тянется по восточному и южному краю утеса на пространстве по крайней мере 5 километров: это летнее сборное место «купцов-князей», богатейших и тщеславнейших людей Северной Америки: ньюпортское «общество» образует самый замкнутый аристократический кружок в Соединенных Штатах. Виллы денежных тузов соперничают роскошью убранства, сады—пышными деревьями и цветами; великолепные экипажи дефилируют по широким аллеям, расходящимся радиусами вокруг казино. На главной площади Ньюпорта стоит Stone Mill, или «Каменная мельница», круглая башенка, с романскими арками, покоящимися на массивных столбах, приобревшая известность с того времени, когда Рафн и некоторые другие археологи заподозрили в ней памятник, воздвигнутый норманнами за пять столетий до открытия Колумба: это была мельница, построенная губернатором в половине семнадцатого столетия[1].

Главные города Род-Айленда в 1890 г.: Провиденс—132.146 жит. (в 1896 году: 155.000); Провиденс с Потокетом (27.633) и Восточн. Провиденсом (8.422)—168.201; Вунсокет—20.830; Ньюпорт—19.457 жит.

6. Коннектикут

Штат Коннектикута, или «Длинной Реки», имеет, подобно большинству других территориальных делений Северо-Американской республики, границы, очерченные прямыми линиями; но весь южный фас его купается в водах пролива Лонг-Айленд. С точки зрения рельефа и географического распределения, край этот состоит из отрывков параллельных долин, спускающихся из Массачузетса между невысокими хребтами. Так же, как другие штаты Новой Англии, Коннектикут—область с сильно развитой фабрично-заводской промышленностью, но мануфактуры его менее специализированы. Коннектикутец с гордостью называет себя самым настоящим янки, и имя *Brother Jonathan*, которое англичане в шутку дают англо-американцам, особенно жителям северо-восточной части Союза, принадлежало одному гражданину Коннектикута, Джонатану Трумбуль, личному другу Вашингтона. Принимая во внимание число жителей, Коннектикут всего больше насчитывает между своими уроженца-

1 Palfrey;—E. N. Horsford, „Discovery of America by Northmen“.

ми людей, чем-либо прославившихся в истории Америки[1], всего больше берет ежегодно привилегий на изобретения и усовершенствования, и коннектикутские изобретатели и мастера в наибольшей мере содействуют применению новых способов и приемов мануфактурного производства в других штатах. Хлопкоочистительные машины, револьверы, приготовление каучука свидетельствуют об изобретательности этих янки; по фабрикации швейных машин они тоже занимают одно из первых мест. Специальность Коннектикута составляют бесчисленные изделия, называемые *yankee notions* или «янковские товары», между которыми шутники перечисляют мускатные орехи из дерева, откуда и произошло не очень лестное прозвище *Nutmeg State*, данное этому штату; его называют также *Freestone State*, от строительного камня, доставляемого отсюда в большом количестве в Нью-Йорк. Стоящий так высоко по развитию промышленности, Коннектикут имеет лишь незначительные торговые сношения с заграничными рынками, и снаряжение из его портов судов на крупные рыбные промыслы тоже сильно уменьшилось против прежнего времени: Нью-Йоркский порт слишком близок, чтобы не привлекать к себе наибольшую часть торгового судоходства дальнего плавания; но в той же мере увеличивается каботажное сообщение Коннектикута с соседним большим городом, и пароходы беспрестанно бороздят пролив Лонг-Айленд. Нью-Йорк способствует постепенному возрастанию населения Коннектикута излишком своих жителей, который он выбрасывает в города и местечки своего обширного городского округа.

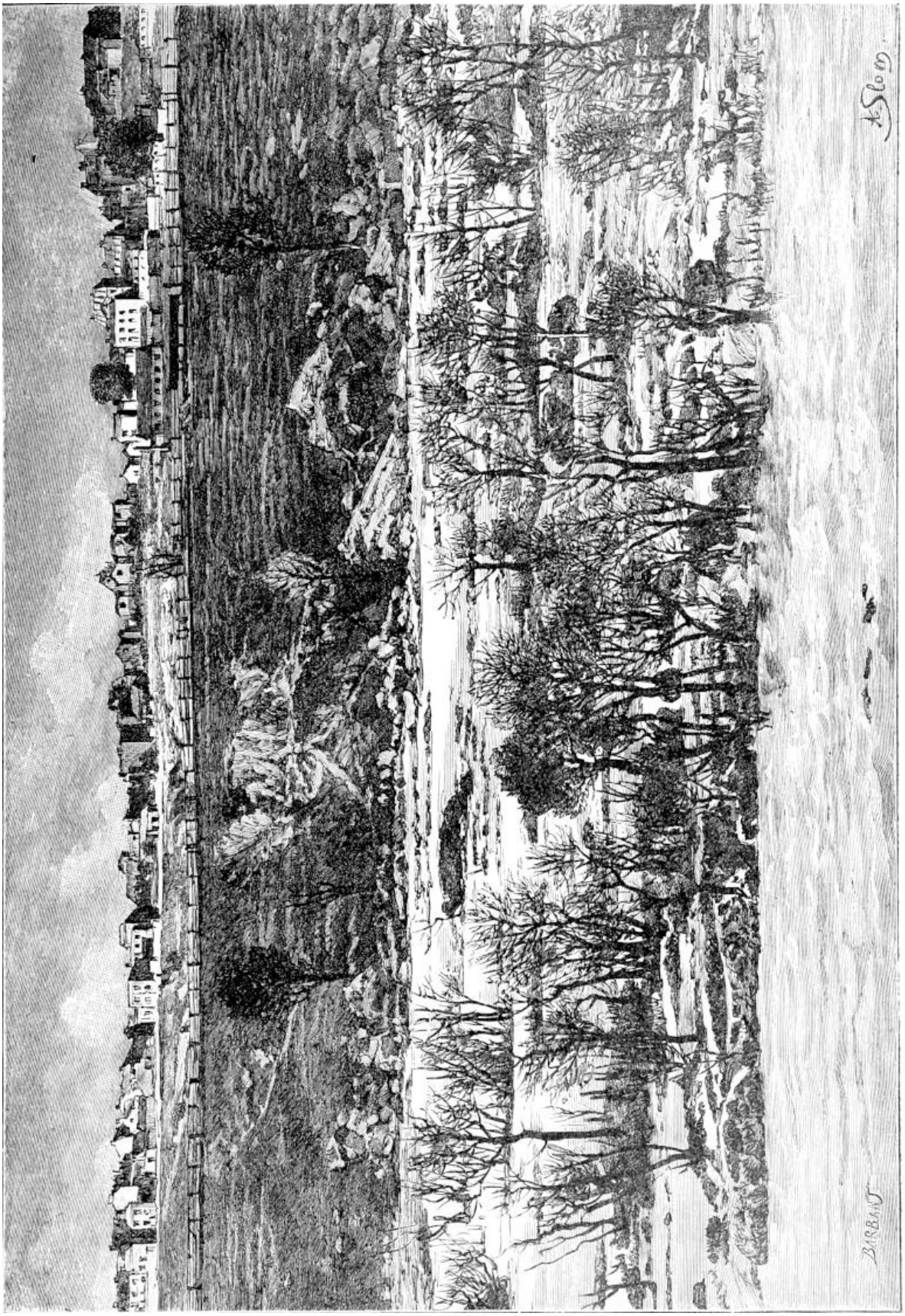
Место, занимаемое Коннектикутом между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (4.490 кв. миль или 12.924 кв. километр.)—46-е; по народонаселению (746.258 жит. в 1890 г.)—29-е; по километр. плотности населения в 1890 г.—5-е.

В восточной части штата главный город— Норвич, построенный при слиянии двух рек, образующих реку Темзу, и водопады которых были источником местного благосостояния: их чистые воды утилизируются преимущественно для фабрикации писчей бумаги. В то время, как Норвич, долго пребывавший на степени скромной деревни, где хоронили вождей племени могикан, вырос почти вдруг в значительный город, Нью-Лондон, лежащий при устье главной реки, в бугристой местности, усеянной гранитными скалами, оставался неподвижным в своем развитии или даже терял достигнутое прежде значение. Основанный в 1646 году и наименованный «Новым Лондоном» в память о «дорогой родине», Англии, он занимает очень выгодное географическое положение, в месте впадения судоходной реки, окрещенной именем «Темзы» со времени поселения английских колонистов, и обладает самой обширной, наилучше защищенной и самой глубокой гаванью на том берегу. Лойялизм основателей Нового Лондона не помешал ему быть сожженным королевскими войсками во время войны за независимость. Он возродился из пепла, как порт снаряжения судов для китовой ловли,—промысла, ныне утратившего значение в пользу тихоокеанских портов: теперь суда Нового Лондона почти не переходят за пределы окрестных вод.

Главная долина, т.е. долина реки Коннектикут, столь густо населена в штате этого имени, как и в Массачузетсе; промышленные села и местечки следуют там одно за другим непрерывным поясом вплоть до главного города Гартфорда, стоящего на правом берегу реки; напротив расположено большое предместье, и многочисленные виллы и дачи продолжают город во все стороны на окрестных тенистых холмах. Гартфорд старше Нового Лондона: начало его, как английского города, относится к 1636 г., но уже ранее на этом месте был основан пост голландскими колонистами, в соседстве индейского селения Сускеаг. Один из самых пышных городов Соединенных Штатов, Гартфорд имеет Капитолий, здание из белого мрамора, украшенное статуями и барельефами, увенчанное блистающим куполом; прежде в нём существовал другой памятник, *Charter Oak*, или «Дуб Хартии», названный так потому, что под ним зарыли, в 1686 г., копию королевской жалованной грамоты, которую один из губернаторов хотел было конфисковать. Дерево пало, поваленное ураганом, но место, где оно стояло, обозначено мраморной плитой; имя Чартер-Ок так же популярно в Коннектику-

1 Henry Cabot Lodge, „The Century“, September, 1891.

те, как выражение «What Cheer Rock» в Род-Айленде: «дуб» всё ещё слывет палладиумом местных вольностей. Гартфорд соперничает богатством с Провиденсом и является главным, в Соединенных Штатах, местопребыванием банков страхования жизни; книжная торговля

Ричмондъ.

его также достигла цветущего состояния. Из фабричных его заведений самое значительное—оружейный завод, принадлежащий правительству. На юг от Гартфорда, в долине, спускающейся к Нью-Гавну, следуют один за другим весьма деятельные города: Нью-Британ и Ме-

риден, из которых последний имеет важнейшее в Соединенных Штатах заведение для электротипии. Странствующие торговцы из Коннектикута, обходящие всю Северную Америку, запасаются здесь посудой и мелким железным товаром, продажу которого они почти всецело захватили в свои руки. Мидльтаун, в долине главной реки, тоже фабричный город; кроме того, в нём имеются веслеянский университет и другие высшие учебные заведения.

Поселение Сейбрук, на левом берегу Коннектикута и при его устье, было первой английской колонией в этом краю: но трудности судоходства через бар реки помешали развитию этого местечка. Старый форт, защищавший вход в реку, был срыт, чтобы дать место железной дороге: точно также школа, основанная там в 1701 году, была переведена в Нью-Гавн, где из неё образовался пользующийся ныне большой славой Яль-Колледж. Теперь этот наследник Сэйбрука, хотя лишенный звания столицы, которое он ещё недавно разделял с Гартфордом, есть самый многолюдный город штата и самый оживленный его рынок. Однако, порт его, *Neu Haven*, или «Новая гавань», не имеет достаточной глубины воды для принятия больших судов; несколько других якорных стоянок дополняют его по окружности бухты—Уэст-Гавн, Фэр-Гавн, Ист-Гавн; торговля этих портов ведется главным образом с Антильскими островами. Самый город расположен по северному берегу, в углу глубокой вырезки побережья у перешейка зеленеющей долины Квиннипиак-Ривер, охраняемой на востоке и западе двумя горделивыми скалами из лавы. Нью-Гавн получил от своих обитателей прозвище *Elm City*, «Ильмовый город», хорошо известное теперь во всём Союзе и к тому же вполне заслуженное, за исключением кварталов порта и средоточия фабричной промышленности, похожих на кварталы этого рода во всех других городах Соединенных Штатов. Обширные площади Нью-Гавна осенены исполинскими ильмами (вязами), ствол которых обростает листвой от самого основания, и эти грандиозные улицы-аллеи продолжаются широкими бульварами, где деревья той же породы и таких же размеров ростут среди лужаек, осеняя дома с верандами, обвитые плющем, окруженные цветниками,—и нигде никакого барьера, никакой ограды, никакого запрета или стеснительного предостережения, никакой вывески, указывающей пределы, за которые не позволяется переходить. Нет города более гостеприимного с виду. Сады окрестностей открыты для всякого путешественника и приглашают его гулять сколько угодно в их усеянных цветами аллеях, наслаждаясь видами сельской местности, где даже фабрики и заводы утопают в зелени. На центральной площади Нью-Гавна, называемой *Green*, находится могила трех парламентеров, нашедших убежище в нарождавшейся колонии.

Целый квартал города занят разбросанными строениями «колледжа» Яль, который оспаривает у Гарварда и Джонса-Гопкинса первенство, как главное учебное заведение Соединенных Штатов. Колледж этот носит имя Яль в честь купца, который в трудное первое время основания и организации школы подарил ей полмиллиона фунтов стерлингов. Эта пуританская школа, сделавшись одним из богатейших университетов в свете, имеет теперь 1.500.000 фр. годового дохода и многочисленные дворцы для своих музеев, библиотек, аудиторий, зал собрания, квартиры для 120 профессоров, общежития для 1.300 студентов. Гордость и славу Яль-Колледжа составляет его палеонтологический музей (Пибоди), где геологом Маршем собраны все образчики в высшей степени замечательной ископаемой фауны, недавно открытой в Скалистых горах и в «Худых землях». Пуританские пасторы или, вернее, инквизиторы Нью-Гавна побудили во время оно издать страшные *Blue Laws*, «Синие законы», грозившие смертной казнью за идолопоклонство, нечестие, колдовство, богохульство, возмущение, и определявшие жестокия кары за нарушение «дня субботняго» и за употребление табаку, этого «дьявольского зелья».

Западная часть Коннектикута почти вся принадлежит к бассейну Гузатоника, где много промышленных городов, как и во всех других промышленных долинах, богатых двигательной водяной силой. Важнейший из них, Ватербери, стоит на Ногатуке, восточном притоке Гузатоника. Порт устья, Стратфорд, представляет из себя скромную деревушку; но на западе, вдоль морского берега, встречаем несколько деятельных городов: Бриджпорт, большой

центр фабрикации швейных машин и оружия; затем два города-близнеца Норуок и Южный-Норуок, и на лимане с гранитными берегами, Стамфорд, славящиеся своими морскими купальнями и устричными парками ещё более, чем промышленными заведениями. На севере побережья, город Данбери, первый в Америке начавший фабриковать шляпы в прошлом столетии, доселе сохранил за собой эту специальность труда.

Главные города Коннектикута, с цифрой их населения в 1890 г.: Нью-Гавн—81.298 жителей; Гартфорд—53.230: Бриджпорт—48.856; Ватербери—28.646; Мериден—21.652; Денбери—19.385; Нью-Британ—19.006; Норуок—17.739; Норвич—16.156; Новый Лондон—15.700 жителей.

7. Нью-Йорк

Штат Нью-Йорк—самая могущественная часть республики, *Empire State*, по числу жителей и по развитию торговли и промышленности. Причудливо изрезанный в совокупности территории геометрическими линиями, штат этот, без принадлежащей к нему морской земли Лонг-Айленд, имеет в общем почти правильную форму треугольника, касающагося Атлантического океана своей вершиной, Нью-Йоркским островом, и окаймленного вдоль основания двумя из Великих озер и рекой св. Лаврентия. Почва представляет скат, с одной стороны, к морю, частию по реке Гудсон, частию по рекам Делавар и Сусквеганна, с другой—к бассейну св. Лаврентия, либо прямо к большим озерам или к вытекающей из них великой реке, либо чрез посредство озера Чамплен. Главные возвышенности—гористое и озерное плато Адирондак и параллельные хребты цепи Катскиль. Поверхность страны представляет много плодородных местностей, а недра земли богаты рудными месторождениями и залежами строительного камня; но своим важным значением штат этот обязан двум большим естественным путям торговли: по реке Гудсон до реки св. Лаврентия через озеро Чамплен, и от озера Эри до слияния Могавка с Гудсоном. Нью-Йорк является естественным складочным местом для товаров, отправляемых через проходы с одной покатости на другую, и из этой первой выгоды вытекли все привилегии, поставившие этот штат во главе Северо-Американского союза. Совокупность народного богатства представляет там ценность, превосходящую сумму народного богатства всех южных штатов, взятых вместе. В эпоху образования федерации из тринадцати первоначальных колоний Нью-Йорк занимал лишь пятое место по численности населения, после Виргинии, Пенсильвании, Северной Каролины и Массачузетса; но с двадцатых годов настоящего столетия ему уже принадлежит первенство в этом отношении; однако, в последние десятилетия разница между Нью-Йорком и Пенсильванией уменьшилась в пользу этого последнего штата.

Место Нью-Йорка между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (49.170 кв. миль=127.350 кв. килом.)—29-е; по народонаселению 5.981.934 жит. в 1890 г.)—1-е; по километрической плотности населения (47 жит. в 1890 г.)— 6-е; по торговле (1.000.000.000 доллар., или более 5 миллиард. франк.)—1-е; по промышленности (1.800.000.000 долларов, или более 9 миллиардов франк.)—1-е.

Из всех стран атлантической покатости Empire State, «царственный штат», бывшее отечество ирокезов и могикан, сохранил наибольшее число индейцев. Остатки Шести Наций живут ещё становищами в области удлиненных озер, стекающих в озеро Онтарио через реку Освего; другой индейский участок земли (reservation), Сент-Реджис, находится на канадской границе. В 1890 году индейцев в племенах насчитывали в этом штате 5.304 души.

Большие города штата расположены вдоль естественных путей, разделяющих страну. В меридиальном поясе, соединяющем реку св. Лаврентия с лиманом Гудсона, образовались значительнейшие городские поселения,—Альбани с соседними городами и Нью-Йорк. Казалось бы, другой центр населения естественно должен был возникнуть в северной части этого пояса, но с этой стороны притягательная сила принадлежит Монреалю в Канаде, и гористое свойство местностей, между которыми заключены озера Чамплен и Джордж, не благоприятствовало возникновению первоклассного города; только летом там бывает большое стечение

публики в отелях и виллах островов и мысов; однако, транзитная торговля там весьма значительна (движение судоходства по озеру Чамплен в 1890 году: 1.082.250 тонн). Наиболее посещаемое место в треугольнике, очерченном верхним Гудсоном и его притоком Могавком,—городок Саратога-Спрингс: во время сезона собирается до пятидесяти тысяч приезжих в его колоссальных отелях. Двадцать восемь источников, соляных, серных, иодистых или углекислых, бьют там из земли, недалеко от маленького озера, которое индейцы называли Саратога, т.е. «Сельдяным». Уже Жак-Картье слышал, в 1535 г., о чудесной целебной силе этих вод, и первый белый, которого свели туда дружественные индейцы, получил там исцеление от недуга в 1767 г. Хотя местность эта не может похвалиться ни плодородием, ни живописностью, но мода требует, чтобы денежная аристократия приезжала летом в Саратогу выставлять на-показ свое богатство и роскошь; скачки там блестящее, чем на всяком другом ипподроме Америки; и не проходит ни одного сезона без того, чтобы не устраивалось в отелях этого модного дачного места нескольких конгрессов, политических, научных или иных. Прекрасная аллея, длиной около десяти километров, соединяет Саратогу с другим городом минеральных вод, Бальстон-Спа. Во время войны за независимость, в 1777 г., американцы захватили там в плен отряд генерала Бургойна.

Слияние Гудсона и Могавка отмечено плеядой городов, составляющих в действительности одно огромное городское поселение, с 200.000 жителей. На западе этой группы, первый город, Амстердам, носящий ещё имя, данное ему его основателями, голландскими колонистами, известен, как и его сосед с индейским именем, Шенектади,—«Засосновым лесом»,—своим маслом, хмелем и в особенности метлами. Когос (Cohoes), фабричный город, называемый иногда «Нью-Йоркским Манчестером», производит писчую бумагу, хлопчато-бумажные и шерстяные материи; в этом месте Могавк изливается в Гудсон водопадом, вся вода которого теперь перехвачена для службы мануфактур. К югу от слияния, города следуют один за другим в виде двойного прибрежного города, тянущагося верст на двадцать. Ватерфорд стоит на полуострове при слиянии, напротив Лансингбурга, с безчисленными виллами, рассеянными в тени лесов. Это прелестное местечко продолжается к югу, вдоль левого берега, многолюдным городом Троей, над которым господствуют, как над древней Троей, Ида и Олимп, скромные холмики, эксплоатируемые для ломки камня. Трое и её колоссальным фабрикам и заводам соответствует, на другой стороне реки, расположенная амфитеатром Западная Троя (West Troy). Затем идут, по восточному берегу, Бат и Восточный Альбани, Гринбуш, предместья пышной столицы. Три моста перекинуты через реку между городом и его восточными кварталами.

Альбани—старейшее поселение северных штатов: место для него было намечено уже в 1609 г., и пять лет спустя на этом берегу появилась голландская фактория: затем, в 1625 году, голландцы построили форт Оранский, который англичане, после завоевания края, перекрестили, дав ему нынешнее его имя, заимствованное из их королевской фамилии. «Дом штата» (State House), построенный в 1667 г.,—самое старое здание в Альбани, но сохранилось ещё несколько домов голландской постройки, с их причудливыми уступчатыми шпицами. Столица богатого штата не могла, конечно, не обзавестись музеями, важными коллекциями, высшими учебными заведениями, роскошным парком; в особенности потщилась она воздвигнуть прекрасный дворец для своего законодательного собрания,—гранитный памятник, стоивший слишком сто миллионов франков: в Соединенных Штатах он уступает размерами только вашингтонскому Капитолию и филадельфийской городской ратуше. Альбани—один из городов, руководящих американской политикою, и можно сказать, что он уже с 1754 года дебютировал в этой роли, так как в нём собирался конгресс колоний для обсуждения вопроса о соединении различных провинций, по плану, который впоследствии послужил образцом при составлении федеральной конституции. Как торговый и промышленный центр, Альбани обладает важными преимуществами, которые дает ему судоходство по Гудсону и каналу озера Эри: он лежит у самого входа этого большого торгового пути (движение судоходства по каналу Эри, в 1889 г.: 5.370.370 тонн). На набережных Альбани тянутся громадные груды бревен и досок. Главные промышленные заведения Нью-Йоркской столи-

цы—чугуннолитейные, пивоваренные и машиностроительные заводы, паровые мукомольные мельницы; в Западной Трое находится большой арсенал Ватерфлит, принадлежащий союзному правительству, а Троя, ещё более деятельная, почти всегда окутанная густым, скрывающим небо дымом, представляет из себя целый мир фабрик и заводов, изготовляющих самые разнообразные произведения, от гвоздей и математических инструментов до локомотивов и военных кораблей.

К югу от Альбани, на левом берегу реки, город Гудсон обозначает начало морского судоходства. В этом месте остановился кормчий, давший свое имя реке: песчаные мели, находящиеся выше по течению, заставили его бросить якорь. В прошлом столетии город этот имел торговлю, по крайней мере равную по размерам торговле Нью-Йорка; он обладал значительной флотилией, и арматоры его снаряжали суда для ловли китов. Напротив Гудсона высятся Кошачьи горы (Катскиль), усеянные деревнями и отелями, где в летнее время иногда скопляется более ста тысяч посетителей. Ниже, на правом берегу, два соединенных города, Кингстон и Рондаут, голландского происхождения, ютятся в долинке, у выхода канала, приносящего Гудсону уголь из долины Делавара. На скатах гор растет виноград, придавая этой части Гудсона некоторое сходство с Рейном; одна деревня носит имя Райнклифт («Утес на Рейне»). Покипси (Poughkeepsie), бывший Апокипсинк или «Надежная гавань» индейцев-могикан, сделался большим городом единственно благодаря своему положению на полдороге из Альбани в Нью-Йорк. Вдоль набережных его «надежного порта» всегда стоит ряд пароходов и парусных судов; кроме того, Покипси получил исключительную важность как пристань между Пенсильванией и Массачузетсом. Через реку построен мост, не особенно красивый в архитектурном отношении, средняя подъемная часть которого имеет 167 метров длины: тут проходят суда с пенсильванским углем, отправляемым в Новую Англию, так что теперь уже нет надобности сначала завозить грузы этого угля в склады Нью-Йорка. Построенный на террасе, высотой около пятидесяти метров над левым берегом реки, Покипси и сам доминируется парком и обширными зданиями Вассар-Колледжа, богатейшего университетского заведения, предназначенного специально для женщин.

Ньюбург, следующий за Покипси, но на противоположном берегу,—один из исторических городов Союза: Вашингтон распустил здесь армию после окончательной победы. На холме, преграждающем реку, к югу от Ньюбурга и Фишкиля, находится военное училище Вест-Пойнт, основанное в 1802 г.: все офицеры федеральной армии выходят из этой школы, одного из прекраснейших мест Америки, одного из тех мест, которые должны оставлять в памяти молодых людей наиболее прочное впечатление. К югу от Вест-Пойнта, река Гудсон выходит из ущелья возвышенностей Гайлендс, впадает в озеро Таппан, доминируемое на востоке школами и большой тюрьмой Синг-Синг, затем суживается у подошвы Палисад. На вершинах и скатах холмов рассеяны виллы: мы вступаем, в Йонкерсе, в пределы городского округа Нью-Йорка.

Новый Амстердам (Nieuwe Amsterdam) возник одновременно с фортом Оранским, в 1614 году, через пять лет после обследования реки Гудсоном. Крепостца и четыре домика, построенные на южной оконечности острова Мангаттан[1], между двумя лиманами речного устья,—таковы были скромные начатки «Царственного города», *Empire City*, который, вместе со своими предместьями, оспаривает теперь у Парижа второе место между большими городскими поселениями. Спустя двадцать лет маленькая голландская колония оградила себя барьером, построенным от берега до берега, на протяжении нынешней улицы Уоль-Стрит (Wall-Street), или «улицы Вала», сделавшейся финансовым центром Америки. Город рос медленно, так что когда, завоеванный англичанами, он переменил свое имя «Новый Амстердам» на «Новый Йорк», в нём насчитывалось не более двух тысяч жителей, но жители эти имели многочисленных потомков, известных под именем *knickerbockers*, которое Вашингтон

1 Маннагатанинк, по-делаварски, т.е. „остров пьянства“ („Collections of the New-Iork Historical Society“, 2 серия, т. I).

Ирвинг популяризировал, заимствовав от одной старинной фамилии; следы батавского влияния, долго сохранявшагося, говорят, до сих пор ещё проявляются в нью-йоркской аристократии.

В настоящее время собственно город Нью-Йорк, стесненный на своем острове, имеющем не более 4 килом. ширины в среднем, между рекой Гудсон и морским заливом, называемым Ист-Ривер (Восточная река) или Гарлемской рекой, должен был разростаться в длину в северном направлении. За беспорядочным лабиринтом улиц нижнего города, правильные участки, разделенные параллельными улицами, следующими одна за другой от первой до сотой и до двести-двадцатой, но пока ещё не застроенные в один сплошной город, перешли за низменные южные земли, затем за центральные гранитные холмы и, перекинувшись через лиман Ист-Ривер, захватили полосу материка до реки Бронкс. Таковы оффициальные пределы «Царственного города», охватывающие пространство в 109 квадр. километров и заключающие в себе несколько городов, которые должны скоро слиться в один: Мотгавн, Северный Нью-Йорк, Мельроз, Морризаниа, Тремонт, Фордгам и другие. Связанные с нью-йоркской аггломерацией города занимают гораздо более значительную площадь. Особенно на востоке, на Лонг-Айленде, население, располагая обширным пространством вдоль Ист-Ривера и Нью-Йоркской бухты, могло широко раскинуться: Лонг-Айленд-Сити и, южнее, другой Нью-Йорк, Бруклин, бывший Брекелен голландцев, занимают большую часть западного носа «Длинного острова», между Атлантическим океаном и проливом Хелль-Гэт, или «Ворота Ада». По другую сторону, на правом берегу Гудсона, несколько городов, принадлежащих политически к штату Нью-Джерсей, но живущих совершенно той же жизнью, как и Нью-Йорк, выстроились вдоль реки, от основания Палисад до устья Гудсона: это—Вигавкен, Гобокен, Джерси-Сити, которые, благодаря своим огромным железнодорожным станциям и складочным магазинам, с обширной сетью рельсовых путей, сохранились в виде отдельных городов. К югу от устья, низменный полуостров Берген разделяет две бухты, Нью-Йоркскую и Ньюаркскую, из которых последняя соединяется с лиманами Гаккензака и Пассека: и здесь тоже возникли новые города на болотах, Гринвиль и Байона, имя которой, вероятно, произошло путем искажения прежнего названия Павония, данного голландцем Михаилом Паув[1]; подобно тому, соседний ручей, на западе Статен-Айленда, называвшийся по-голландски Ахтер-Киль, или «Задний поток», превратился у американцев в *Arthur's Kill*, т.е. «Артуров ручей»[2]. Поток Кильван-Куль, скорее ручей, чем канал, отделяет Байону от острова Статен-Айленд, окружность которого, усеянная деревнями и дачными местами, тоже принадлежит, если не административно, то фактически к исполинскому городу.

Специальная коммиссия законодательного собрания обсуждает вопрос о соединении в одну общину, пространством около 824 квадр. километров, Нью-Йорка, Бруклина и других городов и предместий, которые, в пределах этого штата, тяготеют к торгово-промышленному центру острова Мангаттан: вследствие политических препятствий, города нью-йоркской аггломерации, лежащие в штате Нью-Джерсей, остались бы вне черты этого будущего громадного города. Проект этот, однако, вызывает энергические возражения, особенно со стороны Бруклина, который не хочет согласиться на утрату своей городской индивидуальности: дурное общественное управление Нью-Йорка, вошедшее в пословицу в Соединенных Штатах, не таково, чтобы могло соблазнить соседние города (долг города Нью-Йорка в 1889 году простирался до 730.470.000 франков): от этого муниципального слияния они приобрели бы только пустую выгоду принадлежать ко второму, по числу жителей, городу в свете; но соединение, тем не менее, существует фактически (*с 1 янв. 1898 г. оно установлено и законодательным актом*). В 1891 г., аггломерация Нью-Йорк—Бруклин—Джерси-Сити, вместе с пригородами и предместьями до берегов Пассека и Статен-Айленда, заключала в себе не менее 3.250.000 жителей. По переписи 1890 года, собственно город Нью-Йорк оказался населенным 1.513.000 лицами; но поверка результатов переписи, произведенная два месяца спу-

1 См. карту Палерета, изданную в 1765 г.

2 Jacques W. Redway, рукописные заметки.

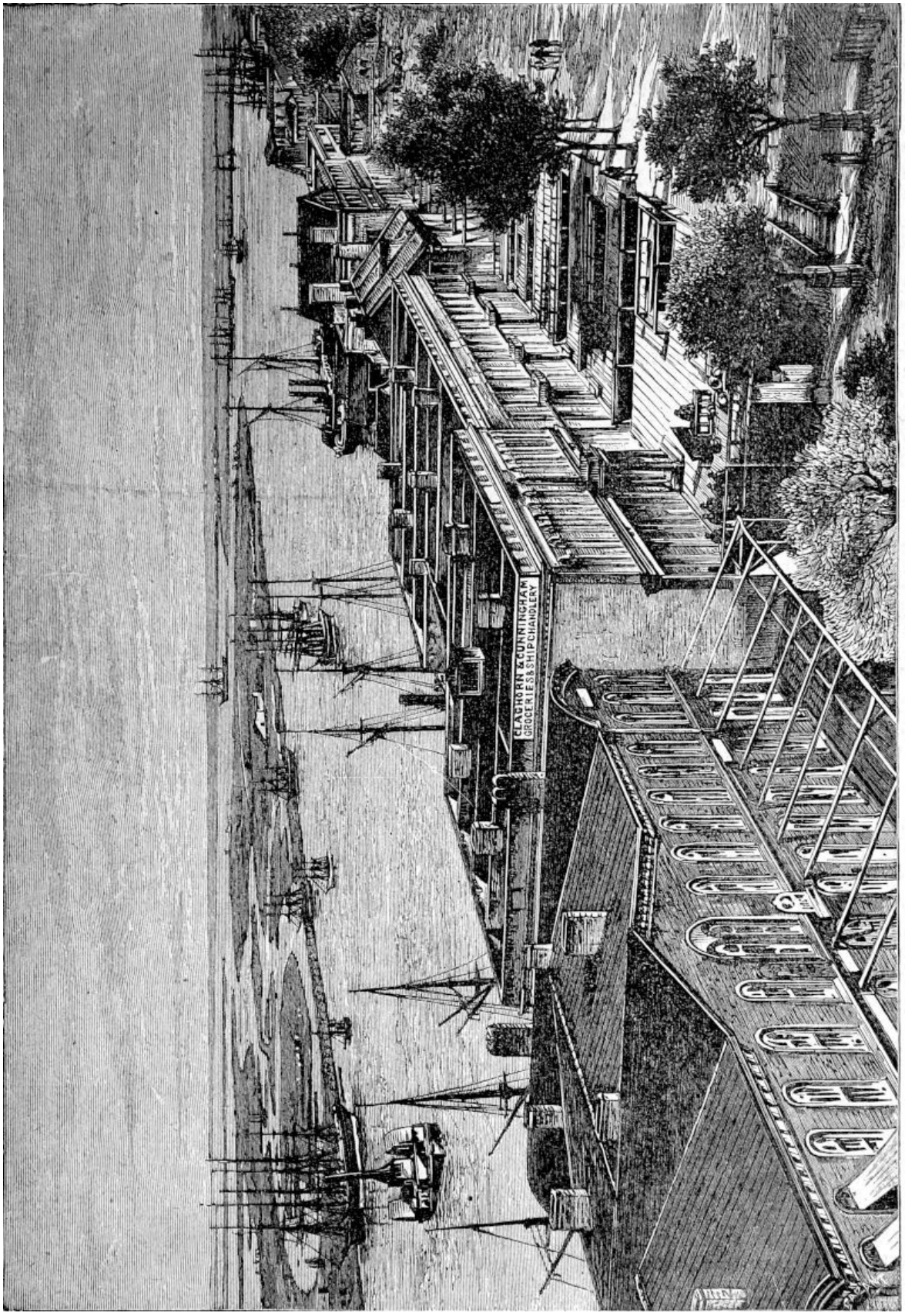
стя стараниями муниципалитета, обнаружила, что городское население превышало 1.700.000 душ (в начале 1898 г.—около 2 миллион.).

Нью-Йорк представляет величайшие контрасты в различных своих кварталах. Старая часть города, заключающая в себе несколько исторических памятников и каменные громады новейшей постройки, в десять, пятнадцать и даже двадцать этажей,— это темный лабиринт, где днем копошится толпа негоциантов, капиталистов и их служащих, а ночью остаются только сторожа, и в соседстве—массы бедняков, гнездящихся в невзрачных домишках, разделенных на *tenements*, или «меблированные квартиры». Прилегающие к реке грязные улицы также проходят по нездоровым кварталам, с банальными домами, предшествуемыми амбарами и длинным рядом закоптелых доков разной величины и формы, построенных без всякого общего плана. Главная улица, Бродуэ или Бродвей, т.е. «Широкая дорога», начинается в нижнем городе, пересекая сначала наискось шахматную доску четыреугольных островков, затем направляется на северо-восток, следуя по оси о. Мангаттан. Это—монументальный проспект торгового Нью-Йорка; но за тенистой площадью, бывшей прежде кладбищем бедного люда, Поттерс-Фильд, к Бродвею примыкает другая «Широкая дорога», как главная улица: «Пятый проспект» (Fifth Avenue), продолжающийся по прямой линии, до северной оконечности Нью-Йорка на протяжении десяти километров. Бульвар этот богатое купечество выбрало исключительно, чтобы воздвигать там свои пышные дворцы из мрамора, гранита, красного песчаника или другого декоративного камня, одни—украшенные статуями и барельефами, другие—убранные орхидеями и другими редкими растениями, задрапированные японским плющом, ползучей лианой, которая колеблется от ветра, открывая на половину детали архитектуры. В то время как многие другие улицы были превращены воздушными железными дорогами в полу-подземные галлереи, Пятый проспект ещё не так давно допускал только элегантные экипажи. Однако, и в эту так ревниво оберегаемую улицу-аллею начинает врываться струя торговой жизни: с юга на север, отели, рестораны, магазины мало-по-малу заменяют роскошные палаты негоциантов. Между зданиями есть истинно прекрасные, и некоторые улицы, между прочим, проспект Мадисон, представляют вид, вполне удовлетворяющий взор; нет ни одного архитектурного мотива Европы и Востока, классического или современного, романского, готического, эпохи Возрождения, или персидского, который не был бы имитирован нью-йоркскими строителями, и иногда с успехом. Самое красивое здание Нью-Йорка и одно из обширнейших— собор св. Патрика, весь из белого мрамора. Более тысячи других храмов рассеяно в разных частях Нью-Йорка и Бруклина, специально прозванного *City of the Churches*, «Городом Церквей»,—название, которое, впрочем, можно бы применить ко всем городам Северо-Востока: там не редкость насчитать одну церковь на каждую тысячу жителей.

Двухмиллионное население, скученное в собственно Нью-Йорке, не смешалось однообразно во всех частях города. Подобно тому, как существует разделение классов между грязными закоулками и пышными проспектами, так точно замечается известное распределение, по кварталам, различных национальностей. Немцы в силе на обширных пространствах в Нью-Йорке и в Бруклине; французы и итальянцы, хотя малочисленные в сравнении с германским элементом, тоже имеют свои улицы; евреи, бедняки, в числе около 80.000 душ, обитают вблизи нижнего города, на восточной стороне, тогда как их более счастливые братья группируются в верхнем Нью-Йорке, недалеко от центрального парка. Негры скучены на западе, возле доков, где производится нагрузка товаров, а китайцы гнездятся рядом с еврейской беднотой, в соседстве главной квартиры полицейского управления. Что касается ирландцев, то их можно встретить повсюду; благодаря своему долгому союзу с господствующей в Нью-Йорке политической партией, они издавна почти монополизировали низшие, но доходные должности на службе городского общественного управления.

Будущей срединой Нью-Йорка сделается «Центральный парк», длинный четыреугольник лугов, лесов, скал и водных площадей, сохраненный между параллельными проспектами: он занимает пространство в 345 гектаров, и, гуляя в нём, можно бы было воображать

себя в настоящей деревне, если бы не слышался гул с окружающих улиц. К парку примыкает великолепный водопровод Кротона, реки, перехваченной в 64 километрах к северу от города и задерживаемой в громадных искусственных резервуарах: все эти сооружения, име-

Городъ Савапна.

ющие назначение доставлять свыше двух миллионов гектолитров воды в день,—плотины, озера, акведуки и сифоны,—поражают колоссальностью своих размеров; приводная подземная галлерея, где течет вода Кротона, имеет 46 километров длины. Прекрасный мост переки-

нут через Гарлемскую реку между городом и материком; туннель, заключающий в себе другую питательную трубу, проходит в каменном ложе, под той же рекой. Но, к сожалению, не были приняты своевременно меры к ограждению верхних резервуаров от вторжения промышленности, и теперь присоседившиеся к ним многочисленные заводы и фабрики загрязняют воды водопровода, к великому вреду для общественного здравия (общая вместимость Кротонских резервуаров в 1891 году: 1.883.700 кубич. метров в день). Теперь подумывают о снабжении города более чистой водой из нью-джерсейских озер, для проведения которой потребуются ещё более грандиозные работы, чем сооружения Кротонского водопровода. Что касается системы удаления нечистот, то она крайне неудовлетворительна. Нечистоты громадной нью-йоркской агломерации, совершенно пропадающие для земледелия, по-просту выбрасываются в море: ночные суда вывозят их за проходы. По правилам, место подводной свалки находится в двенадцати километрах от Санди-Гук и в пяти километрах к югу от Лонг-Айленда; но часто случается, что мусорщики опоражнивают свои суда ближе к порту, и при том, даже на установленном расстоянии, волны подхватывают значительную часть органических остатков и выбрасывают их на пляжи, где четыре месяца в году бывает большое стечение купальщиков.

Нью-Йорк и Бруклин принадлежат к числу городов, где сообщения совершаются с наибольшей быстротой. На главных проспектах или бульварах, ориентированных в Нью-Йорке с юга на север, а в Бруклине с запада на восток, железные дороги, поднятые на высоких помостах с колоннадами, носят поезда, следующие один за другим через промежутки в несколько минут и беспрестанно ходящие взад и вперед между внешними кварталами и торговым центром, прилегающим к порту. Кроме этих различных городских линий, перевозящих ежедневно около миллиона пассажиров, другие линии рельсов, уложенных на земле, даже между колоннадами воздушных железных путей, пробегаются вереницами вагонов, буксируемых неподвижными машинами, и в тех же улицах ходят ещё многочисленные омнибусы, принадлежащие разным, конкуррирующим между собой, компаниям. На реке громадные паровые паромы-суда, которые вечером кажутся плавучими светящимися пирамидами, постоянно перемещаются в виде подвижных улиц, от одного берега до другого. Но для сообщения с внутренней частью континента, Нью-Йорк, по причине своего островного положения, не имеет пока ещё тех удобств, какими располагают в этом отношении другие большие города Америки: в нём существует всего одна центральная железнодорожная станция, снабженная совершенно недостаточными параллельными путями и сообщающаяся с материком лишь посредством разводного моста, который по нескольку часов в день бывает открыт для пропуска судов. Другие большие конечные станции находятся вне Нью-Йорка, на правом берегу Гудсона, в Гобокене и Джерси-Сити.

Несколько мостов соединяют остров Мангаттан с твердой землей через узкий северный поток, называемый Гарлемской рекой. Но на соседних с портом морских рукавах существует пока ещё только один путевод, правда, гигантских размеров: висячий мост, построенный по плану Реблинга, между Нью-Йорком и Бруклином. Целых тринадцать лет, с 1870 по 1883 г., работали над этим исполинским сооружением, покоящимся на двух быках и представляющим центральный пролет в 436 метров длиной. Из двух устоев, утвержденных на камне под слоем ила Ист-Ривера, один имеет 15, другой 27 метров вышины. Суда с мачтами в 40 метров вышиной свободно проходят под мостом, общая длина которого, с апрошами, 1.825 метров. Огромные проволочные канаты поддерживают в одно и то же время платформу для пешеходов, два боковых пути для экипажей, два других пути для кабельной железной дороги, поезда которой утилизируются каждый час двадцатью тысячами пассажиров в обоих направлениях. Теперь проектируется постройка другого такого же моста севернее на том же заливе; инженеры предлагают, кроме того, ещё гораздо более грандиозное сооружение—построить через реку Гудсон висячий мост, имеющий в среднем пролете 872 метра длины. С 1874 г. работают также над прорытием железно-дорожного туннеля, который пройдет под портом, между Нью-Йорком и Джерси-Сити, но в 1891 г. работы приостановились в соседстве восточного берега. В этом месте скала приближается к илистому руслу, и строители

испугались больших расходов, которых потребует пробитие каменной массы.

Город по преимуществу торговый и промышленный, Нью-Йорк, как центр науки и искусства, конечно, стоит ниже своего соперника Бостона; однако, и он имеет высшие учебные заведения, Columbia College, один из главных университетов Америки, и Stevens Institute (на берегу Нью-Джерси), где курс наук соответствует курсу французской Политехнической школы. Различные библиотеки Нью-Йорка, Асторова, Леноксова, Коммерческая (Mercantile Library), обладают, особенно две первые, драгоценными сочинениями, относящимися до истории Америки; находящийся в Центральном парке музей изящных искусств, уже слишком тесный для собранных в нём сокровищ, очень богат картинами мастеров новейшего времени, особенно художников французской школы; он заключает в себе также знаменитую коллекцию древностей, собранную на острове Кипре археологом Чеснола. Недалеко от музея стоит египетский обелиск, одна из двух «игол», которые Клеопатра велела перевезти из Гелиопольского храма в свою резиденцию—Александрию. Другая Клеопатрина «игла», лежавшая на песке, на берегу моря, была перевезена в Лондон и поставлена на набережной Темзы.

Порт Нью-Йорка представляет обширный бассейн, площадью в сотню квадр. километров, продолжающийся на север двумя лиманами Гудсона и Ист-Ривера; неглубокий канал Киль-ван-Куль соединяет порт с Ньюаркской бухтой, доступной только мелко сидящим судам, и через которую при входе перекинут железно-дорожный мост длиной около 2 километров. Северная часть Нью-Йоркской бухты усеяна островами, из которых значительнейшие: Говернорс-Айленд, где некогда, в самом деле, имел пребывание губернатор Нидерландской колонии; Эллис-Айленд, где построено громадное здание для приема эмигрантов, часто прибывающих в числе десяти тысяч душ зараз: Бедлос-Айленд, где находится крепостной верк, теперь простая куртина у основания пьедестала, на котором высится статуя освещающей мир богини «Свободы»,—колоссальное произведение скульптора Бартольди, преподнесенное в подарок американскому народу французской нацией. Проход, называемый «Теснинами» (Narrows), соединяет внутренний порт с большим рейдом или Нижней бухтой, которая выделяет из себя на западе бухту Раритан и Амбойские порты, и представляет столь же обширную гавань, как и внутренний бассейн: но канал, ведущий в этот великолепный лиман, не имеет естественной глубины, достаточной для самых больших судов, и потому приходится каждый год расчищать дно его землечерпальными машинами, чтобы поддерживать глубину воды от 8 до 9 метров при отливе. Он поворачивает почти под прямым углом на западе от Санди-Гук и круто огибает этот песчаный мыс, чтобы достигнуть открытого моря: другой проход, менее глубокий, направляется прямо от Теснин к Атлантическому океану. Но «Теснины»—не единственный вход в Нью-Йоркский порт.

Лонг-Айлендский канал, суживаемый на западной его оконечности лабиринтом островов и полуостровов, оканчивается извилистым проходом, который, соединяясь с Гарлемской рекой, образует Ист-Ривер или «Восточную реку»: проход этот, Хелль-Гэт, т.е. «Ворота Ада», назван так за его водовороты и подводные камни, о которые разбились сотни судов, увлеченных кружащимся течением. Инженеры разрушили многие из этих скал при помощи взрывчатых веществ, помещенных в подводных галлереях, из которых одна была поддерживаема 172 столбами. Во время зажигания главной мины, взрыв, посредством электричества, огромного заряда,—124.000 килограммов пороха и динамита,—произведенный прикосновением руки ребенка, ожидался жителями Нью-Йорка с некоторым страхом; но ничего ужасного не случилось, когда исполинский сноп воды, поднимая массу разбитых камней по меньшей мере в 200.000 кубич. метров, взлетел на высоту 90 метров, чтобы затем упасть обратно в пролив. Однако, дело не кончено, и проход «Адские Ворота», имеющий от 7 до 8 метров глубины, всё ещё не доступен для больших океанских кораблей. Оба входа в Нью-Йоркскую гавань защищены фортами; один из этих фортов, на восточном берегу Теснин, форт Лафайет, теперь почти разрушенный, служил местом заключения государственных преступников во время междоусобной войны.

Нью-Йоркский порт один производит более половины всего торгового обмена Соединенных Штатов; благодаря этой обширной торговле, Нью-Йорк и сделался важнейшим городом Северо-Американского Союза. Соединенные Штаты обращены лицом к Европе так же, как Россия глядит на запад, и по одной и той же причине в обоих великих государствах два главных города занимают сходное положение, так сказать, у окна своего необъятного жилища. Обороты внешней торговли Нью-Йоркского порта в 1891 году выразились цифрой 907 миллионов доллар.

Две трети привоза республики и почти половина вывоза сосредоточиваются в этом главном американском порте: несравненный торговый путь, открываемый в западном направлении рекой Гудсон, каналом Эри и Великими озерами, дает Нью-Йорку роль общего распределителя товаров. Большая часть сырья, ввозимого из-за границы, обрабатывается на месте в мануфактурах всякого рода, которыми обладает нью-йоркская агломерация. Кроме того, эмигранты почти все направляются к Нью-Йоркскому порту, и большие трансатлантические пакетботы избирают пристанью преимущественно остров Мангаттан: случалось, что в один и тот же день отходило в Европу до девяти пассажирских пароходов.

Эмигрантов, высадившихся в Н.-Йорке в 1890 г.: 405.664, в 1893 г.: 372.138. Пассажиров, привезенных в Н-Йорк в 1890 г. трансатлантическими пароходами: каютных 99.189; палубных 371.595; всего 470.784 чел.

Но это громадное торговое движение производится почти исключительно посредством иностранных судов; американский флаг один из тех, которые всего реже можно увидеть развевающимися в части порта, отведенной для внешней торговли. Доля участия флагов различных наций во внешней торговле Нью-Йорка представляла в 1890 г. следующее процентное отношение: английский флаг—51,5 проц.; американский—15; других наций—33,5.

Что касается торговли с внутренними рынками по реке Гудсон, то перевозка грузов в этом сообщении принадлежит всецело американскому флагу, и доля эта такова, что, прибавляя её к движению морского обмена, она ставит Нью-Йоркский порт на первое место между портами всего света. Ни Лондон с своей Темзой, ни Ливерпуль с своим Мерсеем не могут меряться с лиманом Гудсона.

Движение морского судоходства, по заграничной торговле, в Нью-Йоркском порте, в 1890 г.: прибыло—5.407 судов, вместим. 6.258.222 тонн; вышло—4.947 судов, вместим. 6.025.518; вместе—10.354 судов, вместим. 12.283.740 тонн.

Движение речного судоходства по Гудсону, между Альбани и Нью-Йорком, в 1890 г.: 18.582.596 тонн. Общая сумма морского и речного тоннажа: 30.866.336 тонн.

Впрочем, колебания торговли, происходящие вследствие открытия новых железных путей, изменения таможенных и фискальных законов, часто перемещают ту или другую отрасль торговли, к выгоде или к невыгоде Нью-Йорка: так, он не ввозит более кофе и в большой мере утратил свою прежнюю важность как экспедиционный порт для хлебных грузов (вывоз хлеба из Нью-Йоркского порта: в 1880 г., 40.800.000 гектолитр.; в 1889 г., 13.780.000 гектол.). Дулут и Чикаго, с одной стороны, Балтимор, Норфольк, Ньюпорт-Ньюз, с другой, теперь непосредственно отправляют свои товары за границу.

Многочисленные парки окружают исполинский город: Риверсайд, на самом острове Мангаттан, представляет, с вершины своего холма, где помещена гробница генерала Гранта, чудный вид на реку Гудсон и Палисады. В соседстве реки Бронкс обширное пространство лесов, холмов, озер и скал обращено в парк; другой, Пельгам-Бай-Парк, раскинут вдоль вод пролива Лонг-Айленд; Проспект-Парк составляет славу и гордость Бруклина. Кладбища, особенно Вудлонское, на материке, и Гринвудское, на острове Лонг-Айленд, с их тенистыми аллеями, извивающимися по косогорам, тоже представляют великолепные места прогулки. Из всех увеселительных мест, куда по воскресеньям устремляется, десятками тысяч, население Нью-Йорка и Бруклина, самое оживленное—Кони-Айленд, песчаный пляж, тянущийся полукругом в юго-западном углу Лонг-Айленда и отделенный от этого большого острова только болотистым потоком. Из его павильонов и бельведеров можно следить взором за ве-

реницами судов, плывущих по извилистому каналу между Нью-Йорком и открытым морем. Отели Кони-Айленда и Роккавая, соединенные с Бруклином железными дорогами, тянутся непрерывным рядом по берегам лимана на несколько верст, и в праздники до двухсот тысяч посетителей из низшего и среднего класса толпятся в ресторанах и театрах пляжа. Город французского происхождения, Нью-Рошель или «Новая Рошель», основанный в конце семнадцатого столетия, на северном берегу пролива Лонг-Айленд, беглецами-протестантами, также принадлежит к числу окрестностей Нью-Йорка, как летняя резиденция; до войны за независимость реестры Новой Рошели велись на французском языке[1]. Член конвента Томас Пэн скончался в этой колонии гугенотов, в 1809 г. Нью-Рошель находится в каменистой местности: чтобы избавиться от гранитных валунов, каждый поселянин построил толстую стену из камней вокруг своего поля. Но сколько утесов, отдельных скал и больших камней высятся ещё среди листвы, на берегу и в соседних водах! Один из этих морских холмов, Глен-айленд, принадлежит к числу излюбленных увеселительных мест в окрестностях Нью-Йорка.

Гудсонский водный путь, которому Нью-Йорк обязан своим процветанием, дополняется путем реки Могавк, идущим из озера Эри. Порт Буффало, названный так от бизонов, которые некогда паслись в пустынях, усеянных теперь человеческими муравейниками, находится на западной оконечности судоходного канала, соединяющего бассейн Гудсона с бассейном Великих озер; и вдоль этого пути и сопровождающих его железных дорог возник целый ряд многолюдных городов. Буффало построен на восточном берегу озера Эри, в том месте, где река Ниагара выходит быстрым, прозрачным потоком, чтобы раздвоиться вокруг острова Гранд-Айленд, затем низвергнуться двойным водопадом в глубокое, вырытое её водами ущелье. Искусственный островок посреди реки указывает место башни водопровода, снабжающего чистой водой жителей Буффало. Вокзалы, складочные магазины, элеваторы и другие большие здания, окруженные густой сетью рельсов, наконец, канал Эри отделяют город от озерных и речных берегов: только на севере аллеи парка идут вдоль Ниагары, продолжаясь к востоку великолепными бульварами, которые тянутся на 16 километров. Прекрасный международный мост проходит через реку между Блек-Рок, северной частью города, и канадским берегом. Основанный в 1801 г., Буффало вначале имел только стратегическое значение, как охранитель границы против англичан и индейцев; но он быстро сделался большим городом и торгово-промышленным центром со времени открытия канала из озера Эри, в 1825 г. Канал этот проходит мимо города Тонаванда, откуда боковая ветвь ведет к безобразным заводским постройкам в Ниагара-Фольс, помещенным против знаменитого водопада. Спекулянты Буффало замышляют профанировать ещё более эту грандиозную картину природы, установляя там машины для производства нужной их фабрикам двигательной силы.

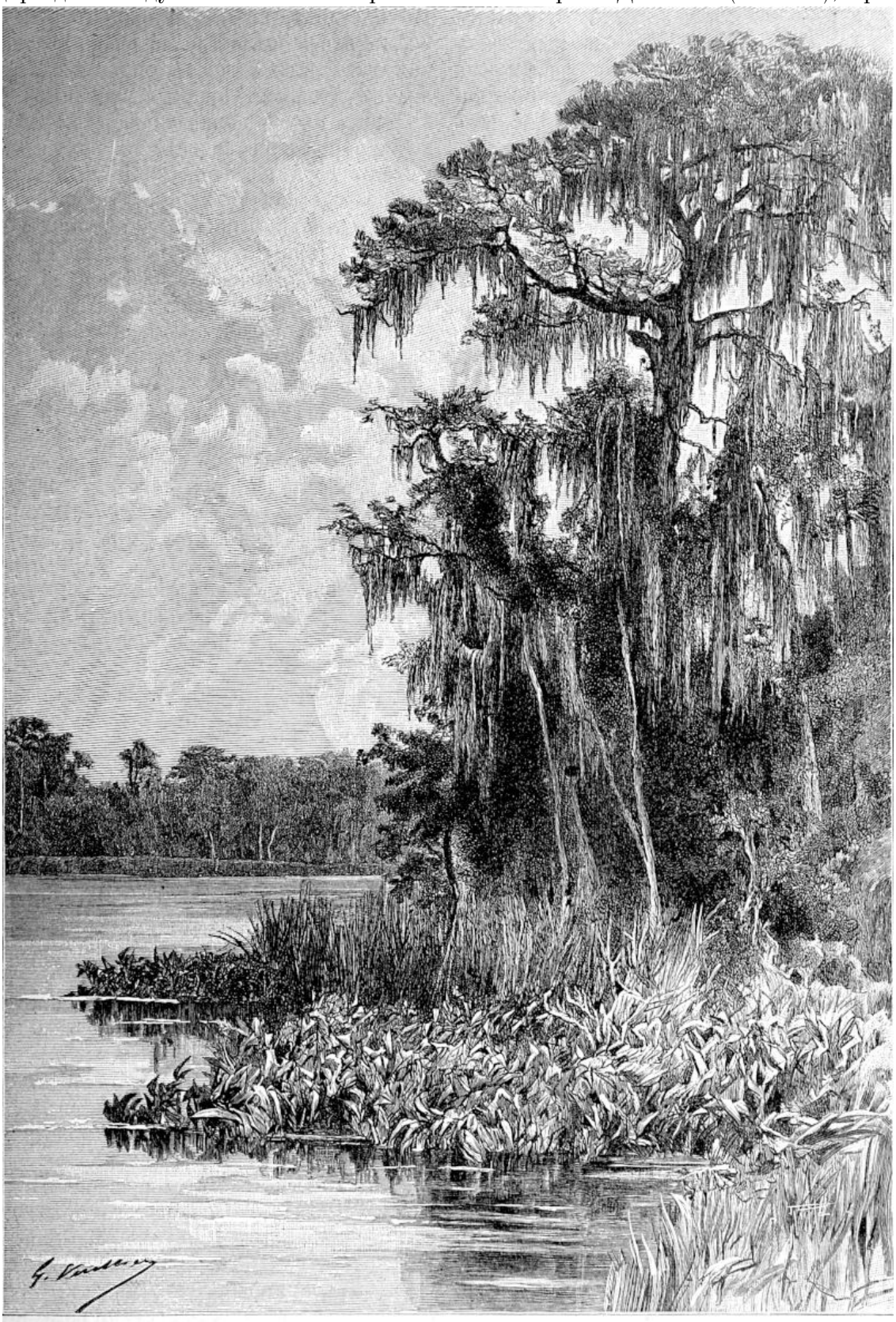
Движение судоходства в порте Буффало, по внешней торговле, в 1890 г.: 1.936 судов, общей вместимостью—285.120 тонн; движение каботажа—6.730.137; в Тонаванде—1.046.895.

Гораздо менее важен, чем порты Буффало на Эри и Ниагара на Онтарио (движение судоходства в порте Ниагара, по внешней торговле, в 1890 г.: 1.721 судно, вместим. 495.916 тонн), порт Дэнкерк, лежащий в сотне километров к юго-западу, на бухточке озера Эри. В соседстве этого города, с разбросанными домами, находится деревня Фредиона, приобревшая известность в геологии своими колодцами натурального газа, который долго употребляли для освещения улиц, прежде чем пришли к мысли исследовать глубины почвы в долинах реки Аллегени и заставить оттуда бить ключем силу и свет. Дальше, к юго-западу, различные городки и группы вилл рассеяны вокруг озера Чотоква, по которому некогда скользили пироги индейцев-эриев или «Котов». Одно из живописнейших мест на берегах этого озера было выбрано резиденцией для «летней школы философии», каникулярного колледжа, куда студенты-любители стекаются, иногда в числе нескольких тысяч человек, слушать лекции знаменитейших профессоров американских университетов; луга, окружающие отель, покры-

1 Glardon, рукописные заметки.

ты рядами палаток, разбитых для многотысячной толпы слушателей.

Локпорт, «Порт при Шлюзе», в сорока километрах к северо-востоку от Буффало, занимает водораздел между бассейном Ниагары и бассейном реки Дженисси (Genesee); Эрийский

Видъ на рѣкѣ Сильверъ-Спрингъ.

канал спускается тут пятью двойными шлюзами с 17 метров общей высоты: падение воды вызвало к жизни многочисленные фабрики и заводы, особенно мукомольные мельницы, по обилию которых этот город заслуживал бы прозвища *Flour City*, «Мучной город», чаще дава-

емого метрополии Джениси, Рочестеру. Основанный в 1812 г., этот последний город быстро вырос, вследствие открытия канала, уносящего к Нью-Йорку произведения окрестной местности: лес, превосходную пшеницу в зерне, крупчатку, кусты и цветы из тамошних питомников и садов (движение судоходства в Рочестерском порте, по внешней торговле, в 1890 г.: 1.526 судов, вместимостью 335.743 тонны); но, главное, он сделался очень деятельным мануфактурным центром, благодаря водопадам Джениси, принадлежавшим некогда к числу красивейших зрелищ в Америке, но теперь перехваченным, прерываемым всякого рода постройками и замечательным только по громадному труду, совершаемому в этом мире фабрик, следующих одна за другой длинным рядом вдоль реки. В этом месте Джениси образует три водопада, также как у Портэджа, другого промышленного города, лежащего в нескольких километрах выше по течению: через Портэджскую теснину перекинут мост на высоте 71 метра над пропастью, напротив верхнего водопада. Ниже Рочестера, Джениси, протекая по дну ущелья в сто метров, вырытого им самим в горной породе, спускается к озеру Онтарио; деревня Шарлота, пристань Рочестера, расположена при устье этой реки, на западном берегу.

Область озер, принадлежавшая Шести Нациям, изобилует многолюдными городами, сменившими «длинные хижины» ирокезов, водворенных ныне в оставленных им тесных участках земли. Женева, лежащая, как и её швейцарская тезка, на нижней оконечности озера Сенеки, хвалится своими виллами, прекрасными бульварами, садами; Итака, на южной оконечности озера Каюга, опоясывает основание обширных зданий Корнелевского университета, высшей школы, богато одаренной негоциантом, имя которого она носит; Оборн, у выхода озера Оваско, на порогах его истока,—город промышленников и камнеломов, доминируемый скалой, на которой находятся остатки индейских укреплений; оборнская целлюлярная тюрьма послужила образцом для многих других мест заключения в Старом и Новом Свете. Сиракузы, при впадении речки Онондага в озеро того же имени, раскинул свои улицы и бульвары на обширном пространстве: это—«Соляной город» и в то же время большой торговый центр и местопребывание университета. Прежде половина всего потребляемого в Соединенных Штатах количества соли получалась из болот, окаймляющих озеро Онондага и приобретенных штатом Нью-Йорк в собственность с 1795 года; и теперь ещё они доставляют пятую часть этого количества: целый ряд солеварен, с каналами и железными дорогами, выстроился на низменных лугах, к северу от города (добыча соли в Сиракузах: в 1862 г., 3.291.083 гектол.; в 1887 г., 2.070.422 гектол.). Индейцы Онондага или «Горцы», знавшие о богатстве своих соляных болот, оставили в крае около трехсот потомков, которые владеют «наделом» к югу от Сиракуз. Встарину на восточном берегу происходили заседания генеральского совета Шести Наций. На востоке, на берегах озера Онейда, нет больших городов; но деревня Онейда, основанная на месте, где прежде стояли индейские вигвамы, хорошо известна как резиденция «перфекционистов»; теперь от этой общины остался только торговый дом для производства и продажи коровьего масла, плодов и овощей.

Освего, порт Сиракуз, образуемый устьем реки Освего, каналом истечения, соединяющим все притоки ирокезских озер,—самый значительный город Соединенных Штатов на берегах озера Онтарио; это—бывший французский пост, часто переходивший из рук в руки во время пограничных войн; прорытие соединительного канала с главным Эрийским каналом сделало его главным путем для ввоза хлебных продуктов и вин из Канады. Порт его хорошо защищен молами, и предлагали сделать из него конечный бассейн большого судоходного канала, который соединялся бы с Нью-Йоркским портом через реки Могавк и Гудсон, представляя свободный проход морским судам.

Движение судоходства в порте Освего, по внешней торговле, в 1890 г.: 3.658 судов, вместимостью 684.000 тонн; движение каботажа: 691.118 тонн.

Другой порт на озеро Онтарио, Саккетс-Гарбор, недалеко от выхода озера через лабиринт «Тысячи островов», гораздо менее деятелен, несмотря на его выгоды, относительно глубины и безопасности: слишком удаленный от торговых путей, он изображает из себя нечто в роде

глухого закоулка. На реке св. Лаврентия, выше порогов Длинного Водопада, нью-йоркский город Огденсбург, бывший «fort de le Presentation», также мог приобрести некоторое значение только как транзитный пункт: торговое движение этой области направляется к канадскому Монреалю, лежащему на реке при начале морского судоходства. Движение судоходства в Огденсбурге в 1890 г.: 1.220 судов, общей вместимостью 197.020 тонн.

Между Сиракузами, центральным городом Нью-Йоркского штата, группой городов, скученных вокруг Альбани, его столицы, существует ещё, в низменности, куда некогда изливался излишек вод озера Онтарио, два важных промышленных центра—Рим и Утика; этот последний город всего чаще выбирают как исходный пункт для поездок на прославленные Трентонские водопады, в Северные Адирондакские горы, на «Тысячу островов» и на берега реки св. Лаврентия. Два других многолюдных мануфактурных города, Эльмира и Бингамтон, являются этапными пунктами на прямой железной дороге из Нью-Йорка в Буффало через верхнюю долину Суксвеганны. Эльмира, на реке Чемунг, расположена в соседстве необыкновенно живописных оврагов или *glens* Ваткинс, открывающихся на южной оконечности озера Сенека; Бингамтон при слиянии Сусквеганны и Ченанго, служит складочным местом и рынком для соседних богатых копей каменного угля.

Важнейшие города штата Нью-Йорк, с цифрой их населения в 1890 г.: Нью-Йорк (по оффициальной переписи: 1.515.301 ж.)—1.710.715 жит. (в начале 1898 г.—около 2 миллионов); Бруклин и Лонг-Айленд-Сити—836.819; Буффало—255.664; Рочестер—133.896; Альбани, с Батом, Гринбушем (Восточн. и Северн.)—109.163; Сиракузы—88.143; Троя, с Ватерфлитом и Западной Троей,—85.665; Утика—44.007; Бингамтон—35.005; Ионкерс—32.033; Эльмира—30.893; Оберн—25.858; Ньюбург—23.087; Покипси—22.836; Когос—22.509; Освего—21.842; Кингстон—21.261 ж.

8. Нью-Джерсей

Штат Нью-Джерси или Нью-Джерсей, заключающийся между двумя реками «Севера» и «Юга», Гудсоном и Делаваром,—один из самых малых между первоначальными колониями, но и один из первых по относительной плотности населения. Три главные железнодорожные линии, соединяющие Нью-Йорк с Филадельфией, проходят по средине его территории и обогащают его, как естественный округ двух названных метрополий; кроме того, штат этот, благодаря более льготным фискальным законам сравнительно с нью-йоркскими, сделался оффициальным местопребыванием многочисленных финансовых компаний, конторы которых в действительности находятся по другую сторону Гудсона. Самые многолюдные города Нью-Джерсея представляют из себя либо простые предместья соседних городов, как Джерси-Сити и Камден, либо городские поселения, тяготеющие к Нью-Йорку или Филадельфии по своему населению, торговле и промышленности. Десятки тысяч жителей Нью-Джерсея бывают таковыми только ночью, день же проводят по делам в заречных метрополиях. Нью-Джерсей есть также естественный округ двух соседних больших городов, как дачная местность: холмы северной части штата и живописные долины его рек усеяны виллами и дачами нью-йоркцев; летом массы горожан толпятся на его пляжах. Плодородные от природы или искусственно удобряемые земли Нью-Джерсея культивируются в большой части садовниками, которые отправляют свои продукты на столичные рынки; точно также тысячи фабричных заведений, находящихся на территории Нью-Джерсея, сбывают свои изделия в Нью-Йорк или Филадельфию и принадлежат капиталистам того или другого из этих городов. Этот маленький штат обладает главными фабриками глиняной посуды и самыми деятельными мануфактурами шелковых материй.

Место, занимаемое Нью-Джерсеем между штатами и территориями Союза: по пространству: (7.815 кв. миль=20.240 кв. килом.)—45-ое; по народонаселению (1.444.933 жителей в 1890 г.)—38-ое; по километрич. плотности населения (72 жит.)—4-ое.

Гобокен и Джерси-Сити, лежащие напротив Нью-Йорка, решительно зависят от этого последнего, как обширные станции и магазины железных дорог, проложенных одна подле

другой на узком побережье, у подошвы холмов; во время дня река соединяет противолежащие города плавучими улицами своих многочисленных судов-паромов. По крайней мере города долины Пассэка, отделенные от полуострова Джерси-Сити обширными болотами, составляют самостоятельные агломерации. Ньюарк, или «Новый Кивот Завета», старинный город, основанный в 1666 г. несколькими семействами пуритан, недавно захватил часть этих болот, но первоначальные кварталы, также как и новейшие элегантные кварталы, расположены на холмах, которые некогда были побережьем моря. Ньюарк, самый большой и первый по промышленности город Нью-Джерсея, имеет мастерские для приготовления каучука, экипажные фабрики, пивоваренные заводы, бумагопрядильни и шелкопрядильни; впрочем, эта последняя отрасль мануфактурного труда более развита в городах Пассэк и Патерсон, лежащих выше по реке; в той же долине водопад высотой около 15 метров доставляет фабричным заведениям двигательную силу в несколько сот паровых лошадей. Как Нью-Йорк постепенно выдвигает свои предместья к болотам Ньюарка, чтобы захватить его в свою громадную городскую черту, так точно и Ньюарк постоянно расширяется на север и запад, чтобы присоединить к себе различные кварталы Оранджа,—в просторечии называемые *the Oranges*, «Померанцы»,—другого мануфактурного города, главную промышленность которого составляет шляпное мастерство. Ньюарк ведет торговлю непосредственно с Нью-Йорком, хотя мели в устье Пассэка затрудняют судоходство; однако, Байона, лежащая на оконечности полуострова, разделяющего лиманы Пассэка и Гудсона, быстро растет и рано или поздно сольется с Джерси-Сити, несмотря на лихорадки, поднимающиеся вместе с туманами, с поверхности соседних болот.

Элизабет, славящийся своей фабрикой швейных машин, и Рауэ (Rahway), специальность котораго—постройка экипажей, также имеют сообщение с Нью-Йоркской бухтой и составляют естественные пригороды громадной метрополии. Нью-Брунсвик, другой фабричный город, тоже связан с Нью-Йорком, так как он стоит в том месте, откуда начинается судоходство по реке Раритан, впадающей в ту же бухту, как и Гудсон, внутри бара Санди-Гук. Два порта, Перт-Амбой на севере, Саут-Амбой на юге, занимают устье Раритана и ведут довольно деятельную торговлю глиняной посудой и другими произведениями местной промышленности. В прежнее время, пока экономическая важность искусственного водного пути, командуемого Нью-Йорком в направлении Запада и Великих озер, не доставила этому городу решительного преобладания, лиман Раритана был серьезным соперником Гудсону: он даже имел преимущество перед последним, как более доступный судам среднего тоннажа.

Трентон, столица Нью-Джерсея, не находится уже, как Ньюарк и города того же округа, в сфере притяжения Нью-Йорка: он скорее спутник Филадельфии, так как стоит на той же реке, Делаваре, и пароходы беспрестанно совершают рейсы между этими двумя городами. Основанный в 1680 г., Трентон рос медленно до половины настоящего столетия, несмотря на выгоды своего ранга как главного города штата и даже как временного местопребывания федерального конгресса; теперь, пояс притяжения между Филадельфией и Нью-Йорком оказывает на промежуточные поселения непреодолимую силу, и Трентон пользуется этим, как центральная станция между двумя могущественными городами. На месте, занимаемом ныне домами, Вашингтон выиграл, в 1776 г., битву, которая восстановила положение возмутившихся колоний, в то время почти безнадежное. Город стоит на мощном слое глины, которому он обязан своей нынешней промышленностью, сходной с промыслом аборигенов доисторической эпохи: столица Нью-Джерсея снабжает другие штаты глиняной посудой. Колледж города Принстона, лежащего в пятидесяти километрах к северу от Трентона,—знаменитейший университет этого штата, один из соперников Гарвардовского и Ялевского колледжей: географ Арнольд Гюйо, первый научный исследователь Аппалахских гор, долго профессорствовал в Принстонском колледже. Из всех университетов Америки этот последний имеет наибольшее число «отпрысков», т.е. школ, основанных его бывшими питомцами, между учебными заведениями Соединенных Штатов.

Другие значительные города Нью-Джерсея представляют из себя лишь летния резиден-

ции, построенные на морских пляжах, частию отделенных от материка болотами или проточными водами; во время сезона публика устремляется туда массами из всех внутренних городов, и тогда можно насчитать до полумиллиона жителей на этих песчаных кордонах, почти пустынных в зимние месяцы: Лонг-Бранч, Атлантик-Сити, Кэп-Мэ. Последний из этих купальных городов, названный так по имени голландского мореплавателя Королис Якобсен Мея, посетившего те берега в 1614 г., заканчивает собой южный полуостров Нью-Джерсея, между Делаварской бухтой и океаном. Лонг-Бранч, хотя находящийся на территории Нью-Джерсея, принадлежит в действительности, также, как Кони-Айленд, к нью-йорскому городскому округу, и во время купального сезона туда стекается толпа праздных посетителей, больных и поставщиков. С моря Лонг-Бранч кажется огромным городом: до недавнего времени, являясь только своей лицевой стороной, он состоял из одного длинного бульвара, замаскировывавшего поля и сады, с несколькими рассеянными среди них крестьянскими домами, и отделенного от твердой земли потоком Шрусбери: город обязан своим именем «длинной ветви» этого ручья. Теперь наплыв приезжих гостей вызвал к жизни, позади приморского фасада, постоянные кварталы, населенные и в зимнее время года. Вдоль пляжа, ряд городов, деревень, отелей и шале тянется верст на тридцать и, может-быть, со временем продолжится до пролива Барнегат, посредством которого внутренняя лагуна сообщается с открытым морем. До половины настоящего столетия несколько домиков, маяки да спасательные станции составляли единственные постройки в Лонг-Бранче, иногда величаемом «летней столицей» Северо-Американского Союза; теперь пляж обведен набережными, для ограждения от размывающего действия волн. Бури часто грозили плоским берегам Нью-Джерсея и находящимся на них местам морского купанья. Опасность затопления тем более серьезна, что почва на этом побережье, повидимому, постепенно опускается ниже уровня моря. Около середины полуострова, близ местечка Вайнленд, несколько земледельческих колоний эмигрировавших из России евреев, заключающие около семисот семей, достигли цветущего состояния: колонисты эти занимаются почти исключительно производством овощей, ягод и плодов для рынков соседних больших городов.

Многолюдные или исторически замечательные города Нью-Джерсея, с числом их жителей в 1890 г.: Ньюарк—181.836 жит.; Джерси-Сити—163.003; Патерсон—78.347;. Гобокен—43.648; Элизабет—37.764; Байона—19.033; Орандж (the Oranges)—18.844; Пассэк—13.028; Юнион и другие—24.985; Камден и Глостер—64.877; Трентон—57.458; Нью-Брунсвик—18.603. жит.

9. Пенсильвания

Пенсильвания (Pennsylvania) имела уже несколько колоний европейцев, когда Вильям Пенн, проникнув в её обширные леса, назвал её этим именем в память своего отца: шведы и норвежцы основали Христианию на берегу Делавара; голландцы поселились в местности, занимаемой теперь Нью-Кестлем, а на нынешнем полуострове Филадельфии обитали английские квакеры. Год спустя после прибытия Пенна пришли в значительном числе валлийцы, затем совершилась большая немецкая иммиграция[1]. Пенсильвания—один из тринадцати первоначальных штатов и один из важнейших по величине и географическому положению. Он вполне заслуживает свое народное прозвище Keystone State, «Штат в венце свода», не только по своей массивной и прямоугольной форме, имеющей естественные границы только на востоке, но также по водораздельной возвышенности, которую он занимает между Атлантическим океаном и бассейном Великих озер. Орошаемый притоками океана, Делаваром и Сусквеганной, он граничит, если не с морем, то по крайней мере с судоходным лиманом; на северо-западе узкий язычек его территории омывается озером Эри, тогда как на западе и юго-западе он изливает свои реки через бассейн Огайо в Мексиканский залив. Таким образом Пенсильвания имеет три отдельных покатости, и главным образом в её аппалахских областях установились первые удобные пути сообщения, большие дороги и каналы,

1 Sherman Day, „Historical Collection of the State of Pennsylvania“.

между различными наклонными плоскостями. Штат этот представляет удивительное разнообразие пейзажей и местностей, благодаря его естественному делению на три пояса: атлантическое побережье, страну Аппалахских гор и долин, и западные земли, частию покрытые обломками ледникового происхождения, которые спускаются пологим скатом к озеру Эри и долине Огайо.

По числу жителей, богатству и даже размерам промышленности Пенсильвания занимает лишь второе место, следуя непосредственно за штатом Нью-Йорк, но она стоит гораздо выше средней, так как одна заключает в себе двенадцатую часть всего населения Соединенных Штатов. Годовая ценность горно-заводского производства в Пенсильвании больше, чем во всяком другом штате, а по выделке железа и стали страна эта берет перевес над всем остальным Союзом в совокупности: обилие и легкость добывания различного ископаемого топлива, каменного угля и антрацита, богатство железных руд, подземные озера минерального масла, пещеры, наполненные воспламеняющимся газом, и залежи самородной соли доставили Пенсильвании преобладающую долю в горнозаводском и металлургическом труде, долю, которая в последнее время ещё увеличилась под покровом запретительного законодательства, которое пенсильванские заводчики съумели продиктовать конгрессу. Первые колонисты ошиблись на счет рода будущей промышленности основанного ими общества: *Vinum. Linum et Textrinum* (вино, лен и ткани)—таков был девиз, данный ими Пенсильвании.

Место, занимаемое Пенсильванией между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (45.215 кв. миль или 117.106 кв. километр.)—32-ое; по числу жителей в 1890 г. (5.258.014)—2-ое; по километрич. плотности населения (45 жит), —7-ое; по добыче ископаемого угля (81.719.059 тонн, т.е. 58% добычи во всём Союзе)—1-ое; по добыче нефти (с Нью-Йорк. энклавой, 32.000.000 гектол.)—1-ое; по добыче железа (4.712.511 тонн чугуна)—1-ое; по совокупности промышленного производства—2-ое; по совокупности народного богатства—2-ое.

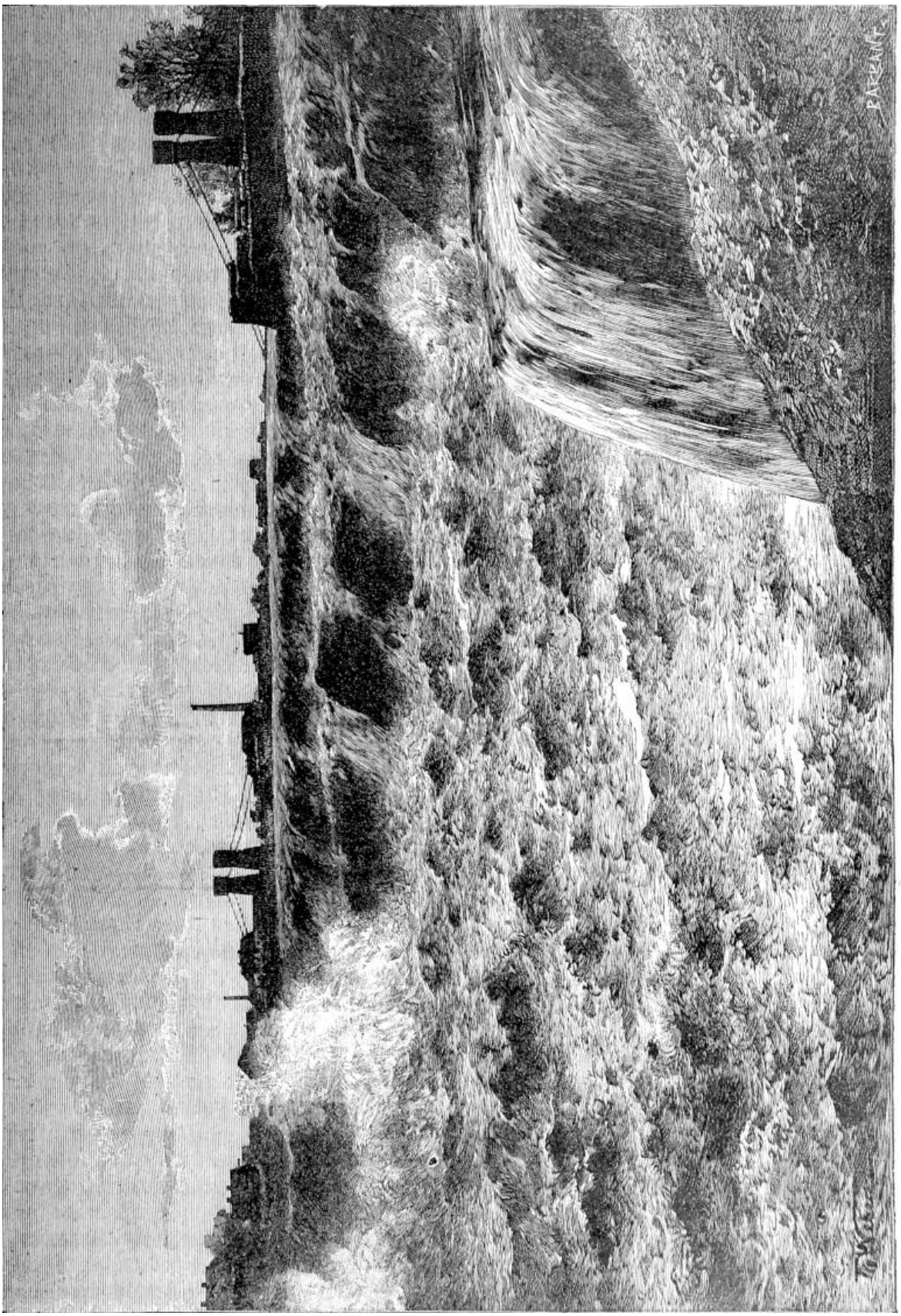
Река Делавар, ограничивающая Пенсильванию на востоке, со стороны Нью-Джерсея, не имеет больших городов в верхней и средней части своей долины: наиболее посещаемые места её берегов—группы вилл и отелей в бреши или *water gap*, пробитой потоком в цепи Голубых гор. Город Истон, при слиянии Делавара с Легаем (Lehigh), расположен на скатах другого горного пролома, со своими заречными предместьями, Южным Истоном и Филипсбургом. Это, вместе с Аллентауном, лежащим выше в долине реки Легай,—складочный пункт для антрацита, добываемого на другой стороне Голубых гор, за проходом Легай-Гап: между Истоном и Аллентауном пространство, около 30 километров, почти сплошь занято непрерывным рядом чугопоплавильных и других металлургических заводов. Истон стоит на том самом месте, где Вильям Пенн заключил свой знаменитый договор о союзе и братстве с индейцами племени ленни-ленап. К верховью от Аллентауна, местечко Вифлеем напоминает миссии моравских братьев, поселившихся в крае в 1781 г.; и теперь ещё на этом месте находится их главный миссионерский стан в Америке.

Город Моч-Чунк, «Медвежья гора» по-альгонкински, получил свое имя от конусообразной горы, *Bear Mountain*, поднимающейся почти на 200 метров над узкой долиной р. Легай; в этой местности сделаны были, в конце прошлого столетия, первые находки антрацита, и началась разработка его залежей. Город, теснящийся в ущелье, извивается своим каналом, своими железными дорогами, в виде параллельных лент, вокруг красноватых склонов Медвежьей горы; каждая терраса соседних высот несет на себе группу домов или заводов. Первый рельсовый путь, построенный в 1827 г., для перевозки каменного угля, взбирается на гору, чтобы спуститься на противоположной стороне и затем подняться на третий откос: теперь эти спуски и подъемы, представляющие нечто вроде русских ледяных гор, служат только для забавы любителей катанья. Одна из окрестных копей горит уже около полстолетия, и почва проваливается в виде кратера над местом подземного пожара[1]. Слои антрацита, начинающиеся у Моч-Чунка, принадлежат к пласту, который продолжается на юго-запад, парал-

1 Special Correspondent of the Times, „A Visit to the States“.

лельно оси гор, и почти середину которого занимает Потсвиль, главный город верхней долине реки Шуйлькиль.

Ридинг, лежащий также в долине Шуйлькиля, в точке соединения нескольких боковых

Водопадъ св. Антонія.

долин,—один из больших городов Пенсильвании. Основанный Пенном, он получил имя главного города английского графства Беркс, название которого тоже перешло к американскому графству, но господствующее население—германское, если не по языку, так как

английская речь давно уже взяла верх в городах, то по крайней мере по происхождению. Богатые сельские местности вокруг Ридинга населены главным образом немецкими фермерами, которые происходят от колонистов, пришедших в первые времена колонизации края в качестве «законтрактованных наемников» или вольных работников, и говорят жаргоном, состоящим из смеси немецкого и английского языков, непонятных большинству тех, кто говорит правильно на том или другом из этих языков. Ридинг, также как города нижней долины Шуйлкиля, Потстаун и Норристаун,—деятельный промышленный пункт. Чем ближе к Филадельфии, тем чаще попадаются фабричные заведения всякого рода, бумагопрядильные и шерстопрядильные мануфактуры, чугуноплавильные и железоделательные заводы: с одной стороны, соседство большого города, с другой— обилие топлива вызвали к жизни непрерывный ряд городов и деревень.

Филадельфия (Philadelphia), или «Город Братской Любви», напоминает самым именем одну из трогательных сцен американской истории—прибытие Вильяма Пенна к своим «братьям» индейцам, обитателям лесов. Высадившись в 1682 г. на берегу Делавара, в том месте, где ныне находится городок Нью-Кэстль, он собрал по дороге несколько человек шведских колонистов, затем поднялся вверх по реке до полуострова, образуемого встречей двух рек, Делавара и Шуйлкиля, где и основал новый город, долженствовавший, как он надеялся, послужить примером погрязшим в нечестии городам его отечества. Ещё в начале этого столетия показывали Шакамаксонский вяз, под которым Пенн принимал аборигенов: почва, где стояло это дерево, на левом берегу главной реки, была спокон века нейтральной землей, священным местом, куда выборные всех племен побережья между Гудсоном и Потомаком приходили возжигать «огонь света». Простой камень, в самой загроможденной части набережных Делавара, обозначает место исторического вяза.

Пункт, выбранный Пенном как центр будущего города, находился почти как раз на половине дороги от перешейка в три километра, образуемого двумя кривыми Делавара и Шуйлкиля; к югу от этого перешейка, низменная равнина сливалась с болотами при соединении рек, тогда как на севере вздымались песчаные бугры, поросшие лесом. Всё это междуречное пространство исчезает теперь под сплошной массой построек, продолжающейся верст на пять к югу от намеченного Пенном центра и верст на пятнадцать к северу; кроме того, город, перейдя обе реки, увеличивается на востоке и западе новыми кварталами. Филадельфия, бывшая столицей и самым многолюдным городом Союза, превзойдена с 1822 г. Нью-Йорком и в последнее время также Чикаго: тем не менее она—один из самых больших городов в свете по численности населения, так как в ней слишком миллион жителей, и мало имеет равных себе по занимаемой площади, не исключая даже Лондона, потому что она может беспрепятственно расширяться во все стороны: от северо-восточного конца её, на Делаваре, до юго-западного, на Шуйлкиле, насчитывают не менее 25 километров через пространство, покрытое строениями. Быстрый рост Филадельфии объясняется отчасти тем, что большинство домовладельцев в то же время собственники земли: они полные хозяева у себя дома,—отсюда прозвище *City of the Homes*, т.е. «город людей, имеющих свой угол», прозвище, впрочем, неверное относительно сотен тысяч рабочих, привлекаемых фабриками и заводами громадного города. На пространстве многих верст тянутся, улица за улицей, квартал за кварталом, бесконечные ряды низеньких домиков, из которых каждый имеет своего владельца и своих жильцов. Филадельфию называют также «Квакерским городом», *Quaker City*, по секте, к которой принадлежали её основатели.

Пространство, занимаемое Филадельфией—315 кв. килом.; пространство, занимаемое Лондоном—305 кв. килом.; пространство, занимаемое Парижем—78 кв. килом.

Центральный квадрат Филадельфии, исходный пункт четырех главных улиц, занят городской ратушей, пышным зданием из белого мрамора, на которое, с 1871 г., ежегодно расходуется от 2 до 3 с половиной миллионов франков. Башня, возвышающаяся на одной из сторон среднего двора, выведена уже на 120 метров над уровнем мостовой и должна окончательно достигнуть высоты 170 метров; статуя Вильяма Пенна, которая будет венчать эту

башню, превосходящую высотой все соборные колокольни в Европе, будет иметь не менее 11 метров в вышину: граждане считают долгом украсить свой город памятником, который был бы виден издалека, через леса и холмы. Что касается распланировки, то Филадельфия представляет правильную шахматную доску, кроме тех мест, где железные дороги грубо пересекают улицы, изменяя их первоначальный план. Но если город отличается совершенной симметрией в расположении улиц, то он далеко не может похвалиться благоустройством, и некоторые кварталы, особенно в соседстве порта, представляют из себя настоящие клоаки. До сих пор ещё не существует ни одного моста через широкий Делавар, для соединения Филадельфии с её пригородами, находящимися в Нью-Джерсее, с Камденом и Глостер-Сити; но через Шуйлкиль построены, в разных пунктах, путеводы для железных дорог, экипажей и пешеходов. Один из них, Жирардовский мост, долго считался инженерами образцом мостовых сооружений из железа.

Самое почтенное здание Филадельфии—Independence Hall, скромный дом, осеняемый прекрасными деревьями, где представители восставших провинций подписали акт провозглашения независимости, 4 июля 1776 г.; теперь здание это преобразовано в исторический музей. Другой замечательный памятник—это сиротский институт на 1.200 до 1.500 питомцев, коринфский храм, окруженный обширными флигелями и пристройками: его называют Жирардовским колледжем, в память основателя, бордосского негоцианта, завещавшего десять миллионов франков, земли и дома городу Филадельфии, где он нажил свое состояние; одна из статей дарственной записи запрещала всякому лицу духовного звания, миссионеру или священно-служителю какой-либо секты, руководительство или управление колледжем и даже входом в это столь щедро одаренное заведение. Филадельфия имеет также высшую школу университетского характера, академию естественных наук, прекрасные коллекции и великолепный зоологический сад.

Главный город Пенсильвании сохранил некоторые из прерогатив, принадлежащих столицам: между прочим, в нём находится федеральный монетный двор, а один из островов, замаскировывающих слияние Делавара и Шуйлкиля, Лиг-Айленд, пространством 240 гектаров, служит арсеналом и верфью американскому военному флоту. Филадельфия—один из важнейших городов Союза по металлургии, постройке машин и локомотивов, сахаро-рафинадной промышленности, фабрикации ковров, материй и мебели, приготовлению химических продуктов, производству обуви (общая ценность промышленного производства 1890 г. простиралась до одного миллиарда франков). Наконец, город этот занимает, после Нью-Йорка, одно из первых мест по размерам торгового движения: он вывозит каменный уголь, нефть, хлеб, произведения своей промышленности; его пароходы и флотилия каботажных парусных судов привозят товары и продукты с Антильских островов, из Южной Америки и Европы; по каналу, перерезывающему штат Нью-Джерсей, он непосредственно ведет торговлю с Нью-Йорком.

Внешняя торговля Филадельфии в 1891 г.: в приходе—863 судна, вместим. 1.116.563 тонн.

Ценность торгового обмена: привоз—58.870.186, вывоз—37.441.000 доллар. Коммерческий флот Филадельфии: 1.025 судов общей вместимостью 255.696 тонн.

Общая длина рядов бассейнов, доков и жете на обеих реках, опоясывающих Филадельфию, превышает 30 километров. Главный порт Пенсильвании имеет ту невыгоду, что он удален почти на 200 километров от моря и открывается на залив, ориентированный не на восток, в направлении к Европе, а на юг, к морям, относительно пустынным. Посредством глубоких каналов Делавар сообщается с портами Нью-Йорка и Балтимора. Ниже Филадельфии, на Делаваре есть несколько аванпортов. На правом берегу, один из них, Честер, откуда вывозят славящееся своим превосходным качеством коровье масло, принадлежит ещё к Филадельфии.

Фэрмуант, лучший парк Филадельфии и один из обширнейших и великолепнейших во всём свете, парк, где действительно можно поддаться иллюзии и вообразить себя гуляющим

среди свободной, без-искусственной природы, вдали от всякого людского муравейника, тянется на северо-западе города в собственном смысле, по обоим берегам Шуйлкиля и в диком овраге Виссагикона. Он раскинулся на пространстве 1.200 гектаров, и от низового крутого берега на Шуйлкиле до оконечности бокового ущелья считают 21 километр; однако, круг домов уже смыкается около этого громадного парка; чтобы сохранить чистыми воды Шуйлкиля, для снабжении ими города, муниципалитет приобрел в собственность долину этой реки, и холм резервуара, называемый Fair Mount, т.е. «Красивой горой», сообщил свое имя всему парку. Запруда поднимает водную плоскость, чтобы отбросить часть реки в бассейны, и существовавшие прежде водопады уничтожены. Ещё недавно поля Фэрмаунта находились совершенно за городом; теперь кварталы Филадельфии охватывают полукругом парк, на юге, на востоке, на севере. Манаюнк и Джермантаун уже составляют часть разростающейся аггломерации, заключавшей в себе 1 января 1890 г. 200.073 дома.

Квартал Джермантаун был сначала отдельной деревней, потом городом, одним из первых городов, возникших на территории Соединенных Штатов. Основателем его был миссионер Пасториус, которому Пенн уступил 12.000 гектаров земли, «не затем, чтобы он извлекал из неё земные выгоды, но чтобы давал убежище своим честным соотечественникам, в тот день, когда Господь мститель прольет чашу своего гнева на грешную Европу». Первые жители Джермантауна, или «Немецкого города», были почти исключительно переселенцы из Крефельда, на Рейне, которые ввели ткацкую промышленность в своем новом отечестве.

Наибольшая часть Пенсильвании принадлежит к бассейну Сусквеганны, не менее богатому антрацитом, чем бассейн Шуйлкиля. Обилие и легкость добывания ископаемого топлива уже вызвали к жизни один из многолюдных городов штата, Скрантон, в ложбине, которая без её минеральных богатств не представляла бы никаких выгод колонисту; маленькая речка Лаккаванна орошает эту долину, но не может служить для перевозки антрацита, грузы которого железнодорожные поезда увозят по всем направлениям, и который жгут на месте в сотнях заводов и мастерских, тесно скученных вокруг шахт. Город чисто фабричный, с населением, состоящим исключительно из рабочих, Скрантон из всех американских городов наименее заботится об общественной гигиене: в нём нет ни площадей, ни садов, никакого парка, кроме богатых растительностью окрестностей в одном из живописнейших уголков Пенсильвании. Километрах в тридцати к юго-западу, речка Лаккаванна соединяется с Сусквеганной у её восточного изгиба, соответствующего параллельной излучине Делавара. В этом месте начинается прелестная равнина Уайоминг, известная в истории колонизации по «резне» 1778 г.; жители долины, не успевшие убежать, были скальпированы, и край оставался пустынным до заключения мирного трактата с Великобританией. Двое из прежних жителей, Уилкс и Баррэ, вернулись тогда в долину Уайоминг и основали город, носящий соединенное имя—Уилксбарр; после Скрантона, это самый многолюдный город северо-восточной Пенсильвании.

Западная ветвь Сусквеганны, берущая начало по ту сторону главного вала Аллеганских гор, имеет только один значительный город на своих берегах: несколько выше ущелья, где поток пробивает горную цепь, находится город Вильямспорт, центр торговли лесом, который приносят ему притоки во время весеннего полноводья. Ниже слияния двух ветвей Сусквеганны, река перерезывает последовательно несколько параллельных кряжей, затем, по выходе из узкой поперечной долины Голубых гор, проходит под четырьмя мостами Гаррисбурга, политического центра Пенсильвании, но одного из его второстепенных городов, впрочем, имеющего весьма важное значение по металлургической промышленности: его чугуноплавильные и машиностроительные заводы тянутся беспрерывным рядом по левому берегу Сусквеганны на пространстве нескольких километров. Сырой материал эти заводы получают частию из знаменитой «Железной горы», находящейся близ Корнуаля или Корнваллисса, верстах в пятидесяти к востоку, в цепи Южных гор: это треглавый массив, состоящий из железняка, в котором содержание чистого металла достигает почти 50%; стоимость тонны добытой руды немного больше одного франка. Туристы поднимаются на вершину этого желез-

ного холма по вьющейся спиралеобразно железной дороге.

Один из рельсовых путей, соединяющих столицу штата с Филадельфией, имеет главным этапом город Ланкастер, бывший Гиккори-Таун, населенный меннонитами. В конце прошлого столетия, в ту эпоху, когда Конгресс заседал в Филадельфии, Ланкастер был самым многолюдным городом внутри Штатов; проходившая через него большая дорога была путем следования иммигрантов, направляющихся на запад. Окрестная местность представляет один обширный сад, поля производят лучшую пшеницу в Пенсильвании, пшеницу, которая питала первую экспортную торговлю с Европой: долгое время хлебный рынок регулировался ценами, установленными в Ланкастере. Лежащий западнее, по другую сторону Сусквеганны, город Йорк—также очень оживленный центр торговли земледельческими продуктами. Карляйль, основанный в ту же эпоху, к западу от Гаррисбурга, в долине реки Кондогинат, известен своей школой для индейцев, где 360 мальчиков и девочек, живущих нахлебниками в семействах города, получают впродолжении пяти лет воспитание, подобное воспитанию белых детей, затем отсылаются обратно каждый в свое племя.

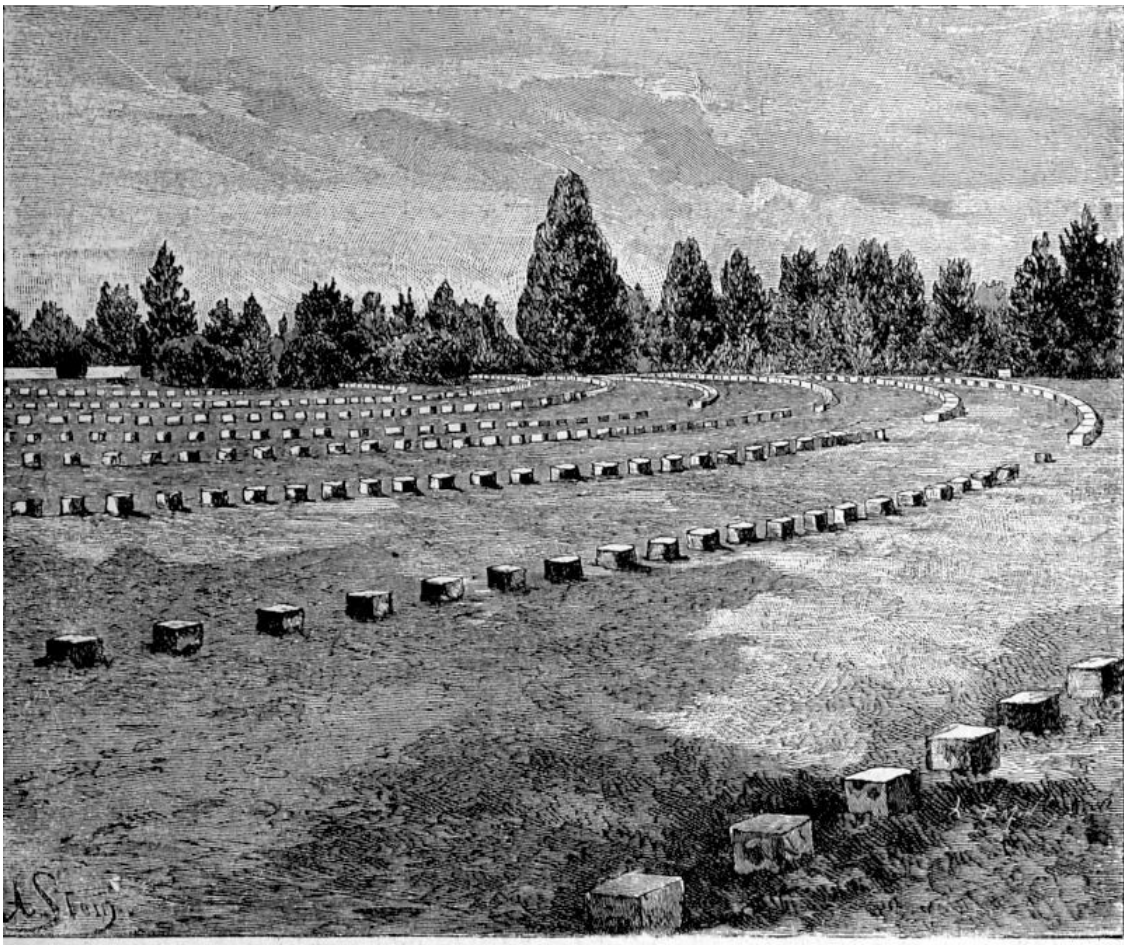
К юго-западу от Гаррисбурга, в области волнистых плато, разделяющих покатости Сусквеганны и Потомака, находится маленький городок, вернее местечко или село, но замечательное, как одно из наиболее посещаемых мест Союза: это—Геттисбург, страж поля сражения, где в 1863 г., разбились силы конфедератов, тогда как, в тот же самый день, их крепость Виксбург, ключ к Миссисипи, сдалась генералу Гранту. Пилигримы десятками тысяч стекаются сюда в летнее время, и даже депутации бывших воинов Юга братски встречаются здесь с ветеранами федеральной армии. В пунктах, где происходили особенно жаркия и кровопролитные схватки, воздвигнуты солидные памятники, и каждая могила обозначена глыбой белого мрамора: тысячи и тысячи этих каменных кубов, расставленных в правильном порядке, словно люди полка, виднеются издали, блистая яркой белизной в зелени окружающей растительности.

Живописная железная дорога пролегает по извилистой долине реки Джуниаты, переходя из ущелья в ущелье, в местности, где некогда обитали индейцы племени тускарора, и упирается, в области истоков, в стену Аллеганских гор. До 1854 г. переезд через горную цепь совершался при помощи «волока», состоящего из двух наклонных плоскостей, по которым неподвижно установленные машины буксировали поезда; перевал, в Блерс-Гап, находился на высоте 700 метров. Длинная рампа, поднимающаяся полукругом, и два туннеля, проходящие под городом Галицин, заменили теперь волок; тем не менее, однако, компания железной дороги сохранила центр свой сети на этой раздельной линии между *Eastern Pennsylvania* и *Western Pennsylvania* (Восточная и Западная Пенсильвания), поместив там обширные мастерские для постройки и ремонта подвижного состава. Этот фабричный город, лежащий на восточном скате цепи и называющийся Альтуной, населен исключительно железнодорожными служащими и рабочими.

Западная покатость Пенсильвании принадлежит почти вся к бассейну Огайо. Первые источники, питающие Аллегени, одну из её главных рек, зарождаются в цепи бывших морен, окаймляющей южный берег озера Эри, на юге от города того же имени. Превосходный и обширный порт Эри, окруженный волноразбивателями и землей, некогда французской, полуострова, ныне превращенного в остров, вывозит минеральное масло и каменный уголь, доставляемые ему с верховьев Аллегени (торговое движение этого порта в 1890 г.: прибыло грузов 773.030, вышло 498.598 тонн; всего вместе: 1.271.988 тонн). Корри, Варрен, Титусвиль, Мидвиль, Ойль-Сити, Франклин—важнейшие центры добывания нефти, и на всём протяжении этой области повсюду встречаешь помосты, построенные у отверстия буровых скважин, на скатах холмов, вдоль рек, среди лугов, даже в городах, возвышающиеся на 8 или 10 метров, в форме усеченных пирамид. Тот же край, столь богатый подземными сокровищами, обладает также мощными пластами каменной соли, открытыми на глубине 500 и даже 750 метров искателями нефти. Деревня Варшава и её окрестности по количеству добываемой соли превосходят теперь Сиракузы, в штате Нью-Йорк (добыча соли в Варшаве в

1887 г.: 2.207.172 гектолитра). Около шестидесяти тысяч бурений сделано было в этой области Западной Пенсильвании.

На спуске Аллеганов, на железной дороге из Филадельфии в Цинциннати и Чикаго, город Джонстаун, при реке Конмо, есть уже маленький Питсбург, с его металлургическими заводами, извергающими огонь и дым. В мае 1889 г. выступившая из берегов река, прорыв плотин рыболовного резервуара, затем пожар железно-дорожных станций и поездов вдруг покрыли Джонстаун и его предместья грудами грязи и дымящихся обломков, под которыми остались погребенными около пятнадцати тысяч жителей. Город оправляется теперь от этой катастрофы, и тысячи рабочих,—большею частию поляки, словаки и русины, известные под общим именем «венгерцев»,—заполнили пробелы в каменно-угольных копях и железных рудниках. Далее, группы заводов всё более сближаются между собой вплоть до самого Питсбурга.

Кладбище неизвѣстныхъ воиновъ въ Геттисбургѣ.

Этот большой город, второй в Пенсильвании по числу жителей и один из первых в Союзе по размерам промышленной деятельности,—относительно старого происхождения: с половины прошлого столетия англичане и французы оспаривали друг у друга угол земли, заключающийся между реками Аллегени и Мононгахела, из соединения которых образуется Огайо. Французы, победители, основали форт Дюкен, близ мыса при слиянии, и дважды отражали нападения англичан, но в 1758 г. они должны были эвакуировать крепость, и Дюкен был переименован в форт Питт или Питсбург; маленькая крепостца, относящаяся к той эпохе, существует ещё среди растущего потока домов. Представители двух держав, дравшиеся из-за обладания этим уголком, не искали там другой выгоды, кроме занятия стратегического и торгового поста при слиянии двух рек, командующего длинным судоходным путем. Но открытия геологов обнаружили другие преимущества этой местности, о которых раньше не подозревали. Мощные пласты каменного угля, подземные озера минерального масла и глубокие резервуары горючего газа последовательно создали и развили до обширных размеров

местную промышленность. В 1812 г. открылись первые заводы, а теперь весь город, со своим пригородом Аллегени, на другой стороне реки того же имени, и со многими другими предместьями, представляет собою один огромный завод, с бесчисленными трубами. Это—*Fire City*, «Огненный город». Некоторые утверждают, будто прозвище *Smoky City*, «Дымный город», которое тоже было дано ему, потеряло смысл с тех пор, как устроены газопроводы, доставляющие большому числу заводов это бездымное топливо; тем не менее, однако, Питсбург всё ещё остается городом с черным небом, с удушливым воздухом, настоящим «пеклом»: с берегов Огайо, против слияния, различаешь только два подернутых густой дымкой бульвара, а мосты показываются сквозь туман в неясных очертаниях, как смутные образы сновидения. Когда, перейдя ту или другую реку по одному из двадцати мостов, соединяющих Питсбург с его предместьями, взбираешься на противолежащую гору посредством одной из многочисленных «бечевок», поднимающих пешеходов, экипажи и нагруженные тележки вдоль крутого ската,—раскинувшийся внизу город пропадает из виду: дым черными клубами стелется над куполами и башнями.

Промышленная статистика Питсбурга свидетельствует об изумительной деятельности его копей, фабрик и заводов. Добыча каменного угля в окружающем районе ежегодно простирается до 20 миллионов тонн. На 31 домне в 1889 г. было выплавлено свыше 1.200.000 тонн чугуна, а 33 других металлургических завода доставили 11 миллионов тонн стали и 640.000 тонн листового железа. Стеклянные заводы, числом 73, дают произведений на сумму около 40 миллионов франк. в год. Натуральный газ, проведенный по трубам общей длиной 1.810 километров, освещал в 1890 г. слишком 30.000 зданий всякого рода, а 25 миллионов кубич. метров этого газа, сожженных в течение года на фабриках и заводах, представляли количество топлива, соответствующее 8 миллионам тонн угля. Нет работы, которой бы не предпринимал могучий промышленный механизм Питсбурга и его соседа Аллегени, теснящагося у подошвы своей горы: после железа и стали, стекло, машины, экипажи и множество других новых производств, электрические лампы, изделия из аллюминия, химические продукты всякого рода! Питсбург даже морская верфь: большие суда, которые он строит,—разборные и отправляются частями в порты Атлантического океана; более мелкие суда, шаланды и пароходы, предназначаются главным образом для Миссисипи. Он обладает значительным коммерческим флотом, торговля его с пристанями на Огайо и на других реках сети превосходит, по количеству грузов, торговлю многих весьма деятельных портов океанского побережья. Торговое движение Питсбургского порта в 1890 г.: пор. Аллегени—978.000 тонн; по р. Мононгахела—3.318.000 тонн.

Впрочем, движение торгового обмена по воде представляет лишь треть всей внешней торговли Питсбурга. К юго-западу от этого большого города, местечко, называемое Вашингтоном, как две сотни других местностей Соединенных Штатов, вдруг получило некоторую известность, как один из центров производства газа: одна из его буровых скважин давала до 22.500 гектолитров в день, т.е. 27 литров в секунду. На юго-востоке, значительное городское поселение, Мак-Киспорт, занимает, на левом берегу Мононгахелы, место слияния этой реки с рекой Югиогени. На полдороге между этими двумя городами находится Браддокс-Фильд, поле, где английский отряд, под командой Браддока, с Вашингтоном в качестве младшего офицера, был почти истреблен, в 1753 г., французами и их союзниками индейцами.

Главные города Пенсильвании, с цифрой их населения, по переписи в 1890 г.: Филадельфия—1.046.964 жит. (в 1896 г.: 1.350.000); Филадельфия с Камденом и Глостер-Сити (Нью-Джерсей)—1.111.139; Питсбург—238.617; Аллегени—105.287, вместе 343.904; Скрантон—75.215; Ридинг—58.661; Эри—40.184; Гаррисбург—39.685; Вилькесбарр—37.718; Ланкастер—32.011; Альтуна—30.337; Вильямспорт—27.132; Аллентаун—25.132; Джонстаун—21.228; Йорк—20.805; Мак-Киспорт—20.741; Честер—20.226; Норристаун—19.791 жит.

10. Мериланд

Мериланд, некогда Terra Meriae, названный так в честь королевы Генриетты-Марии, су-

пруги Карла I, по пространству—один из малых штатов Союза; но по своему центральному положению, между Нью-Йорком и южными штатами, на границе, бывшей предметом ожесточенного спора во время гражданской войны, он сделался одною из исторических областей Северной Америки. Бывший рабовладельческий штат, Мериланд заключает в себе ныне цветное население, гораздо более многочисленное, чем население Пенсильвании. Очертания Мериланда очень неправильные. Западные графства расположены в виде узкой полосы, между течением Потомака и пенсильванской границей: это—часть штата, обладающая копями каменного угля, а также самыми хлебородными землями. Центральная область, заключающаяся между течением Потомака и бухтой Чизапик, представляет обширную равнину, где основались первые поселения, и где колонисты развели табачные плантации, доставившие впоследствии стране такую громкую репутацию в торговом мире. Мериланд заключает в себе также, на востоке Чизапикской бухты, округ *Eastern Shore*, часть полуострова, тянущагося по прямому направлению на юг, до остроконечного мыса Чарльс, на пространстве двух с половиной градусов по широте. С другой стороны, Делавар занимает половину восточного берега этого полуострова, а Виргиния владеет его оконечностью. Взаимная борьба колоний под британским владычеством имела следствием это странное деление полуострова; со времени провозглашения американской независимости, этот раздел между тремя штатами продолжал существовать, и так велика сила предразсудков, созданных просто начертанием фиктивных границ, что граждане трех названных штатов, сгруппированные на этой узкой косе, примешивают к своему местному патриотизму некоторое соперничество в отношении своих соседей, носящих другую политическую кличку. Население Мериланда возрастает, но довольно медленно, и только в пользу своего главного торгового центра, Балтимора.

Место, занимаемое Мериландом между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (12.210 кв. миль=31.624 кв. килом.)—41-ое; по народонаселению в 1890 г. (1.042.390 жит.)—27-ое; по километр. плотности населения (33 жит.)—9-ое.

Северный порт Чизапикской бухты, Гавр-де-Грас, доступен лишь небольшим судам, так как река Сусквеганна, изливающаяся в этом месте в залив, не достаточно глубока для крупных судов; через устье проведены два длинных железнодорожных моста. Южнее, Балтимор, получивший, в честь некоего лорда, имя одной скромной деревни на южном берегу Ирландии, занимает ныне одно из первых мест между главными городами Северо-Американского союза,—седьмое, если Бруклин считать частию нью-йорской аггломерации. Уже в 1682 г. несколько человек белых колонистов поселились на месте, где расположен нынешний город; но оффициально последний был основан лишь в 1730 г., на низменном полуострове, к северу от реки Патапско, которая открывается в виде лимана и смешивается с водами большой бухты Чизапик; обширные болота, окружавшие нарождавшийся город, были засыпаны обломками соседних пригорков, постепенно срытых. Теперь Балтимор не только покрыл домами полуостров и берега двух боковых бухточек, но раскинулся к северу и западу на пространстве не менее 20 квад. километров и выдвинул свои предместья вдоль расходящихся бульваров. Балтимор, метрополия, но не столица Мериланда, получил эпитет «Монументального города», Monumental City, и действительно выделялся между американскими городами числом и величиной своих монументальных зданий, пока жители Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии, Альбани, Вашингтона не прониклись соревнованием в этом отношении. Его главный католический храм—примасская церковь Соединенных Штатов. Крепость Мак-Генри, на полуострове, разделяющим два лимана, держала город под жерлом своих пушек, чтобы воспрепятствовать всякой попытке к бунту со стороны защитников невольничества: в улицах этого города и произошло первое столкновение. Балтимор—один из городов, поставленных в наилучшие условия по снабжению чистой водой: река Гонпаудер, задерживаемая в ряде следующих одно за другим озер на высотах, наполняет резервуары Друидгульского парка, из которого открывается великолепный вид на рейд и его берега.

Промышленность очень деятельна в Балтиморе и его предместьях, но город этот занимается преимущественно торговлей, и в этом отношении превосходит даже Филадельфию; он

вывозит огромные количества хлеба и табаку, ввозит кофе из Бразилии и служит главным рынком для торговли устрицами, приобревшей столь важное значение в Соединенных Штатах с половины настоящего столетия. О размерах этой отрасли торгово-промышленной деятельности можно судить по следующим цифрам: продано устриц в Балтиморе в 1889 г.: 13.500.000 гектол.; устричпая флотилия в водах Мериланда: 675 гоэлет; итог сбора в бухте Чизапик: 30.000.000 гектол.

Паровой паром, на котором может зараз поместиться до 27 вагонов, забирает целые поезда на одном берегу и перевозит их на другой берег бухты.

Движение внешней торговли Балтимора в 1890 г.: вывоз—73.983.693 дол.; привоз—13.140.203 долларов; движение судоходства по заграничной торговле: в приходе—703 судна, вместим. 845.239 тонн; в отходе—873 судна, вместим. 1.124.262 тонны.

Главный город Мериланда недавно занял одно из первых мест также и между университетскими центрами Америки: высшая школа Джона Гопкинса, названная так по имени её основателя, была богато одарена и посещается большим числом слушателей; при университете состоит обширный госпиталь.

Столица штата, скромный Аннаполис, лежащий при впадении реки Северн в Чизапикскую бухту, к югу от Балтимора, был прежде соперником соседнего города, но теперь не ведет почти никакой торговли и имеет значение только как местопребывание законодательного собрания и морского училища. Благодаря близкому соседству с Вашингтоном, Аннаполис сделался его морской пристанью на бухте Чизапик. Маленькие порты противоположного берега не имеют других промыслов, кроме перевозки плодов и ловли устриц. Двадцать тысяч моряков, владеющих восемью стами шлюпок и тремя тысячами мелких судов, занимаются устрицеводством и сбором моллюсков, с сентября до апреля; но жадность ловцов уже опустошила большое число устричных мелей, и Чизапикская бухта сильно рискует потерять первенствующее значение, как место производства. Деревни, покидаемые, в сезон ловли, почти всем взрослым мужским населением, выдвинулись далеко в залив, построенные на сваях. Самая большая из этих деревень, Крисфильд, на бухте Танджиер-Саунд, называется «Венецией» округа Истерн-Шор. Один из островов этого побережья был первым пунктом бухты, где поселились белые, в 1631 году.

В западной части Мериланда, орошаемой верхним Потомаком, богатая Кумберландская долина, прекрасная местность, усеянная лесами, скрывает пласты каменного угля и жилы железной руды в глубинах подпочвы; город, давший свое имя долине, есть в одно и то же время промышленная группа и земледельческий центр. Хагерстаун, другой город в области Аппалахских гор, на маленьком притоке Потомака, утопает в зелени плодовых садов; издали можно подумать, что занимаемая им долина покрыта густым лесом. Население этого города, как и вообще верхнего Мериланда, происходит в значительной части от немецких иммигрантов прошлого столетия.

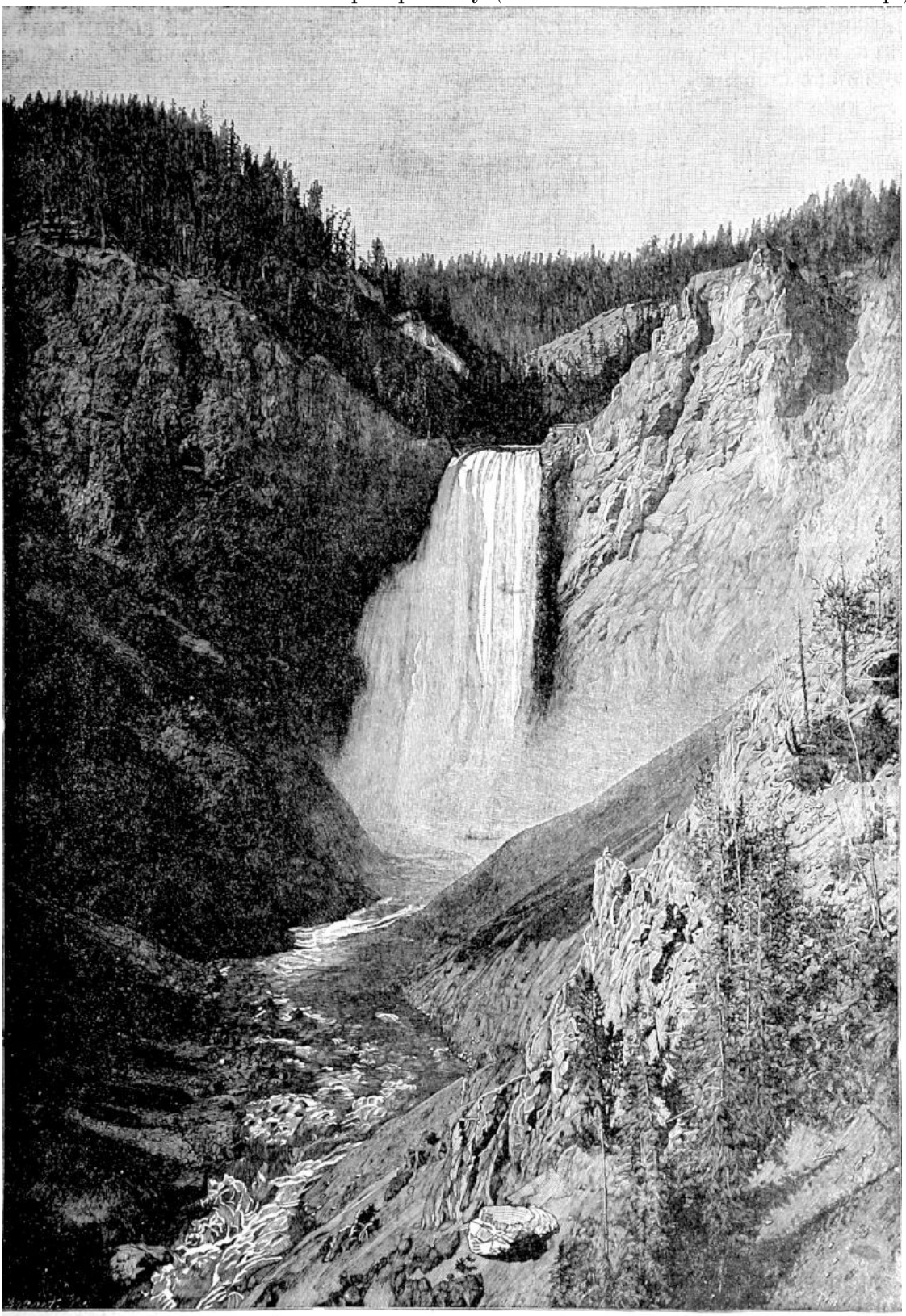
Главные города Мериланда, с их населением в 1890 г.: Балтимор—435.547 жит. (496.000 в 1894 г.); Хагерстаун—11.698; Кумберланд—10.030; Аннаполис—7.624.

11. Делавар

Делавар, самый малый штат Северо-Американской республики после Род-Айленда, получил, именно по причине его небольших размеров, прозвище *Diamond State*, «штат-алмаз», как бы намекающее, что достоинство жителей обратно пропорционально величине их области. Он обнимает лишь четверть полуострова, ограничиваемого двумя лиманами Чизапикской и Делаварской бухт; это—узкая полоса побережья, тянущаяся на западной стороне этой морской воронки и отделенная от Мериландского округа *Eastern Shore* двумя геометрическими линиями, по направлению меридиана и по направлению параллельного круга. Исключая окрестности главного города, Делавар занимается преимущественно культурой и, относительно, превосходит все другие штаты по производству плодов; особенно славятся делаварские персики. Население скучено только в соседстве реки; в других местах оно разброса-

но по фермам и маленьким деревням среди плодовых садов.

Место, занимаемое Делаваром между штатами, территориями и дистриктами Северо-Американского союза в 1890 г.: по пространству (2.050 кв. миль=5.310 кв. километр.)—48-

Большой водопадъ въ Іелластоунской долинѣ.

ое; по народонаселению (168.493 жит. в 1890 г.) — 42-ое; по километрич. плотности населения (32 жителя)—10-ое.

Столица штата—местечко Довер, недалеко от западного берега Делаварской бухты. Что касается торгового города, Вильмингтона, то его можно рассматривать, вместе с Нью-Кэс-

тлем, как один из аванпостов Филадельфии: он стоит на том же берегу реки, в 35 километрах ниже, и суда, поднимающиеся или спускающиеся по Делавару, заходят в его гавань. В самой ограде Вильмингтона находится камень, на который высадились первые шведские иммигранты, основатели этой колонии. Подобно Филадельфии, Вильмингтон—очень деятельный мануфактурный центр.

Города Делавара, с их населением в 1890 г.: Вильмингтон—61.437 жит.; Нью-Кэстль—4.010; Довер—3.061.

12. Федеральный округ

Подобно тому, как штат Делавар вставлен в восточную часть Мериланда, так точно федеральный округ, называемый Колумбией, выкроен в его западной части. Несмотря на свое малое протяжение, округ этот не наименее важное территориальное деление Соединенных Штатов по численности населения, развитию промышленности, ни особенно по сумме народного богатства.

Место федерального округа между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (70 кв. миль=181 кв. килом.)—50-ое; по народонаселению в 1890 г. (230.392 жителей)—40-ое; по километр. плотности населения (1.273 жителя)-1-ое.

Город Вашингтон, заключающий в себе почти всё население федерального округа, не есть уже, как это повторяют по привычке, обширное село, где широкия тенистые улицы, с редко разбросанными домами, пересекаются в виде правильных квадратов и ромбов. Теперь это действительно большой город, имеющий, даже в мертвый сезон, около четверти миллиона жителей и, кроме того, населенный временно, в периоды сессии конгресса, массами приезжого люда, толкающагося около законодателей. Бульвары, расходящиеся радиусами от центральной площади, доминируемой Капитолием, обставлены по большой части высокими зданиями, и толпа движется в аллеях, по обе стороны дорог, загроможденных экипажами. Пенсильванский проспект, идущий от Капитолия к Белому дому и министерствам, представляет, вместе с бульварами в соседстве городской ратуши, наиболее оживленный вид; но непрерывные ряды домов тянутся на целые версты. Бывший город Джорджтаун, лежащий к северо-западу, на левом берегу Потомака, уже соединяется с метрополией, также, как юго-восточные кварталы, расположенные вдоль правого берега Анакостии, восточного притока главной реки; ручеек Тибр уже не существует: он обратился в водосточную канаву. Вашингтон почти не имеет промышленного населения, кроме работающих на казенных верфях, и за редкими исключениями, в нём нет также и торгового люда, кроме поставщиков из непосредственного округа. Но как зимняя резиденция, он оказывает уже значительное притяжение на общество Севера, и его обширные музеи, его богатые научные пособия всякого рода привлекают большое число людей, занимающихся наукой или искусством, которые поселяются на постоянное жительство в этом изящном и чистом городе, не имеющем себе равного в Соединенных Штатах по обилию садов, бульваров и рощ. Отныне Вашингтон может только расти и расширяться: нет никакого сомнения, что он даже приобретет важное значение как распределитель товаров Севера в штатах Юга, с которыми он сообщается расходящимися из него в разные стороны дорогами.

Капитолий, политический центр Соединенных Штатов, стоит на невысоком холме, скаты которого спускаются полого на запад к Потомаку, на восток к Анакостии. Колоссальная масса этого здания состоит из трех корпусов: на севере—Сенат, на юге—Палата представителей, и между ними обширные залы и галлереи, общие обеим половинам Конгресса. В центре, двойная круговая колоннада, поднимающаяся над фронтонами, поддерживает, на высоте 94 метров, железный купол, увенчанный статуей Америки. Контраст мраморных перистилей с огромным металлическим куполом кажется несколько странным, и в целом здание, слишком длинное для своего купола, страдает недостатком гармонии; однако, оно импонирует громадностью размеров, красотой материалов, из которых построено, террасами и порталами, бесчисленными статуями и окружающими его великолепными тенистыми деревьями.

Внутри здания, барельефы и картины напоминают главные события американского континента, от путешествия Колумба и переправы Эрнандо де-Сото через Миссисипи до окончательной победы над английскими войсками. Дворец этот заключает в себе, кроме специальных библиотек двух отделов конгресса, большую национальную библиотеку, богатейшее книгохранилище Нового Света. К сожалению, недостаток места не позволяет пользоваться по желанию этим полмиллионом книг, наваленных в галлереях и даже в подвалах, и люди науки с нетерпением ждут, когда будет приспособлено для этой цели новое здание, находящееся в соседстве Капитолия, куда можно будет не только перенести все сокровища нынешней библиотеки, но и поместить ещё другие три миллиона томов. Дворец таких размеров не будет слишком велик в наш век, когда груда книг ежегодно увеличивается пятьюдесятью тысячами новых сочинений, не считая пятидесяти тысяч периодических изданий и мириад всякого рода документов. В Вашингтон присылаются экземпляры всех вновь выходящих произведений печати, которые издатели, по закону, обязаны представлять в пользу нации.

Скромный «Белый дом» (White House), жилище президента Соединенных Штатов, стоит на прекрасной лужайке, в 2.400 метрах к северо-западу от Капитолия, и почти исчезает между двумя громадами—главным казначейством (Treasury) и дворцом, где помещаются различные министерства: этот последний замечателен как самая большая постройка из гранита во всём свете. В Вашингтоне есть много других очень обширных зданий, для работ всякого рода, которых требует управление таким огромным государством, как Соединенные Штаты. Неподалеку от Белого дома и министерств находится самое высокое сооружение Нового Света—мраморный обелиск, поставленный в Вашингтоне среди садов, раскинутых вдоль берега Потомака: вершина конечной пирамидки достигает 170 метров вышины. Федеральная столица, город роскоши, больше других пользующийся, для своего украшения, щедротами Конгресса, превосходит все американские города по обилию памятников, большинство которых—статуи генералов или президентов; одна из групп, изображающая Лафайета и его соратников, принадлежит резцу Мерсье и Фальгьера. Столица Союза не могла не обзавестись музеем картин, произведений скульптуры и бронз; но самые драгоценные её сокровища заключаются в различных коллекциях Смитсоновского института *Smithsonian Institution*, названного так в честь богатого англичанина, который завещал первые фонды для создания этого научного заведения, предназначенного способствовать «увеличению и распространению знаний между людьми». Галлереи естественной истории и этнологии отличаются образцовой классификацией собранных в них предметов: Смитсоновский институт есть, вероятно, ученое учреждение, инициатива которого наиболее ощутительна в свете, и которое наилучше оправдывает обещания, сделанные при его основании. Медицинский музей, обладающий очень богатой библиотекой, издает самый полный из существующих каталог вновь выходящих сочинений по медицине.

Вашингтон долго имел репутацию нездорового города. Обсерватория, находящаяся на западе, в соседстве болот, образуемых Потомаком, при слиянии его с Анакостией, была почти невозможна для обитания; но в последнее время низкие земли укреплены и преобразованы в парк; реку регулировали, и мелководный лиман обратили в правильный порт, где останавливаются пароходы и каботажные суда. Город в изобилии снабжается чистой водой, проведенной с водопадов Потомака, за 13 километров. Наконец, насаждения, заключавшие в 1887 году слишком шестьдесят тысяч дерев 37 разных пород и осеняющие 200 километров улиц, много способствовали ассенизации Вашингтона; особенно на северной стороне города разведены прекрасные парки, вокруг Дома инвалидов, *Soldiers Home*, и Говардского университета, высшего учебного заведения, основанного для молодых негров обоего пола тотчас после междоусобной войны. В то время беглецы из южных штатов прибывали в таком множестве, что общее число их составляло треть местного населения.

«Длинный мост» (Long Bridge), проведенный через Потомак, к югу от памятника Вашингтона, остатки крепостей на вершине холмов, и на правом берегу реки Арлингтонское кладбище, где погребены шестнадцать тысяч павших в бою воинов, напоминают о великой

борьбе, ставкой в которой было обладание Вашингтоном. Маленький городок Александрия, ниже по реке, в шести километрах к югу от столицы, представляет с той эпохи печальный вид разрушения. В 12 километрах оттуда, на холме, с которого можно обозревать обширный горизонт равнин и вод, стоит загородный дом Маунт-Вернон, где жил и умер Вашингтон; теперь дом этот принадлежит ассоциации дам, поставивших себе патриотическим долгом украшать это место пилигримства, они проектируют постройку «священной дороги» в 22 километра, которая, перейдя Потомак неподалеку от обсерватории, соединит непосредственно Вашингтон с Маунт-Верноном, и будет по всей длине обсажена деревьями и окаймлена цветниками.

13. Виргиния

Виргиния, которую сыны её продолжают ещё именовать *Old Dominion*, чтобы заявить право на привилегию относительной древности своего штата и напомнить о его бывшем политическом преобладании, сильно упала в своем значении против прежнего времени. Она была до 1811 г. самым многолюдным штатом республики, и во время войны за независимость аристократия её дала главнокомандующего и главных государственных деятелей нарождавшейся конфедерации; затем она сделалась «матерью президентов», так как другие штаты признавали за ней род прерогативы в деле выбора главы государства. В настоящее время Виргиния уже далеко не первый из штатов, и даже на юге некоторые соперники опередили её.

Место, занимаемое Виргинией между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (42.450 квадр. миль=109.945 кв. километр.)—33-е; по числу жителей в 1890 г. (1.655.980 жит.)—15-е; по километрической плотности населения (15 жит.)—17-е.

С каждой новой переписью Виргиния спускается на одну или несколько степеней: кроме того, во время междоусобной войны за-аллеганская часть, отличающаяся от собственно Виргинии по географическому сродству, нравам и населению, отделилась от главного тела штата, чтобы образовать из себя особый штат, под именем Западной Виргинии. Несмотря на потерю этой богатой территории, принадлежащей к бассейну Огайо, Виргиния всё ещё остается одним из могущественных штатов атлантической покатости; она представляет величайшее разнообразие местностей, от гряд Аппалахской цепи и её широкой промежуточной долины до «Пьемонта» и до низменных равнин и болот поморья. В этой стране можно бы было возделывать все растения умеренного пояса, и миллионы людей могли бы жить там в довольстве. Однако, плантации её, обработываемые впродолжении одного или двух столетий, не получая обновляющего удобрения, во многих местах истощили почву, и переход от системы невольничества к системе вольного труда разорил значительную часть населения: обширные пространства земли остаются в залежи. После хлебных растений, главную культуру по-прежнему составляет табак, бывший в семнадцатом и восемнадцатом столетиях источником благосостояния виргинских плантаторов. Арахиды (земляные фисташки)—один из наиболее ценных продуктов местного садоводства и огородничества.

Цветные люди представляют в этом штате две пятых всего населения. Они отличаются вообще высоким ростом и физической силой. Во времена существования рабства ежегодный прирост негритянских семей, эксплоатировавшийся в виргинских плантациях, как приплод скота, питал обширную торговлю по экспорту невольников к низовьям Миссисипи. Но плантаторы делали выбор: они продавали большею частию негров наименее смышленых, от которых желали избавиться, тех, которые ничего не умели делать, кроме грубых полевых работ; таким образом, ежегодный подбор невольных эмигрантов постепенно повышал умственный уровень расы. Негры, имевшие наибольшую ценность по своим способностям и знанию какого-нибудь ремесла, оставались около помещичьего двора или в соседних плантациях, и при том большинство из них более или менее породнились со своими господами, как о том свидетельствует заметное изменение первоначального цвета кожи. Негры Линчбурга, в цен-

тре Виргинии, по свидетельству Шалера[1]—«самые красивые представители этой расы на всём юге».

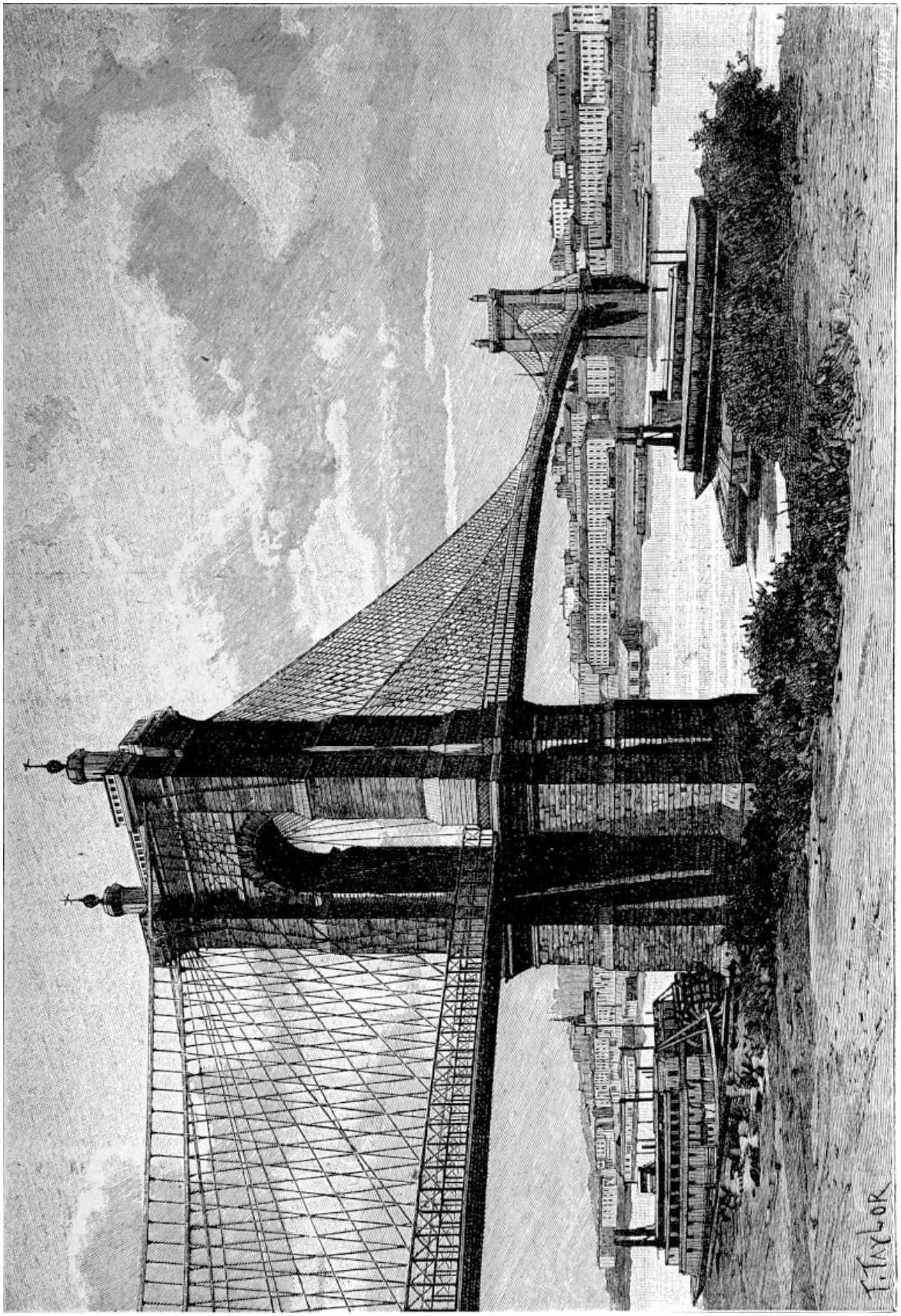
Дорога из Вашингтона в Ричмонд, столицу Виргинии, есть та самая, завоевание которой было так трудно федеральным армиям во время междоусобной войны: мало найдется, даже в Европе, территорий, бывших предметом вооруженного спора, которые бы стоили столько крови. К югу от Потомака, город Фредериксбург приютился у подошвы холма, вершины которого, занятые силами конфедератов, защищали переправу через реку Раппаганок. Южнее, в волнистой местности, пересеченной долинками и лесками, называемой *Wilderness*, или «Диким краем», происходили кровопролитные битвы при городах Спотсильвания и Ченслервиль, оставшиеся нерешительными. Местность была оспариваема с таким же ожесточением вплоть до Ричмонда и Петербурга.

Ричмонд, главный город Виргинии и бывшая столица рабовладельческой конфедерации, с 1861 по 1865 год, не принадлежит к числу больших городов Союза; в 1890 г., около полутораста лет после его основания, он не заключал в себе даже сотни тысяч жителей; тем не менее, в южных штатах он уступает по численности населения только Новому Орлеану, превосходя последний по развитию мануфактурной промышленности. Построенный на «семи холмах», как Рим и Византия, но на холмах с пологими скатами, не мешавших городу правильно вытянуть линии своих улиц и бульваров, Ричмонд—очень живописный город, и с его высоты открывается обширный вид на долину реки Джемс и прибрежные поля и деревни. Он имеет несколько красивых зданий, между прочим, Капитолий, который господствует над городом, словно греческий храм, и в котором находится статуя Вашингтона, работы Гудона. На северо-западе, на холме элегантного квартала, Леонард-Гет, стоит другой памятник, посвященный генералу Ли, герою междоусобной войны. Ричмонд занимает, на левом берегу Джемс-Ривера, место долины, наиболее благоприятное для промышленности и торговли. Выше города, река спускается с высоты около тридцати метров рядом водопадов, которые доставляют во всякое время года двигательную силу для мукомольных мельниц и других промышленных заведений. Ниже, воды Атлантического океана поднимаются вверх по реке и носят суда до самых набережных города. Прежде суда с осадкой более 3 метров не могли добираться до Ричмонда; теперь фарватер, расчищенный драгами до глубины 6 и 7 метров, дает доступ судам очень большого тоннажа; канал для мелких судов обходит пороги и проникает далеко на плато через гряды Аппалахской цепи. Ричмонд сосредоточивает в себе торговлю штата и имеет до сотни фабрик, где приготовляют разные сорты табака, между прочим, жевательный табак, составляющий специальность Виргинии. Кроме того, вдоль реки расположены многочисленные чугунолитейные заводы в Ричмонде и в соседнем промышленном городе Манчестере, построенном на противоположном берегу.

Петербург, в 35 километрах к югу, занимает на реке Аппоматокс положение, сходное с положением столицы, ниже могучих водопадов, огибаемых обходным каналом, и при начале морского судоходства через рейд Сити-Пойнт и лиман реки Джемс. Он имеет большие мукомольные мельницы и ведет деятельную торговлю земляными фисташками; однако, соседство Ричмонда наносит ущерб его промышленности и торговле. Во время междоусобной войны Петербург был южным оплотом обширного укрепленного лагеря, северную оконечность которого занимал Ричмонд, и оба эти города одновременно достались в руки северян. С восточной стороны, сильная позиция, также защищенная несколькими параллельными линиями валов, была не менее хорошо охраняема болотами и малярией: восточный фронт укреплений тянулся позади местечка Йорк-таун, приобревшего известность уже в 1781 г. капитуляцией Корнваллиса, которая положила конец войне за независимость, обеспечив торжество американцев. Застрявши со своей армией в этой болотистой местности, Мак-Клеллан тщетно пытался достигнуть Ричмонда. Более счастливые, Грант, Шерман, Шеридан комбинированными атаками на севере и на юге заставили силы генерала Ли эвакуировать два города, оспариваемые с таким ожесточением впродолжении четырех лет. Конфедераты, численность ко-

1 „Atlantic Monthly“. September 1878.

торых сократилась до десятка тысяч, изнемогая от утомления и голода, предприняли отступление к свободным от неприятеля западным равнинам, надеясь достигнуть Линчбурга, лежащего в плодородном округе Пьемонта, затем пробраться в верхния долины Аппалахских

Мостъ въ Цинциннати

гор; но, не будучи в состоянии бороться скоростью с федеральным войском, они принуждены были сложить оружие 9 апреля 1865 года близ деревни, служащей административным центром графства Аппоматокс. Война была кончена.

Линчбург, так выгодно помещенный в прекрасном богатом крае, на реке, сопровождаемой судоходным каналом, и у выхода нескольких горных проходов, через которые он сообщается с параллельными долинами Аппалахской цепи, сделался, благодаря этому счастливому положению, главным складочным местом виргинских табаков и деятельным мануфактурным центром. Однако, жизнь направляется особенно в западную часть штата, в большую Аллеганскую долину, где происходит раздел между покатостью реки Канавги через Нью-Ривер и покатостью Атлантического океана через Джемс-Ривер и Стонтон, главную ветвь реки Роанок: в несколько лет железные рудники и каменноугольные копи превратили многие деревни, между прочим, Роанок, прежде Биг-Лик, в мануфактурные города. На севере, собственно так называемая «Долина», где текут река Шенандоа и различные её притоки,— земледельческая страна, славящаяся своим плодородием и обитаемая красивым населением, шотландского, немецкого, англо-саксонского происхождения. В Аллеганских горах нет долины, в которой бы не имелось одного или нескольких курортов, с теплыми минеральными водами. Особенно богата ими Виргиния, где таких источников насчитывают около тридцати: Warm Spring, Hot Spring, Sulphur Spring, Healing Spring, Big Spring и другие подобные же имена. Близ Люрэ, города, лежащего на восточной Шенандоа, ниже Гаррисонбурга, недавно открыты пещеры, менее обширные, чем Мамонтова пещера, в Кентукки, но более разнообразного вида и более значительной высоты свода. К востоку от Миссисипи и к югу от Великих озер бобры, по словами Аллена, встречаются теперь только в округах Виргинии.

Вход в Чизапикский залив и все его боковые бухты, образуемые устьями рек Сусквеганна, Потомак, Раппаганок, Йорк, Джемс, Аппоматокс, имеет такое важное стратегическое значение, что нашли нужным защитить его сильным укреплением, хотя фарватеры уже сами по себе неудобны для плавания по причине мелей и предательских течений. Крепость Монро, стоящая против этого входа, на полуострове Йорк, является передовым верком страны с трех-миллионным населением, где находятся большие города Балтимор, Вашингтон и Ричмонд; оттого содержание федерального гарнизона в форте Монро во всё продолжение междоусобной войны имело капитальное влияние на перипетии и результаты борьбы: в соседних водах, называемых Гамптон-Родс, происходила памятная битва между первыми броненосцами, *Мерримаком* и *Монитором*. Рядом с цитаделью, на западной стороне, раскинулось купальное местечко, посещаемое в летнее время многочисленной публикой, а в соседстве находится обширный дом инвалидов (National Soldier's Home), с садами, лужайками, парком и национальным кладбищем. Федеральное правительство выбрало также этот полуостров для устройства колледжа искусств и ремесл (Normal Institute) и фермы-школы для детей освобожденных негров и молодых аборигенов. Чернокожие воспитанники, в числе около пятисот, и индейцы, в числе полутораста человек, работают рядом в мастерских и на полях, и не было случая, чтобы между ними возникали ссоры и столкновения, требовавшие вмешательства наставников или мастеров; молодые индейцы, важные и проникнутые чувством собственного достоинства, не спрашивающие ни у кого совета, но послушно исполняющие данные указания, ведут себя как взрослые люди. В каникулярное время большинство воспитанников уходят работать в отдаленных фермах. Многие воспитанники, по выходе из Гамптонского института, поступают в какой-нибудь университет для дальнейшего образования.

Недавно в этой части Виргинской низменности возник очень деятельный торговый порт, Ньюпорт-Ньюз, построенный в небольшом расстоянии от форта Монро. Общество железной дороги, для которой эта гавань служит конечной приморской станцией, дало ей полный комплект доков, верфей, набережных и складочных магазинов, благодаря чему она является одним из наилучше обустроенных приморских городов; теперь уже поговаривают ни более, ни менее, как об учреждении там «первого порта Америки». В 1890 году этот нарождающийся городок уже вывез хлеба и других земледельческих продуктов на сумму 40 миллионов франк.; но иностранные корабли пока ещё не узнали хорошенько дороги в новый порт. Соперничающие спекулянты обратили взоры на порт Чендлер или Йоркмут, намереваясь также обустроить его в место крупного экспорта. Тогда нынешнее разоренное местечко Йорк-

таун снова поднялось бы на степень большого города; что касается первой колонии белых на Виргинской территории, Джемстауна, основанного в 1607 г., то никто не помышляет о восстановлении его: он занимал слишком неблагоприятное положение на своем болотистом островке. «Есть места, где не могут возникать города», сказал Джефферсон, говоря именно о колонии Джемстаун[1]. Недалеко оттуда, деревня Вильямсбург, бывшая местопребыванием правительства до 1780 г., также осталась почти пустынной.

Движение внешнего судоходства в Ньюпорт-Ньюзе в 1890 г.: прибыло—18 судов, вместимостью 73.751 тонна; вышло—140 судов, вместимостью 192.387 тонн; всего вместе—188 судов, вместимостью 266.138 тонн.

Против форта Монро, на южном берегу лимана, Норфольк, Портсмут, Берклей, разделенные мелководными заливами, устьями реки Елизабет, составляют вместе большое городское поселение, второе в штате по числу жителей. До междоусобной войны Портсмут был главной морской станцией Соединенных Штатов, но теперь эта группа городов имеет важное значение только для судоходства и движения торгового обмена. Там производится обширная торговля сельско-хозяйственными произведениями и особенно продуктами огородничества, овощами, плодами, земляными фисташками; в известное время года в Норфольк приходят целые флоты за грузами плодов первого сбора рынков Севера. Почти все пароходы, проникающие в Чизапикскую бухту, чтобы подняться в тот или другой из впадающих в неё лиманов, заходят в Норфольк, служащий пристанью и якорной стоянкой для рыболовных судов, во множестве посещающих мели Чизапикского залива.

Движение внешнего судоходства в портах Норфольк, Портсмут и Берклей в 1890 г.: прибыло—70 судов, общей вместим. 84.850 тонн; вышло—109 судов, общей вместим. 98.683 тонн; вместе—179 судов, общей вместим. 193.533 тонны.

Соперничество Ньюпорт-Ньюза не помешало Норфольку быстро возрастать и приобретать всё большую важность в эти последние годы: посредством судоходных каналов, перерезывающих Дисмаль-Свамп и другие болота побережья, город этот господствует над выходом прибрежных равнин Северной Каролины, отделенных от соседнего моря песчаными косами и опасной цепью бурунов. Даже среди болот встречаются там и сям хорошо возделанные сады, некогда расчищенные беглыми неграми, укрывавшимися в Дисмаль-Свампе.

Главные города Виргинии, с числом их жителей в 1890 г.: Ричмонд—81.388 жит.; Ричмонд с Манчестером—90.634 жит.; Норфольк—34.871 жит.; Норфольк с Портсмутом, Берклеем и пр.—52.038 жит.; Петербург—22.680 жит.; Линчбург—19.709 жит.; Роанок—16.159 жит.; Александрия—14.339 жит.

14. Северная Каролина

Северная Каролина (North Carolina), следующая непосредственно за Виргинией на атлантическом поморье, составляет продолжение этого штата по своим естественным делениям. Простираясь также от моря до зааппалахской покатости, она представляет несколько параллельных поясов, различающихся климатом, почвой и произведениями; но в целом Северная Каролина менее плодородна и имеет менее веселый вид, чем Виргиния. Обширные равнины, бывшие некогда морским дном, покрыты бесплодным песком, по которому проложены дороги с деревянной настилкой, и где растут только хвойные деревья; отсюда прозвище штата *Turpentine State*. На востоке область болот, байю, болотистых заливов занимает большую часть побережья. Берег этот, выдвинувший в море три песчаных стрелки мысов Гаттерас. Лукаут, Фир, есть, вместе с берегом Техаса, самый негостеприимный в Соединенных Штатах; федеральное правительство выбрало эти опасные воды как место для испытания морских качеств военных кораблей. Эти невыгоды объясняют, почему Северная Каролина, превосходящая пространством Виргинию, стоит гораздо ниже последней по численности населения, по торговле и промышленности. Но жители её, английской расы, смешанной с

1 „Observations sur la Virginie“.

кельтами, выходцами из Шотландии и Ирландии, много способствовали эмиграцией, в первой половине настоящего столетия, заселению штатов Тенесси, Миссисипи и Техаса. Мелкое землевладение представлено в Северной Каролине энергической демократией сильных землевладельцев. Говорят, в самых глухих местах обширных сосновых лесов, в *barrens* или песчаных равнинах прибрежья живет почти одичалое население.

Место северной Каролины между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (52.250 кв. миль=135.327 кв. километр.)— 28-е; по народонаселению в 1890 г. (1.617.947 жителей)—16-е; по километрической плотности населения (12 жит.)—22-е.

Столица штата, Ралей,—один из тех второстепенных городов, которые выбираются для местопребывания законодательного собрания по причине их центрального положения; впрочем, она имеет ту выгоду, что расположена в одной из самых здоровых местностей, в лесной области. Важнейший город штата, Вильмингтон, построен вблизи моря, на реке мыса Фир, который, несмотря на опасность его подходов, всё-таки самый доступный пункт на том берегу (движение внешнего судоходства в этом порте в 1890 г.: 361 судно, общей вместимостью 162.670 тонн). Во время междоусобной войны Вильмингтон приобрел довольно важное значение, как главная пристань для судов, которые форсировали блокаду, чтобы выгрузить боевые припасы и забрать грузы хлопка для доставки на Бермудские и Багамские острова. Торговля эта прекратилась только после взятия фортов, защищавших вход в реку. Новый Берн (New-Berne), менее деятельный, чем Вильмингтон, посещается каботажными судами, которые ходят в озеро Памлико за грузами леса, смолы и терпентина.

На западе штата, в сердце Аппалахской цепи, город Ашвиль, окруженный плодовыми садами, служит исходным пунктом для туристов, предпринимающих восхождение на высокие хребты, доминируемые горой Митчел. В сентябре месяце женщины и дети ходят в окружающие леса на поиски корня жиншень, известного в крае под именем *Sang*. Местность вокруг Ашвиля—самая замечательная в Соединенных Штатах по разнообразию и блеску её флоры; она славится своими роскошными цветами и превосходными плодами. В эпоху массового изгнания черокезов, с 1836 по 1839 год, одно маленькое племя успело удержаться на западной оконечности штата, в одной долине Дымных гор, почти неизвестной белым; в 1890 г., племя это, достигшее довольно значительной степени благосостояния, заключало в себе 2.885 душ, почти на половину чистой, несмешанной расы. Правительство отвело им участок земли (reservation) в коллективную собственность.

Главные города Северной Каролины, с цифрой их населения в 1890 году: Вильмингтон—20.008 жит.; Ралей—12.798 жит.; Ашвиль—10.433 жит,

15. Южная Каролина

Из двух смежных одноименных штатов—Южная Каролина (South Carolina) с большим правом носит это имя Каролины, так как первые французские колонисты поселились в Шарльфорте, на островах его побережья. Герб штата, изображающий латанию, доставил Южной Каролине также прозвище *Palmetto State*. Она составляла часть тринадцати колоний, завоевавших себе независимость победой над английскими силами; однако, англичане во время этой войны вербовали там рекрут в большом числе, и вообще население Каролины относилось довольно индифферентно к борьбе. Гораздо сильнее были возбуждены страсти, когда южные штаты задумали основать конфедерацию, управляемую рабовладельцами; Чарльстон взял на себя тогда почин разрыва. Тотчас после выбора Линкольна в президенты, южные каролинцы провозгласили «отделение» (secession) и овладели крепостями и арсеналами, которые федеральное правительство имело на их территории: один только укрепленный пункт, около Чарльстона, форт Сомтер, оставался ещё несколько месяцев во власти северян, и первые вооруженные столкновения имели место вокруг этой крепости. Естественные деления Южной Каролины те же, что и в других штатах цизаллеганской покатости:

вдоль Атлантического океана тянется пояс островов и болот; затем, внутри страны, земли постепенно поднимаются к основанию Аппалахской цепи, и наконец, горы и возвышенные долины составляют особую земледельческую область. *Sea Islands*, или «Морские острова», производят, но в малом количестве, длинноволокнистый хлопок (sea-island), самый ценный сорт хлопка во всём свете, а сырые земли прибрежья дают лучший рис в Соединенных Штатах. Так же, как в других странах, обрабатывавшихся прежде руками невольников, плантации были в большей части истощены хищнической культурой, и обширные пространства оставлены в залежи. Впрочем, война распространялась, как пожар, по этим сельским местностям, убивая, изгоняя или разоряя плантаторов: значительная часть земель перешла в руки ростовщиков-евреев.

Оценка народного богатства Ю. Каролины в 1860 г.: 490.000.000 доллар.; в 1890 г.: 132.000.000 доллар.

Между заброшенными плантациями есть очень богатые фосфоритами, камнями, которые прежде употреблялись только для мощения дорог, а теперь служат средством к обновлению истощенной почвы; площадь земель с гнездами этого камня определяют в 3.000 кв. километров, а содержание фосфоритов простирается до 3.000 тонн на гектар (в 1889 г. из Чарльстона вывезено 317.500 тонн этого камня). Некоторые каролинские округи, у основания гор, заключают в себе другие драгоценные залежи, золотоносные пески, разрабатываемые с выгодой уже в течение полстолетия. Французская раса представлена в Южной Каролине многочисленными потомками эмигрантов гугенотов, пришедших просить убежища у колониального правительства после отмены Нантского эдикта. Они были, впрочем, очень дурно приняты английскими колонистами, и им пришлось долгие годы добиваться социальной и политической равноправности с другими белыми; теперь французский язык уже не употребителен, и даже большинство французских прозваний были переведены или переделаны на английский лад. До междоусобной войны население Южной Каролины заключало в себе сильное большинство чернокожих, около трех пятых общего числа жителей. Они остались наиболее многочисленным элементом, и поддержка северян помогла им завоевать политическую власть; но торжество их было непродолжительно, и угрозы, вместе с ловкой манипуляцией законов, позволили белым снова всецело забрать в свои руки правительственную гегемонию.

Место Южной Каролины между штатами и территориями Северо-Американской федерации: по пространству (30.750 кв. миль=79.176 кв. километр.)—29-е; по народонаселению (в 1890 г. 1.151.149 жителей)—22-е; по километрической плотности населения (15 жит.)—18-е.

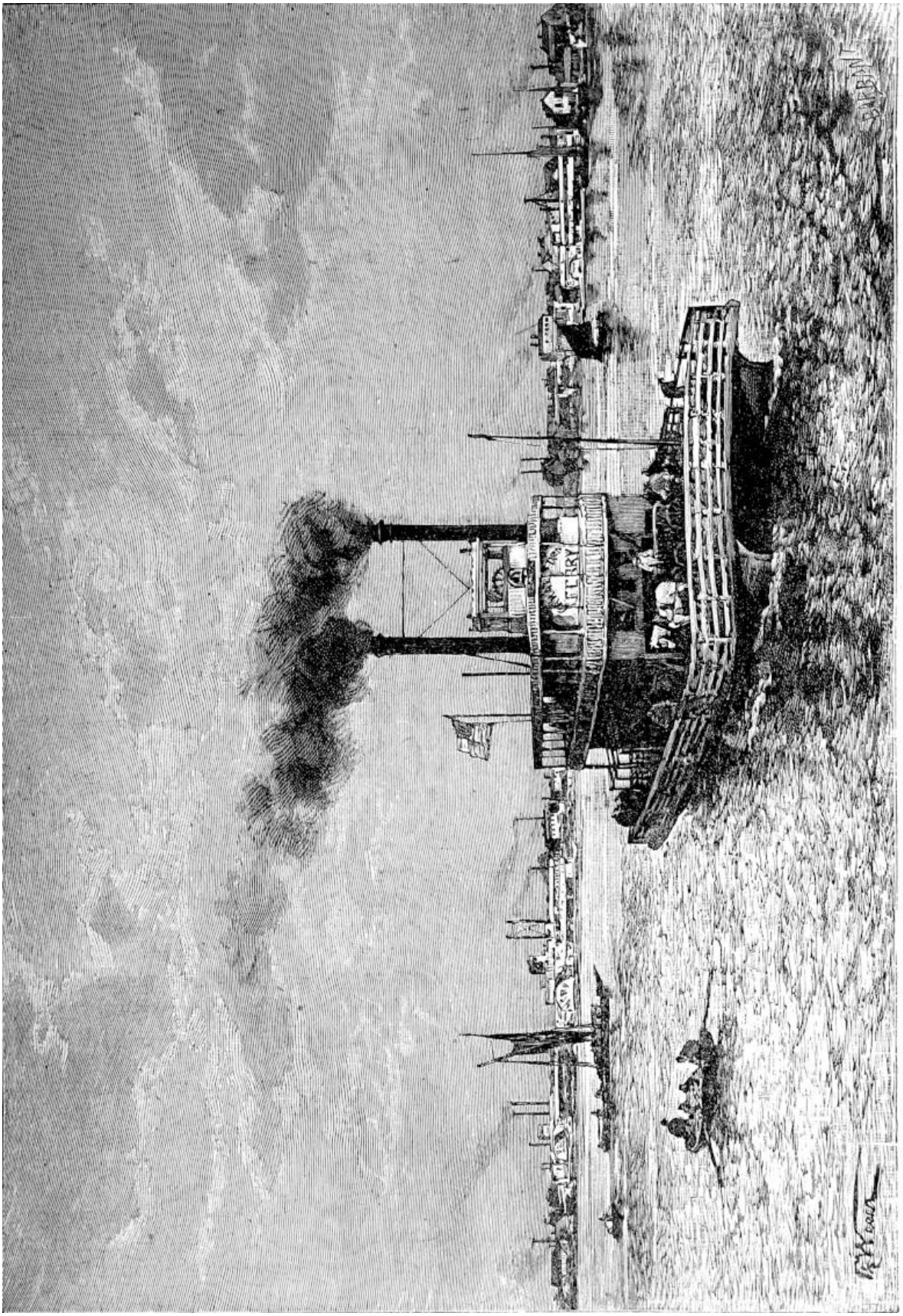
Оффициальная столица Южной Каролины—город Колумбия, прячущийся под тенью магнолий и дубов, на высоком берегу реки Конгари, ниже её каскадов; несколько других притоков присоединяются к этой реке и образуют вместе с ней реку Санти, впадающую в Атлантический океан, к северу от Чарльстона. Этот последний город, построенный на низменном полуострове, окруженном бульварами и набережными,—метрополия штата и одно из исторических мест американского континента. Он имеет за собой более чем двухвековое существование, и в начале был одним из центров американской торговли по экспорту хлопка и риса, и в особенности по импорту невольников, привозившихся с Антильских островов.

Движение судоходства в Чарльстоне по заграничному сообщению в 1890 г.: прибыло—153 судна, вместим. 86.710 тонн; вышло—194 судна, вместим. 120.969 тонн; вместе—347 судов, вместим. 207.679 тонн.

Общее движение судоходства, вместе с каботажем, в 1889 г.: 732 судна, вместим. 731.517 тонн. Ценность морской торговли в 1889 г.: 16.743.951 пиастр.

Во время войны за независимость Чарльстон был дважды атакован, но без успеха, английским флотом; затем он впродолжении четырех лет гражданской войны отражал нападение федеральных сил. Ему неоднократно приходилось также страдать от пожаров, наводнений и землетрясений. Но после каждого такого бедствия он скоро отстраивался и оправлялся: плантаторы имеют там, для сезона морского купанья, виллы с садами и цветниками. Два широких лимана, Ашлей и Купер, омывающие город на севере и юге, соединяются на восто-

ке от полуострова и образуют безопасный рейд, отделенный от океана извилистым баром, на котором глубина воды, во время отлива, не превышает 3 метров: теперь работают над сооружением двух сходящихся молов, опирающихся, один, длиною 4.367 метров, на остров Сюл-

На Миссисипи.

ливан, другой, длиной 5.611 метр., на остров Моррис, и устройство которых, как надеются, будет иметь результатом углубление фарватера до 6 слишком метров. В рейде, на островах и песчаных мысах, рассеяны форты, напоминающие события междоусобной войны.

Другой порт Южной Каролины, Джорджтаун, при устье реки Грет-Пиди, посещается только каботажными судами. Бофорт (Beaufort), в архипелаге «Морских островов», Sea-Islands, обладает великолепной группой якорных стоянок, известной под общим именем «Королевского порта», Порт-Ройяль, в котором свободно могли бы поместиться целые флоты. В последнее время этот город сделался серьезным соперником Чарльстона по вывозу хлопка и риса каботажными судами.

Движение судоходства в Бофорте по внешней торговле в 1890 г.: 167 судов, общей вместимостью 178.185 тонн.

На одном из островов Порт-Ройяля французские гугеноты, высаженные Рибо, сделали попытку колонизации; там же, в Порте-Ройяле, поселились первые английские колонисты, и должна была получить применение образцовая конституция, придуманная философом Локком, хартия, не представляющая, впрочем, ничего оригинального: она просто-на-просто освящала власть восьми «сеньоров землевладельцев», под председательством королевского наместника. Майорат был учрежден в мужском поколении, и всякий свободный обыватель имеет неограниченную власть над неграми-невольниками.

Главные города Южной Каролины, с числом их жителей в 1890 г.: Чарльстон—54.955 жит.; Колумбия—15.353 жит.

16. Георгия

Георгия (Georgia), один из тринадцати первоначальных штатов и важнейший из всех штатов, лежащих к югу от линии Мэзона и Диксона, превзошла численностью населения Тенесси, опередила также Виргинию, и таким образом заслуживает прозвища *Keystone of the South*, «Ключ в своде Юга», которое она присвоила, сравнивая себя с Пенсильванией, «Ключем в своде Севера». В самом деле, штат этот занимает аналогичное географическое положение, на водораздельной возвышенности и на двойной покатости, спускающейся с одной стороны—к Атлантическому океану, а с другой—к Мексиканскому заливу. Однако, моря он касается только на юго-востоке, между лиманом Саванны и лиманом Сент-Мери. На юго-западе, границей его со стороны Алабамы, служит река Чаттагучи, впадающая в Мексиканский залив, но нижнее течение этой реки принадлежит Флориде. Георгия, наклонная плоскость, начинающаяся на последних отрогах Аппалахских гор и орошаемая многочисленными реками, расходящимися веерообразно к двум морям,—одна из самых плодородных стран Северной Америки, и до междоусобной войны она пользовалась большим благосостоянием. Удаленный от главного театра военных действии между Вашингтоном и Ричмондом, штат этот мог надеяться, что будет избавлен от бедствий войны; но из всех областей Юга он был, напротив, наиболее опустошен неприятелем, ибо через его территорию направилась армия Шермана, чтобы разрезать на-двое конфедерацию рабовладельческих штатов. После страшных схваток из-за обладания Атлантой, на северо-западе Георгии, федеральная армия ринулась по нескольким параллельным дорогам в направлении Саванны, сжигая на пути города и фермы, опустошая поля, разрушая мосты и железные дороги, словно пронесся грозный ураган полосой в сто километров ширины. Исчисляют слишком в 2 миллиарда франков стоимость богатств, истребленных во время этого страшного похода. С той поры Георгия уже оправилась от понесенных потерь, и население её возросло на половину.

Место Георгии между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (59.475 кв. миль=154.040 кв. километров)—20-е; по народонаселению (в 1890 г. 1.837.353 жителей)—12-е; по километрической плотности населения (12 жителей)—23-е.

Атланта, которую георгийцы сделали, после войны, своей столицей, из чувства патриотической признательности в память её долгого сопротивления армиям Севера, занимает не центральное положение, как большинство главных городов американских штатов; но, как это достаточно доказал поход Шермана, она есть истинный стратегический центр Георгии и, вместе с Чаттанугой, держит ключ от всех штатов, заключающихся между Атлантическим

океаном, реками Огайо, Миссисипи и Мексиканским заливом; отсюда её прозвище *Gate City*; это—«Ворота Юга». Она командует, с высоты 331 метра, южными проходами Аппалахских гор и началам долин, расходящихся вокруг этого гидрографического центра, к Миссисипи, Мексиканскому заливу и Бермудскому морю. Железные дороги, пересекающиеся в Атланте, ещё более увеличивают эту капитальную важность города, сделавшагося теперь самым многолюдным в Георгии, хотя первые дома были построены только в 1845 году. Река Чаттагучи, проходящая километрах в двенадцати к северо-западу, неудобна для судоходства в этой части своего течения. Она начинает носить суда, да и то не глубоко сидящие в воде, только в 200 километрах ниже, от водопадов при городе Колумбусе, утилизируемых для бумагопрядильни и других мануфактур. Атлантский университет, в принципе открытый как для белых, так и для негров, не имеет других воспитанников европейской расы, кроме сыновей профессоров. Верстах в двадцати к северо-востоку стоит мощная гранитная масса, называемая «Каменной горой», Stone Mountain, в которой предполагают гору Олаими индейцев племени крик; верхняя площадка её, около 800 метров в окружности, обнесена стеной,—вероятно, остатки древней крепости; окрестные пещеры заключают в себе трупы, превратившиеся в мумии[1].

Два другие города, Макон на реке Окмульджи, и Милледжвиль, на реке Окони, лежащие недалеко от геометрического центра штата, ещё недавно оспаривали у Атланты ранг столицы. Так же, как Колумбус, на реке Чаттагучи, они основались, тот и другой, в пунктах, где реки спускаются водопадами из своих верхних долин, и откуда начинается судоходное течение: до постройки железных дорог эти позиции, так сказать, указывались самой природой как места, где должны были возникнуть промышленные города. Город Августа, на правом берегу реки Саванны, занимает аналогичное положение и располагает, для своих бумагопрядильных мануфактур, двигательной силой, доставляемой водопадами в 12 метров общей высоты. Августа находится почти на равном расстоянии от двух портов, Чарльстона и Саванны.

Этот последний город, долгое время бывший самым многолюдным в Георгии и до сих пор оставшийся её главным торговым центром, расположен на южном берегу реки Саванны, широко открытой к морю лиманом, длиной около 30 километров. Это город уже не молодой, так как первые дома его появились с 1732 года, и один из самых приятных, несмотря на его песчаные улицы; прекрасные деревья, осеняющие его жилища, доставили ему, как Кливленду и некоторым другим городам, прозвище *Forest City* («Лесной город»). Отпускная торговля Саванны, вывозящей хлопок, рис и земледельческие продукты, весьма значительна, благодаря превосходной гавани, доступной судам с осадкой до 6 метров: она на много превышает вывозную торговлю Чарльстона, соседа и соперника Саванны.

Экспорт Саванны в 1890 г.: 30.884.450 пиастров (слишком 150 миллионов франков).

Движение судоходства по торговле с иностранными рынками в 1890 году: прибыло—361 судно, вместим. 246.626 тонн; вышло—350 судов, вместим. 255.343 тонн.

Другие порты, лежащие южнее на георгийском берегу, неудобны, по причине опасного подхода, но тем не менее посещаются рыболовными и каботажными судами; в соседстве одного из портов, Брунсвика, находится, на острове Сент-Симон, скромная деревня Фредерика, первая колония англичан на Георгийской территории. Воды эти, вероятно, приобретут важное значение в близком будущем, как обширное поле устрицеводства: уже тысячи гектаров морского дна утилизированы там для разведения устриц.

Движение внешнего судоходства в порте Брунсвике в 1890 году: 535 судов, вместимостью 303.648 тонн.

В Георгии, как и в Южной Каролине, гористая область быстро богатеет, благодаря ежегодным посещениям досужих людей, привлекаемых её теплым климатом, её зеленеющими долинами, её лесами, водопадами и прекрасными горизонтами. Сады её также славятся

1 D. C. Brinton, „Guide-book to Florida“.

своим плодородием, а ручьи катят золотоносный песок[1]. Маленький монетный двор, основанный в хорошеньком городке Далонега, чеканит золотую монету для федерального правительства.

Главные города Георгии, с числом их жителей в 1890 году: Атланта—65.591 жит.; Саванна—41.762 жит.; Августа—33.150 жит.; Макон—22.698 жит.; Колумбус—18.650 жит.

17. Флорида

Флорида, остаток более обширной территории «Флорид», простиравшейся некогда на западе до Миссисипской дельты, составляет особую область. Она ясно отделяется от туловища континента, чтобы выдвинуться к Антильским островам, и по своему способу образования, по своему климату, по флоре и даже фауне, её оконечность принадлежит к антильскому миру. При том же она не входила в состав первоначальной территории Соединенных Штатов и была присоединена к этому государству только в 1819 году. Возрастание её населения и народного богатства шло не так быстро, как в северных и центральных штатах. Озера, болота, непроходимые леса, занимающие обширные пространства в южной половине этого края, мешали колонизации; даже в не болотистых местностях низкорослые пальмы, покрывающие почву и трудно выкорчевываемые, долго обескураживали землепашцев, пришедших с севера. Кроме того, истребительная война против семинолов и опустошения, которые повлекло за собой восстание рабовладельческих штатов, отклонили к другим странам поток иммиграции. Разница климата также отталкивает колонистов: если мягкость зим привлекает богатых больных с севера, чахоточных и иных, в числе более шестидесяти тысяч человек в год, к некоторым санаториям флоридского побережья, то работники, напротив, инстинктивно боятся сырой, расслабляющей температуры этих областей. Наконец, одно из главных препятствий распространению и успехам земледелия происходит от раздачи, во времена испанского господства, огромных земельных участков разным высокопоставленным лицам, права владения которых были подтверждены Соединенными Штатами в трактате, заключенном с Испанией; таким образом, значительное пространство лучших земель принадлежит иностранцам, которые сами не живут в своих имениях и по большей части оставляют их без обработки или сдают в аренду хищническим синдикатам. Несмотря, однако, на все эти невыгоды, население Флориды, в котором африканцы составляют две пятых, более чем удвоилось со времени междоусобной войны, и некоторые отрасли земледельческой промышленности, между прочим производство апельсин и кокосовых орехов и эксплоатация леса, доставляющего столярный материал (красное дерево), дают этому краю возрастающую экономическую важность.

Место Флориды между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (58.680 кв. миль=151.981 кв. километр.)—22-е; по народонаселению (в 1890 году 391.422 жителя)—32-е; по километрической плотности населения (25 жителей)—37-е.

В континентальной Флориде главный по значению город—Джаксонвиль, порт реки Сент-Джон, центр притяжения для выздоравливающих и для любителей охоты и рыбной ловли, которые находят достаточно добычи во внутренних лесах и озерах; пароходы поднимаются по Сент-Джону до Палатки, на 120 километров от устья; но морские суда с трудом проникают в порт Сент-Джон, заграждаемый баром, где глубина воды не больше метра во время отлива; теперь, впрочем, работают над углублением фарватера до 4 с половиной метров посредством постройки сходящихся молов. Река эта представляет скорее «цепь озер»,—откуда её индейское имя Вила-ка,—соединенных промежуточными потоками. Одно из этих озер получило название Lake George за сходство его с чудным озером того же имени в штате Нью-Йорк, и каждый год тысячи посетителей высаживаются на его тенистые берега. Один из источников, питающий реку Сент-Джон через приток её Оклавагу, носит имя «Серебряного», Сильвер-Спринг: он образует при выходе из известковой скалы бассейн шириной около 180 метр., до такой степени прозрачный, что ясно видны пески дна на глубине 20 мет-

1 Townshend, „Wild Life in Florida”.

ров; выходящий из бассейна поток дает доступ большим лодкам. Серебряный источник выбрасывает огромное количество воды, около 1.350 миллионов метров в день, т.е. от 15 до 16 кубических метров в секунду; постоянная температура его воды 10,°3 Цельсия[1]. Деревня Окала, близ Сильвер-Спринга, известна в Соединенных Штатах как место, откуда была выпущена программа новой политической партии, образованной новым союзом фермеров (Farmers' Alliance).

Джаксонвиль окружен апельсинными рощами, также, как Сент-Огюстин, город, лежащий южнее, на берегу Атлантического океана. Это Сан-Агостин первых испанских колонистов, древнейшее поселение европейцев на почве Соединенных Штатов по сю сторону Миссисипи: основание его относится к 1564 году, но уже ранее тут жили индейцы, ибо белые построили свои дома на громадных кучах раковин и других кухонных отбросов, возвышавшихся почти на 4 метра над уровнем моря; однако, местность эта осела, так что для защиты города от размывающего действия волн принуждены были построить широкую набережную, служащую теперь главным гульбищем для городских обывателей. Белые жители Сент-Огюстина—по большей части магонского происхождения, и местный язык всё ещё испанский, впрочем, с большой примесью английских слов. «Минорканцы», пришедшие в Сан-Агостин, эмигрировали сюда не добровольно. Навербованные одним спекулянтом на всех островах Средиземного моря и даже на берегах Малой Азии, они были высажены, в 1768 году, во Флориде, где и основали местечко Нова Смирна (Nova Smyrna, New Smyrna); но хозяин обращался с ними так жестоко, что они бежали оттуда и поселились в Сент-Огюстине.

На юге, берега Флориды, до самой оконечности её, на протяжении 600 километров, не имеют городов; единственные населенные места на этом побережье—несколько негритянских деревень да два-три форта, с маяками и спасательными станциями. Осушка болот, очень уже подвинутая прорытием канала, направляющагося к Калусагачи, притоку Мексиканского залива, позволит колонизовать страну и превратить её в один обширный сад; лесные чащи, где тысячами бродят одичавшие свинья и домашния животные, быстро расчищаются, чтобы уступить место плантациям апельсинного дерева, кокосовой пальмы, особого вида конопли, называемой сизаль.

Несколько семей семинолов или «диких людей», избегшие массового выселения в 1842 г., живут ещё, в двадцати становищах, на островках и берегах Эвергледов или Пай-Оки,—«Травяного озера»,—в южной части полуострова, недалеко от Миами, маленькой гавани, где несколько гоэлет справляют свой крошечный промысел. Аборигены эти благоденствуют, как земледельцы и промышленники, приготовляют крахмал, муку и «тапиоку» из корней *коути*, дубят кожу, ввозят для собственного употребления калориферы, швейные машины, фортепиано, стенные часы. Племя их год от году возрастает; в 1880 году их насчитывали всего только 208 душ; десять лет спустя число это увеличилось уже до 300, хотя мужчины относительно более многочисленны, чем женщины. Несмотря на новый образ жизни, навязываемый им американской цивилизацией, эти гордые и красивые индейцы гордятся своим происхождением, как члены кланов Ягуара и Выдры, и не терпят никакого расового смешения с белыми людьми; они также очень энергично противятся всем попыткам колонистов, которые хотели было склонить их к разделу общего поземельного имущества племени; они понимают, что если они согласятся разрезать свою вотчину на мелкие участки и учредить частную собственность, то последняя скоро будет у них отобрана какими-нибудь крупными скупщиками, и они увеличат собой массу пролетариев[2]. Многочисленные горки, рассеянные во внутренних равнинах, и кучи раковин на берегу моря указывают на то, что прежде край этот был густо населен.

Крепость, охраняющая проходы из океана в Мексиканский залив, стоит на острове Ки-Уэст, в цепи рифов, продолжающих восточный берег Флориды до Маркизских и Черепашьих островов. Это Кайо-Уэсо испанцев, «Костяной остров», названный так от его белова-

1 D. C. Brinton, „Guide-book to Florida".

2 F. Higel, „Twentieth Century", July 30, 1891.

тых скал. Имея всего 9 километров в длину, при 3 километрах ширины, островок этот поднимается только на 5—6 метров над средним уровнем окружающих вод; и тем не менее на этом подводном камне вырос значительный город. Ки-Уэст обладает прекрасным, защищенным от ветров, портом, доступным большим морским судам с осадкой от 6 до 7 метров, и благодаря своему положению между двух морей, он сделался обязательною пристанью для пароходов, поднимающихся и спускающихся по Заливному течению в Флоридском канале. Расположенный напротив Гаванны, с которой его соединяет подводный телеграфный кабель, Ки-Уэст участвует в торговле этого большого испанского города; и по внешнему виду он несколько походит на Гаванну своими виллами, ютящимися под тенью кокосовых пальм, магнолий и других тропических деревьев.

Движение судоходства по заграничной торговле в порте Ки-Уэст в 1890 году: прибывших —287 судов, вместим. 127.101 тонна; вышедших—297 судов, вмест. 134.477 тонн.

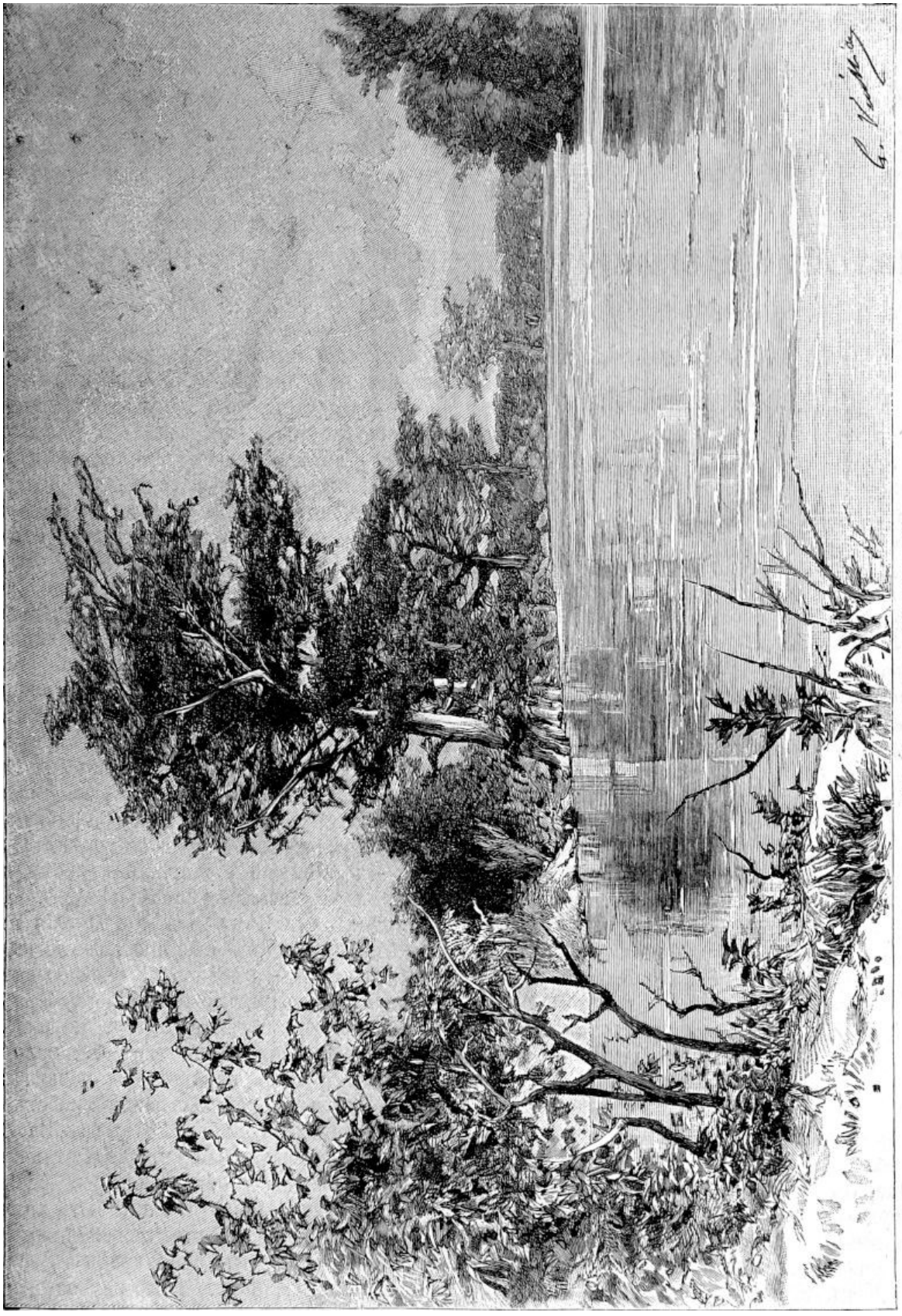
Кубанцы очень многочисленны между жителями Ки-Уэста, так как остров этот служит им местом убежища и центром пропаганды для изгнанников со всех Антильских островов: здесь часто замышлялись, не раз даже при поддержке со стороны правительства Соединенных Штатов, заговоры, имевшие целью подготовить политические перемены на соседних островах. Кубанские выходцы принесли с собой в Ки-Уэст искусство фабрикации сигар, которая теперь ведется там очень деятельно; кроме того, жители острова эксплоатируют салины, собирают губки, ловят черепах, занимаются профессией кораблекрушителей или спасателей, смотря по времени и обстоятельствам. Во время междоусобной войны этот чрезвычайно важный в стратегическом отношении пост постоянно оставался во власти федерального флота и служил ему главным опорным пунктом для блокады южных штатов. Испанские рыболовы из Кубы поселились временно на окружающих островках того же рода (cayes, keys).

Западный берег Флориды, низменный, загроможденный банками и мелями, имеет очень мало портов, где бы могли останавливаться суда большого тоннажа; один из менее худых, которым пользуются в особенности для вывоза рогатого скота на остров Кубу, есть Тампа, бывшее испанское поселение, долго остававшееся заброшенным, где сходятся главные дороги этой замечательной области холмов и бесчисленных озер, происхождение которых Шалер приписывает действию Гольфстрема, протекавшего в ту эпоху в другом русле. Далее показывается Седар-Кис, близ устья реки Сувани, которую питает, в 70 километрах к верховью, «Источник ламантинов», Manatee Spring, названный так от травоядных китов (trichechus manatus), которые заходили туда купаться в голубой воде, под тенью деревьев; кое-где видны ещё кости этих животных, на половину прикрытые осадками. Между инженерами поднимался вопрос о прорытии морского канала при основании полуострова, между Фернандиной, на устье реки Сент-Мери, и Седар-Кис. Исчисляют в 221 километр длину этого канала, который избавил бы суда, ходящие между Новым Орлеаном и Нью-Йорком, от необходимости делать длинный обход в 900 километров через очень опасные воды, усеянные островами, мелями и подводными камнями; ежегодные кораблекрушения в этих водах представляют потерю в 25 миллионов франков.

В Западной Флориде, старый испанский город Сент-Марк (Сан-Марко) имеет вид руины с 1704 года, когда английский отряд, вспомоществуемый шайкой алибамонов, овладел этой крепостью и перебил или обратил в рабство индейцев-аппалахов, которые там находились под управлением испанских миссионеров: около тысячи четырехсот этих пленников были отвезены на плантации Георгии, в окрестностях Саванны[1]. Сент-Марк—естественный порт столицы штата, Талагаси, и обширной, хорошо орошаемой области, которую легко было бы превратить в чудный сад: там во многих местах встречаются давно когда-то расчищенные пространства, известные под именем «Старых полей», *Old Fields*, которые теперь колонисты, черные или белые, постепенно вновь завоевывают для культуры, в уверенности найти там земли необычайного плодородия. Верстах в двадцати к югу от Талагаси, близ реки Сент-Марк, бьют из глубины 30 метров обильные, чистые и студеные воды Вакуллы, вторичного

1 Charlevoix, „Histoire de la Nouvelle-France".

появления реки Алачуа, в некотором расстоянии оттуда исчезающей под землей. Вакулла, Сильвер-Спринг и Манати-Спринг—три чудесных источника Флориды, как полагают, те самые, которых искали испанцы, надеясь найти источник Молодости[1].

На берегахъ Сабины.

Торговля страны сосредоточивается в Пенсаколе, лежащей на берегу Западной Флориды; так же, как Ки-Уэст, это укрепленный город, утилизировавшийся для военных целей уже с

1 D. C. Brinton, цитиров. сочинение.

1693 г. Испанцы и французы последовательно воздвигали там укрепления, и крепость много раз была осаждаема и завоевываема; порт, защищенный от всех ветров и доступный большим морским судам 6-ти метрового водоуглубления, представляет весьма важный стратегический пункт на этом негостеприимном берегу. Со времени междоусобной войны, и особенно с тех пор, как началась деятельная разработка каменноугольных копей и железных рудников в Алабаме, Пенсакола, соединенная железными дорогами с центральными штатами, сделалась цветущим торговым городом. Ещё недавно она вывозила только строевой лес; теперь она отправляет за границу чугун, производимый соседними штатами Алабамой и Теннесси: Бирмингам, важнейший горнозаводский и мануфактурный рынок Юга, сделал Пансаколу своим главным портом.

Движение судоходства в порте Пенсакола по внешней торговле в 1890 году: прибыло—553 судна, вместим. 395.702 тонны; вышло—579 суд., вместим. 420.076 тонн.

Апалачикола, наследник имени, которое некогда носила столица аппалахов или палаци, —незначительное местечко при устье реки того же имени, составляющей продолжение Чаттагучи, реки, напоминающей местопребывание индейцев-учесов, племени, родственного нации криков, но говорящего особым наречием. Деревня Чаттагучи, на реке Апалачикола, при слиянии рек Флинт и Чаттагучи, была тем «индейским городом» Чата-гуч, который Бертрам[1] описывает как «самый большой» из индейских городов, с домами, состоявшими из деревянного сруба, обмазанного глиной и крытого кипарисным гонтом; город этот заключал в себе около двух тысяч жителей.

Главные или исторические города Флориды, с цифрой их населения по переписи 1890 год: Ки-Уэст—18.508 жит.; Джаксонвиль—17.160 жит.; Пенсакола—11.571 жит.; Тампа—3.525 жит.; Фернандина—3.207 жит.; Сент-Огюстин—3.051 жит.; Апалачикола—3.024 жит.; Талагаси—2.933 жит.

Глава V Покатость Великих озер и реки Миссисипи

I. Рельеф почвы

Естественная область Соединенных Штатов, составляющая часть срединной низменности Северной Америки, между полярным океаном и Мексиканским заливом, есть самая обширная зона Союза: два внешних вала, Аллеганские и Скалистые горы, ограничивают пространство около 1.500 километров среднего диаметра во всех направлениях, составляющее почти три пятых поверхности Соединенных Штатов, за исключением Аляски. Без сомнения, эта огромная страна не везде одинаково пригодна для обитания; именно в равнинах Замиссисипья обширные территории, недостаточно орошаемые реками или водами неба, могут быть утилизируемы только для выгона скота; но почти вся площадь пред-миссисипских штатов, дельта Луизианы и земли, простирающиеся на запад в среднем бассейне Миссури и его притоков, отличаются баснословным природным богатством; на этом громадном пахотном поле сотни миллионов людей легко находили бы себе пропитание. Исключительная выгода этих областей состоит в чрезвычайной легкости сообщений; даже до постройки железных дорог бассейн Миссисипи и Великия озера представляли колонистам сеть естественных путей, какою не обладают другие наиболее благоприятствуемые страны мира. К этим судоходным дорогам прибавились железные линии, звенья которых с каждым годом всё теснее сближаются. Торговля зарождается в степях, ещё недавно безлюдных, и большие города выростают, словно чудом, среди пустынь. Хотя столица Соединенных Штатов и их значи-

1 „Travels through North and South Carolina".

тельнейшая городская группа, Нью-Йорк, Бруклин и Джерси-Сити, находятся на атлантической покатости, но уже более половины населения перешло за Аллеганы, чтобы направиться в бассейн Миссисипи, и день ото дня разность населенности возрастает в пользу этой средней части республики.

Между двумя гористыми окраинами великой равнины почти совсем нет больших выступов почвы. К Аппалахским горам на западе примыкают, как их предгорья, невысокие холмы, тянущиеся в некоторых местах в виде непрерывных цепей, тогда как в других местах почва представляет слегка волнистую поверхность, или усеяна закругленными буграми. Эта западная область гор, менее изогнутая в складки и изборожденная трещинами, чем восточная, состоит из горных пород, заключающих в себе смолистые угли, газы, минеральные масла, соли, железные руды, ископаемые богатства штатов Пенсильвании и Огайо. Главную выпуклость рельефа, в бассейне реки Огайо, образует длинный и широкий хребет, который геологи назвали Cincinnati Axis, «Осью Цинциннати», потому что метрополия штата Огайо находится на его протяжении: высоты эти примыкают к водораздельной возвышенности, идущей вдоль южного берега озера Эри, и направляются к юго-западу, параллельно Аллеганской цепи; но по виду они мало разнятся от других неровностей почвы, и боковые долины, перерезывающие хребет, местами делают его неприметным. За Вабашем, так называемые «прерии», отличающиеся от восточных областей преобладанием травяной растительности, не имеют холмов, но представляют длинные повышения и понижения почвы, которые сравнивали с волнами океана. Складки почвы, часто неуловимые для глаза, соответствуют линиям глубоких вод; они образуются всегда выше потоков рек и представляют борозды, постепенно углубляющиеся в направлении скатов[1].

К западу от собственно Аллеганских гор, около потоков Зеленой реки (Грин-Ривер), в Кентукки, простираются, в виде волнообразных равнин, пласты угленосных известняков, прикрытые тонкими слоями песчаника и растительной земли. Эти формации, изрытые многочисленными галлереями, продолжаются на юге от Кентукки, в штате Тенесси, где они, впрочем, занимают меньшую площадь. К западу от плоскогорья, называемого Кумберландскими горами, которое принадлежит к системе Аппалахских гор, хотя отделено от главной цепи глубокими параллельными долинами верхней Тенесси и её притоков, почва понижается, и около центра штата образует неправильную волнообразную поверхность. Этот неравный цоколь носит название Highlands или «Высоких Земель», хотя средняя высота его всего только от 280 до 320 метров. Высоты эти оканчиваются крутыми обрывами, пласты угленосных известняков вдруг прерываются, и путешественник видит у себя под ногами обширную равнину, верхние слои которой были разрушены геологическими деятелями; обнажившееся дно её состоит из силурийских формаций. Эта котловина, пространством около 16.000 квадр. километров, «Большой Бассейн» Тенесси, повидимому, была озером в отдаленные времена; она имеет контуры озерного бассейна, с бухточками и заливами, с высокими мысами и песчаными стрелками; аллювиальные отложения, наполняющие впадины, делают её самой плодородной частью страны[2]. На юго-востоке, область высоких равнин, с такой же легкой и волнообразной почвой, как прерии Иллинойса, простирается на покатости реки Томбигби.

Пояс известковых формаций, ограничивающий «Большой Бассейн» на востоке, поворачивает к югу, продолжаясь параллельно течению Тенесси, и примыкает на западе к другой области возвышенностей (Highlands), более низкой сравнительно с первой: она имеет всего только 200 метров средней высоты над уровнем моря. Вскоре эта высокая равнина наклоняется к западу, покрытая слоями третичного происхождения, и вдруг круто обрывается уступами или террасами, возвышающимися от 20 до 60 метров над аллювиальной долиной, в которой извивается Миссисипи; так как река эта и сама течет метров на пятьдесят выше моря, то край самых высоких береговых утесов её долины достигает, следовательно, абсолютной

1 L. Lesquereux, „Geology of Illinois";—Fr. Ratzel, цитиров. сочинение.

2 James Safford, „Geology of Tennessee".

высоты около сотни метров (город Мемфис лежит на высоте 98 метров над уровнем океана). Эти террасовидные обрывы, или *bluffs*,—очевидно, старые берега, размытые рекой в ту эпоху, когда она катила гораздо более значительную массу воды, чем ныне, состоят из песчаного грунта, одетого жирной глиной, со следами лигнитов, и выше из железистого гравия, покрытого мелкой глиной, серой или желтоватой, заключающей в себе известковые сростки и, местами, кости исчезнувших больших млекопитающих: формация эта аналогична лессу на берегах Рейна и в обширных равнинах Хоанг-Хо (желтозем). Крутые откосы то тут, то там осыпаются, вследствие размывания дождевыми водами и выветривания; кроме того, землистая масса дает трещины, идущие далеко внутрь террасы, иногда на целый километр от внешнего края; щели в десять и двадцать метров год от году расширяются, подготовляя постепенное разрушение крутых берегов в пользу нижней равнины, с которой Миссисипи, особенно во время разливов, уносит твердые частицы, чтобы отложить их в другом месте в виде аллювия[1]. По другую сторону этой широкой долины, в расстоянии 50, 60 и даже 100 километров, подобные же обрывы или крутые берега образуют внешний край равнин Замиссисипья.

Между великой рекой и основанием Скалистых гор плоскость земель представляет гораздо более правильный уклон, чем в Предмиссисипье: в некоторых частях этой области скат так полог, что почва кажется горизонтальной. В северной области равнина прерывается террасами или последовательными уступами, поднимающимися, в виде ступеней лестницы, от уровня равнины до основания Скалистых гор, но которые яснее обозначены в Британской Америке, чем в Соединенных Штатах. Первый уступ, очень неправильный, называемый «Coteau des Prairies» (терраса прерий), возвышающийся на 240 метров над долиной Миннесоты, есть прежняя береговая линия, которая часто была разрываема и теперь представляет ряды пригорков и высоких глинистых берегов. Вторая терраса, отделенная от первой долиной реки Жак, Джемс или Дакота («riviere a Jacques», James или Dacota-River), представляет непрерывный бугор в тысячу километров длины, состоящий на вершине из гравия, нанесенного некогда льдами, а при основании—из глины и песку, отложенных водами в эпоху их отступления: это—«Coteau du Missouri», Миссурийская плоская возвышенность, названная так от реки, сопровождающей её на западе. До расстояния 1.100 километров от Лаурентид, Даусон находил на террасах большие камни, происходящие из этих канадских гор. Первые путешественники часто описывали некоторые из этих «бугров», как вулканы; но это неверно: дым, заволакивающий скаты их, серный запах, распространенный в воздухе, шлаки горелой глины, встречающиеся во многих местах, происходят не от извержения лавы, но от горения лигнита, содержащагося в недрах земли; пемза, плавающая на поверхности Миссури, до Омаги и ниже, приносится не с прибрежных бугров, а с дальних Скалистых гор[2]. Слои ископаемого топлива, почти везде горизонтальные, ясно видны в разрезе на скатах; зажженные неизвестно в какую эпоху, они горят медленно, кальцинируя мало-по-малу почву и превращая её в род пуццоланы: отсюда название «Горелые косогоры», данное путешественниками многим из дымящихся холмов[3]. Эти террасы, или «Coteaux», заключают в себе также минерал красный жировик (стеатит), в котором индейцы видели плоть своих предков, и который они с благоговением употребляли для фабрикации своих священных курительных трубок. Ломки этого камня считались святой землей, и даже во время самых ожесточенных войн люди враждебных племен встречались там, как друзья; впрочем, само божество предписывало мир: приходящие, гласит легенда, всегда приветствовались там молнией и громом, выражением грозной воли духов[4]. Николле во время посещения им той местности действительно слышал раскаты грома; но с той поры, говорят индейцы, приход «бледнолицых» разрушил чары.

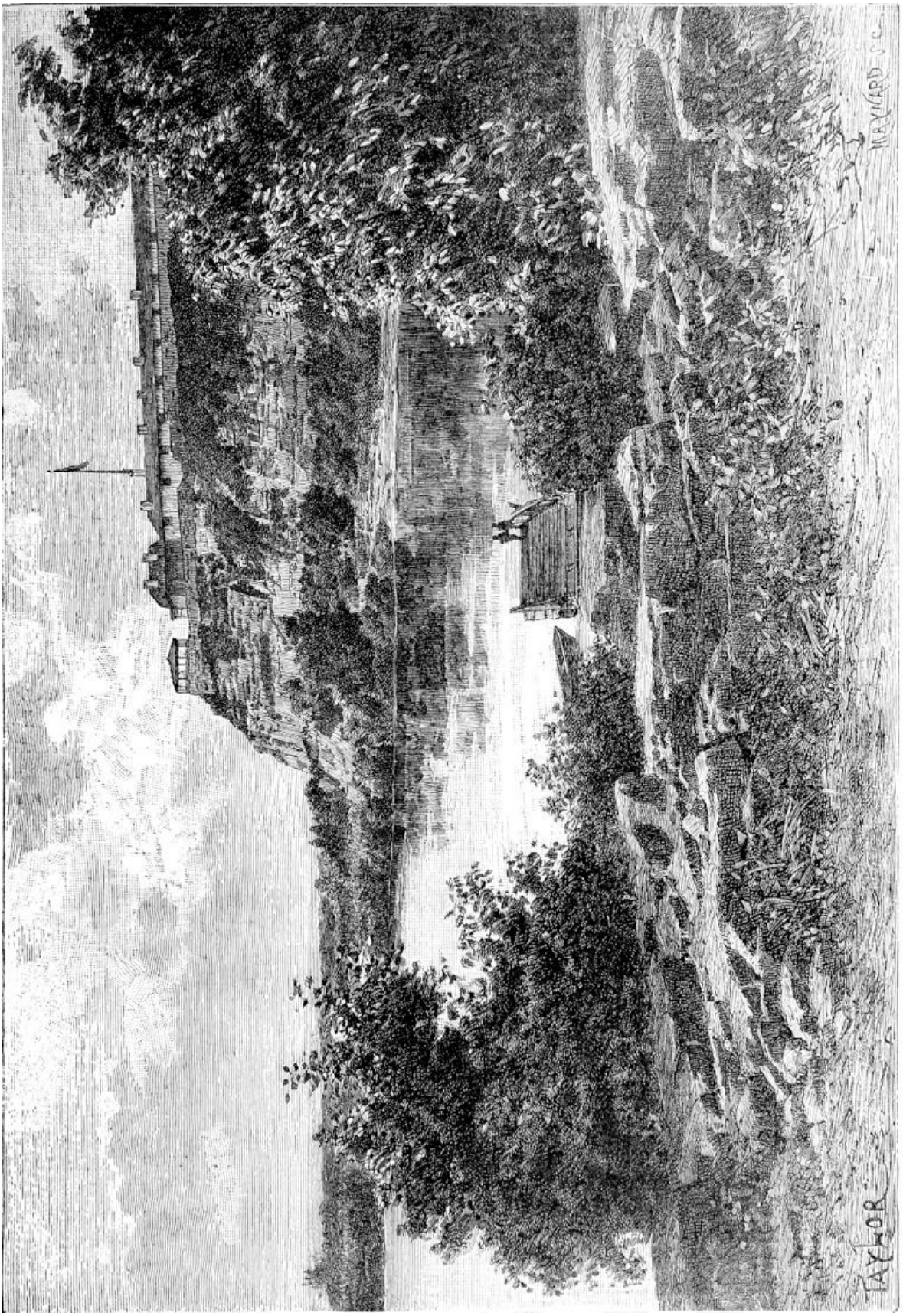
1 Dale D. Owe, цитиров. сочинение.

2 Jules Marcou, рукописные заметки.

3 Nicollet, „Hydrographical Basin of the Upper Mississipi“;—Lewis and Clarke цитир. сочинение;—Hayden, „Geological Report“;—Th. Roosevelt, „Hooting Tripofa Ranchman“.

4 Niccollet, цитиров. сочинение;—J. C. Kohl, „Kitshi-Gami“.

Среди равнин, несколько массивов прерывают своим неравным профилем однообразие земной поверхности; но только один из них имеет довольно большую долину, чтобы образовать особую орографическую систему: это—массив гор Озарк, тянущийся с юго-запада на

Пейзажъ на Миссисипи.

северо-восток, в Индейской территории и в штате Миссури; в среднем, он следует в том же направлении, как Аллеганы, но ход у него гораздо более неправильный, чем у пред-миссисипских горных цепей. Около юго-западной своей оконечности этот массив имеет форму из-

рытого оврагами плоскогорья, вздымающего свои хребты на 300 и 400 метров, в среднем, но севернее он распадается на несколько параллельных кряжей, вершины которых достигают высоты 600 метров. Гранитное ядро кое-где выступает наружу, прикрытое на скатах палеозойскими формациями. Замечательные железные холмы, около северо-восточной оконечности гор Озарк,—повидимому, эруптивного происхождения. Один из них, называемый «Железной горой», *Iron Mountain*, имел всего только 69 метров над уровнем окружающей местности; но он представлял тогда массу в 230 миллионов тонн железной руды; под почвой, каждый метр толщины, хотя бы даже стенки спускались вертикально внутрь земли, прибавлял 3 миллиона тонн к металлическому сокровищу. Горка Пилот-Ноб была выше (177 метров), но содержала менее однородную руду: железо там чередовалось с шифером[1]. Обе эти горы некогда считались неистощимыми; однако, теперь они разработываются довольно слабо, так как завод уже переплавил лучшую руду.

На той же линии, как горы Озарк, тянутся, в Индейской территории и в Арканзасе, другие массивы неправильной формы, обозначаемые общим именем гор Вичита, Wichita Mountains. Так же, как горы Озарк, эти высоты имеют ядро, покрытое силурийскими пластами, и одни из них расположены в виде цепей, другие же являются в форме плато, подобных плоскогорьям Техаса, от которых их отделяет долина Красной реки. С своей стороны, и техасские возвышенности не продолжаются однообразно в виде обширных пространств без рельефа: они также представляют, на продолжении гор Озарк и Вичита, группы высот и даже уединенные конусы, поднимающиеся, словно вулканические острова над поверхностью моря. Пространство, слегка наклоненное по направлению от запада к востоку, которое простирается между Скалистыми горами, плоскогорьями Техаса, массивами Вичита и Озарк и Черными холмами (Black Hills) севера, предгорьями Скалистых гор, было некогда занято одним или несколькими обширными озерами, от которых остались многочисленные следы. Пески, наполнявшие впадины бывшего пресноводного внутреннего моря слоем различной толщины, достигавшей в некоторых местах пятидесяти метров, были подняты ветром в форме дюн, затем укреплены травяной растительностью с расстилающимися корнями.

Большая часть Техаса состоит из плато, следующих одно за другим, в виде громадных ступеней, от берегов Рио-Пекос до Мексиканского залива. Верхняя платформа, круто обрывающаяся со стороны реки, достигает в своей западной части почти 1.500 метров высоты и немного наклонена к югу и к востоку; край её, над второй террасой, поднимается, в среднем, на тысячу метров. В целом, это—громадная плита песчаника, с поверхностью слегка волнистой, но без брешей и глубоких вырезок: ни одна река не прерывает это обширное плоскогорье пространством около 70.000 кв. километров. Первые испанские путешественники, боясь заблудиться там, ставили через известные промежутки вехи, указывавшие направление пути между лужами, колодцами, луговыми местами: отсюда название *Llano Estacado* (Plaines Jalonnees, Staked Plains), данное всей этой пустынной области. Второй уступ, около 600 метров средней высоты, состоящий, как и Льяно Эстакадо, из слоев, принадлежащих к вторичным векам, представляет более разнообразный вид, чем верхняя терраса; реки, берущие там начало, перерезывают его несколькими параллельными долинами, направляющимися на юго-восток, перпендикулярно к краю террасы; вдоль рек тянутся прибрежные поясы лесов, промежуточные пространства тоже одеты кое-какой растительностью. Ниже, третья терраса, высотой около 200 метров, составляет уже часть полосы третичных формаций и была покрыта естественными лугами, прежде чем плантаторы овладели этими землями для целей культуры; ниже простирается последняя ступень исполинской лестницы, аллювиальная зона нынешнего берега.

Значительная часть Техаса и Индейской территории, особенно в Льяно-Эстакадо, покрыта сплошной гипсовой формацией, вероятно, самой обширной, какая существует в Свете: площадь её исчисляют в 600 километров длины и 320 километров ширины,—территория больше трети Франции,—а толщина её превышает 1.500 метров. Во многих местах этот по

1 Litton;—C. W. Swallow, „Geological Survey of Missouri“.

истине неистощимый пласт гипса состоит из прозрачного алебастра; в других местах он является в виде листов и в виде кристализованного селенита; встречаются также залежи с разноцветными прожилками, полосками, крапинами, происходящими от металлических окислов. Ручьи, размывающие плато, разрезали его на конические горки, имеющие каждая на верхушке гипсовую плиту с вертикальными стенками. Все воды, протекающие через эту область, содержат некоторое количество сернокислой извести: отсюда неприятный горький вкус, который путешественники находят в воде Рио-Пекос, Колорадо, Бразос, Канадской реки, Арканзаса; некоторые ручьи так насыщены гипсом, что животные не могут пить их воду[1].

II. Древние ледники, озера и реки

Географические черты побережья Великих озер и верхних долин бассейна Миссисипи были сильно изменены действием льдов: озера приняли иную форму, реки переменили направление; водоразделы переместились; вся природа обновилась, но под нынешним рельефом можно ещё во многих местах распознать прежний рельеф. Изучение почвы, производимое систематически многочисленными геологами, позволило констатировать во всей северной части Миссисипской покатости, какие именно местности были покрыты льдами. Обширная кристаллическая пелена, спускавшаяся из полярных областей, расстилалась тогда над всей страной, покрывая неровности почвы, подобно тому, как исполинский ледник Гренландии скрывает остров и архипелаг, на котором он расстилается. На юге от озер Онтарио и Эри, граница ледниковых формаций, почти параллельная южному берегу этих озер, направляется к юго-западу, затем, повернув на юг, пересекает реку Огайо, немного выше того места, где теперь стоит город Цинциннати. Глетчерные грязи, эрратические камни встречаются даже в Кентукки до высоты 150 и 180 метров над руслом Огайо. Но по сю сторону Луисвиля граница ледниковых наносов поднимается к северу в долине Вабаша, затем описывает большую кривую в южной части Иллинойса, чтобы перейти Миссисипи ниже Сен-Луи и охватить, на западе от этой реки, всю долину Миссури. Так же, как в Новой Англии, в штате Нью-Йорк и в Северной Пенсильвании, в этой области ясно видны следы пребывания льдов: черты и борозды, проведенные сползавшей ледяной массой на скалах, эрратические камни, фронтальные и боковые морены, длинные и извилистые бугры из песку и глины (kames), невысокие крутые холмы (drumlins), озера и котлообразные ямы (kettle holes), оставленные ледниками. В некоторых округах Миннесоты и Висконсина вид почвы таков, что кажется, будто таяние ледников происходило в очень недавнее время: можно подумать, что озера чистой воды, с гранитными скалами, разбросанными на их берегах, и с задерживающей их нижней мореной, ещё вчера были наполнены льдом. Однако, часть юго восточного Висконсина, остров свободной земли среди моря кристаллической воды, не показывает никаких следов глетчерных обломков[2].

Подвигаясь к югу, замерзшие массы должны были перемещать в том же направлении встречаемые на пути жидкия площади озер, которые наполняли впадины, образовавшиеся вследствие складок или разрывов почвы. Таким образом различные признаки позволили воспроизвести карту той эпохи, когда фронт ледника, заполнив северную половину бассейнов, вмещающих озера Гурон и Мичиган, отодвинул к югу две соединенные водные площади Эри и Онтарио: оба вместе, эти внутренния моря, существовавшие задолго до появления ледников, и которые были населены в глубинах организмами океанского происхождения, составляли более обширное водовместилище, чем нынешнее Верхнее озеро[3]. Южнее простирался другой озерной бассейн, почти столь же значительный, образовавшийся вследствие запруды реки Огайо в том месте, где ныне находится город Цинциннати. Задерживаемые

1 Marcy, „Report of an Expedition to the Sources of the Brazos“

2 F. Wright, „The Ice age in North America“.

3 A. T. Drummond, „The Great Lake Basin of the Saint-Lawrence“.

громадным поперечным валом из льдов и камней, воды должны были течь назад, проникая в боковые долины и превращая их в заливы и бухты. В том месте, где теперь сливаются воды Аллегени и Мононгахелы, чтобы образовать реку Огайо, озеро, глубиной около 300 метров, наполняло долину до самого гребня прибрежных холмов[1]. По словам Райта, следы пляжей видны почти на всей окружности бывшего озера Огайо, так что можно мысленно восстановить его очертания. Но геологический переход между озерным и речным состоянием, может-быть, продолжался довольно долго, по причине изменчивого движения льдов, то выдвигавшихся далеко к югу внутрь Кентукки, то отступавших на север, оставляя свободный проход выходным водам. Так, в Швейцарии озеро Мериль или Мерьелен поочередно опоражнивается и вновь наполняется, то пробивая себе канал под передним концом Алечского ледника, то ударяясь о непроходимую стену льдов и обломков. Подобное же явление попеременного истечения, вероятно, происходило и в долине Огайо, только в несравненно больших размерах. Легко представить себе, каковы должны были быть ледоходы озера в 50.000 квадр. километров, как резервуар Огайо, увлекавший в своем разливе льдины и громадные морены, которые поток раздроблял в гравий и песок, засыпая обломками долины и заливы. Эти-то потопы, происходившие вследствие быстрого истечения озера, без сомнения, и размыли холмы по обе стороны верхней долины Огайо: оставленные ими террасы не горизонтальны, как пляжи озера, но представляют правильный уклон в том же направлении, как и желоб реки[2].

Подобно озерам, и реки были перемещаемы движением ледников: иной резервуар опоражнивался, другой наполнялся; иная река была отбрасываема в своей долине в сторону, обратную первоначальному течению. Во время поступательного движения глетчеров, воды, разумеется, были оттесняемы в нижнем направлении. Так, Красная река, ныне главная ветвь Нельсона, впадающего в Гудсоново море, изливалась по временам на юг через долину Миннесоты и становилась притоком Миссисипи. Точно также озеро Мичиган изливалось на юго-запад через реку Равнин и, следовательно, принадлежало к Миссисипской покатости, как и Миннесота; наконец, на другой оконечности бассейна, Моми, приток озера Эри, и Джениси, Освего, притоки озера Онтарио, были иногда отодвигаемы на юг и чрез Огайо спускались также к Миссисипи. Но когда совершилось вскрытие ледяных потоков, и сменившие их озера,—таково, например, большое озеро Агассица, которого Виннипег есть лишь незначительный остаток,—опорожнились; когда кучи земли бывших морен были переработаны водами, чтобы образовать новые холмы или валы из глетчерных материалов,—тогда каждая река должна была искать себе нового пути через самый низкий порог равнины, совершенно преобразованной этим геологическим переворотом. С той эпохи, когда растаяло необъятное ледяное поле, покрывавшее эту вторую Гренландию слоем в несколько сот, может-быть, даже в несколько тысяч метр. толщины, рельеф страны был глубоко изменен процессом размывания и выветривания; однако, во многих местах и теперь ещё находят конечные морены древних ледников, столь же правильные, как в дни их образования. Бесчисленные озерные резервуары, особенно в штатах Миннесота и Висконсин, сохранились на дне впадин, в пространстве, ограниченном на юге фронтом морен: таковы «десять тысяч» озер, между которыми берут начало Миссисипи и Красная река Севера; таковы же водные площади, рассеянные на юге от Верхнего озера, и резервуары южного Висконсина, глубокое Чертово озеро (Devil's Lake) и озерки, на промежуточном перешейке которых поместился город Мадисон; в штате Иова озерам ледникового происхождения дали название *walled lakes*, «озера, обведенные валом», сравнивая нижнюю морену, задерживающую их воды, с построенной руками человека каменной стеной[3]. Оставленные ледниками холмики (drumlins) не менее многочисленны в этих примиссисипских областях, чем в Новой Англии, и гораздо

1 Claypole, „Transactions of the Edinburgh Geological Society".
2 T. C. Chamberlin, „Bulletin of the United States Geological Survey", № 58.
3 Charles White, „Geological Survey of Iowa".

лучше сохранили здесь свою первоначальную физиономию[1]. Некоторые из этих бугров заключают в себе золотоносные формации, происходящие, как и нагроможденные камни, из гранитных массивов Севера: местами эти формации довольно богаты содержанием благородного металла, чтобы вознаградить труд золотоискателя.

Высокий песчаный берег, ограничивающий на юге озера Эри и Онтарио и составляющий водораздел между этими большими озерами и Миссисипской покатостью, есть одна из тех геологических формаций, которые подвергались соединенному действию льдов и вод. Берег этот в разных местах ясно делится на три уступа, указывающие последовательные положения озерного уровня: высота их колеблется между пределами 30 и 67 метров. В первые времена колонизации поселенцы пользовались этими естественными платформами для устройства дорог. Подобную же геологическую работу находим на западе Миссисипи, в образовании террас «Coteaux», поднимающихся уступами от уровня равнины до основания Скалистых гор, но явственнее обозначенных в Английской Америке, чем в территории Союза.

Притоки, посылаемые срединной равниной Соединенных Штатов Великим озерам, не многоводны: Сен-Луи, исток реки св. Лаврентия, Меномини и Лисья река—Fox River,—впадающие в Зеленую бухту озера Мичиган, река св. Иосифа (Сент-Джозеф), Гранд-Ривер (Большая река), Мускегон или «Болотистая река» на полуострове восточного Мичигана, Моми, восточный приток озера Эри,—всё это относительно незначительные потоки, принадлежащие к системе Великих озер. Джениси, одна из речек, изливающихся в озеро Онтарио, замечательна своим сходством с соседней могучей рекой, Ниагарой, истоком озера Эри. Она течет сначала ровным потоком в мало пересеченной равнине, затем, дойдя до края береговой террасы, состоящей из силурийских пластов и описывающей огромную кривую на юге озера Онтарио, на севере озера Гурон и на западе озера Мичиган, ниспадает, подобно Ниагаре, в глубокую пропасть, постепенно вырытую водами. Три первых водопада имеют общую высоту 79 метров, а стенки низового ущелья поднимаются на 120 метров. Ниже, река, снова извивается в равнинах, затем, в самом городе Рочестере, падает со второй террасы тремя последовательными каскадами, имеющими вместе 62 метра высоты. Водопады, ущелья, леса, спускающиеся по откосам долин до самой воды, привели в восторг первых путешественников, как чудные картины природы; теперь заводы, помосты, фабричные трубы, мосты всё изменили и обезобразили.

Несколько маленьких озер, наполняющих узкия долины, ориентированные с юга на север, выливают излишек своих вод в реку Джениси: это остатки древних фиордов, составлявших часть первоначального моря Онтарио, которые были отделены от главного бассейна сначала ледниками, затем моренами, принадлежащими политически к штату Нью-Йорк, хотя находящимися в срединной равнине. Другие озера, гораздо более значительные, также участвовали в геологической истории бассейнов, переделанных льдами: это ирокезские озера или озера «Шести Наций», длинные и извилистые водные площади, отражающие в своей зеркальной поверхности зеленеющие скаты прибрежных косогоров. В целом, озера эти представляют вид пучка с ветвями, расходящимися веерообразно с севера на юго-запад, на юг и на юго-восток. Первое озеро, к востоку от реки Джениси, называется Канандегва, затем следуют: Кеука, или «Кривое озеро» (Crooked Lake), Сенека, Каюга—«Болотистое» по-ирокезски; из них последнее—самое длинное: оно тянется верст на 60 с юга на север. Далее идут озера Оваско, Сканеателес, Отиско, Онондага, Онейда, расположенные по направлению с запада на восток. Онейда—самое широкое из этих озер, но вместе с тем и одно из самых мелководных; в нём всего 18 метров воды, тогда как удлиненные озера, сохранившие характер фиордов, остались гораздо более глубокими в своей средней впадине: Сканеателес имеет 97, Каюга 120, Сенека 150 метров глубины; оттого эти резервуары редко замерзают. Все озёра вытекают на север, в Онтарио, в противоположном направлении с общим скатом почвы, так как они отделены от большого озера высоким берегом, а с юга окружены главными долинами Сусквеганны. Из каждого из Ирокезских озер выходит короткий исток и впадает в реку,

1 G. F. Wright, цитированное сочинение.

текущую с запада на восток, параллельно южному берегу Онтарио, к которому она прежде и принадлежала, когда это озеро было отодвинуто льдами далее в южном направлении. В месте слияния с Онондагой эта река круто поворачивает на север и, усиленная истоком Онейды, течет по прямой линии к озеру Онтарио, под именем Освего, заменившим ирокезское название Шуегем, т.е. «Черная».

К востоку от Миссисипи, независимые притоки Мексиканского залива имеют, на юго-западе от Аппалахских гор, довольно обширную площадь истечения. Первая река, изливающаяся в этот залив, к западу от Флоридского полуострова,—Чаттагучи (т.е. «река индейцев гучисов или учесов»), которая берет начало в южном массиве Аппалахских гор и течет сначала в юго-западном направлении, на продолжении горной оси. Прозрачный поток бежит по гранитным валунам с блестящими кристаллами, затем спускается маленькими каскадами с террасы на террасу и в нижния равнины; после слияния с рекой Флинт, он принимает заимствованное от прежних обитателей его берегов имя Апалачикола,—на крикском наречии «река аппалачей»,—и, подобно рекам Каролины и Георгии, соединяется с морем мелководным устьем, наполовину загроможденным намывным порогом. Землистые частицы, приносимые течением в бухту, подхватываются морской волной, которая из этого материала строит в открытом море правильную косу, перерванную там и сям узкими и изменчивыми проходами.

Алабама, бассейн которой занимает почти всё пространство, заключающееся между Чаттагучи и Миссисипи, также образуется в горных массивах, заканчивающих собою Аппалахскую систему, и на всём своем протяжении, от истока до устья, несмотря на обширные излучины, держится в общем юго-западного направления: выступы почвы и краевые грани плато, ограничивающих, с той и другой стороны, речные долины, расположены по линии, составляющей точное продолжение горной оси. Река, текущая сначала под именем Кузы, принимает название Алабамы около середины своей длины и впадает в Мобильскую бухту разветвленной дельтой, наносы которой быстро распространяются всё далее в область вод бухты. Река Томбигби, усиливаемая Тускалузой, или «Черным воином», соединяется теперь с Алабамой посредством сети боковых потоков (байю); прежде это была независимая река, имевшая свое особое устье. Обе реки доступны пароходам, которые поднимаются по их темным водам далеко внутрь равнин; обрывы берега так высоки, что с палубы судов не видно полей; путешественнику кажется, что пароход плывет по каналу между высоких земляных насыпей, сделанных рукой человека.

Размеры рек Чаттагучи или Апалачикола, Куза, Алабама или Мобиль:

	Чаттагучи	Алабама.
Длина течения	1.050 километр.	1.350 километр.
Площадь бассейна	49.000 кв. „	112.600 кв. „
Расход воды в секунду	600 куб. метр.	1.300 куб. метр.
Длина судоходной части	560 километр.	750 километр.

Две другие, менее обильные реки, Паскагула и Жемчужная (Pearl River), протекают по области больших сосновых лесов, в штате Миссисипи, и изливаются в мелководный лиман, ограничиваемый на юге береговыми поясами и песчаными островками миссисипской дельты.

Миссисипи, главная река Соединенных Штатов, есть тип могучих потоков. Он берет начало не в ледниках высоких гор, как большинство широко разветвляющихся рек, и течение его в целом представляет лишь незначительные изменения уровня: имея почти везде равномерное падение, он описывает, от озер, из которых вытекает, до своих конечных устьев, очень удлиненную параболу. Следуя по оси континента, Миссисипи течет в большой срединной равнине, делящей на-двое всю эту часть света; он—главная речная артерия Северной Америки, и контуры его бассейна совпадают с главными чертами континентального рельефа. На западе Скалистые горы и Утахское плоскогорье, на востоке параллельные гряды

Аппалахских гор составляют внешние края низменности, простирающейся от Ледовитого океана до Мексиканского залива, и южная часть которой орошается миссисипскими водами. Другие реки, берущие начало в соседстве истоков Миссисипи, чтобы затем медленно течь из озера в озеро к Студеному морю, могли бы быть рассматриваемы как продолжение этой великой реки: они составляют, так сказать, географическое дополнение её, продолжая её течение в противоположном направлении. Впрочем, пространство в квадратных милях или километрах не дает возможности узнать относительную ценность земных областей: совершенно неправильно было бы сравнивать бесплодные плоскогорья Утахи и Новой Мексики, или на половину затопленные пустыни Атабаски и Великого Севера, покрытые торфом или льдом и выметаемые страшным полярным ветром, с плодородной страной, в которой развертываются миссисипские излучины; необходимо, следовательно, принимать во внимание не одно только протяжение, но и всю совокупность влияний и общую производительную силу территорий, чтобы оценить их истинную важность. С этой точки зрения ни Мекензи, ни Северная Красная река и Нельсон, ни Колумбия не равняются Миссисипи, несмотря на массу их вод. Даже река св. Лаврентия занимает второстепенное место; бассейн её гораздо меньше бассейна главной реки Соединенных Штатов, и при том канадские Великия озера, которым река св. Лаврентия служит истоком, принадлежали к системе Миссисипи в течение долгих веков; можно сказать, что геологически они и теперь ещё принадлежат к этой речной области. Кроме того, река св. Лаврентия имеет направление поперечное относительно оси континента: это не более, как артерия восточной Канады.

Долго спорили и до сих пор ещё спорят о том, как правильнее называть главную реку Союза ниже слияния, и не следует ли имя Миссури присвоить также общим водам великой северо-американской низменности. Географы, которые хотели бы отнять у Миссисипи носимое им имя, обратили внимание только на один факт второстепенной важности—разстояние от истока до устья, выраженное в милях или километрах. Но географию нельзя смешивать с землемерием: длина течения, масса вод не первостепенные факты, когда дело идет о классификации рек. История учит нас, что перемещения племен или народов и движение торговли по магистральным линиям составляют главные причины сохранения наименования реки на длинном пробеге её вод; но эти исторические и торговые движения определяются в особенности направлением бассейнов, общим наклоном скатов и удобствами переселений и торгового обмена. С этой точки зрения нижний Миссисипи, очевидно, есть продолжение верхнего Миссисипи, а не Миссури. Естественную раздельную линию Соединенных Штатов для климата, культур, населений составляет линия, описываемая течением Миссисипи: по одну сторону простирается Восток, по другую—Запад северо-американской территории.

От озера Итаска до самого моря великая река, «меридиан в движении», течет по среднему желобу бассейна, тогда как Миссури спускается наискось к оси страны. Кроме того, долина Миссисипи везде сохраняет тот же физический характер, или по крайней мере изменяет его нечувствительными переходами: саванны или прерии, сосновые или «кипарисные» леса,—берега её всегда представляют одинаковый горизонт, поскольку позволяет разность широт, тогда как высокие горы, откуда вытекают ручьи, образующие Миссури, его темные ущелья и могучие водопады, вулканические шлаки и лавы, покрывающие его берега, придают этой последней реке совсем иную, очень живописную физиономию. Геологически Миссури представляет особую реку до вступления её в центральную низменность. Миссисипи спускается из местности, откуда вытекают воды равнин; Миссури берет начало на горном хребте, как соседния, расходящиеся в разные стороны, реки—Колумбия, Колорадо, Рио-Браво-дель-Норте. Имя Миссури-Миссисипи, часто даваемое могучей северо-американской реке, было бы, следовательно, совершенно правильным с строго географической точки зрения; но в этом случае не следовало ли бы прибавить к этому коллективному названию также имя Огайо? Эта последняя река, вытекающая из Аллеган, более чем уравновешивает поток, приходящий из Скалистых гор, ценностью своего бассейна, плодородием прибрежных полей, населенностью городов и движением торгового обмена.

Обыкновенный язык хорошо сделал, придерживаясь имени осевой ветви в общей гидрографической сети; однако, имя это было несколько изменено. *Миси Сепе*, *Миси Сипи*, т.е. «Большая Вода»—альгонкинские слова, применяемые ко многим рекам Канады, как и к главной реке Соединенных Штатов. Название это показалось слишком простым Шатобриану, который переделал его в Мешасебе, с воображаемым значением «Отца Вод», часто повторяемым в поэтической речи. Прежде прибрежные племена знали эти реку под другими именами, заимствованными из собственных говоров. Кавелье-де-ла-Саль, который первый, в 1682 г., исследовал Миссисипи, от земли Иллинойсов до Мексиканского залива, назвал её «Кольбером»; Жолье дал ей имя «Бюад», в честь своего покровителя Фронтенака. Испанцы задолго до этой эпохи познакомились с «рекой Св. Духа», rio del Espiritu Santo, и слышали от туземцев двенадцать различных названий этой реки.

После эпох ледниковой и озерной верхний Миссисипи должен был часто менять главный исток, смотря по колебаниям климата, высыханию луж и озер, обвалам, наростанию торфа и лесов, работам бобров и тысяче других явлений, изменяющих уровень почвы в области с неопределенным скатом и частию затопленной. С 1832 года известно точным образом действительное место происхождения реки, у подошвы едва обозначенного водораздела, называемого «Высотой Земель». Несколько маленьких озер, которые подали повод к страстным спорам о первенстве открытия, суть самые отдаленные от устья истоки, где скопляются нарождающиеся воды собственно Миссисипи. Извилистые каналы, заросшие камышем, вытекают из этих луж в разветвленное озеро, известное у индейцев племени оджибуэ под именем Омошкос, которое канадские «путешественники» перевели словом «la Biche» (Лань). Первый научный исследователь этого озера, Скулькрафт, называет его Итаска,—слово, повидимому, альгонкинское, как многие географические имена с таким же окончанием[1]; едва-ли справедливо обвиняют Аллена, спутника Скулькрафта, в том, что будто он, ради шутки, извлек это имя из фантастической латыни: карта исследователя Николле, изданная в свет Абертом в 1843 году, воспроизводит название Итаска, не упоминая об этой невероятной легенде. В месте нахождения самых высоких истоков уровень почвы определяют в 511 метр., хотя озеро Итаска лежит на высоте всего только 480 метр. Выходящий из него ручеек, направляющийся на север, как бы идя на соединение с Красной рекой и Гудсоновым морем, и есть начальный поток могучей реки, которая, пройдя путь слишком в 5.000 километров, при среднем падении около одного дециметра на километр, изливается на юге в Мексиканский залив.

В начале своего течения Миссисипи, имеющий не более 4 метров ширины и совершенно несудоходный, даже для лодок, медленно пробирается по сырым луговым пространствам, поросшим камышами, диким рисом и касатиком, и доминируемым невысокими холмами, где ростут сосны, и которые местами подступают к самой реке. Озера следуют одно за другим в долине, которая поворачивает на восток, затем на юг, следуя нормальному направлению северо-американской раздельной борозды; справа и слева присоединяются другие потоки, выходящие также из озер и луж, которыми усеяно гранитное плато. Это область волоков, где дикари и метисы переходили с Миссисипской покатости на покатость Северной Красной реки и на покатость канадских Великих озер, перенося свои лодки через пороги, и которую теперь проезжают по железным дорогам. Маленькие водопады в несколько метров высоты, как Покегама, Литль-Фольс, затем быстрины указывали до недавнего времени последовательные ступени плоскогорья, но физиономия реки от этого почти не изменялась, и каскады мало примешивали пены к тихим водам; теперь неровности реки сглажены при помощи запруд, которые задерживают воды в обширных питательных резервуарах, для поддержания уровня в меженное время. Два главные бассейна—озеро Виннибигошиш и озеро Лич, или «Пиявки». Вместе, четыре резервуара, оконченные в 1890 г., имеют площадь в 7.974 квадр. километра и содержат массу воды около двух миллиардов кубич. метров.

Предел верхнего течения окончательно обозначен водопадами св. Антония (Saint

1 Jacques W. Redway, рукописные заметки.

Anthony Falls), которые представляют скорее ряд быстрин и каскадов, имеющих общую высоту 20 метров, при ширине около 300 метров. Карниз, с которого низвергается поток, состоит из аспидного сланца, залегающего на хрупком песчанике. Эта порода может, следовательно, оказывать лишь слабое сопротивление действию вод, и до недавнего времени водопад очень быстро отступал к верховью: кучи каменных глыб, оторванных от верхних пластов и упавших в беспорядке среди клокочущих вод, свидетельствуют о скорости, с которою совершался процесс размывания. Промышленный город Миннеаполис и его восточное предместье Сент-Антони, утилизирующие, с той и другой стороны, двигательную силу реки, должны были, следовательно, перемещаться время от времени вверх по реке к северу, вместе с самим водопадом, если бы инженеры не остановили, в 1856 г., разрушительную работу водопада при помощи плотин и шлюзов. За сто семьдесят шесть лет перед тем Эннепен, первый белый, видевший эти каскады, оставил достаточно точное описание их, по которому можно определить их тогдашнее местоположение; карниз водопада находился в то время в 314 метрах ниже нынешнего порога. Если отступление всегда происходило в таком же размере, то выходит, что прошло 7.800 лет с тех пор, как Миссисипи соединялся с Миннесотой, ниспадая с каменной стены у подошвы утеса, на котором теперь стоит Форт-Снеллинг[1]. Соседний горный ручей образует водопад Миннехаха, «Дрожащая вода», прославленная в стихотворениях Лонгфелло.

От запруды св. Антония начинается промышленный и торговый Миссисипи. Ниже следуют один за другим многочисленные притоки: справа—Миннесота, «Беловатая» или «Облачная Вода», или Сент-Питер, Вапсипиникон, Седар, Торки, Иова, Скунк, Демуан; слева—Сент-Круа, Чиппева, Висконсин или «Темный» («Дикий Поток», по другим этимологам), Рок-Ривер и «река Иллинойсов». Все эти воды настолько усиливают Миссисипи, что уже задолго до своего соединения с Миссури он представляет ту же ширину, как от города Сент-Луи до Мексиканского залива. Однако, течение его прерывается несколькими порогами, из которых значительнейшие Рок-Айленд и Демуан (des Moines, прежде des Moins); местами встречаются также песчаные мели, и глубина его во время мелководья не превышает 120 сантиметров. На берегах, небольшие известковые утесы чередуются с низменными лугами, которые некогда были озерами или излучинами реки, постепенно засыпанными; темные сосновые леса верхнего плоскогорья уступили место деревьям с более светлой листвой.

Между притоками великой реки три в особенности напоминают древний озерной период, характеризуемый излиянием вод в противоположных направлениях: это—Миннесота, Сент-Круа, Иллинойс. Самый верхний исток Миннесоты зарождается на высоте 578 метров, на северной покатости водной площади, называемой озером Траверс, которое в дождливое время изливается одновременно с двух сторон к Миссисипи и к Северной Красной реке, через долину Браун, общую обеим покатостям. Общий вид долины Миннесоты, слишком широкой для пробирающейся по её дну реки, дает повод думать, что прежде в этом канале проходил большой поток, вышедший с севера, может-быть, из канадского Виннипега; нынешний раздельный порог состоит лишь из ледниковых обломков, перенесенных водами; в действительности Миннесота, или «Облачная вода», была некогда главной рекой, а нынешний Миссисипи—её притоком. Долина Миннесоты есть первоначальный желоб страны, тогда как долина Миссисипи, ещё не законченная, перерезанная каменистыми порогами, ведет свое начало с послеледниковой эпохи. Террасы из гравия, на высотах Миссисипской покатости, даже на высоте 360 метров над нынешней рекой, свидетельствуют об обилии воды, которую некогда изливали таявшие ледники[2].

Река Сент-Круа (св. Креста), скромный ручей в обширном русле, была истоком Верхнего озера в ту эпоху, когда этот бассейн, отодвинутый льдами к югу, но ещё замкнутый с восточной стороны, изливался на покатость Мексиканского залива. Что касается реки Равнин, главной ветви Иллинойса, реки индейцев Иллини или «Людей» по преимуществу, то можно

1 Winchel;—Wright, цитиров. сочинение.

2 F. Wright, цитированное сочинение.

сказать, что она столько же принадлежит к бассейну канадских Великих озер, сколько и к бассейну Миссисипи. Верхняя её долина, на пространстве 150 километров, есть бывший береговой ров озера Мичиган: прибрежный вал, прежде перерезанный там и сям брешами, отделяет эту узкую долину от нынешней площади большого озера и от всей гидрографической системы св. Лаврентия. Дойдя до поперечной впадины, оконечность которой занимает город Чикаго, река Равнин колеблется в выборе между двумя горизонтальными покатостями, прежде чем спуститься к Миссисипи, и ещё недавно разливалась обширными болотами на этом неопределенном скате: даже один байю, Калюме, тек обратно на восток, к озеру Мичиган. Судоходный канал, вырытый в этой впадине на высоте менее 3 метров над озерным уровнем и 177 метров над уровнем Мексиканского залива, соединяет порт Чикаго с нижним течением Иллинойса, где суда среднего водоуглубления могут плавать во всякое время; впрочем, и ранее, до постройки этих искусственных сооружений, мелкие суда проходили, после продолжительных дождей, из озера Мичиган в Миссисипи по реке Чикаго. Бывали случаи, что во время больших гроз с ливнем река Равнин изливалась, как поток, в озеро Мичиган, унося суда из Чикаго и опрокидывая мосты. Ниже слияния, река Иллинойс течет в русле, слишком широком для её нынешнего объема, представляющего простую струйку в сравнении с прежним могучим истоком озера Мичиган. Жолье дал Иллинойсу имя «Божественной» реки, не по причине благоговения, которое питали туземцы к этому потоку с двойным скатом, а просто по льстивому намеку на прозвище мадам де-Фронтенак[1].

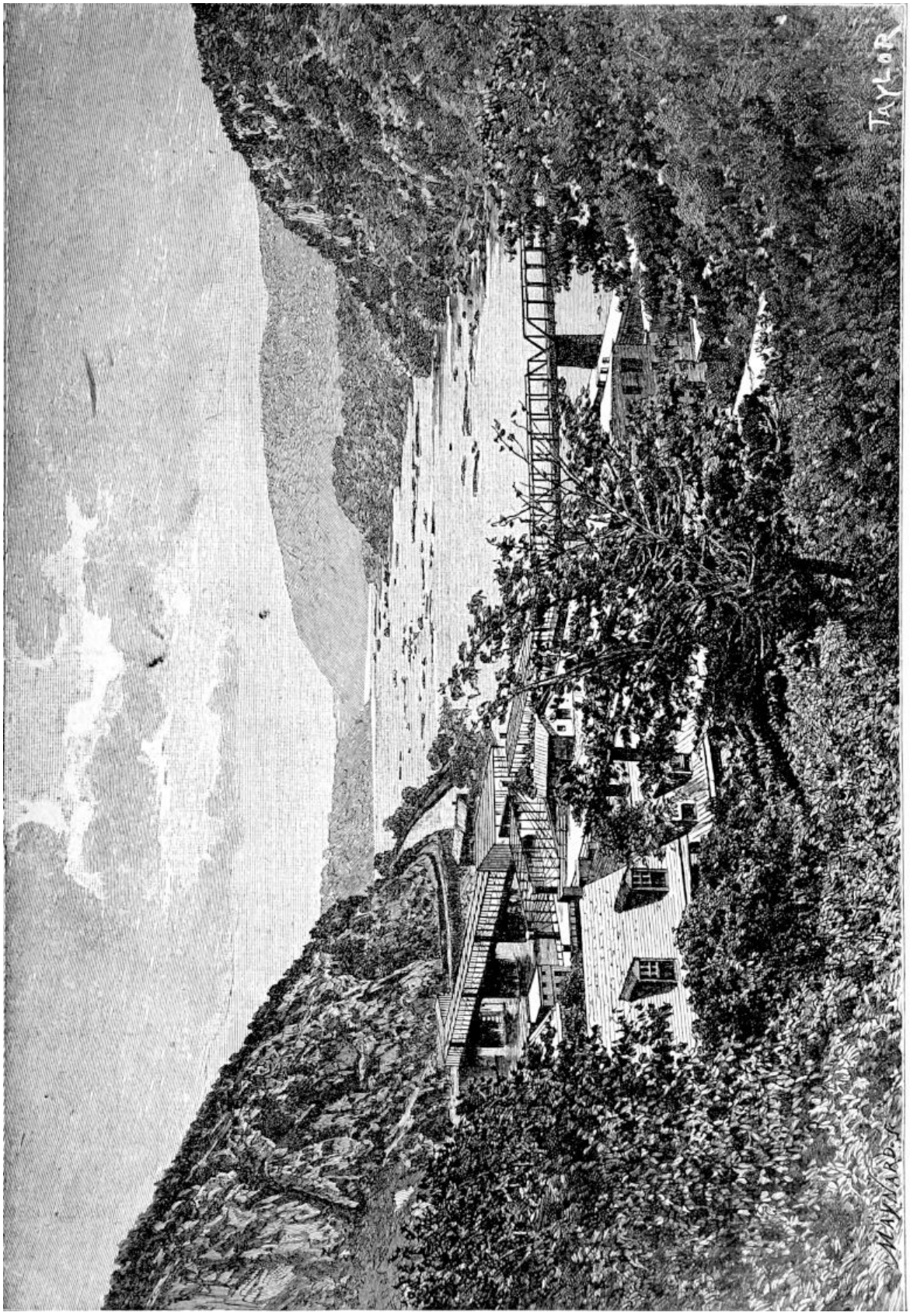
В 38 километрах ниже впадения Иллинойса, другая, гораздо более значительная жидкая масса, река Миссури или Миссисури[2], называвшаяся также Петиканый, или «Грязной рекой» у туземцев, которых посетили первые французские путешественники, присоединяется к Миссисипи, в 2.000 километров от его истоков на озерной плоской возвышенности. Сам Миссури зарождается в 4.847 километрах от места соединения, в сердце Скалистых гор, к западу от главных цепей и, следовательно, от хребта континента. Он добирается до Миссисипи узкими и глубокими поперечными долинами, вырытыми через валы гор; долины эти видимо не были наперед указаны впадинами или складками первоначальной почвы: это скорее проломы, направление которых, совершенно независимое от направления горных осей, перерезывает поперек гранитное ядро и последовательные слои горных пород, отложенные впоследствии и покрытые там и сям застывшими излияниями огненно-жидкой материи. Верхнее течение реки, начинающееся в маленьком озере гористых плато, недалеко от одного из истоков колумбийской реки, называемой «Змеиной» (Snake River), не обозначается именем Миссури; это—Ред-Рок-Ривер, которая соединяется с Биг-Голь и другими ручьями, чтобы образовать Джефферсон, главную ветвь Миссури; но, по примеру Льюиса и Кларка, открывших эту область миссурийских истоков в начале настоящего столетия, жители Монтаны применяют наименование «Миссури», для обозначения Джефферсона, только в аллювиальной равнине, где его воды присоединяются к двум другим рекам, Мадисон и Галлатин. Эти патриотические имена были сохранены, но забыли имена притоков, поставленных под покровительство добродетелей и наук, как-то Wisdom. «Мудрость», Философия и Филантропия.

К востоку от слияния, известковые утесы, в форме нагроможденных одна на другую башен, господствуют над общим руслом, выходом бывшего озера, где потоки пробираются между лесистыми островами. Из трех ветвей (Three Forks), или сливающихся рек, один только Галлатин, восточная ветвь, зарождается на востоке от большой цепи; два другие потока, Мадисон, средняя река, и Джефферсон, западная, берут начало на западе от главного хребта. Все три долины состоят из ряда исчезнувших озерных бассейнов, соединенных пробитыми водой брешами. Жидкия массы, прежде гораздо более обильные, изрезали верхние цирки, оставив в бывших котловинах несколько лежащих одна над другой террас, обозначающих последовательное отступление ледниковых вод. Земли, отложенные на дне бассейнов

1 Francis Parkman, „La Salle“;—Gabriel Gravier, „Revue de Geographie“, fevr. 1880.

2 Alexander Mackenzie, „Voyages dans l’interieur de l’Amerique Septentrionale“.

и заключающие в себе обломки размытых горных пород, во многих местах состоят из золотоносных пластов: одна только боковая долина верхнего Джефферсона, называющаяся Альдер-Гульч, доставила чистого металла на сумму около 150 миллионов[1].

Видъ Гарперетъ-Фери.

Однако, громкая слава, которую приобрела область миссурийских истоков, происходит не от этой Калифорнии: это явления природы, горячие ключи, фумароллы, отложения крем-

1 F. V. Hayden, „Bulletin of the U.S. Geological Survey“, vol. II, № 3.

нистых и известковых осадков, гейзеры, или перемежающиеся фонтаны паров и кипящих вод, доставили этой стране имя «Земли Чудес» и побудили Конгресс обвести её чертой, как священное место, принадлежащее всей нации в совокупности. С давнего времени уже ходила смутная молва об удивительных фонтанах этой местности: на изданной Льюисом и Кларком, в начале этого столетия, карте пройденных ими путей слова «сера, горячие ключи» обозначают место, пользующееся теперь такой широкой известностью. Один траппер, по имени Культер, видел эти чудеса природы около 1810 года, но его рассказы нашли мало веры и скоро были забыты. Однако, другой пионер снова открыл «Культеров Ад» в 1844 году, и с той поры все белые, побывавшие в этом «аду», прибавляли какие-нибудь детали к легенде; но суеверные индейцы не помогали бледнолицым в их изысканиях: они видели в извержении паров пляску злых духов. Наконец, в 1869 г., имело место первое специальное исследование, произведенное Куком и Фольсомом; затем спустя два года, экспедиция из нескольких ученых, под общим руководством геолога Гейдена, занялась составлением инвентаря источников и других естественных достопримечательностей, и сделала первую серьезную съемку местности. Когда они вернулись со своими альбомами фотографических снимков, планов, рисунков, это был общий крик удивления во всём американском обществе, и Конгресс единогласно объявил территорию национальною собственностью. Территория эта занимает, на водоразделе между Миссури и Колумбией, несколько нагорных долин, средней высоты около 2.250 метров; она принадлежит к двум покатостям Скалистых гор, и наблюдаемые в ней удивительные явления происходят от подземного вулканического очага, действие которого ощущается преимущественно на тихоокеанской покатости, и который должен быть описан в орографии Скалистых гор.

Ниже соединения трех ветвей или «Forks», Миссури течет сначала в северном направлении, по линии, составляющей продолжение сливающихся рек, но всё ещё по сю сторону главной цепи Скалистых гор, называемой в этом месте «Снеговыми», Snow Mountains. Выходное ущелье, которому Льюис и Кларк дали название «Ворот Скалистых гор» (Gate of the Rocky Mountains), открывается между гранитными стенами, поднимающимися отвесно почти на 400 метров над рекой. Русло Миссури, заключенное в этом темном корридоре, имеет более 150 метров ширины, и только кое-где, через большие промежутки, можно найти, между скалами и потоком, опорную точку достаточных размеров для того, чтобы на ней мог стоять один человек. Но и по выходе из этого дефилея переход через горы ещё не кончен; река должна ещё перейти передовые цепи новыми ущельями: там находятся естественные запруды из скал, с которых Миссури спускается несколькими следующими один за другим водопадами. Ряд прыжков и стремнин, общая высота которых около 50 метров, тянется на пространстве 18 километров. Последний каскад, the Great Fall,—самый красивый; он льется с высоты почти 24 метров одной скатертью. В половодье небольшие суда поднимаются до самого основания водопада; кверху от порогов они плавают до слияния трех ветвей или «Forks»; но начало обычного судоходства находится в 100 километрах ниже, у форта Бентон, при устье рек Тетон и Мариас, Медвежьей реки, Bear-River, в том месте, где Миссури, описывая последнюю кривую в северо-восточном направлении, через «Худые земли» и предгорья Скалистых гор, начинает поворачивать по направлению к Миссисипи. В этой части своей долины, выше слияния с Иеллостоном, Миссури принимает в себя несколько притоков, берущих начало на Канадской территории: Молочную реку (Milk River), Уайт-Мод, Поплар, Биг-Модди. Истинная граница следует вдоль высот, откуда вытекают эти реки, Кипарисных и Лесных гор (Cypre Mountains. Wood Mountains), служивших некогда убежищем индейцам племени сиукс.

Могучая река, которую канадские охотники назвали «Желтокаменной», «Pierre Jaune», и имя которой англо-американцы перевели словом «Иеллостон», Yellowstone, составляет, после Джефферсона и «Трех сливающихся потоков» (Three Forks), главную ветвь верхнего разветвления Миссури; она также более известна, благодаря чудесам «Национального парка», заключающимся отчасти в её бассейне. Иеллостон берет верх над Джефферсоном своим происхождением на пороге Скалистых гор, ясно обозначенном, как центр расхождения вод

по разным направлениям. Два бассейна, Миссисипи и Колумбии, переплетаются своими верхними долинами, в виде зубцов пилы, на неправильной раздельной линии двух покатостей; даже существуют, говорят, лужи и болотистые луга, откуда воды стекают к двум противоположным морям. Горный проход, известный под именем «Двуокеанскаго», *Two Ocean Pass*, есть одна из этих долин размывания, с едва обозначенным двойным скатом. Губчатые травяные поросли, покрывающиеся озерной скатертью во время дождей, занимают вершину, почти горизонтальную, горного прохода, на высоте 2.463 метров, и с той и другой стороны, с восточных и с западных гор, спускаются ручейки, соединенные своими истоками и разветвляющиеся в своем дальнейшем течении, образуя ромб проточных вод вокруг лугов вершины: ручей, образующийся на севере и называемый «Атлантическим», Atlantic Creek, несет свои воды в Мексиканский залив через Иеллостон, Миссури и Миссисипи; южный ручей, именуемый «Тихоокеанским», Pacific Creek, есть приток Великого океана через Змеиную реку и Колумбию[1]. Южнее, в горах Уайнд-Ривер, где берет начало река того же имени, одна из главных ветвей Иеллостона через приток его Биг-Горн, верхние истоки Колорадо, называемого в этом месте Зеленой рекой, Green River, бьют из земли в небольшом расстоянии от вод Миссисипской покатости, чтобы спуститься на юг, к Калифорнскому заливу; другие ручьи бегут на запад, к Колумбии. Промежуточный пик, «Союзный», Union Peak, названный так Рейнольдсом[2], должен быть рассматриваем как главный центр Соединенных Штатов, из которого расходятся по разным направлениям проточные воды этой страны.

Главный исток «Желтокаменной» реки, Upper Yellowstone, течет на северо-запад, к озерному бассейну, окруженному со всех сторон горами: это—озеро Иеллостон (2.263 метра), которое по своей форме кажется скорее собранием озер, разветвляющимся веерообразно на юг и юго-запад; озеро Эвстис, указываемое Льюисом и Кларком, находится приблизительно в том месте, которое занимает озеро Иеллостон. Острова, одни плоские, другие гористые, прерывают голубую поверхность вод своими массами зелени; песок берегов состоит почти сплошь из зерен и игол обсидиана и из маленьких кристаллов, называемых «Калифорнскими алмазами»[3]. Никаких раковин не нашли на берегах этого озера, имеющего до 90 метров глубины; из рыб в нём водится только форель. По выходе из озера, около северной его оконечности, поток пробирается узким ущельем между двух плато из лавы, где бьют горячие ключи, выбрасывающие густые клубы пара, затем скользит по наклонной плоскости, чтобы спуститься рядом грандиозных водопадов на дно расселины или *canon*, которая чем дальше, тем всё глубже врезывается в толщу плоскогорья, и в которую боковые ручьи также низвергаются каскадами. Верхний водопад льется скатертью с высоты 43 метров; затем, в 80 метрах ниже, Иеллостон падает на глубину 120 метров между стен ущелья, возвышающихся на 200 слишком метров. Ниже, стены «каньона», состоящие из двух ярусов, в виде уступов, поднимаются местами на 800 метров; края пропасти и карнизы скал окаймлены бордюром сосен; налеты серы покрывают камень ярко-желтой окраской, в перемежку с разноцветными железистыми полосами и пятнами, отложенными минеральными водами, вытекающими из крутых откосов. Над клюзой расположены террасы, которые некогда были берегами выходного потока, после растаяния льдов, покрывающих весь верхний бассейн. Затем горы понижаются справа и слева, и Иеллостон вступает в равнины, доминируемые на севере мысами Биг-Бельта, на юге мысами Биг-Горна. По словам Рейнольдса, река эта судоходна для лодок три месяца в году, со времени таяния снегов, от выхода её из гор до слияния с Миссури.

Ниже впадения Иеллостона, Миссури является уже, за 2.000 верст до своего соединения с Миссисипи, таким, каким мы видим его на всём его нижнем течении; кроме глубины, постепенно возростающей по мере увеличения падения и достигающей двадцати метров при слиянии, размеры остаются те же: река везде сохраняет свой характер на этом длинном переходе через степи и прерии. Большое русло разливов, обозначаемое параллельными вы-

1 F. V. Hayden, „The Two Ocean Pass“, Bulletin of the Geological Survey, vol. V, 1879.
2 A. A. Humphreys and H. L. Abbot, „Physics and Hydraulics of the Mississipi River“.
3 F. Hayden, „Geological Survey of Montana“, etc., 1872.

сокими берегами, отстоящими один от другого слишком на километр, извивается по равнине, заключая в своем канале второе, гораздо более узкое русло, которое описывает свои излучины от берега до берега, то в виде правильных бухт, то в виде причудливых извилин, сопровождаемых прудами, ложными реками, байю; острова, песчаные мели следуют непрерывным рядом в ложе реки; группы, целые полосы больших деревьев осеняют берега, омываемые постоянным потоком, тогда как в других местах однолетние кусты или травы уносятся водами весеннего разлива. Аллювиальные берега, состоящие из песку и глины, взятых ручьями с передних плато Скалистых гор, каждый год меняют свой рельеф, и вода, выходящая чистой и прозрачной из горных ущелий, становится желтой от ила, который она постоянно переносит с подмываемых мест к вновь образующимся мелям.

Общий скат почвы определяет ориентировку притоков Миссури. Между Скалистыми горами и срединной впадиной континента покатость двойная: с одной стороны, земли наклонены с запада на восток, к желобу Миссисипи; с другой, они имеют скат с севера на юг, от общего водораздела к Мексиканскому заливу. Сам Миссури держится сначала первого направления, затем, задержанный длинной выпуклостью рельефа, называемой «Миссурийским плато», «Coteau du Missouri», он поворачивает на юг и юго-восток, параллельно течению своего соперника Миссисипи, и под конец снова принимает нормальное направление, от запада к востоку. Немногие притоки, присоединяющиеся к Миссури на левом его берегу, как Дакота,—или Джемс-Ривер,—и Биг-Сиукс, спускаются с севера, как и Миссисипи; другие реки, в обширном полукруге, который он описывает от Форт-Бентон до Канзас-Сити, ориентированы с запада на восток, за исключением Малого Миссури (Little Missuri), который течет параллельно Иеллостону. Река Cannon Ball, или «Пушечных ядер», получила это странное название по причине шарообразных сростков песчаника, которые катит её поток, и которыми усеяны её плоские песчаные берега. Ядра эти всевозможных размеров, от пистолетной пули до огромных шаров в несколько метров в окружности: между ними попадаются цепные, в роде гальтеров (шары для гимнастики у древних греков), совершенно правильной круглой формы, словно сделанные рукой человека. Другой приток Миссури, «Белая река», White River, назван так за молочный цвет, принимаемый его водами во время прохода по «Худым землям». Выше этого притока, особенно у Мандана, заторы, образующиеся во время ледохода, на поворотах главной реки, часто бывают причиной опустошительных наводнений.

За исключением одной только Небраски, или Плят, которая своими северными притоками зарождается на внутренних плато Скалистых гор, среди пустынных пространств и «парков», граничащих на востоке с пиками Колорадо, все эти данники Миссури, Биг-Чийен, Белая река, Ниобрара, Кау или Канзас, т.е. «Дымящаяся», берут начало у восточного основания главной цепи гор и текут равномерным падением, сходствуя между собой незначительностью объема жидкой массы и длиной борозды истечения. Плят (Platte), названная так канадскими охотниками, которые перевели этим словом её альгонкинское имя Небраска, может быть рассматриваема как тип этих «мелководных» («plates») рек, тонкая поверхность которых разливается в обширном ложе, образуя широкий пояс зелени, травяной на мелях, древесной в углублениях, между двух краевых равнин, с более тощей и более редкой растительностью. Во многих местах Небраска имеет не менее 15 или 16 километров от одного высокого берега до другого; русло её образует естественную дорогу, длиной около 850 километров, направляющуюся от нижнего Миссури к Скалистым горам: в прежнее время переселенцы следовали этим путем, гоня перед собой навьюченных мулов и запряженных в телеги волов; теперь вдоль берега Небраски проходит одна из трансконтинентальных железных дорог.

Питаемый этими маловодными реками, из которых иные летом обращаются в цепь луж, Миссури и сам, при своем слиянии с Миссисипи, далеко не такая значительная река, как можно бы было думать, судя по длине её течения, сравниваемой с длиной других потоков того же бассейна: по пространству, он представляет половину миссисипской площади, по истечению же только одну пятую, именно количество протекающей в нём воды равно прибли-

зительно 3.500 кубич. метров в секунду, что составляет уже двойной объем такой реки, как Рона, шестерной объем Сены. Однако, судоходство пользуется Миссури почти только в нижней части его течения: зимой лед, а летом иногда мелководье, вследствие недостаточности

Улица въ Чикаго.

растаявших снегов в долинах Скалистых гор, мешают пароходам подниматься выше впадения Ниобрары. Слияние двух больших рек, Миссисипи и Миссури, представляет грандиозное зрелище во время разлива, когда быстрые потоки, каждый более километра шириной,

сталкиваются и смешивают свои воды в виде обширных водоворотов. Волнистая линия, отделяющая желтый Миссури от синего Миссисипи, меняет свои кривые и спирали, смотря по силе и направлению отраженных волн. На самом поясе слияния миссурийская вода, более тяжелая от примеси землистых частиц, проникает под более прозрачную воду Миссисипи, затем, отталкиваемая течением, поднимается на поверхность, в виде больших пузырей, которые имеют вид мраморов, различно окрашенных, смотря по содержанию примеси. Долго две реки текут рядом, не смешиваясь, и далеко ниже слияния видна ещё относительно чистая вода Миссисипи, движущаяся вдоль левого берега. Наконец, соединение совершается, и мутный поток, насыщенный землистыми частицами, спускается к морю в виде огромной массы жидкой грязи. В этом столетии место слияния Миссисипи и Миссури передвинулось почти на 13 километров к югу[1].

Ниже слияния, соединенные потоки двух рек ещё не вышли из области холмов. Пройдя в 1.910 километрах выше устьев, под пролетами двух мостов города Сен-Луи, последних из четырнадцати путеводов, построенных на Миссисипи, могучая жидкая масса пробирается ещё у подошвы известковых утесов, которые съуживают речное русло, и из которых иные достигают 60 метров вышины над уровнем низких вод; многие из этих береговых скал, состоящие из горизонтальных пластов неодинаковой твердости, представляют ряд выведенных одна над другой арок, полукруглый свод которых глубоко вырыт в камне, тогда как колонны закругляются рельефно и расположены симметрично на плоскости стены. Колонны эти образовались из отложений, которые постепенно заполнили вертикальные трещины скалы, обрамляя аркады, вырытые в трухлявых слоях и похожия на правильные отверстия памятника, созданного искусством человека.

Утесы правого берега, основание которых подтачивается водами Миссисипи, суть крайние выступы гор Озарк, которые прежде продолжались на восток, соединяясь с волнообразными повышениями почвы в Иллинойсе и Индиане, и которые река постепенно пробила, чтобы открыть себе приход. На «Большой Башне» (Grand Tower), скале в форме башни, стоящей на самой середине реки, видна, на высоте 40 метров над поверхностью Миссисипи, круговая линия размыва, начертанная водами. Со времен Скулькрафта все геологи допускают гипотезу, что речное течение, задерживаемое прежде этой преградой Озаркских гор, разливалось к верховью в виде обширного озера, покрывавшего, вплоть до Собачьей прерии, равнины Миссури, Айовы, Иллинойса и нижнего Висконсина. Бассейн этот, вероятно, соединялся с Великими озерами, Мичиганом, Гуроном и Эри, которые, в свою очередь, были ограничены на востоке скалами Ниагары, не пропускавшими ещё её водопада. Было время, когда воды Канадского внутреннего моря, вместо того, чтобы изливаться через русло св. Лаврентия, увлекались другой Ниагарой, миссисипским каскадом, падавшим с высоты Озаркских утесов. Водопад этот, вероятно отступал постепенно к верховью, подобно тому, как ныне отступает Ниагарский, и в то же время уровень озерного бассейна мало-по-малу понижался, два водовместилища Мичигана и Миссисипи разъединились, затем, когда запруда была окончательно размыта, скат выровнялся, и озеро превратилось в реку. Исчезновение обширного верхового резервуара изменило порядок течения Миссисипи, воды которого, очищавшиеся до того времени в этом бассейне, сделались мутными, желтоватыми и стали подвергаться большим годовым колебаниям уровня между периодом разлива и периодом мелководья[2].

На правом берегу высится мыс Жирардо, последний утес Озаркских гор, и немного ниже этого мыса Миссисипи выделяет из себя боковые истоки, или байю, направляющиеся к низменным землям по реке Сент-Френсис. На левом берегу, у «Коммерции», незначительной деревни, мало оправдывающей свое имя, Миссисипи омывает крайний южный холм Иллинойса и в последний раз проходит по каменистому руслу. Ниже, равнина, на минуту прерываемая съужениями при Геркулануме и Гранд-Тоуэре, принимает более обширные размеры,

1 Mark Twain (Clements), „Life on the Mississipi"

2 A. A. Humphreys and H. L. Abbot, цитиров. сочинение.

чем какие имела до Сен-Луи, и развертывает до самого моря, на протяжении 1.800 километров, уныло однообразный ряд своих больших лесов. Устье Огайо достойно открывает собою эту аллювиальную равнину. Там путешественник мог бы вообразить себя перенесенным в море, среди какого-нибудь архипелага. В какую бы сторону он ни обратил взоры, везде перед ним расстилается необозримое водное пространство, сливающееся вдали с линией горизонта: на северо-западе—рукав Миссисипи; на севере—другой, не менее широкий рукав; на востоке—могучий Огайо; на юге—обширный канал, где смешиваются воды сливающихся рек. Виднеющиеся в отдалении зеленые мысы и острова кажутся не ясно очерченными берегами озера или, лучше сказать, плавающими лесами; торговый город, построенный среди этого речного лабиринта, Каиро или Каир, окружил себя, как настоящая крепость, массивными стенами, которые защищают его во время разливов от нашествия вод.

Огайо из всех рек Миссисипской покатости наиболее походит на реки Западной Европы; оттого первые французские путешественники, счастливые, что нашли места, напоминавшие им родину, дали Огайо (который долго смешивали с Вабускигоном или Вабашем)[1] имя «Belle Riviere». Пологие холмы его берегов имеют мягкия очертания и покрыты деревьями тех же пород, какие преобладает в Европе; вдоль реки рассеяны города и деревни; возделанные поля и группы плодовых садов тянутся в виде непрерывного ряда ласкающих взор пейзажей.

Течение Огайо делится на три ясно охарактеризованные части. В верхней области бассейна ни одна река не приобрела имени главной; две ветви, Аллегени и Мононгахела—«Mal Engueulee» («с худым устьем») старинных французских путешественников[2],—рассматриваются как имеющие равное право на титул главной реки. Более длинная из них, Аллегени, которую съуживают в искусственных берегах шлаки, выбрасываемые из прибрежных заводов, зарождается не в горах того же имени; она берет начало в маленьком озере Чоток, лежащем недалеко от озера Эри, но в нескольких сотнях метров выше его уровня, и, спускаясь на юг рядом узких долин, соединяется с другой ветвью верхнего Огайо, с Мононгахелой. В месте слияния теснятся промышленные города,—между прочим, большой город Питсбург,—вызванные к жизни не столько торговыми выгодами судоходных путей, сколько минеральными богатствами страны (каменный уголь). Что касается Мононгахелы, усиливаемой притоком Югиогени, то она собирает свои снеговые и дождевые воды в нагорных долинах Аллеганской цепи, затем извивается в долине, заключенной в угленосных породах: выступающие наружу слои минерального топлива ещё недавно тянулись, в виде длинных черных лент, по самому берегу реки и могли быть разработываемы в нескольких метрах от приходивших за грузами угля судов. Изучение ледниковых формаций в верхнем бассейне Огайо показало, что линия раздела между покатостью св. Лаврентия и покатостью Миссисипи переменила свое положение, и перемена эта, вероятно, была произведена действием льдов. Раздельная возвышенность между проточными водами идет теперь вдоль озера Эри, на расстоянии всего только 15—30 километров от его южного берега, тогда как до ледяного периода она была вдвое или втрое более удалена от этого бассейна. Даже озеро Чоток было тогда притоком реки св. Лаврентия[3].

От Питсбурга начинается среднее течение Огайо, между равнинами, залегающими на формациях девонской и силурийской. На берегах основались многолюдные города, построенные по большей части у выхода речных долин. Приходящие с севера притоки, как Мускингум, Шиото, две реки Миами, спускаются, подобно Аллегени, с усеянной прудами террасы, которая тянется вдоль южного озера Эри, продолжаясь на запад до южной стороны озера Мичиган. Южные реки берут начало, как и Мононгахела, в верхних продольных долинах Аппалахской цепи, или по крайней мере в её предгорьях. Большая Канавга (Great Kanawha), самая многоводная из этих рек, протекает по соленосным местностям, также как

1 J. G. Kohl, „Geschichte der Entdeckung Amerikas”

2 Perrin du Lac, „Voyage dans les Deux Louisianes”.

3 F. Wright, цитиров. сочинение;—G. von Rath, „Pennsylvanien”.

Ликкинг, приток, на устье которого стоит город Цинциннати: это имя Ликкинг также, как индейское название Махонинг, напоминает lickings или licks, куда в былые времена приходили мастодонты или бизоны лизать соль; геологи извлекли из этих залежей огромное множество ископаемых костей. Когда льды преграждали течение Огайо, в том месте, где теперь находится Цинциннати, воды, скоплявшиеся выше этой ледяной запруды, изливались долгое время на юг через долины рек Ликкинг и Кентукки[1].

Из южных притоков Огайо наибольшей известностью пользуется Кентукки, имя которого принял один из штатов Северо-Американского союза. Река эта соединяется с Огайо выше Луисвильских водопадов, обозначающих естественную границу между средним и нижним течением главной реки. Коралловая мель, ветви которой ещё так остры и густы, как будто они только недавно образовались, прерывает течение рядом опасных порогов, имеющих вместе немного более 6 метров падения на пространстве 5 километров. Во время высоких разливов пороги эти совершенно исчезают; но при низком стоянии воды судоходство в речном русле становится невозможным, и суда должны обходить водопады по одному из боковых каналов, вырытых с обеих сторон Огайо. Луисвильские коралловые постройки напоминают очень отдаленную эпоху в истории земного шара: вероятно, в конце девонского периода Заливное течение (Гольфстрем), входя широкими воротами, где ныне проходит нижний Миссисипи, направлялось на север к Гудсонову морю[2].

Вдоль нижнего течения равнина расширяется и становится совершенно аллювиальной, холмы сопровождают её уже в отдалении; устья впадающих рек скрываются позади лесистых островов и полуостровов. На севере, главный приток—тихий Вабаш, или Уабаш, который так часто носил берестяные челноки канадских путешественников; на юге, в Огайо, изливается «Зеленая река», Green River, питаемая поверхностными ручьями и подземными потоками, выходящими из бесчисленных пещер и знаменитого Мамонтового грота. Зеленая река берет начало в волнистых равнинах Кентукки, но две другие реки, присоединяющиеся к Огайо ниже и на том же берегу, принадлежат к области Аппалахских гор своими верхними ручьями. Кумберланд получает свои воды с гор того же имени; Тенесси, по имени которого назван один из штатов, зарождается гораздо далее, в самом сердце гор: различные реки, из слияния которых он образуется, Клинч-Ривер, Гольстон, Френч-Брод, питаемые снегами гор Роан и других больших вершин, текут сначала в продольных долинах южных Аллеган и спускаются на юго-запад, как бы затем, чтобы идти прямо к Мексиканскому заливу: эти области принадлежат к числу прелестнейших, живописнейших мест в Соединенных Штатах, но также и к числу наименее посещаемых туристами и любителями природы; в верхнем своем течении Клинч-Ривер в одном месте исчезает под сводами естественной галлереи, имеющей слишком 800 метров ширины, и по верху которой проходит железная дорога. После соединения со своими притоками, Тенесси продолжает течь в этом направлении, затем вдруг, вместо того, чтобы вступить в долину, проходимую одним из притоков Алабамы, он поворачивает к западу и описывает обширную кривую к северо-западу, охватывая в своем полукруге гораздо меньший полукруг Кумберланда. Почти параллельные в своих низовьях, эти две реки впадают в Огайо близко одна от другой. Ниже, соединенные воды различных потоков походят не столько на отдельную реку, сколько на залив Миссисипи, и когда Огайо смешивает свои грязные воды с водами главной реки, он уже совершенно утратил свою речную индивидуальность.

Бассейны Тенесси, Кентукки и особенно Зеленой реки прославились своими известковыми формациями, в которых воды вырыли лабиринт подземных галлерей, самых обширных и наиболее разветвленных, какие известны во всём свете. До сих пор исследованы только некоторые из этих пещер, но из имеющихся неполных изысканий можно с достаточным основанием заключить, что общее протяжение темных аллей, вырытых водами в штатах Кентукки, Тенесси и Индиане, много превосходит окружность земного экватора. В этих

1 F. Wright, цитир. сочинение.

2 Nathaniel S. Shaler, „Aspects of the Earth".

местностях поверхностные воды совершенно отсутствуют: нигде не видно ни ключей, ни ручьев, но бугристая почва изрыта там и сям ямами, в которые стекают дождевые потоки, и которые сообщаются с подземными галлереями. Впрочем, на многих фермах эти ямы, очень опасные для скота, были завалены или выложены внутри камнем, так что образовались резервуары, где скопляется дождевая вода. Вырывание пещер было, без сомнения, ускоряемо существованием лесов, которые прежде покрывали весь этот край: дождевая вода просачивалась сквозь слои старых разложившихся листьев и веток, насыщаясь там углекислым газом, который действует растворяющим образом на известковые и железистые породы[1].

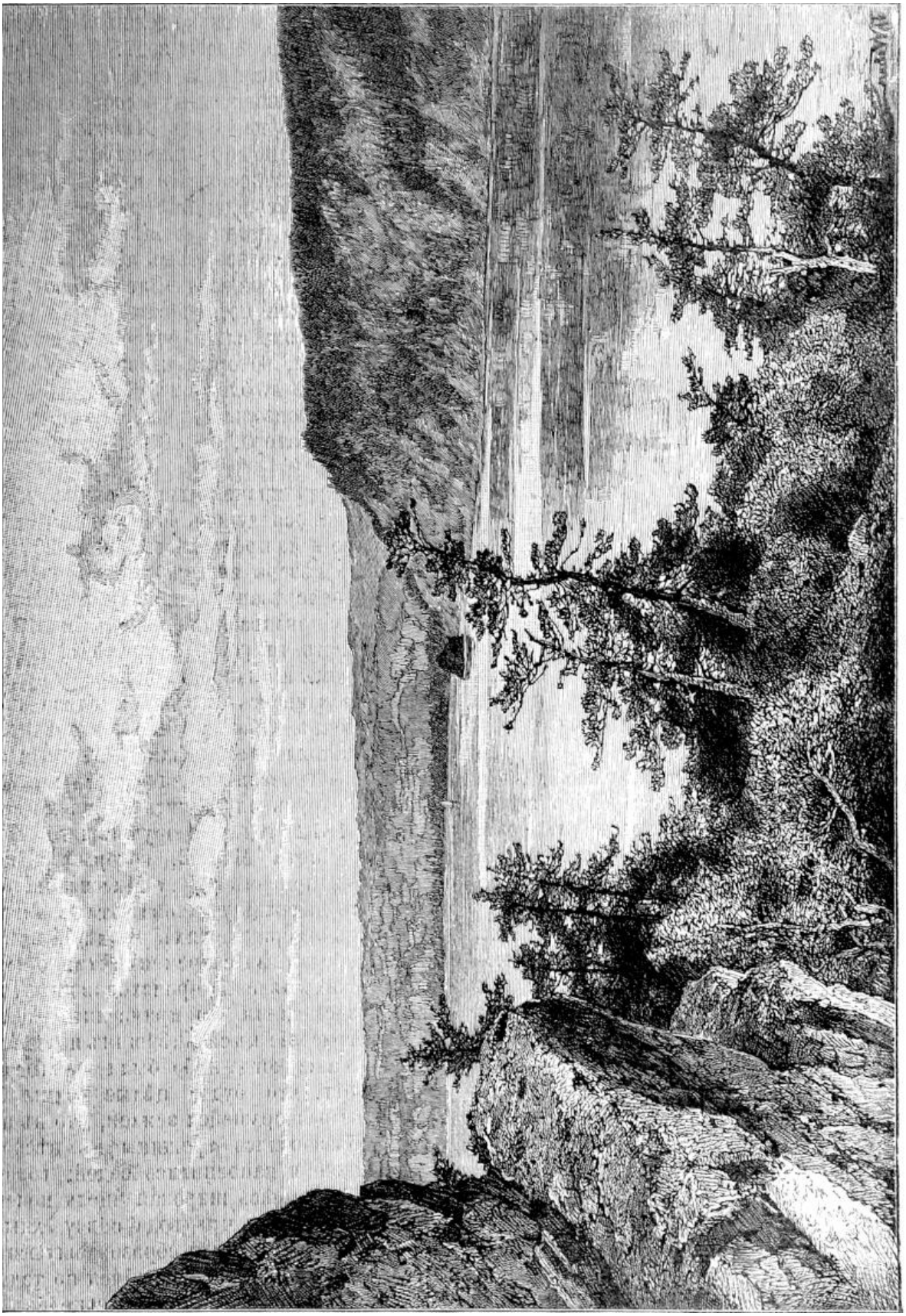
Из всех естественных гротов самый обширный и наиболее известный носит имя «Мамонтовой пещеры», Mammouth Cave. Отверстие её находится недалеко от долины, в которой течет «Зеленая» река, приток Огайо: часть вод, уходя через расселины скалы, теряется в подземных аллеях. Главная галлерея Мамонтовой пещеры продолжается верст на пятнадцать, но весь лабиринт, обследованный до 1856 г., заключает в себе слишком 200 аллей, общая длина которых около 240 километров, и пустоты внутри скал представляют объем, равный 11 миллиардам кубич. метров[2]. Залы с высокими куполами, стрельчатые или полукруглые нефы, своды с навесами, как в Альгамбре, колоннады из сталагмитов, группы колоссальных статуй, тонкие узоры на скалах, узкие коридоры и крутые лестницы, шумящие каскады, озера и потоки—все чудеса подземного мира собраны в «пещере Мамонтов»; однако, там нет таких высоких куполообразных сводов, как в гроте Постойна и многих других европейских пещерах; большинство галлерей имеют довольно низкий потолок. Эти пещеры Кентукки служили убежищем мастодонтам, останки которых, может-быть, и доставили гроту носимое им теперь имя, если только по американской моде давать громкия названия всему, что выдается величиной, это имя «Мамонтова пещера» не обязано своим происхождением огромным размерам подземельев. В соседних пещерах нашли также скелеты людей и кое-какие остатки человеческого искусства, между прочим, нечто в роде сандалий. Со времен ледникового периода массы гравия и песку, нанесенные водами, проникли в подземные галлереи и засыпали многие из них[3].

Нынешние обитатели Мамонтовой пещеры—сиредон или аксолотль, подобный живущим в мексиканских озерах, и различные виды слепых рыб (Amblyopsis spelaeus, Typhlithys subterraneus, Chologaster cornutus, Chologaster Agassizii). У хологастера слепота не всегда бывает полная: в каналах Юга встречаются зрячия особи, хотя и плохо видящие; но в пещерах орган зрения, сделавшийся бесполезным, совершенно атрофируется. У амблиопа, отличающагося тусклой окраской и имеющего около дециметра в длину,—животного, вероятно, океанского происхождения,—зрительный аппарат так слабо развит, что его можно открыть только путем хирургической операции, содрав толстую перепонку, покрывающую глаз. Но чувство зрения заменяется другим чувством: богатые нервами сосочки на голове извещают животное о малейших движениях среды, в которой оно находится. Такая же замена одного чувства другим была наблюдаема на всех организмах беспозвоночной фауны, открытых, в Мамонтовой пещере: у ракообразных насекомых, пауков, червей и тысяченожек; у этих ослепших существ осязание оказывается чрезвычайно чувствительным. Некоторые виды сохранили ещё следы глаз или зрительных нервов, именно те, которые живут в менее удаленных от света местах гротов; постепенное ослабление, затем исчезновение зрения проявляются различно у разных видов. Темнота уменьшает или уничтожает также красящие пигменты у пещерных обитателей: к чему послужили бы глаза или блеск цветов в этом царстве вечного мрака? Констатировали большой контраст между фауной пещер Северной Америки и фауной гротов Европы[4]. Последние несравненно богаче в этом отношении.

Огайо отличается крайне неправильным характером течения. В одном и том же месяце

1 Nathaniel S. Shaler, цитиров. сочинение.
2 Dale D. Owen, „Geology of Kentucky".
3 Ponssielgue, „Tour de Monde".
4 A. S. Packard, „The Cave Fauna of North America".

двух разных годов расход реки (количество протекающей воды) разнился в отношении единицы к восьми. Часто также разлив сопровождается страшными наводнениями, и случалось, что под мостом в Цинциннати поток Огайо, шириной 300, глубиной 18 метров, несся с

Пейзажъ въ Висконсинѣ.

быстротой 10 километров в час. В одном и том же году уровень вод может изменяться на пятнадцать, на двадцать метров, а в 1887 г. разность уровня между высоким и низким стоянием воды достигла даже 21,26 метров,—так сильно воздействуют крайности температуры и

влажности воздуха на гидрологический режим бассейна: во время засухи бывает не больше 60 сантиметров воды в стержне течения[1]. Понятно, как гибельны могут быть подобные резкия перемены: внезапный спад воды влечет за собой перерыв навигации на Огайо и его притоках, т.е. на судоходном пути длиной около 3.670 километров. Оттого колебания уровня Огайо, всегда очень опасные для прибрежных жителей, причиняли много забот американским коммерсантам, пока постройка железных дорог, теперь столь многочисленных, не уменьшила в известной мере полезность рек, как путей для перевозки товаров. До сих пор не пытались осуществить который-либо из двух выработанных проектов: прорытие шлюзованного канала на том или другом берегу, или устройство водохранилищ в верхних долинах. Когда в одном из двух сливающихся потоков вода идет на прибыль, тогда как другой находится в периоде мелководья, то прибылая вода поднимается вверх по ниже лежащей реке: этот отлив против течения распространяется иногда в Миссисипи до мыса Жирардо, а в Огайо—до впадения Тенесси.

Книзу от слияния с Огайо, аллювиальная равнина Миссисипи становится очень широкой, и при виде многочисленных рукавов, разветвляющихся вокруг островов, можно подумать, что главная река уже пытается образовать дельту. До впадения Красной реки насчитывают больше сотни этих больших островов, которые прежде обозначали нумерами по порядку, чтобы избавить себя от труда давать каждому особое имя; но эта нумерация скоро сделалась неточной: год от году приходилось изменять её. Острова часто меняют форму и очертания, смотря по высоте уровня жидкой массы и направлению течения. То какой-нибудь из выступов или мысов острова исчезает под водой во время разлива, то воды врезываются внутрь острова, в виде залива, то наносы, отлагаясь, образуют новый мыс. Плывущая ветка ивы задерживается на какой-нибудь песчаной мели и укрепляется в почве; затем каждый разлив приносит новый ил и новые ветки или семена растений, мель в несколько лет покрывается ивняком или леском тополей, верхняя листва которых расположена последовательными ярусами, позволяя таким образом точно определить возраст каждого всхода растительности. В другом месте река смывает ею же отложенный остров, и там, где ещё за несколько дней существовал целый лес, видишь только зеленые ветви, плавающие на поверхности вод. Как пример быстрого образования и ещё более быстрого разрушения аллювиальных островов, приводят историю парохода *America*, затонувшего в реке, в 160 километрах от устья Огайо, и скоро занесенного илом и песком. Почва укрепилась, деревья разрослись густой чащей, и около двадцати лет проходившие мимо суда запасались там топливом. Даже ферма была основана на этой новой земле, как вдруг два последовательных разлива уничтожили всякий след острова и расчистили остов корабля, который оказался на глубине 12 метров, не в близком соседстве речного берега, где произошло крушение, но по самой середине фарватера, в 800 метров от берега.

Вся область низменных равнин, простирающаяся к западу от Миссисипи ниже города Каиро и на пространстве около 200 километров с севера на юг, усеяна озерами и болотами, перерезана ленивыми речками, которые останавливаются перед малейшим препятствием, в роде, например, поваленных ветром и упавших поперек русла деревьев, разливаясь вправо и влево по неплотной почве. Обыкновенно повторяют, что эти полу-затопленные земли, известные под именем «Провалившейся страны», *Sunk Country*, вдруг опустились во время землетрясения 1812 года, разрушившего Новый Мадрид, Nueva Madrid, который испанцы основали на правом берегу Миссисипи, быть-может, в надежде установить там метрополию своих американских владений вне Мексики. Переданные современниками описания сейсмических явлений, происходивших в той области, заставляли бы причислить упомянутое землетрясение к сильнейшим подземным ударам, какие когда-либо были наблюдаемы; утверждают, что будто целые холмы были поглощены разверзшейся землей, что в почве вдруг образовались трещины в несколько миль длиной и наполнились водой; говорят даже, что открылась широкая щель поперек ложа Миссисипи, и что вода снизу хлынула обратно,

1 „Popular Science Monthly“ April 1891.

чтобы наполнить образовавшуюся пропасть, увлекая суда, спускавшиеся по течению. Однако, эти рассказы, переходившие из уст в уста, и которые в этой территории, тогда ещё почти пустынной, не могли быть проверены никаким серьезным наблюдением, позволяют предполагать большие преувеличения. Но один факт не подлежит сомнению: в северо-западном углу штата Тенесси, обвалы, преградившие течение реки Рильфут, имели следствием быстрое образование озера, площадью слишком 100 квадр. километров, которое существует доныне, окруженное лесами и болотами[1]. Даже до землетрясения 1812 г. равнина «Провалившейся страны» представляла сеть озер и болот, внутреннюю дельту, тысячи рукавов которой служили естественными регуляторами реке, от периода разлива до периода мелководья.

В самом деле, выступившие из берегов воды изливаются по бокам на низменные земли, и все пруды составляют тогда своего рода временные резервуары, с чрезвычайно медленным течением. Достигнув болот, вода продолжает спускаться к самым низким местам; но, задерживаемая упавшими деревьями и пучками корней, разделившаяся на тысячу струек, она теряет свою побудительную силу, и только по прошествии нескольких недель или даже месяцев, когда Миссисипи принял свой обычный уровень, она возвращается в русло реки или снова изливается в один из её притоков. Общим истоком для всех вод разлива, увлекаемых в «Провалившуюся» местность и другие низменные земли страны, служит река Сент-Френсис, которая, во всём своем нижнем течении, есть не что иное, как один из байю обширного разветвления миссисипских вод: приблизительно определяют в 10.000 квадр. километров площадь наносных и болотистых земель, ограничиваемых этими двумя реками. Замедление, которое испытывает поток наводнения во временных резервуарах своих берегов, облегчает его мало-по-малу: во время разливов Миссисипи катит гораздо меньше воды близ своего устья, чем при слиянии с Огайо; несмотря на дань, приносимую притоками, он теряет одну пятую всей своей массы, спускаясь к морю: у Нового Орлеана расход его в период половодья меньше, нежели у Сен-Луи.

Количество протекающей в секунду воды в Миссисипи во время разлива[2]: у мыса Жирардо, выше слияния с Огайо,—28.082 куб. метр.; у Бельмонта, ниже слияния с Огайо—33.506 куб. метр., у Нового Орлеана—27.260 куб. метр.

Арканзас, которому Жолье, открывший его, дал имя «riviere de Bazire», соединяется с Миссисипи почти на половине расстояния между слиянием Огайо и слиянием Красной реки. Это далеко не такой могучий поток, каким его можно вообразить, увидя его начертание на карте. Хотя длина его течения не менее 3.500 километров, он не довольно обилен, чтобы оставаться судоходным круглый год, и даже в устье его пароходы часто задерживаются мелководьем. Дожди, выпадающие в пыльных прериях Запада, недостаточны для питания значительной реки. Он берет начало, как и Миссури, в самом сердце Скалистых гор, посреди «парка» или высокого цирка, над которым господствуют самые горделивые горы Колорадо, на востоке—Линкольн, на юго-западе—Гарвард; в непосредственном соседстве, к западу, на противоположных скатах, зарождаются ручьи, изливающиеся в Колорадо чрез реки Зеленую и Большую (Green River и Grand River). Протекая в начале на юг, затем на восток узкими и глубокими поперечными долинами (клюзами), Арканзас уже прошел две трети своего падения, когда он покидает, у Пуэбло (на высоте 1.434 метров), область гор, чтобы спускаться извилистой линией через степи. Проходя область, сходную с областью Миссури по образованию, скату и климату, он описывает кривую, приблизительно параллельную дуге большой реки северных равнин[3], и притоки его, Симаррон с красными водами, Канадская река (Canadian River), зарождающаяся среди лав, тоже походят на притоки Миссури, каковы Канзас и Небраска. Неглубокия струи воды, притоки эти разветвляются по песчаному дну между далеко отстоящими друг от друга высокими берегами, внутри которых встречаются также *bottoms*, плодородные, поросшие лесом земли. Эти мелководные потоки

1 Dale D. Owen, „Geology of Kentucky“.

2 Ellet, „Physical Geography of the Mississipi River“.

3 Friedrich Ratzel, „Die Vereinigten Staten von Nord-Amerika“.

судоходны только для индейских пирог. До наступления периода весенних дождей, путешественник Бун нашел русло Канадской реки совершенно высохшим в 1.200 километрах от её истока, т.е. в таком же расстоянии, в каком находится Буда-Пешт от начала Дуная. Исследователь Брегг блуждал, со своим караваном, несколько дней в поисках реки Симаррон, названной «Беглой» первыми испанскими путешественниками, потому что она часто исчезает бесследно: оказалось, что он давно прошел искомую реку, и что пески помешали ему различить её русло. Что касается Канадской реки, то она обязана своим именем «la Canadienne» франко-канадским охотникам. Один из притоков этой реки прозван «Сухим», Dry River, потому что вода проходит невидимо под песком широкого ложа; ночью находят кое-где лужи в углублениях почвы, но при солнечном зное лужи эти скоро испаряются[1]; в некоторых местах опасно переходить эти пески, почти столь же жидкие, как и подземная вода. К западу от 100-го градуса долготы, до основания Скалистых гор, почти все реки катят слегка солоноватую воду[2].

Подходя к Миссисипи, Арканзас вступает в низменную область, похожую на «Провалившуюся землю», и соединяется с ветвями реки, которая течет с севера, принося воды «Белой» и «Черной» рек (White River и Black River). И тут также, в общей дельте Миссисипи, Арканзаса и Белой реки, потоки направляются в ту или другую сторону, смотря по относительной высоте разливов и понижению уровня меженных вод в трех бассейнах. Сплетение изменчивых байю походит на те завалы, где от избытка крови образуется сеть ложных артерий. В этих пространствах с неопределенным рельефом твердая земля и воды часто перемещают свою область. Одна деревня, по имени Наполеон, лежавшая на южном берегу Арканзаса, при впадении его в Миссисипи, исчезла, и теперь показывают, посреди миссисипского потока, место, где она находилась[3].

Равнины, простирающиеся напротив, по другую сторону Миссисипи, принадлежат к реке с незначительным скатом, которая, однако, по количеству воды, почти не уступает Арканзасу: это Язу (Yazoo), образующийся из множества ленивых байю, блуждающих в равнинах, которые, повидимому, некогда были озерным пространством. Между этими байю многие брали бы свое начало в Миссисипи, если бы им не загородили дорогу искусственными сооружениями: таким образом речной бассейн притока Язу составляет внутреннюю дельту Миссисипи. Один из этих каналов начинался прежде у отверстия миссисипской бреши, называемой «Воротами Язу», Yazoo Gate, и соединялся с рекою Сонфлоуэр, притоком Язу, удвоивая объем последнего, наконец, он возвращался к главной реке, в 500 километрах от верхнего водоотвода. Плантаторы заперли эти «ворота» исполинской плотиной, самой большой из существующих на миссисипских берегах, с целью осушить выше лежащие земли и сделать их годными для культуры; но с той поры низовые реки дотого оскудели водой, что навигация по ним часто бывает затруднена в течение целых месяцев. Во время разливов, вода из Миссисипи вливается далеко в русло Язу и долго уравновешивает его течение.

Полукруглые и почти совершенно кольцеобразные извилины очень многочисленны на всём течении Миссисипи, но нигде они не следуют одна за другой с такой правильностью, как в нижней части среднего течения, между Арканзасом и Красной рекой. Часто, после длинного обхода в несколько миль вниз по течению, суда снова находятся в близком расстоянии и в виду того пункта, который они покинули за несколько часов перед тем. Излучины в 25, даже в 33 километра протяжения, как, например, Террапинская и Пальмирская, не оставляют даже полкилометра ширины перешейку, разделяющему две дуги, верховую и низовую. Оттого тонкая ножка была часто прорываема водами, неустанно размывающими рыхлые земли, и недоконченный круг вдруг принимает форму кольца: поток, перестав описывать длинную кривую, устремляется по быстрому каналу перешейка, и бывшее русло обращается в кольцеобразное озеро с тихими водами; Шалер дал ему название *moat*, которым

1 Baldwin Mollhausen, „Vom Mississipi zum Felsengebirge“.

2 J. W. Foster, „Mississipi Valley“.

3 Clements (Mark Twain), „Life on the Mississipi“;—Redway, цитиров. выше мемуар.

обозначают заброшенные рвы вокруг старой крепости. Разрез ложа производится обыкновенно не верхней дугой, откуда устремляется поток, а нижней, где вода вдруг падает каскадом: с этой стороны размывание совершается с неимоверной быстротой подкапыванием обнаженных высоких берегов; тогда, случается, целые гектары земли исчезают в несколько секунд, с страшным шумом, подобным грому артиллерии[1]. В первые дни после прорыва перешейка поток, несущийся в сокращенном русле, бывает так стремителен, что пароходы не могут подниматься в этом месте реки. Большинство новых русл, так образовавшихся с тех пор, как европейцы ознакомились с берегами Миссисипи, открылись без вмешательства человека: можно указать, между прочим, на *cut-off* (разрез) «Подковы», Horseshoe, который произошел, в 1839 г., в некотором расстоянии от устья Арканзаса, избавив суда от необходимости делать крюк в 50 слишком километров. Другие каналы имеют отчасти искусственное происхождение: таковы, в Луизиане, бреши, носящие доныне французские имена «Pointe-Coupee» и «Raccourci». На первый взгляд казалось бы очень просто выпрямить этим способом извилистое течение Миссисипи, для сокращения длины плавания; но дело в том, что балансирование реки от одной к другой стороне долины совершается правильно, уничтоженные излучины заменяются другими, и сокращения русла, полученные на одном пункте, скоро утрачиваются в другом месте. Вид Миссисипской долины, с её живой рекой по середине и её угасшими реками по бокам, показывает, что могучий поток постоянно описывал в своем движении волнообразную линию, делая изгибы вправо и влево. Полуострова и острова, обратившиеся в полуострова, переходят от одного берега к другому и вследствие того меняют в то же время юрисдикцию: так, остров № 92, составлявший часть Арканзаса, был отдан рекой противолежащему штату. Впрочем, один остров, пространством в 1.600 гектаров, № 74, между штатами Арканзасом и Миссисипи, не принадлежит ни к той, ни к другой политической области, и владелец его не платит никакого налога[2].

Эта подвижность реки, которую можно сравнить с змеей, развертывающей свои кольца, объясняет вид берегов. Только тот, кому случалось путешествовать в девственных лесах, может составить себе понятие о тишине, царствующей на берегах Миссисипи в средней части его течения. В Европе и даже в Новой Англии обыкновенно воображают, что берега этой реки везде возделаны, что поселки, деревни следуют там одни за другими без перерыва. На самом деле ничего этого нет: леса, острова, поросшие ивняком, песчаные мысы сменяются одни другими с приводящим в отчаяние однообразием, и можно плыть целые дни, не видя на берегу никаких следов пребывания человека. Только время от времени встретится пароход, с его населением пассажиров, и на минуту наполнит пространство движением и шумом, ещё более увеличивая контрастом таинственность прибрежных лесов: прошел встречный пароход,—и всё снова погружается в угрюмое безмолвие пустыни. Высокие берега достаточно крепки лишь в немногих пунктах, и редко где представляют для человека и его работ опорные террасы. С тех пор, как началось научное исследование Миссисипи, все путешественники, особенно Ляйель, заметили, что правый берег, вниз от впадения Огайо, состоит исключительно из аллювия (наносной почвы), тогда как утесы господствуют над левым берегом. В одном только месте, у деревни Гелена, около устья притока Сент-Френсис, река довольно близко подходит к холмам своего правого берега, так что можно различить в отдалении высоты, покрытые лесами. На востоке, напротив, Миссисипи пятнадцать раз ударяется о скалы эоценового происхождения: это—«ecores» (крутые, скалистые берега) старинных французских путешественников. На каждом из этих холмов, с крутыми красными скатами, изрытыми дождевыми потоками, основались фермы, селения или города; кое-где встречаются развалины, бывшие военные посты индейцев или белых, называемые нынешними жителями общим именем *Soto-camps* (лагери Сото), как бы в честь испанского путешественника Эрнандо де-Сото, который первый из европейцев совершил переправу через Миссисипи[3].

1 Waddell, „Mississipi“.

2 Mark Twain, цитир. сочинение.

3 J. O. Kohl, „Geschichte der Entdeckung Amerikaś“.

Стараясь объяснить это стремление могучей американской реки налегать на левый берег своей аллювиальной долины, Ляйель[1] приписывает его напору больших притоков, приходящих с запада, от Сент-Френсиса до Красной реки, которые наполняют своими наносами западную часть долины, отбрасывая таким образом Миссисипи к востоку. Гипотеза эта, очевидно, ошибочна: объем относительно маловодных притоков не был бы в состоянии, на протяжении 1.800 километров, отбрасывать к востоку жидкую массу, по крайней мере вдесятеро большую. Мыслимо ли, чтобы под давлением небольшой реки, как Арканзас, Миссисипи принужден был наступать на свой левый берег, как будто великая река, несущая такую массу землистых веществ, не могла бы захватывать с собой также наносы Арканзаса и продолжать свое правильное течение к морю, смывая песчаные мели, отложенные её притоком во время его разливов? Казалось бы, Миссисипи должен постепенно заливать свой правый берег, так как вращательное движение земли вокруг оси своей должно бы было, если бы не действовали другие причины в обратном смысле, отклонять течение реки вправо, подобно тому, как в Европе оно отклоняет течение Волги, а в Азии течение Инда[2]. На деле, однако, этого нет: устье Миссисипи почти на шесть градусов по долготе выдвинуто далее к востоку, чем озера его истока. Причину рассматриваемого явления вернее всего искать в строении континентальной массы. Направление рек определяется общей покатостью страны, по которой они текут. Подобно тому, как Алабама спускается на юго-запад по линии, составляющей продолжение конечных долин Аппалахских гор, и как, в Техасе, все реки следуют по наклону равнин, прилегающих к основанию Скалистых гор, так точно Миссисипи, удерживаемый в срединной впадине Северной Америки, между двух боковых горных систем, испытывал, в своем течении, особенно влияние более мощных формаций. Всё пространство, заключающееся между Скалистыми горами и Миссисипи, может быть рассматриваемо как исполинский откос из обломков, вдоль основания которого течет эта могучая река, направляясь к Мексиканскому заливу.

Слияние Красной реки (Red River), в 500 километров от моря, обозначает вместе с тем начало Миссисипской дельты. Этот большой приток, текущий параллельно Канадской реке, Симаррону, Арканзасу, и смешиваемый прежде с Рио-Колорадо, притоком Канадской реки, берет начало не в одной из долин Скалистых гор, как сейчас названные реки, а в расселине «установленных вехами равнин», или Льяно-Эстакадо: он бьет из земли на дне клюзы, в 800 метрах абсолютной высоты, в 200 метрах глубины над карнизами обступивших его скал. Направляясь на восток, ручей вскоре выходит из ущелья и в степи смешивается с другими маленькими потоками, которые почти все, как и он сам, отличаются соленым вкусом воды; иногда песчаное русло пересыхает в нескольких стах километров от его истока. В месте соединения с Лже-Вашитой (False Washita) Красная река является уже постоянным потоком, но ещё не судоходным. Приняв в себя ещё несколько притоков, она поворачивает к югу и вступает в низменную область, усеянную большими озерами и иногда сплошь затопленную водами разлива.

Запруда, задерживающая таким образом реку и озера, есть не порог из больших камней или скал, а гряда застрявших в огромном количестве стволов деревьев, скопление севшего на мель плавучего леса, которое французские креолы называют «embarras» (завал или затор), а англо американцы—*raft* или «плот», хотя он не плавает, а загромождает русло во всей его глубине, заставляя жидкия поверхности обходить его с боков; он состоит, в действительности, не из одной сплошной и компактной массы, но из пятидесяти или шестидесяти перегородок, имеющих каждая несколько сотен или несколько тысяч метров в длину и разделенных интервалами стоячей воды. При каждом разливе поток приносит новые деревья, которые останавливаются на запруде, вследствие чего последняя год от году увеличивается к верховью; тогда как в низовой её части стволы отделяются. Преграда поднимается всё выше и выше вверх по реке, словно плавучая плотина. В 1858 году этот древесный затор выдвинул

1 „Visit to the United States“.

2 Von Baer „Bulletin de l'Academie des Sciences de Saint-Petersbourg“, 3 fevr. 1860.

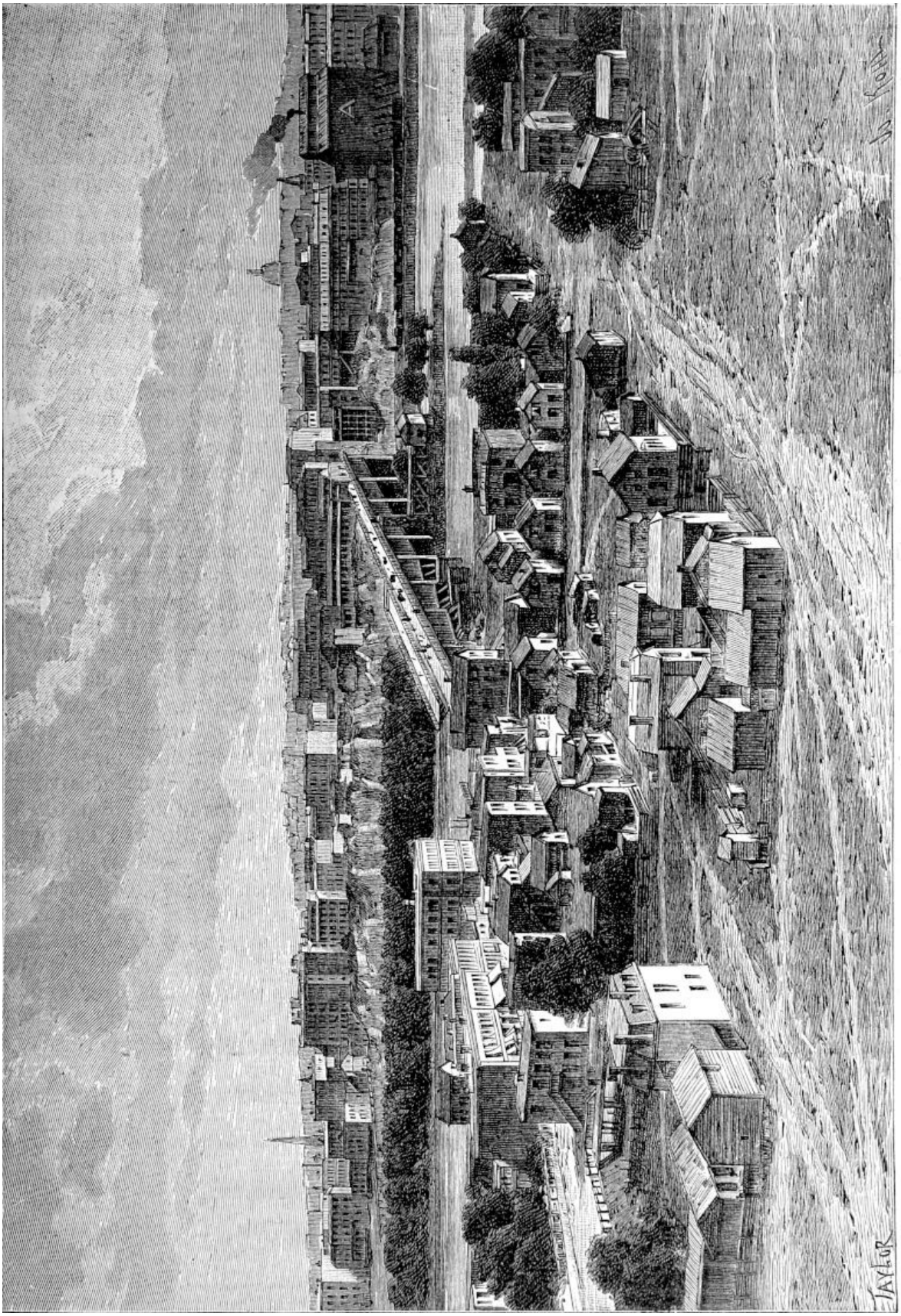
свой верхний фронт на расстоянии 630 километров от слияния Красной реки и Миссисипи; с 1833 года он поднялся кверху на 50 километров, с средней скоростью 2 километров в год. Оттесняемые озера также перемещаются, заливая степи и леса. Обширное пространство, занимаемое ныне озером Каддо, было прерией ещё в конце прошлого столетия, и индейцы здесь охотились на буйвола. Озеро Бистино образовалось таким же способом, и стволы «кипарисов», с обломанными ветвями, торчат среди черноватой воды, наполненной гниющими растительными обломками. Запруда эта окончательно изменила общую физиономию страны; в некоторых местах сгнившие деревья, обратившись в чернозем, питали живой лес. Для восстановления судоходства, правительство Луизианы предприняло, с 1828 года, работы по уничтожению завалов, которые в то время загромождали реки на протяжении около 200 километров. Мало-по-малу их уменьшили на девять десятых первоначальной длины, но возгоревшаяся междоусобная война прервала дело очистки реки, которое по восстановлении мира опять возобновили, ограничиваясь на этот раз непосредственно проложением судоходного пути сквозь тесно сплоченную массу деревьев. В настоящее время фарватер совершенно расчищен до Шрупорта, лежащего в 450 километрах от устья Красной реки[1]. В самом Миссисипи встречаются старицы, совершенно заваленные деревьями и покинутые рекой, которая вырывает себе новые русла; но теперь там уже не образуются завалы, хотя во время разливов поток по-прежнему приносит много плавучего леса: выстроившиеся по берегам лесопильни задерживают крупные деревья на проходе, и к низовью Миссисипи остаются только веточки, трава и тростник. Русло также очищают от «пней», по местному *snags* или *sawyers*, больших дерев, увязших в иле и на половину скрытых грязной водой, которые угрожали судам своим торчащим стволом или острыми сучьями.

Ниже завала деревьями, Красная река образует ещё, близ Александрии, небольшие пороги, трудно переходимые в сезон мелководья, затем приняв в себя Вашиту или Черную реку (Black River), спускающуюся с севера, почти параллельно главной реке, она вступает в лабиринт каналов, где темно-бурые воды её соприкасаются с желтыми водами Миссисипи. Красная река является, в геологической истории, лишь временным притоком Миссисипи. В предшествующую эпоху она, вероятно, не доходила до главной реки верст на сто и текла прямо к Мексиканскому заливу широким руслом, занимаемым теперь байю Теш. Вашита и продолжение её, Черная река, также направлялись прежде к югу, в виде независимой реки, продолжаясь до моря руслом байю Ачафалайя. Но беспрестанные блуждания потоков в конце концов соединили их в лабиринт каналов: подобно узлу, связывающему подошву трех ветвистых стеблей, сеть байю соединяет Миссисипи с соседними реками и обозначает место, где воды тройного потока разветвляются на отдельные рукава, направляющиеся к морю. Впрочем, три реки смешались не добровольно, и теперь снова проявляется наклонность к разъединению. Красная река уже сообщается с Миссисипи только одним широким каналом, которому дали название «Старой реки» (Old River), и без искусственных сооружений судоходство между этими двумя реками современем сделалось бы невозможным[2]. Часто случалось, что образовавшиеся в устье Ред-Ривера песчаные мели запирали вход пароходам с Миссисипи. Предполагали остановить плотиной исток Ачафалайя, для того чтобы отбросить воды Красной реки в канал соединения. Но разливы расстраивают все рассчеты: иногда течение Миссисипи направляется к Ачафалайе, как будто река хочет спуститься к морю кратчайшим путем[3]. В этих местах водовороты Миссисипи, очень опасные для мелких судов, часто изменяют речной уровень на 50 или 60 сантиметров своими обширный воронкообразными углублениями или бурливыми отливами[4].

Число байю, или боковых рукавов Миссисипской дельты, которые, вместо того чтобы возвращаться в реку, текут свободно до самого моря, меняется из века в век. В настоящее

1 Jacques W. Radvay, рукописные заметки.
2 Banvard, „American Geographical and Statistical Society“ October 1862.
3 Mark Twain, цитиров. сочинение.
4 Waddel, „Mississippi“

время, кроме собственно Миссисипи, существуют три ветви дельты: Ачафалайя, Плакмин и Лафурш; остальные были уничтожены сооружениями прибрежных жителей, желавших завоевать земли для культуры, осушая слишком сырую почву страны. Три названные байю, из

Сентъ-Поль.

которых Ачафалайя—самый значительный, разветвляются на правой стороне главного потока и, переходя из озера в озеро, из болота в болото, соединяются с низкими водами моря, к западу от миссисипских протоков или гирл. Прежде на противоположном берегу, другой

широкий исток, байю Ибервиль, изливался в Мексиканский залив через озера Морпа и Поншартрен, и приносил туда много воды в зимнее время[1]; он мог бы приобрести некоторую важность, как торговый путь, если бы заботились о поддержании в нём правильного течения; но в наши дни он остается безводным, кроме как в периоды розлива. Он уже был частию загроможден скоплениями деревьев, когда генерал Джаксон, за несколько времени до битвы при Новом Орлеане, велел заградить его, для того, чтобы англичане не могли подняться по этой ветви и затем спуститься по главной реке к метрополии Луизианы. Уже не раз предлагали вновь открыть этот канал; но он позволил бы судам избегать обхода на Новый Орлеан, и по этой именно причине проект этот всегда будет отклоняем купечеством луизианского города.

От Каиро до дельты, Миссисипи постоянно уменьшается в ширине, по мере своего приближения к морю. Между слиянием Огайо и слиянием Арканзаса, средняя ширина главной реки: в период разлива 1.350, в период низкого стояния воды 1.027 метров; между Арканзасом и Красной рекой, русло имеет уже, смотря по высоте вод, только 1.232 или 924 метра; вниз от Красной реки до рукава Лафурш ширина сократилась до 906 или 830 метров; наконец, от байю Лафурш до бифуркации проходов расстояние берега от берега в Миссисипи всего только 746, а в период спада даже 680 метров. Взамен того, глубина реки постепенно увеличивается от верховья к низовью: на пространстве между Огайо и Арканзасом дно ложа ещё приподнимается там и сям, в виде порогов, имеющих не менее 3 метров воды на гряде; но средняя толщина жидкого слоя—от 15 до 26 метров, затем она возрастает до 34 или 39 метров в нижней части Миссисипи, между Язу и проходами. У подошвы утеса «Grand Gouffre»,—французское название, переделанное американцами в «Grand Gulf»,— лот достает дно лишь на расстоянии 64 метров от поверхности. Это возрастание глубины почти уровновешивает уменьшение ширины. Объем жидкой массы остается приблизительно тот же, и при том речное ложе, состоящее из наносной почвы, как и его берега, углубляется соответственно давлению потока, так что всегда сохраняется равномерный скат в поверхностной скатерти вод.

В аллювиальных равнинах Миссисипи ничего не видно, кроме воды, грязи и тучной земли, отложенной разливами; Гомфриз и Аббот, авторы лучшего из появившихся доселе сочинений о Миссисипи[2], полагали, что грунт речной равнины, под верхним слоем наносов, состоит из вязкой глины, «почти столь же твердой, как мрамор», и происхождение которой относится, вероятно, ко временам, предшествовавшим эоценовой эпохе. По мнению этих исследователей, новейшие наносы Миссисипи не могли бы заполнить обширную равнину, пространством около 180.000 квадр. километров, простирающуюся от мыса Жирардо до Батон-Ружа; они думают, что равнина эта принадлежит к предшествующей формации. Однако, многочисленные опыты промеров и бурений в миссисипском русле и на берегах доказали, что воды подмывают эту глину так же, как и более тонкие поверхностные наносы, и что она такого же точно происхождения[3]: образовал её тот же Миссисипи; но сколько веков или тысячелетий протекло с тех пор, как началась работа заполнения—этого геологи ещё не съумели бы ещё сказать. При бурении в Новом Орлеане артезианского колодца, доведенном до глубины 178 метров, буровой снаряд везде встречал аллювиальные слои, глину и песок с погребенными в них деревьями; а большие морские глубины, находимые к югу от проходов, позволяют думать, что действительная мощность наносных земель много превышает ту, которая констатирована бурением: совокупность дельты представляет, может-быть, аллювиальную массу в полкилометра толщиной. Другие раскопки, предпринятые для постройки газового завода, обнаружили десять последовательных наслоений древнего леса, и в одном из этих слоев, на глубине 5 метров, между кусками горелого дерева, лежал скелет[4]. Ученые, ис-

1 Bertram, цитиров. сочинение.
2 „Hidraulics of the Mississipi River“.
3 James B. Eads, „Physics and Hydraulics of the Mississipi River“.
4 Bennet Dowler;—De Nadaillac, „Amerique prehistorique“.

следовавшие ископаемые растения и раковины, извлеченные из глубоких глин, признали в них, за исключением нескольких сомнительных экземпляров, остатки организмов, доныне живущих в соседних морях, остатки, которые отложились на фронте дельты ранее того времени, когда Миссисипи выдвинул свое устье далее на юг.

Мелкозернистые глины области дельты, не так легко осыпающиеся, как более крупные и рыхлые пески верховых берегов, служат материалом для постройки боковых насыпей, которые хорошо выдерживают напор вод разлива, пока поток не перельется через их гребень, или водоворот, образовавшийся вследствие какой-нибудь перемены в течении, не подмоет их основания. Земледельческая культура на низменных наносных землях была бы невозможна, если бы с самого начала не оградили таким способом распаханные поля: уже в 1717 году были построены первые валы из глины вокруг Нового Орлеана. Эти насыпи или плотины, вышиной от 3 до 5 метров в среднем, но более высокие и удвоенные контр-плотинами в соседстве опасных водоворотов, окаймляют реку с обеих сторон, в сложности на протяжении нескольких тысяч километров. Вдоль правого берега, более низкого, они образуют почти сплошной вал от мыса Жирардо до Нью-Орлеана. На левом берегу, кое-где доминируемом утесами, непрерывная линия насыпей начинается только от южной границы штата Тенесси. Но эти плотины, построенные различными штатами, без общего плана, сами являются по временам причинами катастроф, потому что они отбрасывают к низовью воды, которые без этого терялись бы в верховых прибрежных болотах, и увеличенная в объеме жидкая масса всегда в особенно дождливые годы находит слабый пункт, откуда потоп устремляется в приречные равнины. Статистика перечисляет сорок пять случаев прорыва земляных насыпей на Миссисипи, во время наводнения 1858 года. История этих «прорывов» есть история бичей Луизианы: сколько раз часть Миссисипи, разрушив свои плотины, прокладывала себе новое устье, затопляя нивы и плантации! Таков, например, прорыв вала при Бонне Карре в 1850 г., повторившийся в 1859 г., когда через образовавшуюся трещину хлынула целая река, выливавшая около 3.000 куб. метр. в секунду, больше, чем сколько несет Рона в период средней высоты вод. Мелкие суда, увлеченные бешеным потоком, разбивались в кипарисник; даже пароход только с большим трудом удалось спасти от крушения. Эта новая река текла слишком месяц в 1850 г., и Поншартрен из морского залива, чем он был, обратился временно в пресноводное озеро; устричные парки в Билокси и в проходе Кристиан были уничтожены речными водами. Наводнение 1874 года пробило пятнадцать трещин, и в Луизиане более миллиона гектаров, засаженных хлопчатником, сахарным тростником, засеянных кукурузой, исчезли под водой. Выше Луизианы равнина иногда бывает затоплена от утеса до утеса: в 1890 году вся долина реки Язу превратилась во временное озеро; разлив охватил пространство в 175.000 квадр. километров, равное трети Франции. Горки, воздвигнутые индейцами, были единственными местами убежища для земледельцев и их скота.

Искусственные земляные насыпи прекращаются вместе с культурами там, где берега, будучи слишком низкими для запашки, уже не требуют защиты в ожидании того времени, когда последовательные разливы повысят их своими ежегодными отложениями. Миссисипи течет уже вне континентального тела. Узкий аллювиальный полуостров, служащий ложем могучему потоку, постепенно съуживается к югу, и оба берега обращаются в простые пляжи, куда свободно набегает морская волна. С высоты корабля легко различить, что плывешь по пресноводной реке, текущей среди моря, и настоящий морской берег, оставаясь позади, постепенно исчезает из виду на северном горизонте. Наконец, Миссисипский поток разливается в виде многоугольного бассейна и делится на несколько ветвей. Каждый из рукавов устья отделен от других заливом, пляжи которого ещё уже пляжей главной реки до её разветвления. На некоторых пунктах пляжи не имеют даже сотни метров в ширину, и в бури волны моря вторгаются в самую реку через береговой пояс. На берегах нет никакой растительности, кроме высокого тростника (miegea-macrosperma), волокнистые корни которого немного связывают рыхлый ил. Далее исчезает и тростник, и русло обнаруживается только берегами из бурой грязи, профиль которых беспрестанно меняется по воле течений и волн.

Выше бифуркации проходов уже образовалось маленькое боковое устье, называемое «Прыжком» или *Jump*, по причине быстроты, с которою воды бросились через эти ворота, полезные ловцам устриц, направляющимся к бухте Баратария. Но, если не считать этого отверстия и других мелких брешей, теперь существует только пять проходов или протоков: Юго-Западный, Юго-Восточный, Южный, Северо-Восточный и проход «a l'Outre», разветвление предыдущего; среднее падение этих частных потоков, спешащих к морю, немного больше падения реки между Новым Орлеаном и бифуркацией проходов. Пока Миссисипи был предоставлен самому себе, и человек не давал направления его водам, то один, то другой из протоков становился настоящим устьем: река поочередно избирала и покидала их, направляясь кратчайшим и более покатым путем, после того, как предыдущее устье слишком далеко выдвигалось в море. Во время первых попыток колонизации Луизианы Южный проток был главным, затем он засорился мало-по-малу. За Южным следовал, по важности, Северо-Восточный проход, где основалась деревня «Бакенов»; в свою очередь, и это устье обмелело, так что теперь через него проходят только суда малого водоизмещения. С 1843 года, Юго-западный проток, на котором лоцманы также построили селение в подвижной грязи, оставался слишком тридцать лет главным путем больших кораблей, тогда как проход «a l'Outre» был естественным каналом для судов меньшего тоннажа, совершающих рейсы между Новым Орлеаном и Гаванной. Благодаря труду инженеров, Южное устье снова сделалось главными входными воротами речного бассейна.

«Бары», или пороги из наносов, образующиеся между руслом реки и морскими глубинами, постоянно меняют форму и высоту, смотря по силе и обилию встречающихся вод, смешение которых влечет за собой отложение мути. Как показали продолжительные наблюдения, это соленые воды вызывают осаждение мелких землистых частиц, содержащихся в Миссисипском потоке: будучи тяжелее пресной воды реки, они проникают под желтоватую поверхность и неустанно очищают её, заставляя ил падать на дно в виде непрерывного дождя[1]. Этот осаждающийся ил в начале имел весьма слабую консистенцию: часто бывали случаи, что через бар свободно проходили суда, сидевшие в воде гораздо глубже (иногда даже на два метра) верхнего слоя отложившейся на дне грязи. Парусные суда могли входить в реку, рассекая ил быстрым движением на всех парусах, но теперь уже давно форсирование входа производится при помощи пара. Буксирные пароходы забирают застрявшие суда и перетаскивают их через бар, затем отправляются в море высвобождать следующий севший на мель караван. На реке, большие суда, расположенные группами по четыре и связанные одно с другим кабельтовами, кажутся плывущими вверх по течению под давлением какой-то таинственной силы; только по дыханию пара и глухому грохоту можно угадать увлекающую их невидимую машину, скрытую за кузовами и мачтами движущихся на буксире судов.

Нормальный порядок баров неоднократно был изменяем внезапным появлением глиняных конусов, *mud-limps*, как их называют американцы. Образование этих подводных горок, из которых иные не достигают морской поверхности, тогда как другие выступают над нею даже на несколько метров,—до 5 с половиной метров,—и простираются на пространстве 12 гектаров, объясняется брожением органических веществ, увлеченных потоком, затем упавших на дно и покрытых слоем ила: в воздухе распространяется запах газа, когда появляются эти своего рода прыщи, вскакивающие через ил речного ложа; глина их от действия химических веществ окрашена в разные цвета, желтый, красноватый, синий. Некоторые из них, с кратерами в середине, выбрасывают соленую воду[2]. Может-быть, горке этого рода стрелка Миссисипской дельты и была обязана своим именем *cabo de Lodo*, «мыс из грязи», под которым она обозначалась на старинных испанских картах. Как бы то ни было, тот или другой проток может быть моментально загражден этими земляными конусами. Так, однажды сорок семь судов вдруг увидели себя блокированными в Юго-Западном проходе, а одно из них

1 Brewer, рукописные заметки;—Shaler, цитиров. сочинение.

2 Raymond Thomassy, „Geologic pratique de la Louisiane“.

даже было поднято всем корпусом, из воды[1]. Впрочем, горки эти быстро разрушает поток, который восстановляет нормальную глубину фарватера. Залежи соли и серы, открытые на соседних с дельтой островах, может-быть, участвуют в химических реакциях, вызывающих

Видъ въ Небраскѣ.

образование конусов из ила. В одной из соляных копей, разрабатываемых островитянами Малой Бухты, нашли, на глубине 5 или 6 метров, циновку из тростника и кости большого

1 E. R. Corthele, „History oi Jetties at the Mouth of the Mississipi River“.

хоботоносного животного[1]. Месторождения серы в Калькасье, близ реки того же имени, находятся на глубине 135 метров, залегая на слое мела; буровой снаряд прошел также через нефтяные пласты.

В настоящее время Южный проток, выбранный инженером Идс для обращения его в главный входный путь Миссисипи, продолжается в море двумя параллельными жете: глубина воды на пороге, прежде не достигавшая, в среднем, 2 с половиной метров, держится уже несколько лет на 9 слишком метрах, так что теперь могут свободно проходить самые большие суда; порт Нового Орлеана, вход в который прежде был очень труден и нередко даже опасен, сделался одною из безопаснейших гаваней Нового Света. Противникам проекта, повторявшим фразу Вобана о «неисправимом» норове рек, впадающих в моря почти без прилива, долго удавалось тормозить дело регулирования устьев Миссисипи. Не только лоцмана, заинтересованные в поддержании мнения о необходимости их услуг, но даже знаменитейшие инженеры Соединенных Штатов протестовали против этого предприятия, называя его «химерическим» и предлагая, вместо того, прорытие канала через прибрежные болота, который продолжался бы до морских глубин фарватером озера Борнь. Они приводили в пример особенно безуспешность работ, предпринятых на баре Роны; но тогда как в устье французской реки жете не были доведены до бара, жете на Миссисипи продолжены далеко в глубокое море, и строители старались вести работы как можно скорее, для того, чтобы предупредить образование нового бара ниже расчищаемого фарватера. Благодаря этой быстроте работ, они могли успешно противостоять реке: в четыре года поток сам убрал массу грязи, исчисляемую в несколько миллионов кубич. метров, и свалил её не у входа, на новом пороге, а вдали от берега, в морские пучины, где проходит Заливное течение. Почти единственными материалами, употребленными в этом колоссальном деле, были фашины из ветвей ивы, положенные рядами в жете устья и выше, до места бифуркации протоков, везде, где представлялось полезным выпрямить русло. С того времени балласт судов, выгружаемый в значительных количествах на жете, позволил воздвигнуть среди наносов и вод широкий гранитный островной пьедестал, на котором расположился новый город, наименованный, в честь строителя, портом Идс.

«Текущая поверхность» Миссисипского бассейна обнимает пространство, исчисляемое в 3.211.700 квадр. километров, т.е. почти в семь раз превосходящее площадь Франции[2]. От главного истока Миссури до устья Миссисипи, у порта Идс, считают приблизительно 7.200 километров, столько же, сколько от экватора до центра Гренландии. Объем жидкой массы бывает различен в разные времена года, но изменение уровня и, следовательно, расхода воды идет вообще правильно в течение всего года. Около первого декабря уровень реки начинает подниматься, и масса её вод увеличивается до половины января, эпохи первого разлива. После того уровень медленно понижается, затем остается почти неподвижным впродолжении двух месяцев, февраля и марта. В апреле и мае Миссисипи снова вздувается и в течение июня образует свой большой и страшный разлив, наступающий в наши дни ранее, чем было в начале этого столетия, по причине обезлесения берегов и дренажа прибрежных культур[3]. Тотчас вслед затем уровень быстро понижается до конца сентября: в ноябре высота воды наименьшая. От Каиро до слияния Красной реки разность уровня между высокими и низкими водами колеблется между 16 и 10 метрами, тогда как у Нового Орлеана она составляет только 5 метров. Расход реки (количество протекающей воды) может, смотря по обилию дождей, возрастать или уменьшаться в отношении единицы к четырем, от 8.500 до 39.725 кубич. метров в секунду. Средний расход равняется 17.440 кубич. метров, представляя около четверти дождевых вод, выпадающих в огромном пространстве, простирающемся от Скалистых до Аллеганских гор. Различные реки, способствующие образованию Миссисипи, катят большее или меньшее количество воды, смотря по свойству пробегаемой ими поч-

1 De Nadaillac, „L'Amerique prehistorique".

2 Henry Gannett, „Census Bulletin", n° 47 March 28, 1891

3 Jacques W. Redway, рукописные заметки.

вы и пропорции испаряющейся влаги. Миссури, проходящий чрез формации, отчасти известковые и пещеристые, и в равнинах которого разгуливают холодные ветры, несет в Миссисипи только шестую или седьмую часть воды, выпавшей в его бассейне, тогда как притоки Сент-Френсис и Язу, текущие тот и другой, в русле из плотной глины, отдают главной реке 90 процентов дождя, получаемого их бассейнами. По карте Гомфриза и Аббота, которая резюмирует метеорологические наблюдения, произведенные на всей Миссисипской покатости, там выпадает масса атмосферной воды, исчисляемая в 2.530 миллиардов кубич. метров и соответствующая слою дождя в 750 миллиметров.

Расход Миссисипи и его главных притоков, в кубич. метрах в секунду, по Гомфризу и Абботу: (второй столбец показывает долю атмосферных осадков, соответствующую дебиту, а третий—годовое количество осадков, выпадающее в бассейне):

	куб. метр.		метр.
Верхний Миссисипи	2.950	0,24	0,894
Миссури	3.380	0,15	1,530
Огайо	4.400	0,24	1,054
Сент-Френсис	813	0,90	1,044
Арканзас	1.790	0,15	0,744
Язу	1.200	0,90	1,176
Красная река	1.610	0,20	0,991
Миссисипи (без Красной реки)	17.360	0,25	0,772

Понятно, какую громадную сеть путей дает подобная совокупность рек судоходству, хотя, впрочем, длина этих путей изменяется в разные части года, смотря по высоте вод. Из всех больших рек земного шара Миссисипи наиболее утилизируется для внутреннего судоходства и служит наиболее значительному движению торгового обмена; однако, железные дороги, соединяющие прибрежные города с атлантическими портами, отнимают у него более трех четвертей его нормального торгового движения: иные относительно небольшие реки, как, например, Гудсон и Рейн, превосходят его по числу плавающих судов.

Среднее протяжение судоходных путей миссисипской сети, по Аберту: Верхний Миссисипи, с притоками—2.200 килом.; Миссури, с притоками—6.300 килом.; Сент-Френсис, Биг-Блек, Язу, с притоками и байю—960 килом.; Огайо, с притоками—5.855 килом.; Арканзас, с притоками и байю—2.615 килом.; Красная река, с притоками и байю—3.690 килом.; Миссисипи и его боковые рукава (байю)—6.740 килом. Всего—28.630 килом.

В 1782 года, когда первое грузовое судно, неуклюжая габара, прозванная «Ноевым ковчегом», спустилось по Огайо и Миссисипи, из Питсбурга в Новый Орлеан, таможенные чины не знали даже о существовании города, который посылал им эти товары. Одно судно из Кентукки, везшее 30 тонн груза в Луизиану, имело экипаж из тридцати гребцов: оно спустилось из Луисвиля в три недели, но для обратного пути, вверх по реке, ему потребовалось три с половиной месяца[1].

Речному расходу соответствует переменное количество наносов, всегда, однако, довольно значительное для того, чтобы помогать постепенному распространению суши в область вод: в среднем, пропорция твердых веществ, содержащихся в воде Миссисипи, достигает трех тысячных; принимая в рассчет периоды, когда река имеет наибольшее количество мути в своем потоке, и прибавляя к этому плавающему илу более тяжелые обломки, увлекаемые по дну русла, определяют в $^{1}/_{1430}$ объема воды твердую часть, отрываемую от материковой массы и переносимую на побережье и в море. Ещё верст на двадцать за баром струя, вносимая Миссисипи, сохраняет свой желтоватый цвет: со стороны запада и юга, она сталкивается с Гольфстремом, который отбрасывает её влево, к берегам Флориды. Граница между речным и морским течениями обозначена совершенно прямой линией, словно проведенной по шнуру от одного до другого горизонта: наблюдаемое с Миссисипи синее пространство моря так резко отличается от желтых вод, изливаемых рекой, что его можно принять за отдаленную землю. С открытого моря, тусклая поверхность Миссисипи, ограничивающая на севере соленые

1 Pierre Margry, „La Navigation du Mississipi“.

воды, кажется густым туманом, стелющимся по волнам.

Вычисления относительно роста дельты, установленные со времен Ляйеля различными геологами, могут иметь лишь гипотетическую цену, так как нам неизвестны доля наносов, отлагающаяся на барах, сила размывания и перемены, происшедшие в климате и гидрографии страны. Но по крайней мере можно попытаться определить отношение годового количества наносов к массе формаций речного происхождения. Наносы Миссисипи составляют несколько более одной пятой кубического километра в год, что соответствует островку в десять квадратных километров пространством и в 21 метр вышиной. Принимая толщину отложений среднего течения реки только в 50, а отложений дельты только в 200 метров, находим, что совокупность аллювиальных земель, от устья Огайо до дельты, представляет громадную массу в 10.545 кубич. километров, равную сумме твердых частиц, принесенных Миссисипи впродолжении пятидесяти тысяч лет. Однако, подобные вычисления, основанные на средних величинах и на гипотезах, дают у разных писателей сильно разнящиеся между собой результаты; так, по Ляйелю, вероятная продолжительность образования дельты около 100.500, а по Эллету только 22.220 лет.

Как бы то ни было, карты, составленные со времени колонизации края, позволяют констатировать большие перемены в очертаниях дельты. Сравнение карты Поже, относящейся к 1723 году, с картой, снятой американской гидрографической коммиссией в 1851 году, показывает, что в течение этого периода бар выдвинулся в море на 11 километров, что составит около 87 метров в год. Но это поступательное движение не может быть рассматриваемо как средняя норма захватов дельты, так как река попеременно избирает для своего главного выхода разные рукава: в то время, как в одном устье среднее прогрессирование было не менее 1 или даже 2 метров в сутки, в других местах волны поглощают намывные берега покинутых гирл. Кажется, что наростание Миссисипской дельты должно считать не более как в 20 метров в год, или в 2 километра в столетие. Кроме того, вторжение суши в область океана не может не замедлиться, ибо устья Миссисипи скоро достигнут края глубокой пропасти, где проходит Заливное течение. В 18 километрах от входа в реку морское ложе находится в 270 метрах от поверхности, и глубина эта быстро возрастает до 1.500 метров.

К западу от собственно Миссисипской дельты впадают в море несколько байю, принадлежащих скорее к гидрографической системе Вашиты и Красной реки, и течение которых теряется в лабиринте озер и болот. Первая сколько-нибудь значительная независимая река— Сабина, прежде Сабиналь, названная так мексиканцами от деревьев *sabinos* («cyprus», по номенклатуре французских креолов), которые росли на её берегах. Река эта, долгое время служившая границею Соединенным Штатам, смешивает свои воды с водами соседней реки Нечес в неглубоком лимане, известном под именем озера Сабин. Обе названные реки так же, как и другие потоки Техаса, Тринидад, Бразос, Колорадо, Нуэсес, текут с северо-запада на юго-восток, следуя общему скату почвы, которая имеет наклон от основания Скалистых гор к Мексиканскому заливу. Собирая свои первые воды в области, где дожди не обильны, эти реки маловодны, и экономическая ценность их для судоходства весьма незначительна: в верхней части своего течения Рио-Бразос и Колорадо не могут служить даже для целей орошения, по причине солоноватой и известковой воды их притоков. Бразос, подобно Миссисипи, и, вероятно, также под влиянием теллурических колебаний, постепенно отступает от своего правого берега и надвигается на левый. На западной стороне реки, в низменной равнине, выровненной водами, не трудно узнать бывшие излучины Бразоса, превратившиеся в кольцеобразные озера; рыбы и раковины, живущие в этих бассейнах, принадлежат к тем же видам, которые водятся в реке[1]. В одной части своего течения Колорадо, можно сказать, вымощен жемчужными раковинами, из которых иные заключают в себе ценные сростки[2]. Ни одна из этих рек Техаса, загражденных при выходе трудно переходимыми порогами или барами, не катит достаточно воды, для того, чтобы судоходство могло получить там серьезную

1 Frederic Leclerc, „Revue des Deux Mondes“, 15 mars 1840.

2 „Petermann's Mittlieillugen“ 1857, Heft XII.

важность.

Главныя реки Техаса:

	Длина, килом.	Площадь бас., по Ганнету, кв. килом.	Приблизительный расход, куб. метр. в секунду.
Сабина	720	52.900	500
Тринидад	850	35.500	200
Рио-Бразос	1.460	158.480	450
Колорадо	1.350	106.760	300
Нуэсес	620	49.065	100

Река, нижнее течение которой разделяет две республики, Северо-Американскую и Мексиканскую, сохранила свои испанские имена: Rio Grande и Bravo del Norte. Она действительно заслуживает названия «Великой»,—наиболее употребительного в Соединенных Штатах,—за длину своей долины, ибо только одна американская река, Миссисипи, превосходит её в этом отношении. Бассейн её тоже очень обширен, почти в полтора раза больше Франции, но по годовому количеству приносимой воды она стоит ниже рек, имеющих гораздо меньшее протяжение. Поток, которому до самого истока сохранили имя Рио-Гранде, берет начало в одном из цирков Скалистых гор, снеговые вершины которого имеют, в среднем, около 4.000 метров высоты: самая высокая из них—Поль-Крик-Пик (4.207 метр.). Узкие гребни отделяют нарождающуюся реку от других долин, спускающихся на запад—к калифорнскому Колорадо, на север—к Арканзасу. Обогнув на западе, затем на юге массив Поль-Крик, Рио-Гранде направляется к востоку рядом узких поперечных долин (каньоны), затем, на высоте около 2.450 метров, вступает в обширный бассейн, некогда озерный, называемый долиной Сан-Луис (San Luis Valley): там протекает ручей, получающий во время таяния снегов обильные притоки со всех окружающих гор; но поток, спускающийся с этих высот, теперь уже недостаточен для наполнения долины, он не в состоянии даже перешагнуть через невысокий порог из песку и скал, отделяющий его от желоба, где проходит Рио-Гранде, и разливается либо соляными болотами, либо настоящими озерами, смотря по времени года, в центральной впадине равнины, на высоте 2.230 метров. В этих областях и «Великой реке» случается быть без воды; тогда пески её пересохшего русла служат дорогой путешественникам.

По выходе из обширной пустынной равнины Сан-Луис, этой странной и монотонной арены в амфитеатре гор разнообразной формы, Рио-Гранде поворачивает к югу, следуя продольной долиной между параллельными рядами гор и понижаясь лишь небольшими падениями. При слиянии с Галистео, близ города Санта-Фе, он ещё находится на высоте 1.610 метров; у Пасо-дель-Норте, где река перестает принадлежать обоими берегами Соединенным Штатам и становится границей между двумя государствами, республикой английского и республикой испанского языка, дно долины лежит ещё на высоте 1.150 метров над уровнем океана, хотя развернутая длина Рио-Гранде, от его истока, составляет уже 1.200 километров. Ниже Эль-Пасо, река, поворачивая на юго-восток, перерезывает сиерру Бланку узкими дефилеями, высеченными в живой скале. Она добирается таким образом до нижней ступени нагорья, где принимает свой главный мексиканский приток, Рио-Кончос, затем, описав большую кривую к югу, она пробивает другие цепи гор рядом порогов, через которые не отважилась бы пройти самая маленькая барка. Ниже, другая река, спускающаяся с высоких плоскогорий Новой Мексики и текущая почти параллельно Рио-Гранде, смешивает свои мутные и соленые воды с водами главной реки: это—Рио-Некос, прозываемый также «Пуэрко», т.е. «Свиньей», за его грязную воду. Ниже слияния, снова начинается каньон, ещё более узкий и более дикий: его крутые известковые стены, зубчатые на вершине, вздымаются метров на триста; ручьи-притоки соединяются с рекой подобными же клюзами, или ниспадают каскадами из брешей скалы. Наконец, Рио-Гранде перешел последние преграды своего русла и направляется ровным течением к Мексиканскому заливу, развертывая свои кольца, в виде длинных излучин. Но он не соединяется прямо с морем широким устьем: разветвля-

ясь на боковые рукава (байю), он разливается в виде лагун, пробирается между валами из дюн, затем замедляет свое течение перед неглубоким баром, через который не решаются проходить даже суда с осадкой в 2 метра. Судоходство на этой реке возможно только посредством маленьких пароходов, и то только в нижней её части, на протяжении 600, много что 850 километров от устья. Польза от Рио-Гранде в экономии Соединенных Штатов ограничивается орошением: рано или поздно река эта и приток её Пекос превратят ныне пустынные местности в плодородные поля. Обильные вешния воды щедро вознаграждают за осеннее, мелководье. Колебания расхода так велики, что разность уровней иногда доходит до тридцати метров в узких ущельях; даже у Эль-Пасо Рио-Гранде в 1851 году совершенно пересыхал на несколько недель. Зато после периода таяния снегов он наполняет всю долину своим величавым потоком.

Длина Рио-Гранде: 3.000 километр. Площадь бассейна, по Ганнету: 333.570 кв. километр. Приблизительный расход: 750 кубических метров в секунду.

III. Климат, флора и фауна

Нечувствительные градации уравновешивают климат атлантической покатости с климатом центрального бассейна Северной Америки: расположение Аппалахской горной системы параллельно нормальному направлению ветров облегчает движение воздушных масс из одной климатической местности в другую, без резких уклонений. В долине Миссисипи и на восточных берегах Соединенных Штатов колебания температуры представляют аналогичные явления. И там, и тут изгибы кривых равной летней и зимней температуры сильно разнятся от изотермических линий всего года. По обе стороны Аллеган лето северных областей теплее, а зима южных областей холоднее, чем те же времена года на равных изотермах в странах с островным климатом, каковы Франция и Британские острова. В этом отношении средняя часть Соединенных Штатов представляет даже гораздо большие колебания, нежели атлантическое побережье.

Средние и крайния температуры в срединном бассейне Соединенных Штатов:

	Широта	Средняя температ.	Лето	Зима	Крайн. тепла	Крайности холода	Разность
Дулут (12 лет)	46°48’	4°,4	17°,1	−12°.1	37°,2	−38°,9	76°,1
Сент-Поль (12 лет)	44°53’	6°.7	19°,6	−12°,6	37°,8	−39°,5	76°,5
Чикаго (12 лет)	41°52’	9°,3	19°,9	−5°,7	37°,5	−10°,6	47°,8
Сент-Луис (13 лет)	38°37’	13°,0	23°	−1°,7	41°,3	−27°,2	68°,5
Каиро (12 лет)	37°	14°,5	24°,5	2°,3	39°,5	−21°,7	61°,2
Мемфис (12 лет)	35°8’	16°,2	25°,8	5°,6	36°,7	−16°,7	53°,4
Виксбург (12 лет)	32°24’	18°,7	27°	10°,1	38’,3	−12°,2	50°,5
Новый Орлеан 12 (л.)	29°57’	20°,7	28°	14°,1	35°,8	−9°,3	45°, 1

Около истоков Миссисипи и на возвышенностях Миннесоты и Висконсина летния температуры поднимаются выше, чем в средней стране жаркого пояса: так, в форте Снеллинг, близ Сент-Поля, говорят, бывают жары, доходящие до 48 градусов Цельзия в тени (?), т.е. почти такия же, как в пылающей сахарской печи. С другой стороны, зимние холода в этих северных областях часто чрезмерны, гораздо сильнее, нежели в Западной Европе, под теми же изотермами: там чувствуется близость одного из полюсов холода, который совершает колебательное движение в архипелагах и на побережье континента, близ устья Мекензи. Холода эти так велики, что они значительно понижают среднюю годовую температуру против нормальной, указываемой широтами. По исследованиям Генри, разность между действительными температурами года и получаемыми путем вычисления, основанного на шарообразности земли, постепенно возрастает в направлении с юга на север: под 25° широты, близ устья Рио-Гранде, истинная и вычисленная линии совпадают, тогда как на границе Соединенных Штатов и Канады анормальное уменьшение средней температуры составляет слишком 8 градусов Ц. В месте слияния Миссисипи и Миссури, которое можно рассматривать

как метеорологический центр Миссисипского бассейна и всего Союза (средняя термометрическая из всех температур Соединенных Штатов равна 11°,65), средняя годовых температур колеблется между 11 и 13 градусами; разность между крайностями тепла и холода достигает там 70 градусов в обыкновенные годы.

Эти крайности, которые были бы уже тягостны, если бы они проявлялись правильно от зимы к лету и от лета к зиме, с постепенными переходами, дают себя чувствовать тем жесточе, что скачки температуры бывают иногда почти внезапны. Лумис приводит случаи, когда перемена температуры доходила до 25 градусов в один день; в Денвере, над которым с запада господствует цепь Скалистых гор, ртуть понизилась, 15 января 1875 г., на 28°,66 в один час, и даже однажды падение термометрического столбика было 20 градусов в пять минут, в тот момент, когда сильная буря пронеслась в некотором расстоянии к востоку[1]. Эти резкие переходы от тепла к холоду, или наоборот, которые, так сказать, переносят северный климат на юг или южный на север, происходят вследствие перемещения воздушных «волн» в атмосферном океане; отсюда выражения: «теплые волны»,—*hot waves*—и «холодные волны»,—*cold waves*,—которыми американцы обыкновенно обозначают совокупность явлений внезапных жаров или холодов, ощущаемых на обширных пространствах. В январе 1886 г. холодная волна, сопровождаемая северным ветром, переходившим местами в бурю, прошла над всеми центральными штатами до Мексиканского залива, и во всех южных городах, лежащих в области, уже близкой к тропику, температура вдруг опустилась ниже нуля. В Новом Орлеане термометр показывал —9°,33; в Мобиле минимальная температура была —11°,66, так же, как в Гальвестоне, где охлаждение атмосферы достигло 30 градусов в восемнадцать часов. По общераспространенному мнению, суровые зимы Соединенных Штатов соответствуют теплым зимам в Западной Европе, а знойное лето—умеренным жарам. Мнение это не всегда оправдывается: правда, часто наблюдали это явление равновесия между климатами двух полушарий, но нередко также оказывалось, по обе стороны океана, замечательное совпадение в колебаниях термометра.

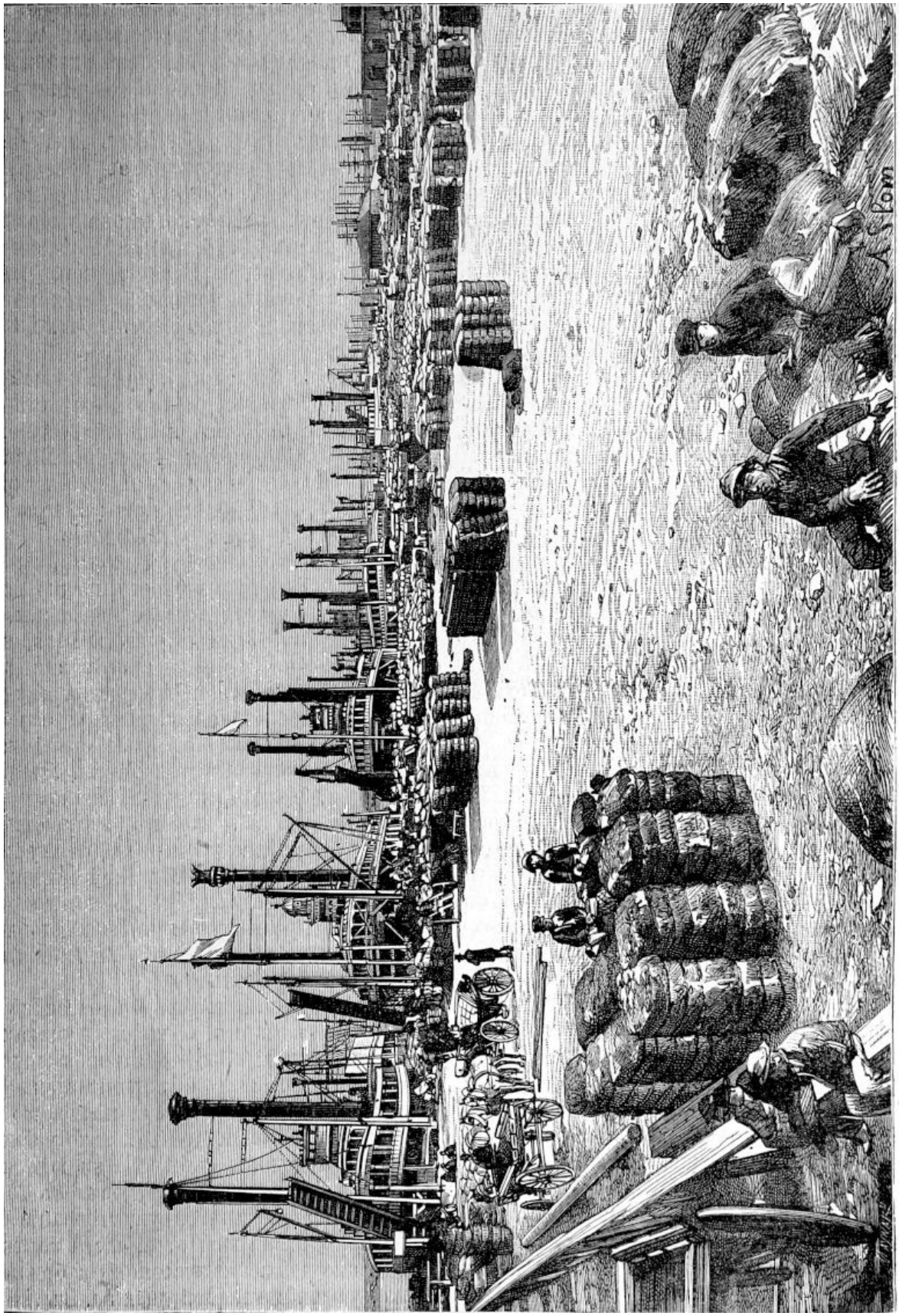
Один пояс срединного бассейна Соединенных Штатов отчасти избавлен от крайностей температуры: это—прибрежная страна Великих озер, подверженная их умеряющему влиянию. Летом, температура смягчается на несколько градусов в соседстве побережья, зимой, она настолько же повышается: огромная масса воды, где колебания тепла и холода совершаются весьма медленно, оказывает свое действие на всю окружающую атмосферу, действие, последовательно распространяющееся до расстояния нескольких сот километров от берегов; однако, озеро Мичиган замерзло,—явление очень редкое,—в зиму 1871—72 гг. Канал св. Марии (Sault Sainte Marie), между озерами Верхним и Гурон, бывает заперт льдами, средним числом, 131 день в году. Странный контраст изотермических линий в зимние и в летние месяцы наглядно показывает, насколько нормальный климат изменяется под влиянием бассейнов внутреннего пресноводного моря. В январе, слои низкой температуры правильно развертываются вокруг Верхнего озера, тогда как два острова холода занимают центр полуострова Мичиган и равнины Айовы, между Миссисипи и Миссури. Летом замечается обратное: зоны холода в Мичигане и Айове сменились островами зноя, тогда как изотермы изгибаются к югу, по обе стороны озера Мичиган, образуя в воздухе линии, соответствующие контурам озерного резервуара. Изотерма 20 градусов, проходящая в июле по южным берегам Верхнего озера, отклоняется на 5 градусов, т.е. на 550 километров, присутствием вод озера Мичиган; в среднем, летняя температура одинакова на всём западном берегу озера, от города Мильуоки до устья Зеленой бухты[2].

Дожди, как и на атлантической покатости, обильнее в южных провинциях, соответственно средней температуре: в то время, как годовое количество атмосферных осадков в Новом Орлеане равняется 1.274, а в Батон-Руж, оффициальной столице Луизианы, 1.502 миллиметрам, оно составляет только 999 миллим. в С.-Луи и 700 в Мильуоки. Ещё гораздо бы-

1 J. D. Whitney, „The United States“.

2 Winchell;—Hann, „Zeitschrift fur Meteorologie“, 1873, VIII.

стрее идет уменьшение дождей по направлению от востока к западу, чем от севера к югу. От Нового Орлеана до озера Эри, во всём поясе между Аллеганами и Миссисипи, средняя дождей—от 1.300 до 700 миллиметр.—может быть оцениваема в 1 метр в год, а в соответствую-

Новый Орлеанъ.

щей полосе, которая, от Техаса до Дакоты, тянется вдоль основания Скалистых гор, среднее количество атмосферных осадков наверно не достигает и 40 сантиметров. Самые обильные дожди выпадают в начале лета, с мая по июнь, почти во всей миссисипской области, исклю-

чая местность около слияния Красной реки с главной рекой, где самые большие ливни имеют место в декабре месяце; но и там июнь—дождливый сезон; впрочем, дожди бывают во все месяцы года: самые продолжительные периоды засухи были констатированы в январе и феврале[1]. Во время значительных падений дождя дождемер часто показывал более 10 сантиметров воды. Высота жидкого слоя, выпавшего в 1889 г., в долине реки Конмо, притока Миссисипи через Аллегени и Огайо, поднялась до 159 миллиметров в тридцать два часа; город Джонстаун исчез тогда под водами потопа. Ещё гораздо более сильный дождь пролился однажды на Александрию, город берегов Красной реки, в Луизиане: в один день выпадение воды достигло 548 миллиметров: это самый сильный ливень, о котором упоминают метеорологические летописи Северной Америки[2]. Обилие дождей не строго пропорционально числу дождливых дней: напротив, Луизиана, самая сырая страна миссисипского бассейна, имеет всего только 92 дождливых дня в среднем, тогда как штаты по верхнему Миссисипи и по берегам Великих озер насчитывают таких дней до сотни, даже 169 в Буффало и 177 в Эри, на берегу озера того же имени. Выпадающая вода не соразмерна также влажности воздуха: так, атмосфера, омывающая штаты Мичиган и Висконсин, содержит, в среднем, гораздо больше водяного пара, нежели атмосфера центральных штатов; но пар этот редко достигает точки насыщения.

Нет области в при-миссисипских штатах, которая была бы совершенно гарантирована от снега; не раз случалось, что облака сыпали хлопья даже в Новом Орлеане и в Гальвестоне, на берегах Техаса; но в этих южных местностях выпавший снег тотчас же и тает, тогда как в северной части бассейна земля бывает по целым месяцам покрыта снежной пеленой, в один или два метра толщины; реки и озера в то же время скованы там толстой ледяной корой; в 1852 г., представители дистрикта Пембина принуждены были отправиться в Сент-Поль на санях, запряженных собаками[3]. Быстрые охлаждения воздуха дают явлению изморози и гололедицы учащенность и интенсивность, редко наблюдаемые в равной степени в Европе. Часто деревья гнутся и ломаются под тяжестью вычурных ледяных украшений, облепляющих листья и ветви.

Крайности температуры, составляющие характерную особенность американского климата, благоприятствуют испарению, особенно в обнаженных равнинах Запада; воздух становится там дотого сухим, что даже на солнопеке путешественник редко потеет. Дожди образуются внезапно, без предшествующего медленного скопления воздушных паров, и как только дождь прошел, атмосфера снова принимает свою относительную чистоту. Туман, роса—явления почти неизвестные. Трава на лугах блекнет и засыхает, не утрачивая своей питательности, чего не бывает в восточных штатах; мясо, разрезанное ломтями и выставленное на вольный воздух, очень редко портится, даже в дождливую погоду. Эта сухость воздуха не есть ли также, по охотно принимаемой гипотезе, главная причина того сухого и нервного темперамента, которым американцы отличаются от своих европейских предков? Так же, как в Европе, здесь констатированы колебания климата, циклы, в которые влажность возрастает, и другие циклы, когда она уменьшается. В период с 1886 по 1891 г. ощущался недостаток воды, и Великия озера, как гигантский дождемер, показывали степень уменьшения: уровень их понизился почти на целый метр.

Количество дождей в средней полосе Соединенных Штатов: берега Великих озер, Кливленд—0.775 метр.; долина Огайо, Цинциннати—0,937 метр.; верхний Миссисипи, Дюбюк—1.022 метр.; слияние Миссисипи и Миссури, С.-Луи—0.999 метр; Миссисипская дельта, Нью-Орлеан—1.274 метр.

Известно, что в 1891 году некие спекулянты, получившие для своего предприятия субсидию из общегосударственной казны, занимались близ Мидланда, в Техасе, на высокой безводной и бесплодной равнине, опытами искусственного производства дождя, при помощи

1 Arthur Schott, „Smithsonian Contributions to Knowledge“, XIV.
2 Jacques V. Redway, „The Physical Geography of the United States“.
3 J. Tasse, „Les Canadiens de l'Ouest“.

ракет и взрывчатых баллонов, изображавших подобие битвы своей пальбой и разрыванием воздушной массы. Удались ли эти опыты? Некоторые имели смелость утверждать, что удались; но, в виду отсутствия всякого серьезного контроля, этому трудно поверить: при решении подобной задачи более или менее запоздалый дождь не достаточно убедителен; результаты, чтобы иметь доказательную силу, должны быть мгновенны, постоянны и правильны[1].

Господствующий ветер в бассейне Миссисипи, как и в области Аппалахских гор,—западный: общее движение воздушных масс совершается в обратном с пассатами направлении, от северо-американского материка к Западной Европе. Только расположение главной долины с севера на юг имеет следствием уклонение ветров в том же направлении; кроме того, существование Средиземного моря на юге этой части континента определило движение муссонов и бриз также в направлении главной долины. В Луизиане, в Техасе, муссон Мексиканского залива дует в летние месяцы по нормали к берегу, с средней скоростью от 30 до 40 километров в час; зимой, северные ветры, страшные *nortes* («сиверки») мексиканских берегов, стремительно спускаются с плоскогорий Техаса,—контр-муссоны, усиливаемые, без сомнения дующим с Ледовитого океана полярным течением и не встречающие никаких выступов рельефа, которые заставляли бы их отклоняться в сторону от их пути. На окружности Великих озер также заметили попеременное движение неправильных муссонов, несущих летом дожди к прибрежным землям и дующих обратно к озерам в зимние месяцы.

В Соединенных Штатах большинство атмосферных возмущений имеют некоторое сходство с циклонами, не представляя, однако, той же правильности в своем вращательном движении, какою отличаются циклоны, кружащиеся в открытом море. Собственно так называемые бури часто бушуют среди равнин, особенно в северных частях Союза. Они начинаются в Великом Западе и распространяются в восточном направлении по изящной кривой, обращенной выпуклостью к югу: самый обыкновенный их путь идет через Дакоту и Миннесоту, Верхнее озеро, затем Гурон, и продолжается к морю долиной реки св. Лаврентия, с средней скоростью, вычисленной Лумисом на основании пятнадцати-летних наблюдений (с 1872 по 1884 г.), 45.700 метров в час; но зимой, особенно в феврале, движение бури совершается часто гораздо быстрее, доходя до 70 километров в час. В августе перемещение воздушных масс происходит медленнее; но и тогда оно превосходит быстротой европейские бури. Зимой, ветры, дующие с страшной силой в северных областях, часто сопровождаются вихрями или снежными смерчами: это так называемые *blizzards*, внезапно леденящие путников и иногда погребающие их под сугробами снега.

Циклоны, развертывающие свои грозные спирали над миссисипскими областями, имеют иное происхождение; они приходят с юго-запада, с юга или с юго-востока и движутся по дуге круга через центральные равнины, чтобы достигнуть моря, перейдя Аппалахские горы; однако, ход их не всегда правильный, спиралеобразный, каким он изображается в классических сочинениях: Финлей приводит даже примеры циклонов,—1 на 69,—круговращательное движение которых, вместо того, чтобы совершаться нормально от юга к северу через восток и от севера к югу через запад, принимает обратное направление, т.е. слева направо, как стрелки часов. Метеоры эти следуют разными дорогами, но действие их не ощущается к западу от Индейской территории и Канзаса: зарождаясь в Мексиканском заливе, они описывают свою кривую на севере этого внутреннего моря. Апрель, май, июнь, июль—месяцы, когда равновесие воздушных масс бывает наиболее неустойчиво, и коловороты атмосферы, смерчи, торнадосы, ураганы, происходят особенно часто; появление этих кружащихся бурь почти всегда наблюдалось в после-полуденное время, от трех часов до половины шестого. Движение центра вихря колеблется между 25 и 110 километрами в час, но скорость воздуха, увлекаемого на окружности воронки, в местных смерчах доходит иногда до 1.000 слишком километр. Ничто не может устоять против такой страшной силы: деревья вырываются с корнем, скручиваются ветром, уносятся как соломенки; дома летят в обломках по воздуху; локо-

1 Simon Newcomb „North American Review“, October 1891.

мотивы, сброшенные с рельсов, валятся на поля: ручьи; всосанные, словно насосом, высыхают: близ Джемстауна в Дакоте, одно озерко в 80 аров, внезапно испарилось, и дно его обратили в пашню после урагана[1]. След циклона, по счастью, очень узкий, обозначается ветвями деревьев и досками с крыш, парящими в пустом пространстве, оставляемом за собой центром вихря. Иной ураган разрушает тысячи домов и убивает сотни людей. После многих веков, путешественник может ещё распознать в лесах Кентукки след дороги, проложенной давним циклоном.

Частое повторение этих катастроф придает изучению американской метеорологии особенную важность, и огромное протяжение равнин, простота общего рельефа, правильность, которую представляют известные климатические явления в своем порядке следования, облегчили изыскания наблюдателей: ни в какой другой стране предсказывание погоды не имеет так много адептов. По оффициальным таблицам, предсказания, сделанные за день, оправдались в 84 случаях из 100. Предсказания, сообщаемые по телеграфу из Америки в Европу, имеют меньшую цену, потому что бури и циклоны, прослеженные в их движении от равнин запада до атлантических берегов, пропадают в море, особенно в водах Новой Шотландии и Ньюфаундленда; однако, предостережения, полученные из Нью-Йорка, часто позволяли избегать кораблекрушений в морях Европы.

В эпоху прибытия белого человека, громадное пространство, простирающееся от Аппалахских гор до прерий Иллинойса и больших равнин Замиссисипья, представляло, как и атлантическая покатость, океан зелени, усеянный редкими прогалинами, бесконечный лес, площадь которого равнялась по меньшей мере пространству Италии, Испании и Франции, взятых вместе, и который, по ту сторону реки св. Лаврентия, продолжался далеко вглубь Канады, состоял почти исключительно из деревьев с опадающей листвой, дуба, бука и ясеня, клена, вяза и липы, орешины и каштана, вишни, тополя и магнолии. На севере и на юге этот лес из различных пород был ограничен поясом однообразной растительности, где преобладали хвойные деревья: с одной стороны, в соседстве Верхнего озера,—белая сосна, с другой, в южных Аппалахскпх горах,—сосна бальзамная (pinus balsamifera), а около Мексиканского залива—желтая сосна (pinus palustris) и особый вид кипариса (cupressus disticha, «cupres»). На востоке замечался подобный же контраст: и там господствовали хвойные породы, ось Аллеган составляла границу растительных областей[2].

Но в западном направлении этот лес миссисипских стран не простирался до Скалистых гор; даже в Предмиссисипье встречались обширные пространства, не имевшие древесной растительности: штат Иллинойс был прозван «Степным», Prairie State, по причине его «прерий», или морей травы, усеянных там и сям лесками, вдали от рек, которые извивались между опушками двух непрерывных поясов древесной растительности. Уже штат Индиана заключает в себе обширные травяные пространства, где почва не сохранила никаких следов существования древних лесов: когда краснокожий охотник бродил в этих странах, они были так же безлесны, как и в наши дни. Очевидно, это отсутствие леса не может быть приписано пожарам: после прохода огня, взошли бы новые ростки из-под пепла. Во многих местах господство травяной растительности объясняется специальными причинами: так, на берегах бывших, ныне высохших, озер болотистое свойство почвы, содержащей вредные для развития древесных тканей кислоты, делает её пригодной только для произрастания травы; в других местах, пыль, происходящая от выветривания скал, образует род плотного теста, в которое не могут легко проникать корни деревьев[3]. По всей вероятности, преобладание прерий определяется особенностями климатических условий. Восточный предел этих пространств с травяной растительностью совпадает с границей областей, где средняя дождей составляет один метр в год. Без сомнения, влажность воздуха и почвы к западу от этого хорошо ороша-

1 Nathaniel Shaler, „Aspects of the Earth“.

2 Charles Sprague Sargent, „Silva of North America“.

3 J. D. Whitney, цитированное сочинение.

емого пояса была бы ещё вполне достаточна, как это мы видим во многих других странах, для произрастания больших деревьев сплошными лесами, и повсюду, где в дело вмешивается труд человека, он успевает создавать сады, рощи и парки; но предоставленная самой себе, природа предпочитает травянистые растения и способствует их размножению: среда им более благоприятна, и семена деревьев заглушаются между этими тысячами стебельков, вдруг выползающих из земли с наступлением весны и убиваемых зимними холодами. В некоторых округах, особенно в кентукском бассейне Зеленой реки, бывшие прерии завоеваны лесами[1]. Точно также травяные равнины Миссури, около города Сент-Луис, сами собой заросли деревьями[2].

Прерий в их первобытном состоянии теперь почти уже не существует: земледелие разрезало их на поля, ограничиваемые проезжими дорогами, окруженные изгородями: теперь нигде не увидишь тех морей травы, которые прежде тянулись на необозримое пространство по волнообразной поверхности почвы; кое-где только уцелели островки луговой земли, утилизируемые под покосы. Прерия представляет обыкновенно однообразный вид: сложноцветные, бобовые, хлебные злаки перемешаны везде в одинаковой пропорции; но растения эти более или менее высоки и густы, смотря по плодородию и степени влажности почвы: в низинах, всадник с лошадью совершенно исчезает в траве. Господствующая окраска цветков весной красная, затем летом преобладает синий, а осенью желтый цвет[3]. Когда дует сильный ветер, он приподнимает листья бобовых, с беловатой и пушистой обратной стороной: тогда видишь перед собой необозримую зеленеющую массу, переливающуюся длинными, затканными серебром, волнами.

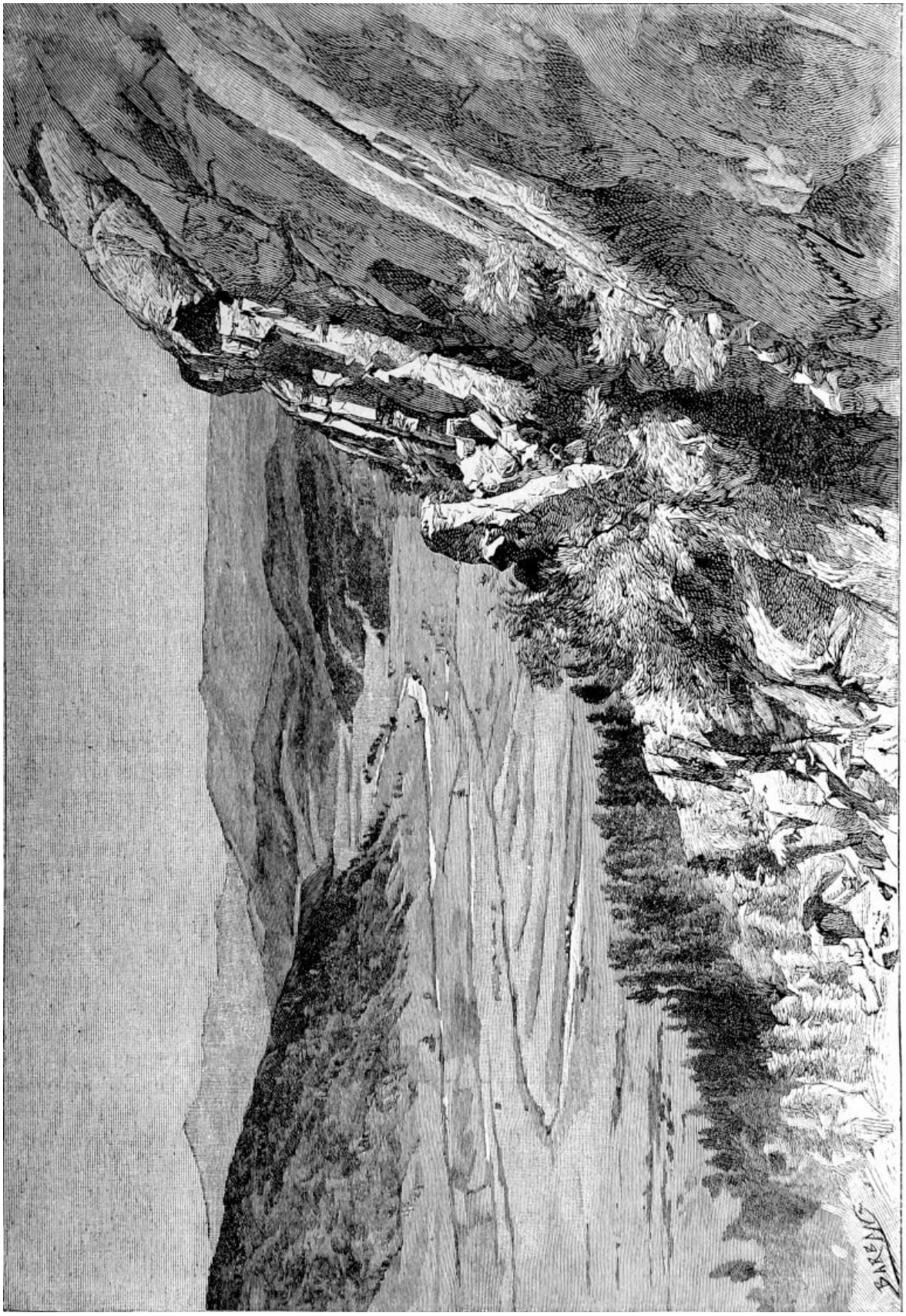
Некоторые скалистые округи Севера потеряли свои леса со времени пожаров, зажженных человеком или молнией. Гранитные равнины Мичигана, Висконсина, Миннесоты, поверхность которых была выскоблена и отшлифована льдами, пропускают древесные корни только в узких промежутках между камнями. Оттого стволы, не будучи в состоянии противостоять сильным бурям, валятся в беспорядке на землю, и во многих местностях можно встретить баррикады из нагроможденных деревьев, занимающие значительные пространства; так, например, близ форта Снеллинг случалось видеть буреломы, простиравшиеся километров на 100 в длину и километров на 15—20 в ширину. Чтобы избавиться от этих непереходимых препятствий, охотники пускают по ним огонь, и громадный костер пылает до тех пор, пока самый камень окальцинируется. Обнаженная скала издали выдает место бывших лесных пожаров[4].

К западу от Миссисипи, за прериями, лесные пространства не представляют уже таких густых чащей, как леса Виргинии и Кентукки; древесные породы там те же, но общая физиономия леса иная. Выпивая меньше дождя, деревья там уже не так ветвисты, не так богаты листвой, профиль у них определеннее, правильнее; подлесье отсутствует; лианы, висящие гирляндами на ветвях, становятся реже; основание стволов окружено ковром газона; в общем, лес принимает вид парка. Далее, в соседстве западных степей, деревья уже не достигают своих обычных размеров и погибают прежде времени. Неправильная раздельная линия между площадью лесов и площадью травяной растительности, образующая впадины и выступы, смотря по различию почвы и климата, перемещается из цикла в цикл, то выдвигаясь внутрь степей, то отступая от них. После года, отличавшагося постоянной засухой, иногда можно встретить, на окраине равнины, полосу стоящего ещё леса, но оголенного от листьев и совершенно убитого недостатком влажности; погибшие деревья будут источены насекомыми, рассыпятся в прах, и полоса, которую они занимали, увеличит протяжение травяных пространств.

Колебания климатов, проявляющиеся в самопроизвольной флоре равнин между Аркан-

1 Nathaniel Shaler, „Aspects of the Earth“.
2 Edwin James, „Expedition from Pittsburgh to the Rocky Mountains“.
3 Friedrich Ratzel, цитиров. сочинение.
4 Georg Rudolph Credner, „Erganzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 56

засом и Верхним Миссури, отражаются также на земледельческих выгодах страны. Когда преобладает ряд обильных дождей, климатические условия вполне благоприятны для земледелия, и население возрастает; но когда следуют одно за другим несколько сухих лет, уро-

Долина рio-Гранде-дель-Норте.

жаи год от году становятся всё хуже, и сельские жители эмигрируют. Так, изучение результатов всенародных переписей 1888 и 1890 годов показало, что значительное увеличение числа жителей в Канзасе, Небраске и обеих Дакотах (десятилетний прирост: с 1.581.675 на

2.997.533 жит., или на 191%) происходило главным образом в первые годы, которые были относительно сырые, но что возрастание уменьшилось или даже совершенно остановилось, особенно в Канзасе, во время сухих годов, закончивших это десятилетие. Оттого насаждения плодовых деревьев и других древесных пород, сделанные в Канзасе, имеют необезпеченное существование: им всегда грозит опасность исчезнуть вследствие продолжительной засухи. С другой стороны, ряд сырых годов имеет следствием медленное увеличение лесной области путем естественного размножения из семян. Граница, проведенная климатом между двумя поясами растительности, беспрестанно передвигается в ту или другую сторону.

Благодаря расширению площади влажности в области, заключающейся между Арканзасом и Рио-Бразос, на юге Индейской территории, полоса лесной растительности, шириной от 10 до 50 километр., длиной слишком 600 километр., тянется наискось в юго-западном направлении: это—*Cross Timbers*, состоящие из особой породы дубов с мелкой листвой, которые растут в сухой почве, на некотором расстоянии один от другого, прерываемые обширными прогалинами, кое-где поросшими низкой травой. Прежде чем топор почал эти дубовые леса и прежде чем через них провели дороги, даже железные пути, они были уже довольно доступны для прохода скота; даже в телеге можно было проехать эту область во всех направлениях: отсюда и название *cross*, т.е. перекрестный или проезжий, данное первыми исследователями. Крос-Тимбер составляет естественную границу между плодородными землями Востока, пригодными для колонизации и культуры, и бесплодными плоскогорьями Запада, где население всегда будет очень редкое; прежде эта зона деревьев была раздельной гранью между индейцами земледельцами и индейцами-номадами. Между Крос-Тимбер и лесистыми массивами Скалистых гор, на протяжении 800 километров, нет никаких признаков леса. Это отсутствие древесной растительности происходит не столько от сухости воздуха и редкости дождей, сколько от пористого свойства почвы; вся атмосферная вода, выпадающая на эти бесплодные плоскогорья, тотчас же исчезает в расселинах скалы и уходит в реки, извивающиеся по дну каньонов[1].

В южных штатах, прилегающих к Мексиканскому заливу, три лесных пояса поделили между собой территорию. На бесплодных землях, господствующих над левым берегом Миссисипи и простирающихся на восток до Алабамы, ростут густые сосновые леса, на которые тамошнее население смотрит как на вал, защищающий от зараженного воздуха болот; в годы, когда свирепствуют болотные лихорадки, жители Нового Орлеана и Мобиля толпами бегут в дачные деревни, построенные под их тенью. Весною, цветочная пыль, поднимаемая ветром, улетает за сотни верст, наполняя характеристическим запахом атмосферу страны; даже по ту сторону Миссисипи она покрывает почву, реки, болота длинными полосами, похожими на опилки. К западу от сосновых лесов, прибрежные равнины Миссисипи и его боковых рукавов (байю), часто затопляемые, представляют обширные «кипарисные» леса, подобно низменным землям Южной Каролины и Георгии; затем ещё далее на запад лесные поросли чередуются с саваннами в относительно высоких местностях. Эти лесистые области походят на леса Европы своими полянами и своими таинственными, извилистыми аллеями; но они превосходят последние великолепием листвы и живописной группировкой деревьев. Когда идешь этими тенистыми аллеями, картина беспрестанно меняется, каждый просвет открывает новый пейзаж. Дубы, клены, ясени, магнолии, копалы, ивы, виргинские тополи сгруппированы в отдельные массивы, повинуясь своим различным законам общежития; латании распростерли вокруг стволов свои широкие листья, на подобие веера, толстые лианы *соко*, или дикого винограда, качаются между деревьями, словно канаты, висящие между мачтами, но не образуя, подобно лианам тропической Америки, нераспутываемой сети веревок. Повсюду гуляешь свободно, кроме разве тех аллей, где акации переплетаются своими ветвями, усаженными тройными шипами, да густых чащей дикого сахарного тростника, сквозь которые могут проползать только змеи. За этими разнообразными лесами расстилаются «прерии», аналогичные прериям Иллинойса и подобные морю: «идти в море, вернуться

1 Jules Marcou, „Expedition de 1853, da Mississipi aux montagnes Rocheuses“.

с моря», говорят о путешественнике, странствующем в этих бесконечных травяных равнинах. Всякое жилье, обсаженное деревьями, называют там «островом»[1].

На западе от миссисипских лесов, область степей совершенно разделяет соответственные растительные площади Аллеган и Скалистых гор. Эти прерии с скудной растительностью мало похожи на прерии Предмиссисипья: менее обильно орошаемые, они не имеют вида волнующагося моря травы; пучки растений редко разбросаны и отличаются сероватым цветом. В следующей за лесами зоне преобладают сложноцветные; там встречается также «трава компас» (silphium laciniatum), рудиментарная буссоль, лист которой, ориентированный своим краем по направлению магнитного меридиана, может служить путешественникам путеводителем в туманные дни[2]. Но в обширных пространствах, постепенно поднимающихся к Скалистым горам, растение, сообщающее стране её общую физиономию, есть особый вид чернобыльника (artemisia tridentata); оно появляется уже на берегах нижнего Канзаса, но становится всё обильнее, чем дальше к западу, особенно на землях, покрытых соляным налетом: по целым дням путешественник едет среди бесконечных полей чернобыльника, где воздух пропитан запахом камфоры и скипидара, свойственным этому растению[3]. Кактусы различных видов также растут в этих пустынях, до берегов озера Рене (по-английски *Rainy*, т.е. «Дождевое») в Канаде, но они характеризуют пейзаж только в равнинах, ограничиваемых с севера рекой Арканзасом; благодаря этим растениям, область «провешенных равнин», Льяно-Эстакадо, походит на южные части Аризоны и на скаты мексиканской Сиерра-Мадре. Наконец, грамма, или «трава бизонов», образует естественные пажити на обширных пространствах восточного склона Скалистых гор: благодаря сухости воздуха, это оставленное на корню сено сохраняется до глубокой зимы, и животные находят там достаточный корм. На севере, в земле сиуксов, один из главных рессурсов туземцев составляет «белое яблоко», *psoralea esculenta*; в округах, где дичь стала редка, у индейцев в зимние месяцы нет другой пищи, кроме этого корнеплода. «Земляной орех», *apios tuberosa*, выкапываемый во множестве во всех впадинах долин, также принадлежит к числу любимых яств краснокожих. Мелкие грызуны делают значительные запасы этих орехов в своих подземных кладовых, и с наступлением зимнего времени индианки отправляются на поиски этих нор, с целию разграбления их, в пользу своих собственных семейств.

С точки зрения земледельческой флоры, климат Соединенных Штатов, с его крайностями температуры, большими жарами и сильными летними дождями, представляет немаловажные выгоды. Растения, преуспевающие в соседстве тропиков, привлекаются к северу этим исключительным зноем лета, и таким образом размножаются в областях, где средняя температура года гораздо ниже, нежели в других странах, где они, однако, не могли бы произрастать. Это один из отличительных признаков долины Миссисипи. Сахарный тростник, хлопчатник, маис и другие растения, не принадлежащие к соответствующим изотермическим поясам Европы, дают там обильные урожаи. Главные хлопковые плантации Соединенных Штатов пересекаются изотермой, которая проходит через Лиссабон, Марсель и Флоренцию; плантации этого растения существуют даже под термическими широтами Лондона и Парижа. «Дикий сахарный тростник», ростущий на болотах Луизианы, составлял настоящие леса, пока земледелец не истребил их. Прелестная колибри, этот живой цветок тропиков, тоже вводится в заблуждение жарами и залетает, перепархивая с куста на куст, до самой Канады.

Область западных степей, от Техаса до границы Канады и от пояса возделанных земель до основания Скалистых гор, имеет свою специальную фауну, представленную в особенности видами, зарывающимися в песчаную землю или прячущимися в скважинах скал; даже волк (*canis ochropus*) забивается в нору; он больше походит на шакала, чем на европейского

1 Casgrain, „Proceedings and Transactions of the R. Society of Canada“, 1887.
2 J. W. Foster, „The Mississipi Valley“.
3 Fremont, „Narration of Explorations and Adventures in Kansas“ etc.

волка. Между многочисленными видами грызунов наиболее известный, но также подавший повод к наибольшему числу легенд,—«собака прерий» или луизианский сурок (*spermophilus ludovicianus*), род белки, питающейся травой, кузнечиками и другими насекомыми; она походит на некоторые собачьи породы только своим пушистым хвостом да тявканьем, напоминающим лай шавки: оттого американцы называют её *barking squirrel*, «лающая белка». Туземцы и колонисты единогласно утверждают, что гремучия змеи, совы, черепахи, лягушки, тарантулы, даже зайцы живут «счастливыми семьями» в логовищах этой «степной собаки». Многие путешественники, между прочим, Бартлет, говорят, что собственными глазами убедились в действительности этого сожительства, но они задают вопрос, не забрались ли эти гости луизианского сурка в его жилище затем, чтобы полакомиться его детенышами. Впрочем, пещерные совы встречаются особенно в большом числе в покинутых норах[1]. Горки, стоящие над подземными галлереями сурка, имеют, в среднем, 9 метров в окружности и 1 или 2 метра вышины; они соединены одна с другой дорожками, свидетельствующими об общежительности этих маленьких зверков. «Города» их (как охотники называют колонии сурков) в некоторых местах раскинуты на необозримое пространство, покрывая целые равнины: даже течения рек не всегда их останавливает; курганы сурков тянутся по обоим берегам многочисленных потоков. На Брадис-Крике, в верхнем бассейне восточного Колорадо, Бартлен и его спутники шли три дня через один из этих городов, имевший не менее 96 километров длины, и где без перерыва горка следовала за горкой. Допуская, что этот длинный город имел только 16 километров в ширину, и что каждая семья, из четырех членов, занимала пространство в 100 квадр. метров, оказывается, что брадис-крикская нация сурков заключала в себе 60 миллионов особей.

Мелкие животные, укрывающиеся в своих норках, выдерживают нашествие человека; крупный зверь, напротив, падает в борьбе. У индейцев ленни-ленап существует легенда, повествующая об этом истреблении «отца быков» и других могучих млекопитающих. Великий Дух поразил их громом, для спасения индейских наций, слишком слабых, чтобы бороться с этими чудовищами: только одно из них избегло смерти. Хотя раненый, зверь перешел последовательно, гигантскими прыжками, Огайо, Вабаш и исчез в лесах Великого Запада, где и доныне живет ещё в какой-нибудь пещере[2]. Дикия животные средней величины вымирают, в свою очередь. В начале восемнадцатого столетия бизон населял более трети северо-американского континента. Он был распространен во всей области Скалистых гор, от берегов Большого Невольничьего озера и реки Мекензи до мексиканской области Чигуагуа, у подошвы Сиерра-Мадре. На востоке стада его паслись также по ту сторону Миссисипи, в прериях Иллинойса; на него охотились во всей долине Огайо; но он не проникал на покатость Великих озер, ни на берега реки св. Лаврентия. На юге, он, повидимому, никогда не переходил далеко за бассейн Тенесси, а на восточном скате Аллеган останки его находят только в возвышенных областях обеих Каролин[3].

Таким образом это было четвероногое существенно-континентальное: ни один охотник не видал его на побережье Атлантического океана, ни в соседстве Тихого океана, на западных склонах Сиерры-Невады. По Горнадэ, рассказы старинных путешественников о несметном множестве бизонов нисколько не преувеличены. Не подлежит сомнению, что большие стада, пасшиеся в прериях и степях Запада, употребляли иногда целые недели на переход через какой-нибудь округ; толпы жвачущих следовали за толпами, как тля в опустошенном поле. Ещё в начале 1871 года, в эпоху, когда дело истребления уже далеко подвинулось вперед, главная армия бизонов, проходившая верхний бассейн Арканзаса, занимала пространство в 40 километров на 80, при чём насчитывали, в среднем, от 36 до 50 особей на гектар: следовательно, нужно было считать миллионами голов численность одного этого стада. Даже когда началась уже постройка железных дорог, огромные полчища этих животных переходили

1 Cones, „The Birds of North America“.

2 De Nadaillac, „Societe d'Anthropologie“, 4 mars 1896.

3 F. A. Allen, „The American Bisons“, Memoirs of the Museum of Comparative Zoology, vol. IV, № 10.

ещё через проложенные человеком пути: на линии *Kansas Pacific* поезда сходили с рельс, пытаясь форсировать проход через стадо бизонов[1].

Индейцы, которые жили мясом этих животных, остерегались бесцельно истреблять их: они убивали столько скота, сколько требовалось для их пропитания, извиняясь в этом убийстве перед духами маниту; для них сохранение стад, обеспечивавших их собственное существование, было священным. Белые люди, враги туземца, или по крайней мере не заботившиеся об его благосостоянии, не были так щепетильны в отношении этого крупного зверя. Они убивали его единственно ради его шкуры или даже ради одного языка; если они удостоивали кушать бизонье мясо, то им нужно было мясо самок, более нежное, говорят; как лиса, забравшаяся в курятник, они убивали без конца, просто из любви к кровопролитию. Некоторые способы охоты были поголовным избиением. Так, например, окружали целое стадо, каждая особь которого, будучи вынуждена убегать через узкое отверстие между скалами или через калитку изгороди, попадала под верный удар смертоносного орудия. В начале девятнадцатого века бизоны встречались ещё в долине Огайо; но в тридцатых годах добили последние остатки этих животных, находившиеся на востоке от Миссисипи, и около половины этого столетия их видели уже только в области степей Дальнего Запада, у подошвы Скалистых гор. Но поток колонистов постоянно возростал, и в то же время увеличивалась страшная меткость их оружия. Затем железные дороги врезывались всё далее в глубь степных пространств, загоняя бизонов, словно в ограду, в отдельные области пастьбы. В 1869 году, завершение трансконтинентального рельсового пути окончательно разрезало надвое площадь обитания бизона, и две анклавы быстро съузились. К 1 января 1888 г. на всей территории Соединенных Штатов, по Горнадэ, оставалось не более трехсот диких бизонов, и из этого числа две трети находились в «Национальном Парке», заповедном участке земли на верхнем Иеллостоне; несколько более многочисленны бизоны в Канаде, в верхних бассейнах Саскачевана и реки Мира. Началась новая эра: за истреблением идет хозяйственное разведение животного. Теперь уже насчитывают в хлевах несколько сотен домашних бизонов, и скрещивания со скотом европейского происхождения создали новые породы; но замечено, что почти все детеныши, родившиеся в неволе,—самцы.

В южных штатах, другому крупному зверю, крокодилу, тоже угрожает исчезновение. Давно уже его не видно в Миссисипи: он был выгнан оттуда пароходами, и удалился в боковые рукава (байю). Возрастающая ценность его кожи, зубов и масла, извлекаемого из его мяса, делают его всё более и более ценимой добычей (количество крокодиловых шкур, утилизируемых в промышленности Соединенных Штатов: от 50.000 до 60.000 штук в год). Во Флориде на него охотятся в особенности потому, что черепаха *terrapin* служит ему сожительницей: оба зверя проводят зиму в одной и той же норе, и ими легко овладевают весной, когда они ещё пребывают в оцепенении от холода. Судя по опытам, сделанным в зверинцах, не трудно было бы сохранить породу, сберегая болота, для того, чтобы содержать там крокодилов и приручить их, как свиней; кажется, однако, что до сих пор крокодиловы «фермы» или парки, о которых часто пишут в газетах, не приобрели действительной важности: истребление ящеро-подобных гадов продолжается и с каждым годом идет всё быстрее. Кое-где сделаны также попытки устройства «ферм» для разведения бобров.

Основание городов, заселение территории и истребление лесов изменили на тысячу ладов прежнее равновесие фауны. Когда пионеры перешли Аллеганы и проникли в долину Огайо, полеты некоторых видов птиц представляли баснословные размеры: неделимые скучивались мириадами, затмевая небо и массами падая на землю, словно град. Можно составить себе понятие об этих огромных стаях, видя в Луизиане, на берегах Миссисипи, тучи каменных стрижей, точно мошка над болотом, перелетающих через реку утром на поиски пищи в сосновых лесах левого берега и возвращающихся вечером на правый берег. В былое время перелеты голубей продолжались целыми днями: беспрерывно слышалось жужжанье их крыльев, атмосфера пропитывалась их запахом; когда они садились на деревья, ветви ломались

1 „The Extermination of the American Bison“.

с треском; хищные птицы следовали за ними толпой, дикие звери, медведи, волки, лисицы, двуутробки бежали по пути их следования, пожирая упавших голубей, а фермеры кормили ими свиней[1].

Бич москитов и комаров нигде так не страшен, как в некоторых частях Миннесоты и Дакоты, на берегах озер и рек. Нередки случаи, что быки и лошади, остающиеся без крова в летния ночи, погибают от жала москитов. Прежде сиуксы предавали смерти своих пленников, подвергая их, раздетых донага, изысканной пытке ночи, проведенной под открытым небом[2]. На другом конце речного бассейна, в болотах нижней Луизианы, американские комары не менее свирепы и кровожадны, чем на болотах севера: чтобы жить в некоторых плантациях к югу от Нового Орлеана, нужно, так сказать, проводить свое существование под флером, или, если работаешь на поле, обмазывать себя глиной; для всех жизнь мука. Случалось, что необычайно плодородные земли были покидаемы единственно потому, что бич комаров делал невозможной культуру почвы.

IV. Штаты и города средней полосы

1. Западная Виргиния

Западная Виргиния (West Virginia), штат недавнего происхождения, возникла во время междоусобной войны. Жители её, отказавшись вступить вместе с Восточной Виргинией, в мятежную конфедерацию, образовали отдельный штат, который после двухлетних юридических споров, был, наконец, принят в Союз, в качестве самостоятельной республики.

Место Западной Виргинии между штатами и территориями Северо-Американской республики:

по пространству (24.780 кв. миль=64.180 кв. километр.)—40-е: по народонаселению в 1890 г. (762.794 жит.)—28-е; по километр. плотности населения (12 жителей)—24-е.

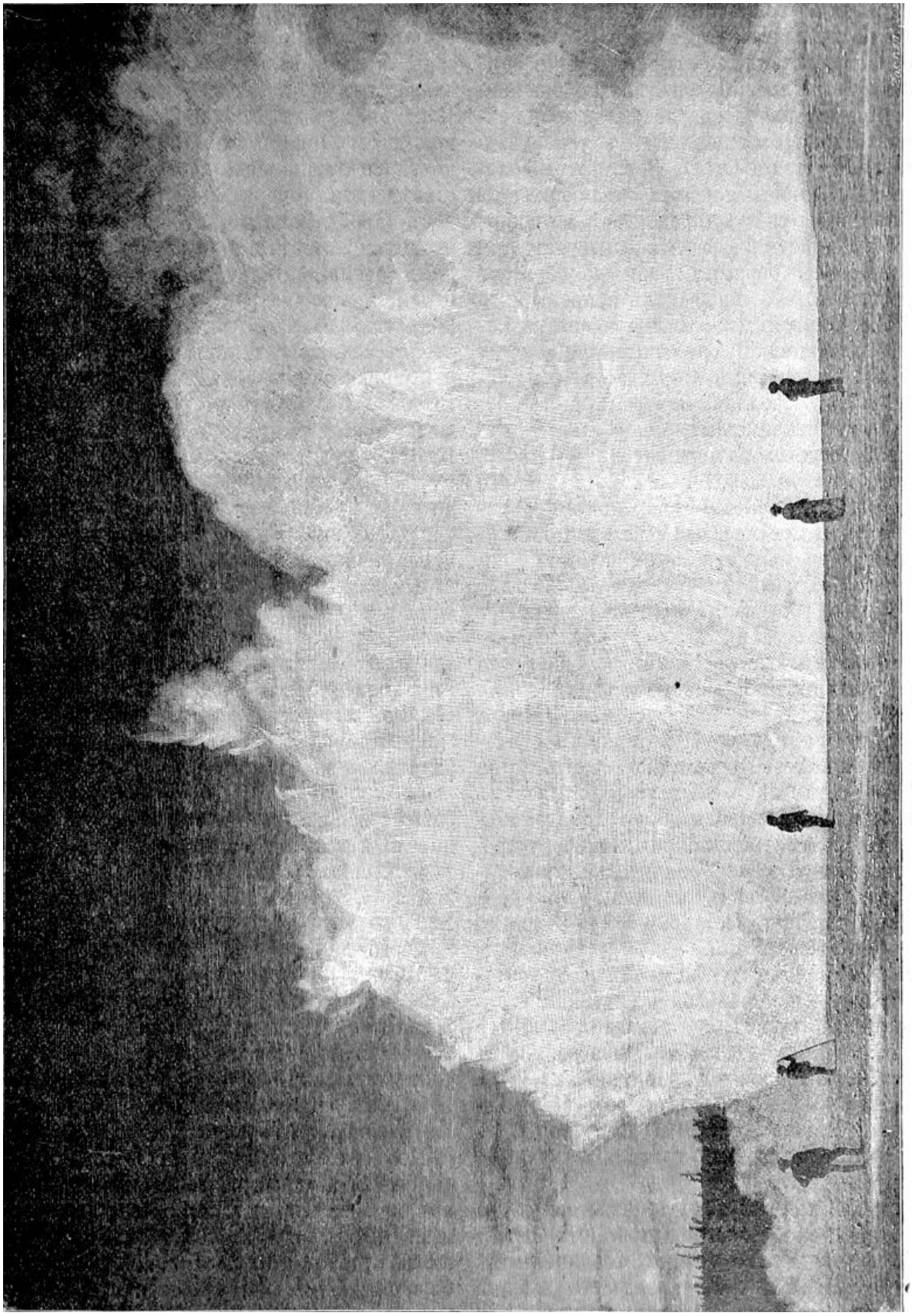
В общем, Западная Виргиния может быть рассматриваема как зааллеганская область; однако, границы её не совпадают с естественными делениями почвы, и левый берег Потомака принадлежит ей до соединения этой реки с рекой Шенандоа, на покатости Атлантического океана. На севере, штат этот владеет также узкой полосой земли, заключающейся между левым берегом Огайо и западной границей Пенсильвании: это то, что американцы обозначают образным, хотя несколько тривиальным выражением «ручка сковороды», *Pan Handle*. Западная Виргиния, лежащая почти всецело в верхнем бассейне Огайо, гориста или по крайней мере холмиста на всём своем протяжении. На востоке, она заключает в себе параллельные цепи Аппалахских гор, на западе—холмы, между которыми извиваются реки Мононгахела. Большая и Малая Канавга. Подобно соседним штатам, Огайо и Пенсильвании, Западная Виргиния—страна земледельческая и горнозаводская; её залежи каменного угля, железа, соли обеспечивают ей важное мануфактурное значение, которое год от году будет увеличиваться, так что со временем она сделается промышленным продолжением Пенсильвании (добыча угля в З. Виргинии в 1890 г.: 6.231.800 тонн). Находясь несколько в стороне от больших естественных путей сообщения, кроме как через долину Огайо, ограничивающую её на северо-западе, область эта ещё недавно имела население, состоявшее исключительно из местных уроженцев; иностранцы там очень редки.

Важнейший город на атлантической покатости Западной Виргинии—Мартинсбург, на волнистом, очень плодородном плато, постепенно понижающемся на север к реке Потомак. Но самое замечательное исторически место—это полуразрушенный городок Гарперс-Ферри, лепящийся по уступам крутого холма, между двух рек, Потомака и Шенандоа, соединяющихся под острым углом. Ниже слияния построен мост, а вдоль левого берега проведен об-

1 Audubon;—Jonathan Franklin, „Vie de Anim ux

2 Butler, „The Great Lone Land“

ходный канал, по которому везутся в Вашингтон земледельческие продукты верхних долин. С севера и востока город опоясан полукругом лесистых скал, откуда открывается чудный вид на две извилистые реки, с руслами, усеянными подводными камнями. Гарперс-Ферри,

Гейзеръ Экцельсіоръ.

важный стратегический пункт, командует первыми проходами Аллеганских гор; Союз содержал там арсенал, которым Джон Браун пытался овладеть, чтобы сделать его оплотом восстания негров. Его маленькая банда, состоявшая из двадцати человек, была скоро уничтожена

ополчением плантаторов, тотчас сбежавшихся сотнями и тысячами, и сам он, тяжело раненый в одном разрушенном доме, который показывают у основания холма, был оставлен в живых, для предания юридической казни, приведенной в исполнение не далеко оттуда, в местечке Чарльстаун, 2 декабря 1859 г. Нет такого мелкого начальника федеральных войск, участвовавших в великой войне, которому не была бы воздвигнута статуя на площадях Вашингтона или других городов Севера; но место, где пал Джон Браун, душа которого «шла впереди армии», и который своим примером больше сделал для окончательной победы, чем все комбинации федеральных полководцев, остается грудой развалин, неведомой толпе.

Следуя общему обычаю, Западная Виргиния избрала столицей местечко, лежащее в центре штата, Чарльстон, на Канагве. Однако, местечко это, промышленное значение которого ограничивается разработкой соляных и каменноугольных копей, долго было обегаемо законодателями, как слишком трудно доступное: они отдавали предпочтение городу Уилинг, занимающему, хоть не центральное, но очень выгодное положение, на берегу реки Огайо и на главном железном пути из Питсбурга и Цинциннати. Уилинг, индейское имя которого, означающее «Голову», напоминает, говорят, какую-нибудь сечу, есть один из промышленных городов, тяготеющих к Питсбургу; против него, на противоположной стороне реки, стоят другие фабричные города, принадлежащие к штату Огайо. Главные мануфактуры Уилинга—стеклянные и гвоздильные заводы. Города, окаймляющие берег реки Огайо, составляют как бы одну длинную аллею мануфактур; они особенно скучены вокруг Паркерсбурга и Гонтингтона. Против Паркерсбурга, при устье Малой Канагвы, через Огайо построен мост, имеющий, вместе с дамбами, слишком два километра длины.

Многолюдные или исторические города Западной Виргинии, с цифрой их населения в 1890 г.:

Уилинг—34.522 жит.; Гонтингтон—10.108; Паркерсбург—8.408; Мартинсбург—7.226; Чарльстон—6.742; Гарперс-Ферри—1.250 жит.

2. Огайо

Штат Огайо, получивший это имя от реки, которая ограничивает его на юге, отделяя его от Западной Виргинии и от Кентукки, окаймлен на севере озером Эри; остальные его границы, на восток к Пенсильвании, на запад и северо-запад к Индиане и Мичигану, обозначены геометрическими линиями. Огайо не принадлежал к числу тринадцати первоначальных штатов: в эпоху войны за независимость колонизация страны едва началась; однако, англичане и французы уже спорили из-за обладания этой землей. Только в 1788 году в нынешней территории штата появился первый англо-американский город, Мариетта, и в 1802 г. Огайо окончательно организовался. В течение нескольких лет после прибытия колонистов, войны против индейцев замедляли заселение; но с конца восемнадцатого столетия распространение земледельческой культуры быстро пошло вперед, и когда началось движение европейской эмиграции, главный поток земледельцев направился в Огайо. Земли этой области, хорошо орошенные и представляющие волнообразную поверхность, плодородны и удобны для пахания почти на всём её протяжении: весь край, от берегов Эри до берегов Огайо, есть не что иное, как непрерывный ряд полей, лугов, рощ и плодовых садов. Самый высокий хребет штата, между реками Шиото и Миами, достигает 470 метров. Вокруг городов, мануфактурная промышленность, питаемая каменноугольными копями, занимающими площадь в 25.000 квадр. километров и производящими минерального топлива на сумму около 50 миллионов франков в год, привела в действие многочисленные фабричные заведения, и барки постоянно теснятся на пристанях реки Огайо и озера Эри; судоходные каналы соединяют реку с бассейном Великих озер. В период одного столетия население штата возросло до трех слишком миллионов душ: по числу постоянных жителей Огайо уступает теперь только трем штатам—Нью-Йорку, Пенсильвании и Иллинойсу. Первые иммигранты были по большей части янки старых пуританских родов; затем колонисты иностранного происхождения, преимущественно немцы, устремились к городам в значительных количествах. Особый вид

каштана, свойственный этому штату, доставил ему народное прозвище *Buckeye State*.

Место Огайо между штатами и территориями Северо-Американской республики:

по пространству (41.060 кв. миль=106.345 кв. километр.)—35-е; по народонаселению в 1890 г. (3.666.719 жител.)—4-е; по километр. плотности населения (34 жит.)—8-е; по добыче каменного угля (9.976.787 тонн)—3-е; по добыче минерального масла (18.705.000 гектолитр.)—2-е.

В Огайо, главный город берегов озера Эри, один из многолюднейших между второстепенными городами Соединенных Штатов, называется Кливленд; с высоты своей террасы, бывшего крутого берега или бугра Эри, он господствует над рейдом и устьем речки Куяхога, т.е. «Извилистой». Улицы, широкия и прямые, почти все густо обсажены кленами, от которых самый город получил название «Леснаго», *Forest City*. Один из его бульваров, «Евклодова аллея», слывет красивейшим городским гульбищем в Соединенных Штатах, «Елисейскими Полями Америки»; но отели его гораздо обширнее парижских, сады его роскошнее, лужайки одеты более ярким и более густым газоном; виллы и дачи, рощи и сады тянутся, в виде обширных предместий, на соседних холмах. Ещё в 1840 году Кливленд был маленьким городком, с шестью тысячами жителей; он стал расти почти вдруг около половины настоящего столетия, и теперь это—один из «городов-царей Запада». Промышленность его, питаемая соседними каменноугольными копями, очень деятельна, и кливлендские купцы почти монополизировали разработку источников минерального масла; главные нефтеносные бассейны соединены с городом подземными нефтепроводами. По размерам своей торговли Кливленд не уступает, на Канадском средиземном море, даже Чикаго и Буффало. Порт его, называемый Куяхога, от впадающей в него реки, соединен с другими пристанями многочисленными пароходными линиями, а посредством канала, перерезывающего штат с севера на юг и оканчивающагося в Портсмуте, он сообщается непосредственно со всей гидрографической сетью Миссисипи; флот его, самый значительный на озерном побережье, каждый год увеличивается большим числом новых судов, выпускаемых с верфей; гавань его, защищенная длинными волноразбивателями, занимает пространство в 74 гектара. Движение торгового обмена с другими средиземными пристанями Соединенных Штатов переходит за миллиард франков.

Движение судоходства Кливленда с Канадой в 1890 г.: 1.663 судна, вместимостью 226.184 тонны.

Торговый флот Кливлендского порта в 1890 г.:

151 пароход, вместимостью 138.937 тонн; 97 парусн. судов, вместимостью 53.737 тонн; всего: 248 судов, вместимостью 192.674 тонны.

Судов, спущенных на воду в 1890 г.: 24 парохода, вместимостью 30.794 тонны.

Позади Кливленда, великолепный железнодорожный виадук, построенный через широкий овраг «Извилистой» реки, господствует над городом и парками, над рейдом, усеянным судами, и над *crib* или водоподъемной башней, откуда чистая вода проведена по туннелю на материк. Невдалеке от Кливленда, к юго-западу, находится приобревший громкую известность и достигший цветущего состояния Оберлинский колледж, где мальчики и девочки, белые и чернокожие, воспитываемые вместе, получают одинаковое образование.

Сандуски, другой порт на озере Эри, не виден с открытого озера; он расположен на берегу почти замкнутой бухты, которую с северо-запада защищает низменный полуостров, соединяющийся рядом островов, островков и мелей с канадским мысом Pointe Pelee. Город этот ведет торговлю главным образом с Канадой, имеет склады строевого и поделочного леса, и частию сам утилизирует лесной материал; окрестные виноградники принадлежат к наиболее производительным в восточной Америке. В Сандуски устроен садок-резервуар для нового заселения озера «белой рыбой». Некогда на берегах бухты и впадающей в неё реки обитали вайандоты или гуроны, и в 1754 г. был построен французский военный пост Жюнандат, недалеко от того места, где шестьдесят два года спустя американцы основали нынешний город. Арматоры последнего владеют рыболовной и каботажной флотилией, менее значитель-

ной, впрочем, чем флотилия Толедо, города, лежащего у западной оконечности озера Эри, при устье реки Моми, насупротив города Буффало, стоящего на другом конце озера, у выхода Ниагары (движение судоходства между портом Сандуски и Канадой в 1890 г.: 1.385 судов, общей вместимостью 159.580 тонн). Толедо расположен на левом берегу реки, по сю сторону бара и песчаных мелей (теперь обозначенных бакенами), заграждающих вход. Своим быстрым ростом, сравнительно с другими городами штата Огайо, Толедо обязан в особенности судоходным каналам, посредством которых эта дверь озера Эри сообщается с реками Миами, Вабаш и со всей миссисипской сетью через штаты Огайо и Индиану. Долина реки Моми была прежде обширным болотом, которое дренаж преобразовал почти все в очень продуктивные поля. Недалеко от истоков этой реки, город Финдлей, основанный на месте, где был расположен стан индейцев шауни, предводительствуемых французом Бланшар, недавно вдруг приобрел известность и важное значение как одно из богатейших местонахождений естественных резервуаров осветительного газа. Местные жители давно уже заметили, около Финдлея, «отдушины» в земле, и выходящий оттуда газ был даже утилизирован для освещения и отопления одного дома[1]. Систематические разведки обнаружили существование огромных подземных озер: в 1889 г. тридцать слишком колодцев давали уже три миллиона кубич. метров в день; Карг-Уэлль, говорят, самый большой из всех существующих колодцев этого рода, и вырывающийся из него газ ревет, точно водопад. Лима, к юго-западу от Финдлея, залегает на подземных нефтяных озерах, соединенных с Чикаго и другими городами металлическими нефтепроводами: лимское «масло», более густое сравнительно с пенсильванским, употребляется преимущественно на заводах как топливо, вместо каменного угля.

Многочисленные городские поселения следуют одно за другим по принадлежащему к этому штату берегу реки Огайо. Стейбенвиль—промышленный пригород Питсбурга, а Беллер, западное предместье Уилинга, дополняет этот бывший виргинский город. Мариетта, названная так в честь королевы Марии Антуанетты, стоит при слиянии рек Огайо и Мускингум, на террасе, где прежде находились индейские укрепления. Мариетта—старейшее англо-американское поселение в том краю; но уже ранее её основания, относящагося в 1787 году, французы учредили несколько постов на южных берегах озера Эри. Галлиполис, главный город графства Галлия,—тоже французского происхождения. Одно общество спекулянтов, «compagnie du Scioto», сулившее эмигрантам золотые горы, успело сманить сот пять французов, в большинстве парижан, которые, по приезде в Америку, поселились в одной болотистой прогалине, на правом берегу Огайо, в небольшом расстоянии от устья его притока Канагвы: в короткое время лихорадка скосила треть этих колонистов.

В долине реки Магонинг, соединяющейся с Огайо ниже Питсбурга, важнейший город—Юнгстаун; затем следует долина реки Мускингум, впадающей в Огайо у Мариетты, и в верховьях которой главные города—Кантон и промышленный Занесвиль; город Акрон занимает, в горнозаводском округе, водораздел, где каналы и железные дороги переходят с покатости Огайо на покатость озера. Долина реки Шиото, сливающейся с Огайо у Портсмута, ещё более многолюдна и более деятельна: там находится Колумбус, столица и третий город Огайо; публичные здания, принадлежащие штату, Капитолий, арсеналы, госпитали, учебные заведения, отличаются великолепием постройки. Находясь недалеко от геометрического центра штата, около точки соединения верхних притоков реки Шиото, город этот является складочным местом для земледельческих произведений обширной территории и одним из центров каменноугольной и металлургической промышленности; на заводах его выделывается до 20.000 buggies, или легких экипажей. Когда он был намечен как будущая столица (в 1812 г.), выбранное для него место представляло ещё девственный лес. Прежде главным городом было местечко Чилликот, лежащее ниже, в той же долине Шиото, и в окрестностях которого встречается много индейских могил и укреплений.

Важнейший город Огайо, называвшийся сначала Лозантивиль, затем получивший имя

1 Henry Howe, „Historical Collections of Ohio“.

Цинциннати (Синсиннати), в честь общества вернувшихся к плугу ветеранов, возник два года спустя после основания Мариетты, на бугре правого берега, напротив устья Ликкинг-Ривер. В 1800 г. население его состояло ещё только из 750 душ; в 1890 г. число постоянных жителей перешло уже за триста тысяч; вместе с городами и деревнями, находящимися в 20 верстном районе, а также вместе с двумя кентуккийскими городами Ньюпортом и Ковингтоном, лежащими против него на другой стороне реки и разделенными её притоком Ликкинг, и наконец, вместе с другими заречными предместьями, на западе Бромлеем и Лудлоу, на востоке—Бельвю и Дэйтоном, он имеет слишком четыреста тысяч постоянных жителей. Цинциннати, девятая городская аггломерация Союза, был опережен, на западе, только тремя городами: Чикаго, Сен-Луи и Сан-Франциско. С террасы, где построились первые домики, город постепенно распространился по скатам окружающих холмов, бывших морен полярного ледника, затем забрался на их вершины, и городской округ, усеянный виллами и дачами, беспрерывно увеличивается насчет полей и лесов; фасад его окаймляет реку на протяжении 16 километров. Три железнодорожных моста и необыкновенно изящный висячий мост пересекают Огайо и соединяют Цинциннати с его кентуккийскими пригородами. Великолепный общественный сад, Эден-Парк, раскинутый на холмах, господствует над городом, над широкой рекой, покрытой пароходами, паромами, лихтерами, и над отдаленными городами, рассеянными в извилистой долине. Другие парки, по большей части окружающие главные здания своими ветвистыми деревьями, украшают и ассенизируют город.

Цинциннати, складочное место долины Ликкинга и верхнего Огайо, есть также рынок долин двух рек, Большой и Малой Миами, которые текут параллельно одна другой и впадают в Огайо, на востоке и на западе от города. Это—естественные выгоды, которые, без сомнения, нельзя сравнивать с выгодами положения Сен-Луи и Чикаго, двух истинных метрополий Запада, но которые всё-таки имели свою важность; сеть железных дорог и каналов ещё более увеличивает их ценность. Пивоваренные заводы, паровые мукомольные мельницы, сахарные заводы и фабричные заведения всякого рода, между прочим, свинобойни, доставившие Цинциннати прозвище Поркополиса («свиного города»), присвоенное теперь Чикаго, образуют обширные промышленные кварталы (промышленность Цинциннати в 1888 г.: 6.774 мануфактуры, с общим производством на сумму 203.459.396 пиастров, т.е. свыше миллиарда франков). На севере, другая аггломерация, отделенная от главного ядра города каналом Миами, прозвана в шутку «Зарейнской колонией», *Over the Rhine*, по причине живущих там в большом числе немцев. Цинциннати гордится своим университетом, музыкальной школой, колледжами; при городском музее учреждена школа изящных искусств; публичная библиотека заключает в себе около 200.000 томов, ботанический сад и зоологический парк богаты и хорошо содержатся; существуют также многочисленные частные коллекции книг, картин, гравюр.

Город Гамильтон, к северу от Цинциннати, есть, так сказать, складочный пункт метрополии на реке Большой Миами; выше в той же долине, город Дэйтон, лежащий в месте пересечения нескольких железных путей, становится самой промышленной станцией на дорогах, соединяющих Цинциннати с Толедо и Колумбус с Индианополисом. В небольшом расстоянии к югу от этого торгового города находится «Большой Курган», *the Great Mound*, имеющий 20 метров вышины и 240 метров в окружности основания; только одна могильная насыпь, близ Уилинга, достигает равной высоты. В той же долине Большой Миами город Спрингфильд напоминает места, прославившиеся во время индейских войн: недалеко оттуда родился Текумсех, вождь племени шауни, храбрый враг американцев. Когда он пал на поле битвы, кентуккийцы содрали с него кожу, которая, говорят, была распродана в виде ремней для правки бритв.

Главные и исторические города штата Огайо, с цифрой их населения в 1890 г.: Цинциннати—296.908 жит. (в 1894 г. 336.000); Цинциннати, вместе с пригородами в штатах Огайо и Кентукки, Ньюпортом, Ковингтоном и пр.—359.147 жит.; Кливленд—261.353 жит.; Колумбус—88.150 жит.; Толедо—81.434 жит.; Дэйтон—61.220 жит.; Юнгстаун—33.190 жит.;

Спрингфильд—31.895 жит.; Акрон—27.602 жит.; Кантон—26.321 жит.; Занесвиль—21.007 жит.; Финдлей—18.550 жит.; Сандуски—18.471 жит.; Гамильтон—17.519 жит.; Галлипполис —4.500 жит.

3. Индиана

Штат Индиана не заслуживает более своего имени «Индейской земли»: с 1790 года истребление туземных племен началось на реке Моми и на верхнем Вабаше, и двадцать два года спустя полное уничтожение союза шаунисов положило конец борьбе. Немногие оставшиеся в живых краснокожие, обитавшие в лесных прогалинах, были переселены, в 1841 г., за Миссисипи. Первыми колонистами белой расы в Индиане, как и в соседних Огайо и Иллинойсе, были французы, поженившиеся на индианках. Когда англичане присоединили, в 1763 г., этот край к своим владениям, они нашли там много французов-метисов, живших в мире с соседними индейцами; во время войны за американскую независимость эти канадцы действовали заодно с восставшими «бостонцами». Нынешний штат, ограничиваемый на юге и юго-востоке рекой Огайо, на юго-западе Вабашем и на северо-западе южной оконечностью озера Мичиган, на остальной части его окружности очерчен геометрическими линиями. В целом Индиана представляет волнистую равнину, поднимающуюся закругленными холмами к водораздельным возвышенностям. Мало найдется стран, столь же богатых пахатной почвой и обладающих столь же удобными путями сообщения; инженеры без труда могли построить там густую сеть железных дорог и судоходные каналы, соединяющие реку Огайо с системой Великих озер. Индиана принадлежит также к числу горнозаводских штатов, и её залежи, очень богатые смолистым углем, доставили промышленности в 1887 году свыше 3.200.000 тонн ископаемого топлива; наконец, большая часть западной полосы штата, между Индианополисом и фортом Уэн, изобилует нефтью и естественным газом. Индиана, уступающая Иллинойсу величиной территории, сходна с ним почвой, климатом, населением и промышленностью, но стоит ниже по степени материального благосостояния, и число жителей возрастает там медленнее.

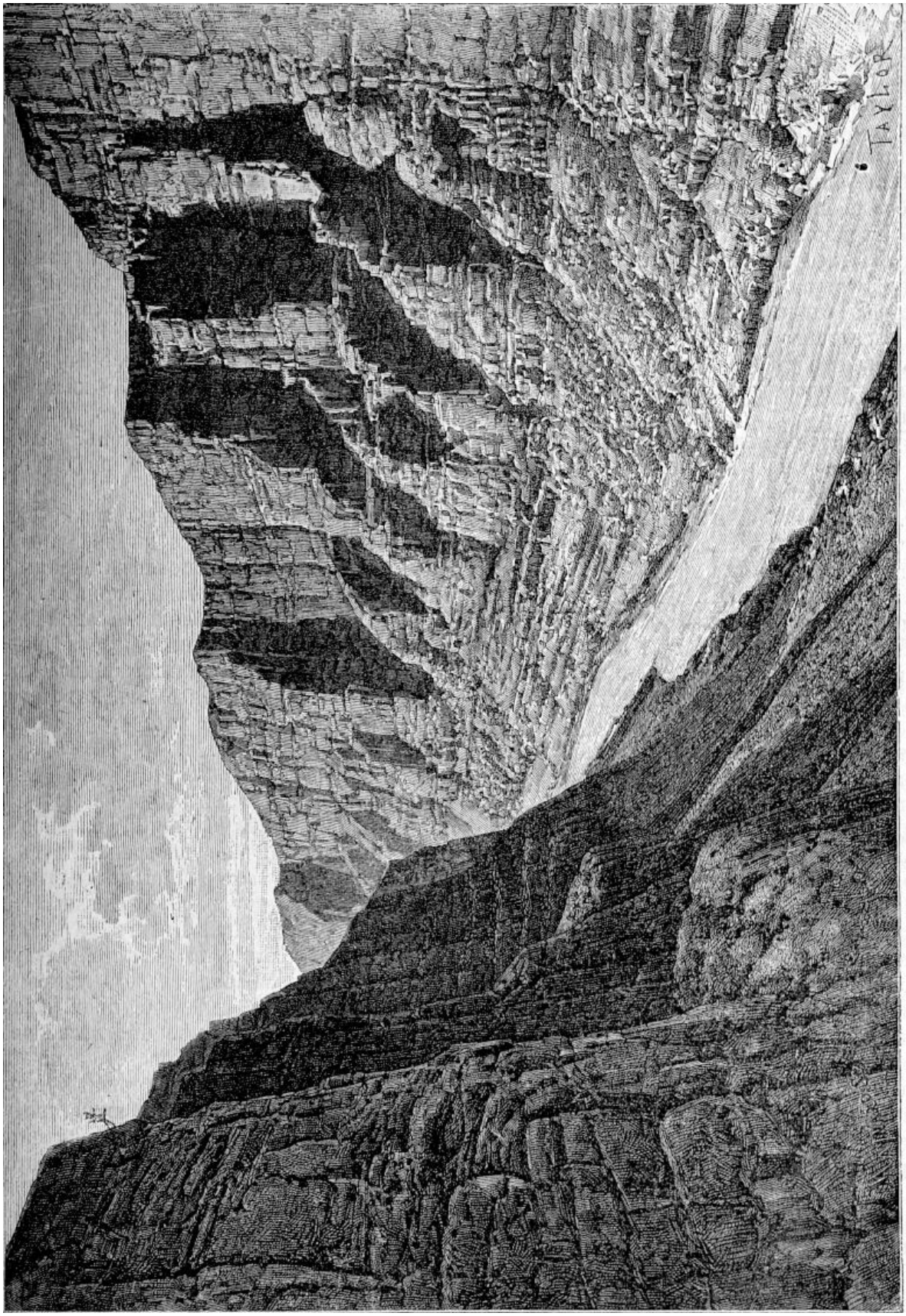
Место Индианы между штатами и территориями Северо-Американского союза:

По пространству (36.350 кв. миль=94.147 кв. километр.)—37-е; по народонаселению в 1890 г. (2.192.404 жител.)—8-е; по километр. плотности населения (24 жителя)—12-е.

Река Огайо, ниже Цинциннати, омывает сначала берега графства Switzerland, или «Швейцарии», названного так не за его холмы, довольно скромные, а в память колонии ваатландцев, которые тщетно пытались ввести здесь культуру винограда: город Вевэ (Vevay, а не Vevey) напоминает эти первые времена колонизации. Ниже по течению, находим город Мадизон; затем следуют Джефферсонвиль и Нью-Альбани, образующие отдельные муниципальные общины, хотя собственно оба они составляют предместья города Луисвиль, стоящего на противоположном, кентуккийском берегу. Джефферсонвиль с высоты своей террасы доминирует над большой заречной городской аггломерацией, над извилистым Огайо и его порогами, над прибрежными заводами и фабриками и над бесчисленными судами, снующими по реке и каналам или теснящимися в доках. Новый Альбани, стоящий на берегу реки, лепится по скатам бугра, ниже водопадов, и участвует в огромном торгово-промышленном движении своего кентуккийского соседа; однако, он превзойден, по степени важности, в пределах штата, городом Эвансвиль. Кляркcвиль, один из индианских пригородов Луисвиля, легально не принадлежит к Индиане. В 1785 г., когда Виргиния уступила обширную территорию «Северо-Запада», она оставила за собой анклаву Кляркcвиль, которая, по точному смыслу формального условия, должна бы быть виргинской или составлять особую республику.

Эвансвиль—самая оживленная пристань на берегах Огайо, между Луисвилем и слиянием этой реки с Миссисипи: хотя основанный только в 1836 г., он занимает уже второе место в штате по числу жителей. Его положение на берегу большой судоходной реки, вблизи перешейка богатой кентуккийской долины, долины Зеленой реки, в плодороднейшей местности,

над залежами каменного угля и железной руды, не могло не обеспечить Эвансвилю промышленного и торгового процветания. К этим естественным преимуществам прибавились выгоды, даваемые многочисленными железными дорогами (Эвансвиль—узловая станция

Ущелье Гринъ-Риверъ (Зеленой рѣки).

семи рельсовых путей) и судоходным каналом, длиной в 743 километра, который соединяет этот город с озером Эри через долину Вабаша. Знаменитый грот Уайандот, галлереи которого имеют, в сложности, около 38 километров длины, и который превосходит Мамонтову пещеру

богатством сталактитов, находится недалеко от Огайо, почти на полдороге из Эвансвиля в Нью-Альбани.

Долина Вабаша начинается около северо-восточного угла штата, и к ней присоединяются многочисленные боковые долины, разветвляющиеся по всем направлениям. Город Форт-Уэн (Fort-Wayne), лежащий вблизи истоков реки Моми, приток озера Эри, также можно считать принадлежащим к бассейну Вабаша, потому что он находится на водоразделе, вследствие чего его часто называют Summit City, т.е. «городом на вершине». Первоначально это была деревня индейцев миами, затем меновой пост, принадлежавший Новой Франции, наконец, в 1764 году, англичане построили тут крепостцу, вокруг которой стали селиться колонисты. Теперь это очень деятельный торговый город, важнейший пункт на железной дороге из Питсбурга в Чикаго. Следующие затем в долине Вабаша города Логанспорт и Лафайет—тоже цветущие промышленные центры. Терр-Гот, стоящий также на Вабаше, но, как показывает его имя (Terre Haute, возвышенность), на вершине террасы, ведет торговлю земледельческими продуктами; в округе его встречаются ещё потомки канадских семейств, основавших это поселение; артезианский колодезь, глубиной в 600 метров, дает ему воду, насыщенную солями. Ниже, город Венсен, основанный в 1735 г.—также французского происхождения; форт его охранял дорогу торговцев между озером Эри и Миссисипи. Во время учреждения территории Индианы, заключавшей в себе также Иллинойс, Венсен сделался её главным городом.

Основатели нынешней столицы и важнейшего города, Индианополиса, сообразовались с американскими политическими обычаями, поместив её в геометрическом центре штата. Город этот стоит на реке Белой (White River), одном из притоков Вабаша. До 1820 г. вся эта местность представляла один обширный лес, без полян и прогалин: в этом году дровосеки принялись за дело, чтобы очистить намеченное место от деревьев: дороги направились в виде лучей звезды к будущему главному городу, и дома выстроились правильными рядами вдоль сходящихся путей; позднее железные дороги пересекались в той же точке, и население со всех сторон устремилось к этому центральному пункту штата. Индианополис, один из самых больших городов Запада, есть также один из самых опрятных, наилучше содержимых, но самых банальных по внешнему виду. Города Марион и Кокомо, к северо-востоку от главного города, в бассейне верхнего Вабаша, и Мюнси и Андерсон, на южных притоках той же реки, привлекают теперь толпу спекулянтов и промышленников своими источниками натурального газа.

Индиана имеет ещё несколько значительных городов в северной своей части, на побережье озера Мичиган, и, следовательно, в сфере притяжения могучего Чикаго. Между ними один из самых многолюдных—Саут-Бенд, лежащий на «южной дуге» реки св. Иосифа, притока названного Великого озера. Город этот, в уезде которого живет много канадцев-французов, есть нечто в роде духовной метрополии для католиков Индианы, которым, говорят, принадлежит численное большинство в штате. Мичиган-Сити, на берегу, величает себя озерным портом штата.

Главные и исторические города Индианы, с цифрой их населения по переписи 1890 г.: Индианополис—107.436 жит. (200.000 в 1899 г.) Эвансвиль—50.756; Форт-Уэн—35.393; Нью-Альбани—21.059; Джефферсонвиль и Кляркcвиль—10.666; Терр-Гот—30.217; Саут-Бенд—21.819; Лафайет—16.243; Венсен—8.815; Марион—8.724; Вевэ—2.000 жителей.

4. Иллинойс

Иллинойс—привилегированная область, ибо там соединились все географические выгоды, даже те, которые, повидимому, взаимно исключаются. В высокой степени континентальный, так как он занимает центр зоны истечения Миссисипи, и на его территории пересекаются главные торговые тракты севера и юга, востока и запада, край этот обладает в то же время рессурсами островной страны, по своему положению между судоходными водами. На западе Миссисипи, на юге Огайо, на востоке Вабаш, на севере реки Рок, Иллинойс и вели-

колепное озеро Мичиган опоясывают штат цепью портов, и даже до постройки железных дорог произведения земледельческой культуры могли быть отправляемы отсюда непосредственно во все части света. Атлантический океан через реку св. Лаврентия и цепь Великих озер образует средиземное море, врезывающееся в самое сердце страны. Почва, очень плодородная, состоит из древнего аллювия и гравия, с большой примесью чернозема: ещё и десятая доля земель не была под культурой, как уже Чикаго, главный рынок Мичигана, занимал первое место по экспорту пшеницы в зерне и муке. Нет области, которая была бы более пригодна для земледелия без предварительной расчистки почвы под пашни. Страна эта представляет волнообразную поверхность, которая нигде, разве только в местах прохода рек, не противополагает препятствий постройке дорог и перевозке сельских продуктов: самый высокий хребет не превышает 250 метров, а самое низкое место, при слиянии Миссисипи и Огайо, лежит на высоте 88 метров. Прежде Иллинойс называли «Степным штатом», *Praerie State*, потому что четыре пятых его пространства состояли из «прерий», покрытых высокой травой и продолжавшихся во многих местах во всём круге горизонта, с разбросанными кое-где группами деревьев, в виде островов и архипелагов среди травяного моря; но плуг заменил дикую флору культурными растениями. Иллинойс очень богат также рудными месторождениями, особенно свинцовым блеском и железом, а каменноугольная формация занимает три четверти пространства штата. Неудивительно поэтому, что иммиграция быстрым потоком устремилась к Иллинойсу с половины настоящего столетия, т.е. с того времени, как первые железные дороги проникли в эти прежде почти пустынные страны. В наши дни штат этот, не имеющий за собой даже одного столетия политического существования, соперничает по влиянию с Нью-Йорком и Пенсильванией.

Место Иллинойса между штатами и территориями Северо-Американской республики:

по пространству (56.650 кв. миль=146.724 кв. километра)—23-е; по народонаселению в 1890 году (3.818.366 жит.)—3-е; по километрической плотности населения (26 жит.)—11-е; по добыче минерального топлива (12.104.272 тонны)—2-е.

Чикаго, главный город, уже с половины этого столетия похитивший у Цинциннати титул «царя Запада», оказался, по переписи 1890 г., превосходящим Филадельфию численностью населения, и теперь старается обогнать Нью-Йорк, который должен был уступить ему честь быть местопребыванием всемирной выставки в 1893 году. Большинство городов гордятся своей долговечностью: Рим, которому, по преданию, не более двадцати пяти веков от роду, называет себя «Вечным городом», и, во всякой стране, велика гордость граждан, которые могут показать рядом с своими жилищами тысячелетния руины. Чикаго, напротив, хвастает тем, что он вырос из земли, вдруг, как настоящий «город-гриб»,—*Mushroom City*; далекие от того, чтобы восходить к первым временам своей истории, обитатели его любят умалчивать о них, как будто город их появился на свет каким-то чудом. Однако, Чикаго—один из древнейших постов Северной Америки, упоминаемых путешественниками белой расы. В 1673 году, в эпоху, когда Нью-Йорк, в то время голландская колония, имел ещё не более 2.000 жителей, волок Чикак-ук, «место цибетов» (место «поросшее пыреем» или «диким луком», по Скулькрафту), был уже посещен путешественником Жолье. Пункт, где происходило некогда истечение озера Мичиган в бассейн Миссисипи, о чём напоминают сохранившиеся доселе болотистые байю, указывал дорогу между двумя покатостями: все военные и торговые экспедиции, направлявшиеся от Великих озер к реке Иллинойсов, должны были избирать именно этот путь. С 1804 г. федеральное правительство заняло этот стратегический пост, основав там форт Дирборн, вокруг которого разбивали свои палатки торговцы. Мало-по-малу и постоянные жители стали группироваться около устья потока: в 1830 г. население состояло уже из сотни душ. С этой эпохи возрастание города пошло неимоверно быстрыми шагами: менее, чем в шестьдесят лет, миллион жителей скопились на этом едва выступившем из-под воды пляже. Один только раз в развитии Чикаго наступил минутный перерыв, причиненный страшным пожаром 1871 года, самым опустошительным, какой знает история

нового времени: 17.450 домов сделались жертвой пламени; пространство в 8 квадратных верст покрылось обгоревшими обломками. Так велико было разрушение, произведенное разъяренной огненной стихией, что ветер переносил пепел даже на Азорские острова: четыре дня спустя после катастрофы, красные облака, видневшиеся на северо-западном горизонте, запах гари, распространившийся в воздухе, и падавший на землю пепел известили жителей Файяля о громадном пожаре, пылавшем в далекой Северной Америке[1].

Природные американцы образуют лишь слабое меньшинство между жителями Чикаго. По специальной переписи, сделанной в 1891 г., год спустя после оффициального ценза, резиденты, родившиеся в пределах Соединенных Штатов, не составляли даже четверти населения: городская толпа состояла главным образом из европейцев: немцев, ирландцев, чехов, не менее, чем истые янки, американцев по духу предприимчивости.

Специальная перепись Чикаго в 1891 году: 1.208.669 жителей, из них:

родившихся: в Соединенных Штатах—292.463 жит.; в Германии—384.958 жит.; в Ирландии—215.534 жит. и т. д.

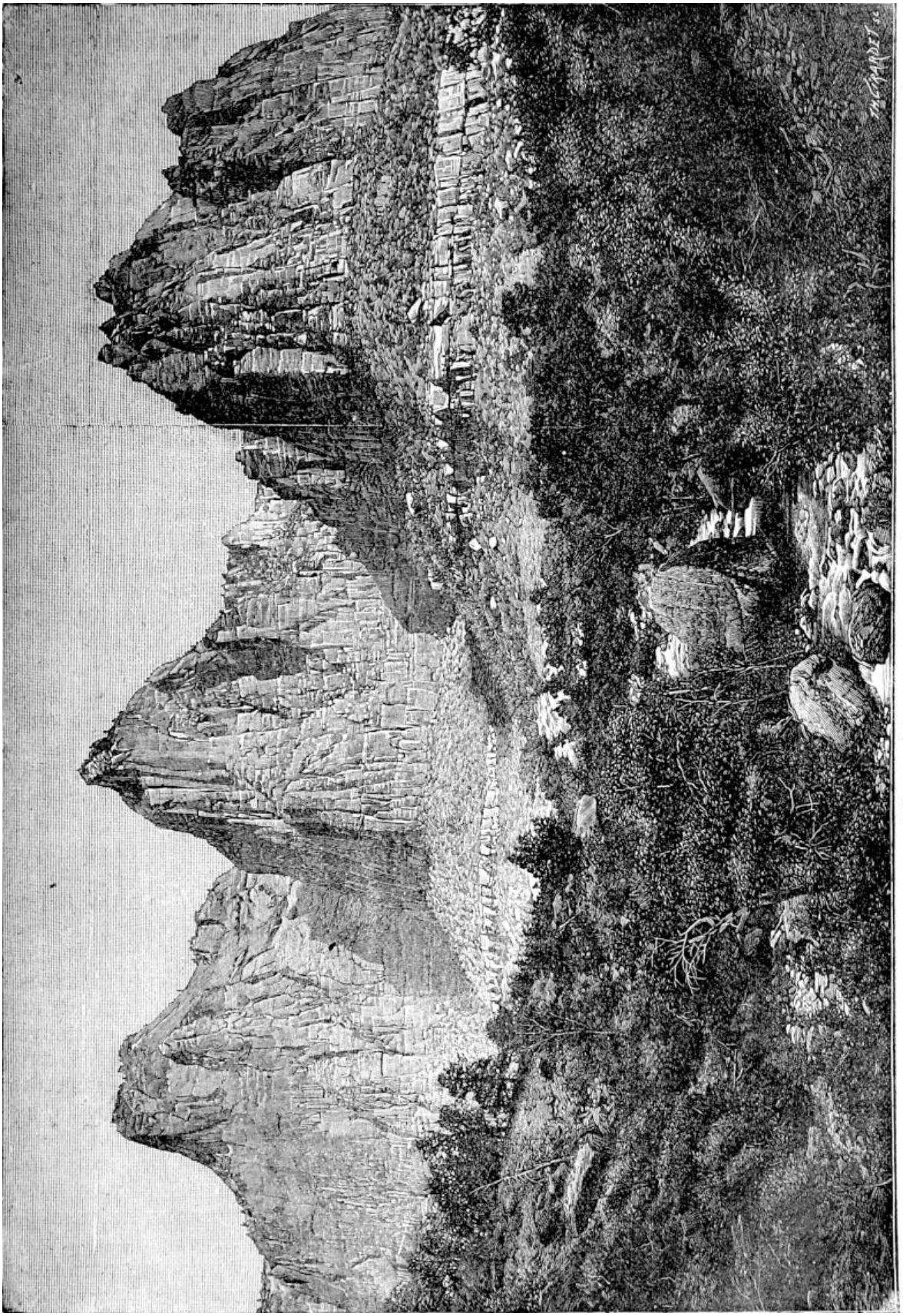
В 1899 г. (1 янв.) число жителей в Чикаго: 1.850.000.

В предвидении будущего расширения города, законодатели отмежевали на берегу озера Мичиган, как муниципальную территорию Чикаго, пространство в 471 квадр. километр, т.е. почти равное площади департамента Сены. Конечно, пространство это ещё далеко не всё занято, остается ещё много пустырей, но, с другой стороны, некоторые новые кварталы перешли во многих местах за оффициальные пределы. Фасад города по берегу озера тянулся, в 1890 г., на 38 километров, а средняя ширина агломерации превышала 10 километров; но центр Чикаго всё ещё там же, где начался город, в месте соединения двух байю. Северного и Южного Чикаго, которые текут, идя на встречу друг-другу, во впадине бывшего озерного пляжа; общий поток, уносящий их в озеро, имеет не более 2 километров длины. От центрального ядра улицы и проспекты протянулись с островка на островок, пересекаясь всегда правильно под прямым углом, в направлении меридианов и градусов широты. В этом среднем квартале сосредоточены самые пышные и самые высокие дома; но губчатая почва не могла бы выдержать такия громады, если бы их не ставили на свайные помосты или железные подстилки, вроде плотов. Кроме того, сток вод был бы невозможен без искусственного поднятия почвы, которая прежде только на один, на два и много, что на три метра возвышалась над средним уровнем озера; земляными насыпями почву повысили от четырех до восьми метров, смотря по кварталам, для того, чтобы осушить её и дать ей скат, облегчающий сток воды, и одновременно подняли на столько же дома. Это поднятие целого города, совершенное без единого несчастного случая, составляет торжество американской индустрии.

Смелость чикагских строителей проявляется также в стиле главных зданий. Обитатели Чикаго полагают свое честолюбие особенно в том, чтобы делать всё en grand. Гордые тем, что живут в городе, выросшем так быстро и оправившемся от такого страшного пожара, они гордятся также тем, что дома у них самые высокие, такие, где скучено наибольшее количество человеческих существ: иная монументальная постройка, в торговой части города, содержит в ряде своих контор, помещающихся одна над другой в пятнадцати этажах, временное население в двадцать тысяч человек. Аудиториум есть в одно и то же время громадный отель, где тысячи путешественников могут найти место, и театр на 8.000 зрителей. Без сомнения, огромное и красивое не всегда бывают в союзе между собой, и многие здания поражают своей странной архитектурой, отличающейся отсутствием гармонии или дурным вкусом; но условия совершенно новой среды побуждают чикагских архитекторов к смелым планам, и смелость их часто приводила к удачным результатам. Они имитируют детали орнаментов, но масса, общие размеры, внутреннее устройство должны были измениться, и работа их получила оригинальный характер. Благодаря удобству сообщений, они располагают, в виде кам-

1 Fouque, „Revue des Deux Mondes“, 15 aout 1866;—Waiker, „The Azores“.

ней и мраморов, солиднейшими и красивейшими строительными материалами, которые и употребляются ими с большой щедростью. Если бы нужно было сравнить архитектурные памятники юного города, выросшего на берегу озера Мичиган, с памятниками зодчества ка-

Видъ Скалистыхъ горъ.

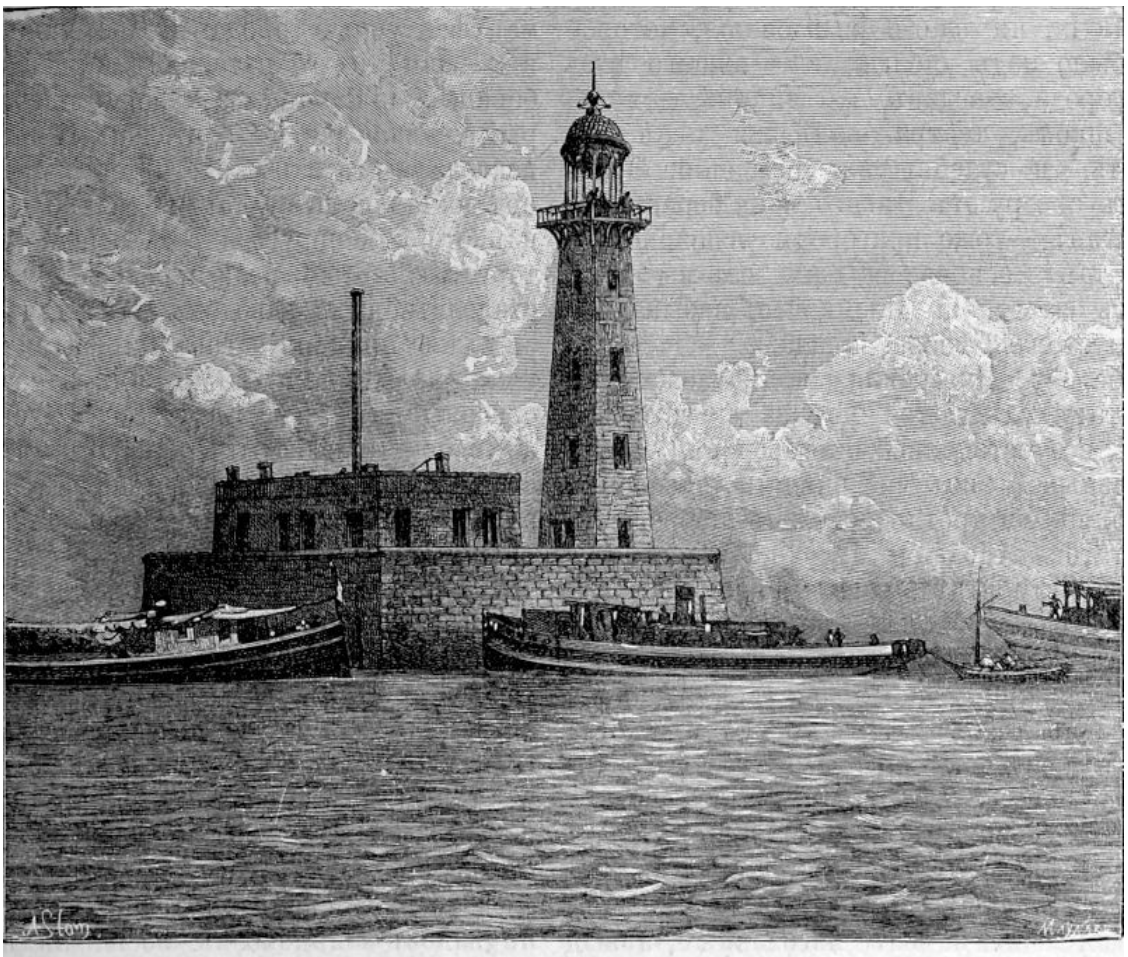
кой-нибудь старой европейской метрополии, то мы указали бы на Флоренцию, на её палацо, отличающиеся таким благородством стиля и представляющие в то же время настоящие крепости.

Байю, протекающие через Чикаго, составляют легко переходимые препятствия: мосты считаются десятками; кроме того, два туннеля соединяют северные кварталы с южными. Пришлось произвести большие гидравлические работы в водах озера. Широкия насыпи, на которых пересекаются железные дороги, увеличили с этой стороны поверхность города: построены обширные набережные на протяжении нескольких миль, для укрепления мягкого берега, по которому прежде странствовали дюны; внешний порт, хорошо защищенный гранитными молами от северных и восточных ветров, сообщается с устьем реки Чикаго и соединяется глубокими доками с внутренней гаванью, представляемой речным течением. Наконец, два туннеля, длиной более 3 километров, проведены под ложем озера для принятия с водоподъемной башни 6.750.000 гектолитров воды, ежедневно потребляемой городом (что составит, в среднем, от шестисот до семисот литров в день на каждого жителя). Проведенная с такого далекого расстояния от берега, вода эта, казалось бы, должна быть всегда совершенно чистой; однако, сточные трубы Чикаго с течением времени постепенно загрязнили всю жидкую массу, и в 1891 году тиф произвел большие опустошения в городском населении. Явилась настоятельная необходимость изменить систему удаления нечистот: вместо того, чтобы спускать грязные воды в озеро, их поднимают теперь при помощи насосов, чтобы выливать по каналу в реку Равнин, впадающую в Миссисипи: скромный приток великой реки, сделавшийся коллектором сточных вод, возвращает прибрежным землям, в виде оплодотворяющего ила, то, что город получил из деревень в форме хлеба, овощей и мяса. Часть нечистот сжигается также в устроенных для этой цели печах и обращается в пепел, служащий удобрением.

Внутри Чикаго нет садов или аллей, но город окружен поясом бульваров и парков: лужайки и рощи занимают в совокупности пространство около 400 гектаров. На севере, парк Линкольна, раскинувшийся по берегу озера, имеет вид настоящей деревни, с его лесистыми дюнами, долинами, ручьями; здесь же устроен зоологический сад; на площадке у самого берега красуется статуя Ла-Салля, одного из первых европейцев, проходивших Чикагским волоком, и смелого путешественника, спустившагося на лодке по течению Миссисипи до самого устья. Джаксон-Парк занимает на юге положение, соответствующее положению Линкольн-Парка на севере: это место было выбрано для постройки главных зданий всемирной выставки 1893 г., корпуса штатов и иностранных наций, дворца Иллинойса, галлерей и зал промышленности, машин, земледелия; новый порт, сообщающийся с внутренними бассейнами, открылся рядом с парком, для пароходов и яхт. Другой парк, Lake Front, расположенный близ центра города, почти непосредственно к югу от главного порта и устья реки Чикаго, также получил свою долю зданий для «всемирной Колумбовой ярмарки»,—*Columbian World's Fair*;—павильоны изящных искусств и народного образования. Выставка эта, предназначенная для торжествования четырехсотлетия открытия Нового Света и в особенности для прославления могущества Соединенных Штатов и богатства Чикаго, несомненно должна считаться одним из великих триумфов человеческой деятельности и исходным пунктом для весьма важных применений способов промышленного производства. Как свидетельство изобретательного гения человека, самый Чикаго есть уже город несравненный.

Этот «Царь городов Запада» имеет меньшие претензии на первенство, как центр наук и искусств, и хотя у него есть большие колледжи, обсерватория, музеи, академия наук, институт художеств, хотя он является главным книжным рынком Запада и публикует свыше 500 периодических изданий, его литературное влияние не может ещё соперничать с влиянием Бостона и Нью-Йорка. Однако, и в этой области он любит делать всё в грандиозных размерах: так, недавно, он разом приобрел в Берлине целую библиотеку в 280.000 томов для своего университета. Славу Чикаго составляет промышленность, и в этом отношении ежегодные успехи его так велики, что серьезная статистика всегда опаздывает со своими отчетами о деятельности труда и ценности производства; с другой стороны, часто случается, что жители, привыкшие видеть исполнение своих самых смелых надежд, считают уже достигнутыми результаты, которые получатся только в будущем.

Все роды промышленности представлены в Чикаго первоклассными заведениями; но самый деятельный труд, тот, который, вместе с вывозом муки, наиболее способствовал обогащению тамошних купцов,—это убой скота, быков и свиней. Громадные скотные парки (stockyards) принимают ежегодно до десяти миллионов убойных животных, которых кормят на месте брагой с винокурен, затем отправляют на тот свет в обширных заведениях, где труд, в большей части механический, производится с удивительной методичностью: животные, при самом входе, захватываются глухой петлей, привешиваются за ногу к железному пруту и скатываются к ножу резака: кровь льется и бежит по наклонному желобу, тогда как трупы продолжают свое движение к котельной, к обдиральне, к полку, где топор отрубает голову и конечности; здесь маршрут разветвляется, каждая часть туши, костяк, мясо, сало следуют своей особой дорогой, и на каждом этапе группы специальных рабочих подвергают эти части препарированию, приближающему их к окончательному состоянию: десять тысяч штук скота впродолжении нескольких часов складываются в амбары в форме консервов. Эти бойни

Водоподъемная башня на озерѣ Мичиганъ.

ежегодно доставляют торговле 500.000 тонн и миллиард мяса в коробках, на сумму около миллиарда франков. Такия цифры делают понятной важность, которую получил вопрос «об американских мясных продуктах» в обсуждении таможенных тарифов и в дипломатических отчетах.

Торговля по своим размерам соответствует промышленной деятельности. Тысяча поездов, прибывающих ежедневно по двадцати-семи сходящимся здесь железным дорогам, привозит, в среднем, 175.000 пассажиров; почта рассылает 10.000 тонн писем и газет; омнибусы, приводимые в движение электричеством или паром, перевозят два миллиона пассажиров, движение порта превышает 60 судов в день. Город при озере Мичиган стоит на-ряду с главными европейскими портами по годовому тоннажу привозимых и вывозимых товаров (движение судоходства в Чикагском порте в 1891 г.: 20.518 судов, 11.331.552 тонны). Торговлю можно бы было вести непосредственно с Канадой и Европой через Великия озера, но же-

лезные дороги к портам Атлантического океана представляют слишком удобное и прямое сообщение, чтобы этот кружный путь утилизировался для значительной доли торгового обмена.

Движение судоходства по внешней торговле в Чикагском порте в 1890 г.: 703 судна, вместимостью 278.770 тонн. Вывоз хлеба в зерне и муке в 1890 г.: 35.700.000 гектолитров.

Ценность торговых оборотов в Чикаго в 1891 году: привоз—845.000.000 доллар., вывоз—872.279.000 доллар., транзит—575.000.000 долларов.

В сфере притяжения этого громадного города находятся многочисленные второстепенные города, как промышленные пригороды или дачные места; такова, на юго-западе,большая аггломерация Пульмана, принадлежащая строителю спальных вагонов и построенная одним архитектором, по одному плану, разработанному во всех деталях: между семью или восемью тысячами рабочих нет ни одного, который не жил бы в домике, указанном ему хозяином; и даже в досужее от фабричной работы время нет ни одного занятия, ни одного развлечения, которое бы не было под наблюдением общего владельца города, заводов, магазинов, домов, церкви, школ, театра, зал для игр, может-быть, и судебных учреждений. Эванстон, к северу от Чикаго, и на берегу озера Мичиган,—тоже пригород исполинского города: там основалось одно из высших учебных заведений Иллинойса, называемое университетом. Северо-Запада.

На берегу Миссисипи, принадлежащем этому штату, следуют один за другим несколько второстепенных городов, менее значительных, по численности населения, чем стоящие на противоположном берегу города штатов Айовы и Миссури. В северо-западном углу штата, город Галина на реке Февр, в 7 километрах от её слияния, и на утесе, господствующем над бывшей излучиной главной реки, пришел в упадок сравнительно с прежним временем, когда он был довольно важным центром горнозаводской промышленности: рудники свинцового блеска (galena), от которых он получил свое имя в 1822 г., так же, как месторождения цинка и меди почти истощилось. Более деятельный и более населенный, новый город Рокфорт, лежащий на полдороге из Галины в Чикаго, сделался главным рынком обширного земледельческого района и мануфактурным центром: водопады реки дают ему значительную двигательную силу. Нигде скандинавы не образуют столь сплоченной группы: в 1890 году они насчитывали здесь около восьми тысяч душ. Два другие промышленные города стоят на берегу Миссисипи выше слияния его с рекой Рок-Ривер: это—Молин и Рок-Айленд, соединенные городской железной дорогой; прекрасный мост, перекинутый через реку в том месте, где она окружает своими водами остров «Скалы»,—Rock-Island,—связывает эти два иллинойские города с их айовским соседом, гораздо большим городом Давенпортом. Водопады Миссисипи приводят в движение мануфактуры этой тройной аггломерации. Остров Скалы, лежащий между двумя штатами, сделался непосредственной собственностью федерального правительства, которое превратило его в великолепный парк, где среди деревьев скрывается арсенал пушек.

Бассейн реки Иллинойсов, получивший свое имя от одного племени индейцев и передавший его штату, составляет, после Чикагского округа, важнейшую часть края. Эта река—естественный путь между Мичиганом и Миссисипи, и в том же направлении, между Чикаго и Сен-Луи, построились железные дороги, сделавшиеся почти исключительно носителями торговли. Уже в верховьях реки, на главных ветвях, теснятся мануфактурные города: Жолье, напоминающий имя знаменитого путешественника, стоит на берегу реки Равнин, недалеко от Чикаго, который он снабжает строительным материалом, извлекаемым из окрестных каменоломен; он доставляет ему также топливо, добываемое из его каменноугольных копей, и питает торговлю этого города произведениями своих сталелитейных заводов. Эльджин, Аврора, с их фабриками часов, паровыми мукомольными мельницами и другими заводами, построены на Лисьей реке (Fox River); Канкаки, одно из любимых дачных мест чикагского населения, находится на реке того же имени, среди «прерий», славящихся своим необычайным плодородием.

На главном потоке, образующемся из соединения реки Равнин и Канкаки, следуют один

за другим несколько промышленных городов. Ниже Оттавы, «Длинная скала», названная так старинными французскими путешественниками, тянется вдоль левого берега реки Иллинойс, оканчиваясь круто обрывающейся с трех сторон площадкой, где Ла-Салль построил, в 1682 году, форт св. Людовика. В конце прошлого столетия, часть индейцев-иллинойсов, воевавших с племенем поттаватоми, окопались на этой скале, но все до последнего человека погибли там голодной смертью: отсюда имя *Starved Rock*, «Скала Голода», которым теперь называют этот исторический утес[1]. Ниже показывается город Ла-Салль, напоминающий экспедиции этого замечательного открывателя новых земель; затем идут города Перу и Пеориа, последний на правом берегу Иллинойса, при начале равнины, где река расширяется в очень длинное озеро; он сохранил имя одного индейского племени и стоит на месте, которое прежде занимал канадский форт, «ville a Mallet». Хотя Пеория второй город Иллинойса по торговле и числу жителей и занимает центральное положение в штате, он не имеет титула столицы, который принадлежит городу Спрингфильду, построенному южнее, «в прерии», по которой протекает Сангамон, приток реки Иллинойсов. За красоту его садов этот главный центр штата прозван «городом цветов», Flower City. К востоку от Пеории, Блумингтон, или «Цветущий город», также занял одно из первых мест между городами Иллинойса, благодаря своим каменноугольным копям и проходящим чрез него многочисленным железным дорогам. Самостоятельная городская община Нормаль, названная так от её главной школы, в действительности есть не что иное, как предместье Блумингтона.

В нижней части своего течения река Иллинойс принимает направление с севера на юг, почти параллельно течению Миссисипи, вследствие чего торговое движение круто поворачивает к западу, чтобы достигнуть главной реки кратчайшим путем. Город Кенси, построенный на высокой террасе над рекой, служит пристанью на этом торговом пути. Альтон занимает великолепное, на первый взгляд, положение на террасе Миссисипского берега, ниже впадения Иллинойса и почти непосредственно выше устья Миссури, т.е. на перекрестке главных гидрографических линий, от Скалистых гор до Канадских Великих озер и от озера Виннипег до Мексиканского залива; однако, несмотря на эти выгоды положения, он остается незначительным городком. Дело в том, что притяжение Сент-Луиса, обладающего теми же преимуществами, хотя лежащего немного дальше от места пересечения названных речных путей, привлекает всю торгово промышленную деятельность. Стоящий напротив этого города фабричный пригород Восточный Сент-Луис (East Saint Louis), окруженный болотами и ложными реками, приобрел более важное значение, чем Альтон: его скотопригонные дворы или парки занимают обширное пространство. На соседних высотах, Бельвиль, важный рынок земледельческих продуктов, также может быть рассматриваем как торговая принадлежность Сент-Луиса. На левом берегу Миссисипи, старые французские деревни Какокиа и Каскаскиа остались скромными группами хижин, тогда как к востоку и к западу от них в прериях возникли большие города. Близ Каскаскии показывают развалины бывшего форта Шартр, заросшие кустарником и подтачиваемые течением реки.

Город, лежащий на остроконечном полуострове южного Иллинойса, между реками Миссисипи и Огайо, получил от своих честолюбивых основателей громкое имя Каиро, т.е. «Каир», а междуречье, оконечность которого он занимает, было названо «Египтом». Воображали, что такое местоположение, на перекрестке главных водных путей, как раз в гидрологическом центре Соединенных Штатов, не может не вызвать к жизни большой город; земли этой болотистой местности сделались предметом бешеной спекуляции; старались привлечь туда иммигрантов миражем быстрого обогащения. И действительно, на этот зов явились тысячи колонистов, но большинство только затем, чтобы найти там лихорадки и разорение: в своем знаменитом романе «Мартин Чузлевит», который многие американцы долго не могли простить ему, Чарльз Диккенс описал страдания несчастных переселенцев, изнывавших в этом болоте «города Эдема», Eden City, под постоянной угрозой болезней или наводнений. Теперь, огражденный плотиной в 6 или 7 метров вышины, Каиро, город товарных складов и

1 Francis Parkman, La „Salle“;—Gabriel Gravier, „Cavelier de La Salle“.

отелей, не боится больше розливов реки, но Миссисипи подтачивает полуостров выше города, и возможно, что со временем полуостров превратится в остров. Каиро не мог вступить в торговое соперничество с такими городами, как Луисвиль или Сент-Луис, которые хотя лежат и не на самом перекрестке судоходных путей, но достаточно близко от этого жизненного пункта, чтобы пользоваться всеми его выгодами: так точно Марсель, для торговли Франции, находится как бы при устье Роны. Через реку Огайо, выше устья, построен мост для соединения железных дорог Иллинойса с дорогами Кентукки.

Многолюдные или исторические города Иллинойса, с цифрой их населения в 1890 г.: Чикаго—1.100.000 (1.850.000 в 1899 г.) жит.; Пеориа—40.758; Кенси—31.478; Жолье—27.407; Рок-Айленд (13.596) и Молин (11.995)—25.591; Спрингфильд—24.852; Блумингтон (22.242) и Нормаль (2.506)—24.748; Рокфорд—23.589; Аврора—19.634; Альтон—10.184; Каиро—10.044; Галина—6.406; Каскаскиа—226 жит.

5. Мичиган

Озеро Мичиган сообщило свое имя двум совершенно различным, хотя и соединенным в один штат, полуостровам: Восточному Мичигану, «междуозерью», заключающемуся между тремя из Великих озер, Мичиганом, Гуроном и Эри, и Западному Мичигану, омываемому на юге Зеленой бухтой и Мичиганом, на севере Верхним озером. Полуострова эти разделены Маккинанским проливом. Самый обширный из них был, повидимому, озерным дном в большей части своего протяжения: это—низменная или по крайней мере очень мало возвышающаяся над уровнем моря земля, волнообразная равнина, где протянулись длинные морены, отложенные некогда льдами севера и поднимающиеся местами на 50 слишком метров. На восточных берегах озера Мичиган существуют горки другого рода, достигающие такой же высоты: это дюны, гоняемые ветром с места на место и беспрестанно изменяющие конфигурацию береговых стрелок и бывших бухт, превратившихся в лагуны. Благодаря плодородию почвы и мягкости озерной атмосферы, Восточный Мичиган—очень богатый земледельческий край. Он имел большие леса,—теперь сильно поредевшие,—где преобладали дубы, в южной части, и сосны, в северных округах; подпочва заключает в себе огромные залежи каменного угля, которые представляют, в виде топлива, теплородную силу, далеко превосходящую многие последовательные поколения лесов, но которые обезображивают города своим дымом. *Wolverine State*, «штат канадского барсука»—таково народное прозвище, данное штату Мичиган.

Отличаясь от большого юго-восточного полуострова геологическим строением, северо-западный полуостров представляет в целом каменистый хребет, высотой слишком 300 метров, состоящий из гранитного остова, одетого песчаником, и расположенный по направлению от востока к западу; на нём нет рек, утекающих извилинами в равнины, есть лишь ручьи, спускающиеся к тому или другому из Великих озер стремнинами или каскадами. Редко где встречаются полосы земли пригодной для полеводства, тем не менее край этот сделался, пропорционально, наиболее богатым из двух Мичиганов, благодаря своим рудникам самородной меди и железа: немногие страны обладают подобными металлическими сокровищами.

Так же, как Мэн, Мичиган связан с Канадой своей историей. Французские торговцы и миссионеры открыли этот край два с половиной века тому назад, затем охотники на пушного зверя и их метисы основали там поселения. После уступки Предмиссисипья независимым колониям, англичане хотели всё-таки удержаться в Мичигане и сохраняли там за собой стратегический пост Детруа или Дитройт (Detroit) до 1796 г. Во время войны, свирепствовавшей в 1813 и 1814 годах между Соединенными Штатами и Великобританией, вокруг этого ключа Великих озер имели место многочисленные столкновения, и союзники англичан, индейцы, поплатились смертью или изгнанием за принятое ими участие в борьбе. Теперь в Мичигане туземцы остались только в двух анклавах, по одной на каждом полуострове. Иммиграция иностранных колонистов направилась в эту область около 1840 года, после заселе-

ния штатов Огайо и Индианы; потомков янки здесь меньше, чем в двух последних штатах. Этнический элемент франко-канадцев, очень сильно представленный во всём Мичигане, имеет даже численный перевес в некоторых округах.

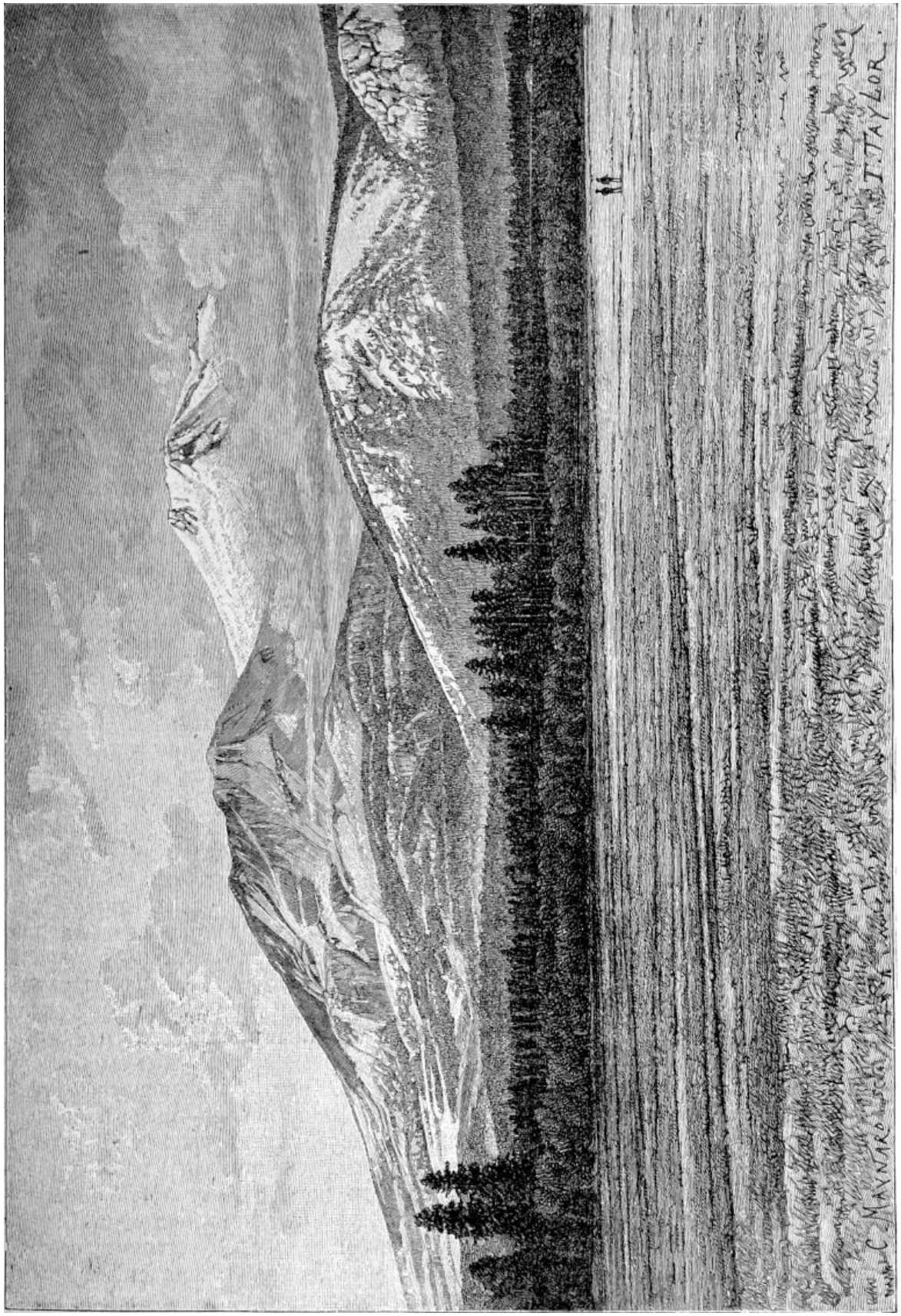
Место Мичигана между штатами и территориями Северо-Американского союза: по пространству (58.915 кв. миль=152.590 кв. килом.)—21-е; по народонаселению в 1890 году (2.093.887 жител.)—9-е; по километр. плотности населения (14 жит.)—19-е; по добыче меди (38.480 тонн)—2-е.

Лансинг, столица штата, выбранная единственно за её центральное положение, подобно большинству других американских городов, находится в долине Большой реки (Grand River), восточного притока озера Мичиган. Хотя Лансинг, несмотря на возведение его в ранг столицы, остался одним из скромных городков Запада, он занимает обширное пространство, и, как Вашингтон до недавнего времени, имел бы право на прозвание «города с огромными расстояниями». Основанный в 1837 году, он сделался три года спустя местопребыванием законодательного собрания, на место Дитройта. Эта бывшая метрополия есть важнейший город страны. Дитройт сохранил, по крайней мере по правописанию (Detroit), имя, которое французские колонисты дали, в 1670 году, своей крепостце с меновым двором. В начале восемнадцатого столетия, Ламот-Кадильяк создал из этого поста маленькую колонию; благодаря своему счастливому положению на «проливе» (detroit), через который вытекает излишек вод озера Гурон в озеро Эри, она сделалась одним из тех необходимых городов, которые должны были устоять против всех случайностей. Так же правильно распланированный, как большинство других городов Запада, Дитройт занимает пространство в 30 квадр. километров, преимущественно вдоль правого берега реки, имеющей в этом месте около километра в ширину; напротив, на другом берегу, стоит канадский город Виндзор, в действительности предместье Дитройта, с ещё более значительной пропорцией жителей французского языка. Как порт, Дитройт имеет свою реку, глубина которой, от 9 до 10 метр. в среднем, достигает 14 метров во впадинах русла; сильное течение, проходящее перед городом со скоростью 4 километров в час, уносит льды озера Сент-Клер в зимние месяцы и поддерживает судоходство в канале. На северо-востоке города, канал глубиной в 4 метра, огибает дельту реки Сент-Клер, где извиваются неглубокие воды, выходящие из озера Гурон. Дитройт, обязательный путь всей торговли, производящейся в трех верховых озерах, Верхнем, Мичиган и Гурон, мог бы лишиться этого пути только в том случае, если бы проект постройки между Торонто и Георгиевской бухтой канала или железной дороги для перевозки судов получил осуществление и таким образом отвлек бы грузы к более короткому пути на озеро Онтарио. Кроме своего огромного движения судоходства, Дитройт имеет значительную торговлю, которую ему доставляют сходящиеся в нём железные дороги, меж прочим, дорога, проникающая прямо в канадскую провинцию Онтарио по туннелю в 1.814 метров длины, прорытому, при выходе озера Гурон, под рекой Сент-Клер, между двумя городами: Порт-Гурон, американским, и Сарниа, канадским. Судоходство между озерами р. Дитройт в 1890 году: 18.646.000 тонн. Торговля Дитройта с Канадой: 6.455 судов, вместимостью 540.483 тонны.

К Дитройту тяготеют несколько маленьких городов, между прочим, Анн-Арбор, лежащий к западу, на железной дороге из Чикаго, местопребывание одного из лучших американских университетов. Далее, по направлению к озеру Мичиган, следуют один за другим города Джаксон и Батль-Крик.

Бухта Саджино, ветвь озера Гурон, врезывающаяся далеко внутрь восточного полуострова, имеет свою группу городов, лежащих около южной оконечности залива и на берегу впадающей в него реки Саджино. Город Саджино на левом берегу, и Восточный Саджино (East Saginaw), стоящий напротив, на правом берегу, но образующий отдельную городскую общину, составляют вместе одну из главных мануфактурных агломераций Мичигана: проточные воды, соединяющиеся тут в одном общем русле, в 47 километрах выше бухты, доставляют своими водопадами огромную двигательную силу, которая в начале употреблялась для распилки леса, теперь же утилизируется всякого рода заводами. Порт на устье реки в значи-

тельной степени способствовал быстрому росту этих двух городов, соразмерно которому увеличивалось и движение его торгового судоходства; в настоящее время оно простирается до 2 миллионов тонн, несмотря на малую глубину воды на баре.

Гора Хаста.

Город Макинак или Макино (Mackinaw City), на северной оконечности полуострова, напротив мыса св. Игнатия и острова Макинак, обращенного в «Национальный парк», т.е. общую собственность Союза, есть «Гибралтар» пролива Мишиль-Макинак, или «Большой

Черепахи», соединяющего озеро Мичиган с озером Гурон. Англичане и французы спорили там из-за обладания укрепленным постом, где производился торг шкурами пушного зверя; в 1763 г. индейцы отбили этот пост у британского гарнизона; теперь там производится небольшая торговля строевым лесом, и, кроме того, в этом пункте перевозят продукты и пассажиров с одного полуострова на другой. На берегу, который продолжается на юго-запад, затем на юг, омываемый на западе водами озера Мичиган, встречаем несколько более значительных прибрежных городов: таковы Мускегон, Гранд-Гавн, Соут Гавн и Сент-Джозеф. Гранд-Гавн, лежащий при устье «Большой реки» (Гранд-Ривер), есть порт очень деятельного промышленного центра, Гранд-Рапидс, второго города в штате Мичиган: стремнины реки, «rapides», где падение воды превышает 5 метров на полутора километрах, дают весьма значительную двигательную силу, употребляемую в многочисленных фабричных заведениях. Соляные источники, находящиеся в соседстве, а также в округе Саджино, вызвали к жизни очень продуктивный промысел (добыча соли в округе Саджино: от 750.000 до 900.000 гектолитров). В юго-западном углу штата, город Каламазу, на реке того же имени,—тоже значительный промышленный центр, важность которого быстро ростет из десятилетия в десятилетие.

Западный полуостров, с каменистой почвой и суровым климатом, не имеет мест, занимающих настолько благоприятное положение, чтобы сделаться центрами притяжения, как города культуры и равнин; но его необычайно богатые рудники, находящиеся по близости прекрасных глубоководных якорных стоянок, дали пристаням побережья изумительную деятельность: порты его, с именами почти неизвестными за пределами страны, являются, тем не менее, очень оживленными центрами судоходства. Маркет, главный город западного полуострова, лежащий на южном берегу Верхнего озера, есть один из этих Ливерпулей, выросших в пустынях Великого Запада. Железная руда отправляется отсюда миллионами тонн ко всем портам Великих озер и даже, по каналам, в приатлантические города; кроме того, значительная часть руды переработывается на месте в колоссальных заводах, машины которых, употребляемые для раздробления твердых каменных глыб, представляют огромные капиталы. Железная дорога соединяет Маркет, через основание полуострова, с портом Эскаваба, лежащим на берегу озера Мичиган, близ выхода Зеленой бухты; другие рельсовые пути направляются на запад к очень деятельным вывозным пунктам Анс и Онтонагон, и к заводам Бессемер и Айорнвуд, близ висконсинской границы. Игль-Ривер и Коппер-Гарбор, на мысе Кевино, далеко выдвинувшемся в воды Верхнего озера, экспортируют медь из Калюме и других округов, где этот металл собирают в самородном состоянии. Около середины своей длины полуостров преобразован в остров лагунами, потоками и искусственным каналом.

Торговля города Со-Сент-Мари (Sault Sainte Marie),—обыкновенно называемого Со местными жителями,—иного рода: этот двойной город, канадский на севере пролива, американский на юге, дает проход продуктам и товарам между Верхним озером и ниже лежащими озерными бассейнами; годовое движение пароходов и барок превышает 8 миллионов тонн для двух шлюзованных каналов, огибающих «sault» (водопад) на севере и на юге; первый канал, на американском берегу, был открыт уже в 1855 г.

Движение судоходства на американском канале Сент-Мари в 1890 г.: 8.288.580 тонн.

Ценность товаров, перевезенных в 1886 году: 431.403.450 франк.

Индейцы «Soulteux» давно уже исчезли из страны, и Sault, бывший французский пост для торговли шкурами пушного зверя, занял видное место между промышленными городами. По международному мосту, перекинутому через пролив, проходят два магистральных пути Северной Америки, железнодорожные линии из Монреаля в Дюлут и в Миннеаполис, и через эти два города к прибрежным городам Тихого океана. «Белая рыба» (coregonus albus), отправляемая рыболовами Со, и мясо которой считается гастрономами бесподобным, недавно была введена также в другие Великия озера. Между Маркетом и Со, близ Гранд-Айленд, высятся береговые утесы, названные «Порталами» старинными французскими пу-

тешественниками, а у американцев известные под именем «Раскрашенных Скал» (Pictured Rocks). Стены эти замечательны как оригинальностью и живописностью форм, так и разнообразием цветов. Утесы из песчаника, известняка, кварца, расположенные рядами один над другим до высоты, в среднем, около сотни метров над поверхностью озера, являются в виде стен, башен, пирамид, выступают в виде нависших масс, изрытых пещерами и аркадами, и разнообразнейшие цвета, розовый, синий, зеленый, перемешаны с серым и коричневым, придавая этим дивным зданиям вид странный или очаровательный, смотря по игре света и теней.

Главные города Мичигана, с цифрой их населения в 1890 г.:

Восточный Мичиган: Дитройт—206.000 жит. (350.000 в 1899 г.); Гранд-Рапидс—60.278 жит.; Саджино—46.322 жит.; Бай-Сити—27.839 жит.; Мускегон—22.702 жит.; Джаксон—29.798 жит.; Каламазу—17.853 жит.; Лансинг—13.102 жит.; Порт-Гурон—13.543 жит.; Батль-Крик—13.197 жит.; Анн-Арбор—9.509 жит.

Западный Мичиган: Маркет—9.093 жит.; Со-Сент-Мари (Со)—5.760 жит.

7. Висконсин

Штат Висконсин, наименованный так от многоводной реки, которую первые французские путешественники называли Месконсин, и которая соединяется с Миссисипи ниже города Прери-дю-Шьен, был выкроен, как и Мичиган, из «территории Северо-Запада», уступленной Великобританией Северо-Американской республике. Миссисипи на западе, озеро Мичиган на востоке, служат границей этому штату; на юге, линия 32°30' отделяет его от Иллинойса, а на севере он был лишен, в пользу Мичигана, полуострова, заключающагося между Верхним озером и Зеленой бухтой, или Грин-Бай; с этой стороны границу его составляют река Монреаль, приток Верхнего озера, река Меномони (Menomonee River) и прямая линия, соединяющая эти две реки. Архипелаг Апостолов, в Верхнем озере, причислен к Висконсину, взамен Королевского острова (Isle Royale), отошедшего к Мичигану. Две трети Висконсина принадлежат к Миссисипской покатости: часть территории, наклоненная к Верхнему озеру, очень узка; часть, имеющая скат к озеру Мичиган, гораздо шире, благодаря бассейну Лисьей реки (Fox River), которая прежде была заливом внутреннего моря, но затем на половину высохла, сохранив в своей долине только одно значительное озеро, Виннебаго. Южные области штата, лежащие в поясе прерий и пользующиеся относительно теплым климатом,—самые населенные, так как там колонисты-земледельцы могли с первого же года засеять поля, без больших трудов по распашке почвы; в северной же области, более каменистой, более сухой и холодной, и покрытой прежде сосновым бором почти на всём её протяжении, колонизация идет медленно. Рудники, свинцовые в юго-западных округах и железные на берегах Верхнего озера, много способствовали заселению края, а теплые минеральные ключи Висконсина, впрочем, менее многочисленные, чем в Виргинии, привлекают большое число посетителей. Между иностранцами, немцы и скандинавы образуют главные колонии; в некоторых округах английским языком говорят только в городах. Франко-канадцы тоже сильно представлены, наследники охотников, которые посещали Великий Запад с первой половины семнадцатого столетия и занимались земледелием в Лакроссе, в Прери-дю-Шьен, на берегах Виннебахской бухты. Народное прозвище Висконсина—*Badger State*, «Барсуковый штат».

Место Висконсина между штатами и территориями Северо-Американского союза: по пространству (56.040 кв. миль=145.144 кв. километр.)—24-е; по народонаселению в 1890 г. (1.686.880 жител.)—12-е; по километр. плотности населения (12 жител.)—25 е.

Население скучено в особенности на берегах озера Мичиган, к северу от Чикаго. Расин при устье небольшого байю, которым пользуются суда с осадкой от 3 до 4 метров,—очень деятельный город, имеющий заводы для постройки машин, локомотивов и вагонов. Расин причастен к промышленности двух соседних больших городов, на юге—Чикаго, на севере—Мильуоки, главного города Висконсина.

Мильуоки, виннебагское имя которого, несколько измененное американцами, значит «прекрасный край»,—город франко-канадского основания, как и Расин: первый меновой пост был основан на этом месте в 1785 году торговцем Лафрамбуаз; Соломон Жюно, в память которого теперь называется его именем великолепный парк, раскинутый на берегу озера Мичиган, построил там свою ферму в 1818 году; англо-американские колонисты явились туда только в 1835 году, под предводительством другого франко-канадского уроженца. С 1840 года, эпохи, когда город не имел ещё и двух тысяч жителей, развитие его пошло быстрыми шагами: к 1875 году население возросло до ста тысяч душ. Немцы, хотя и не составляют большинства, как это часто повторяли, пропорционально здесь многочисленнее, чем во всяком другом городе Соединенных Штатов. Мильуоки, «германо-американские Афины», расположен на обоих берегах реки того же имени и представляет фасад длиной около 10 километров на утесах, господствующих над озером; редкое исключение между американскими городами, он не имеет ни одного грязного квартала: все городские нечистоты сожигаются в обширных печах, и получающийся пепел разбрасывается по окрестным полям. Употребляемый для построек кирпич, приятного для глаз белого с желтым отливом цвета, доставил городу прозвище *Cream City*, «город цвета крем»; кирпичные заводы этой местности посылают свои произведения даже в прибрежные порты Атлантического океана. Устроенные на реке шлюзы подняли уровень воды и доставляют значительную двигательную силу различным промышленным заведениям, чугуно-плавильным и плющильным заводам, машино-строительным фабрикам, кожевенным и пивоваренным заводам и мукомольным мельницам. Порт, после произведенных недавно, с огромными издержками, работ по углублению его, стал доступен для самых больших судов и ведет торговлю, равную, по размерам, торговле Марсели и более значительную, чем торговля Гавра.

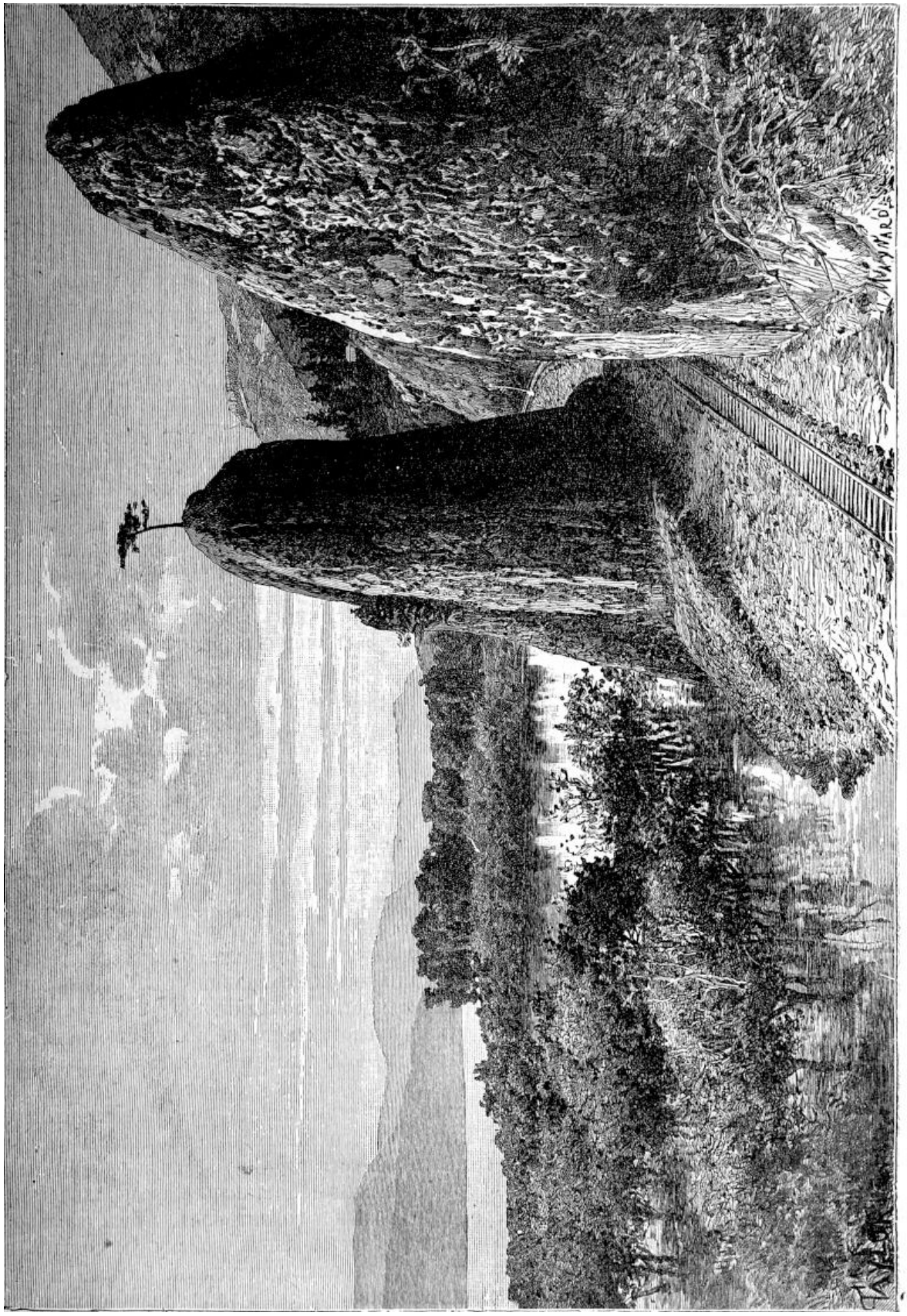
Движение судоходства в порте Мильуоки в 1889 году: пришло—5.349 судов, общая вместимость—2.895.337 тонн; вышло—5.563 судов, общая вместимость—2.867.863 тонн.

В 1890 году коммерческий флот, принадлежащий этому порту, состоял из 377 судна, общая вместимость которых превышала 90.000 тонн. Главный предмет экспортной торговли составляет хлеб в зерне и муке: в этом отношении порт Висконсина в некоторые годы превосходил даже Чикаго.

Столица штата, Мадисон, находится не на берегу Мичигана и, следовательно, не пользуется такими выгодами положения, как Мильуоки, но она была выбрана за красоту её окрестностей. Прекрасное озеро Мендота, в большой части питаемое ключами дна, наполняет обширную впадину, площадью 80 квадр. километров и глубиной от 15 до 20 метров. Чистые воды, окаймленные белым песком, утекают с уступа на уступ через три лежащие одно над другим озера, верхние бассейны горного потока, спускающагося к реке Рок-Ривер, притоку Миссисипи. На перешейке, отделяющем Мендоту от второго озера, Монона, и расположился город Мадисон, окруженный прелестным естественным парком, усеянный садами, орошаемый многочисленными ручейками. Каждое из публичных зданий его украшено цветниками и газонами. Долгое время этот хорошенький городок оставался почти пустынным: он стал расти и богатеть с тех пор, как железные дороги соединили его с прибрежными городами Великих озер и Миссисипи. Мадисон занимает центральную часть области индейских курганов и укреплений: здесь сделано больше находок по части тканей, медных орудий и других предметов индейской старины, чем во всякой другой части Соединенных Штатов.

Город Фон-дю-Лак (Fond du Lac), стоящий действительно на «fond», т.е. у южной оконечности озера Виннебаго, откуда выходит Фокс-Ривер, «Лисья река», сохранил свое французское имя; но, после англо-американцев, самый многочисленный элемент его населения составляют немцы, как и в Мильуоки. Дакотское племя виннебагов или «смердящих», названных так, говорят, потому, что они пришли с «Вонючаго» моря,—может-быть, с океана,—жило прежде в этом крае, отделенное альгонкинами от главной массы своей нации. Фон-дю-Лак, так же, как его сосед Ошкош, построенный на обоих берегах Лисьей реки, в нескольких километрах выше впадения её в озеро Виннебаго, имел прежде один только промысел—

эксплоатацию соснового леса, который распиливали на доски, плахи, балки или строили из него на месте срубы домов и шаланды, для торговли по озерам и Миссисипи. Постепенное обезлесение страны и улучшение путей сообщения преобразовали местные промыслы, при-

Гери-Гудъ въ Колумбіи.

дав им больше разнообразия. Под городом проходит водоносный слой, питающий сотни артезианских колодцев, с замечательно чистой водой. Ниже, вся долина Лисьей реки до впадения её в Зеленую бухту,—прежде называвшуюся «baie des Puants», т.е. «бухтой Виннеба-

гов»,—усеяна фабричными заведениями, особенно писчебумажными фабриками: это—главный центр писчебумажного производства в Соединенных Штатах. Фон-дю-Лак отправляет часть своих произведений прямо на восток, через порт Шибойган. С 1763 года колония из нескольких сот метисов, предводимая Шарлем де-Ланглад, поселилась на берегах бухты и впадающих в неё рек; несколько десятков семейств представляют в стране потомство этого основателя.

На Верхнем озере, самый деятельный порт, Ашланд, ещё в 1880 г. был захолустной деревушкой: расположенный при оконечности глубокой бухты, в лесной прогалине, вдали от линий торговли и судоходства, он казался затерянным в пустынях, как вдруг превосходное качество его железных руд привлекло внимание спекулянтов,—и в несколько лет Ашланд сделался одним из важных городов Северо-Запада, с сетью железных дорог, с фабриками и заводами, мельницами, доменными печами, складами и молами; вывоз руды превысил 2 миллиона тонн в 1890 г. Якорное место «Двенадцати Апостолов» (Apostle Islands), впереди Ашландской бухты,—самое безопасное пристанище для судов в этих водах. На западной оконечности Верхнего озера, порт, названный его именем, Сюпириор-Сити, и основанный спекулянтами Юга, вывозит главным образом хлеб в зерне и муке и лес; построенный в самом углу Висконсина, он стоит против более важного миннесотского города Дюлута.

Движение судоходства в Сюпириор-Сити по внешней торговле в 1890 году: 1.404 судна, общей вместимостью 852.886 тонн.

Город Оклер (Eau Claire), во внутренней части штата, названный так от прозрачного ручья Clear Water, впадающего в этом месте в реку Чиппеву, восточный приток Миссисипи, имеет, благодаря своим водопадам, доставляющим в изобилии двигательную силу, многочисленные лесопильни и различные мануфактуры, посылающие свои произведения на Миссисипи через нижнюю Чиппеву и озеро Пепин. Ниже, главный город Висконсина на берегу Миссисипи развился из бывшей канадской колонии Ла-Кросс, основанной при слиянии реки того же имени с великой рекой, в обширной прерии, где различные индейские племена оспаривали друг у друга победу в национальных играх. Пост меновых торговцев уступил место промышленному городу, сообщающемуся с странами Замиссисипья посредством железнодорожного путевода; село Норт-Кроссинг, лежащее напротив, в штате Миннесота, в действительности есть предместье Ла-Кросса. Менее успешно было развитие другого города французского происхождения, Прери-дю-Шьен (Prairie du Chien), построенного ниже Ла-Кросса, на левом берегу главной реки и в небольшом расстоянии от устья Висконсина. Город этот занимает дно низменной равнины, окруженной утесами, которая некогда была ложем озерного бассейна Миссисипи; первоначально он назывался Prairie des Chiens, по имени индейского племени Собак, имевшего в этом месте свое становище[1]; мост его, составленный из двух подвижных понтонов и имеющий, со включением промежуточного острова, 2.218 метров длины, проходит через два рукава реки. Река Висконсин, впадающая в Миссисипи ниже «Собачьей прерии», прошла уже две трети своего пути, перед тем, как вступить в область ледниковых озер, следующих одно за другим длинной цепью вплоть до Зеленой бухты. Река эта, текущая по дну глубоких ущелий, «dalles», оставляет все эти озерные бассейны к востоку от себя, но на западе она охватывает, на гористом полуострове, уединенную, очень живописную водную площадь, «Чертово озеро», Devil's Lake, задерживаемое также валами древних морен.

Многолюдные и исторические города Висконсина, с цифрой их населения в 1890 году: Мильуоки—204.000 жит.; Ла-Кросс—25.090 жител.; Ошкош—22.836 жител.; Расин—21.014 жит. (280.000 в 1899 г.); Оклер—17.415 жител.; Шибойган—16.359 жител.; Мадисон—13.426 жител.; Фон-дю-Лак—12.024 жител; Сюпириор-Сити—11.984 жител.; Ашланд—9.956 жител.; Прери-дю-Шьен—5.000 жител.

1 J. Tasse, „Les Canadiens de l'Ouest".

7. Кентукки

Кентукки, один из штатов с наилучше определенным географическим положением, имеет границами: на севере—течение реки Огайо, отделяющее его от трех штатов озерной области, Огайо, Индианы, Иллинойса; на западе—течение Миссисипи; на востоке—отрасль Аллеганских гор, от течения реки Биг-Санди до горного прохода, называемого Кумберланд-Гап (510 метров); проход этот, благодаря его стратегической и торговой важности, может быть рассматриваем как истинный центр всей пред-миссисипской области к югу от Огайо. Одна только из границ Кентукки образована геометрическими линиями, граница с Тенесси, проходящая частию по линии 36°30' широты. Кентукки представляет переходную страну между северными и южными штатами: принадлежа к числу бывших рабовладельческих штатов, он примыкает по главному происхождению своего населения белой расы к северным областям Союза, и во время междоусобной войны доставлял федеральной армии вдвое больше волонтеров, чем сколько давал рекрут южному войску[1]. Однако, и на его территории происходили битвы, и Союз поддерживался там лишь силой оружия; одно кровопролитное сражение имело место под Боулинг-Грином, недалеко от границы Тенесси. Рассматриваемый штат почти весь лежит в бассейне Огайо и своим именем обязан одному из притоков этой реки. Имея плодородную почву, за исключением нескольких мест, где известковая скала, изрытая воронками, препятствует образованию ручьев, Кентукки—край по преимуществу земледельческий: он производит около трети всего собираемого в Соединенных Штатах количества табаку, а в области, называемой степью *blue grass*, «синей травы»,—*poa compressa*,—воспитывает прекрасных лошадей, лучших в Америке по рослости, силе, выносливости и быстроте бега. Промышленность в тесном смысле процветает только в прибрежных городах по реке Огайо и в горнозаводских округах Аллеганской покатости (добыча каменного угля в этом штате в 1890 году составляла 2.399.755 тонн). Кентукки, который в первые времена колонизации вошел в состав Виргинии, но жители которого энергично требовали себе автономии, был, наконец, допущен в число штатов в 1792 году. Одна этимология,—кажется, ошибочная,—приписывает имени края значение «обагренного кровью чернозема»,—значение, впрочем, оправданное историческими кровавыми побоищами между бледнолицыми и краснокожими.

Место Кентукки между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (40.400 кв. миль=104.636 кв. километр.)—36-е; по численности населения в 1890 году (1.855.437 жителей)—11-е; по километрической плотности населения (18 жител.)—13-е; по производству табака (77.000.000 килограмм.)—1-е.

Два из значительнейших городов Кентукки, Ковингтон и Ньюпорт, стоящие напротив Цинциннати, важны только по своей причастности к торговле и промышленности соседнего большого города. Важнейший из внутренних городов, Лексингтон, был столицей штата до войны за независимость и сохранил ещё, шириной своих улиц, обширностью площадей, великолепием тенистых аллей и красотой многих зданий, некоторый вид столичного города. Университет его считается одним из лучших на Юге; его знаменитый ипподром, где состязуются великолепнейшие скакуны с окрестных ферм, привлекает посетителей со всех концов Соединенных Штатов. Небольшой ручей Элькгорн, протекающий через Лексингтон, впадает в реку Кентукки. Нынешняя столица, Франкфорт, стоит на правом берегу этой реки, при начале судоходной её части. В том же штате, на берегах Ликкинга, изливающего свои воды в Огайо между Ковингтоном и Ньюпортом, находится самый большой «Париж» Северо-Американского Союза.

Луисвиль, который раскинулся вдоль южного берега Огайо, есть главный город Кентукки. Вместе с своими пригородами, Нью-Альбани и Дефферсонвилем, которые вынужденная остановка судов при обходе водопадов вызвала к жизни на правом берегу, принадлежащем к Индиане, городская аггломерация заключала в себе около двухсот тысяч жителей в 1890 году; мост о 28 пролетах, длиной 1.613 метров, соединяет два берега. Этот большой город су-

1 Nathaniel Shaler, рукописные заметки.

ществует немного более столетия: в 1773 году горсть пионеров осела на этом месте, и первый домик появился в 1778 году. Нарождающемуся поселению дали имя Falls City («город у водопадов»), которое вскоре после того было заменено именем Луисвиль (Louisville, «город Людовика»), в честь французского короля Людовика XVI, союзника Американской республики; прорытие канала, который в большой мере способствовал процветанию города, относится к 1833 г. «Город у водопадов» имеет важное значение преимущественно как торговый центр и складочный пункт: здесь происходит обмен главных произведений Кентукки, табаку и скота, на продукты северных и восточных штатов. Промышленная деятельность в Луисвиле тоже весьма значительна, особенно некоторые отрасли её, как-то приготовление табаков, выделка кож, чугунноплавильное, винокуренное, бумагопрядильное производства, постройка плугов, машин и судов. В то же время он—один из университетских городов Запада. Ниже на Огайо, город Падюка занимает превосходное географическое положение, при слиянии реки Тенесси и в небольшом расстоянии от устья Кумберланд. Находясь в месте соединения нескольких водных путей, город этот должен бы был приобрести важное значение, если бы движение грузов не перешло почти всецело с второстепенных рек к сети железных дорог.

Юго-восточная часть штата, ещё недавно почти пустынная, покрытая непроходимыми лесами, вдруг приняла необыкновенно оживленный вид, благодаря проведению дорог, сделавшему возможной разработку её ископаемых богатств, залежей каменного угля и железной руды. Английские спекулянты, не ожидая добровольной группировки колонистов, купили в этой области пространство в 60.000 гектаров, для того чтобы рыть там шахты, строить склады и основывать города и деревни. Главный промышленный центр этого горнозаводского округа, Мидльсборо, построен, у самого входа в ущелье Кумберланд-Гап, по плану довольно обширному, чтобы вместить двухсот-тысячное население; заводы, отели, библиотеки, театры, школы, загородные дома—город обладает уже своим полным организмом, не имея других жителей, кроме своих строителей.

Главные города Кентукки, с цифрой их населения в 1890 году: Луисвиль—161.005 жит. (225.000 в 1899 г.); Луисвиль с Джефферсонвилем и Нью-Альбани—193.279; Ковингтон (37.375) и Ньюпорт (24.938)—62.313; Лексингтон—22.355; Падюка—13.024; Боулинг-Грин—7.790; Франкфорт—7.150; Париж—5.055; Мидльсборо—? жителей.

8. Тенесси

Штат Тенесси, длинный параллелограм, расположенный по направлению от востока к западу, между высоким гребнем Аппалахских гор и течением Миссисипи, делится натурально на две совершенно различные области, имеющие, каждая, осью часть реки Тенесси: с одной стороны—высокие верхния долины, где текут воды в направлении Аллеганских хребтов; затем, после большой дуги, описываемой рекой через территорию штата Алабама,—откуда народное имя *Big Ben State*, данное Тенесси,—равнина, где река поворачивает на север, чтобы спуститься к Огайо, но в обратном направлении. Между двумя половинами речного течения простирается и «Большой Бассейн», некогда озерный, с ровной поверхностью. Эти две области, горная и равнинная, резко различаются между собой как рельефом почвы, так населением, нравами, климатом и произведениями. В горных округах, жители, почти все белой расы, сами возделывают свои земли; в низменных местностях Запада, недавно бывших рабовладельческой территорией, негры многочисленны и работают в больших имениях. Эти различия между двумя половинами штата имели решительные последствия во время междоусобной войны: суровые демократические населения горы, симпатии которых были на стороне Севера, открыли его войскам дороги Юга, и федеральные армии, проникнув через высокие долины, могли расположиться лагерем в самом центре мятежной конфедерации и таким образом подготовить окончательную кампанию, которая привела их к воротам Ричмонда. Долгое время Тенесси был чисто земледельческой страной; но его богатые минеральные рессурсы, в виде каменного угля, железа, цинка, меди и других металлов, всё более и более

оцениваемые, обещают сделать из него вторую Пенсильванию. С 1756 года Тенесси постепенно заселился эмигрантами из Виргинии и Северной Каролины; элементы иностранного происхождения, пришедшие вместе с англо-американцами, способствовали колонизации лишь в весьма слабой мере.

Место Тенесси между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (42.050 кв. миль=108.910 кв. километров)—34-е; по народонаселению в 1890 году (1.763.723 жит.)—13-е; по километрической плотности населения (16,2 ж.)—14-е.

Нашвиль, нынешняя столица, занимает центральное положение, на реке Кумберланд, судоходной до этого места; население устремилось сюда со времени междоусобной войны и сделало его первым городом штата по промышленности, торговле и учебным заведениям. Построенная на высокой террасе, бывшая столица, Ноксвиль (Knoxville), оставшаяся метрополией, господствует над рекой Гольстон, одной из ветвей главной реки, ниже соединения её с рекой Френч-Брод; по этим притокам Тенесси ходят пароходы. В Ноксвиле есть кое-какая промышленность, особенно по производству стекла и разработке окружающих рудников. В 1756 г. был основан, километрах в пятидесяти к юго-западу от Ноксвиля, на реке Ватанге, или Малом Тенесси, военный пост, и колонисты начали распашку и обработку почвы, под защитой этой крепостцы; теперь на месте этого первого поселения стоит цветущая деревня Лоудон.

В сотне километров далее в главной долине Тенесси, город Чаттануга,—по-черокезски «Гнездо Ворона»,—окруженный горами, кажется замкнутым мирком. Однако, известковые скалы, господствующие над ним своими отвесными стенами и лесистыми склонами, представляют кое-где широкия бреши, и река Тенесси, проходящая на западе от города, описывая обширную излучину, называемую «Мокассин», находит выход на юго-запад в штат Алабаму. В 1836 году в «Гнезде Ворона» жили ещё только черокезы; в следующем году пришли первые бледнолицые; вскоре после того индейцы были прогнаны, и захватчики разделили между собой по жребию земли долины. В 1863 году, маленький городок, приютившийся на левом берегу Тенесси, у северного основания горы Лукаут-Маунтен, вдруг приобрел громкую известность. Первоклассный стратегический пункт, лежащий у выхода верхней долины Тенесси и при начале удобных проходов, дающих доступ в Георгию, в обход крайних массивов Аппалахской цепи, Чаттануга представляет собою «ворота Юга». Конфедераты занимали подходы к этому городу, и окружающие вершины были увенчаны их укреплениями. После кровопролитных битв, в долине Чиккамоги, маленького притока Тенесси, и даже на вершине горы Лукаут, «над облаками», Шерман успел форсировать проход: с этого момента дороги Юга были открыты, и федеральная армия могла предпринять то обходное движение, которое положило конец большой войне и окончательно отбросило «мятежников» в Ричмонд. Пораженные красотой страны и её богатством, железной рудой и каменным углем, многие из воинов Севера, участвовавших в сражении при Чаттануге, поселились там, а следом за ними прибыли тысячами их земляки: в несколько лет маленькое сельское местечко превратилось в фабричный город и торговый центр. Между Чаттанугой и Сент-Луисом существует правильное пароходное сообщение по рекам Тенесси. Огайо и Миссисипи. Прежде подводные камни, называемые Muscle Shoals, прерывали судоходство в северной части Алабамы, при входе в равнины. Камни эти загромождают реку на протяжении около 23 километров и делят поток на множество ручейков, которые малый ребенок легко может перейти в брод. Прорыть канал в этом широком русле, усеянном камнями, стоило бы очень дорого, а потому его провели по берегу Тенесси и дополнили железной дорогой, по которой ходят взад и вперед буксирные локомотивы, таща за собой вереницы судов. Известный географ Мори предлагал прорытие большого судоходного канала между Тенесси и Алабамой, что сделало бы Чаттанугу гидрографическим центром всего Предмиссисипья.

На великой Луизианской реке штат Тенесси имеет только один большой город, Мемфис, великолепно помещенный на самом краю одного из «ecores a Margot», как их называли старинные французские путешественники, крутого берега, который господствует над длинными

излучинами, окружающими зеленые острова: город, имеющий величественный вид и до недавнего времени важнейший населенный пункт штата, надеялся оправдать современем принятое им громкое историческое имя. В 1844 году, в эпоху, когда политиканы из рабовладельческого лагеря имели преобладающий голос в советах правительства, город этот добился удовлетворения своего ходатайства об учреждении в нём морских арсеналов и кораблестроительных верфей для военного флота. Законодатели забыли, что Мемфис находится в 1.500 километрах от моря, и что часто, в период низких вод, река имеет всего только 3 метра глубины ниже слияния с Арканзасом. Федеральное правительство распорядилось построить в этом городе для будущего порта обширные здания, канатные фабрики, литейные заводы, мастерские всякого рода; затем, когда всё было готово, элинги, верфи, доки, должны были признать, что Мемфис неудобен как «морской порт», и все постройки продали за сороковую часть истраченной на них суммы; с той поры самая почва, на которой соорудили арсенал, была смыта и унесена течением. Несколько железных дорог идут по разным направлениям вокруг города, но через Миссисипи ещё не проведен виадук, который бы соединял эти различные пути. Жестокия эпидемии, порожденные вредными испарениями окружающих болот, недостаточным снабжением чистой водой и дурным содержанием улиц и сточных канав, сократили население Мемфиса. Водоснабжение города производится частию из артезианских колодцев.

Главнейшие города штата Тенесси, с цифрой их населения в 1890 году: Нашвиль—76.309 жит.; Мемфис—64.586; Чаттануга—29.113; Ноксвиль —22.447 (40.000 с предместьями).

9. Алабама

Штат Алабама, обнимающий большую часть бассейна реки того же имени, был странно выкроен. На севере ему назначили границей 35-й градус широты, так что среднее течение реки Тенесси оказывается отделенным от штата, носящего её имя; на западе, раздельными линиями между Алабамой и Миссисипи служат две прямые, из которых одна не совпадает с меридианом; точно также на востоке проведена косая линия между Алабамой и Георгией до реки Чаттануги; наконец, на юге, часть морского побережья была прирезана к Флориде, и Алабама сохранила только прибрежный округ Мобильской бухты. Страна делится на две области: область Аппалахских предгорий, которые постепенно понижаются к юго-западу, отделенные параллельными долинами от притоков Алабамы; и область равнин, которые к югу в большой части болотисты. При рабовладельческом режиме занимались почти исключительно земледелием, особенно культурой хлопчатника; и истощение земель вынудило плантаторов оставить обширные пространства в залежи. Что касается пластов каменного угля и месторождения железной руды, занимающих большую часть штата, на северо-востоке и в центре, то о существовании их, конечно, знали, но почти не пользовались ими. Только в недавнее время крупная промышленность связала эти области с мануфактурными странами аллеганских штатов. Население Алабамы, состоящее почти на половину из негров, возрастает в меньшей пропорции, чем вся совокупность населения Соединенных Штатов.

Место Алабамы между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (52.250 кв. миль=136.328 кв. километр.)—27-е; по народонаселению в 1890 г. (1.508.073 жител.)—17-е; по километрической плотности населения (11,1 жит.)— 26-е.

Бирмингам, самый многолюдный и наиболее деятельный из внутренних городов Алабамы (со включением рассеянных в его окрестностях заводских местечек), долго не оправдывал надежд, которые питали его основатели, давая ему это имя; но в последние годы, когда были признаны необычайные выгоды, представляемые им для производства чугуна по дешевой цене, город быстро развивался и достиг цветущего состояния в размерах, почти не слыханных даже в Соединенных Штатах: дома, отели, фабрики и заводы, парки—всё появилось разом, и незначительное местечко сделалось большим городом.

Добыча каменного угля в Бирмингамском окр. в 1890 г.: 7.200.000 тонн; железа 800.000

тонн; добыча железа во всей Алабаме: 1.780.000 тонн.

В северо-западном углу штата, Флоренция, лежащая близ реки Тенесси, вдоль которой идет боковой канал, прорытый для обхода порогов Muscles Schoals,—также один из деятельных городов «Нового Юга».

Мобиль—метрополия, Монтгомери—столица. Этот последний, лежащий почти в геометрическом центре штата, на реке Алабаме, ниже слияния её верхних ветвей, не принадлежит к числу старых городов Юга: основание его относится к 1792 году. Пароходы во всякое время года поднимаются до подножия террасы, на которой стоит город. При начале междоусобной войны он получил эфемерный титул главного города конфедерации отделившихся штатов, титул, не принесший ему счастья: к концу борьбы полки южан, во время своего отступления, предали пламени его склады хлопка; затем пришло федеральное воинство и разрушило большинство его публичных зданий. Ниже Монтгомери, Сельма занимает подобное же положение, на высоком бугре, господствующем над рекой; жители этого города отправляют пароходами большие количества хлопка.

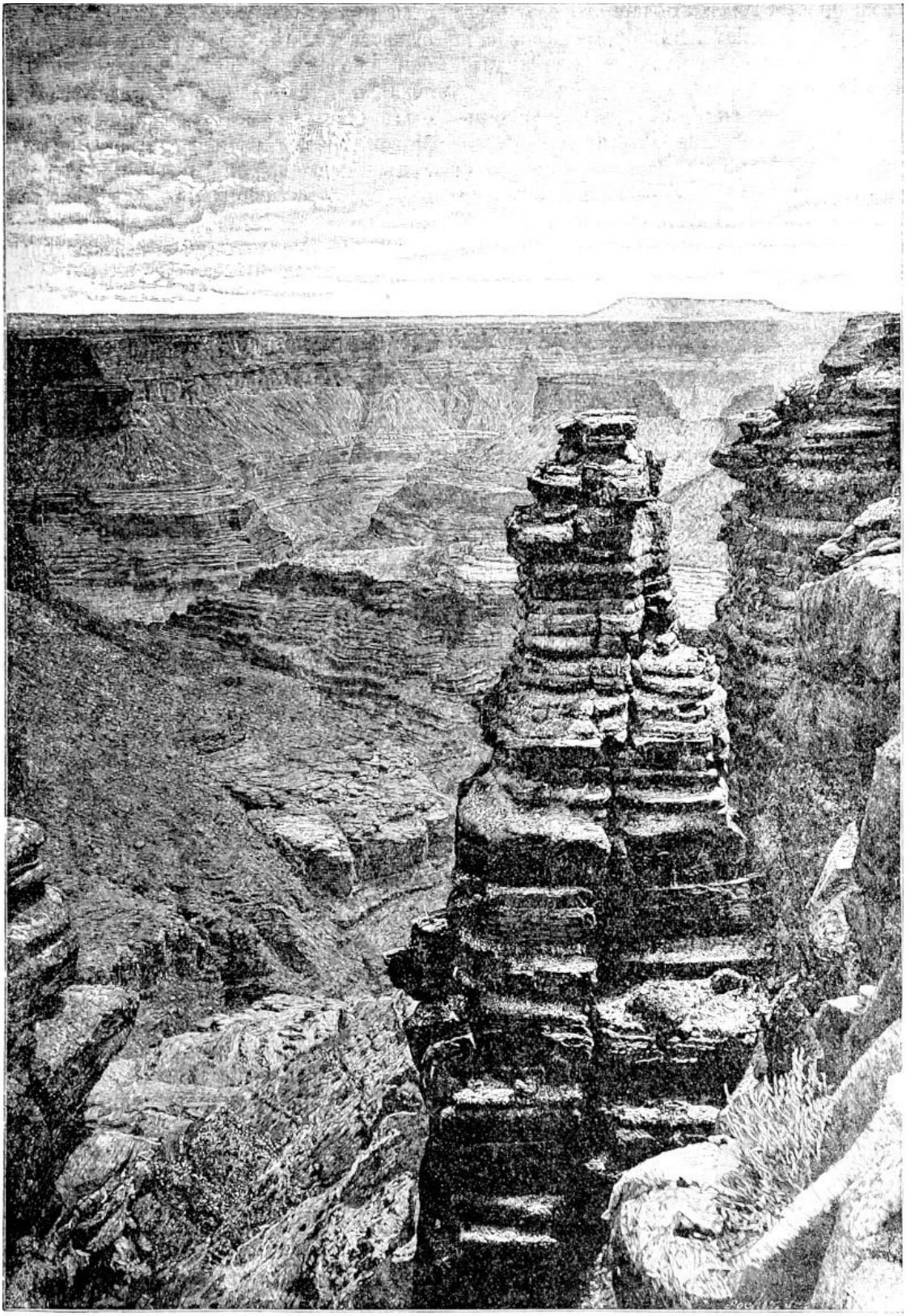
Мобиль, некогда известный французам под именем «la Mobile», был основан Бьенвилем в 1702 году, потом вновь отстроен немного севернее, и до 1723 года оставался главным городом Луизианы,—ранг, который он должен был уступить Новому Орлеану. Его низенькие дома сгруппированы близ северо-западного угла бухты, на западе сети байю, в которых переплетаются воды Томбигби и Алабамы, рек, обыкновенно обозначаемых общим именем «Мобиль», которое носит город. Через эти полузатопленные земли и промежуточные воды проведены деревянные путеводы, общим протяжением около 24 километров,—самый длинный ряд мостов, какой существует в Америке. Торговые кварталы представляют одно сплоченное целое, тогда как предместья, состоящие из вилл и дач, тянутся далеко в апельсинных рощах. Мобиль фабрикует сигары, вывозит хлопок, овощи, первины; но торговля его производится главным образом с его соседом, луизианской метрополией, посредством небольших пароходов, ходящих по озерам Борнь и Поншартрен (движение внешнего судоходства в Мобиле в 1890 году: 455 судов, общая вместимость 254.012 тонн). Глубина воды на баре при входе в Мобильскую бухту не превышает 4 метров. Маленький порт, лежащий при устье «Жемчужной реки», Pearl River, на границе двух штатов Луизианы и Миссисипи, также ведет довольно деятельную каботажную торговлю (движение внешнего судоходства в Перль-Ривер в 1890 г.: 462 судна, общая вместимость 253.866 тонн). Перль-Ривер изливается в море в том месте, где мягкия земли, покрытые лесами, отделяют озеро Поншартрен, от морского залива, называемого озером Борн, и можно думать, что вся эта низменная местность есть дельта, образовавшаяся из наносов Жемчужной реки. Форма этой дельты беспрестанно меняется, и «борозда», уносящая в море избыток вод озера Поншартрен, часто перемещалась: протекая у подошвы северных крутых берегов, канал этот подхватывает наносы Жемчужной реки и отбрасывает их вправо на южный берег.

Главные города Алабамы, с цифрой их населения в 1890 г.: Бирмингам—26.178 жит.; Мобиль—31.076; Монтгомери—21.883; Сельма—8.000.

10. Штат Миссисипи

Штат Миссисипи имеет почти такую же форму, как и его сосед Алабама: наибольшее протяжение его также с севера на юг, и в целом он представляет длинный четыреугольник, касающийся моря только частию южного берега; на юго-западе, он отделен от Мексиканского залива Луизианой; на западе, границу его составляет река, давшая ему свое имя. Разделенный на обширные плантации, которые до недавнего времени обрабатывались руками невольников, Миссисипи был штатом по преимуществу «хлопковым», да и теперь ещё хлопок составляет его главную культуру; в Соединенных Штатах нет более производительных земель для обыкновенных сортов этого волокна, чем *bottoms* или прибрежные низины по великой реке и её притокам. Эти обширные пространства аллювиального происхождения, простирающиеся в ширину, средним числом, на 80 километров, доминируются на востоке плос-

кими волнообразными возвышенностями, известковыми формациями, покрытыми в южной полосе сосной «с длинными иглами». Во время междоусобной войны плантаторы сеяли в восточных областях на прериях с легкой почвой пшеницу, для продовольствия войска, и по-

Ущелье Колорадо.

лучали обильные урожаи.

Несмотря на выгоды своих почвенных и климатических условий, Миссисипи, слишком исключительно остановившийся на одном роде производства, есть один из наименее богатых штатов; нельзя указать ни одной части Союза, которая была бы более бедна городскими по-

селениями; редкие города этого штата, за исключением Виксбурга, Меридиана и Начеза, представляют из себя земледельческие местечки.

Население Миссисипи в 1890 г.[1]: сельское—97,36%; городское—2,64%.

Земля относительно довольно раздроблена: в 1880 г. средняя величина площади «ферм» была 74 гектара. Промышленности в собственном смысле почти не существует, минеральные богатства подпочвы не разработываются. Увеличение числа жителей, между которыми африканский элемент составляет большинство, было ничтожно в последнее десятилетие. Иностранная иммиграция не направляется к этой области Америки. Впрочем, в конце семнадцатого столетия французы поселились на плоском берегу, принадлежащем к нынешнему штату Миссисипи, на острове Кораблей (ile aux Vaisseaux, Ship Island). В следующем году Ибервиль основал форт Билокси на материке; впоследствии, на том же берегу возникла колония Паскагула. Теперь эти бывшие французские поселения имеют некоторую важность только по своим устричным паркам и, в летнее время, по своим пляжам, служащим местами морского купанья.

Место штата Миссисипи между штатами и территориями Северо-Американской республики:

По пространству (46.810 кв. миль=121.238 кв. километр.)—31-е; по народонаселению в 1890 г. (1.284.887 жител.)—21-е; по километрич. плотности населения (10,6 жител.)—27-е; по производству хлопка—2-е.

В восточной части штата, на границах Алабамы, главный город—Меридиан, стоящий на водораздельной возвышенности между р. Томбигби и истоками р. Чиккасавга, одной из главных ветвей р. Паскагула. Так же, как Джаксон, столица, лежащая в центре штата, в пункте пересечения двух магистральных линий, Меридиан имеет значение только как земледельческий центр. На берегу Миссисипи самая деятельная пристань теперь городок Гринвиль, складочный пункт для сельскохозяйственных произведений богатой долины реки Язу; но по числу жителей первое место всё ещё занимает Виксбург, бывший Nogales («ореховый лес») испанцев, находящийся в сотне километров южнее, на обрывистой террасе левого берега Миссисипи. У основания берегового утеса, изрытого искусственными пещерами, где жили гражданские обитатели Виксбурга, во время осады[2], река ещё не так давно описывала в низменной равнине большую излучину, охватывавшую длинный лесистый полуостров; из предместья правого берега, Де-Сото, ныне уже не существующего, железная дорога, составлявшая продолжение рельсовых путей Предмиссисипья, направлялась к Мексике. Виксбург был тогда самой оживленной пристанью на Миссисипи между Мемфисом и Новым Орлеаном, недалеко от устья р. Язу: во время междоусобной войны он сделался также одною из сильнейших твердынь южной конфедерации. Федераты владели верховьями великой реки до штатов Тенесси и Арканзаса; весной 1861 года они владели также Новым Орлеаном и низовьями Миссисипи до Порт-Гудсона; но крепость Виксбург всё ещё держалась, и северяне могли довершить блокаду мятежной конфедерации с суши, с реки и с моря. Осаждающая армия выкопала ров в аллювиальной равнине, между двумя оконечностями полуостровного основания, но подпочва из твердой глины не поддалась размывающему действию вод Миссисипи, и надежда моряков, что им удастся подниматься и спускаться по реке, обходя батареи Виксбурга, не оправдалась. Пришлось приступить к правильной и трудной осаде. После продолжительного обложения, стоившего армии Севера 16.600 солдат, крепость сдалась, наконец, 3 июля, в тот самый день, когда была отражена последняя, отчаянная атака конфедератов в Пенсильвании. Несколько недель спустя, Порт-Гудсон пал, в свою очередь, и Миссисипи снова стал свободным. Со времени этих великих событий совершился важный факт в истории Виксбурга. Вследствие наводнения, Миссисипи покинул русло, которым дотоле следовал у подошвы береговых утесов, на которых расположен этот город, и переместился в брешь, находящуюся по близости того канала, куда армия Гранта тщетно пыталась напра-

1 „Census Bulletin“, № 52, April 17, 1891

2 Mark Twain, „Life on the Mississipi“.

вить его течение. Он проходит теперь в нескольких километрах южнее, и только с большим трудом, при помощи постоянного драгажа, успевают поддерживать правильное сообщение между отступившей рекой и бывшим портом.

На том же берегу Миссисипи, Начез, построенный на бугре, на высоте 60 метров, и занимающий сходное с Виксбургом положение, также ведет значительную торговлю посредством речных судов. Начез, сохранивший доселе имя индейского племени, прославленного Шатобрианом, есть древнейшее поселение штата. Со времени первых своих попыток колонизации, в 1716 г., французы построили форт Розали на месте, занимаемом ныне городом; но пришельцы не сумели поладить с прежними владельцами края, и начезы вынуждены были искать убежища у своих северных соседей, чиккасавов. Однако, они не избегли преследования Перье, губернатора Луизианы, который напал на них врасплох в 1730 г., перебил большинство их, а остальных сослал, в качестве невольников, на Французский мыс, между прочим, и род «Солнца»[1]. После разрушения города начезов, место это оставалось пустынным до конца восемнадцатого столетия, когда тут поселились каталонские колонисты. При американском режиме Начез вскоре сделался столицей среднего Миссисипи, но он в большой мере утратил свою относительную важность: это—город, пришедший в упадок, несмотря на его великолепное положение. На верху крутого берегового утеса, куда ведет рампа, высеченная в красноватом конгломерате, раскинуты тенистые бульвары, вдоль которых тянутся ряды домиков, обвешенных гирляндами цветов; приезжающие с севера путешественники видят здесь первые померанцевые рощи.

Города штата Миссисипи, с цифрой их населения в 1890 г.: Виксбург—13.373 жит.; Меридиан—10.624 жит.; Начез—10.101 жит.; Гринвиль—6.650 жит.; Джаксон—5.920 жит.

11. Миннесота

Между за-миссисипскими штатами, Миннесота, названный так от одной из его рек, занимает почти геометрический центр Северо-Американского континента; он лежит также в географическом средоточии, так как Миссисипи и Северная Красная река берут там свое начало, на «Высоте Земель», чтобы течь, в обратном направлении, к двум противоположным морям. На севере, штат этот граничит с Канадой, от которой его отделяет 49-й градус широты, Лесное озеро и целая цепь других озер до северного берега Верхнего озера; на востоке, реки св. Креста и Миссисипи образуют его границу с Висконсином; на западе, пределом ему, со стороны Северной Дакоты, служит течение Северной Красной реки, тогда как на юго-западе и на юге, со стороны Южной Дакоты и Айовы, он ограничен геометрическими линиями.

Холодный северный край, Миннесота был колонизован очень поздно. В 1805 г. федеральное правительство купило там у индейцев первый участок земли, и только в 1820 г. появились первые постройки, дома Форт-Снеллинга, при слиянии рек Миссисипи и Миннесоты. В 1822 г. выстроили мельницу в том месте, где ныне находится большой город Миннеаполис, но заселение шло так медленно, что почтовая служба началась только в 1832 г.; ещё в половине девятнадцатого столетия под культурой было всего только, в сложности, 750 гектаров; с этого времени иммиграция начала направляться к верхнему бассейну Миссисипи; в 1860 г. совокупность обработанных земель обнимала уже 175.475 гектаров. Площадь их не переставала увеличиваться с того времени, и недавно откупили землю, «reservation», на севере, принадлежавшую индейцам оджибуэ (чиппевам), чтобы ещё более облегчить успехи белой иммиграции. Почва Миннесоты, почти везде покрытая ледниковыми отложениями, пригодна в особенности для культуры хлебных растений, фруктовых дерев, овощей. Яблоки, земляника принадлежат к числу главных продуктов края. Северо-восточная часть штата, прилегающая к Верхнему озеру, очень богата железной рудой и другими металлами; но около границ Канады территория, гористая, усеянная болотами и озерами, остается почти непроизводительной. Белое население ещё весьма слабо отроилось в северной полосе Минне-

1 Gayarre, „Histoire de la Louisiane“.

соты; оттого-то в этой полосе и были нарезаны наделы, или «reservations», индейским племенам. Заселенная площадь Миннесоты связана с такой же площадью Манитобы, в Канаде, только верхним бассейном Красной реки.

Место Миннесоты между штатами и территориями Северо-Американского союза: по пространству (82.080 кв. миль=215.916 кв. километр.)—12-е; по народонаселению, в 1890 г. (1.300.017 жител.)—20-е; по километрической плотности населения (6 жит.)—33-е.

Город Миннесоты, лежащий на берегу «Fond du Lac», т.е. крайнего залива Верхнего озера, получил имя Дюлут (Duluth), в честь французского путешественника Greysolon de Luth, который первым посетил эти страны, в 1678 г., и которому удалось освободить францисканского монаха Геннепен, бывшего в плену у сиуксов. Основанный среди пустынь, на низменном пляже прибрежной террасы, Дюлут рос медленно до открытия железных дорог, которые, соединяя этот порт с городами верхнего Миссисипи и их обширными хлебородными районами, сделали его первоклассным рынком. Дюлут есть, внутри континента, начальный пункт судоходства в громадном бассейне Великих озер и реки св. Лаврентия, в 3.957 километрах от пролива Бель-Иль, и путь, которым командует этот город, открывается на восток к Западной Европе, с её портами, производящими колоссальные торговые обороты; недавно один из тех китообразных кораблей (whale-backs), которые строят в Сюпериер-Сити, филиальном порте Дюлута, хотя лежащем в штате Висконсин, отправился прямо из Верхнего озера в Англию с грузом зернового хлеба. Восточная оконечность этого озера отстоит всего только на 200 километров от другого жизненного пункта в организме Соединенных Штатов, того, где начинается судоходный путь Миссисипи, с громадной сетью его притоков. Дюлут есть, следовательно, один из естественных центров экономической жизни Северной Америки, и постройка одной из главных тихоокеанских железнодорожных линий, той, которая оканчивается в Такоме, на берегах Пэджет-Саунда, более чем удвоила его важность.

Движение судоходства по заграничной торговле в порте Дюлут в 1890 г.: 346 судов, общая вместимость—189.711 тонн; вывоз пшеницы в 1890 г.—8.750.000 гектолитров.

Узловой пункт трех магистральных путей Северной Америки, Дюлут развивался изумительно быстро в эти последние годы: фабрики и дома возникали сотнями и тысячами на берегу озера; соседния ломки гранита доставляют в изобилии материал для постройки города, его набережных и волноразбивателей. Одна из железных дорог, расходящихся лучеобразно вокруг Дюлута, проникает далеко в область ледниковых озер, к рудным месторождениям Тауэра.

В верхней равнине Красной реки, населенные места Фергюс-Фольс, Бреккенридж, Мургэд можно считать простыми деревнями. Города в собственном смысле основались лишь на берегах верхнего Миссисипи: таковы следующие один за другим, от верховья к низовью, города Брэнерд, Литль-Фольс и Сен-Клу, из которых последний населен частию канадскими французами. Миннеаполис, следующий затем, на левом берегу реки, немного выше устья Миннесоты, есть первый значительный город на верхнем Миссисипи. Водопады св. Антония доставляют этому городу огромную двигательную силу, исчисляемую в пятьдесят тысяч паровых лошадей, и которая вызвала к жизни многочисленные промышленные заведения, экспортные мукомольные мельницы, лесопильные заводы и разного рода мануфактуры.

Число экспортных мукомольных мельниц в 1890 г.: 25, перемалывающих около 12.250.000 гектолитров пшеницы; ввоз хлеба в зерне в 1891 г.:—18.095.000 гектолитр.; число лесопильных заводов в 1890 г.: 15, распиливающих леса на сумму около 150.000.000 франк.

Несколько мостов соединяют Миннеаполис с его предместьем на противоположном берегу, Сент-Антони (св. Антония Падуанского), старейшим поселением в этом крае; два гранитные острова, Геннепен и Николле, напоминают проход первых исследователей верхнего Миссисипи. Варварское имя города, полуиндейское, полугреческое, означает, говорят, «Город Воды», название, оправдываемое действительностью, так как он обязан своим существованием падению речного потока. По толкованию других этимологов, Миннеаполис есть сокращение имени Миннехахаполис, «Город смеющейся воды», данного, будто бы, в честь со-

седнего каскадика, воспетого поэтами Запада.

Миннеаполис и Сент-Антони, быстро разростающиеся, рано или поздно соединятся с городом Сент-Поль, лежащим километрах в сорока к востоку по извилистому течению реки, но всего только в 12 километрах,—от центра до центра,—по прямой дороге и по железному пути. Сент-Поль, столица штата и соперник Миннеаполиса по числу жителей,—город уже старый в сравнении с большинством других населенных мест Северо-Запада: основание его восходит к 1838 году, эпохе, когда там поселился один франко-канадец, некто Паран, по прозванию «Свиной глаз»; такое прозвище не понравилось, разумеется, и колония Свиного глаза (Oeil de Cochon, по-английски Pig's Eye) переименовала себя в поселение св. Павла. Развитие Сент-Поля и Миннеаполиса совершалось с такой быстротой, что в период жизни одного поколения эти города-близнецы опередили, по численности населения, большие прибрежные города Огайо, Цинциннати, Луисвиль, и даже Новый Орлеан, метрополию низовьев великой реки; вместе, они не уступают в этом отношении Сент-Луису. В разделении труда, Миннеаполис представляет в особенности промышленную деятельность, Сент-Поль—торговое движение. Построенный в начальном пункте судоходства по Миссисипи, этот последний город является складочным местом для произведений верхнего бассейна главной реки и её притока, реки св. Креста, спускающейся с прилегающих к Верхнему озеру высот; через Дюлутский порт он сообщается непосредственно со всей Канадой, с восточными штатами и с Европой. Его транспортный флот заключал, в 1889 году, около сотни пароходов и большое число шаланд, и вся эта обширная торговля, по водному пути и по железным дорогам, производится в городе недоконченном, с немощеными улицами, с домами, ещё окруженными каменоломнями. Но всё проектировано в огромных размерах: Сент-Поль занимает уже, на обоих берегах реки, пространство немногим меньше пространства, занимаемого Парижем, и одно из соседних озер доставляет ему ежедневно 200.000 кубич. метров превосходной воды. Наклонный мост, длиной 530 метров, спускается с высот города к предместью Уэст-Сент-Поль, на низменном южном берегу. Хотят соединить эти два города, Миннеаполис и Сент-Поль, в одну муниципальную общину под именем «Миннеполь», заимствованным из названий обеих составных частей. Форт-Снеллинг, вокруг которого предполагали сначала построить главный город верхняго Миссисипи, и который был оставлена ради его соседей, без сомнения, войдет со временем в состав этой большой аггломерации и сделается её естественным цептром.

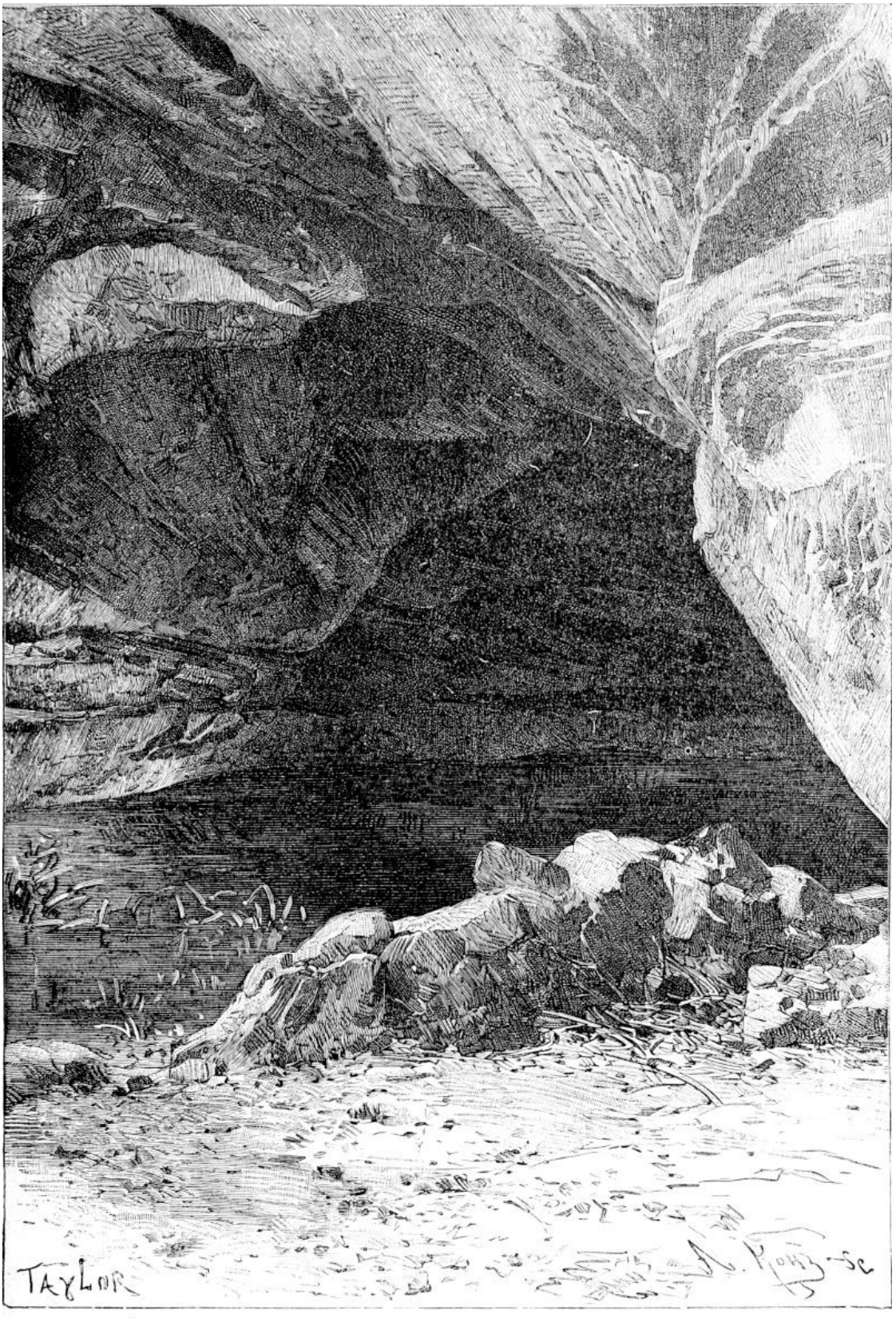
Ниже Сент-Поля, по берегу Миссисипи следуют один за другим несколько городов с очень оживленными пристанями: Гастингс, при слиянии рек св. Креста; Ред-Уинг, у северной оконечности озера Пепин; Вабаша, ниже того же озера и близ ручейка, воды которого считаются целебными. Ещё ниже по реке, город Винона, достигший цветущего состояния, есть один из важнейших в Соединенных Штатах рынков по торговле хлебом и досками. Стильватер, на реке св. Креста, выше озера того же имени, имеет большие фабрики и занимается распилкой леса, доставляемого из северной части штата, с берегов Верхнего озера.

Главные города Миннесоты, с цифрой их населения в 1890 г.: Миннеаполис и Сент-Антони—203.405 жит. (225.602 в 1899 г.); Сент-Поль—154.650 жит. (216.000 в 1899 г.); Дюлут—32.725 жит.; Винона—18.208 жит.

12. 13. Два штата Дакота

Дакота, земля Сиуксов или Да-Кота, т.е. «Союзников», которые прежде кочевали в этой стране, охотясь на лося и бизона, занимает обширное пространство, заключающееся между границей Канады и долиной реки Ниобрары, т.е. между 49 и 43 градусами широты. Недавно конгресс разделил её на два штата почти равной величины—Северную и Южную Дакоту, представляющих, тот и другой, фигуру четыреугольника, удлиненного по направлению с востока на запад. Северная Дакота (North Dacota) имеет естественную границу только на востоке, где течение Красной реки отделяет её от Миссисипи; река Миссури, следуя вдоль основания бесплодных высот «Coteau du Missouri», описывает большую кривую в юго-за-

падной части штата. Долины этих двух больших рек и долины их притоков, к которым иммиграция, очень незначительная до 1877 года, быстро устремилась с этой эпохи, представляют обширные пространства отличной пахотной земли, впрочем, часто страдающие от за-

Истокъ рѣки Канабъ-Вашъ.

сух; скудно орошаемые области пригодны только для скотоводства. Некоторые земельные участки, «reservations», были выделены для отвода их в коллективное пользование племенам, отделенным от главной массы нации; но самая большая из этих анклав, около форта

Бертольд, на северо-западе штата, на Большом Миссурийском плато, была открыта в 1891 г. колонизации, и переселенцы белой расы тотчас же бросились туда массами.

Место Северной Дакоты между штатами и территориями Северо-Американского союза: по пространству (70.795 кв. миль=201.113 кв. километр.)—16-е; по народонаселению в 1890 г. (182 425 жител.)—41-е; по километр. плотности населения (1 житель)—42-е.

Левый берег Красной реки, Red River, окаймлен городами, стоящими напротив города правого берега, принадлежащего к Миннесоте: Вапетон, Фарго, Гранд-Форкс— важнейшие между этими прибрежными городами. Пост Пембина, построенный в том месте, где Красная река выходит из американской территории и вступает в пределы Канады, находится близ слияния её с притоком Пембина. Через этот пограничный и таможенный пункт проходит почти всё торговое движение верхней области Миссисипи и канадской провинции Манитобы. Население его, состоящее главным образом из канадских метисов, происходит от траппе-ров Гудсонской компании, поселившихся в этом месте в конце прошлого столетия: Пембина, следовательно, есть старейшее поселение Дакоты.

Самый населенный пояс граничит с Миннесотой к востоку; однако, избранная столица лежит гораздо западнее, около центра штата: этому городу, построенному на левом берегу Миссури, жители его, немцы, скандинавы или американцы, дали имя Бисмарк (5.000 жителей); почти напротив, но немного выше по реке, расположена деревня Мандан, напоминающая индейское племя, теперь уже почти исчезнувшее, которое выделялось между всеми племенами необыкновенной утонченностью своих нравов. Северная тихоокеанская железнодорожная линия пересекает Миссури против Бисмарка.

Южная Дакота (South Dacota), перерезываемая с севера на юг течением Миссури и орошаемая несколькими другими реками, из которых одна, параллельная Миссури, носит то же имя, что и штат, Дакота-Ривер, также произвольно выкроена, как и Северная Дакота, в равнинах Запада; естественные границы она имеет только на северо-востоке, где река Миннесота отделяет её от одноименного штата, и на юго-востоке, где Большая река Сиуксов со стороны Айовы, река Ниобрара и средний Миссури со стороны Небраски, ограничивают её территорию. На западе, 104-й градус долготы, её общая с Монтаной и Уайомингом граница, проходит через массив Черных Холмов (Black Hills): эта часть территории, кажется, почти совсем неудобна для земледелия, но изобилует рудными месторождениями.

Ещё недавно почти вся западная половина Южной Дакоты была предоставлена в исключительное владение индейцев-сиуксов; за исключением маленького треугольника земель между двумя верхними ветвями реки Чийенн, обнимавшего массив Черных Холмов и его золотые прииски, они были признаваемы единственными собственниками всей части штата, ограничиваемой на востоке течением Миссури; они владели даже небольшим «наделом» (reservation) на левом берегу реки, между городами Пьер и Шамберлен, а на севере гарантированная им территория простиралась до реки «Пушечных Ядер» (Cannon Ball River). Главный надел сиуксов, заключавший 8.800.900 гектаров, делился на шесть округов, управляемых особым «агентством», с правительственными чиновниками, школьными учителями, медиками, кузнецами и столярами. Нация эта состоит из дюжины племен, имеющих каждое несколько подразделений и получивших различные наименования, то по месту жительства, то по административному центру округа или по какому-нибудь отличительному знаку. Самый могущественный из сиукских народцев—огалаллы, или «легкия рубахи»; индейцы эханк-то-уана или янктонцы, «стрельцы», оказали наибольшие успехи в земледелии и наилучше приспособились к новой среде, созданной соседством белых. Но самые эти успехи составляют преступление в глазах американцев, зарящихся на их земли. Трактат 1868 года водворил почти всех сиуксов в «резервации», и впоследствии федеральное правительство не терпело более ни одного краснокожего вне этих пределов. В 1891 г. средняя часть этой территории была отнята у индейцев президентским декретом, и толпа белых, действительных земледельцев или барышников, овладела этими землями; нет сомнения, что и другие отведенные сиуксам земли будут подобным же образом присвоены американцами в близком бу-

дущем. Знаменитые копи «трубочной глины», находившиеся на территории сиуксов, но на которые эти последние всегда смотрели как на общее достояние всех краснокожих, сделались уже собственностью бледнолицых. Более теплая, лучше орошаемая, более богатая хорошими землями и ближе лежащая к центрам торговли, Южная Дакота также и значительно гуще населена, чем северный штат.

Место Южной Дакоты между штатами и территориями Северо-Американского союза: по пространству (77.650 кв. миль=201.113 кв. километр.)—14-е; по народонаселению, в 1890 г. (327.848 жит.)—37-е; по километр. плотности населения (17 жителей)—39-е.

Главные местечки скучены в восточной части страны, на границах Миннесоты, в хлебородном районе. Промышленный город, Сиукс-Фольс, стоит на Большой реке Сиуксов (Big Sioux River), в том месте, где она спускается водопадами и потому представляет благоприятные условия для устройства экспортных мукомольных мельниц и фабричных заведений. Бывшая столица, Янктон, названная так по имени одного из дакотских племен, была основана близ юго-восточного угла штата, на левом берегу Миссури, всегда судоходном для пароходов в этой части своего течения. Выше, на той же реке, Чамберлен, Пьер, сменивший Янктон, в качестве оффициального главного города,—нарождающиеся города; бывший пост Пьер-Шуто, основанный среди индейцев для торга шкурами пушного зверя, занимал то самое место, где теперь стоит город Пьер. Внутри штата, Абердин обязан своим цветущим состоянием соединению в нём многочисленных железных путей. Бурение артезианских колодцев было удивительно успешно в Южной Дакоте. Во многих городах, в Янктоне, например, вода, происходящая из неровных глубин,—от 150 до 550 метров, бьет фонтаном с такой силой и в таком изобилии, что оказалось возможным утилизировать её для работы мукомольных мельниц и других заводов, а также для производства электрического света.

Другая группа белого населения направилась к юго-западной части штата, в богатые рудами долины Черных Холмов. В городе Дэдвуд, близ которого были найдены чрезвычайно богатые месторождения золота, население увеличивается или уменьшается, смотря по производительности рудников и золотопромывален. Там добывают также оловянную руду.

Главные города Южной Дакоты, с цифрой их населения в 1890 г.: Сиукс-Фольс—10.177 жит.; Янктон—3.670 жит ; Дэдвуд—3.235 жит.

14. Айова

Штат Айова, названный так от прежних его обитателей, айовасов, или «неуклюжих», следует непосредственно за Миннесотой на правом берегу Миссисипи. На востоке, длинный пологий скат спускается к великой реке; на западе, другая покатость, немного более крутая, имеет наклон к Миссури, течение которого разделяет штаты Айову и Небраску: самый высокий горб страны, между двумя бассейнами, достигает 150 метр. высоты. Прежде покрытая лесами, Айова сделалась теперь в большей части своего протяжения пахотным полем: по производству пшеницы и кукурузы она уступает только двум или трем штатам. Кроме того, Айова изобилует каменным углем и, так же, как Иллинойс и Висконсин, имеет залежи свинцовой руды, содержащей серебро. Полная сеть железных дорог позволяет эксплоатировать все её рессурсы, земледельческие и горнопромышленные; водопады доставляют промышленности необходимую двигательную силу. Население не заключает в себе более ни одного представителя тех индейцев, которые дали свое имя Айове, и франко-канадские пионеры, основавшие там первые поселения белых, не оставили по себе потомства, достаточно значительного, чтобы образовать отличные по языку группы населения; точно также германские и скандинавские иммигранты смешались с главной массой англо-американских колонистов. Айова росла в последнее десятилетие не так быстро, как окружающие её штаты.

Место Айовы между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (57.025 кв. миль=145.105 кв. километр.)—25-е; по народонаселению, в 1890 году (1.911.896 жит.)—10-е; по километрич. плотности населения (13 жител.)—21-е.

Дюбюк, главный город Айовы на Миссисипи, есть древнейшее городское поселение шта-

та, одно из первых, основанных на Западе: в 1788 г. один канадский торговец, Жюльен Дюбюк, соорудил себе хижину в этом месте, среди индейцев Мешков; он был прогнан, но потом вернулся и научил своих хозяев искусству разрабатывать залежи свинцовой руды. Колонизация в собственном смысле началась только в 1833 году, после уступки территории туземцами. Дюбюк, построенный на террасе и на скатах холма, находится против административной границы, отделяющей Висконсин от Иллинойса: таким образом мост, перекинутый через Миссисипи, соединяет три штата. Так же, как Галина, его иллинойсский сосед, город этот разрабатывает свинец и цинк, но речная торговля с Сент-Полем и Сент-Луисом и различные заводские производства получили преобладающее значение. Дюбюк снабжается очень чистой и очень обильной водой, доставляемой ему подземным озером.

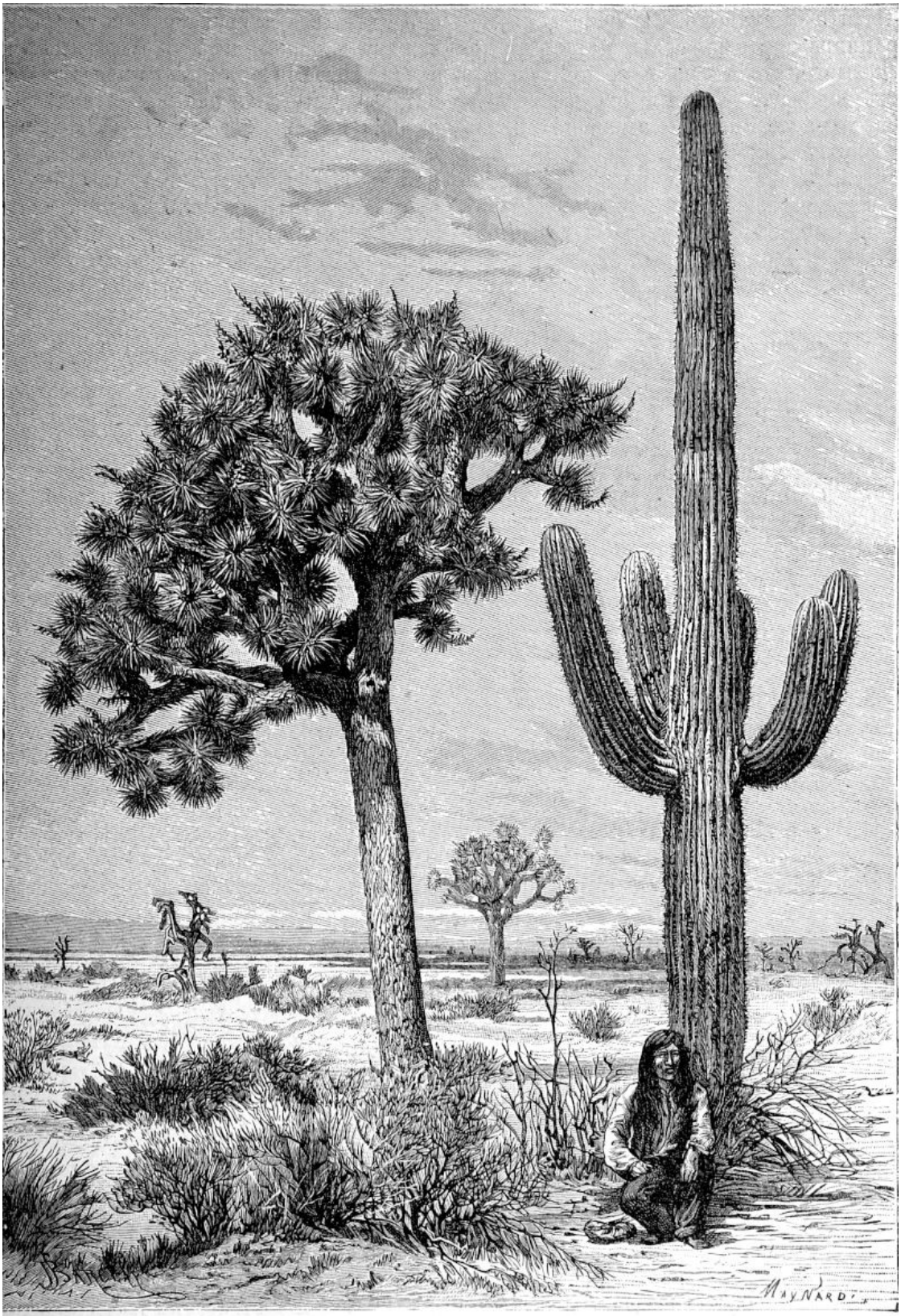
Давенпорт, другой прибрежный город на Миссисипи, занимает положение, где обязательно должен был возникнуть город у порогов реки, делающих необходимой перегрузку во время больших засух: иногда километров на 30 кверху судоходство бывает затруднительно. Благодаря прекрасному мосту через Миссисипи, Давенпорт составляет в действительности один город с Рок-Айлендом и Молином, лежащими на противоположном берегу, в пределах Иллинойса. Ниже по реке, Мюскатин, построенный на крутом изгибе течения, служит складочным местом для продуктов, посылаемых ему из боковой долины Ред-Седар, где находятся промышленные города Седар-Фольс и Седар-Рапидс. Ещё ниже открывается долина реки Айовы, главный город которой, Айова-Сити, был столицей с 1839 по 1855 год; в бывшем дворце законодательного собрания теперь помещается университет. До Айова-Сити законодательным и административным центром был Борлингтон, лежащий в юго-западном углу штата, на берегу Миссисипи; он доселе остается одним из важнейших промышленных и торговых городов Запада, между Сент-Полем и Сент-Луисом.

Нынешняя столица, Демуан (Des Moines или Desmoines, по американскому произношению, Димойн), была построена на бывшем месте сходок, принадлежавшем индейцам племени этого имени. После изгнания туземцев, американцы воздвигли форт при слиянии рек Демуан и Ракун, и новое поселение за его центральное положение в штате было выбрано в столицы; с тех пор оно заняло место в ряду больших городов, благодаря соединению в нём, как в узловом пункте, многочисленных железных дорог. Ниже, река Демуан, спускаясь по прямой линии к юго-востоку, проходит мимо Оттумвы, чтобы соединиться с Миссисипи, у оконечности штата. На полуострове, образуемом слиянием, стоит город Кеокук, или «Лисицы настороже», названный так по имени одного индейского вождя, дружественного белым. Так же, как Давенпорт, Кеокук расположен ниже порогов, трудных для подъема пароходов; теперь прорыт канал, длиной около 13 километров, для обхода известкового порога, по которому скользил поток, с общим падением в 7 с половиной метров. Вынужденная остановка судоходства дает этому городу исключительную важность, как пароходной пристани и складочному торговому пункту. Промышленный центр своими чугунолитейными заводами и экспортными мукомольными мельницами, Кеокун выдвигает свои предместья за пределы штата, на юг, в Миссури,—Александрией, на восток, в Иллинойс,—Варшавой. Железнодорожный мост, опирающийся на скалистый остров, переходит Миссисипи против Кеокука.

В противоположном углу штата недавно народился новый город, Сиукс-Сити, метрополия северо-западной части Айовы. Помещенный на левом берегу Миссури, тотчас ниже его слияния с Биг-Сиукс-Ривер, он притягивает к себе торговлю очень обширной области в Южной Дакоте и Небраске; ни один город Айовы не развивается быстрее по деятельности и по численности населения; за десятилетие 1880—90 гг. число жителей более, чем упятерилось. Каунсиль-Блуфс, лежащий гораздо ниже, на том же берегу реки Миссури, имеет более длинную историю: даже ранее его основания историки знали место, где он находится: это был береговой «бугор совета», где собирались индейские племена прерий Великого Запада[1]. Мормоны построили там деревню во время своего переселения в 1846 г. Каунсиль-Блуфс прежде был продовольственным пунктом, где запасались всем нужным военные и торговые

1 Lewis and Clarke, цитиров. сочинение.

экспедиции, предпринимавшиеся к Скалистым горам и Новой Мексике. Теперь это одна из главных станций на тихоокеанской железной дороге; два моста, проведенные через реку и её широкий песчаный берег, соединяют этот город с его могучим соседом Омагой. В юго-запад-

Кактусы.

ном углу штата, близ Корнинга, находится маленькая община французских социалистов, остаток Икарии, основанной Кабэ в 1849 году, почти полстолетия тому назад. Между Айова-Сити и Демуаном, немецкие коммунисты сгруппировались в более цветущую колонию, на-

зываемую Амана и состоящую из четырех деревень, которые окружены волнистыми холмами, покрытыми прериями, полями и фруктовыми садами.

Значительнейшие города штата Айова, с цифрой их населения в 1890 году: Демуан (Димойн)—50.093 жит.; Сиукс-Сити—37.806 жит.; Дюбюк—30.311 жит.; Давенпорт—26.872 жит.; Борлингтон—22.565 жит.; Каунсиль-Блуфс—21.474 жит.; Седар-Рапидс—18.020 жит.; Кеокук—14.101 жит.

15. Небраска

Река Небраска, или Платт, дала свое имя штату, который она перерезывает с запада на восток рядом длинных излучин. Ограничиваемый на северо-востоке и на востоке рекой Миссури, штат этот не имеет других границ, кроме геометрических линий. Это длинный параллелограм, выкроенный в степной области, постепенно поднимающейся от долины Миссури к основанию Скалистых гор: около западной оконечности, некоторые предгорья лежат уже в его пределах, и изрытые оврагами плато «Худых Земель» (Bad Lands) показывают там свои террасообразные цирки, свои куполы и пирамиды. На севере, гряды дюн занимают обширную территорию; промежутки аллювиальных низин представляют из себя безлесные степи, требующие орошения, чтобы сделать почву их плодородной. Небраска—специально земледельческий край; однако, промышленность тоже прогрессирует там, по мере развития сети железных дорог. Благодаря счастливому положению Небраски на главном торговом пути между востоком и западом Союза, население этого штата возрастает очень быстро; оно состоит почти исключительно из людей белой расы, англо-американцев или европейских переселенцев.

Место Небраски между штатами и территориями Северо-Американского союза: по пространству—(77.510 кв. миль=200.751 кв. километр.)—15-е; по народонаселению, в 1890 году (1.056.793 жит.)—26-е; по километрической плотности населения (5 жит.)—34-е.

Несколько узких полосок земли, островки, окруженные захватывающим морем колонистов, были предоставлены в пользование индейцам.

Такова была энклава сантисов, сиукского племени, числом около семисот человек, которые, как принимавшие участие в миннесотской резне в 1863 году, были водворены на жительство в этом месте и в конце концов смешались с белым населением: они сделались американскими гражданами, и каждый из них имеет отдельный участок земли, который он может продать или обменить; значительная часть этой индейской территории принадлежит уже бледнолицым.

Омага, бывшая столица Небраски, основанная в 1854 году, остается самым многолюдным городом штата, благодаря своему выгодному положению на берегу Миссури, насупротив Каунсиль-Блуфса, и в месте наиболее посещаемого перехода через эту реку; легкость её сообщений доставила ей одно из первых мест между промышленными и торговыми городами и третье место по убою скота. Опоясывающие её два рельсовых пути соединяются с тринадцатью железными дорогами, расходящимися ко всем точкам горизонта. Другой город, Южная Омага (South Omaha), где находятся огромные скотные парки, соперничает с нею по размерам торгово-промышленной деятельности.

Нынешний главный город Небраски, Линкольн, лежащий во внутренних равнинах, появился почти внезапно среди прерии: в 1867 году построили первые дома; в следующем году он уже сделался столицей штата, его порт на Миссури, в 80 километрах к востоку, принял имя Небраска-Сити. Платсмут, «Устье Платты» (т.е. Небраски), откуда действительно видно, в 3 километрах выше, слияние этой реки с Миссури,—тоже важная пристань. Беатриса, к югу от Линкольна, получила прозвище *Queen of the Blue*, которым она обязана своим положением на реке Биг-Блю, одном из северных притоков Канзаса. Около центра штата, важнейшие торговые города—Гранд-Айленд и Гастингс.

Главные города Небраски, с цифрой их населения по переписи 1890 г.: Омага и Южная

Омага—148.514 жит.; Омага с Каунсиль-Блуфсом (Айова)—196.000 жит.; Линкольн—55.491 жит.; Беатриса—13.836 жит.; Гастингс—13.584 жит.

16. Миссури

Река Миссури окаймляет на северо-западе, затем пересекает штат, которому она дала свое имя, а река Миссисипи ограничивает его на востоке, с севера на юг, отделяя его от Иллинойса. Напротив Миссурийской территории также и Огайо соединяется с главной рекой. Следовательно, Миссури находится в истинном гидрографическом центре американской территории. Самое положение его сделало его одною из тех областей, из-за которых происходили наиболее ожесточенные споры между северными и южными штатами. Когда жители Миссури, управляемые малочисленной аристократией плантаторов, потребовали допущения их территории в Союз, они не хотели согласиться на отмену рабства, как то было условлено предшествовавшими соглашениями, и спор дотого обострился, что можно было опасаться, как бы дело не дошло до кровавой борьбы. Наконец, был подписан «миссурийский компромисс», по которому новый штат вступал в конфедерацию с сохранением рабовладельческого института, но под условием, чтобы невольничество никогда не было вводимо в другие территории, лежащие к северу от 36°30’ широты. Тем не менее, борьба возобновилась в первые годы колонизации Канзаса, и когда вспыхнула междоусобная война, армии Севера и Юга не раз сталкивались в южном Миссури.

К северу от реки Миссури, равнины, составляющие продолжение айовских формаций ледникового происхождения, почти совершенно ровны, едва волнисты, тогда как на юге от могучей реки горы Озарк и затопленные земли разнообразят вид страны. Почти вся поверхность штата годна для культуры, и произведения земледелия составляют его главное богатство: однако, каменноугольные копи и железные, свинцовые, цинковые рудники приобретают всё более и более важное значение, и большие города становятся мануфактурными центрами. Население, очень смешанное, вследствие двух потоков иммиграции, направлявшихся к Миссури из свободных и из рабовладельческих штатов, заключает в себе более 150.000 негров; немцы имеют численный перевес над всеми другими иностранцами: в 1890 г. общее число их, вместе с их потомством, простиралось до восьмисот тысяч душ. Чистые аборигены исчезли, но метисы ещё многочисленны между французскими жителями. В 1803 г., когда Миссури, в то время один из округов Луизианы, был уступлен Соединенным Штатам, там насчитывалось около семи тысяч постоянных жителей.

Место Миссури между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (69.415 кв. миль=179.785 кв. километр.)—17-е; по народонаселению, в 1890 г. (2.679.184 жителей)—5-е; по километрической плотности населения (15,2 жител.)—17-е; по добыче цинка (93.131 тонна в 1890 г.)—1-е; по добыче свинца (44.482 тонны в 1890 г.)—2-е.

Несколько оживленных городов следуют один за другим на миссурийском берегу выше слияния: таковы Аннибал и Луизиана. Более важны прибрежные города Миссури, находящиеся на западной границе. Один из них, Сент-Джозеф, является одним из главных узловых пунктов для железных путей Замиссисипья; однако, эра железных дорог лишила его специальной роли, которую он прежде играл, как исходный пункт и главное депо караванов, приготовлявшихся к переходу через пустыни Запада к Скалистым горам. Близ правого берега Миссури, но там, где река уже вступила на территорию штата, деревня Индепенденс играла подобную же роль для организации торговых караванов, направлявшихся на юго-запад, к Новой Мексике; в этом месте тогда находился передовой пост американской цивилизации на границах пустыни. И теперь одно из главных городских поселений американского Запада, Канзас-Сити, лежит в нескольких километрах к западу от Индепенденс, на юг от слияния двух рек—Миссури и Канзаса. Канзас-Сити оффициально состоит из двух городов, разделенных условной чертой: одного, большего, в штате Миссури, другого—в штате Канзас. Восточная часть этого двойного города—по преимуществу торговая, западная—по преимуществу промышленная: в окаймляющих реку лощинах, через которые построены ве-

ликолепные путеводы, сгруппировано более сотни промышленных заведений, машиностроительных фабрик, чугунолитейных заводов, боен, соединенных между собой обширной сетью рельсов. Канзас-Сити соперничает с Чикаго по приготовлению мясных консервов: в 1890 г. более 108.000 вагонов привезли туда 2.890.000 свиней и 1.550.000 голов крупного рогатого скота.

Столица штата, Джефферсон-Сити, не имеет других выгод, кроме своего прекрасного положения на террасе, господствующей над широкой долиной Миссури, с её излучинами, лесистыми островами и песчаными мелями; но хотя помещенная в центральной области, она остается в стороне от великого движения. Жизнь устремляется на запад к Сент-Джозефу и Канзас-Сити, на восток—к Сент-Луису. Этот большой город, до недавнего времени соперник Чикаго, но ныне далеко опереженный, долго лелеял мечту сделаться столицей Соединенных Штатов. В самом деле, его географическое положение необыкновенно счастливое. Богатый своими земледельческими рессурсами и сокровищами, заключающимися в его каменноугольных копях, залежах свинцовой руды и железных горах, Сент-Луис обладает ещё другими элементами богатства в великолепных торговых путях, которые открывают ему река Миссисипи и её притоки. Он занимает ту часть континента, где поперечная впадина, простирающаяся от Скалистых до Аппалахских гор, от истоков Миссури до истоков Огайо, пересекает под прямым углом продольную долину Миссисипи. Там сходятся четыре ветви, образуемые великой речной системой: на севере, верхний Миссисипи, исток которого выходит из пустынного озера, окруженного мхами, низкой травой и унылыми сосновыми лесами; на юге, нижний Миссисипи, протекающий по аллювиальным землям, изобилующим почти тропическими произведениями; на западе, Миссури, проходящий из рудных местностей Иеллостона и Колорадо; на востоке, Огайо, орошающий густо населенную область, усеянную городами и фабриками. Река Иллинойс, впадающая в Миссисипи немного выше Миссури, направляет также к Сент-Луису произведения Мичигана и Канады. Ко всем этим естественным путям прибавились ещё железные дороги, пересекающиеся в этом географическом центре Соединенных Штатов. Правда, Сент-Луис лежит не в самом геометрическом средоточии: пространства запада и юга обширнее пространств востока и севера; но *Far West*, в целом, состоит из земель менее плодородных, менее годных для культуры, более холодных, чем земли атлантической половины, и северные штаты имеют гораздо более здоровый климат, чем южные. Однако, одна важная причина помешала Сент-Луису воспользоваться всеми своими естественными выгодами: это невольничество негров. Помещенный близ границы, составлявшей предмет спора между свободными и рабовладельческими штатами, миссурийский город был, в течение полувековой борьбы партий, обегаем с недоверием многочисленными иммигрантами, направлявшимися на запад.

Французская деревня, когда Лаклед основал его в 1764 г., спустя сорок один год после постройки форта Орлеан, лежащего западнее, при слиянии рек Озедж и Миссури, Сент-Луис теперь совершенно американский город. Большинство его жителей, канадского происхождения, не говорят более языком своих предков; даже французские имена соседних местностей были изменены англо-саксонским произношением: так, деревня «Vide-Poche», куда молодые люди ходили спускать в питейных домах свои маленькия сбережения, преобразилась в устах американских иммигрантов в White Bush, или «Белый Куст», и теперь образует квартал Каронделет, включенный в южную часть города. Немцы составляют, после англо-американцев, самый многочисленный элемент в Сент-Луисе: нигде, за исключением южной Пенсильвании и Мильуоки, они не остались более солидарными и более верными своему языку; в муниципальных и политических выборах их влияние часто одерживает верх.

Город расположен вдоль правого берега Миссисипи, километрах в двадцати к югу от соединения этой реки с Миссури, и на двух террасах, поднимающихся одна над другой, как две внешния ступени плоскогорья. В эпоху, когда Лаклед и его спутники соорудили свои хижины, служившие меновым двором, этот поселок находился слишком в 30 километрах к югу от слияния; но в течение столетия город удивительно разросся, особенно в северном

направлении; на юге, утесы, высящиеся на берегу Миссисипи, за глубоким оврагом реки Отцов, остановили расширение его в эту сторону; лагерь и казармы, называемые Джефферсоновыми бараками, доселе ещё занимают эти высоты. В 1888 г., Сент-Луис тянулся вдоль реки на 26 километров, а общая ширина его с востока на запад превышала 10 километров: вся совокупность города обнимала площадь в 16.100 гектаров, т.е. слишком в два раза большую, чем Париж в его нынешней городской черте. Следовательно, пространство, занимаемое Сент-Луисом, с избытком достаточно для его полмиллионного населения; правда, что восемнадцать общественных парков, из которых один имеет не менее 550 гектаров, рассматриваются как часть города, так же, как огромные площади, занятые под мастерские и станции железных дорог; элегантные кварталы, окруженные садами и маленькими парками, простираются, в западной стороне города, на широком поясе волнообразных и лесистых земель. Великолепный мост, один из красивейших в свете, служащий в одно и то же время для движения железнодорожных поездов, экипажей и пешеходов, соединяет Сент-Луис с его иллинойсским пригородом, Восточным Сент-Луисом (East Saint Louis). Этот виадук, построенный под руководством инженера Идс, того самого, который впоследствии сумел пробить бар Миссисипи и открыть его самым большим судам, имеет огромную длину 1.991 метр, считая и ту часть памятника, где арки поддерживаются твердой землей; но собственно мост, состоящий из трех стальных пролетов, в виде изящной дуги, возвышающихся на 50 метров над поверхностью потока, имеет всего только 650 метров от берега до берега. Мост этот имеет свое имя в истории индустрии, по причине многих новых способов, которые были впервые применены при его постройке. С той поры соорудили ещё другой путевод, выше по реке, называемый «Купеческим мостом».

В течение полустолетия, следовавшего за его основанием, Сент-Луис был не более, как пост торговли мехами. В 1800 г., эпоху, когда население города ещё не превышало тысячу душ, он отправил около 160.000 оленьих и 37.000 бобровых шкур, но по мере заселения края произведения земледелия постепенно заменяли продукты звероловства. Метрополия Миссури делалась большим центром по экспорту хлеба в зерне и муке, и теперь она соперничает с Чикаго в этой отрасли торговли (в 1887 г. из Сент-Луиса было вывезено: 1.390.000 гектолитров пшеницы и 2.575.000 гектолитр. кукурузы); со времени междоусобной войны он сделался также складочным местом для арканзасского хлопка. Главные промышленные заведения—пивоваренные заводы, утилизирующие ячмень соседних штатов. Один из этих заводов, строения которого покрывают площадь в 12 гектаров, занимает 1.200 рабочих, и производимое им пиво вывозится в больших количествах на Антильские острова, в Южную Америку и в Австралию (производство пива в Сент-Луисе в 1887 г.: 1.950.914 гектолитров). Сент-Луис имеет также обширные экспортные мукомольные мельницы и рафинадный завод, один из величайших в свете, перерабатывающий сахар из Луизианы, с Сандвичевых островов и частию из Гаванны и Матанзаса (на о. Кубе). Чугуннолитейные и другие металлургические заводы располагают рудами, доставляемыми из внутренних округов штата, и углем из Иллинойса; наконец, в Сент-Луисе сосредоточена фабрикация зеркал, и один из городов его обширного городского округа, Кристал-Сити, лежащий в полсотне километров к югу, тоже на правом берегу Миссисипи, прозвали «американским Сен-Гобэном». Грузовое движение по реке и железным дорогам представляло в 1887 году громадный итог в 14.360.000 тонн; немногие из приморских городов могут похвалиться более значительными торговыми оборотами. Сент-Луис занимает также видное место между университетскими и научными центрами. Два из его высших учебных заведений приняли титул «университета», а одна из его главных школ, посвященная специально ботанике, обладает прекрасными ботаническими садами.

Местечки Восточный Сент-Луис, Бруклин и бывшие французские колонии Кагокиа и Прери-де-Пор, лежащие против Сент-Луиса на Иллинойсской территории, не причастны его цветущему состоянию в такой мере, в какой этого можно бы было ожидать: громадные железнодорожные станции и пристани, склады, скотные парки занимают всё соседнее с местом пространство, заключая в своих сетях рельсовых путей дымные кварталы, населенные ис-

ключительно рабочими компаний. Далее, равнина расстилается в виде обширного цирка наводнения, где Миссисипи оставил многочисленные следы своего пребывания: озера, болота и ложные реки. Выше по течению, плотины ограждают равнину от новых вторжений реки: там и сям среди равнин стоят горки, земляные насыпи, сделанные некогда индейцами. Ряд деревень выстроился полукругом на краю террас, ограничивающих на востоке болотистую область. Сен-Шарль, или Сент-Чарльз, бывший французский городок, на берегу Миссури, может быть рассматривает как тет-де-пон Сент-Луиса в месте перехода через реку.

К югу, Сент-Женевьева (по-французски Sainte-Genevieve, по-английски Saint Genevieve), город некогда более важный, чем Сент-Луис, и Кэп-Жирардо имеют лишь незначительную торговую деятельность и только напоминают первых колонистов миссисипских берегов. Начало города св. Женевьевы относится к 1763 году: французы противоположного берега, в то время довольно многочисленные, частию эмигрировали, чтобы не оставаться на английской территории, и основали новое поселение, но слишком близко к реке; чтобы избегнуть наводнений, им пришлось перенести его дальше внутрь материка[1]. Соляные источники Сент-Женевьевы прежде имели весьма важное торговое значение. Нью-Мадрид, который испанское правительство населило акадскими французами, искавшими убежища в Новом Орлеане, представляет из себя скромное местечко, где не видно даже следов плана, долженствовавшего сделать из Nueva Madrid «красивейший город в мире»[2]. Внутри штата, некоторые города, занимающие менее благоприятное положение для торгового обмена, но более богатые своими рудными или земледельческими произведениями, каковы Седалиа и Спрингфильд, на много опередили эти первые поселения французских авантюристов. Две главные группы рудников в южном Миссури—«Железные Горы» (Iron Mountains), в 125 километрах к югу от Сент-Луиса, и свинцовые и цинковые рудники, центр которых занимают Джоплин и Гранби, в юго-западном углу штата. Айорнтон (Ironton), главный центр железопромышленного округа, о баснословном богатстве которого знали уже французские колонисты прошлого столетия, не развился в большой город, так как добываемая руда, месторождения которой теперь, впрочем, почти не разрабатываются более, отправлялась прямо на заводы Сент-Луиса. Что касается Джоплина, где производится главная разработка залежей свинца и цинка, то он вырос почти незванно и сгруппировал в своем округе свыше пятидесяти тысяч жителей; многочисленные горные заводы перерабатывают на месте добываемую там руду. Добыча цинка в Джоплине представляет три четверти всей добычи Соединенных Штатов и около одной седьмой количества этого металла, добываемого во всём свете.

Главные или исторические города Миссури, с цифрой их населения в 1890 году: Сент-Луис (Сен-Луи)—451.770 жит.; Сент-Луис с Ист-Сент-Луис (Иллинойс)—466.939 (623.000 в 1899 г.). Канзас-Сити (Миссури)—132.716; Канзас-Сити с Канзас-Сити (Канзас)—170.687 (200.000 в 1899 г.); Сент-Джозеф—52.324; Спрингфильд—21.850: Седалиа—14.068; Ганнибал—12.857; Джоплин—9.943; Джефферсон-Сити—6.742; Индепенденс—6.380; Сент-Чарльз—6.161; Кэп-Жирардо—4.297 жит.

17. Канзаз

Западная граница штата Миссури отделяет его от Канзаса; для этого последнего штата это единственная граница, которая частию обозначена естественной чертой—долиной реки Миссури. Все другие демаркационные линии были указаны геодезией: на севере, со стороны Небраски, 40-й градус широты, на западе, к Колорадо, 102-й градус долготы (от Гринвича), на юге, к Индейской территории, 37-й градус широты. Река, давшая свое имя штату, пересекает его с запада на восток, и наибольшая часть её бассейна находится в пределах этого штата; кроме того, в юго-западной области протекает река Арканзас. Волнистая равнина Канзаса постепенно поднимается к западу: имея около 200 метров высоты на берегах Миссури, она достигает тысячи метров на границах Колорадо. Ложбины, пробегаемые реками, очень

1 Perrin Dulac, „Voyage dans les Deux Louisianes“.

2 General Milfort, „Memoires“.

широкия и лесистые, прерывают, местами, гладь степей, представляя железным дорогам готовые выемки у подошвы боковых бугров. Пространство, занимаемое ныне штатом Канзас, прежде обозначалось на картах как «Американская пустыня»; теперь оно уже не заслуживает этого названия, однако, засухи там иногда бывают довольно продолжительны и грозят неурожаем. С 1888 до 1890 г. население Канзаза уменьшилось, именно[1]: по переписи, произвед. правительством штата в 1888 г.: 1.518.552 жит.; по переписи, произв. правительством Союза в 1890 г.: 1.427.096 жит.

В то время земледельцы эмигрировали массами; часто также посевы сильно страдают от нашествия саранчи. В урожайные годы Канзас занимает одно из первых мест между штатами по производству зерновых хлебов и сена: в 1890 г. ценность жатвы представляла миллиард франков. Почва, почти везде состоящая из пахатных земель, годна для всех культур, свойственных среднему умеренному поясу; между прочим, там сеют сорго для приготовления сахара (производство сахара в Канзасе в 1891 г.: 1.350.000 килограмм.). Канзас имел бы право, как и Миссури, называться центральным штатом: тогда как последний занимает гидрографическую середину Соединенных Штатов, первый находится в геометрическом центре, недалеко от оси Миссисипи; памятник, стоящий близ города Форт-Рили, при слиянии двух рек, Смоки-Гилль и Репюбликан, образующих реку Канзас, указывает приблизительно средоточие Соединенных Штатов, не считая Аляски. Канзас прозвали также *Sunflower State*, «штатом Подсолнечника», за цветы, которыми изобилуют его прерии. Великолепные ореховые деревья, росшие по берегам реки Канзас, были вырублены в первые же годы колонизации и употреблены на столярные работы.

Поздно вступивший в Союз, Канзас с самого начала сделался полем битвы между плантаторами-рабовладельцами и аболиционистами Севера: его называли тогда *Bleeding Kansas*, «Кровавым штатом», и избиратели приходили к урне с билетиком в одной руке, с кинжалом в другой. «Миссурийский компромисс» запрещал, правда, введение невольничества в этой территории, но так как этот договор был разорван в конгрессе, то землевладельцы Миссури хотели завоевать новую область. Можно было опасаться, что они успеют в своем намерении, находя поддержку в тогдашнем федеральном правительстве и располагая, кроме того, вооруженными бандами, *border ruffians*, или «пограничными бандитами», которых они посылали в Канзас фальсифицировать выборы и даже разрушать деревни своих врагов. Наконец, после кровопролитных схваток, предшественников общей войны, Канзас был принят в число свободных штатов и быстро пошел по пути преуспеяния. Кроме своих земледельческих богатств, край этот обладает очень обширными залежами каменного угля и кое-какими рудными рессурсами,—свинец и цинк,—особенно около юго-западного угла, в долине реки Неошо. Между сельским населением Канзаса довольно много франко-канадцев. Одна французская колония, заключающая десятка четыре семейств, существует ещё в самом сердце Канзаса, как этнографический островок[2]. Фермы их разсеяны в долине Коттонвуд, между деревнями Флоренс и Коттонвуд-Фольс, на реке Неошо, притоке Арканзаса.

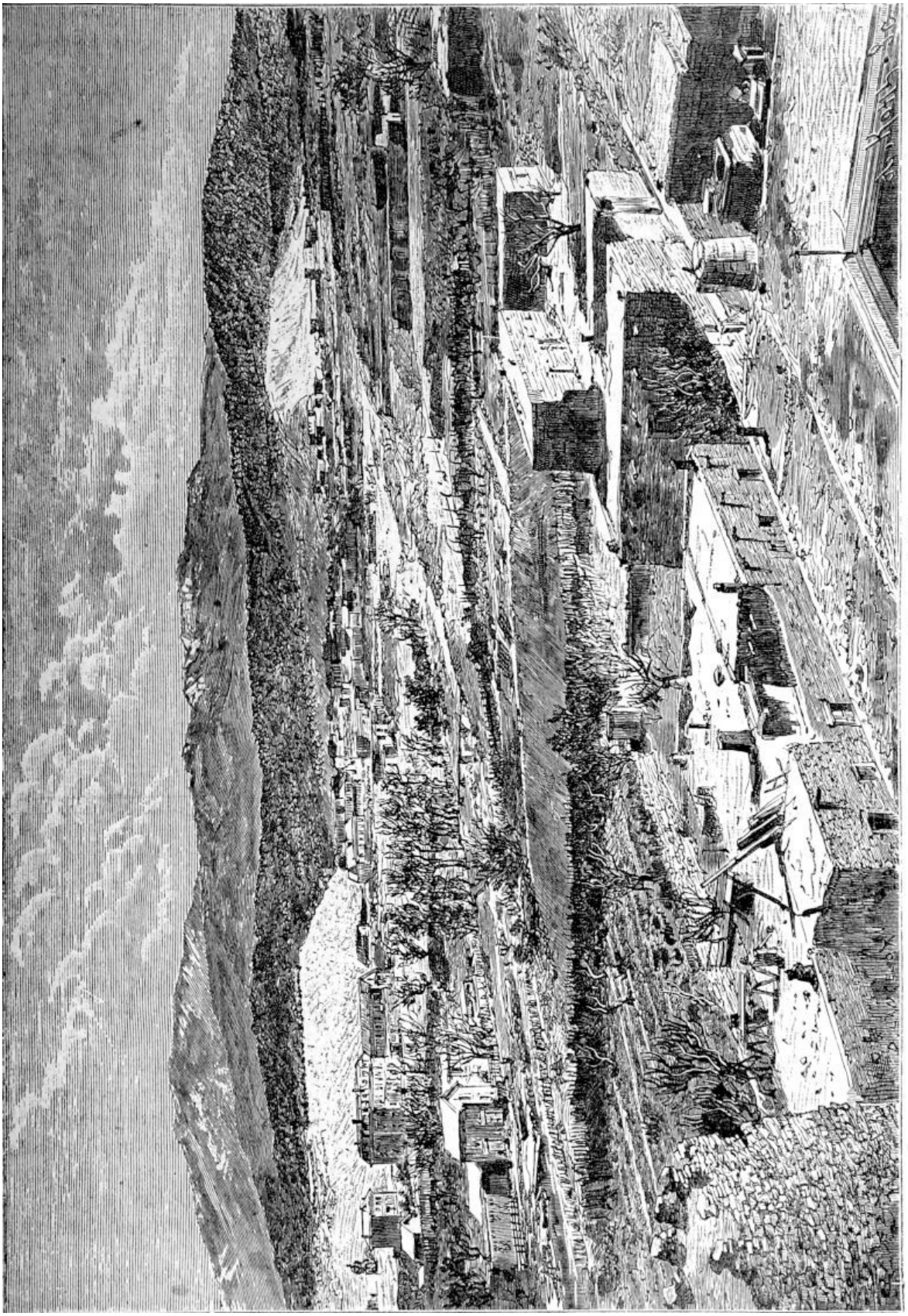
Место Канзаса между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (82.080 кв. миль=213.587 кв. километр.)—13-е; по народонаселению в 1890 году (1.427.096 жит.) 19-е; по километр. плотности населения (6,6 жит.)—32-е.

Население скучено главным образом в восточной части штата, на берегах Миссури и нижнего Канзаса. Города Атчисон и Ливенворт занимают сходное положение на правом берегу Миссури, и со своих высоких береговых бугров командуют широкими долинами, где извивается могучая река. Близ Ливенворта находится форт, построенный в 1827 году, ранее того времени, когда пионеры земледелия перешли реку Миссури. Пост этот, где организовались оборона Запада от нападений индейцев и снабжение продовольствием дальних гарнизонов, был исходным пунктом многочисленных научных экспедиций в Скалистые горы: оттого имя «Форт Ливенворт» часто встречается в географических документах до половины

1 „Census Bulletin“, № 22, 1891.

2 Emilie Firmin, „Le Kansas en 1889“.

настоящего столетия. После утраты им всякого стратегического значения, Ливенвортское укрепление было выбрано как местопребывание школы и исправительной тюрьмы для солдат. Напротив Ливенворта через реку построен мост, одно из лучших мостовых сооружений

Санта-Фэ, столица Новой Мексики.

в Соединенных Штатах. Вдоль Миссури правительство владеет значительным участком земли, около 150 кв. километров, где организовано коннозаводство, воспитывающее тысячи лошадей и мулов.

Столица штата, соперница Ливенворта по торговому значению и в эти последние годы опередившая его по численности населения, стоит на южном берегу реки Канзас, продолжаясь, на противоположном берегу, большим предместьем; индейское имя её, Топека, производят от названия дикого картофеля, обильно растущего в низких местах долины. Город Лоренс, построенный ниже, почти на полдороге от слияния, замечателен как «исторический город» Канзаса: его первые насельники, аболиционисты, пришедшие из Новой Англии, дали ему имя Нью-Бостон, тогда как миссурийские плантаторы-рабовладельцы прозвали его Янкитаун («город янки»). Последние неоднократно опустошали его во время внутренних раздоров в 1856 году и затем во время междоусобной войны. Хотя выбранный как местопребывание Канзасского университета, город Топека развивается медленнее, чем его сосед Канзас-Сити, лежащий при слиянии Миссури. Форт-Скотт, на юго-востоке штате, на маленьком притоке реки Озежд, прежде имел важное стратегическое значение; теперь же это обыкновенный торгово-промышленный город, в окрестностях которого разработываются залежи каменного угля. В пределах штата, долина Арканзаса имеет только один значительный город—Вичита, лежащий при начале речного судоходства и достигший цветущего состояния.

Главные города Канзаса, с цифрой их населения в 1890 г.:

Канзас-Сити, западный пригород Канзас-Сити (Миссури)—38.316 жит.; Топека—31.007 жит.; Вичита— 23.853 жит.; Ливенворт—19.768 жит.; Атчисон—13.363 жит.; Форт Скотт—11.946 жит.; Лоренс— 9.997 жит.

18. Арканзас

Река Арканзас, подобно реке Канзас, дала свое имя,—обыкновенно произносимое Аркансо (Arkansaw),—штату, который она перерезывает во всём своем нижнем течении, и где происходит соединение её с Миссисипи. Штат этот тоже очерчен геометрическими линиями, кроме восточной стороны, где великая река отделяет его от штатов Тенесси и Миссисипи, и юго-западного его угла, где русло Красной реки служит ему общей границей с Техасом. В Арканзасе нет гор, кроме нескольких холмов на западе; почти вся его территория представляет волнистую равнину; на востоке, вдоль Миссисипи, тянутся обширные болотистые пространства, усеянные озерами и ложными реками; вся северо-восточная часть штата представляет затопленную область, которую трудно будет завоевать для земледелия. Арканзас заселялся медленно; трудности судоходства по Арканзасу и Белой реке, недостаток колонизационных пунктов на низменном берегу Миссисипи, и в особенности положение штата вне исторических путей отталкивали иммигрантов; население его, состоявшее в начале из небольшого числа канадских путешественников и метисов, живших особняком, в стороне, считалось наименее цивилизованным в Соединенных Штатах. Постройка сети железных дорог, культура хлопчатника, затем эксплоатация минеральных вод и различных ископаемых, особенно боксита, богатого глиноземом минерала, употребляемого, между прочим, для фабрикации алюминия, уничтожили запрет, тяготевший над Арканзасом; однако, по численности населения и развитию промышленности он всё ещё стоит ниже большинства штатов той же величины.

Место Арканзаса между штатами и территориями Северо-Американской республики:

По пространству (53.850 кв. миль=139.472 кв. километр.)—26-е; по народонаселению, в 1890 г. (1 128.179 жител.)—24-е; по километрич. плотности населения (8,5 жител.)—29-е.

В северных графствах полевые работы по культуре хлопка исполняют теперь, вместо бывших невольников-негров, белые, приходящие из Миссури; на юге, к плантациям направляется постоянная иммиграция афро-американцев, с которыми часто обращаются очень дурно.

Столица и главный торговый город Арканзаса, Литль-Рок, стоит в центре штата, на сланцевом утесе, высотой около пятнадцати метров, огибаемом рекой Арканзас на северной и восточной стороне; миссисипские пароходы поднимаются по этому притоку девять месяцев в году; с утеса спускается наклонный мост к предместью Арджента, расположенному на левом

берегу. Две шиферные скалы господствуют над рекой: одна, поднимающаяся над уровнем низких вод всего только на 7 метров, называется Литль-Рок, или «Малая Скала»; в 3 километрах выше по реке лежит Биг-Рок, или «Большая Скала», имеющая около 60 метр. высоты. Город Литль-Рок ведет торговлю хлопком, кукурузой и другими земледельческими продуктами. Семьдесят Hot Springs, или «горячих ключей», бьющих из земли в узком овраге, в сотне километров к юго-западу от Литль-Рока, привлекают летом массу посетителей; источники эти принадлежат федеральному правительству, которое сдает их в аренду частным предпринимателям. Город Литль-Рок, выйдя из тесных пределов своего ущелья, широко раскинулся с одной стороны в равнине, с другой в долине, обставленной скалами: он состоит, употребляя ботаническое сравнение, из двух лопастей, соединенных тонкой ножкой. Горячие ключи Арканзаса, принадлежащие к орографической системе гор Озарк, составляют единственную важную группу минеральных вод в громадной средней области Соединенных Штатов, между Аппалахскими и Скалистыми горами. Температура самого горячего источника доходит до 67° Цельзия; есть также тепловатые и холодные ключи.

Наиболее посещаемая пристань штата, на правом берегу Миссисипи,—местечко Гелена, построенное на последних возвышениях холма, единственного, близко подходящего к этой реке ниже слияния её с Огайо. На другом конце штата, два города-близнеца, Ван-Бюрен и Форт-Смит, бывший Belle Pointe канадцев, походят на города Севера своей деятельностью и духом предприимчивости: это экспедиционные рынки для индейских племен, особенно черокезов и чоктавов, область которых начинается тотчас к западу от Арканзаса.

Главные города Арканзаса, с цифрой их населения в 1890 г.:

Литль-Рок—25.874 жит.; Форт-Смит—11.311 жит.: Пайн-Блуфф—9.952 жит.; Гот-Спрингс—8.086 жит.; Гелена—5.189 жит.; Ван-Бюрен—3.000 жит.

19, 20. Индейская территория и Оклагома

«Индейская территория» (Indian Territory), называемая так оффициально, но частию обратившаяся уже в территорию белых, занимает пространство, почти равное пространству других примиссисипских штатов, между Канзасом на севере, Миссури и Арканзасом на востоке, Техасом на юге и западе. Страна, в которой река Арканзас соединяется с реками Симаррон и Канадской (Canadian River), и которую на юге ограничивает течение Красной реки, не получает дождей в количестве, достаточном для того, чтобы земледелец мог обрабатывать почву на всём её протяжении; но долины и орошаемые земли дают обильные урожаи, а вся остальная часть страны, служившая прежде местом обитания буйвола и антилопы, представляет обширное пастбище, пригодное для скотоводства. Наконец, территория обладает залежами каменного угля и руд, часто привлекавшими искателей.

До недавнего времени край этот, не будучи запретным для белых, был предоставлен краснокожим как область для земледельческой культуры, и чужеземцы могли приобретать там права, по владению землей или участию в выборах, не иначе, как получив согласие какого-либо племени на принятие в число его членов, или породнившись с индейцами через брак; иногда в один день справлялось до тридцати свадеб между белыми и индианками; этих новоженов, искателей земли, называют *squawmen* (squaw—индейская женщина). Увеличиваясь год от году, число бледнолицых возросло таким образом до сотни тысяч, и притязания их на управление общественными фондами и на командование племенами нередко подавали повод к сильным раздорам. С другой стороны, железнодорожные компании, истолковывая в свою пользу некоторые условия концессий, дающие им полосу земли шириной в 60 метров вдоль проводимого пути, сделались, в ущерб правам индейцев, главными владельцами страны.

Для своего государственного устройства территория взяла за образец конституцию Соединенных Штатов. Представители различных племен, водворенных правительством в этой территории, собрались в 1870 г. в деревне Окмюльджи, лежащей в прериях, на небольшом притоке Канадской реки, и решили, что общими делами их наций будет управлять коммис-

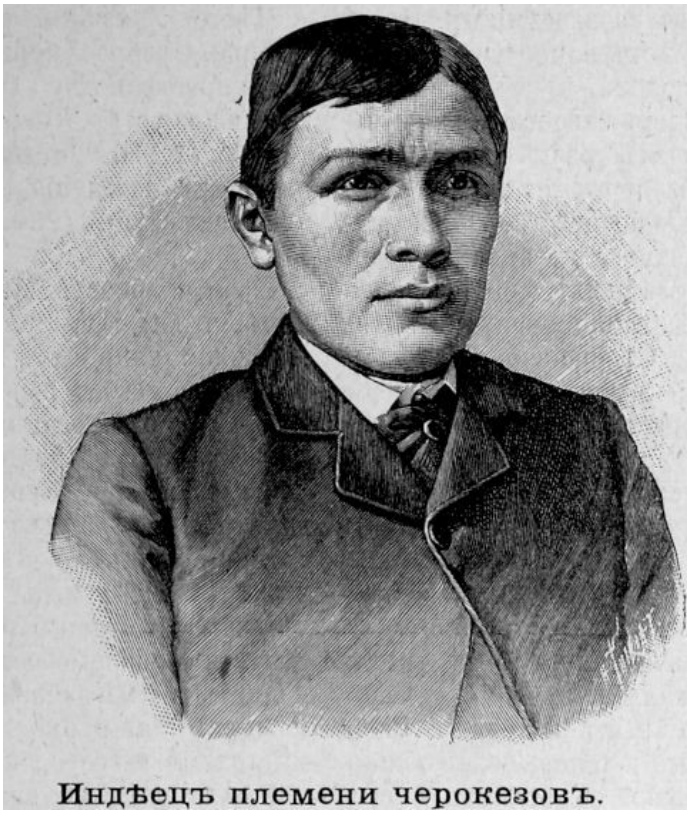
сия, род конгресса, с нижней палатой и сенатом, где каждое племя, как бы малочисленно оно ни было, будет иметь своего делегата; однако, преобладающая роль в этой коммиссии принадлежит племени черокезов, самому многочисленному и наиболее цивилизованному.

В первые времена белой колонизации «паллаки» занимали в Виргинии берега реки Аппоматокс, большого южного притока реки Джемс-Ривер. Плантаторы постепенно оттеснили их к гористым областям юго-запада; в начале настоящего столетия индейская нация населяла разбросанными деревнями верхния долины Каролинских гор, между покатостями трех рек: Миссисипи, Саванны и Чаттагучи; некоторые семьи переселились даже гораздо дальше, в Тенесси и Алабаму. Колонисты белой расы последовали за черокезами в их новую область; но, имея в руках формальные трактаты, краснокожие долго защищали данные им земли. Однако, им пришлось уступить; они были оттесняемы всё далее и далее, пытаясь иногда, доведенные до отчаяния, оказывать тщетное сопротивление. Наконец, в 1835 г., их насильно переселили за Миссисипи, в занимаемую ими ныне территорию, которая отдана им в вечное владение, если только, сделавшись американскими гражданами, они не перестанут существовать в виде отдельной нации и не пожелают тогда продавать свои земли.

Во многих отношениях черокезы вошли в форму и в дух американской цивилизации. Не только они переняли её политические учреждения, но усвоили также в большой части и её нравы. Они построили церкви для своих различных исповеданий и употребляют те же религиозные термины в своих духовных гимнах, проповедях и молитвах; они завели у себя школы, где рутина обучения согласуется с рутиной школ Массачузетса; суды их скопированы с американских образцов, и их судьи и адвокаты говорят тем же юридическим жаргоном; наконец, черокезские газеты редижируются по образцу листков английского языка. Черокезское наречие сохраняется ещё только из национальной гордости, и силлабическая азбука из 85 знаков, изобретенная в 1822 г. черокезом по имени Секвойя или Гесс и утилизируемая в оффициальной газете, постепенно выходит из употребления. Живя на границах между свободными и рабовладельческими штатами, разделенные также на два лагеря—поборников невольничества и аболиционистов,—черокезы сражались в рядах обеих враждебных армий, затем, после междоусобной войны, они должны были отпустить на волю несколько сотен негров, работавших на их плантациях, и которые по большей части получили земельные наделы в новой территории Оклагома. По крови черокезы так же сблизились с белыми, как по понятиям и нравам: уже в те времена, когда предки их обитали в Каролинах, многие авантюристы из кельтской Шотландии поженились на их дочерях, самых красивых и грациозных из индианок, и с той поры смешение продолжалось. Между организованными в племя черокезами есть много метисов белой и черной расы; кроме того, белые промышленники и политиканы, очень опасные гости, сотнями являются просить у краснокожих документы о черокезской натурализации, с другой стороны, многие индейцы, даже чистокровные, отделились от нации и пользуются, наравне с бледнолицыми, правами американских граждан. Поэтому нет возможности составить точное понятие о действительных колебаниях численности черокезского населения, статистика которого полна противоречий. Тем не менее известно, что инородцы эти численно возрастают; в эпоху переселения их было немного более двенадцати тысяч; теперь же их насчитывают слишком шестнадцать тысяч. Благосостояние их также увеличилось: хорошие земледельцы, они собирают в изобилии продукты почвы и разводят много скота, посылая избытки своего производства в соседние штаты.

Черокезы занимают привилегированное положение в Индейской территории, в северовосточном углу штата, на границах Канзаса, Миссури и Арканзаса. Кроме того, различные мелкие племена, квапосы, пеории, оттавы, шаунисы, вайандоты, ирокезы, сенеки, сгруппировались около них, словно птенцы под крылом матери, в крайнем углу территории. Талеквах, местопребывание черокезского законодательного корпуса, на одном из притоков Арканзаса, приобрел важное торговое значение, благодаря своему соседству с американским постом Форт-Джибсон. Юго-восточный угол принадлежит другой «цивилизованной нации», чоктавам, бывшим «плоскоголовым» чактасам Миссисипи и Луизианы, находящимся на

пути возрастания, подобно черокезам, и так же, как эти последние, обогатившимся земледелием и скотоводством. Они имеют соседями на Западе чикасавов, предки которых, жившие в нынешних пределах Кентукки и Тенесси, были выселены около 1830 г., вместе с чоктавами: одно и то же законодательное собрание управляет этими двумя нациями, которые взаимно обязались не продавать своих земель без общего согласия; их главное местечко, Тишоминго, лежит на реке Фольс-Вашита. Крики или мускоги,—т.е. «болотные люди»,—приведенные в качестве пленников из Георгии в 1836 г., также владеют областью в восточной части территории, между двумя реками Симаррон и Канадиан-Ривер. Семинолы, водворенные рядом с их соплеменниками, криками, на берегах Канадской реки,—потомки флоридских воинов, так храбро защищавшихся против белых: их одолели только после нескольких кампаний. Поттаватомы, очень смешанного происхождения,—соседи оклагомских белых, и почти не отличаются от них образом жизни. Наконец, озеджи, довольно редко разбросанные, но возрастающие в числе, имеют свои земельные участки на севере, в округе, где «Проколотые носы», понкасы, отосы, канзасы также получили маленькия энклавы. Нации менее цивилизован-

Индѣецъ племени черокезовъ.

ные, называемые иногда «дикими», как-то пауни, айовы, «Мешки» и «Лисицы» (Foxes), киккапу, чийенны, аррапаго, вичита, киова, команчи, апачи, населяют центр и западную часть территории.

Место Индейской территории между штатами и территориями Северо-Американского союза:

По пространству (67.406 квадратн. миль=174.582 кв. километр.)—19-е; по народонаселению (78.503 индейца, 107.987 белых, всего 186.490 жит.)—41-е; по километрич. плотности населения (1,1 жит.)—42-е.

Кроме округов, занимаемых индейскими племенами, в территории есть округа, которые федеральное правительство оставило за собой, и на которые, с своей стороны, краснокожие смотрели как на пастбищные пространства для своего скота. Юридическое толкование, формулированное министрами Союза, натурально одержало верх, и колонисты, желавшие захватить лучшие земли страны, в ущерб правам индейцев, выиграли дело: барьеры открылись. Декрет от 1 февраля 1889 г. отдал им область Оклагому, или «Приятную Землю», естественный парк, расположенный как раз в центре Индейской территории, по обе стороны реки Симаррон. Все меры были приняты железнодорожными компаниями, скотоводами и

спекулянтами, чтобы завладеть землей. Планы городов были уже заранее начерчены; земельные участки продавали и покупали с публичного торга прежде даже, чем увидели их в натуре. В назначенный час толпа перешла границы и ринулась на новые земли; первые покупщики земли ставили свои межевые знаки; телеги, фуры вырывали свои колеи на будущих дорогах; торговцы разбивали палатки на месте своих будущих магазинов. Обычная экономическая и социальная жизнь американских городов вдруг закипела среди пустыни. Город Оклагома, город Гютри, выбранный столицей, выросли в несколько дней на равнинах. Конечно, фортуна улыбнулась не всем пришельцам, и многие из них, обманутые в своих надеждах, вернулись на прежния места жительства; но присвоение земель было окончательное, и заселение края продолжается, хотя и довольно медленно.

Сделавшись организованной территорией, Оклагома хлопочет теперь о принятии её в число штатов, хотя она не имеет ещё требуемой цифры населения, и нет сомнения, что просьба её будет скоро удовлетворена, несмотря на контр-петицию индейцев, которым преобладание белых грозит близким порабощением. Оклагома будет расширяться, а Индейская территория уменьшаться. В 1891 г. новые куски земли, анклавы айовов, «Мешков» и «Лисиц», лежащие к востоку от собственно Оклагомы и близ области криков, открылись для колонизации, и туда бросились компании покупщиков, черных и белых. Индейская территория перестала уже быть «индейской».

Место территории Оклагома между штатами и территориями Северо-Американского союза:

По пространству (3.024 кв. миль=7.832 кв. километр.)—47-е; по народонаселению, в 1890 г. (56.364 жит.)—49-е; по километрич. плотности населения (7 жит.)—31-е.

21. Луизиана

Сведенная к весьма незначительной части своего прежнего протяжения, Луизиана, обнимавшая некогда, на юге от Великих озер, всю часть Северной Америки, присоединенную к империи Людовика («Louis») XIV, занимает ныне площадь, меньшую средней величины пространства, отмежеванного каждому из «государств» или штатов Северо-Американского союза. Ограниченная на севере 33-м градусом широты, который отделяет её от Арканзаса, она не имеет других соседей, кроме Техаса на западе и Миссисипи на востоке. Реки Сабин и Миссисипи составляют с этих двух сторон главные границы; но на востоке от дельты; отрывок восточной территории до Жемчужной реки также принадлежит к её владениям. После Флориды, Луизиана имеет наибольшее протяжение озер, байю, болот и затопленных земель; их можно будет завоевать для культуры, когда отграничат раздельный пояс между сушей и морем и сделают из Луизианы вторую Голландию посредством системы плотин и контр-плотин: по крайней мере берега Миссисипи и главных байю защищены от речных наводнений непрерывными земляными насыпями. Северо-западная часть Луизианы, орошаемая притоками Красной реки, состоит из террас, холмов и прерий, возвышающихся над аллювиальными землями: население направляется к этим здоровым местностям, где земледелие имеет почти такой же характер, как и в Арканзасе.

В области низменностей производство тростникового сахара составляет главную земледельческую промышленность: в этом отношении Миссисипская дельта занимает первое место в Соединенных Штатах. Рисовые поля Луизианы, уже и теперь более обширные, чем поля Южной Каролины, могут расширяться беспредельно в равнинах прибрежья, более здоровых сравнительно с низменностями атлантических берегов, благодаря более быстрому истечению вод. Страна обладает также, в прибрежных землях Миссисипи, очень производительными апельсинными рощами, равно как полями сладкого картофеля и других полу-тропических растений. Негры, численно превосходящие белое население штата, находят в Луизиане почву благоприятную для того, чтобы селиться в стороне от больших дорог и городов, и в некоторых местах успели приобрести маленькую земельную собственность, обеспечивающую им независимое существование. Луизианцы французского языка—люди различного

происхождения: это—потомки первых колонистов, иммигрантов, пришедших в течение восемнадцатого столетия, акадцев, изгнанных из Новой Шотландии англичанами в 1755 г.,—год «великого разорения»,—затем ремесленники, мелкие торговцы, негоцианты, недавно прибывшие в край, наконец, негры «креолы», выросшие на плантациях французских землевладельцев. Прозвище *Creole State*, данное штату, напоминает первое население колонистов. Число жителей, у которых родной язык—французский, определяемое различно, составляет ещё от одной восьмой до одной пятой общей цифры населения; в Новом Орлеане основался луизианский Атеней для культивирования и сохранения чистоты французского языка. Луизиана была опустошена во время междоусобной войны. В 1863 г. она вся была завоевана войсками Союза; взятие федералистами крепости Порт-Гудсон открыло их судам путь Миссисипи.

Место Луизианы в ряду штатов и территорий Северо-Американской республики:

По пространству (48.720 кв. миль=126.185 кв. километр.)—30-е; по цифре населения, в 1890 г. (1.116.828 жит.)—25-е; по километр. плотности населения (9 жит.)—28-е; по производству сахара (220.000 тонн в 1890 г.)—1-е.

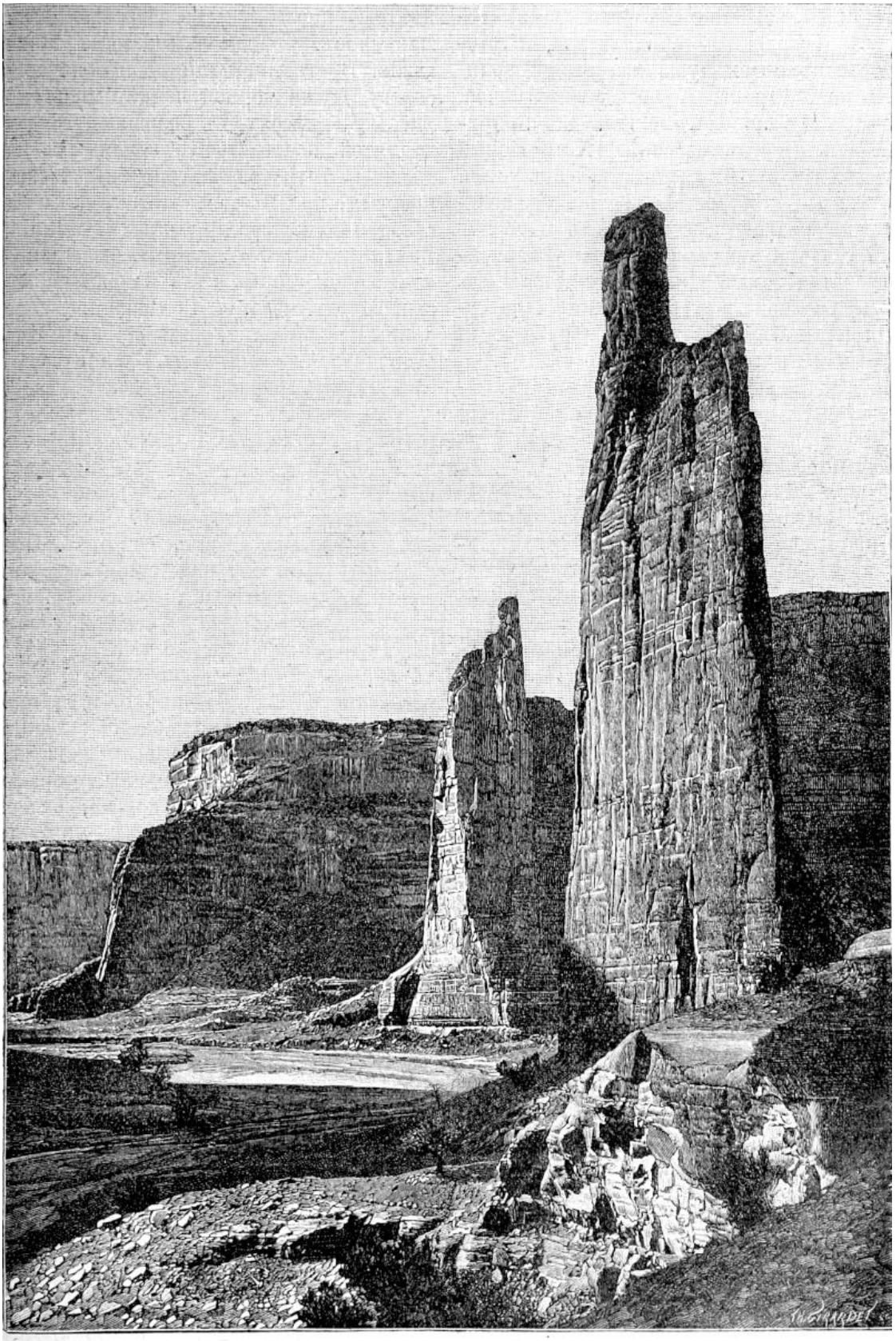
Правый берег Миссисипи слишком низмен, чтобы там могли основаться городские поселения напротив городов, лежащих на высоком левом берегу: с этой стороны деревни с разбросанными домиками являются единственными пристанями. Точно также область слияния, где соединяются воды Миссисипи и Красной реки, и где мог бы, на каком-нибудь высоком полуострове выступивших из-под воды земель, возникнуть значительный торговый город, остается пока ещё почти совершенно безлюдной местностью. Надо подняться по Красной реке на довольно большое расстояние от устья, чтобы встретить многолюдные городские поселения. Такова, в 240 километрах вверх от слияния, Александрия, лежащая в местности, где развито табаководство, близ порогов, задерживающих судоходство и заставляющих пароходы выгружать свои товары. Значительнейший город всего бассейна Красной реки, Шрупорт, находится близ юго-западного угла Луизианы, в области озер и загромождений речного русла плавучим лесом: он отправляет грузы хлопка и муки в верхнюю Луизиану и в Западный Техас.

Ниже слияния, на одном из холмов левого берега виднеются остатки крепости Порт-Гудсон; далее следует Батон-Гуж (название происходит от «красной палки», которую французы нашли в этом месте, когда высадились на берег, и которая изображала у индейцев символ войны), построенный на самом южном из холмов, господствующих над левым берегом Миссисипи; но горка эта, низкая и закругленная на вершине, не походит на береговые утесы верховья, оканчивающиеся над рекой крутыми изрытыми откосами. Батон-Руж за его центральное положение и здоровый климат был выбран в парламентские столицы штата, и временное пребывание представителей несколько оживляет его в периоды законодательных сессий. Ниже по реке нет более городов до Нового Орлеана, или, вернее сказать, дома плантаторов следуют один за другим по обе стороны реки, среди обширных садов, образуя один непрерывный город.

Новый Орлеан, бывшая метрополия французской Луизианы, ныне Нью-Орлеан англо-американцев, вытянул свой фасад в очень длинную линию. Двойной полумесяц домов, выпуклый к верховью, вогнутый к низовью, окаймляющий левый берег Миссисипи, состоит из нескольких городов или кварталов, постепенно сомкнувшихся на пространстве 20 километров. А между тем почва, казалось, была мало благоприятна для принятия подобных груд строений. Хотя Новый Орлеан лежит в 162 километрах от устья, занимаемая им местность имеет всего только 3 метра средней высоты, а в наиболее отдаленных от реки предместьях низменная и губчатая земля едва поднимается над морским уровнем. До 1728 г., т.е. до сооружения плотины, город был периодически затопляем и представлял вид клоаки; перешеек, разделяющий воды реки и воды озера Поншартрен, почти исчезал во время разливов и сводился к узкой косе, куда переводили прокаженных.

Благодаря возведению плотин, начатому слишком полтораста лет тому назад, Новый Ор-

леан перестал быть амфибией. Великолепная насыпь, шириной до 100 метров, защищает его от наводнений, на протяжении 20 километров, и огромные паровые машины постоянно работают над выкачиванием дождевых или инфильтрационных вод, отбрасывая их в озеро

Ущелье Шелли въ Аризонѣ.

Поншартрен через сточный канал. Большинство домов, деревянных или кирпичных,—очень легкой постройки; общественные же здания, представляющие, по причине своей высоты и каменной облицовки, значительную тяжесть, все покоятся на сваях, вбитых на 20 или 25

метров в почву, ниже уровня моря. Ил, оставляемый рекой на выпуклой части нижнего полумесяца, образуемого городом, увеличивает год от году ширину насыпи, что дало возможность построить с этой стороны несколько новых улиц; но выше по реке, входящий берег предместья Каррольтон в сильной степени подвержен наводнениям, так что в этом месте должны были пожертвовать целым кварталом. Нормальный план Нового Орлеана тот же, как и во всех других новых городах Северной Америки; однако, двойной изгиб реки помешал провести улицы совершенно прямолинейно из конца в конец: пришлось расположить кварталы нижнего полумесяца, «французской части города», в форме трапеций, разделенных бульварами и обращенных малым основанием к реке. Наоборот, северные предместья, Лафайет, Джефферсон, Каррольтон, находящиеся на полукруглом полуострове Миссисипи, обращены к реке широким основанием, и бульвары, ограничивающие их с каждой стороны, соединяются своими вершинами на опушке леса, среди которого город был построен. Эти северные кварталы—самые элегантные, окруженные плантациями, где воздух наполнен благоуханием цветов апельсинных деревьев, магнолий, жасминов. Города Альджирс, Мак-Доногвиль, Вретна, лежащие на противуположном берегу, на низменной почве бывших «кипарисных» лесов, с большим трудом приподнятой посредством земляных насыпей, должны быть рассматриваемы также, как простые предместья; это—группы фабрик, складов, железнодорожных станций. Имя Альджирс, или «Алжир», было дано городу правого берега в виде намека на африканский город, который Средиземное море отделяет от Франции, как широкий Миссисипи отделяет Альджирс от «французского квартала» Нового Орлеана.

Если не считать сырости почвы, эта обширная городская агломерация пользуется прекраснейшим торговым положением, и Бьенвиль выказал большую прозорливость, когда он основал, в 1718 г., первый барак поселения «Nouvel Orleans». Помещенный в некотором расстоянии от устья, но довольно близко от того пункта, где река делится на несколько рукавов, город господствует одновременно над внутренним и внешним торговым движением, и все произведения и товары обширной территории обязательно сходятся сюда для обмена. Расположенный на самой узкой части перешейка, между рекой с одной стороны, озерами Поншартрен и Борнь—с другой, он может направлять свою торговлю к морю другим водным путем, помимо реки: благодаря озеру Поншартрен и каналам, впрочем, неглубоким, соединяющим его с этим бассейном, Нью Орлеан в такой же мере приморский порт, как и речная пристань: почти всё торговое движение сосредоточено в рейде, образуемом нижним изгибом реки. Тройной или четверной ряд пароходов, выстроившихся словно островной квартал трехэтажных домов, окаймляет набережные, заваленные кипами, ящиками и боченками разного товара. Бесчисленные суда всякого рода снуют взад и вперед по реке; огромные пароходы шумно движутся на перерез друг другу, маленькие буксирные пароходики тащат за собой грузные трехмачтовки, летучие мосты то тут, то там перекидываются через реку. Торговля Луизианы с северными и центральными штатами производится почти исключительно при посредстве пара. После сбора хлопка, когда первый разлив высвободил суда, грузившиеся на различных притоках Миссисипи, иногда можно видеть в один день до полсотни этих левиафанов спускающимися вниз по реке, неся на палубах и галлереях три, четыре или пять тысяч кип хлопка. Пар господствует на великой реке и выше города: каботажные гоэлеты теперь и там стали редки; «Ноевы ковчеги», неуклюжия шаланды, кое-как сколоченные из досок, употребляются теперь только для перевозки огайского каменного угля и разбираются на части по прибытии на место назначения.

Новый Орлеан получает из центральных и северных штатов огромные количества земледельческих продуктов; Центральная Америка, Куба и другие Антильские острова посылают ему также сахар, бананы и другие произведения тропиков. По экспорту хлопка он занимает первое место: сто тысяч человек живут там этим трудом; но во ввозе мануфактурных товаров он принимает лишь слабое участие, а его собственные прядильные и ткацкия фабрики ещё не отличаются большой деятельностью. Значительные накладные расходы, причиняемые железнодорожными тарифами и погрузкой товаров, отвратили от Нового Орлеана большую долю его торговли; впрочем совершенно естественно, что движение торгового обме-

на избирает кратчайший путь из долины Миссисипи к портам Атлантического океана и к Европе.

Торговое движение Нью-Орлеана в 1892 г.: в приходе—1.356 судов, вместимостью 1.656.135 тонн; приписанных к порту—477 судов, вместим. 63.377 тонн.

Ценность торговых оборотов в 1892 г.: привоз—21.200.000 долларов; вывоз—106.600.000 долл., в том числе хлопка на 95.000.000 д.

Самый могущественный торговый дом Юга проектировал даже основать новый город на самых болотах устья, с полным благоустройством, с доками и железными дорогами, с персоналом служащих и подчиненных, более послушных, чем горожане. Подобное предприятие было бы химерическим в недавнюю ещё эпоху: теперь оно не кажется таким, с тех пор, как синдикаты располагают бюджетами, равными бюджетам больших государств. Ничто не мешает увеличить искусственный островок Порт-Идс, образовавшийся из балласта, выкидываемого с проходящих бар судов; можно даже заставить речной поток работать над отложением огромных масс приносимых им землистых частиц, которые послужат фундаментом для будущего города.

Немногие города оказывают на окружающие страны более сильное притяжение, чем Новый Орлеан. Вся Луизиана, за исключением северо-западного округа, вокруг Шревпорта (Шрупорта), зависит от него безусловно: это центр политический и социальный, средоточие торговли, промышленности и наук. В прошлом столетии он был «городом» по преимуществу для всех французов Примиссисипья, даже для тех, которые жили в Сен-Луи, Каскаскии, Венсенне. Но ему часто приходилось страдать от желтой лихорадки: ни один город Соединенных Штатов не был так часто опустошаем этой эпидемией, которая пришла к нему с Антильских островов, посетив перед тем, в 1699 г., Филадельфию и Нью-Йорк. В 1853 г. бич этот унес в могилу двадцатую часть нормального населения, хотя половина жителей разбежалась. Со времени междоусобной войны город содержится чище, и санитарное состояние его много улучшилось. Скромные деревни вокруг плантаций, да несколько рыбачьих и купальных поселков на берегах моря и прибрежных островах составляют единственные населенные места в громадной области дельты. На одном из поворотов реки, по обе стороны её, стоят два укрепления—форты Сант-Филипп и Джаксон, из которых последний назван так в честь генерала, выигравшего в 1815 г. битву, известную под именем ново-орлеанской. Американцы, занимавшие позицию на левом берегу реки, перерезали рвом узкий перешеек, отделяющий Миссисипи от непроходимых кипарисных порослей озера Борнь; затем, устроив себе прикрытие из наваленных кип хлопка, искусные стрелки Луизианы и Кентукки подстреливали, как дичь, англичан, которые маршировали мерным шагом по топкой почве, медлительные и бесстрастные, словно на параде. Победа эта доставила Джаксону назначение на пост президента Соединенных Штатов. В первый раз англичане доходили до этого места со стороны моря уже в начале французской колонизации: имя «Detour a l'Anglais», данное одному повороту реки, в двадцати километрах ниже Нового Орлеана, напоминает опасность, которой в то время избегла народившаяся колония.

В юго-западной части Луизианы население французского и франко-канадского происхождения сохраняется ещё в чистом состоянии и говорит языком предков в округах, носящих индейские имена исчезнувших племен, опелузов и аттакапов, «мирных людоедов», и через которые протекают байю Ачафалайя, Теш и Вермильон. Одно из графств, орошаемых байю Мерманто, непосредственным притоком моря, получило имя Акадии, от обитающего в нём населения, и тамошняя деревня Эванжелина напоминает «великое разорение» в бухте Рудников. Область аттакапов состоит из великолепных прерий, в которых Ло, директор пресловутой «Миссисипской компании», проектировал поселить шесть тысяч немцев из Пфальца. Далее, около Начиточес, в стране, которую некогда занимал союз промышленных и торговых племен каддо, теперь живут испанские метисы, очень красивый народ, по большей части сторожа скота; к ним присоединились также итальянские иммигранты. Наконец, ниже Нового Орлеана, в приходе Сент-Бернард, население состоит в большей части из ислингов,

т.е. *исленьосов*: так называют «островитян» с Канарского архипелага, приглашенных в колонию губернатором Гальвес, в конце прошлого столетия. Рядом с ними живут также «манильяне», испанцы и тагалы с Филиппинских островов, пришедшие в ту же эпоху. В этой части Луизианы говорят ещё кастильским диалектом.

Многочисленные бухты, которыми изрезано побережье, по обе стороны Миссисипской дельты, слишком мелководны, чтобы давать пристанище другим судам, кроме гоэлет и лодок ловцов устриц; впрочем, порт Морган-Сити, близ устья Ачафалайи, ведет торговлю непосредственно с Вера-Круцом, во избежание длинного обхода через один из рукавов Миссисипи.

Важные или исторические города Луизианы, с цифрой их населения в 1890 году: Новый Орлеан—242.000 жит. (285.000 в 1899 г.); Шрупорт—11.482; Батон-Руж—10.397 жит.

22. Техас

Имя Техас напоминает, говорят, крик *Tejas, Tejas*, «друзья, друзья!», который повторяли индейцы, обитатели страны, во время прибытия испанцев[1]. Штат этот, самый значительный по величине во всей Северо-Американской республике, занимает, между Рио-Гранде, Красной рекой, Сабиной и Мексиканским заливом, пространство больше Франции; оттого во время долгой борьбы политиканов Севера и поборников невольничества, последние не раз предлагали разделить Техас на пять штатов, с целью увеличить таким образом число сенаторов и приобрести решительное большинство в этой части Конгресса; но предложение это всегда было отвергаемо, и Техас сохранил доселе свои огромные размеры; только на северо-западном углу его обширные имения были уступлены федеральному правительству, как общественные земли; однако, границы ещё не определены точно с этой стороны. На один округ, графство Грир, в 1891 г. были предъявлены притязания и Техасом, и Индейской территорией; другой округ получил название No Man's Land, т.е. «Ничья земля». Американские плантаторы Юга успели было ввести в Техасе невольничество негров, которое, однако, было отменено в 1825 году, когда провинция эта ещё составляла часть Мексики. Известно, как Техас был отторгнут от испанско-американской республики. Англо-саксонские авантюристы устремились туда массами с 1812 г., и слишком тридцать лет война продолжалась с переменным успехом; в 1842 г. «независимая» республика, т.е. англо-американская, была уже организована и потребовала включения её в состав Соединенных Штатов. Такова была причина войны, которая повела к вторжению армии Севера в пределы Мексики и подтвердила завоевание Техаса, прибавив к обширной аннексированной территории ещё часть Мексики, лежащую к северу от Рио-Хила. Техас долго называл себя *Lone Star State*, в память единственной звезды своего первого знамени, соединенной теперь с другими звездами северо-американского флага.

Почвенные условия в Техасе представляют большое разнообразие, смотря по местностям. Ступени, следующие одна за другой от берегов залива к плоской возвышенности Льяно-Эстакадо, образуют столько же различных поясов. Вдоль морского берега залегают земли низменные, солончаковые или болотистые. В разных расстояниях от берега внутри материка начинается пояс обсохших и плодородных земель, годных для всякого рода полу-тропических культур; долины рек спускаются с высот северо-запада, продолжая хлебородную и производящую хлопок область. Далее, другие расположенные ярусами одна над другой равнины, с почвой менее богатой, могут быть утилизируемы только для скотоводства; это область бесконечных *ranchos*, обнимающих многие тысячи гектаров. Затем, к северо-западу, следуют бесплодные пространства, каменистые пустыни и солончаки. Техас, первый штат Союза по числу скота, занимает также первое место по производству хлопка. Долгое время штат Миссисипи сохранял за собой первенство по размерам этой культуры, несмотря на гораздо более значительную площадь, которую пространство Техаса позволяет посвятить ей; но с 1887 г. первое место принадлежит этому последнему штату, не только по величине пло-

1 Uhde, „Die Lander am Rio del Norte“.

щади хлопковых плантаций, но также и по производству волокна.

Сравнительная статистика хлопка в штатах Миссисипи и в Техасе 1880 и 1887 годах:

	Площадь культуры в 1880 г	Производство	Площадь культуры 1887 г.	Производство
Миссисипи	2.106.215 акр.	963.111 кип.	2.548.674 акр.	510.142.563 кип.
Техас	2.173.445 »	805.281 »	3.960.321 »	801.570.286 »

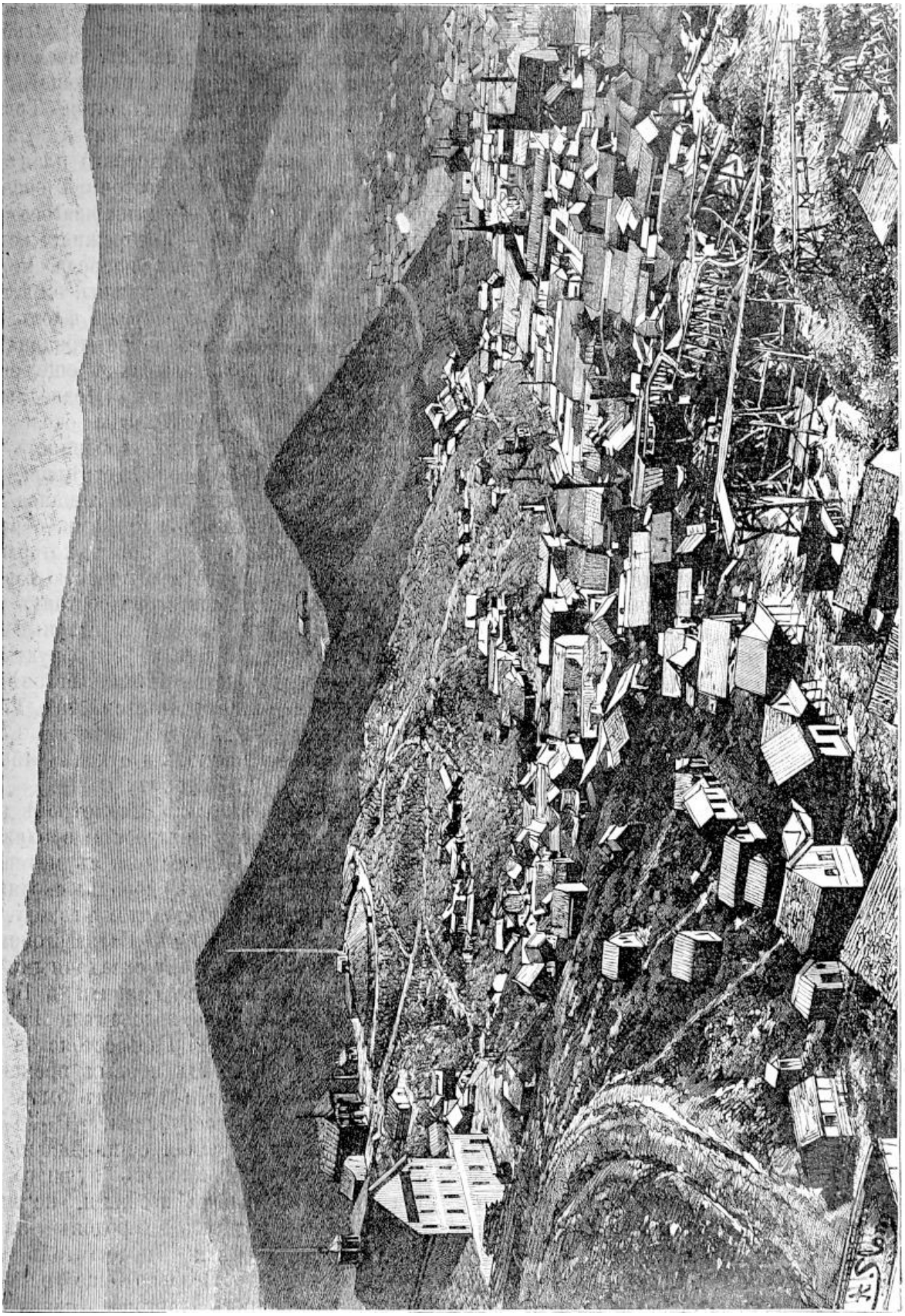
Хотя составлявший прежде часть Мексиканской территории, Техас населен исключительно англо-американцами в восточных и центральных округах; испанские колонисты были слишком малочисленны, чтобы уравновешивать иммигрантов нации завоевателей; однако, они сгруппированы в значительном количестве в западной области, особенно по берегам Рио-Гранде. Многие города и, в американских городах, многие кварталы, населенные мексиканцами испанского языка, сохранили свою первоначальную физиономию: можно сказать, что настоящая Мексика начинается в значительном расстоянии от границы. Французы, которые были, под предводительством Ла-Салля, первыми колонизаторами Техаса, теперь уже не представлены там сплоченными колониями; но немцы, прибывшие в большом числе, основали там несколько городов. Негры, приведенные плантаторами, живут в тех же округах, особенно на востоке и на юге штата. Что касается прежних владельцев почвы, индейцев команчей, апачей или навахосов, то они остаются водворенными в гористых областях Запада, преимущественно между реками Пекос и Рио-Гранде. В целом территория ещё очень слабо населена, и несмотря на свои громадные размеры, Техас, страна латифундий, занимает ещё только шестое место по числу жителей; он был седьмым в 1890 г., следуя непосредственно за Массачузетсом, который он опередил с тех пор.

Место Техаса между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (265.780 кв. миль=688.370 кв. километр.)—1-е; по численности населения в 1890 г. (2.232.220 жителей)—7-е; по километрич. плотности населения (3,3 жит.)—35-е; по производству хлопка (1.700.000 кип в 1890 г.)—1-е; по скотоводству—1-е.

В восточной части Техаса, древнейшее городское поселение, одно из наименее важных по торговле носит имя индейского племени накогдочес: здесь проходил прежде торговый путь между Мексикой и Луизианой, чтобы избегнуть низменной области побережья, с её болотами и широкими байю и пересечь Красную реку выше её порогов и естественных запруд из плавучего леса, в области индейцев начиточей. Большое судоходство, с многочисленными пристанями на побережье, и постройка железных дорог совершенно переместили торговые пути. В этой области северо-восточного Техаса теперь важнейший город—Маршал, железнодорожный узел, выше озер, через которые проходит Красная река, и большой рынок по торговле хлебом и скотом. Техаркана, в северо-западном углу штата, близ Красной реки, получил это странное составное имя от своего положения на границе Техаса и Арканзаса.

Долина реки Тринити, следующая на западе за бассейнами рек Нечес и Сабины, есть одна из тех, где население наименее скученное. Город Даллас, близ которого Виктор Консидеран основал, в 1855 г.,фаланстерианскую колонию, с того времени рассеявшуюся, приобрел первенствующее значение в области истоков и в Западном Техасе; сосед его, Форт-Уорт, бывший военный пост, тоже развивается очень быстро благодаря обилию воды, доставляемой ему артезианскими колодцами, благодаря также своему прекрасному климату и хорошо задуманной сети железных дорог. Гальвестон менее важен, чем Даллас, несмотря на деятельность его порта, охраняющего вход в бухту, в которую изливается Тринити-Ривер. «Город Гальвеса», названный так по имени одного мексиканского плантатора, стоит, с 1836 г., на восточной оконечности песчаного острова,—называвшагося «Змеиным» (Snake Island),—прибрежного кордона, намытого прибоем волн впереди морского берега: под защитой этой дюны, пират Лафит скрывал свой корсарский флот; около 1820 г. там собиралось до четырнадцати судов. На острове показывают ещё остатки бывшего стана разбойников. Подводный порог, прикрытый слоем воды около 4 метров во время отлива, соединяет этот пляж с другой береговой стрелкой, замыкающей бухту. Брешь, открывающаяся между этими двумя песча-

ными насыпями, образует вход, часто опасный, в порт, который монополизировал почти всю морскую торговлю Техаса. Вывоз Гальвестона состоит почти исключительно из хлопка, а главные предметы ввоза составляют кофе и фрукты.

Серебряные рудники въ Невадѣ.

Движение судоходства в Гальвестоне 1890 года: прибыло—230 судов, вместим. 173.473 тонны; вышло—224 судна, вместим. 170.102 тонны; всего в приходе и отходе—454 судна, вместим. 343.575 тонн.

Путевод в несколько километров длины, перекинутый через неглубокий пролив, соединяет остров Гальвестон с материком и с сетью железных дорог, сходящихся к Густону, очень деятельному городу, основанному одновременно с Гальвестоном, в 1836 г., и служащему ему складочным пунктом для долин рек Тринити и Бразос. Пароходы небольшого водоизмещения поднимаются до Густона по Гальвестонской бухте и по байю Буффало. В первые времена техасской независимости Густон был столицей народившейся республики.

Долина Бразоса, самая обширная в Техасе и производящая хлопок лучшего качества и в наибольшем изобилии, не имеет, однако, многолюдных городов на берегах своей реки: недостаток порта при устье,—рейд Веласко ещё плохо обустроен,—отклонил торговое движение к Густону и Гальвестону. Форт-Белькнап, в верхней части долины, обещает современем сделаться значительным центром, благодаря своим обширным залежам каменного угля, теперь едва початым разработкой. Главный город этой долины, Вако, лежащий уже среди железнодорожной сети, получает ещё больше воды из недр земли, чем из соседней реки: существующие там обширные рыбные пруды питаются артезианскими колодцами.

Город Остин (Austin), выбранный в столицы Техаса, находится в бассейне другой реки, Колорадо. Построенный на террасе, которая на севере господствует над рекой, Остин долго имел некоторое значение только как местопребывание законодательного собрания штата; но в эти последние годы он сделался очень деятельным мануфактурным центром, благодаря обилию сырья, которое доставляют ему хлопковые плантации, его крупный и мелкий скот, его рудники железные, медные, марганцовые, его ломки гранита, мрамора, алебастра и копи глины. Запруда, построенная поперек Колорадо, дает остинским фабрикам и заводам, в сезон половодья, двигательную силу свыше 14.000 паровых лошадей. Одна железная рудокопня, находящаяся к северо-западу от Остина, на берегах речки Льяно, притока Колорадо, является в виде стены, поднимающейся на 5 метров над уровнем почвы, имея 450 метров в длину, при 270 метрах ширины; но неизвестно, до какой глубины спускается основание этого странного вала, состоящего на две трети из чистого металла. Порт Матагорда, который, будучи расположен на устье Колорадо, должен быть естественной гаванью Остина, загроможден мелями, и только мелкие суда могут переходить его бар, вероятно, тот самый, через который переходил Кавелье де-ла-Салль в 1686 г., во время своей последней и роковой для него экспедиции. Воздвигнутый им форт св. Людовика был, без сомнения, недалеко от того места, где находится деревня Индианопола, на западном берегу бухты.

Сан-Антонио-де-Бехар, один из старых городов Северной Америки, так как основание его относится к первым годам восемнадцатого столетия, сохранил свое испано-американское имя, и население его доселе ещё частию испанского происхождения и языка. Ручьи, перерезывающие этот «Город Пыли», делят его на несколько особых кварталов: в центре, «старый город», или собственно Сан-Антонио; на западе, мексиканский квартал; на востоке, немецкий квартал. Впрочем, немцы не составляют здесь большинства населения, как в Нью-Браунфельсе, германской колонии, основанной на северо-востоке, при дороге в Остин. Сан-Антонио, последний большой американский центр в Западном Техасе, имеет многочисленные мануфактуры, работающие частию для рынков Мексики. Форт Сан-Устон есть главная квартира Техаса.

На покатости Рио-Гранде все города—двойные, один мексиканский, другой американский, смотрящие друг на друга через воды реки: таковы два Эль-Пасо, два Эль-Пресидио, Игль-Пас и Пьедрас-Неграс, два Ларедо, Рио-Гранде-Сити и Камарго, Идальго и Рейноса, Браунсвиль и Матаморос. Браунсвиль, наиболее прославившийся из всех этих городов в истории местных войн и революций, отправлял во время междоусобной войны огромные количества хлопка в Англию через Мексику.

Главные города Техаса, с цифрой их населения по переписи 1890 г.:

Сан-Антонио-де-Бехар, с предместьями—41.181 жит.; Даллас—38.140; Гальвестон—29.118; Густон—27.411; Остин (1891 г.)— 26.400; Форт-Уорт—20.725; Вако—13.067; Ларедо (без мексиканского города)—11.313; Эль-Пасо (без мексиканского города)—10.836; Браун-

свиль—5.027 жит.

Глава VI Скалистые горы и Тихоокеанская покатость

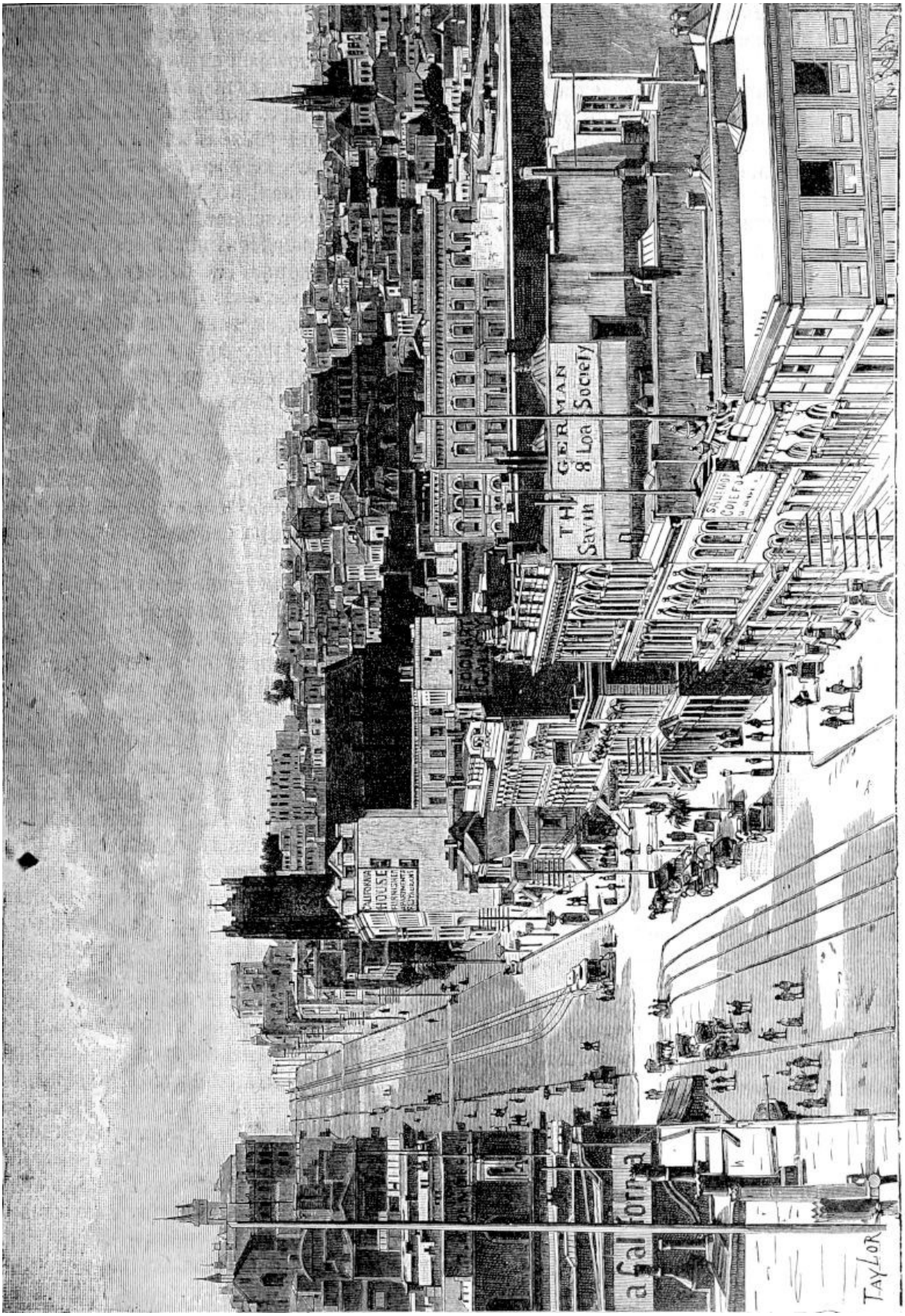
I. Рельеф почвы

Совокупность орографической системы Скалистых гор представляет в Соединенных Штатах общий вид широкого плоскогорья, тянущагося вдоль Тихого океана выпуклой кривой, параллельной берегу, и выдвинутого на востоке также выпуклым краем к равнине Миссисипской покатости. На 49-м градусе широты, там, где проходит политическая граница, Скалистые горы имеют не более 500 километров от основания до основания; но в самом широком их месте, по линии от мыса Мендосина до Денвера, пространство, ограничиваемое двумя краевыми выступами плоскогорья, превышает 1.500 километров, так что ширина последнего утроилась. Далее к югу оно постепенно суживается, вместе с континентальной массой, служащей ему цоколем. Общее направление его не точно с севера на юг, но ось пересекает меридиан наискось градусов на двадцать к востоку, следуя нормальной ориентировке двух частей Нового Света. Сравниваемая с Аппалахской системой, система Скалистых гор является, подобно системе Андов в Южной Америке, истинным скелетом континента: «Анды» было даже одно из имен, которыми географы всего чаще обозначали систему Скалистых гор в первые годы настоящего столетия. Система эта занимает гораздо большее протяжение, чем система восточных гор Союза: поверхность всего орографического рельефа Запада исчисляется в два с половиной миллиона квадратных километров, что составит более четверти Соединенных Штатов. Скалистые горы также гораздо выше, в среднем, Аппалахских. Общее возвышение плато, которое усажено их пиками, равняется уже 1.700 метров, превышая, следовательно, среднюю высоту вершин восточной системы. Два главных краевых выступа западных гор, со стороны океана—Каскадная цепь, продолжаемая Сиеррой-Невадой, а со стороны Миссисипи—различные хребты, носящие более специально имя «Скалистых гор», имеют многочисленные вершины, достигающие 4.000 метров, т.е. двойной высоты кульминационных точек Аппалахской цепи. Ось наибольшего возвышения пересекает под прямым углом ось системы: она направляется от горы Линкольн к горе Уитни, проходя на севере от Большого Каньона, в который низвергается Колорадо[1].

В пределах Соединенных Штатов, северный отрывок собственно Скалистых гор продолжает Канадскую цепь, без других перерывов, кроме брешей, имеющих, в среднем, от 1.800 до 2.200 метров высоты. Пики его, переходящие за 2.500 метров в вышину, следуют один за другим по очень извилистой оси, направленной к юго-востоку; в непосредственном соседстве границы, горный проход, называемый «Пограничным» (Boundary Pass), достигает 2.241 метра. Каждый из массивов и отрогов имеет свое особое имя: одно из наиболее известных—Big Belt Mountains или «Горы Большого Пояса», применяемое специально к цепи, стоящей к югу от пролома, образуемого рекой Миссури. Далее, в том же направлении, другой могучий поток, Иеллостон, также перерезывает внешнюю цепь Скалистых гор. Замечательно, что первые путешественники белой расы, проводниками которым служили индейские охотники, все перешли хребет в северной части цепи, а не поднимались по течению больших рек,—дорога, которая прямо привела бы их в сказочную страну фонтанов горячей воды. Дикия ущелья купюр и длинное странствие, которое пришлось бы совершить в лабиринте долин и внутренних цирков, заставили их отказаться от более южного пути, и они предпочли северные дороги, где главный выступ Скалистых гор представляет лишь незначительную ширину от

1 James T. Gardner, „Bulletin of the U. S. Geological Survey of the Territories“, № 2.

ската до ската. Гранитные куполы, силурийские и девонские кручи там также отличаются относительно мягкими формами, в противоположность крутым стенам, вырытым миссурийскими потоками. Северная тихоокеанская железная дорога переходит горы на Мюлланском

Улица въ Санъ-Франциско.

перевале туннелем в 1.173 метра длины и на высоте 1.691 метр.

На юге от Иеллостонского ущелья, «Каменные горы», «montagnes de Roche»,—как их называли канадские путешественники,—делятся на несколько цепей неравной величины и не-

правильного хода, занимающих с востока на запад ширину более 300 километров. Восточная цепь, Биг-Хорн-Маунтенс, на пространстве около 200 километров, тянется в виде полумесяца, за которым нарождаются все большие миссурийские притоки реки Иеллостон, и вырисовываются последовательные валы нескольких других цепей, покоящихся на громадном цоколе общего плоскогорья, как-то Снеговые горы (Snow Mountains), Шошонские (Schoshone Mountains), Ветряные (Wind River Mountains), Тетон-Рэндж и горы Змеиной реки (Snake River Mountains). Все эти высокие выступы рельефа, граниты и палеозойские формации, пробитые там и сям базальтом и трахитом в мощных массах, переходят за 2.500 метров в вышину, а пики, поднимающиеся над цепями, гораздо выше, на тысячу, тысячу двести и даже на полторы тысячи метров. Так как эта область американских Альпов одна из наиболее прославленных, по причине её гейзеров, озер и каскадов, то многие из главных вершин получили в глазах посетителей особую индивидуальность. Таков Монюмент-Пик, который в самом деле является в виде колоссального здания, с колоннадами и контрфорсами, венчающего цепь Биг-Хорн; таков же Клауд-Пик (4.120 метров), возле которого геодезист Джонсон недавно открыл ледники, длиной около 8 километров, изливающие свои конечные льды в небольшое озеро до расстояния 1.200 метров от берега: с высоты фронтального утеса можно спустить камень в воды бассейна, лежащего в 300 метрах ниже. В «Национальном Парке» самые высокие вершины—вулканический конус Уашбэрн (3.233 метра), Белльс-Пик (3.157 метр.), Маунт-Хольмс (3.233 метра). На юго-запад от Парка, окруженные уже глубокими долинами, в которых текут притоки Колумбии, выстроились в ряд три горы почти одинаковой формы, Тетон-Рэндж, уступчатые пирамиды, из которых самая высокая, Гайден-Пик (4.224 метра), стоит на южной оконечности цепи. К востоку от этого грандиозного массива, Юнион-Пик, немного пониже соседних вершин, изливает свои воды с одной стороны—в бассейн Миссури, с другой—в бассейн Колумбии. Южнее, в цепи гор Уинд-Ривер, пик Фримонт (4.139 метров) тоже принадлежит к числу гигантов Скалистых гор; но затем хребет быстро понижается и делится на расходящиеся отрасли, из которых одна оканчивается на юге, в высоких равнинах Ларами, величественным столбом, называемым «скалой Независимости». У основания её извивается бывшая дорога эмигрантов, теперь покинутая со времени проведения железных путей; останавливаясь в тени этой скалы, индейцы вырисовывали там свои иероглифы, давно изгладившиеся под именами, вырезанными путешественниками белой расы. Горы Ветряной Реки, через которые бури свободно переходят с одного ската на другой, получили от канадских трапперов название «горы Ураган»,—название, которое, в слегка измененной форме, быть-может, сделалось именем реки и штата Орегон[1].

Вулканические извержения сильно изменили формы гор, находящихся в Национальном Парке и его окрестностях. Конусы из веществ огненного происхождения стоят среди бывших озерных бассейнов или на скатах гор; в других местах массы трахита, вылившиеся в трещины горной породы, устояли против разрушительного действия атмосферы и воды, тогда как облегавшие их стены исчезли путем выветривания, и теперь эти массы трахита стоят уединенные, в виде валов или пирамид, высотой до 60 метров, господствуя, точно стены крепости, над прериями и лесами. Иные поля лавы оканчиваются крутыми обрывами, тогда как другие, где лава вытекала наподобие воды, представляют поверхность, почти столь же ровную, как поверхность озера. Площади обсидиана встречаются очень часто, и нигде минерал этот не походит больше на искусственное стекло тонкостью и прозрачностью. Когда случится строить дорогу чрез обсидиановые обвалы, то первым делом зажигают костры, от действия которых каменные глыбы расширяются, затем на них пускают струи холодной воды: скалы тотчас же распадаются на бесчисленное множество осколков, которые уже легко убрать. Один обсидиановый утес, вблизи речки Гардинер, южного притока Иеллостона, имеет более 50 метров в вышину и является в виде величественных колоннад блестящего черного цвета[2], испещренных кое-где желтыми и красными полосами. Во многих местах потоки лавы зали-

1 Jacques W. Redway, „The Physical Geography of the United States“.

2 Jules Leclercq, „La Terre des Merveilles“.

ли целые леса, которые теперь находят в ископаемом состоянии под их каменной оболочкой: Аметистовая гора, к северо-востоку от озера, наполнена окаменелыми деревьями, между которыми распознали магнолии, липы, ясени, вязы, но не нашли ни одного экземпляра хвойных древесной породы, ныне господствующей в тех местах.

Вулканическое плоскогорье, центр которого занимает озеро Иеллостон, есть горная страна в 2.250 метров средней высоты, покрытая на необозримое пространство сосновым лесом, и на которой там и сям стоят конусообразные горы, поднимающиеся на 500 до 900 метров над поверхностью плато и большую часть года убеленные снегом. Кратеры этих гор уже не извергают лавы и не выбрасывают пепла, но деятельность скрытого очага проявляется ещё частыми сотрясениями почвы и обилием бьющих из земли горячих источников. На берегу озера и ниже, в долине Иеллостона, фонтаны эти расположены группами, и одни из них окаймлены ободком из серы, другие выбрасывают поток грязи из своего отверстия, иные отлагают на почве тонкую кору из кремнезема: некоторые гейзеры выходят из земли со свистом. В Национальном Парке насчитывают слишком две тысячи больших источников, и семьдесят один из них выбрасывают струи пара и воды перемежающимися столбами.

Большинство путешественников вступают в Национальный Парк через область клюз Иеллостона, где этот горный поток ниспадает великолепными каскадами; недалеко оттуда, в долине Гардинера, текущего со склонов горы Уашборн, многочисленные горячие ключи, бьющие между конусами потухших гейзеров, выложили скаты белоснежными инкрустациями: известь, которою они насыщены, происходит из слоев угленосного известняка, залегающих под базальтами. Главные источники, называемые «Мамонтовыми» (Mammoth Springs) по причине грандиозности их явлений, льются со склона горы, образуя ряд каскадиков и водоемов, расположенных полукругом и украшающих скалу, точно фестонами, на пространстве около 300 метров по высоте. Каждый бассейн, простая ваза или широкий пруд, наполнен прозрачной лазурной влагой, излишек которой переливается маленькими струйками через края ослепительно белого ободка, с вычурной, похожей на тонкия кружева, резьбой. Температура ключей различна: одни из них только тепловатые, другие—горячие, как кипяток: на одной и той же ступени в одном месте кипящий ключ исчезает в клубах пара, тогда как в другом ни один пузырек не замутит чистой, как хрусталь, влаги. Разноцветные водоросли, желтые, красные, зеленые, извиваются на поверхности бассейна, составляя яркий контраст с лазурью воды и с белизной стенок. Даже посреди озера горячие ключи выдвинули свой конус из кремнистых или известковых осадков над поверхностью вод; рыболовы могут располагаться на ступенях закраины и варить в кипящем бассейне форель, только-что пойманную в студеной, как лед, воде Иеллостона.

Особенно интересна та область вулканического плоскогорья, где протекает ручей Файр-Холь, или «Огненных ям», главной ветви реки Мадисон, в тридцати километрах к западу от озера Иеллостон. Ни в какой другой стране, ни даже в Исландии, где находятся типы гейзерных явлений, и которая дала им имена, не увидишь подобного собрания брызжущих источников, поражающих своим необычайным объемом и разнообразием форм. С той или другой из высот, господствующих над долиной Файр-Холь, можно обнять взором на берегах потока сотни ключей, гейзеров или грязевых вулканов. Американцы, которые любят говорить в превосходной степени, затруднялись в приискании для этих грандиозных явлений достаточно громких названий. Вот «Великий» Гейзер, каждое пробуждение которого отделено от предыдущего промежутком покоя около 32 часов; приближение извержения каждый раз возвещается глухим подземным гулом. Из глубины бассейна вдруг вылетает громадный водяной столб, шириной около 2 метров, он вздымается всё выше и выше, по меньшей мере до 60 метров, а пар, развертывающийся длинными клубами, поднимается на триста слишком метров в воздушное пространство. Впродолжении двадцати минут высится этот могучий смерч, затем ревущий бассейн перестает метать свой сноп; он успокоивается мало-по-малу, опускается, охлаждается, и прозрачная поверхность его позволяет видеть на дне два отверстия, откуда только-что взвивался под небеса исполинский столб воды и пара.

Как ни могуч Великий Гейзер, он имеет, однако, соперников в этой стране чудес. Так, другой гейзер, «Гигант», мечет свою струю на 45 метров высоты, и водяной столб его держится почти три часа. Центральный водомет «Великанши» поднимается всего только метров на двенадцать, но боковые фонтаны, бьющие на подобие ракет фейерверка, взлетают на головокружительную высоту 75 метров. «Эксцельсиор», который до 1880 г. считали горячим ключом с спокойной поверхностью, вдруг объявился самым могучим из гейзеров: центральная колонна его, около 60 метров в окружности, иногда взлетала на высоту 90 метров, выбрасывая во время своего восхождения камни, даже каменные глыбы, вместе с клубами пара; после взрыва, над долиной долго стелется облако. «Монарх» также принадлежит к числу гейзеров величественного вида. «Пунктуальный Старик» (Old Faithful) вполне заслуживает это имя, данное ему за правильную периодичность его извержений: в определенный час раздается подземный гул, и из кратера вылетает масса воды и паров. «Улей» развертывает свой зонт в виде грандиозного овала, тогда как «Веер», единственный в своем роде по оригинальности формы, состоит из двух фонтанов, которые брызжут из косых, наклонных друг к другу каналов и пересекаются в воздухе, развертывая в пространстве широкий купол, с расходящимися ракетами. Наконец, «Кровавый Гейзер» (Blood Geyser), выбрасывающий из своего кратера красную глину, покрывает почву струйками кровавого цвета, стекающими в чистые воды ручья Файр-Холь.

Впрочем, описания знаменитых источников Национального Парка, даваемые различными авторами, разнятся между собой в разные годы и даже в разные времена года, смотря по обилию вод и состоянию температуры. Констатированы частые перемены и перемещения: иной источник сделался гейзером, иной гейзер, внутренния галлереи которого обрушились, превратился в мирный родник; в других местах самые воды исчезли, кратер, извергавший столбы воды и пара, теперь зарос травой, и кора известковая или кремнистая, смешавшаяся с растительной землей, трескается под усилием корней сосны. Замечено, говорят, что со времени открытия этих «чудес» природы произошло уменьшение в их энергии. Некоторые гейзеры, между прочим, «Великанша», находятся на пути угасания; но есть и такие, которые возрастают в деятельности и силе. Все перемежающиеся источники находятся в соседстве какой-либо реки, притока Мадисона, Иеллостона или озера Шошон, и потому полагают, что жидкая масса доставляется им не подземными озерами, но соседней рекой, просачивающиеся воды которой, нагреваясь внутри земли от соприкосновения с вулканическими породами, выходят на поверхность в виде паров. «Огненные ямы», т.е. трещины, откуда вылетают горячие пары, открываются в самом русле речки Файр-Холь, которая и получила от них это имя. Многочисленные горки, в форме пузырей, разбросанные или расположенные в одну линию, также изливают на берега потока разноцветные слои грязи, красные, желтые, синие: это «раскрашенные горшки», как их называют американцы[1]. Около северо-восточной оконечности Парка, на берегу ручья Каш-Крик, притока Иеллостона, открыли также мофетту, выделяющую смертоносные газы и окруженную скелетами животных, даже медведей и лосей[2].

К востоку от внешнего вала Скалистых гор расположены предгорья, в виде массивов и побочных цепей. Один из этих массивов, Гайвуд-Пик (2.318 метров), господствует над южным берегом реки Миссури, ниже её выходного ущелья. Южнее, горы Малого Пояса (Little Belt Mountains) тянутся параллельно цепи Большого Пояса (Great Belt Mountains). К востоку от гряды Биг-Горн, лабиринт высот занимает пространство в несколько тысяч квадратных километров, под именем «Худых Земель» (Bad Lands). Это остатки бывшего плоскогорья, которое воды и атмосферные деятели изрыли во всех направлениях, оставив неправильные отрывки в форме башен, лестниц, нагроможденных одно на другое зданий, храмов с колокольнями. Верхние слои, оставшиеся плоскими, все находятся на одинаковой высоте, и на скатах их пласты железистого песку и глины, окрашенные в разные цвета, расположены соответственно с каждой стороны оврагов. Издали «Худые Земли» походят на разрушенный

1 Hayden;—Jules Leclercq, etc.

2 Walter H. Weed, „Science“, Febr. 15, 1889.

город или на причудливые образы, поднимаемые миражем над горизонтом. Индейцы не любили углубляться в этот лабиринт оврагов, где воображение и страх создавали пред их взорами целый мир безобразных и злых существ. Нет сомнения, что плато «Худых Земель» некогда было дном огромного озера, расстилавшагося у основания Скалистых гор. Действие вод обнаруживается там разрыхленостию пород, из которых состоят пласты, и остатками ископаемых животных, находимыми в несметных количествах. Размывание этих рыхлых слоев было легко; полагают также, что в некоторых местах образованию оврагов способствовал подземный пожар: когда ниже лежащие пласты лигнита загорались, верхние слои проваливались, в виде громадных развалин. В самом деле, фумароллы, встречающиеся там и сям на берегу рек, указывают на горение нижних слоев лигнита, от которого, естественно, должны происходить разрывы почвы и провалы на поверхности. Дымившийся «Вулкан», который Одюбон видел издали на берегах верхнего Миссури, был, без сомнения, не что иное, как отдушина одного из этих подземных пожаров. Льюис и Кларк рассказывают, что в верховьях этой реки они часто слышали, днем и ночью, даже в совершенно тихую погоду, сильные детонации, похожия на раскаты грома или на отдаленную канонаду[1].

Цепь гор, известная под именем «Черных Холмов» (Black Hills), которая тянется с севера на юг, между ветвями реки Чийенн, западного притока Миссури, есть наидалее выдвинутый контрфорс внешних массивов, принадлежащих к системе Скалистых гор. Горы эти, названные «черными» по причине их темно-зеленых сосновых лесов, освобождаются летом от своего снежного покрова, так как самая высокая их вершина, Пик Гарни, имеет всего только 2.936 метров высоты. По своему геологическому образованию Черные Холмы составляют как бы резюме всей системы Скалистых гор. Ядро их состоит также из гранита и других кристаллических пород, которые окружены со всех сторон осадочными формациями, силурийскими и девонскими; затем угленосные породы, и далее, пояс красных пластов вторичного образования, триас или юра, тянутся по окружности гор, и всё это погружено в слои третичного происхождения, которые изрыты водами, и которые были некогда отложены внутренними морями. Один из уединенных столбов Черных Холмов, «Чортова Башня» (Devil's Tower), вздымается на 200 метров на пучке трахитовых колонн, с неприступной вершиной[2]. К югу и юго-востоку от Черных Холмов простираются другие «Худые Земли», подобные северо-западным Bad Lands. Ещё южнее, между рекой Ниобрарой и руслом Северной Небраски, расстилаются обширные песчаные пространства, оставленные водами бывшего средиземного моря, и на которых ветер поднимает теперь гряды параллельных дюн.

Эта водная площадь существовала ещё в миоценовую эпоху и покрывала всё пространство, заключающееся между Черными Холмами и фронтом Скалистых гор, верст на триста к югу. В плиоценовую эпоху, это озеро, уже высохшее было и похоронившее в недрах своего дна остатки своеобразной фауны, снова наполнилось водой, и новые ряды ископаемых животных рассказывают его историю. Некоторые округи Худых Земель до такой степени наполнены ископаемыми остатками, что их можно сравнить с обширным кладбищем. Исследователи Гэйден и Коп открыли там семьдесят новых видов, от величины крота до величины слона, пресмыкающихся, грызунов, плотоядных, переходных животных между оленем и мамонтом, между носорогом и мастодонтом. В Худых же Землях, к юго-востоку от Черных Холмов, геолог Марш, прокрадываясь со своими сотрудниками между враждебными бандами сиуксов и других индейцев, совершил, в 1874 г., свою памятную палеонтологическую экспедицию, из которой привез удивительные ископаемые остатки, хранящиеся теперь в музее Яль, в Нью-Гавне[3].

От бывших озер до промежуточного плато Скалистых гор скат очень пологий. Следуя вверх по течению Северной Небраски, нечувствительно поднимаешься к основанию гор, затем вступаешь в широкую впадину, которая тянется до возвышенностей, описывая длинный

1 „Expedition to the Sources of the Missouri“.
2 J. D. Winey, цитиров. сочинение.
3 William C. Wyckoff, „A Perilous Fossil Hunt“, New Iork Tribune, decem. 22, 1874.

круг: из долины Небраски входишь в долину её притока Свитватер и, оставляя вправо и влево параллельные горные цепи, достигаешь водораздельного хребта между покатостью Миссисипи и покатостью Колорадо брешью в 30 километров, Южным Проходом (2.284 метра), с слегка волнистым характером местности; раздельный порог имеет не более двадцати метров высоты. Едва-ли найдется другой лучше обозначенный разрез между отдельными отрывками одной и той же цепи; однако, ни одна из трансконтинентальных железных дорог не воспользовалась этим горным проходом, который представляет то неудобство, что находится слишком далеко к северу от нормального направления между Чикаго и Сент-Луисом на востоке и Сан-Франциско на западе. Впрочем, перевал Эванс (2.378 метров), к которому направляется первый рельсовый путь Соединенных Штатов, построенный от моря до моря, тоже легко доступен, так как для прокладки там пути не потребовалось никаких искусствен-

На озерѣ Іеллостонъ.

ных сооружений, кроме рамп в некоторых местах; инженерам, строившим эту дорогу, не было надобности пробивать горы длинными выемками или даже извилистыми галлереями, как это пришлось делать в Альпах Европы. Однако, перевал Эванс—это только первый порог; пройдя его, нужно ещё подняться к станции Шерман (2.513 метров) затем обогнуть горные массивы и перейти верхнюю длину Свитватера, прежде чем достигнешь водораздела между Миссисипи и Колорадо. Да и после того сколько ещё перевалов надо преодолеть, прежде чем доберешься, на покатости Сиерры-Невады, до тихоокеанской рампы!

К югу от Северной Небраски, восточная цепь Скалистых гор снова появляется под именем Черных гор (Black Mountains), именем, которое обязано своим происхождением, как и название Черных Холмов, темным сосновым лесам, составляющим разительный контраст с серыми равнинами, где нет другой растительности, кроме чернобыльника. Цепь эта тянется сначала с запада на восток, затем с севера на юг, в виде обширного полукруга, охва-

тывая глинистый цирк «Равнин Ларами», некогда наполненный водами озера. Пик Ларами, высотой около 3.000 метров, образует краеугольную массу цепи около середины её выпуклости. К югу от этой пирамидальной горы, хребет продолжается по направлению меридиана, и остроконечные вершины его имеют почти одинаковую высоту; несмотря на ущелье, которым река Ларами перерезывает горы по всей их ширине, и на брешь Эванс, через которую проходит трансконтинентальная железная дорога, хребет этот составляет не отдельный отрывок, но северную часть высот, которые, после соединения под острым углом с боковой цепью Медисин Боу-Маунтен, продолжаются далее на юг под именем Колорадских гор. Величавый вид их доставил им также название Фронт-Рандж или «Горы Фасада». Они являются в виде исполинского вала снеговых гор, тянущагося почти на 400 километров и ограничивающего хаос гор, долин, плато, пустынь, покрывающий западную часть континента на пространстве слишком тысячи километров. У подошвы их тянется параллельная гряда невысоких холмов, состоящих из песку, гравия, песчаника и конгломерата, которые некогда были унесены водами с горного хребта и затем отделены от него действием других потоков: с этих холмов можно великолепно видеть контраст гор и равнины; скалы в виде столбов или столов, террасы в форме монументов, много-этажные башни, ступени амфитеатра—все эти причудливые каменные массы делают эти предгорья одною из живописнейших местностей в Соединенных Штатах[1].

Два из главных пиков фасада, Кларк (4.013 метр.) и Лонг (4.350 метр.), получили имена исследователей, которые были в числе первых путешественников белой расы, совершивших переход через Скалистые горы. Пик Лонг, «Сервен Соединенных Штатов», представляет с одной стороны неприступную стену, состоящую из вертикальных таблиц, которые, отделяясь по всей вышине сверху до низу, оставляют стену гладкой, прямой и грозной[2]: издали она кажется оканчивающейся двумя остроконечными вершинами, «парой ушей», как их называли старинные канадские путешественники[3]. Далее на юге, гора Линкольн поднимается на 4.359 метров, но она уже замаскирована с восточной стороны предгорьями и выступом главной цепи, оканчивающимся на севере массивом Пайк (Pike's Peak), названным так в честь путешественника, который в 1806 г. безуспешно пытался совершить восхождение на этот пик, и который, пространствовав в горах ещё несколько месяцев, наконец, заблудился в снегах и был арестован, как нарушитель границы, мексиканскими стражниками. Натуралист Джемс первый взошел на эту вершину, около 1820 г.; теперь это одно из наиболее посещаемых мест восхождения на высокие горы на дальнем Западе. Высоко поднимающийся над равнинами рек Небраски и Арканзаса, американский «Визо» до недавнего времени давал свое имя всей стране, и эмигрантов, направлявшихся к Скалистым горам, обыкновенно называли *Pike's Peakers*[4]; и теперь ещё колонисты, пришедшие в Калифорнию от подошвы Скалистых гор, известны под этим именем. Обсерватория, основанная астрономом Пикерингом на естественной платформе, которою оканчивается Пик-Пайк на высоте 4.308 метров, есть самая высокая во всём свете[5]: обитаемая круглый год, она стоит на 891 метр выше обсерватории Лех, в английском Тибете, которая к тому же помещена довольно дурно, в котловине, окруженной высокими горами[6]. Обсерватория на американском пике занимает, напротив, совершенно открытое положение, как нельзя более благоприятное для наблюдения общих явлений верхней атмосферы.

Тяжесть воздуха на Пике Пайк: 0,451, или 0,6 барометрического столбика на уровне моря; средние температуры: июль: 4°,5; январь:—16°,4; крайния температуры: июль 17°,8 и январь:—39°,4.

---

1 Long;—James;—Hayden, etc.

2 F. H. Chapin, „Appalachia", June 1888.

3 John Ch. Fremont, „Narrative of Explorations" etc.

4 J. D. Whitney, „The United States".

5 Теперь устроена, французским астрономом Жансеном, обсерватория на вершине Монблана. *Перев.*

6 „Meteorologische Zeitschrift", 1891.

К западу от внешнего вала, образуемого горами Фасада, пространства, окруженные со всех сторон высокими хребтами, получили название «парков»: это—скорее высокие продольные долины, с веером боковых долин, средней высотой от 2.000 до 3.000 метров, доминируемые хребтами, возвышающимися на тысячу метров выше уровня долин. Три главных бассейна, парки Северный, Средний и Южный, следуют один за другим с севера на юг, имея приблизительно равные размеры,—от трех до четырех тысяч квадр. километров,—и почти одинаковую форму. Северный Парк, ограничиваемый с востока и запада двумя параллельными цепями,—самый правильный из этих амфитеатров; потоки его, выходящие из веерообразно разветвляющихся долин, открывают себе выход на северной оконечности бывшего озера, чтобы образовать Северную Небраску и повернуть к востоку после соединения своих вод с водами Свитватера. Средний Парк, отделенный от первого простой перегородкой из вулканических пород, не принадлежит к бассейну Миссисипи: он имеет скат на запад и спускает избыток дождей и тающих снегов в Гранд-Ривер, приток Колорадо. Наконец, Южный Парк, заключающийся между хребтом, на котором стоит пик Линкольн, и массивом Пик-Пайк, широко раздвигается на север и дает начало главной ветви Южной Небраски. Большая долина Сан-Луис, некогда озерная, также иногда обозначается, но неправильно, именем «парка»: это песчаная и глинистая равнина, выровненная водами, где течет река, приток Рио-Гранде во время разливов. И другие бассейны, которые в другом месте называли бы цирками, комбами или даже долинами, получают в этой области Скалистых гор наименование «парков»; меньшие впадины в шутку называют «ямами», *holes*[1]. Под общим термином «Парк-Рэндж» понимают неправильные выступы рельефа, составляющие, на западе от собственно Парков, род цепи или, лучше сказать, закраину западного нагорья.

Выставленные действию сухого воздуха обширных равнин Миссисипской покатости и получая, в среднем, небольшое количество атмосферных осадков,—менее 50 сантиметров в год,—горы Фасада бывают покрыты снегом только полгода и в середине лета представляют лишь узкия беловатые полосы, образуемые скопляющимся в трещинах фирном. Однако, кое-где существуют маленькие ледники, в наиболее защищенных местах. Главный ледяной поток, доминируемый высокими скалами темного цвета, залегает на длинных скатах горы «Мумии» (*Mummy Mountain*), к северу от пика Лонг. Во время одного большого лёта саранчи, миллиарды этих акрид попадали на снега между Утахой и Колорадо, и медведи толпой устремились из нижних долин к горным вершинам, чтобы попользоваться неожиданным наследством. Тогда-то один охотник, преследуя крупную дичь, и открыл это обширное «снежное поле», в котором впоследствии распознали кристаллическое строение, с трещинами и сераками; оно было названо «Ледником Галлета», по имени одного из его исследователей[2]. Но если нынешние глетчеры не велики, то там видны следы громадных ледяных масс, покрывавших прежде всю поверхность Парков, выше пояса 3.000 метров, и выстрогавших горы почти до однообразной высоты. Эрратические камни, толкаемые некогда кристаллическими массами, рассеяны везде по склонам гор, над глубокими оврагами, вырытыми горными ручьями в обвалах и моренах. Одно из наиболее посещаемых мест этой области, благодаря соседству минеральных вод, называемых «Колорадскими источниками», получило наименование *Garden of the Gods*, «Сад богов»,—до такой степени его обелиски из песчаника, обглоданные водами, ветрами, пылью, морозом и оттепелью, возвышающиеся над лугами и лесами, поразили воображение посетителей: с одной стороны расстилается необозримая равнина, сливающаяся вдали с синеватой линией небосклона, с другой высится амфитеатр зеленеющих вершин.

К югу от узкого ущелья, в котором проходит река Арканзас, и которое также могло бы быть названо «воротами Скалистых гор», подобно теснине, где текут воды Миссури, цепь Фасада продолжается под другим именем, под именем Сангре-де-Кристо, «Кровь Христа»; мы находимся уже в другом историческом поясе, где открытие и заселение совершено не

1 Jacques W. Redway, цитиров. сочинение.

2 F. H. Chapin, „Appalachia“, December 1837.

франко-канадцами и англо-американцами, как в северных Скалистых горах, но мексиканцами испанского языка. Самая высокая вершина массива Сангре-де-Кристо, часто покрытая снегом, несмотря на положение её между 35 и 38 градусами широты, называется Сиеррой-Бланкой (4.438 метр.): она на несколько метров выше соперничающих вершин собственно Скалистых гор; впрочем, на этот счет ещё существует некоторое сомнение, так как более полсотни пиков имеют почти одинаковую высоту. Южнее, в части цепи, называемой «Испанской» (Спаниш-Рэндж), высятся вершины Кулебра (4.302 метр), Больди-Пик (3.807 метр.), или «Лысая Гора», продолжающиеся на юге уединенными пиками, вулканом Окате (2.712 м.) и Тэрки-Маунтен (2.575 м.), сопровождаемыми на востоке двумя стоящими одно на другом плато из лавы, которые размывающим действием воды разрезаны на громадные столы; верхние притоки Канадской реки текут в толще горных пород, в узких каньонах, правильных желобах, где исчезают воды. Слои антрацита, заключающиеся в ниже лежащих пластах, были превращены жаром лав в кокс превосходного качества[1]. К востоку от главной цепи высятся два уединенных трахитовых конуса Испанских пиков.

Тут прекращается цепь в собственном смысле, и отроги её расходятся в окружающие равнины; огромные массивы высятся уединенно, как бы продолжая собою главную цепь. Это—конец «Скалистых гор»; цепи, стоящие южнее и проникающие из Нью-Мексико и Техаса в Мексику, принадлежат уже к другой системе. Впрочем, и геологическая структура разнится: гранитные массы, образующие горы Фасада и соседние хребты, исчезают, на юге массива Сангре-де-Кристо, под вторичными формациями, продолжающимися далее юрским плоскогорьем Льяно-Эстакадо, гора Пирамиды, изборожденная оврагами, наглядно показывает, точно геологическая модель, наслоение горизонтальных пластов, различающихся между собой цветом, консистенцией и полосами, происшедшими вследствие размывания[2]. Многочисленные вулканы расположены группами над уныло однообразными равнинами; красноватые потоки лавы, вылившиеся из этих гор, и теперь ещё блестят на солнце, как будто огненно-жидкая масса только недавно застыла.

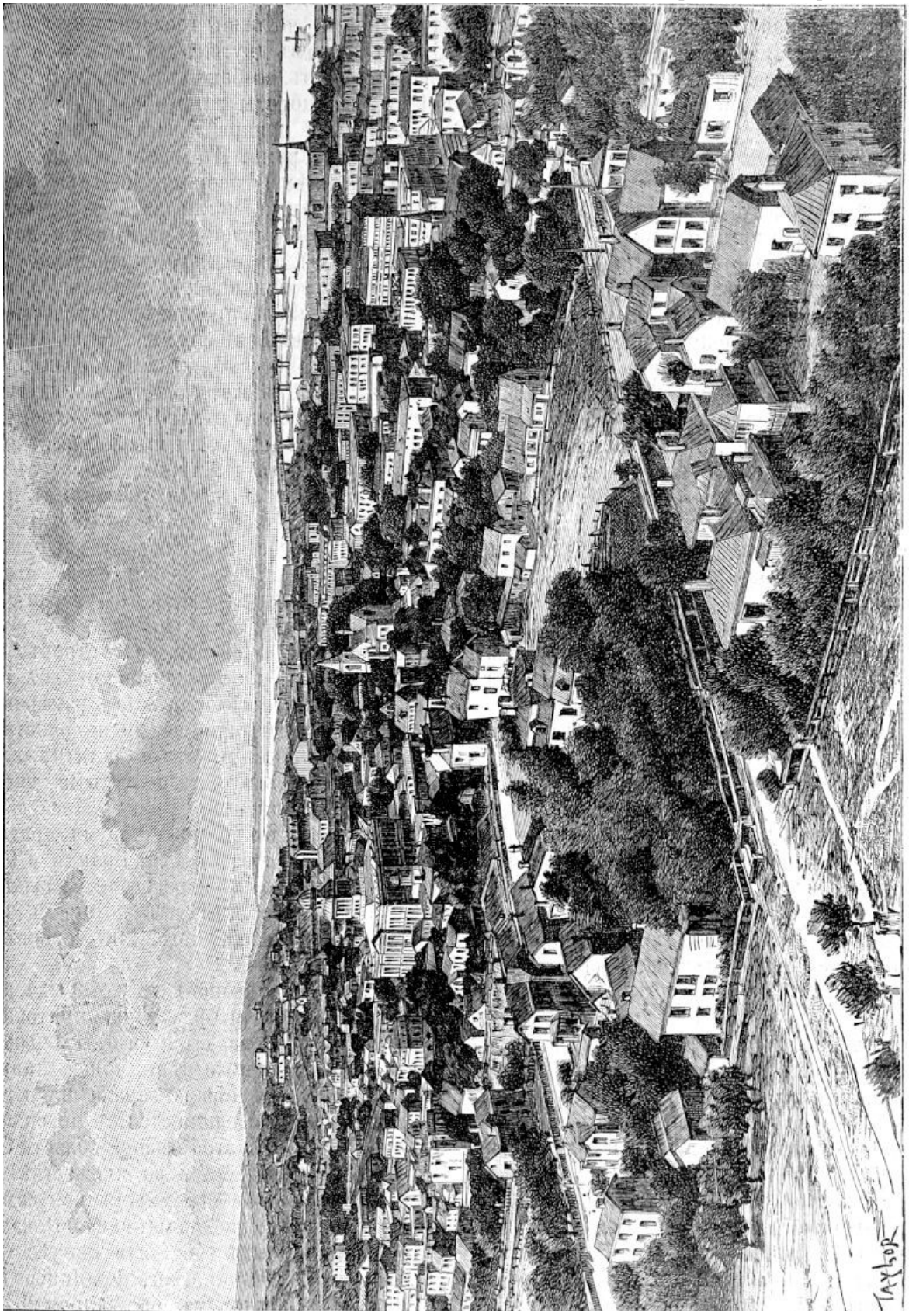
К западу от внешних цепей, ограничивающих нагорье, тянутся в разных направлениях другие гряды гор, стоящие на общем цоколе высот. Один из этих хребтов, Сагач или Савач, соединяется боковыми ветвями с цепью Парков, тогда как на юге он продолжается сиеррой Сан-Хуан. Пики Гарвард (4.387 метр.) и Яль (4.290 метр.), названные так в честь двух соперничающих университетов, стоят на одном из гребней Сагача, также как гора св. Креста—Холи-Крос,—получившая это имя от двух белых полос, начертанных снегом на её верхней стене (4.331 метр). Севернее высится массив Ункомпагре (4.341 метр),—уединенная исполинская груда лав; цепь «Лосьих гор»,—Эльк-Маунтен,—доминируемая вулканом Кестль-Пик (слишком 4.200 метр.), тянется по направлению с востока на запад. Расположение и направление этих цепей, на половину затерянных в массе нагорья, недостаточно определены; наиболее резко выраженные черты рельефа—не верхние гребни гор, но крутые края плоскогорий, в которых притоки Гранд-Ривера и других рек вырыли свои ущелья или цирки. Едва-ли можно указать, как пример размывания, более странные пропасти, чем «долина» Синдбад, открывающаяся, точно навмахия, в толще скалы. Вытекающая из этой пропасти соленая вода спускается через Рио-Долорес в Гранд-Ривер, который, соединяясь с Грин-Ривером, образует Рио-Колорадо. Между вершинами, ясно отличающимися от массы плоскогорья своей формой и высотой, Эммонс отмечает в особенности пики Буффало, кульминационная точка которых достигает высоты 4.127 метров, поднимаясь на триста до пятисот метров над окружающими гребнями: это две правильные пирамиды, разделенные брешью, скалы которой имеют вид колоннады в развалинах. Промежуточные пики и столбы состоят из пород вулканического происхождения, залегающих на запад на граните, а с другой стороны выливших свои лавы на угленосные формации. На севере гора представляет цирк, на-

1 John Stevenson, „Geological Survey“.

2 Jules Marcou, „Expedition du Mississipi aux montagnes Rocheuses“.

полненный обвалившимися камнями: это, может-быть, кратер бывшего вулкана[1].

Водораздел, *Continental Divide*, между бассейнами Мексиканского залива и Великого океана следует по очень извилистой линии, не совпадающей с правильным гребнем гор, но

Омага.

извивающейся от одной цепи к другой. Вершины не высоко поднимаются над своим цоколем, а проходящие через него пороги лежат не ниже средней высоты плоскогорья. Один из

1 J. F. Emmons, „Bulletin of the United States Geological Survey“, № 1.

наименее высоких порогов, Кочетопа, который был известен индейским охотникам как главный путь следования горных буйволов во время их больших ежегодных переселений, имеет 2.997 метров высоты. Самая высокая железная дорога Северной Америки, из Денвера в Город Соляного Озера, проходит перевал Фримонт, на высоте 3.907 метров, всего только на четыреста метров ниже самых высоких вершин той области; южнее, другой рельсовый путь, с бесчисленными ветвями, проложен через проход Маршаль, на высоте 3.335 метров. Деревни и города, вызванные к жизни в этой области горным промыслом, все лежат выше 3.000 метров; многолюдный город Лидвиль построен на высоте 3.110 метров, на 1.100 метров выше, чем Сен-Веран, самое высокое французское селение. Некоторые группы жилищ на этом плато находятся ещё на 300 метров выше Лидвиля.

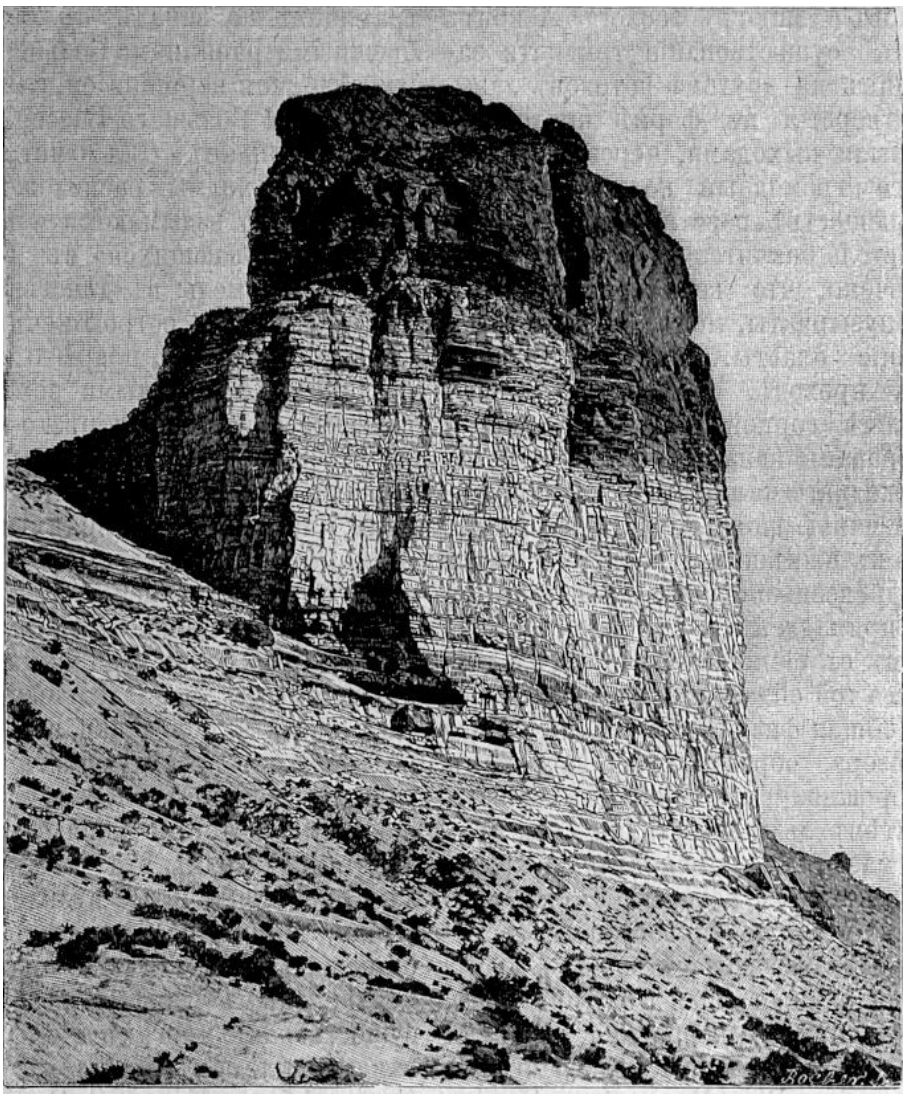
К югу от высоких равнин, по которым пролегает первая трансконтинентальная железная дорога, построенная из Нью-Йорка в Сан-Франциско, тянется, с востока на запад, цепь гор, имеющая около 240 километров длины, при средней ширине от 50 до 60 километров. Цепь эта, поперечная к оси орографической системы, сохранила свое индейское имя гор Уинтах; она связывает собственно Скалистые горы с цепью гор Вазач, восточной гранью Утахского «Большого Бассейна». Уинтахская цепь может быть рассматриваема как тип сводообразных гор. Пласты, принадлежащие к различным формациям, от архейских и камбрийских веков до ярусов мелового и третичного периодов, изогнуты там в виде совершенно правильного свода. Общая высота этих гор достигала по меньшей мере восьми тысяч метров, судя по нынешнему профилю свода; но полуразрушенные вершины, стоящие ещё на оси цепи, гора Агассица, гора Эммонса, Пик Джильберта (4.172 метра), не превышают средней высоты выступов нагорья. Сгибание пластов, очевидно, совершалось постепенно, без крутых переворотов, так как вытекающие из этих гор реки не переменили русла и в течение веков вырыли его до большой глубины, образовав клюзы или каньоны, каковы, например, каньоны Зеленой реки (Грин-Ривер), одной из главных ветвей Колорадо[1].

Горы Вазач, подобно горам Фасада, суть не что иное, как край большого нагорья; однако, с западной стороны они представляют, над равнинами, некогда озерными, Утахи, вид величественной цепи, поднимающейся на 1.500—2.000 метров над плоскими возвышенностями, служащими им цоколем. Горы эти составляют южное продолжение массивов Национального Парка, где происходит раздел вод между Миссури, Колумбией и Колорадо. Эти массивы, одна гора которых, Уайоминг, поднимается на 3.500 метров, не составляют отдельной цепи: извилистые долины противоположных склонов разрезали их на целый лабиринт неравных отрывков. Они начинают принимать характер цепи только на юге от «Медвежьей реки» (Бер-Ривер), перерезывающей всю гористую область и впадающей в Большое Соляное Озеро. Далее на юге, другая река Вебер, также перерезывает эту цепь узкой клюзой, которою воспользовалась первая трансконтинентальная железная дорога, чтобы достигнуть Утахского «Большого Бассейна», по выходе из «равнин» Ларами и Бриджер. Другой рельсовый путь воспользовался долиной Медвежьей реки, через выходное ущелье которой он направляется к Змеиной реке (Снэк-Ривер).

К югу от теснин реки Вебер начинается собственно так называемая цепь Вазач, продолжающаяся с севера на юг на протяжении около 400 километров. Постепенно повышаясь в южном направлении, она образует наконец гору Нево, названную так потому, что с этой вершины мормоны впервые узрели «обетованную землю», подобно тому, как Моисей увидал землю Ханаанскую с горы Нево, господствующей над долиной Иордана. Далее, горы Вазач начинают теряться в толще каменной массы, образующей пустыни Колорадо, с их высокими выступами в виде утесов, различно ориентированными, которым иногда дают название горных цепей, и которые связывают горы Вазач с горами Сан-Хуан и Ункомпагре: там находятся гора Терриль (3.535 метр.), гора Белькнап (3.720 метр.) и несколько других вершин, менее высоких. Эти безлесные плато, горы и скалы, где вулканические конусы вылили свои изверженные потоки лавы, где граниты и архейские породы выступают ещё там и сям над

1 Warren Upham, „Popular Science Monthly“, Sept. 1891.

покрывающими их вторичными формациями и над залегающими в низинах третичными слоями,—известны под именем «Рая Геологов». Разрезы и размывы позволяют ясно видеть ряд лежащих одна на другой пород и определить без труда их относительную мощность, наклонение и прочия подробности: здесь прямо читаешь геологическую историю мира, которую в других местах так трудно дешифрировать, особенно в Западной Европе, где горные породы закручены, иногда даже опрокинуты и прикрыты растительной землей, лесами и пашнями. В течение каких-нибудь пятнадцати лет, говорит де-Маржери, американские ученые могли дать более ясное и точное описание явлений размывания и выветривания, чем сделали это европейские ученые со времени возникновения геологии[1]. Обнажения (денудации), произведенные временем на этих возвышенностях, могли быть вычислены с точно-

Скала на берегу Гринъ-Ривера.

стью,—так отчетливо, часто даже с такой свежестью цветов, показываются пласты различных формаций, пермской, триасовой, юрской, эоценовой, высеченные разрушительным действием веков в виде расположенных ярусами утесов; в промежутках от одного плато до другого ясно видно, чего недостает каждому из последовательных пластов: оказывается, что размыванием и выветриванием унесен слой толщиной около 1.500 метров с области слишком в 500.000 кв. километров[2]. Это твердая масса, представляющая куб в 90 слишком километров по всем измерениям. Нигде так явственно не видна работа размывания и разъедания, как на остатке «стола», совершенно ровного, с изрытыми скатами, который под именем Гранд-Меса («Большой Стол»), стоит между двумя притоками верхнего Колорадо, реками Гранд и Гун-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de France", 1883.

2 C. E. Datton, „Tertiary History of the Grand Canon District".

нисон. Совокупность плоскогорий разлагается на отдельные массивы, из которых самый высокий, Канбаб, имеет 2.200 метров средней высоты.

К югу от каньонов, в которых проходят Колорадо и его различные притоки, высокий массив распадается на отдельные группы и второстепенные цепи, общее направление которых с северо-запада на юго-восток и которые соединяются с мексиканской Сиерра-Мадре. В этой южной области Скалистых гор встречаются во множестве отверстия вулканов, с огромными конусами из шлаков и далеко расходящимися потоками лавы. Одна из этих гор, или вернее групп потухших вулканов, Сан-Франциско (3.900 метров), с кратером на восточной стороне, стоит одиноко, окруженная на склонах поясом темно-зеленых лесов, сосновых и кедровых, которые составляют резкий контраст с серыми или красноватыми тонами окружающих скал; даже летом верхние скаты конуса, обращенные на север, сохраняют свой снежный покров. Горы Зуньи, к востоку от среднего течения Рио-Гранде, также имеют свои вулканы, между прочим, вулкан Тэйлор или Сен-Матео (3.469 метр.), лавы которого текли по всем долинам окружности, «точно длинные черные змеи, выходящие из головы Медузы»[1]; один из потоков имел, по словам Дэттона, 72 километра в длину[2], но состоял из довольно тонких слоев лавы, толщиною всего только от 15 до 60 метров. На противоположном скате долины, эруптивные породы также занимают обширные пространства. Эта область Новой Мексики имеет свои *malpais*, подобно вулканическим землям Анагуака. На севере от Пасодель-Норте, одно междугорье заполнено лавным потоком, вышедшим, вероятно, из какой-нибудь скрытой трещины, так как по близости не видно кратера, из которого он мог бы вылиться.

Между восточными кряжами, составляющими собственно Скалистые горы, и западными, образующими западный край возвышенностей, над Тихим океаном, простирается обширная средняя область, где почва местами поднимается в виде горных выступов, но которая в целом представляет плоскогорье, постепенно покрывшееся песком, глиной, площадями известкового происхождения. Северная часть промежуточного пространства между двумя цепями почти на половину наполнена лавами, которые вытекали из западных гор, в Калифорнии и Орегоне, затем разлились в виде замкнутого моря в круге высот, на севере и востоке. Лавное поле, разветвлявшееся вправо и влево в долины, занимает пространство слишком в 500.000 квадр. километров, следовательно, равное Франции. Вся равнина, заключающаяся между течением Споканы, рекой Колумбией и Змеиной рекой (Снэк-Ривер), покрыта плитой из лавы в одной меже на пространстве 60.000 квадр. километров. Во многих местах толщина этих исполинских потоков лавы обнаруживается глубокими выемками, вырытыми водами ручьев и рек. Со дна этих ущелий можно видеть, что стены их, и выше кручи, до самого края плоскогорья, состоят сплошь из лав, неравномерно источенных метеорами. В среднем эти каменные стены, вышедшие в жидком состоянии из недр земли, поднимаются на шестьсот или семьсот метров. В большом каньоне Колумбии река течет, на протяжении около трех километров, по граниту, что позволяет измерить мощность поверхностного пласта лавы: в этом месте он имеет 1.120 метров толщины и состоит из большого числа последовательных слоев; в бассейне реки Водопадов (Дешют) геолог Леконт констатировал существование тридцати залегающих один на другом потоков лавы. Трещины и отверстия в форме кратеров, повидимому, были выходами, через которые выливались эти громадные количества расплавленных веществ, расстилающиеся горизонтально на столь значительной области континента. Замечено, что верхние слои лавы вообще более пузырчаты, менее плотны, чем глубоко лежащие пласты. Там, где реки пробили себе проход, столбы, показывающиеся в толще горной породы, больше и лучше сформированы внизу мощных утесов. Эти излияния жидкого камня происходили, вероятно, в третичную эпоху, или даже в эпоху, более близкую к нынешним временам, судя по тому, что древесные стволы, находимые в слоях лавы, при-

1 Jules Marcou, цитиров. сочинение.

2 Archibald Geikie, „Nature", November 27, 1884.

надлежат к видам хвойных, сходным с теми, из которых и ныне состоят леса той области[1]. Но с этой недавней эпохи общая физиономия страны много изменилась: озера, образованные запрудами из лавы, опорожнились, реки снова вырыли свои русла; затем льды, расстилая свои кристаллические массы на равнинах, покрыли их камнями и гравием, которые, в свою очередь, изменили местную гидрографию, заставляя реки переделать свою сеть.

Необозримые лавные поля Колумбии ограничены на юге горной диафрагмой, главная цепь которой носит столь распространенное имя Голубых гор (Blue Mountains). На юг от этой перегородки простираются равнины «Большого Бассейна», средняя высота которых около 1.500 метров. Самая высокая часть Бассейна находится в центральной части: от этого пологого купола почва имеет наклон, на восток—к горам Вазач, на запад—к Сиерре-Неваде. С южной стороны спуск очень крутой до границ песчаной пустыни Мохавес, где плоскогорье перерезано длинной впадиной «Долины Смерти», Death Valley, параллельной оси Сиерры-Невады. Большой Бассейн, выровненный отложениями, принадлежащими к вторичной и третичной эпохам, не лишен, однако, гор; многочисленные хребты, замечательно параллельные, тянутся там прямолинейно с севера на восток, поднимаясь на различную высоту над промежуточными впадинами. Путешественник, который отправился бы по прямой линии от озера Тагоэ, в Сиерре-Неваде, к основанию гор Вазач, должен бы был перейти десятка два этих гребней из крутых и голых скал[2].

Самая высокая из этих выпуклостей рельефа и одна из самых длинных, цепь «Восточный Гумбольдт» (East-Humboldt), граничит на западе с бесплодными прибрежными равнинами Большого Соляного Озера; северная вершина её, самая высокая гора в области Большого Бассейна, получила имя «пик Бонплан» (3.450 метров). В целом, эти цепи и холмы, расположенные на плоскогорье, круто вздымаются из почвы, без откосов, сливающихся с покатостью окружающих земель: в действительности это не что иное, как остроконечные горы, основание которых было покрыто, так сказать, затоплено аллювиальными землями. Это геологическое явление так резко бросается в глаза, что пионеры и эмигранты дали этим вершинам, выступающим из глинистых равнин, название «Потерянных гор», *Lost Mountains*[3]; утахское наименование Оквирр имеет то же значение. Между этими горами Большого Бассейна сотни являются в форме куполов, либо уединенных, либо сгруппированных параллельными рядами: это, так сказать, бородавки из угленосных пород или из последующих формаций, до третичных пластов, выдвинутые горящими веществами, которые Джильберт назвал «лакколитами»; холмы эти можно рассматривать как недоконченные вулканы. Горы Генри (Henry Mountains), в южной Утахе, представляют тип этих куполов, выдвинутых центральным давлением. Констатировано существование многих других высот, образовавшихся таким же путем: таковы горы ла-Саль, Абахо, Каррисо, Навахо, южнее, и на востоке Лосьи горы (Elk Mountains) Колорадо[4]. На севере от долины Рио-Вирхен, притока Колорадо, три голые пирамиды, называемые «Три груди», как некоторые другие группы системы Скалистых гор, величественно заканчивают плоскогорье.

Краевые горы нагорья, на западе, из всех северо-американских цепей представляют наибольшую правильность, если не по свойству пород[5], то по крайней мере по ориентировке и рельефу: в этом отношении они превосходят даже Аппалахскую систему, взятую во всей её совокупности, от Мэна до Алабамы. Однако, они не известны под одним общим именем: северная часть этой Кордильеры называется Каскадной цепью, Cascade Range, как горы Британской Колумбии; к югу от горы Шаста, цепь сохранила испанское имя «Сиерра-Невада». Каскадные горы, названные так от водопадов Колумбии и других рек, перерезывающих эти горы или вытекающих из них, составляют простейшую часть системы: вулканы, венчающие

1 Jacques W. Redway, цитирован. сочинение
2 J. D. Whitney, цитиров. сочинение.
3 Crove Karl Gilbert, „Lake Bonneville".
4 Warren Upham, „Popular Science Review", Sept. 1891.
5 Clarence King, „Mountaineering in the Sierra-Nevada".

гребень, высотой от 1.500 до 1.800 метров, и поднимающиеся над ним на такую же высоту, не все образовались на главной оси, и вылившиеся из них потоки лавы выдвинулись длинными мысами в равнине. Гора Бэкер, стоящая в непосредственном соседстве канадской границы, и вершина которой (3.300 метров) часто бывает видима с о. Ванкувера, занимает между горящими горами этой области первое место по числу наблюдавшихся на ней пожаров; в 1843 г. и с этого времени ещё три раза Бэкер выбрасывал пепел, которым было запружено течение Скагита; но не известно, извергал ли он лаву. Гора Рэнье или Такома—«Покрытая снегом» или «Почти упирающаяся в небо»,—гигант Каскадных гор (4.402 метра), по имени которого был назван цветущий город Такома, построенный на берегу Пэджет-Саунда, не имел извержений в современном периоде, но из его обширного кратера, частию наполненного снегом и обведенного более древним жерлом, выделяются обильные пары, около которых обыкновенно располагаются на привал предпринимающие восхождение туристы, чтобы не страдать от холода, царствующего в этих высоких областях атмосферы. Гора св. Елены, Saint Helens (2.970 метр.), массив которой заставил реку Колумбию отклониться к востоку и описать обширный полукруг вдоль его основания, повидимому, проявляла деятельность в 1843 г., в том же году, как и Бэкер, и облака пыли, вылетавшие из её жерла, были переносимы ветром до Далль, на расстояние около 80 километров к юго-востоку[1]. На востоке, гора Адамс, более удаленная от моря, чем гора св. Елены, кажется, давно угасла; но прежния извержения её достигали чудовищных размеров: эта высокая гора, теперь покрытая снегом на верхушке, задрапированная зеленью на боках, есть источник той лавы, которая некогда запрудила Колумбию громадной массой слишком в 1.100 метров толщины. С горы св. Елены спускаются ледники в долины[2]; во всех речках, через которые проходит береговая железная дорога, вода имеет молочный цвет, указывающий на глетчерное происхождение этих потоков.

К югу от Колумбии ряд вулканических конусов, соединенных в один непрерывный пояс лавы и пепла, тянется параллельно морю по краю плоскогорья, на пространстве слишком 600 километров. Колоссальная масса горы Гуд (3.730 метр.), господствующая над ущельем этой реки, часто была описываема как гора огнедышащая, но предполагаемый дым, поднимающийся с её вершины, есть не что иное, как клубы влажных паров, сгущаемых охлаждением воздуха[3]. Другие вулканы, следующие один за другим в южном направлении,—тоже потухшие; таковы: Гуагум, гора Джефферсон (3.427 метров), Черный Холм (Black Butte), «Три Сестры» (Three Sisters), с тремя убеленными снегом главами (2.730 метров), окруженные другими, меньшими сестрами, не достигающими области снегов. Вулканическая чаша Кратерного Озера, Crater Lake (1.904 метра), заключает между своими высокими стенками, с острым краем, озеро в 600 метров глубины, и со дна голубых вод, в юго-западном углу бассейна, выступает пепельный конус замечательно правильной формы: так же, как другие чудеса Соединенных Штатов, это озеро и окружающие его скалы были объявлены «Национальным Парком», т.е. общей собственностью нации. К югу от гор Скотт и Питт (или Пит), тоже потухших вулканов, Каскадная цепь прерывается, чтобы дать проход реке Кламат, спускающейся к Тихому океану, но в то же время она расширяется предгорьями, боковыми отраслями и поперечной грядой гор Сискию, продолжающейся до самого моря. Лабиринт гор, занимающий по меньшей мере 150 километров в ширину, образует естественную границу между Орегоном и Калифорнией.

Гора Шаста, доминирующий вулкан водораздельной области, вздымается на 4.403 метра среди лавной равнины, составляющей его пьедестал, около 1.000 метров средней высоты. Леса, проникающие в овраги широкого конуса, образуют зеленый пояс вокруг его боков. Над этим поясом вырисовывается коническая масса, оканчивающаяся двумя вершинами, как Везувий, но без столбов дыма. Красота этой несравненной горы, самой величественной в

1 J. D. Whitney, цитиров. сочинение.
2 G. F. Wright, „The Origin of the Ice Age of North America".
3 Clarence King, „Mountaineering in the Sierra-Nevada".

Соединенных Штатах, зависит от её совершенной изолированности, благородства её контуров, белизны её снежной вершины и её «розовых лав с эмалью из льда»[1]. При том, гора эта, столь же правильная, сколько красивая, очень удобна для восхождения: без помощи палок с острыми наконечниками и веревок турист добирается до краев исполинского кратера, около 5 километров в окружности, внутри которого находится глубокий бассейн, на половину наполненный снегом. С острых ледяных карнизов, окаймляющих окружность кратера, вид простирается на север—на половину Орегона, с его многочисленными вулканами, на восток—на гористые плато Большого Бассейна, с их серыми пространствами, теряющимися вдали в дымке горизонта. На юг открывается длинная перспектива равнин между двумя параллельными валами Сиерры-Невады и Береговой цепи.

Так же, как горы Гуд, Джефферсон и Три Сестры, вулкан Шаста изливает ледники, частию с чистой поверхностью, блистающие на солнце, частию покрытые камнями и даже глыбами лавы: в некоторых местах трещины, идущие на большую глубину в ледяной массе, едва приметны под грудами каменных обломков, скрывающих кристаллическую поверхность и защищающих её от жгучих лучей солнца. Некоторые из ледников горы Шаста имеют несколько километров в длину, но это не более как ледяные языки в сравнении с могучими замерзшими потоками, спускавшимися некогда в равнины по расходящимся оврагам. До сих пор ясно видны следы прохода этих древних ледяных рек, их боковые и фронтальные морены, и в вырытых ими руслах теперь низвергаются лавины и берут начало горные ручьи. Ниже глетчерной истории горы начертана история её извержении. Так, на северо-востоке стоит красивый придаточный вулкан Аш-Крик-Бютт; другие конусы извержения, разбросанные в беспорядке и расположенные рядами по линиям трещин, насчитываются сотнями вокруг основания горы; наконец, даже лавные потоки усажены бесчисленными маленькими кратерами в форме пузырей, образовавшимися, вероятно, из озер, ручьев и снегов, застигнутых огненно-жидкой лавой и вдруг превращенных в пар: таким образом местные извержения усеяли бугорками скатерть расплавленных веществ[2]. Кроме того, в лавных потоках, вылившихся из горы, встречаются длинные галлереи, произведенные истечением жидкой лавы в футляре из лавы уже отвердевшей.

Вулкан Шаста стоит на оси Сиерры-Невады и потому часто причисляется к этой цепи. Некоторые географы называют его также межевым столбом Орегонских гор. В действительности, он принадлежит к орографической системе, образующей западный край Скалистых гор, но составляет отдельный отрывок этой системы. На юго-востоке, потоки лавы скрывают первый выступ гор, который на 2.000 и на 2.500 метров ниже вулкана Шаста, и даже одна река, спускающаяся с нагорья, Пит-Ривер, совершенно разрезывает горную цепь: в том месте, где она переходит горы ущельем с крутыми стенами, ложе её находится всего только на 800 метров над уровнем моря. Далее, несколько вулканических горок обозначают горную ось, затем следует огромная масса пика Лассен, усеченного конуса, основание которого имеет 150 километров в окружности. Этот бывший вулкан, повидимому, не совсем потух, как Шаста: по крайней мере на нём есть много горячих ключей и фонтанов пара, способствующих питанию маленьких озер, рассеянных в восточных долинах. Высота его 3.181 метр; но, по мнению Рихтгофена и некоторых других геологов, прежде он был выше: судя по тому, что осталось от его кратера, вершина горы, повидимому, была снесена каким-нибудь чрезвычайно сильным взрывом; вулканический конус, так сказать, обезглавленный, потерял около 2.000 метров по высоте. Потоки лавы, вылившиеся из Лассена, спускаются во все стороны, даже на восточное плоскогорье. Один из этих потоков, на юго-западе, достиг реки Сакраменто и заставил её изменить течение.

Начинаясь, как самостоятельная цепь, пиком Томпсон, близ деревни Сюзанвиль, Сиерра-Невада тянется, в виде высокой стены, длиной более 700 километров, на востоке от глубоких равнин Калифорнии. В целом эта горная цепь—самая правильная и самая величе-

1 Jacques W. Redway, цитиров. статья.

2 Clarence King, цитиров. сочинение.

ственная из возвышенностей Соединенных Штатов, превосходящая даже горы Фасада, потому что она господствует над более плодородной и гораздо более разнообразной страной. Ориентированная с севера на юг, с отклонением на 39 градусов к востоку, Сиерра-Невада, почти в точности, обозначает направление океанского берега, от которого она удалена на 250 километров; западные скаты её, наклоненные к Калифорнии, гораздо положе, чем крутые восточные склоны, спускающиеся на равнины Большого Бассейна. Высота гребня постепенно возрастает в южном направлении, с 2.000 до слишком 4.000 метров, и соответственно тому увеличивается среднее возвышение горных проходов: это узкия бреши, ведущие с одной покатости на другую, не достигая уровня восточного плоскогорья. За исключением двух или трех проходов, подъем на гору везде очень крут: Сиерра-Невада есть несомненно отдельная высокая цепь, а не просто закраина нагорья. Железная дорога Central Pacific переходит гребень перевалом Трукки, на высоте 2.113 метров над уровнем бухты Сан-Франциско.

Одна из главных групп Сиерры лежит под той же широтой, как и бухта Сан-Франциско. В этой группе находятся гора Ляйель (4.030 метров), окруженная кортежем других пиков, менее высоких, но по большей части трудно доступных. Эти высокие вершины, почти всегда покрытые полосами снега, заключающие даже в своих корридорах маленькие ледники—последние в южном направлении,—составляют одну из красивейших картин Калифорнских Альп; но страсть восхождения на высокие горы привлекает мало посетителей в эту область: почти все туристы останавливаются внизу горы, в ущелье реки Мерсед. Ущелье это, называющееся Иоземит,—по-индейски «Большой Серый Медведь»,—есть одно из тех прославленных мест, которые вызывают всеобщее удивление, как Ниагара, Босфор, Везувий. Долина с почти ровным дном, от одного до двух километров средней ширины, извивается между почти вертикальных стен, поднимающихся на 1.200, даже на 1.500 метров над рекой и увенчанных гранитными куполами; между боковыми оврагами высятся горделивые мысы. Только кое-где небольшие откосы прилегают к основанию утесов, но они покрыты зеленью; дно ущелья сплошь заросло сосновым лесом, сквозь ветви которого виднеются разнообразные пейзажи, беспрестанно меняющиеся с каждым поворотом долины. С гранитных карнизов, с высоты нескольких сот метров, ниспадают многочисленные каскады; один из них льется с высоты 500 метров гладкой скатертью, затем, разбиваясь об уступ скалы, убегает в трещину, чтобы достигнуть долины в 850 метр. ниже верхнего ложа. В одной из боковых теснин маленькое озеро, «Зеркало» (Mirror Lake), окруженное деревьями, отражает куполы гор в зеркальной поверхности своих прозрачных вод. Решением Конгресса эта чудная долина Иоземит и окружающие её горы, на пространстве 400.000 гектаров, изъяты из числа продажных земель.

К югу от группы, доминируемой Ляйелем, около южной оконечности Сиерры, показывается колоссальный купол горы Уитни, самый высокий пик Соединенных Штатов, вне Аляски: он достигает 4.575 метров, т.е. высоты, почти равной высоте Монте-Розы и превосходящей высоту Сервена; но так как он лежит между 36 и 37 градусами широты, на тысячу километров ближе к экватору, чем швейцарские горы, то вершина его не имеет такого же убора из снегов и льдов; на нём нет также травы и деревьев ниже верхних фирновых полей, и в целом массив этот представляет лишь серую или розовую массу своих гранитных куполов. На двух склонах гора является во всей своей высоте: с одной стороны расстилаются низменные Туларские равнины, поднимающиеся всего только на 120 метров над уровнем моря; с другой,—за озером Оуэн, пустыней и несколькими грядами холмов, открывается глубокая впадина Долины Смерти. Один из притоков Кингс-Ривера, питаемый снегами гор Уитни и Тиндаль, проходит образовавшейся путем размывания долиной, подобной долине Иоземита: это Техипити. Горный поток спускается с высоты 540 метров в узкое лесистое ущелье, с почти отвесными стенами, вздымающимися на 750 до 1.200 метров высоты[1]. После горы Уитни, последнего большого массива Сиерры-Невады, цепь заворачивает на юг, затем на юго-запад, понижается на перевале Тахачапи, где проходит южная тихоокеанская железная до-

1 John Muir, „The Century Magazine", November 1891.

рога, на высоте 1.208 метров, и, наконец, соединяется с береговой цепью, к северу от Лос-Анжелес.

Благодаря Сиерре-Неваде, главной золотоносной цепи Северной Америки, Калифорния быстро заселилась. Золотые жилы, все ориентированные по направлению оси гор, встречаются в сиенитовых породах и преимущественно в местах соприкасания диоритов и серпентинов. Но большинство рудокопов ищут их в огромных грудах кварцевых обломков, состоящих из глыб всевозможной формы и величины, скопившихся в четверичном гравие, у подошвы гор. Ледники, сползавшие некогда с боков Сиерры, и толщина которых доходила местами до полкилометра[1], увлекли с собой эти обломки до пояса, лежащего всего только на 500 метров выше морского уровня. Впоследствии реки подхватили все эти камни и расположили их мощными слоями щебня и песку, которые последующими потоками были разрезаны на отдельные откосы. Крупинки золота отложились в этих кучах обломков, затем были унесены далее размывающим действием вод и разбросаны по разным местам в прибрежных землях. В северной части Калифорнии, где глетчерное действие продолжалось в течение более длинного ряда веков, золотоносные формации имеют во многих местах слишком 150 метров толщины; в южной области, где льды растаяли скорее, и где горные потоки с более давнего времени продолжают свою работу размывания, слои древнего аллювия менее мощны, и золотоносные обломки, оставленные водами позади, как более тяжелые, находятся на каменном грунте, на небольшой глубине под растительной землей.

Береговая цепь, Coast Range, начинается против острова Ванкувера, который, впрочем, может быть рассматриваем как морской отрывок этой цепи. Там, на полуострове, ограничиваемом океаном, проливом Хуан-де-Фука и лабиринтом залива Пэджет, стоит, почти уединенно, массив горы Олимп, поднимающийся на 2.480 метров; он состоит из трех лесистых отраслей, ориентированных с северо-запада на юго-восток[2] и продолжающихся на юге простым водоразделом, который, однако, прерывают реки Чехалис и Колумбия. К югу от залива, Береговая цепь снова появляется и принимает более правильный характер, но она много ниже Сиерры-Невады и составляет как бы спутник этой исполинской цепи: средняя высота её не превышает тысячи метров. Группы Умпква, Калапуйя, Рог-Ривер, Сискиу следуют одна за другой с севера на юг, переплетаясь своими хребтами, и в соседстве вулкана Шаста боковые отрасли сливаются с Сиерра-Невадой. Береговая цепь вновь выступает явственно только в крайнем углу континентального берега, у мыса Мендосино: в этой области Калифорнии глубокая долина реки Сакраменто явственно делит две гряды гор. Западная гряда, распадающаяся на несколько отраслей, постепенно понижается к югу и оканчивается в самой бухте Сан-Франциско остроконечными мысами, контрфорсами горы Санта-Элена (1.324 метра) и пика Тамальпаис (792 метра). Береговая цепь, характеризуемая, в целом, преимущественно меловыми пластами, прикрытыми там и сям породами более нового происхождения, обнаруживает также гранитное ядро многочисленными выступами; кроме того, в разных местах этой цепи происходили вулканические извержения. В соседних с бухтой долинах, особенно близ Напы, из горелых скал бьют обильные горячие ключи, серные или соляные; в дымящихся котловинах бурлит жидкая грязь. Но совершенно неправильно присвоивают этим фонтанам воды и пара название гейзеров. Хотя они выбрасывают, со свистом, струи воды на высоту 5 или 6 метров, но это источники не перемежающиеся, и средняя температура их не превышает 37° Ц. Что касается фумаролл, то они образуются не самопроизвольно, но только тогда, когда разломаешь верхнюю кору почвы. Таким образом, нынешняя вулканическая деятельность страны сводится к весьма скромным размерам[3].

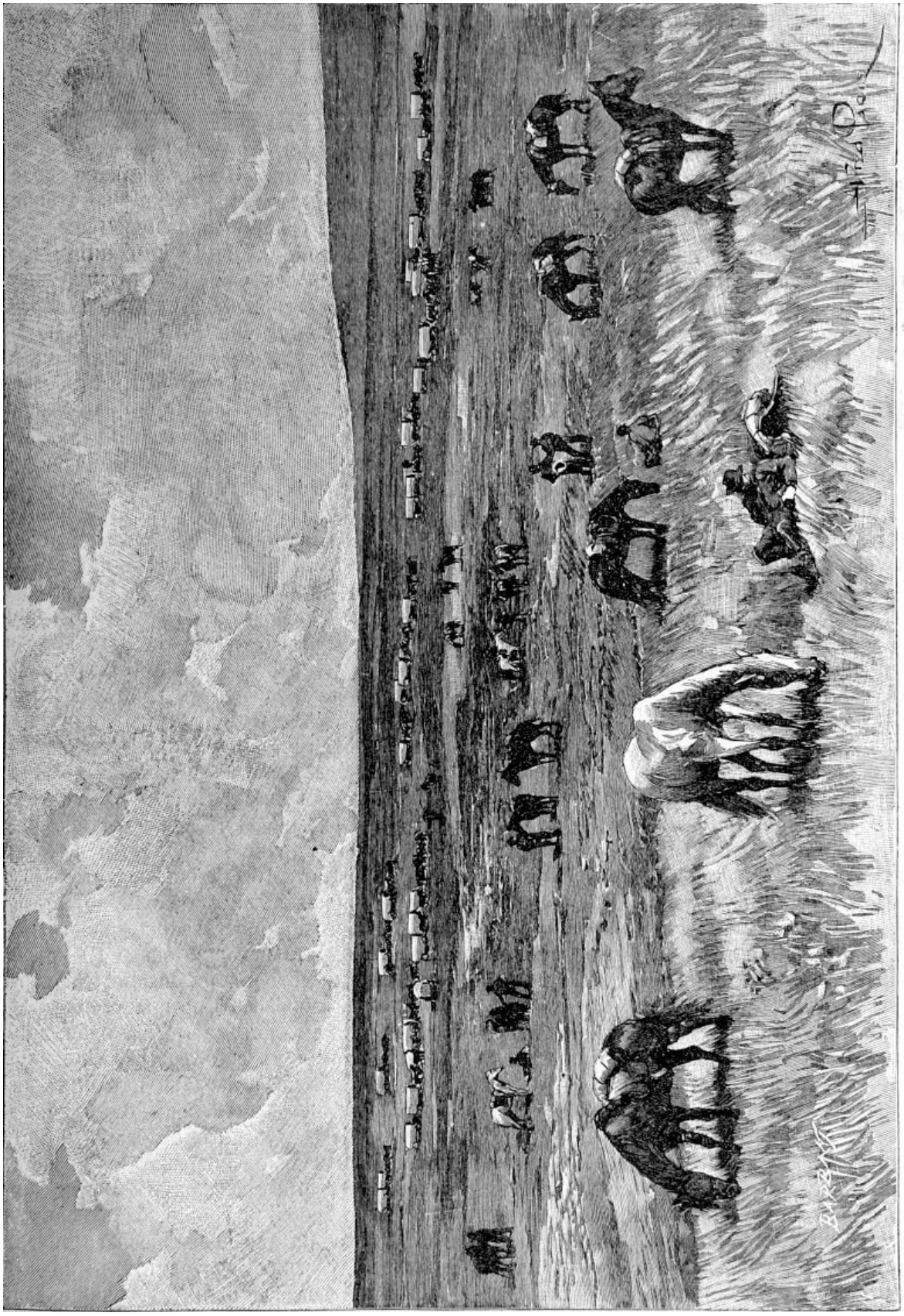
Цепи Кост-Рэнджа снова появляются по другую сторону бухты Сан-Франциско. Первая гора из метаморфических пород, «Чортова гора», Монте-Дьябло (1.175 метров), высится в углу полуострова, заключающагося между двух внутренних разветвлений бухты, и дает на-

1 J. Marcou, „Geologie de la Californio".

2 „The Seattle Press", Iuly 16, 1890.

3 Jules Marcou, „Bulletin de la Societe Geologique de France", 1883

чало цепи Контра-Коста, вырисовывающейся на западе. Одна из её гор, Гамильтон (1.354 метра), получившая в последнее время известность, благодаря основанной на её вершине астрономической обсерватории, стоящей в чистом воздухе верхних слоев атмосферы, высоко

Блекъ-Гильсъ. Привалъ въ долинѣ Алкали.

над дымом равнины, господствует над грандиозной панорамой, развертывающейся перед взорами зрителя от океана до снеговых куполов Сиерры. Гора эта, впрочем, не самая высокая в цепи: кульминационная точка, лежащая южнее, называется Сан-Карлос (1.517 мет-

ров), терраса, изрезанная расходящимися оврагами и почти всегда лишенная растительности; только весной показывается слабый зеленый оттенок на длинных желтоватых скатах[1]. Другие цепи тянутся вдоль морского берега или в соседстве его, разделенные продольными долинами, но образующие вместе широкую закраину южной равнины Калифорнии, где течет река Сан-Иоакин.

К востоку от входящего угла берега, образуемого заливом Санта-Барбара, система приморских гор соединяется с системой Сиерры-Невады хребтом в 2.000 до 2.500 метров высоты, с многочисленными проходами. Эти две цепи переплетаются, представляя общие признаки и контрасты, не позволяющие точно определить место, где совершается переход. Но хребет, тянущийся на юго-восток, за соединительным массивом, должен быть рассматриваем в целом как продолжение Сиерры-Невады; меловые формации, из которых состоит Береговая цепь, сменяются там гранитами того же происхождения, как граниты Сиерры. Кроме того, горы там снова значительно повышаются, как бы желая соперничать с горами главной цепи. Пик Сан-Бернардино, Гризли-Пик американцев, называемый также Больди (Лысый), достигает 3.537 метров; так же, как гора Уитни, он является почти во всей своей высоте на двух покатостях, на востоке—со стороны пустыни Мохавес, на юге—со стороны долины Коагуила, лежащей ниже уровня Тихого океана.

Сан-Бернардино продолжается в направлении Мексиканского нагорья, образуя Шоколадные горы, которые река Колорадо огибает на востоке, прежде чем излиться в Калифорнский залив. На западе, Сан-Хасинто и другие цепи протянулись до самого побережья; острова, рассеянные в соседних водах моря, тоже расположены рядами, параллельными цепям континента. К югу от канала Санта-Барбара, земли Сан-Мигель, Санта-Роза, Санта-Круц имеют то же направление, как Сиерра-де-Санта-Иньес на материке; далее на юге, продолговатые островки Санта-Барбара, Сан-Николас, Сан-Клементе, Санта-Каталина ориентированы в ту же сторону, как Сиерра-де-Санта-Анна на континентальном берегу; некоторые из этих островков и соседних скал суть глыбы базальта, выдвинутые со дна подводными извержениями. Батометрическая линия 1.000 метров проходит вблизи подводного цоколя, на котором стоят эти скалы. Источники минерального масла бьют среди моря, в некотором расстоянии от калифорнского берега: один из этих источников был открыт к западу от Санта-Барбара, в 2 километрах от берега; несколько других бьют со дна, в расстоянии от 5 до 8 километров от берегов, к северу от мыса Мендосино. На калифорнском побережье, между Монтереем и Сан-Диего, прежния линии морского уровня поднимаются с террасы на террасу до высоты ста метров над нынешним пляжем[2].

II. Проточные воды, озера и замкнутые бассейны

Наилучше орошаемая часть океанской покатости не имеет больших рек: это маленький бассейн, расположенный полукругом между Каскадными горами и Береговой цепью вокруг залива, называемого Пэджет-Саунд. Каждая долина изливает свой ручей, и каждый поток, при своем вступлении в прибрежную равнину, является в виде внушительной реки; одна из этих рек, Скагит, берущая начало на британской территории, проходит путь в 225 километров и соединяется с морем двумя судоходными рукавами; когда колонисты прибыли в край, река эта, перерезывающая Каскадную цепь по всей её ширине, была совершенно загромождена на протяжении 2.400 метров затором из плавучего леса. Большинство других рек также впадают в залив широкими устьями, увеличивая и без того обширную сеть морского судоходства, представляемую лабиринтом проходов, проливов, бухт, бухточек и гирл Пэджет-Саунда. Исчисляют в 3.200 километров развернутую длину путей, которыми могут следовать большие суда в этом разветвляющемся средиземном море, вдающемся на 130 километров по

1 J. D. Whitney, „Geological Survey of California".

2 J. Marcou, цитиров, сочинение.

прямой линии внутрь материка. Во многих местах береговые утесы погружены своим основанием в глубокую воду, и самые крупные суда могут причаливать вплотную к берегу: в некоторых частях фарватера находят глубины около 400 метров. Многочисленные острова, покрытые лесом, замаскировывают бухты и усеивают проливы; большой полуостров, держащийся на тоненькой ножке, шириной около 2 километров, занимает почти половину залива, оставляя лишь узкие, извилистые проходы между своими берегами и берегами континента. Полуостров этот, выдвинутый в северном направлении, продолжается, при входе, большим островом Уидбей, отделенным узкими проходами от архипелага Сан-Хуан, сделавшагося собственностью Соединенных Штатов после долгих споров и угроз войной. Если залив наполнен островами, то земли по окружности его усеяны озерами. Незначительное колебание уровня почвы в ту или другую сторону повлекло бы за собой большие перемены в очертании берегов. Такия колебания и перемены уже происходили в прежния времена: геологи констатировали, что эти проливы некогда были наполнены льдами, двигавшими перед собой груды обломков, которыми теперь покрыты окрестные равнины и отлогости; геологическими исследованиями обнаружено также, что воды образовали на контурах залива террасы гораздо выше нынешнего уровня. Полагают, что отступившее было море теперь опять наступает на берега материка.

Между бассейном Пэджет и течением Колумбии Чехалис—единственная значительная река, изливающаяся в Тихий океан; истоки её переплетаются с истоками рек, впадающих в Пэджет-Саунд. Многие из бывших озер, среди которых извиваются Чехалис и другие реки, принадлежащие к покатостям Тихого океана и залива, превратились теперь в естественные луга, усеянные сосновыми и дубовыми лесками. Индейцы давно уже заметили, что эти бассейны выступили из-под воды в недавнюю эпоху, и они показывают правильные пляжи и крутояры, которые некогда были образованы водами; но чего краснокожие наблюдатели не могли объяснить, и что долго оставалось непостижимым, так это—круглые горки, около 10 метров в ширину и 2 метров в вышину, которые во множестве разбросаны по поверхности лугов. Это не могилы, потому что ни одна из них не заключает в себе костей, и не норы животных, ибо ни в одной из них не найдено подземных галлерей; нельзя также признать их за курганы, отложенные источниками, так как они образованы не из грязи или известковых осадков. Все эти горки состоят из песку и гравия, без всяких следов наслоения или человеческого труда. Александр Агассиц считает их подводными насыпями, возведенными в течение длинного ряда лет одним видом рыб, клавшим туда свою икру; образования этого рода можно наблюдать и теперь в озерах Новой Англии.

На покатости Тихого океана самая многоводная река, благодаря большому протяжению её бассейна и обилию дождей,—Колумбия, которая, впрочем, только частию принадлежит Соединенным Штатам. Почти весь северный бассейн её, образуемый островным массивом гор Селькерк, естественной крепостью, ограничиваемой обширной долиной в форме ромба, находится на территории Канады. Верхняя Колумбия на севере, Кутнэй на юге, берут начало в одной и той же низменности озер и болот, соединенных судоходным каналом, затем, пройдя путь в 700 километров, дополняют собою циркумваллационный ров недалеко от границы Соединенных Штатов. Прежде чем достигнуть этой границы, Колумбия принимает в себя весьма обильный приток,—разсматриваемый некоторыми географами как главная ветвь реки,—Кларкс-Форк, названный так по имени одного из двух американских путешественников (Льюис и Кларк), которые перешли Скалистые горы, затем исследовали бассейн Колумбии в начале настоящего столетия. Кларкс-Форк, образуемый двумя значительными реками, Хелльгэт и Флатхэд, которые зарождаются в соседстве истоков Миссури, проходит через живописное озеро Пан-д'Орейль (американцы выговаривают Пандорай); затем, направляясь на север в аллее между двух рядов гор, соединяется с Колумбией, которая, с своей стороны, спускается на юг параллельной долиной, перерезанной там и сям каменистыми порогами. Ниже слияния, пройдя теснину Птит-Далль, шириной не более 50 метров, затем несколько следующих один за другим порогов, река образует настоящий водопад в 7 метров общей высоты, прозванный «Котлом», Kettle Falls, потому что падающая масса воды кипит

и пенится точно в котле. Прежде эта естественная запруда была местом рыбной ловли для индейцев соседних племен; хотя препятствие, образуемое каменной банкой, пересекающей русло реки, недостаточно для того, чтобы преградить доступ лососям, оно, однако, настолько замедляет ход рыбы, что её можно ловить тысячами штук.

Ниже, Колумбия ещё скатывается стремнинами, затем у Грет-Бенд или «Большой луки», она принимает в себя Спокану, которая, по выходе из озера Кер-д'Ален, также образует несколько красивых каскадов. Река не может подойти к морю иначе, как через клюзы, пробитые сквозь цепи высот, расположенных по направлению меридиана. Существует несколько брешей в различных грядах, заключающихся между двумя краевыми хребтами, Скалистыми и Каскадными горами, но эта последняя цепь представляет мощный вал, долго задерживавший внутренние воды нагорья и заставлявший их скопляться в обширные озерные бассейны; один из этих бассейнов, занимавший площадь около 40.000 квадр. километров, существовал некогда к востоку от северных Каскадных гор, под той же широтой, как Залив Пэджет. Теперь порожний, бассейн этот, где терялись Колумбия и Спокана, представляет большую, покрытую лавой равнину, выровненную водами на значительной части её протяжения и заключающую даже, в своей центральной впадине, замкнутое озеро, Мозес-Лек, где теряются несколько маленьких притоков. В толще лавного плато открываются там и сям извилистые бреши: это были «потоки», где проходили речные воды, и за которыми сохранили это название, хотя дно их теперь сухое и солонцоватое. Таков Большой Поток, долина в 5 километров средней ширины, доминируемая базальтовыми стенами около 250 метров высоты: скотоводы развели там великолепные стада. Как это наблюдается в большинстве бывших озерных бассейнов, река течет не в центральных частях равнины, которую она прежде покрывала своими водами, а огибает её на севере и западе, следуя в близком расстоянии от восточного основания Каскадной цепи, пороги которого она переходит водопадами. С своей стороны, сливающаяся река, Снэк-Ривер (Змеиная) или Льюис-Форк (Сагаптин индейцев), называемая также Южной Колумбией, идет вдоль другого горного массива, на юге равнины, чтобы соединиться с ветвью Кларкс-Форк выше выходной бреши.

Верхний бассейн Змеиной реки есть также в большой части дно бывшего озера, тянувшагося на пространстве слишком 600 километров с востока на запад, через весь штат Идаго до середины Орегона: с севера на юг средняя ширина этой равнины, выровненной водами, превышает 100 километров. На дне этого высохшего моря нет ни одной большой горы; встречаются только горки из архейских формаций да кое-где куполы из эруптивных пород, которые, вероятно, выступали, в виде архипелагов, над поверхностью вод. Пески, глины и, на некоторых пляжах, кремнистая кора рассказывают в общих чертах историю этого озерного бассейна: воды его были пресные и богатые животной жизнью, особенно моллюсками; рыбы из рода карповых были там очень обыкновенны, так же как ганоиды, сходные с «вооруженными рыбами», живущими ещё и ныне в Миссисипи; деревья полу-тропической флоры осеняли берега озера, и слоны, верблюды, лошади приходили туда на водопой. Высыхание озера соответствовало изменениям климата, которые из бывшей озерной площади сделали серую, бесплодную равнину, где пески чередуются с пучками чернобыльника, и в то время, как происходили эти перемены климата и растительности, вулканы, стоящие на восточной стороне бассейна, изливали те потоки лавы, которые занимают обширное пространство в бассейне Колумбии.

Верхние притоки «Змеиной реки», переплетающиеся в высоких брешах Скалистых гор с главными ветвями Миссури, Иеллостона, Колорадо, спускаются с севера, с востока, с юго-востока к центру обширного амфитеатра, открывающагося на юго-западе Национального Парка, и соединяются в поток, уже очень обильный в период таяния снегов, особенно в июне и июле. Тот из верхних потоков, который сохраняет имя Змеиной реки до самого истока, берет начало в сердце гор Уинд-Ривер, на склонах Юнион-Пика, и обогнув на юге горный массив, убегает глубокими ущельями. Другой приток, Форк-Генри, выходит из болотистого озера, откуда можно добраться до истоков Мадисона через перевал Таги-Пасс (2.153

метра), открывающийся всего только на 180 метров выше уровня озера. К северо-западу от озера Генри, длинная расселина, доминируемая вулканическими стенами в 200 метров высоты, наполнена водами другого озера, Клифф-Лек, имеющего форму многоногой медузы. Бассейн этот не имеет видимого выхода, и не известно, куда он утекает—к Змеиной реке, или к Мадисону, под базальтами. На юго-западе равнины один из таких таинственных потоков, Годин, или «Пропадающая река», Lost River, исчезает в трещине лав: километрах в шестидесяти ниже, сильные ключи, бьющие в самом русле Змеиной реки, вероятно, представляют собою вторичное появление ниспадающих в пропасть вод. Другие галлереи, образованные в слоях твердых шлаков истечением расплавленной лавы, служат подземными проходами рекам Камас и Медисин-Лодж; существуют также галлереи, наполненные грудами льда, который не тает даже летом.

Ниже слияния верхних потоков, Змеиная река течет сначала на юг, затем на юго-запад, в бывшем озерном бассейне, заполненном базальтовыми лавами, и, поворачивая на запад, продолжает описывать ту полную полуокружность, которою долина её соединяется с долиной Колумбии. Спускаясь с верхнего цирка, река всё глубже и глубже врезается своим руслом в слои базальта, и около Рок-Крика, там, где речное ложе описывают свою наидалее выдвинутую к югу дугу, стены из лавы, между которыми поток открывает себе проход, имеют более 200 метров в вышину. Но разрез ещё не сформировался так, чтобы дать реке правильное русло; уже несколько водопадов прерывали верхнее течение, а в этом месте новый катаракт, самый грандиозный из всех, вдруг понижает уровень реки на 46 метров. До самой грани пропасти равнина сохраняет совершенную горизонтальность, и по другую сторону этой пропасти она продолжается с тем же однообразием поверхности. Внизу, зеленая вода разбивается на скалах и бежит извилистым потоком между трахитовыми островами, затем всей массой падает с высоты карниза, имеющего форму подковы, как карниз Ниагары: это водопад Шошон. С разбивающейся воды постоянно поднимается столб пара, выходящий из пропасти и достигающий огромной высоты, метров на сто выше уровня равнины; иногда бриза, дующая то сверху, то снизу, заволакивает долину облаком, отбрасывает туман в пропасть и открывает под сероватой завесой верхний или нижний поток. Колоннады, контрфорсы, обелиски высятся вправо и влево от потока, наполовину выделяющиеся из трахитовых утесов; там и сям с верхней равнины спускаются узкие овраги, наполненные всегда зелеными растениями.

С обеих сторон в глубокое ущелье Змеиной реки впадают рытвины и овраги, всего чаще бывающие без воды: главный приток, Овайги, соединяется с рекой в том месте, где она, принимая северное направление, выходит из бывшего озерного бассейна, чтобы пройти через холмистую местность, доминируемую на западе Голубыми горами. Она течет в продольной расселине на протяжении слишком 300 километров и получает из Скалистых гор два значительных притока, Сальмон-Ривер и Клирватер, прежде чем вступить в низовую равнину, где она поворачивает на запад, и где происходит её соединение с северной Колумбией; но перед тем она уже приняла в себя Палузу, «riviere aux Pelouses», прославившуюся своим величественным водопадом, около ста метров высоты. Другой приток, Якима, спускающийся с склонов горы Ренье, соединяется с главной рекой в нескольких километрах выше. Почти все воды бассейна собрались в общем канале, который принимает теперь свое окончательное направление к Тихому океану, но он не имеет ещё спокойного хода реки, достигшей нижней части своего течения; а между тем Колумбия разлилась уже на километр слишком в ширину и находится всего только на 125 метров выше морского уровня.

Первое резкое понижение уровня происходит в ущелье «Водопадов» (Chuttes, Deschuttes), где Колумбия, стесненная между базальтовых стен, разбивается об естественную плотину из больших камней; приток, приходящий с юга в этом месте, следуя вдоль восточного основания Каскадных гор, и течение которого тоже прерывается катарактами, получил это имя «Дешют» от главной реки, в которую изливаются его воды. Точно также Каскадная цепь обязана своим наименованием ряду ступеней, которыми спускается Колумбия, переходя эти

горы. Сначала река вступает в корридор с громадными черными стенами из базальта, распиленными потоком в течение веков: это так называемые Dalles. В самом узком месте расстояние от берега до берега всего только 50 метров; но во время половодья река выигрывает в вышину то, чего ей недостает в ширину, и иногда уровень её поднимается на 19 метров: лодки лишь с большой осторожностью пускаются в это страшное ущелье, усеянное камнями. Километрах в пятидесяти ниже река пробивает собственно Каскадные горы, образуя опасные пороги, доминируемые крутыми утесами из лавы, вылитой соседними вулканами. Верхний водопад, имеющий более 5 метров высоты, продолжается, на пространстве от 5 до 6 километров, стремнинами, ревущими между скалами. Индейцы говорят, что нижний водопад Колумбии недавнего образования: прежде река, будто-бы, текла спокойно под громадным базальтовым порталом; во время извержения горы Адамс эта исполинская арка обрушилась, воздвигнув из своих обломков каменистый островок и заставив таким образом реку повыситься и расшириться выше обвала: таково происхождение каскада. Один факт делает это предание довольно правдоподобном: выше водопада, на дне Колумбии, видны остатки хвойного леса (abies Douglassii), пни которого ещё крепко укоренены в почве: если не предположить опускания почвы, то существование этого подводного леса невозможно объяснить иначе, как повышением уровня вод. В настоящее время для обхода водопадов устроен судоходный канал, идущий по южному берегу вдоль основания высокого откоса, прозванного «Странствующей горой», Travelling Mountain, и который действительно движется, благодаря пескам его нижних слоев, подмываемым и уносимым водами.

Ниже водопадов и уединенной базальтовой скалы, мыса Гурн, в 165 километрах от океана, начинается ровное течение нижней Колумбии. На юге, приток Вилламет,—прежде Вала-мат,—также судоходный в нижней своей части, приносит главной реке воды продольной долины, заключающейся между Каскадными горами и Береговой цепью. В месте слияния Колумбия, имеющая несколько километров в ширину, находится уже под влиянием морских приливов. Она поворачивает ещё к северу, чтобы найти проход через Береговую цепь, затем соединяется с морем заливообразным устьем, загроможденным песчаными мелями. С тех пор, как фарватер был точно обозначен вехами, большие суда могут свободно переходить бар в часы прилива; мели во внутренней бухте Колумбии образуют такой лабиринт, что, в 1798 г., английский мореплаватель Мирс, пройдя уже внешний бар, не мог найти устья реки, и на этом основании считал себя в праве отрицать его существование.

Гидрология реки Колумбии: приблизительная длина течения—2.090 километров; площадь бассейна, по Ганнету—560.830 кв. километров; приблизительный расход воды—6.000 куб. метр. в секунду; судоходное течение (не считая притоков)—935 километр.

Несколько небольших рек, как Умпква, Рог-Ривер,—или «Река бездельников», названная так от обитавших прежде по берегам её индейцев кламат,—берут начало на западном склоне Каскадных гор и, пройдя через Береговую цепь, впадают в Тихий океан; но река Кламат, более значительная, зарождается гораздо далее, на плоскогорье, простирающемся на восток от Каскадных гор; под именем Спраг, она выходит из одного из озер, наполняющих впадины плато, затем соединяется с цепью озер Кламат, расположенных на восточной стороне гор, изливается через брешь на юге поперечной гряды Сискиу и, наконец, достигает моря, после ряда дефилеев и крутых поворотов.

Глубокая вырезка «Золотых ворот», входа в залив и порт Сан-Франциско, служит устьем внутренним водам Калифорнской равнины, артериям, которые соединяются в двух больших потоках, Сакраменто и Сан-Жоакин, спускающимся с гор навстречу друг другу. Сакраменто зарождается в соседстве горы Шаста, на оконечности впадины, образующей ось долины, но самый значительный приток его, Пит-Ривер, превосходящий длиной течения главную ветвь —выходит из озер плоскогорья: Гусиное озеро, Goose Lake, на общей границе Орегона и Калифорнии, составляет высший резервуар бассейна. Пит-Ривер пересекает обширные поля из лавы и пепла, разделяющие два массива, Шаста и Лассен, затем соединяется с Сакраменто уже могучей рекой. Ниже, каждая долина Сиерры-Невады и Береговой цепи посылает ему

свой золотоносный поток, между прочим, Плюмас или Фитер, Юбу, Американ, прославившиеся своими золотыми приисками, которые по богатству превосходят лидийский Пактол. В нижней части своего течения, Сакраменто, почти не имеющий ската, блуждает извилинами по равнине, оставляя направо и налево целую сеть кольцеобразных озер и байю, и перемещая при каждом разливе свои берега и стержень течения. Сан-Жоакин, текущий под менее дождливым небом, чем небо северной Калифорнии, катит меньше воды, нежели Сакраменто, которому он уступает также и по длине течения. Постоянная часть этой реки начинается на юге массива Ляйель, в Сиерре-Неваде. Затем поток поворачивает, описывая длинную кривую, к центральной долине и спускается к общему водосливу. Смотря по времени года, протяжение бассейна Сан-Жоакина значительно изменяется. После сильных дождей, он получает приток, выходящий из Туларе—ацтекское слово, означающее «тростники» или «болота»,—и из нескольких озерных бассейнов горного цирка южной Калифорнии; но во время засух приток этот пересыхает, и Туларе, так же, как другие соседния впадины, обращается в замкнутый бассейн, вода которого мало-по-малу испаряется, так что водная площадь делится на несколько второстепенных луж. Геологическое исследование страны показало, что она находится на пути к высыханию. Туларе прежде принадлежал к покатости Сан-Жоакина, а с течением времени совершенно обособился от этого бассейна.

На юге бухты Сан-Франциско, береговые речки, бедные водой, представляют из себя не более, как уади. Главная река юго-запада Соединенных Штатов изливается не прямо в Тихий океан, но в один из его заливов, «Багряное или Калифорнское море»: это—Колорадо. Поток этот, весьма значительный, по крайней мере по длине течения, носит кастильское имя только в средней и нижней части своей долины, там, куда проникали некогда испанцы: верхния реки его бассейна, исследованные только в недавнее время, известны под другими названиями. Главная северная ветвь, Грин-Ривер (Зеленая река), берет начало в горах Уинд-Ривер, именно в массиве Юнион-Пик, откуда вода течет на северо-восток к Миссури, на северо-запад к Колумбии. Простой горный ручей, Грин-Ривер, питаемый в своих верхних долинах тающими снегами, течет на высоте слишком 1.800 метров и долго держится на плоскогорьях в 1.500 метров средней высоты, которые прежде были покрыты водами внутреннего моря. Он убегает оттуда глубокими ключами, открывающимися через горы Уинтах, затем через скалы Рон-Клифс; несколько притоков, спускающихся с гор Колорадо, усилили его в этой части его течения, но он является почти удвоенным, когда, на дне одного ущелья, соединяется с рекой Гранд-Ривер, выходящей из гор, замечательно богатых металлами, месторождения которых разрабатываются в Лидвиле и близ Денвера.

По соединении с Гранд-Ривером, поток, принимающий, начиная от этого пункта, имя Колорадо, всё глубже и глубже вырывает знаменитый Колорадский «каньон», представляющий наиболее яркий тип тех рвов, в которых текут иные реки. Испанское слово «каньон», введенное американцами в номенклатуру физической географии, употребляется иногда для обозначения ущелий, весьма различных по внешнему виду и способу образования; но его следовало бы применять исключительно к дифелеям или клюзам, вырытым постепенно водами реки, без помощи дождей или других атмосферных деятелей. Каньоны в собственном смысле встречаются только в местностях, где количество выпадающих атмосферных осадков весьма незначительно. Этот род речных желобов составляет общее правило в Скалистых горах и на плоскогорьях, заключающихся между их краевыми цепями, тогда как в других странах, между прочим, в известковых горах Юры, происхождение их объясняется местными причинами. Нормальный каньон был образован обильными источниками, питаемыми большими снегами, и вода которых, спускающаяся с значительных высот, глубоко разъедает горную породу, чтобы вырыть себе правильное русло. Так как страна, пробегаемая рекой, лишь в весьма слабой степени размывается дождями, то действие воды проявляется только вертикально на вмещающее её русло, и размывание совершается, так сказать, отвесно, до тех пор, пока поток не достигнет своей истинной линии ската[1]. При том, повышения почвы

1 Jules Marcou, „Bulletin de la Societe Geologique de France", 1883.

могли способствовать процессу раскопки: стоит землям подняться, и река на столько же углубится, чтобы сохранить свой уровень, подобно тому, как «пила врезывается в бревно, приподнимаемое платформой телеги»[1]. Кажется, что дело именно так и происходило в Коло-

Индѣйцы племени кайваити.

радо: река эта существовала ранее появления пробитых ею гор[2].

1 C. E. Dutton, „Tertiary History of the Grand Canon District".
2 J. W. Powell, „Exploration of the Colorado River".

Географы разделили эту, образовавшуюся путем размывания, Колорадскую клюзу на несколько второстепенных каньонов, от верховья к низовью: Катаракт-Каньон, Нарро-Каньон, Глен-Каньон, Моралль-Каньон и Гранд-Каньон,—последний длиннее всех: длина его около 360 километров. Особенно грандиозна северная часть каньона, к югу от Плато Кайбаб. Дно речного русла лежит на 1.500, даже на 1.800 метров ниже граней верхней закраины, но стены не остались вертикальными: глубоко вырезанные, так что образовались боковые цирки, разделенные мысами, стены эти высятся в виде громадных колонн и башен, сложенных из последовательных слоев камня и разливающихся между собой размерами, скатами и цветами. В этой области верхнего течения каньон широко открыт к небу, расстояние от края до края колеблется между 8 и 20 километрами: воды размыли и унесли всю эту огромную массу камня, недостающую между противоположными кручами. На всём земном шаре не существует речного канала, где бы явление размывания представляло более грандиозное зрелище; исполинские размеры вырытой пропасти, архитектурное расположение пластов, «нагроможденные одна на другую Вавилонские башни», резкия грани, вырисовывающиеся на голубом своде неба, яркие цвета скал, не закрытые растительностью, причудливые формы колоссальных изваяний, украшающих могучие фасады из песчаника, мрамора, гранита или лавы,—весь этот ансамбль, меняющий вид в каждый час дня, при каждом повороте реки, представляет величественную и вместе странную картину, подобной которой не увидишь нигде во всём свете. Понятны воспоминания об удивлении, смешанном с ужасом, выносимые геологами из своих научных экскурсий в Большой Каньон, особенно теми из них, которые спустились вниз по реке, как бы затерянные на дне глубокой пропасти, на её темной водяной скатерти, перерезанной порогами.

Уже в 1867 г. один рудокоп, по имени Уайт, преследуемый индейцами, сел на плот с товарищем и вверил себя неведомому потоку; спутник его утонул в одном водовороте, но сам он успел спастись[1]. Два года спустя, другой смельчак, Поуэль, также спустился по водам пропасти, в надежде, что течение донесет его до выхода. Через двадцать лет после того партия инженеров возобновила то же путешествие, в виду постройки железной дороги, которую предполагалось провести, если окажется возможным, по дну ущелья; но первая попытка была неудачна: потеряв начальника экспедиции и двух лодочников, компания исследователей принуждена была вернуться плоскогориями к исходному пункту, при чём пришлось преодолевать большие трудности на этом обратном пути. Несколько месяцев спустя она вновь отправилась на разведки той же дорогой, с новым составом судов, построенных специально для этого странного плавания, и на этот раз Стантону посчастливилось спуститься по реке, от Большого Соединения (Grand Junction), т.е. от слияния Гранд-Ривера, до впадения Колорадо в Калифорнский залив. На 800 километрах пробега в собственно каньоне река не имеет ни одного падения с отвесного обрыва, как Ниагара; общий спуск потока, в 1.280 метров, распадается на 250 порогов, водопадов и катарактов, беспрестанно меняющих форму, направление и силу, смотря по величине разлива или степени засухи. Невозможно было бы перейти в лодке все эти трудные пространства: во многих местах приходится останавливаться выше порогов и переносить весь груз, карабкаясь по крутым бокам береговых скал, затем перетаскивать и самые лодки, если не предпочтешь пустить их по течению с тем, чтобы опять выловить их ниже порогов и поправить полученные ими аварии[2]; теперь для этого плавания употребляют маленькие разборные пароходы.

В своем пробеге по дну ущелий Колорадо принимает в себя несколько боковых рек, подобно ему, текущих на большой глубине в массе плоскогорья и доминируемых на месте слияния угловыми бастионами или даже пирамидами, совершенно отделенными от соседних террас: крутые повороты потоков разрезали скалу на обрывистые, почти неприступные островки. Малый Колорадо (Little Colorado), один из главных притоков, приходящий с юго-востока, проходит подле вулкана Сан-Франциско и соединяется с главной рекой между

1 „Petermann's Mittheilungen", 1869. Heft I.

2 Robert Brewster Stanton, „Through the Grand Canon of the Colorado".

Мраморным и Большим каньонами. Ниже, река Канаб-Уаш вытекает из гротов, с величественным порталом, открывающихся в основании Утахского нагорья, и переходя из пропасти в пропасть, низвергается в самую глубокую часть Большого Каньона. Рио-Вирхен (Вирхен-Ривер), зарождающаяся на том же самом плато,—многоводнее: этот приток, текущий в расселине, глубиной около 700 метров, соединяется с Колорадо, недалеко от того места, где эта река, уклоняясь от главного направления каньона, с востока на запад, поворачивает на юг, к Калифорнскому заливу; немного ниже, Колорадо, наконец успокоившийся, становится судоходным для пароходов. Река ещё пробирается между каменных стен и холмов, заключающих там и сям зеленеющие долины, затем извивается в пустыне среди глинистых плато. Полукруглые впадины, озера, лужи, солончаки окаймляют течение реки: это старые русла, покидаемые во время засух и иногда снова занимаемые во время разливов.

Недавно одно из этих озер вдруг расширилось и залило свои берега на далекое пространство: воды разлива смыли порог из обломков, и таким образом озеро превратилось в резервуар для избытка вод главной реки. Один рукав Колорадо, Нью-Ривер, обыкновенно сухой и обозначенный сыпучими песками и шпалерами мезкитов, огибает на юге мысы Шоколадных гор и направляется на запад, к долине Коагуила, бывшему морскому дну, потерявшему свои воды путем испарения, и впадины которого находятся теперь метров на шестьдесят ниже уровня океана. Колорадо неоднократно выделял из себя рукав к этой боковой низменности, и разливы реки изливались в резервуар: об этом сообщали индейские предания, это же было много раз констатировано исследователями; наконец, известковая кора, наполненная речными раковинами, которая была отложена водами, тоже доказывает эти периодические посещения Колорадо. Если бы существовал постоянный поток в направлении к бывшему заливу Коагуила, то с течением времени образовалось бы внутреннее море длиной около 160 и шириной около 40 километров. Конечно, этот озерный бассейн, почти вдесятеро более обширный, чем Леман, скоро сделался бы соленым озером, по причине отсутствия истока, уносящего излишек соляных частиц; но труд человека легко мог бы регулировать речной режим, давая желаемое направление плодотворным водам разлива: устройство ирригационных каналов превратило бы в пояс великолепной растительности пустынные скаты бывшего океанского залива[1]. В соседстве речного разветвления находятся грязевые вулканы, сальзы и серные фумароллы.

Река Хила, единственный большой приток нижнего Колорадо, берет начало в Новой Мексике, в 600 слишком километрах по прямой линии от его устья. Река эта получает большое число притоков, но многие из них, проходя через пустынную область, где дожди редки, текут с перемежками, или даже, когда течение их постоянное, скрывают его под песками: таков рио Санта-Круц, который берет начало в мексиканской Соноре и проходит мимо Тускона, главного города Аризоны; он несколько раз исчезает в своем песчаном русле, чтобы снова выступить на поверхность при проходе по каменистому грунту, затем иссякает окончательно[2]. И сама Хила, уменьшенная засухой и не получающая ни одного притока в нижней части своего течения, достигает Колорадо очень оскудевшей: в среднем, она имеет не более 45 метров ширины при устье. В Колорадо расстояние между берегами изменяется от 200 до 800 метров.

Во всей нижней части своего русла Колорадо течет по дну, покрытому толстым слоем ила, где пароходы почти всегда увязают при подъеме или спуске. Средняя скорость течения, в период мелководья, не превышает 4 километров в час, но она увеличивается до 9 и 10 километров во время разливов, которые начинаются в мае или июне и иногда бывают очень опустошительны. Колорадо не имеет дельты: он постепенно расширяется и открывается к заливу в виде правильной воронки, где песчаные мели оставляют слой воды толщиной не более 3 метров. Морской прилив, который проходит поверх этого бара и который повышает речной уровень на 3 или на 5 метров, даже от 7 до 9 метров во время новолуния или полно-

1 Fremont;—„Petermann's Mittheilungen", 1879;—J. W. Powell, „Scribner's Magazine", oct. 1891.

2 Alph. Pinart, „Bulletin de la Societe de Geographie", juin 1876.

луния, поднимается по реке в форме маскарета: валы в 1—2 метра вышины предшествуют приливу и с громом разбиваются на берегах. Эта часть течения, к удивлению, оставшаяся во владении Мексики, как будто американцы, диктовавшие трактат Гаделупе-Идальго, не знали о важности этого устья, была хорошо известна уже испанским мореплавателям. Это—рио де-Буэна-Гиа, открытая Аларконом в 1540 году; ей присвоивают также имя рио дель-Кораль, а индейцы племени пима называли её Букви Аквимути[1].

Гидрология реки Колорадо: приблизительная длина течения—2.500 километр.; площадь бассейна, по Ганнету,—660.580 кв. километр.

Приблизительный расход воды, по Томпсону: наибольший—1.396 куб. метров; наименьший—214 куб. метров; средний—500 (?) кубич. метров в секунду

Значительные пространства области Скалистых гор в настоящее время не имеют истечения к морю и образуют замкнутые бассейны, которые прежде все или почти все принадлежали к речным покатостям. На севере, в Орегоне, эти низменности находятся ещё в переходном состоянии между изолированностью и истечением к той или другой реке: достаточно было бы небольшой перемены в климатических условиях, чтобы изменить режим вод. Многие озера принадлежат ещё бассейнам рек Кламат. Сакраменто, Колумбии, но понижение уровня на несколько метров превратило бы их в резервуары соленой воды, какими являются теперь озера Алкали (Alcali Lakes) и озеро Аберт, названное так в память одного из исследователей этого нагорья. Далее на юге, совокупность котловин, где расход воды путем испарения превышает приход в виде атмосферных осадков, получила от исследователя Фримонта название «Большого Бассейна» (Great Basin), хотя общая низменность состоит из множества лежащих рядом второстепенных впадин. Эта площадь, не имеющая истоков, расположена в форме треугольника между Колумбийской покатостью Змеиной реки—на севере, покатостью Колорадо—на востоке и юго-востоке, и наконец, покатостью различных береговых рек Калифорнии—на западе и юго-западе. Большинство этих бассейнов разделены теми цепями гор, которые тянутся эшелонами по нагорью и придают ему своеобразный вид. Промежуточные впадины представляют долины, сообщающиеся между собой то тут, то там, или даже соединяющиеся в широкия равнины в тех местах, где нет горных кряжей. Высота различных отделений много разнится: в то время, как северные отделения имеют около 1.500 метров средней высоты и приподнимаются, в виде горба с пологими скатами, между озером Пирамиды и Большим Соляным озером, цоколь постепенно понижается к югу до основания Калифорнского полуострова, где впадины находятся даже ниже уровня моря.

В ряде расположенных ярусами одна над другой террас часто трудно распознать выступы промежуточных перегородок; точно также и Большой Бассейн, рассматриваемый в целом, имеет неопределенные контуры. Западный предел его явственно обозначен гребнем Сиерры-Невады. Восточный, указываемый параллельными морщинами гор Вазач, тоже хорошо выражен почти на всём его протяжении; но на севере и на юге есть много таких пространств, где водораздел, очень неясный, даже неразличимый глазом, мог быть определен только посредством методических работ нивеллирования. Во многих равнинах эта линия разделения вод остается чисто идеальной, тогда как в других пунктах достаточно образования рытвин в том или другом направлении, чтобы видоизменить контуры пояса с внутренними водоскатами. С севера на юг это замкнутое пространство имеет не менее 1.196 километров в своей наибольшей длине, а с востока на запад наибольшая ширина превышает 900 километров: по приблизительному вычислению, сделанному Джильбертом, площадь Большого Бассейна составляет 544.000 квадр. километров, т.е. немного больше Франции по пространству.

Между этими прилегающими одна к другой впадинами самая обширная занимает северо-восточный угол низменности, и дно её ещё наполнено тонкой водной площадью Большого Соляного озера (Great Salt Lake); но бассейн глетчерных вод, которому дали ретроспективно имя озера Бонвилль, в честь одного из главных исследователей нагорья, был по крайней мере в девять раз больше Соляного озера. Он обнимал, кроме того, Утахское озеро и

1 M. Orozco y Berra, „Apuntos para la historia de la Geogratia eu Mexico".

всю долину Иордана, а также озеро Севье; самые высокие крутые берега, до уровня которых доходили его воды, находятся почти на 200 метров над нынешней поверхностью Большого Соляного озера, и выше идет ещё ряд старых берегов, расположенных один над другим террасами, настолько сближенными в иных местах, что они образуют род лестницы, как ступени амфитеатра. Пески дна смешаны с солями и в летнее время покрываются беловатым налетом: соленость, столь значительная теперь в Большом Соляном озере, очевидно, увеличилась в течение геологических веков, с той эпохи, когда озеро Бонвилль, питаемое ледниковыми водами окружающих гор, принадлежало к бассейну Колумбии и выливало избыток своей жидкой массы через один из притоков Змеиной реки; следы его ещё видны в ущелье Ред-Рок, в долине Каш, у северо-восточного угла древнего озера. Джильберт исчисляет общую поверхность дна, некогда покрытого озерной площадью, в 48.000 квадр. километров, следовательно, озеро Бонвилль имело меньшее протяжение сравнительно с озерами Верхним и Мичиган, но было обширнее озер Эри и Онтарио[1].

До сих пор ещё не могли определить числа второстепенных бассейнов, составляющих «Большой Бассейн», по причине малой выпуклости рельефа на некоторых из раздельных порогов; но число это, вероятно, доходит до сотни. Каждая из этих отдельных котловин заключала в себе или ныне ещё заключает озеро, но теперь уже по большей части обратившееся в *playa*,—испанское слово, удержанное американцами,—т.е. в простую соляную площадь, которая, соответственно переменам климата, наполняется водой или обсыхает, увеличивается или уменьшается в размерах. В эпоху разделения первоначального озера на несколько второстепенных бассейнов, некоторые из этих бассейнов, лежащие на различных уровнях, сообщались посредством временных потоков, которые иссякли одновременно с их резервуарами. Так, когда озеро Бонвилль разделилось на два озера, северное и южное, остатки которых составляют Большое Соляное озеро и озеро Севье, из первого выходила могучая река, изливавшаяся во второе. Русло её ещё видно в проливе, образуемом горами Симпсон на востоке и Мак-Доуэль на западе. Этот исток северного озера, вырывший себе канал в слое ранее отложенных глин, нигде не имеет менее 300 метров в ширину, а местами расстояние между высокими берегами его доходит до 1.500 метров; желоб достигает 30 метров в глубину. И в русле этой некогда могучей реки теперь не найдешь ни одной капли воды!

Вся северо-восточная часть бывшего озера Бонвилль составляет в настоящее время отдельную гидрографическую впадину, заключающую Большое Соляное озеро и другие озера и реки его бассейна. Воды, спускающиеся с гор Вазач и орошающие, у западного основания этой цепи, узкий пояс возделанных земель, соединяются в один канал, наклоненный с юга на север и называемый Тимпаногос. Этот поток впадает в треугольный бассейн озера Утах, которое сообщило свое имя штату, колонизованному мормонами, и обширная площадь которого, незначительной глубины,—от четырех до пяти метров,—граничит на западе с солончаковой пустыней; но вода в этом озере остается пресной, изобилующей рыбой, особенно форелью, благодаря выходящей из него реке: это—Иордан, названный так «святыми последних дней», основавшими на берегах его свой новый Иерусалим. «Иордан» Палестины Скалистых гор изливается в Большое Соляное озеро, в юго-восточном углу этого бассейна; с восточной стороны в него впадают другие притоки, Вебер и Бер-Ривер, перерезывающие цепь Вазач. Бер-Лек, «Медвежье озеро», откуда выходит Бер-Ривер («Медвежья река»), представляет тип долинного озера: некогда гораздо более значительное, оно тянется, в виде правильного овала, между двух параллельных горных цепей, отделенное на севере от болот естественной песчаной насыпью, окаймляющей его полукругом.

Большое Соляное озеро делится на два бассейна, восточный и западный; одна из цепей, которыми усеяно нагорье, поднимается над поверхностью вод двумя выступами, образуя на севере скалистый полуостров, а на юге островную гору Антилопу (2.100 метров). С западной стороны простирается пустыня, покрытая белым соляным налетом. Большое озеро получает, в среднем, около 45 сантиметров дождя в год, но в иные годы это количество выпадающих

1 Grove Karl Gilbert, „Lake Bonneville”.

атмосферных осадков бывает меньше на одну пятую, и соответственно тому понижается уровень озера. Приносимое тремя притоками, Медвежьей рекой, Иорданом и Вебером, количество воды, происходящее главным образом от таяния снегов, сокращается почти до нуля осенью и в сухия зимы. Сделанные до сих пор попытки определить приблизительно общую водоносность впадающих в Большое Соляное озеро потоков дали среднюю величину 168 кубич. метров в секунду; одна Медвежья река катит около сотни кубич. метров[1]. Исследованное впервые в 1849 г. Стансбери, Большое озеро принадлежит к числу наилучше известных озерных резервуаров, и с 1875 г. регулярно отмечаются ежедневное состояние его уровня и все изменения контуров. Средняя высота положения озера 1.344 метра; но с того времени, как мормоны поселились в крае, оно дважды увеличивалось, дважды понижалось, и разность уровня достигала 3,35 метров, что натурально должно было сопровождаться большими переменами во внешней форме этой неглубокой водной площади, расстилающейся на ровном грунте без крутых берегов: при самом низком стоянии воды поверхность озера составляла всего только 4.530 кв. километров, тогда как при наиболее высоком уровне она увеличивалась почти на целую четверть, до 5.620 кв. километр. В самых впалых местах находят от 11 до 15 метров глубины, смотря по времени года; но средняя толщина слоя воды колеблется между 4 и 7 метрами.

Вместимость Большого Соляного озера: при низкой воде—17.120.000.000 куб. метров; при полной воде—39.340.000.000 куб. метров.

Таким образом, в сухие годы вместимость озера не составляет даже половины вместимости его в годы дождливые. Объем жидкой массы во время мелководья равен объему Нефшательского озера, в период же дождей и таяния снегов он удвоивается. Вмешательство человека, утилизирующего воду реки для орошения возделываемых земель, необходимо будет иметь следствием уменьшение поверхности Большого Соляного озера и увеличение его солености, которая и теперь так значительна, что купающийся в этом озере не может весь погрузиться в его плотной воде. Фауна этих резервуаров заключает всего на все два вида, чувствующих себя хорошо в соляных водах: мушиную личинку, *ephydra*, и ракообразное *artemia gracilis*[2].

Озеро Севье, другой остаток бывшего моря, сократилось до размеров гораздо меньших, чем размеры Большого Соляного озера; в 1880 г. оно почти совершенно высыхало, так что геолог Джонсон перешел пешком его покрытое соляной плитой ложе. Длинная речка, которая теряется в этом озере, описав перед тем кривую около 500 километров вокруг цепи, параллельной горам Вазач, иссякает наполовину в нижней части своего течения и приносит озерному бассейну лишь медленный и соляной поток; другие ручьи, спускающиеся с окружающих гор, высыхают прежде, чем достигнуть озера, с которым соединяются только во время разливов.

Другой испарившийся бассейн, меньший и более неправильной формы, чем «озеро» Бонвилль, носит имя озера Лагонтан, впрочем, мало заслуженное, так как беарнский путешественник, в честь которого оно названо, дает о странах, пройденных им на западе от Миссисипи, описание, совершенно не соответствующее действительности[3]. Соляное озеро, о котором он говорит, как о находящемся в 150 лье к западу от «Лагонтанского урочища», в земле племени мозимлик, было, по всей вероятности, если он действительно видел его, не что иное, как нынешнее Большое Соляное озеро[4]. Впадина, которую наполняли в четверичные века воды озера Лагонтан, составляет западную часть Большого Бассейна, отделенную от озера Бонвилль несколькими порогами, но совершенно похожую на восточный бассейн высотой положения и физическими условиями[5]. Озера, оставшиеся от бывшего моря Лагонтан

1 Willard Young, „U. S. Geographical Surveys West of the hundredth Meridian", 1879.
2 G. K. Gilbert, цитиров. сочинение.
3 Baron de la Hontan, „Memoires de l'Amerique Septentrionale", 2-e edition, Amsterdam, 1728.
4 Howard Stansbury, „Expedition to the Valley of the Great Salt Lake of Utah".
5 Israel Russel, „Geological History of Lake Lahontan".

и не имевшие выхода к морю, представляют теперь по большей части покрытые илом пространства, «грязные озера», *mud lakes*; многие из них даже наполняются водой или увлажняются только в известное время года: соль заменяет в них воду. Часто этим бассейнам дают название sinks,—слово, заключающее в себе понятие о пропадании, исчезании, и употребляемое обыкновенно только для обозначения ям для спуска воды в подземные пропасти: так, говорят о Гумбольдт-Синк, Карсон-Синк, воды которых, когда они имеются, не проходят через глины их ложа. После дождей эти два sinks, Гумбольдт и Карсон, образуют одно озеро; точно также Пирамид-Лек, названное так от одной скалы его бассейна, имеющей пирамидальную форму, Виннемука-Лек и Мэд-Лек, соединяются в одну обширную площадь наводнения.

Во многих углублениях почвы, некогда покрытой большим озером, залегают пруды щелочной воды и слои натуральной соды, влага из которых испарилась. Но самые замечательные по содержанию химических веществ резервуары—это два кратера пустыни Карсон, близ которых находится деревушка Рагтаун. Эти вулканические жерла известны под именем Содовых озер или Рагтаунских прудов. Большее из них окружено закраиной, поднимающейся на 24 метра над уровнем окружающей почвы; внутри бассейна, водная площадь лежит на 50 метров ниже гребня утесов, очень крутых с внутренней стороны, и промеры указывают, в центре озера, глубину около 44 метров. Нет никакого сомнения, что это «содовое озеро» есть бывший кратер вулкана, так же, как и другой бассейн, теперь высохший. Оно питается подземными источниками и, вероятно, также просачивающейся водой реки Карсон, которая проходит по близости, метрах на пятнадцати выше поверхности озерного резервуара. Миллиарды маленьких раков (artemia gracilis) и мушиных личинок кишат в щелочной грязи у берегов бассейна. Уже несколько лет промышленники эксплоатируют эти два озера, откуда они извлекают, в среднем, около 750 тонн соды в год[1].

К западу от озера Лагонтан, вдоль Сиерры-Невады, на восточном её скате, находим ряд озер, очень любопытных в том отношении, что они указывают естественное переходное состояние между глетчерными озерами и бассейнами соляной концентрации. Озеро Тахоэ, обширный бассейн (площадь около 600 квадр. километров), наполняющий своими чистыми и прозрачными, как хрусталь, водами один из цирков Сиерры-Невады, составляет часть этой системы внутренних озер, так как его приток, быстрый Трэкки, спускается к востоку на плато и теряется в озере Пирамиды. Но грандиозностью и прелестью своего вида озеро Тахоэ резко отличается от болотистых водных площадей бесплодного плоскогорья. Находясь на высоте 1.890 метров, оно отражает в своих зеркальных водах пики, зеленеющие при основании, белые от снега на вершине, целого круга гранитных гор, поднимающихся на 1.000 метров над его поверхностью; одна из гор, «Пик Иова» (Job's Peak), достигает даже 3.132 метр., возвышаясь почти на 1.350 метров над уровнем озера. Ручьи, спускающиеся со всех сторон каскадами через лесистые овраги, приносят свою дань землистых частиц; однако, промеры обнаружили во впадинах дна глубины свыше 500 метров, и вода сохраняет изумительную чистоту: рыба ясно видна на расстоянии 25 метров от поверхности. Пять параллельных, замечательно правильных морен, разделенных бороздами, с лужами стоячей воды, примыкают к озеру Тахоэ, но нигде не видать фронтальной морены, без сомнения, потому, что древние ледники продолжались в озере плавучими глыбами, которые и толкали в воду увлекаемые ледяным потоком мелкие камни[2]. По мнению геолога Марку, озеро некогда было сплошь заполнено льдами и выдавалось за пределы этого бассейна в ущелье Трэкки. Берега озера Тахоэ, усеянные отелями и виллами, обратились теперь в одно из модных дачных мест, посещаемое преимущественно богатым купечеством Калифорнии.

Озеро Моно (2.051 метр) занимает сходное с озером Тахоэ, положение на восточном скате Сиерры-Невады, в бывшем кратере, окруженном высокими горами: господствующие над

1 Th. M. Chatard, „Bulletin of the U. S. Geological Survey“, № 60.

2 Le Conte, „American Journal of Science“, X, 124;—Delesse et de Lapparent, „Revue de Geologic pour 1874 et 1875“.

ним, на западе и на юге, вершины, как Дана, Ляйель, Риттер,—снеговые горы, по другую сторону которых открывается глубокая долина Иоземита. В четверичную эпоху озеро Моно принимало в себя большое число ледников, как и озеро Тахоэ, в тот же геологический период его истории. Многие ледники, обрушившиеся с фирновых полей гребня на крутой скат стен, высовывали свой передний конец в самые воды, толкая перед собой мелкие камни глетчерного ложа: эти обломки частию засыпали бассейн, имеющий теперь всего только 46 метров глубины в самом впалом месте. Озеро Моно не имеет истока, который бы изливался на восток в ту или другую впадину Большого Бассейна: оттого вода в нём соленая, содержащая 5 процентов соли; ни рыба, ни моллюски не могут жить в его водах, но личинки одного вида мухи кишмя-кишат там, и индейцы пай-утасы делают себе на зиму большие запасы этих личинок. На одном из островов озера фумаролла выпускает клубы паров, а в соседстве из воды высовываются сотни белых камней, похожих издали на стаю пеликанов: это известковые горки, отложенные минеральными источниками.

Небольшая река, берущая начало в южной стороне прибрежных гор, течет на юго-восток, параллельно оси Сиерры-Невады, и пройдя около 200 километров, теряется в другом озерном бассейне, называемом Оуэн (Owen's Lake), который в давния времена должен был походить на озеро Моно. Озеро Оуэн лежит на склоне горы Уитней и некогда тоже получило ледники, сползавшие с этой высокой вершины, ныне же, недостаточно питаемое, оно обмелело и уменьшилось в размерах, вода его стала горькой, и площадь, занимаемая им в длинной долине, которую оно прежде наполняло, не превышает 285 кв. километров; глубина его теперь незначительна, всего только от 15 до 16 метров. Порог, через который некогда убегали лишния воды, с южной стороны, находится почти на той же высоте над нынешней поверхностью озера. Из всех озерных бассейнов Соединенных Штатов озеро Оуэн содержит большую пропорцию соды, по исчислению Лоу, около 220 миллионов тонн. Вулканическая область окрестностей часто бывает колеблема сильными землетрясениями. На юго-восток простираются угрюмые пустыни, спускающиеся в Колорадо.

Из всех замкнутых бассейнов Северо-Американского союза бассейн Мохавес, граничащий на юго-западе с горами Сан-Бернардино и их отрогами, всего более заслуживает название «пустыни». Русло, которое обыкновенно называют рекой Мохав, почти всегда бывает сухим, и даже после дождей вода течет в нём под слоем песку. «Содовое» озеро (Soda Lake), куда впадает это извилистое русло, есть не что иное, как слой грязной соли, над которым часто играет мираж, рисуя голубую водную площадь, окруженную лесами и городами. В разных местах пустыни тоже встречаются соляные впадины. Вдоль ложа скрытой реки кое-где ростут тополи и вербы, корни которых питаются подземными водами; но на всём остальном протяжении равнина, покрытая беловатым налетом, не имеет никакой растительности, кроме одного вида юкки, называемого «испанским штыком», вонючего чернобыльника и кактусов. Наконец, одна из солончаковых лощин, прозванная «Долиной Смерти», Death Valley, занимает ущелье в роде каньона, которое в предшествовавшую геологическую эпоху было руслом реки, как Колорадо, вероятно, той самой, которая ныне теряется в Содовом озере; единственная река, изливающаяся теперь туда,—ленивая Амаргоза, т.е. «Горькая». Эта пропасть, в 30 километров средней ширины, тянется параллельно оси Сиерры-Невады, на пространстве около 200 километр., и впалые места её лежат ниже уровня моря (на 53 метра, по измерениям натуралиста Белль). Скаты каньона усажены пиками, соляными иглами, острыми, как стекло; впадины заполнены пластами буры и соли; там и сям разгуливают дюны. Заблудившиеся караваны находили смерть в этой страшной пустыне; один из хребтов, господствующих над Долиной Смерти, получил имя «Погребальных гор», Funeral Mountains.

III. Климат, флора и фауна Скалистых гор и тихоокеанской покатости

Высокие равнины, заключающиеся между закраинами Скалистых гор и Сиерры-Невады,

имеют климат чисто континентальный, свойственный вообще странам, куда не проникают влажные ветры с моря; кроме того, высота местоположения понижает среднюю температуру на несколько градусов в обитаемых областях нагорья. Так, например, изотерма Пика Пайк, знаменитой горы Колорадо, поднимающейся на 4.308 метров над уровнем океана, есть —7° Цельсия, т.е. на девятнадцать градусов меньше изотермы Сент-Луиса, лежащего почти под той же широтой. Часто, в этих возвышенных областях зимние холода переходят за точку замерзания ртути. С другой стороны, летния жары там очень сильны: так как ночи в это время года короче на несколько часов, то поглощение тепла на много превышает потерю его лучеиспусканием, и потому средняя температура очень высока. По замечательному совпадению, изотермические линии лета тянутся с востока на запад, от берегов Атлантики до плоскогорья «Большого Бассейна», без изгибов и отклонений, как будто бы не существовало промежуточных гор. В форте Ларами, на высоте 1.375 метров над уровнем моря, в июле так же жарко, как в Бостоне, под той же широтой; в Санта-Фе (в Новой Мексике), лежащем на высоте 2.088 метров, температура того же месяца мало разнится от температуры Нового Берна, занимающего соответственное положение.

Температура июля: Форт-Ламари—23°,9; Санта-Фе—24°; Бостон—22°,5; Нью-Берн—26°,5.

Пустыня нижнего Колорадо представляет собой тепловой фокус Соединенных Штатов. В форте Юма, на окраине этих пустынь, средняя температура всего лета превышает 32° Ц.; но иногда термометр поднимается там до 40 градусов,—явление единственное под этой широтой на американском континенте. В этих областях, куда не проникает умеряющее влияние моря, альтернативы суточного климата представляют крайности, аналогичные с крайностями годового климата: все условия соединились там, чтобы производить каждый день большое колебание температуры. Редкость облаков, серая окраска бесплодной почвы благоприятствуют скоплению тепла в нижних слоях атмосферы в те часы, когда солнце над горизонтом. Ночью происходит обратное: те же причины усиливают лучеиспускание. Недостаток влажности в этих областях «Калифорнии», т.е. «горячей печи», по буквальному значению этого испанского слова, тем замечательнее, что ветры дуют обыкновенно с моря и, следовательно, содержат значительную пропорцию паров; но, проходя над плоскогорьями и пустынями нижнего Колорадо, эти ветры, нагреваясь ещё больше, становятся относительно суше, вследствие удаления пара от точки насыщения, и содержимая ими влага разрешается в дождь не прежде, как по достижении внутренних гор[1].

Узкая полоса океанского побережья у основания Каскадных гор и Сиерры-Невады составляет замечательный контраст с высокими внутренними нагорьями в отношении климатических условий. На равной широте годовая температура гораздо выше в береговых областях, чем на американском побережье Атлантического океана. От одной к другой стороне континента, в Америке замечается противоположность климата, подобная той, какая существует в Старом Свете между азиатскими берегами и берегами Западной Европы. Тогда как на атлантическом побережье, под 45 градусом широты, изотерма 7° Ц. касается берега Мэна, прибрежные равнины Орегона пользуются средней температурой 12 градусов. Однако, разность здесь меньше, чем в Старом Свете, что объясняется формой берегов и направлением океанских течений. В этом отношении Западная Европа поставлена в особенно благоприятные условия, получая полностью тепло, приносимое тропическими ветрами и морскими течениями.

По направлению с юга на север, от Калифорнии до берегов Вашингтона, изотермические линии изогнуты так, что идут вдоль побережья на больших расстояниях; сильно отклоняясь от градусов широты, они приближаются к меридианам и в некоторых местах даже совпадают с ними. Кроме того, большая равнина Калифорнии представляет любопытное явление изотермических овалов, развертывающихся на всей окружности страны, от прибрежных полей Сан-Жоакина до местностей по течению Сакраменто. Климатические контрасты между

1 Powell, „Schribner's Magazine“, October 1891.

Калифорнией и Европой заметны особенно в летнем сезоне. Это время года на берегах Тихого океана гораздо холоднее, чем следовало бы быть по положению солнца; иногда даже наблюдали тот, повидимому, ни с чем несообразный факт, что средняя температура калифорнского лета ниже температуры весны и осени. Эта аномалия всего резче бросается в глаза в Сан-Франциско, где самый теплый месяц—сентябрь, и где температура июля не превышает температуры октября; от января до июля среднее возрастание месячной температуры составляет всего только 3 с половиной градуса, явление, вероятно, беспримерное во всякой другой умеренной области материков. Оттого многие растения, требующие для своего созревания довольно сильной летней теплоты и ясного неба, гораздо менее выдвинулись к северу в Калифорнии, чем под соответствующими изотермами равнин Миссисипи и Европы. Виноградный куст, дающий обильные плоды в окрестностях Лос-Анжелес и в Южной и Средней Калифорнии, не переходит за 38-й градус широты, а кукуруза, хлеб американский по преимуществу, редко вызревает севернее Сан-Франциско. Это странное охлаждение калифорнского лета объясняется влиянием холодных вод, приносимых в это время года течением Тихого океана. От 35 до 44 градуса широты воды, ударяющиеся о берега летом, так же холодны, даже холоднее, чем зимой, может-быть, потому, что они составляют часть полярного течения, которое тогда появляется на поверхности, тогда как в другие сезоны оно течет под теплыми водами, приходящими из Японии и экваториальных морей. Как бы там ни было, во всяком случае эта холодность воды достаточна для понижения на несколько градусов температуры всего берегового пояса. Однако, Южная Калифорния, заключающаяся между Пунта-Консепсион и мексиканской границей, имеет свой местный, совершенно особенный климат, лишь в очень слабой степени испытывающий влияние северных морских течений. Далеко выступающий мыс гор отбрасывает на запад, за архипелаг Санта-Барбара, холодные океанские воды, приходящие от берегов Аляски, а сами горы достаточно высоки, чтобы задерживать холодные ветры, дующие в том же направлении. Таким образом обширный полукруг побережья, отделенный от центральной Калифорнии горами Сент-Рафаэль и Сан-Бернардино, составляет по климату особый мир.

Другую отличительную черту калифорнского климата, по сравнению с климатом Европы, составляет однообразие барометрического давления. Большие возмущения в атмосфере там очень редки, а нормальные колебания высоты барометра совершаются с замечательной правильностью. Сильные бури, образующиеся на восточных берегах Азии, истощив свою ярость прежде, чем перейти Тихий океан, не разражаются на берегах противоположного материка, как это делают штормы Восточной Америки. Когда в равновесии воздушных масс наступает значительная перемена, она происходит очень медленно, почти всегда без электрических разряжений, и никогда в летнее время, составляющее там наиболее правильную в метеорологическом отношении часть года.

На побережье Тихого океана нормальный ветер дует с моря, т.е. с запада и юго-запада: в этом и заключается главная причина почти постоянной мягкости климата. Летом, муссон, так сказать, движется поверх нормального ветра; привлекаемый безводными и бесплодными внутренними нагорьями, воздух направляется, в виде постоянной бризы, от запада или северо-запада к внутренней части материка. Но эта бриза, среднюю скорость которой определяют в 10 верст в час, дует только днем: ночью, когда нагорные пустыни постепенно охладятся, морская бриза стихает, затем сменяется слабым воздушным током, движущимся в обратном направлении. Везде, где береговые горные цели представляют брешь, ветер устремляется через это отверстие, чтобы легче взобраться на плоскогорье. В бассейне Колумбии он с большой силой врывается через ущелье Далль. «Золотые Ворота» Сан-Франциско, через которые море вдается внутрь материка, пропускают в то же время мощную воздушную массу, которая затем расходится веерообразно внутри долины, так что в летние месяцы бриза, имея центр расхождения в Сан-Франциско, движется с юга на север в долине реки Сакраменто, с севера на юг в долине реки Сан-Жоакин. Однако, некоторые боковые долины остаются ещё вне сферы действия этой дневной бризы, а потому там сохраняется нормальная температура лета. Зимой западные ветры не отличаются уже такой правильностью, часто

сменяясь противоположными воздушными течениями. Иногда в горах дуют теплые ветры, подобные *антану* Пиреней и *фену* Альп, и быстро расплавляют снега, покрывающие вершины: таков ветер *шинук*, названный так потому, что он проходит через страну, некогда посещавшуюся торговцами племени «шинук» в Британской Колумбии, Вашингтоне и Орегоне. В Южной Калифорнии подобный же ветер, приносящий удушливую жару и выжигающий растительность, известен под именем «ветра Санта-Ана» (св. Анны). Под влиянием этих ветров небо затуманивается, но обыкновенно атмосфера Калифорнии отличается замечательной ясностью[1]. Ликская обсерватория, построенная на вершине горы Гамильтон, в Береговой цепи, на высоте 1.353 метров, есть одна из тех обсерваторий, где без помехи можно делать систематические наблюдения.

Вся гористая область на западе Соединенных Штатов принадлежит к числу сухих пространств земного шара: некоторые части Утахи, Аризоны, Новой Мексики не имеют другой воды, кроме горных ручьев, бегущих с снеговых вершин, и без искусственного орошения там невозможна никакая культура: где останавливаются ирригационные канавы, или *acequias*, там начинается *chaparral*, пустыня. Долговечность домов, построенных из необожженого кирпича, которые в дождливой стране скоро обратились бы в кучу мусора, свидетельствует о необычайной сухости атмосферы в Новой Мексике. Может-быть даже, если верить свидетельству тамошних редких земледельцев, эта сухость ещё увеличилась со времени прибытия белых в край; развалины многолюдных городов, находимые в местностях, ныне совершенно безводных и бесплодных, придают большое вероятие этому утверждению. Но горные вершины, высоко поднимающиеся над равнинами и плоскогорьями, до высших слоев атмосферы, где проходят влажные ветры, получают гораздо более значительное годовое количество воды, чем земли, лежащие у их основания. Это за воду, которую они им дают, жители так любят свои горы; в испанских странах, особенно в округах, через которые протекает река Хила, высокие нагорные долины называют *tinajas*, т.е. «кувшинами»: на них смотрят как на резервуары, где скопляются дождевые воды, утилизируемые до последней капли для поения скота и орошения полей.

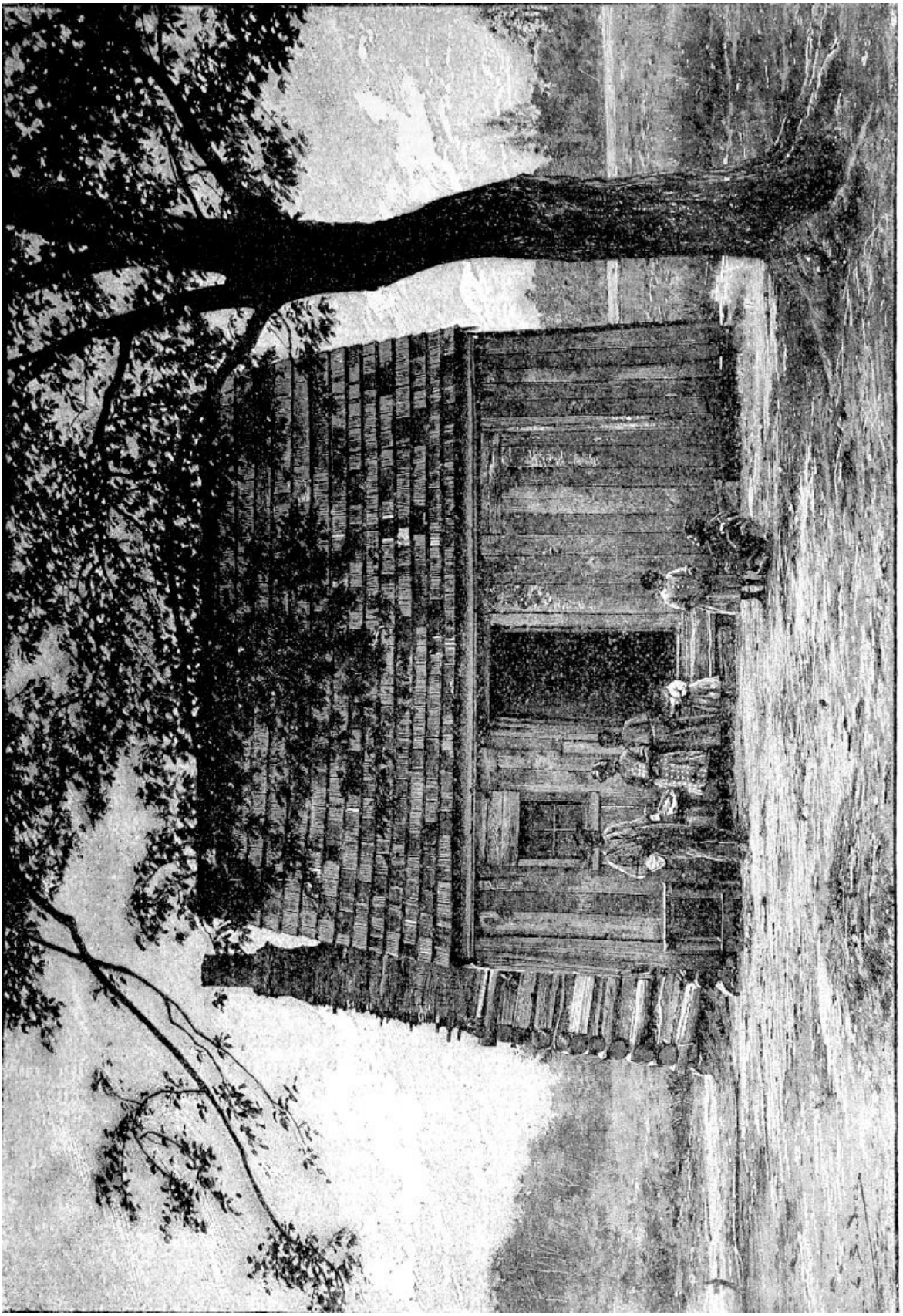
На побережье Тихого океана количество дождей увеличивается с юга на север: в то время, как долины Южной Калифорнии орошаются весьма слабо, в Сан-Франциско выпадает уже слишком полметра дождя, а при устье Колумбии—более метра, почти столько же, сколько на обильно поливаемых дождем берегах Мексиканского залива, во Флориде и Луизиане: «там всегда дождь», говорят менее счастливые соседи юга, а про орегонцев в шутку говорят, что у них «ноги лапчатыя». Но тотчас же к востоку, на восточной стороне Каскадной цепи, ливни уже гораздо слабее. Годовые колебания весьма значительны; в некоторые годы Сан-Франциско получает втрое больше дождя, чем в иной сравнительно сухой год. Количество атмосферной влаги, выпадающей в форме снега на плоскогорья и гребни гор, колеблется в тех же пределах.

Среднее количество дождей на западе Соединенных Штатов, по Шотту и другим наблюдателям: *Скалистые горы*: Вирджиниа-Сити—0,427 метров; Пиош—0,160; Форт-Ларами—0,367; Форт-Бриджер—0,214; Пик Пайк—0,804. *Побережье Тихого океана*: Порт-Таунсэнд—1,016; Олимпия—1,397; Астория—1,971; Сан-Франциско—0,546; Сан-Диего—0,236 метра.

Растительность воспроизводит на почве явления климата: там, где дожди редки, зелень тоже скудна, а деревьев и совсем нет; там, где дождевые воды часто поливают землю, последняя покрыта лесами, более или менее густыми, смотря по учащенности и обилию дождей. В громадном пространстве,—около трех миллионов квадр. километров,—простирающемся от верхнего Миссури до нагорий Техаса и от низменных равнин Колорадо до хребта Сиерры-Невады, характеристические растения, кактус и чернобыльник, преобладают и придают известковой или солонцоватой стране её общую физиономию. Пределы пояса *sage* или «шалфея», т.е. чернобыльника (artemisia tridentata), почти совпадают с границами плоскогорий. Как только поезд тихоокеанской железной дороги взобрался по скатам Ларами, характер

1 Jacques W. Redway, цитированное сочинение.

растительности вдруг меняется: вместо травы, почва производит только чернобыльник и другие пахучия растения; они повсюду образуют густые поросли, на дне долин, на скатах холмов, на вершинах гор, и чем выше поднимаешься на плоскогорье, тем крупнее становят-

Негритянскій домъ во Флориде.

ся эти растения. Воздух пропитан запахом камфоры и терпентинного масла, отличающим чернобыльник. Может-быть, именно этим ароматам, так же, как и вообще здоровому качеству тамошнего климата, и следует приписать многочисленные случаи выздоровления, на-

блюдаемые на чахоточных, посылаемых докторами в эти области «Дальнего Запада». По бокам сырых оврагов кое-где растут деревья с тонкой, трясущейся листвой,—разные виды тополя; в каньонах Сиерры-Невады прячутся малорослые можжевельники и южные сосенки; прежде более многочисленные, эти деревца давали индейцам свои семена, считавшиеся большим лакомством у краснокожих, а самое дерево служило первым рудокопам топливом и материалом при производстве работ.

В южной области, креозотовый куст (larrea mexicana) и колючие кустарники, как мескит и юкка с остроконечными листьями, сменяют низкие растения и придают стране неприязненный вид. Ещё больше, чем на Мексиканском плоскогорье, в Аризоне и Новой Мексике характеристическим растением является *питагайя* (cactus giganteus). «гигантский кактус»: эти колоссальные канделябры высотой от 10 до 15 метров, стоят особняком, сохраняя почти одинаковую толщину от основания до верхушки; разветвления, в числе двух или трех только, выходят из ствола под прямым углом, затем поднимаются перпендикулярно, вооруженные колючками, как и главный ствол. В самых бесплодных местностях, как Мохавская пустыня, совершенно лишенная влажности, благодаря заграждающей её стене гор Сан-Бернардино, нет даже кактусов: везде видишь только голую глину да солончаки в этих обширных равнинах, ограничиваемых вдали красноватыми горами. Но над бесплодными низинами, обнаженными плато, показываются там и сям горные вершины, проникающие в пояс облаков, и склоны которых, покрытые деревьями, составляют приятный для глаза контраст с окружающими голыми скалами: иное лесистое плато, с голыми желтоватыми, изрытыми скатами, кажется издали висячим садом. Выше 1.300 метров креозотовый куст более не встречается, и мы вступаем в пояс можжевельника, продолжающийся до высоты от 2.000 до 2.075 метров. Выше идет пояс сосны. Наконец, за известной высотой холода убивают древесную растительность: в Колорадо, горы, переходящие за 3.300 или 3.500 метров, не имеют уже деревьев на вершине, и последние леса их состоят из кустов, превратившихся под тяжестью снега в род шероховатой мостовой, по которой приходится с большим трудом взбираться на гору. В Калифорнской Сиерре-Неваде предел лесов лежит на высоте 3.000 метров[1].

Мало найдется стран, где бы решительное влияние влажных воздушных течений на растительность было так заметно, как в Калифорнии. Ветры с Тихого океана, приносящие дожди, встречают на пути прежде всего западные скаты Береговой цепи, затем, перейдя через гребень этих гор, гораздо более низких, чем Сиерра-Невада, ударяются о крутые склоны большой цепи, на средней высоте 1.200 метров. Ниже этой линии растительность редка, листва её без блеска, общий тон пейзажей, часто подернутых дымкой пыли, варьирует от серого до фиолетового и красноватого цвета. Но там, где начинает ощущаться правильное влияние влажных ветров, преобладает прекрасная и могучая растительность хвойных деревьев, которая сплошь покрывает высокие долины и отлогости Сиерры-Невады до основания снеговых пирамид и продолжается на север в Британской Колумбии и в Аляске, разветвляясь к востоку вдоль границы Союза, в штатах Идаго, Монтана, Уайоминг.

В этом лесном поясе древесные породы, хотя менее разнообразные и менее многочисленные, чем в восточной полосе, на атлантическом побережье, насчитываются, однако, десятками. Между ними преобладают двенадцать видов хвойных, несмешивающиеся и расположенные один над другим последовательными рядами соединенных в одно общество деревьев; в среднем, пояс произрастания, для каждого вида, занимает на скате гор вертикальную высоту около 800 метров, но ни для одной из пород эти линии не совпадают. Большинство расположены наискось, опускаясь низко в северных областях, где влажность достаточна уже начиная от подошвы гор, и постепенно поднимаясь к снегам в южном направлении, чтобы найти там подходящие для данного растения климатические условия—воздух, влажность и температуру. Другая особенность лесов Калифорнии состоит в том, что на севере они гораздо гуще, на юге, напротив, легче делятся на лески или рощи, где отдельные деревья приобретают резче выраженный индивидуальный характер и в большей мере отличаются живописной

1 J. D. Whitney, цитиров. сочинение.

красотой[1].

В лесах севера господствующая порода—Дугласова или «желтая канадская» сосна (abies Douglassii), с краснобурой корой: некоторые леса, теперь уже выпустошенные топором человека, не содержали ни одного дерева другой породы; ещё недавно в обширных борах Вашингтона и Орегона не редкость было встретить экземпляры желтой сосны вышиной в 80 и даже 100 метров. Ещё выше хвойные деревья рода секвойя, которого теперь существует только два вида: «красное дерево», *redwood* (*sequoia sempervirens*), «большое дерево», или *big tree* (*sequoia gigantea*). По Освальду Геер, секвойя—это пережившая «свидетельница давно минувших веков»; общераспространенная в мелассовой флоре всего земного шара, она имеет лишь весьма ограниченную площадь в текущей эпохе; впрочем, она не представляет ни малейшего признака одряхления, напротив—она ещё является во всей своей силе и славе. Редвуд («красное дерево») живет исключительно в Береговой цепи, от гор Санта-Люсия до долины Кламата. Близ Русской реки (Russian River), где секвойя образует целые леса, безраздельно с другими деревьями, Уитней измерил один крупный экземпляр и нашел, что высота его равна 84 метрам. Другой вид, исполинская секвойя, теперь уже не имеет столь значительной площади распространения. Этого гиганта растительного царства можно ещё видеть только на западных скатах Сиерры-Невады, между 36° и 38°30' с. ш., да и то только в девяти местах, где он образует отдельные рощи. Самый обширный лес секвой осеняет скаты долин, впадающих в долину Королевской реки (King's River), на северо-западе от горы Уитней; но обыкновенно туристы ездят смотреть большие деревья в Калаверас и Марипосу, как места более близкия к Сан-Франциско и к долине Иоземита. Самая большая секвойя, измеренная Уитнеем, имеет 99 метров вышины; прежде существовали экземпляры, переходившие за 120, даже за 130 метров в вышину, но спекулянты срубили этих великанов, с целью показывать кору их на ярмарках или продавать их дерево, которое, впрочем, не имеет цены. Несмотря на закон, охраняющий исполинские вековые деревья, объявляя их общим достоянием нации, дело истребления продолжается.

Ископаемые остатки древней фауны представлены в Скалистых горах мириадами скелетов. Отложения ила мелового моря, которое покрывало большую часть пространства, занимаемого ныне этой горной цепью, необычайно богаты ископаемыми ящерообразными животными, между прочим, птеросаврами, или «летучими ящерицами», гораздо более крупных размеров, чем птеродактили Старого Света; от последних они отличаются также совершенным отсутствием зубов и таким образом приближаются к нынешним птицам. Между ползающими ящерами один вид, колорадский *titanosaurus*, имел от 16 до 18 метров в длину и приподнимался на 9 метров вертикальной высоты, чтобы доставать листву больших деревь, составлявшую его главную пищу; маленький ящер, *nanosaurus*, был величиной с обыкновенную кошку. Часто этих различных животных обозначают общим именем «морских змей», но первые американские змеи, все морского происхождения, появляются около эоценовой эпохи. Земные гады или диносавры, т.е. «страшные ящерицы», характеризуются чрезвычайно малым мозгом, меньшим, чем во всякой другой известной нам животной форме. Марш, сравнивая мозг диносавра с мозгом обыкновенного крокодила, нашел, что, пропорционально, первый был в сто раз меньше.

Остатки птиц не встречаются раньше меловых веков. Что касается млекопитающих, то они появляются уже со времен триаса, представленные сумчаткой, низшим по развитию животным этой группы; но геологам до сих пор ещё не посчастливилось открыть остаток млекопитающего в юрской и меловой формациях. Напротив, в позднейших пластах они встречаются в величайшем разнообразии типов. В нижнем эоцене нашли древнейшего представителя лошади, *cohippus*, четвероногое величиной с лисицу. Кроме того, около тридцати других видов лошадиного рода принадлежат Новому Свету, который теперь геологи считают первоначальной родиной конского племени. По мнению Марша, тапиры, носороги—тоже животные американского происхождения, также как верблюд, олень и, может-быть, представители

1 Clarence King, „Mountaineering in the Sierra-Nevada".

бычачьей породы и хоботоносные животные. Слоны, мастодонты, мегалониксы бродили в лесах и саваннах Северной Америки, и индейцы, часто находившие скелеты этих исполинских зверей в глине и гравии новейших наносных и обвалочных формаций, прозвали их «отцами быков»,—доказательство, что и краснокожие признавали, по-своему, эволюцию видов. Между млекопитающими, принадлежащими к первым временам третичной эпохи, одно, *phenacodus*, животное величиной с волка, особенно привлекает внимание палеонтологов, потому что, по Копу, оно представляет признаки существенно примитивные, рудиментарные, и в нём можно, будто-бы, видеть «общего предка копытных животных, обезьян и человека»[1]. Отпечатки ног одного вида беззубых, открытые близ Карсона, в Неваде, также подали повод к предположению об открытии особого вида человека, *homo nevadensis*.

Изумительное разнообразие крупных видов пресмыкающихся и четвероногих, открытых геологами в Соединенных Штатах, в особенности в меловых и третичных пластах Скалистых гор, доказывает ошибочность прежней теории, по которой существует, будто-бы, известное соответствие между сравнительными размерами Старого и Нового Света и размерами обитающих в них животных. Америка, повидимому, была богаче африканских и азиатских земель гигантскими животными формами; однако, не подлежит сомнению, что в ту эпоху рельеф и окружность континентальных масс были иные, чем в наши дни, и, следовательно, всё разнилось,—способы сообщения между материками, переселения растений и животных[2]. В настоящее время гористые области Соединенных Штатов, покатые к Тихому океану, имеют ещё крупных зверей, но не таких, которые были бы исключительно им свойственны: это четвероногия канадской фауны, как лось и бурый медведь, которые встречаются на плоскогорьях, вместе с представителями фауны мексиканских плато.

Бобр, один из характеристических зверей сырых и лесистых стран Севера, ещё недавно водился на берегах всех потоков Скалистых гор и Сиерры-Невады, даже на юге на реках Пекос, Рио-Гранде и Хила: он строил плотины даже в соседстве Эль-Пасо, на мексиканской границе[3]. В «Худых Землях» эти грызуны и теперь ещё довольно обыкновенны; как только человек перестает охотиться на них, они быстро распложаются и кишмя-кишат на берегах ручьев. Некоторые другие виды исчезли без всякой видимой причины: так, например, зайцы «Большого Бассейна», столь многочисленные в 1870 г., что их убивали для откармливания свиней, в следующем году сделались такой редкостью, что натуралисту Аллену только после продолжительной охоты удалось добыть один экземпляр косого. Но, как и во времена мелового периода, большие плоскогорья Скалистых гор остаются страной пресмыкающихся: там находят ящериц всевозможных размеров и цветов, из которых иные имеют страшный вид, хотя совершенно безвредны; единственная, действительно ядовитая, *heloderma suspectum*, прозвана американцами, от места её обитания на берегах реки Хила, «хильским чудовищем»; это—смирный зверок, очень нескорый на укушение[4]. Фауна плоскогорий заключает в себе также больших черепах, «рогатых лягушек» (*phrynosoma cornutum*), похожих на хамелеона, огромных бородавчатых и иглокожих ящериц, тысяченожек, тарантул и других ползающих животных, прячущихся в дырах глины или скал.

IV. Штаты и города Скалистых гор и тихоокеанского побережья

1. Монтана

Имя Монтана, в смысле «Гористой страны», применяется к штату, заключающему в

1 C. O. Marsh, „American Association for the Advancement of Science“; Nashville Congress;—Boule, „Revue Scientifique“, 28 fevrier 1891.

2 Flower, „Nature“, May 20, 1880.

3 J. R. Bartlett, „Narrative of Explorations in Texas“, etc.

4 S. Weir Mitchell, „Century“, August 1889.

своих пределах высокие горы водораздела между истоками Миссури и несколькими главными ветвями Колумбии, а также небольшую часть чудесного Национального Парка. Штат этот, подобно большинству других штатов, отграничен прямыми линиями, без всякого соображения с естественными чертами страны. От Канады и штатов Дакоты и Уайоминга он отделен лишь градусами широты или долготы; только на юго-западе и на западе горные хребты и реки служат общей границей между Монтаной и Идаго. По пространству, Монтана —одно из значительнейших территориальных делений Союза, но большая часть её громадной площади, слишком гористая и холодная, не может быть утилизируема для земледельческой культуры; главное сельскохозяйственное богатство страны составляет скотоводство, и производимая ею шерсть высоко ценится на рынках атлантического побережья. Как горнопромышленная область, по добыче золота, серебра, меди, Монтана занимает одно из первых мест; золотые прииски и рудники золотые, серебряные и медные, вместе с железными дорогами, всего более способствовали заселению этого края. Английские и канадские рудокопы составляли большинство между иностранными иммигрантами; кроме того, каждый округ имеет свою маленькую колонию китайцев, снискивающих себе пропитание в качестве прачек, домашней прислуги или золотоискателей, копающихся в покинутых выработках золотоносного гравия.

Из всех штатов Союза Монтана заключает в своих пределах самые обширные участки земли, оставленные туземцам: на северо-западе живут «Плоскоголовые» (Flat Heads); на севере, вдоль канадской границы, находятся земельныя владения «Толстопузых», пиеганов, «Черных ног», Воронов и Кровавых индейцев, Blood Indians; наконец, на юге, между течением Иеллостона и границей Уайоминга, Вороны владеют другой энклавой, орошаемой рекой Биг-Хорн: здесь, в 1876 г., краснокожими был истреблен целый отряд федерального войска, состоявший из 437 человек, под командой генерала Костера; три месяца спустя после резни нашли скальпированные трупы на дне одного оврага. Чийенны, модоки, ассинибойны также имеют небольшие земельные участки в этой области. Но белое население очень не охотно терпит соседство всех этих туземцев, и можно предвидеть в близком будущем постепенное урезывание, а затем и конфискацию их земель. А между тем простора достаточно для белых, которые в 1890 г. обработывали всего только 10.450 гектаров; в этом году (год последней всенародной переписи) в Монтане насчитывалось не более одного жителя на 3 квадр. километра. Монтана была принята в число штатов в 1889 г., вместе с несколькими другими территориями, ранее достижения установленной законом цифры населения.

Место Монтаны между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (146.080 кв. миль=378.347 кв. километр.)—3-е; по народонаселению, в 1890 г. (131.769 жит.)—44-е; по километр. плотности населения (0,35)—46-е; по добыче золота и серебра в 1890 г. (31.726.923 доллара)—1-е; по добыче меди (260.000.000 доллар.)—1-е.

Несколько поселений, торговых пунктов и военных постов, разбросаны, на большом расстоянии одно от другого, по берегам Миссури и Иеллостона, и несколько горнозаводских городов, соединенных ветвями с трансконтинентальными линиями Тихого океана, приютились в оврагах. Главный город, Элена, лежащий в горах, на высоте 1.942 метров, при ручье, спускающемся к Миссури, выше ущелья цепи Биг-Бельт-Маунтенс, служит складочным местом для окружающих рудников и заводов: недалеко оттуда, в Прикли-Пир, сделаны были, в 1859 г., первые находки золотоносных песков; в 7 километрах от города находятся теплые минеральные ключи. Километрах в тридцати к западу, железная дорога «Northern Pacific» проходит через главную цепь Скалистых гор туннелем под Мулланским перевалом. Бютт-Сити, к юго-востоку от Элены, обязан своим именем гранитным холмам, среди которых он расположен, и которые дают ему свои богатые руды, золотые, серебряные и медные, ежегодно на сумму свыше ста миллионов франков; вместе с окружающими его лагерями рудокопов, он имел слишком 35.000 жителей в 1890 г.: это был самый большой город северо-запада между Миннеаполисом и Портландом. Друм-Луммон, в 34 километрах к северу от Элены, обладает важнейшим золотым рудником. Верджиниа-Сити, построенный близ раздельного

хребта континента, также был горнозаводским городом; теперь он в значительной степени опустел.

Главные города Монтаны, с цифрой их населения в 1890 г.: Элена—13.834 жит.; Бютт-Сити—10.723 жит.

2. Идаго (Айдаго)

Штат Идаго (Idaho), следующий непосредственно за Монтаной в западном направлении, весь лежит в бассейне Колумбии, на севере—рекой Кларкс-Форк и её притоками, на юге—Змеиной рекой. Это штат неправильной формы, выдвинувший на севере узкую полосу земли до самой канадской границы. На северо-востоке, водораздельная возвышенность между речными бассейнами Колумбии и Миссури отделяет его от Монтаны; на юго-востоке, 111-й градус долготы составляет его границу с Уайомингом; на юге, к Утахе и Неваде, он опирается на 42-й градус широты; наконец, на западе, 117-й градус долготы и часть течения Змеиной реки образуют его границу с Орегоном и Вашингтоном. Подобно Монтане, Идаго владеет узкой полосой земли, принадлежащей к Иеллостонскому национальному парку. Северная часть штата, очень гористая, может привлекать иммигрантов только своими лесами, пастбищами и рудными месторождениями; но обширные равнины юга представляют в низинах очень плодородные пространства, а при помощи искусственного орошения и на возвышенностях большая часть земель могла бы быть завоевана для земледелия. Так же, как его восточный сосед, Идаго был наводнен иммигрантами белой расы только из-за его золотых приисков. Некоторые продуктивные округи сделались маленькими Калифорниями, благодаря наплыву золотоискателей, которые жили в палатках или в землянках, составляя новое общество, где современная цивилизация странно перемешивалась с возвратом к варварству; но мало-по-малу рудники были скуплены капиталистами, авантюристы ушли, оставив колонистов, и лагери золотоискателей обратились в правильные города; недавно в южной части штата поселились несколько мормонских общин. Китайцы, пропорционально, многочисленны в населении Идаго; что касается индейцев, прежних владельцев края, Черных Ног, Проткнутых Носов, Кер-д'аленов, то их водворили в тесных «резервах», рассеянных по территории штата. Хотя число жителей ещё далеко не достигло требуемой конституцией цифры, Идаго, однако, был принят в число автономных штатов Союза. Мормоны, проживающие в крае, допускаются к участию в выборах, в качестве избирателей, только по учинении ими формального заявления под присягой, что они не двоеженцы, ни многоженцы и не желают быть таковыми.

Место Идаго между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (84.800 кв. миль=219.632 кв. километр.)—11-е; по народонаселению (в 1890 г. 84.385 жит.)—45-е; по километр. плотности населения (0,38)—45-е; по добыче золота и серебра (5.400.000 доллар. в 1888 г.)—6-е.

Белое население, за исключением служащих на станциях железных дорог, сгруппировано в юго-западной части штата. Там, на одном из верхних притоков Змеиной реки, находится город Идаго-Сити (Айдаго-Сити), основанный рудокопами в 1865 г.; в то время он имел до 10.000 жителей. Главный город штата Буазэ-Сити (2.311 жителей в 1890 г.) обязан своим именем реке «Boisee» («Лесистой»), бассейн которой он занимает; он лежит ниже Идаго-Сити, при впадении другой реки.

3. Уайоминг

Новый штат Уайоминг (Wyoming), названный так, как и одна из его гор, по имени одной очаровательной долины в Пенсильвании, бывшей Могвом, или «Широкой Равнины», есть территориальное деление, всецело выкроенное по градусам геодезической сетки; он образует длинный четыреугольник, по направлению от востока к западу. Национальный Парк занимает северо-западный угол этого прямоугольника. Страна альпийская, где три бассейна

рек Колорадо, Колумбии и Миссури, берут начало некоторыми из их главных ветвей, Уайоминг лежит слишком высоко, чтобы население могло там когда-либо сделаться значительным и заниматься земледелием, но обширные цирки, некогда озерные, а теперь травяные, представляли бы великолепные горные пастбища для скота. Некоторые другие возвышенные равнины, недостаточно орошаемые, остаются бесплодными и во впадинах покрываются соляным налетом. Самая низкая и наилучше утилизируемая в экономическом отношении часть штата находится в юго-восточном углу, где течет приток Небраски, спускающийся с первой цепи гор: в этих равнинах, лежащих уже вне нагорья, основалась столица штата и была построена первая железная дорога для подъема на горы, между равнинами Миссисипи и берегом Тихого океана. Уайоминг—один из штатов, которые в 1889 г. гуртом были допущены к представительству в Конгрессе, как равноправные с первоначальными республиками, образовавшими Северо-Американский Союз; он даже представлен полнее, так как там и женщины имеют право голоса. Несколько индейцев шошонов живут в анклаве, орошаемой рекой Уинд-Ривер, почти в центре штата.

Место Уайоминга между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (97.890 кв. миль=253.535 кв. километров)—8-е; по народонаселению в 1890 г. (60.705 жител.)—47-е; по километр. плотности населения (0,23)—47-е.

Шейенн, или Шейенн-Сити, столица, находится уже на высоте 2.147 метров, хотя в покатой равнине, доминируемой на западе цепью Черных гор. Долго бывший невзрачной деревушкой, беспорядочной кучей хижин и палаток, населенной авантюристами, следовавшими за строителями железных дорог, Шейенн теперь красивый город, правильно построенный, с сетью расходящихся по разным направлениям рельсовых путей. В 80 километрах к западу, по другую сторону перевала Эванс, тихоокеанская железная дорога проходит через Ларами-Сити, город металлургических заводов и мастерских, имя которого, происшедшее от фамилии франко-канадского «путешественника» Лараме, применяется также к соседним равнинам, горам, пику, реке и форту.

Города Уайоминга, с цифрой их населения в 1890 г.: Шейенн—11.690 жит.; Ларами-Сити—5.388.

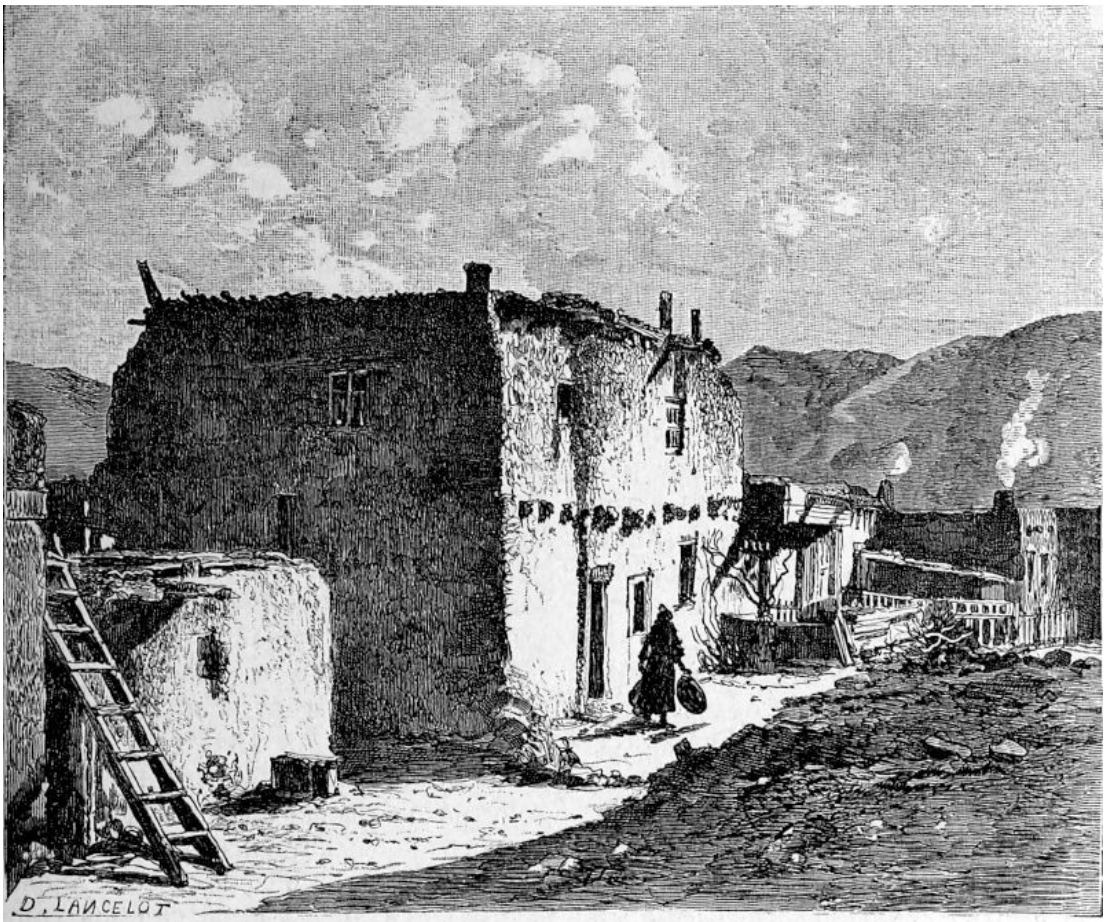
4. Колорадо

Штат Колорадо,—прямоугольник, геометрически выкроенный через равнины и горы,—состоит из двух частей, резко отличающихся одна от другой рельефом, внешним видом, климатом и произведениями: на западе—область Скалистых гор, с их снеговыми пиками, высокими долинами или «парками», глубокими ущельями рек; на востоке—слегка покатые равнины, спускающиеся к Миссисипи. Золотые, серебряные и свинцовые рудники, каменноугольные копи, нефтяные источники привлекли в Колорадо поток колонистов, и, без сомнения, население его и далее будет увеличиваться приливом иммигрантов, благодаря плодородию его хорошо орошаемых полей, чистоте воздуха и превосходному климату; к выгодам его положения присоединяется ещё то обстоятельство, что он командует наиболее посещаемыми проходами Скалистых гор. В половине настоящего столетия страна эта ещё не имела других обитателей белой расы, кроме мексиканских пастухов, поселившихся в долине Сан-Луис, на верховьях Рио-Гранде; но французские имена многих рек и гор напоминают о проходе канадских торговцев, разъезжавших некогда по землям Дальнего Запада. В тот самый год, когда вспыхнула междоусобная война, в 1861 г. организовалась территория Колорадо, которой суждено было сделаться одним из штатов восстановленного Союза: она была принята в число штатов в 1875 году. Возрастание её материального благосостояния шло быстрыми шагами: в десятилетие с 1880 по 1890 г. цифра населения более чем удвоилась, и около 250.000 гектаров земли было отвоевано у степи путем искусственного орошения.

Место Колорадо между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (103.925 кв. миль=269.166 кв. километр.)—7-е; по народонаселению в 1890 г. (410.975 жител.)—30-е; по километр. плотности населения (1,5 жител.)—40-е; по добыче

зол. и сер. (в 1888 г. на 120.000.000 фр.)— 2-е; по добыче свинца (70.788 тонн в 1890 г.)—1-е.

Столица и главный город Колорадо, Денвер,—один из больших городов Запада, и вид его тем более поражает, что этот многолюдный промышленный центр отделен обширными пустынными пространствами от населенных местностей Канзаса и Миссури. Он вдруг встает пред изумленными взорами путешественника, словно какой-нибудь пышный город атлантической покатости, перенесенный вглубь пустыни. По красоте своей панорамы Денвер почти не имеет соперников между городами Соединенных Штатов. Расположенный на высоте 1.624 метров, при слиянии Чири-Крика, или «Радостного ручья», с главной ветвью Южной Небраски, он господствует, с восточной стороны, над беспредельной равниной, сливающейся вдали с округлостью земли, тогда как на западе вздымается, на 2.500 метров выше уровня города, исполинская стена главной цепи Колорадо, одетая зеленью внизу, снегом на верши-

Старинный индѣйскій домъ.

не, и протянувшаяся на необозримое пространство к горизонтам севера и юга. Пересечение многочисленных железных путей сделало Денвер главным этапным и складочным местом; в то же время он—единственный университетский город между прибрежными городами Миссури и Сан-Франциско; кроме того, люди слабого здоровья ценят его, как местопребывание, и окрестные предгорья усеяны виллами, принадлежащими коммерсантам и фабрикантам при-атлантических штатов. В соседних горных ущельях, куда проникают железные дороги, приютились селения рудокопов, Гольден-Сити, Гольден-Гэт, Маунтен-Сити, Сентраль-Сити, Эмпайр-Сити, богатые золотые рудники которых посылают добываемую руду на денверский монетный двор.

Самым многолюдным горнозаводским центром Колорадо является новый город Лидвилль, или «Свинцовый Город», основанный в 1878 году; два года спустя он имел уже около 15.000 жителей. Он лежит на высоте слишком 3.100 метров, в верхней долине Арканзаса, на западной стороне массивов, доминируемых горой Линкольн. Начало Лидвилля не походило

на способ основания большинства горнозаводских городов Калифорнии: в этом штате, вдруг наводненном авантюристами из разных стран, пришельцы не заботились о сооружении городов по данному плану; бараки, сараи, помосты воздвигались случайно, по мере надобности, и мало-по-малу превращались в правильный город, или, заброшенные, приходили в состояние развалин, смотря по результату работ золотоискателей. Но когда рудные месторождения были открыты на верхнем Арканзасе, крупные монополии успели во-время организоваться, финансовые компании тотчас же скупили все пригодные земли, и Лидвилль выстроился по обычному плану американских городов, с пересекающимися под прямым углом улицами и бульварами, с площадями и публичными садами. Лидвилль, центр горной промышленности, есть в то же время место летнего пребывания, и в окружающих его долинах и горах основались различные купальные и дачные заведения; одно из самых любопытных мест в его окрестностях—два озера «Близнецы», Twin Lake, разделенные валом из морен. Но климат верхнего Арканзаса слишком суров, чтобы можно было возделывать дно долин и скаты выше 2.000 метров: город уже уменьшается; он опустеет рано или поздно, когда обильные рудники сереброносного свинца, обогатившие нынешних владельцев, начнут оскудевать. Добыча из рудников Лидвилля в 1890 г.: на 11.798.892 доллара; добыча за время с 1880 по 1890 г.: на 170.204.047 доллар. (900.000.000 франк.).

При выходе Арканзаса из гор и из «Королевского дефилея» стоит город Пуэбло, деятельный рынок южного Колорадо, центр эксплоатации каменноугольных копей (добыча угля в Колорадо в 1890 г.: 1.985.000 тонн), нефтяных источников и металлургических заводов: это «западный Питсбург». Пуэбло соединен с Денвером железной дорогой, которая идет вдоль основания большой цепи и проходит через Колорадо-Спрингс, город минеральных вод и роскоши, величающий себя «городом миллионеров». К востоку оттуда, обширный парк, Monument Park, названный так от его причудливых скал в форме башен и колонн, господствует над долиной и образует великолепную обсерваторию, открывающую взорам обширный круг горизонта, от равнин до гор Фасада. Ручей, спускающийся с пика Пайк и проходящий через Маниту, затем через Колорадо-Спрингс, чтобы соединиться с Арканзасом в Пуэбло, обязан бьющим со дна его русла ключам названием «Fontaine Qui Bouille» («Кипящий фонтан»), данным ему старинными канадскими путешественниками. До каптажа, этот Кипящий фонтан, наполняя круглый водоем, никогда не переливался через края: излишек воды убегал через подземную галлерею[1]. Целебное свойство его вод, содержащих соду, было хорошо известно индейцам, которые приходили бросать, в виде приношения, в источник головки стрел и куски ткани. Тринидад, близ границы Новой Мексики, лежит в соседстве обширных пластов лигнита в холмах Ратон-Хильс.

Главнейшие города штата Колорадо, с цифрой их населения в 1890 году: Денвер—106.713 жител.; Пуэбло—24.558 жител; Колорадо-Спрингс—11.140 жител.; Лидвилль—10.384 жител.

5. Утаха (Юта)

Штат Утаха (Utah, Юта), названный так по имени одного индейского племени, есть, вместе с Невадой, наиболее изолированная природой область Соединенных Штатов, так как окружающие его горы и плоскогорья препятствуют истечению его вод к морю: отсюда название Great Basin, или «Большой Бассейн», в смысле «Замкнутого Бассейна», которое прежде применяли ко всей этой возвышенной территории; однако, реки, текущие на дне горных ущелий в южной и юго-восточной части Утахи, находят себе дорогу к Колорадо. Реки центральной и северной частей принадлежат к неимеющим истока бассейнам озер Севье и Большого Соляного; в предшествующую геологическую эпоху реки эти впадали в огромное озеро «Бонвилль», которое выливало излишек своей жидкой массы в р. Колумбию. От смежных штатов, Идаго, Уайоминга, Колорадо, Аризоны, Невады, Утаха отделена линиями, проведенными по градусам широты и долготы: границы её могут быть определены только по-

1 R. B. Marcy, „Thirty Years of Army Life on the Border“.

средством точной триангуляции.

Место Утахи (Юты) между политическими делениями Северо-Американского Союза: по пространству (84.970 кв. миль=220.072 кв. километр.)—10-е; по населению в 1890 г. (206.498 жител.)—40-е; по километрич. плотности населения (0,9)—43-е.

Как ни обширен с виду этот штат, в действительности, по величине площади годных для культуры пространств, он сводится к узкой полосе земли, тянущейся вдоль западного основания гор Вазач, там, где пресные воды выходят из долин: далее на запад, они отлагают уже только соли или иссякают в песчаных равнинах. Мормоны, по прибытии в «Большой Бассейн», овладели всей пахатной землей, так что не оставалось больше места для иноверных иммигрантов: страна верно была названа «Desert» (пустыней) её первыми насельниками. В 1869 году на слишком 80.000 жителей белой расы насчитывалась едва тысяча «язычников», когда открытие богатых жил сереброносного свинца вдруг привлекло в край спекулянтов и рудокопов. Несмотря на недоброжелательство «святых», несмотря даже на засады, сопровождавшиеся убийствами, которые, по их наущению, устраивались против новоселов союзными индейцами, язычники в конце концов сделались господствующим элементом в некоторых городах, но в деревнях мормоны составляют ещё большинство населения. Государство и церковь, управляемые одним и тем же правительством, присвоили себе монополию владения водой, этим по преимуществу жизненным элементом, и до недавнего времени «старейшины» раздавали её только верующим. Юридические и политические затруднения всякого рода, проистекающие из антагонизма двух населений, имеющих разные законы и нравы, мешали до сих пор Конгрессу принять Утаху в число державных штатов, хотя она уже имеет определенную конституцией цифру жителей. Главное препятствие устранено с 1891 года, когда «внушение св. Духа» окончательно осудило многоженство. Те из верующих, которые не захотели подчиниться новым законам, эмигрируют по большей части, главным образом в Мексику, в провинцию Чигуагуа, где им уступлены в пользование обширные земли, по меньшей мере около пятидесяти тысяч гектаров (1891 г.).

Сольт-Лек-Сити («город Соляного озера»), главный город и метрополия Утахи, был основан в 1847 году мормонами, недалеко от правого берега Иордана, в 17 километрах выше впадения его в Соляное озеро, площадь которого, неправильной формы, простирается на северо-западе территории. К востоку от города высится цепь гор Вазач, и с верхних кварталов, построенных на скатах, открывается вид вдаль на фруктовые сады долины, на равнины и на озеро. «Город Соляного озера», разделенный на равные островки широкими тенистыми улицами, орошаемыми проточными водами, есть один из самых чистых и здоровых городов Америки; но, занимая пространство слишком обширное для своего немногочисленного населения и состоя из низеньких домов без всякого архитектурного характера, он остается банальным, лишенным всякой живописности, кроме живописности окружающей природы. Наиболее посещаемое из его зданий и одно из самых безобразных—ротонда, называемая «Скинией свидения», в которой собирается до восьми или десяти тысяч «святых последних дней». В 5 километрах к востоку, на контфорсе гор, стоит форт Дуглас, где федеральное правительство содержит гарнизон для поддержания своих законов и декретов против всякой попытки к сопротивлению. Горнозаводские города, между прочим, Туэль, лежащий на южной стороне Большого Соляного озера, в узкой долине между двух параллельных горных цепей, посылают продукты своей промышленности в город Соляного озера, служащий для них складочным местом; но Прово-Сити, на восточном берегу Утахского озера, и Огден-Сити, в равнине, ограничиваемой на западе Большим Соляным озером, гораздо лучше помещены, как торговые центры. Оба эти города находятся в узлах пересечения нескольких железных путей длинного пробега.

Главнейшие города Утахи (Юты), с цифрой их населения по переписи 1890 года: Сольт-Лек-Сити (город Большого Соляного озера)—44.843 жит.; Огден-Сити—14.889 жит.; Прово-Сити—5.159.

6. Территория Новая Мексика

Новая Мексика сохранила имя, данное испанскими завоевателями, но не прежния границы, так как несколько других штатов были выкроены из территории, которою владела Мексиканская республика на севере от Рио-Гранде. Новая Мексика в её нынешних пределах, начертанных англо-американцами, отграничена, как Уайоминг и Колорадо, исключительно градусами или линиями геодезической сетки: фигура её представляла бы точный квадрат, если бы на юго-западе к большому прямоугольнику не была присоединена долина реки Месилья, в виде придаточного маленького четыреугольника. Хотя пространством Новая Мексика превосходит большинство штатов, но годная для обитания часть этой обширной страны очень невелика: долина Рио-Гранде, пересекающая Нью-Мексико с севера на юг, долина Рио-Пекос, параллельная главной реке, затем несколько боковых долин и несколько высоких равнин—вот и все поясы культуры и заселения. Горные цепи и уединенные массивы, занимающие большую часть территории, по обе стороны Рио-Гранде, и обширные безводные равнины, отделяющие Новую Мексику от Аризоны и Техаса, представляют области, где человек не может поселиться на постоянное жительство в ныне существующих условиях. Однако, рудники драгоценных металлов привлекли колонистов также в некоторые местности вне долин и их аллювиальных земель. Общая площадь искусственно орошаемых земель в Новой Мексике составляла, в 1890 г., 37.500 гектаров.

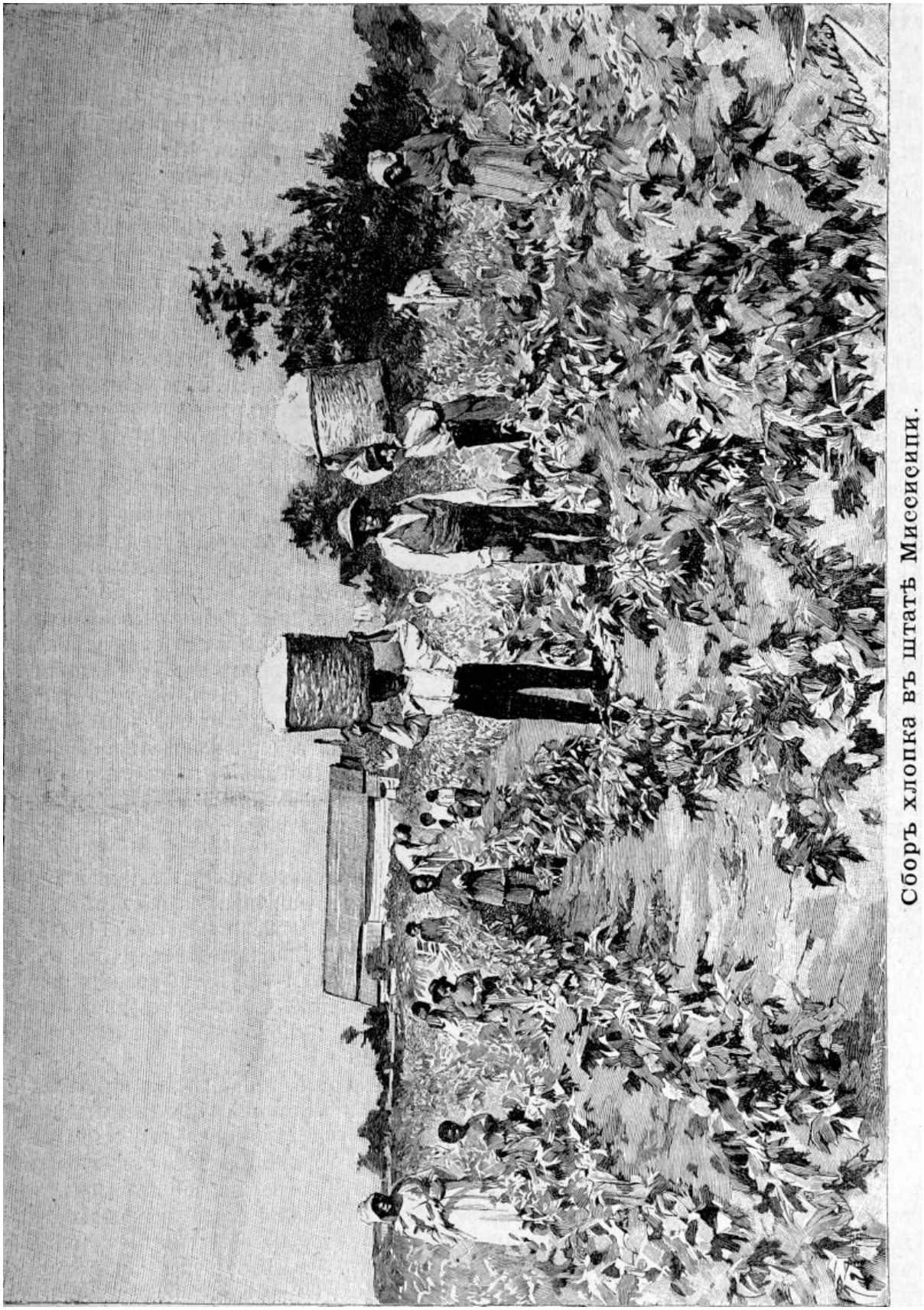
Прошло уже около полстолетия с тех пор, как англо-американцы присоединили Новую Мексику к своим и без того обширным владениям, и в то время надеялись, что население её быстро ассимилируется с завоевавшей нацией. Но надежда эта не оправдалась. Конечно, северо-американцы, называемые «янки», даже не уроженцы Новой Англии, явились в значительном числе, но они остаются вне испанского населения, и это последнее сохранило свой язык и нравы: смешение крови произошло лишь в очень малой пропорции. При том революции, имевшие место в Мексике, в разные времена, приводили в эту территорию некоторый контингент изгнанников или выходцев, помогавший испанскому элементу держаться, не взирая на северо-американскую иммиграцию. Хотя цифра новомексиканского населения на много превосходит численность населения некоторых штатов Севера, как, например. Идаго и Уайоминга, Конгресс, однако, ещё не принял Новую Мексику в число штатов, без сомнения, по причине испанского характера её жителей, считаемых как бы иностранцами, вопреки точному смыслу конституции. Из 508 учебных заведений территории почти треть ещё не давали, в 1890 г., уроков английского языка своим воспитанникам; в большинстве сельских общин совещания в общинных советах ведутся ещё на испанском языке. Обширное протяжение земель, требуемых обратно прежними мексиканскими владельцами от захвативших эти земли спекулянтов Востока, также создает совершенно особое юридическое положение в Новой Мексике. В пределах страны находятся ещё территории, принадлежащие индейцам: таков, между прочим, участок земли опачей мескалеров, лежащий на восток от Рио-Гранде, между Сиеррой-Бланкой и Сиеррой дель-Сакраменто.

Место Новой Мексики между штатами и территориями Северо-Американской республики:

По пространству (122.580 кв. миль=317.482 кв. километр.)—4-е; по населению в 1890 г. (153.593 жител)—43-е: по километр. плотности населения (0,4 жител.)—44-е.

В долине рио-Пекос или Пуэрко, узком жолобе между двумя пустынями, не было деревень в собственном смысле, существовало только несколько бедных местечек, до прорытия ирригационных канав; но недавно поняли, что твердые и голые земли, нанесенные некогда с высоких гор глетчерными ручьями, ждут только искусственного орошения, чтобы сделаться очень производительными, и тогда основались большие компании для земледельческой эксплоатации страны: пахатное пространство обнимает уже около 200.000 гектаров земель, составляющих национальную собственность. Встарину край этот, повидимому, был густо населен: «целыми телегами, говорит Банделье, собирают там черепки раскрашенной глиняной посуды, оставленные аборигенами». Лас-Вегас, хорошенький городок, расположенный на

высоте слишком 2.000 метров, в одной из боковых долин рио-Пекос, у подошвы гор, где вытекают в изобилии минеральные воды, сделался естественным главным городом этой области и вместе с тем одним из наиболее посещаемых санаторий Запада.

Сборъ хлопка въ штатѣ Миссисипи.

Долина Рио-Гранде, более богатая водою и более близкая к рудоносным территориям, а также к мексиканским провинциям, откуда пришли её колонисты, гуще населена, и по ней проходит один из больших международных путей—дорога из Чикаго и Денвера в Мексико.

Однако, не в самой этой долине, но километрах в тридцати к востоку от Рио-Гранде, в боковой долине Рио-Чикито, основалась столица, Санта-Фе, главный город страны даже до прибытия испанцев. Эти последние впервые явились сюда в 1542 году, но окончательное водворение их относится лишь к следующему столетию: одна из их церквей была уже окончена в 1627 году; однако, индейцы долго ещё оспаривали у них обладание страной и разрешили им, в 1704 году, остаться только под условием, чтобы те воздерживались от разработки рудных месторождений. Англо-американцев не удерживают более подобные конвенции, и теперь залежи руд разработываются во многих местах вокруг Санта-Фе; утверждают, что и самый город стоит на слое сребоносных пород; в 1874 году, серебряная руда, извлеченная из грунта улиц, дала, говорят, более тысячи франков на тонну. Санта-Фе, древнейший город Соединенных Штатов, сохранил свой вид старого города, полу-индейского, полу-испанского, с неровными улицами и низенькими домами, построенными из необоженного кирпича; там существует ещё «губернаторский дворец», большой невысокий дом, с перистилем из деревянных колонок.

Несколько индейских деревень, населенных цивилизованными аборигенами, которым северо-американцы, по странной ошибке, дали имя «пуэблосов», как и группам их жилищ (pueblo по-испански—местечко), удержались в долине Рио-Гранде, на севере и на юге от Санта-Фе. Наиболее известная из них—деревня Таос, в одной из западных долин горы Сангре-де-Кристо. Одно из индейских селений, или «пуэбло», лежащее в боковой долине Рио-Гранде, получило от испанцев имя Хемес, хотя сами жители называют его Валлатоа. Недалеко от этого местечка, население которого, по наружности католическое, сохранило обряды старого культа, десятками бьют теплые ключи, называемые Ojos calientes, которые посещаются большим числом больных. На западе, на границе Аризоны, живут ещё индейцы-зуньи, водворенные теперь в одной долине, недалеко от их прежних деревень, ютившихся на скалистых холмах; в окрестных ущельях, особенно в каньоне Шелли, видны ещё некоторые из пещер, где некогда обитали «утесники» или cliff dwellers. На севере, соседи зуньев, трудолюбивые навахосы, производящие свою родословную от колоса кукурузы[1], не имеют себе равных в Америке по искусству выделки шерстяных материй.

Альбукерк, занимающий счастливое положение в долине Рио-Гранде, в месте соединения естественных путей страны, приобрел с недавнего времени первенствующее значение между нео-мексиканскими городами, если не по численности населения, то по крайней мере по размерам торговли. Рядом со старым полуразвалившимся местечком выстроился совершенно новый город, англо-американского вида; на востоке высится величественный массив Сиерры де-Сандия, где находятся развалины церкви, принадлежавшей, как гласит предание, мифическому городу Гран-Кивира.

Главнейшие города Новой Мексики в 1890 г.:

Санта-Фе—6.185 жит.; Альбукерк (старый и новый город)—5.518 жит.; Лас-Вегас—2.312 жит.

7. Аризона

Территория, которой дали название Аризоны т.е. «безплодного пояса», была всецело выкроена из состава стран, уступленных Мексикой в 1848 и 1850 гг. Подобно большинству штатов Союза и особенно западным штатам, она была отграничена геометрически градусами широты и долготы, кроме западной стороны, где течение Колорадо отделяет территорию от Калифорнии и Невады, и юго-западной, где отклоняющаяся от параллели прямая линия служит общей границей Мексике и Соединенным Штатам. Имея такую же почву и такой же климат, как Новая Мексика, Аризона представляет страну, где земледелие может вестись с успехом только в низинах, хорошо орошаемых, а существующие ирригационные каналы не обводняют даже тысячной части территории. Большой оросительный канал, оконченный в

1 D. J. Brinton, „The American Man“.

1887 году, имеет слишком 60 километров в длину и делает плодородными тысячи гектаров. В 1890 году общая площадь искусственно орошаемых земель составляла 28.328 гектаров. Главные экономические рессурсы Аризоны заключаются в её минеральных богатствах, особенно в её рудниках драгоценных металлов и жилах медной руды; там находят даже алмазы, залежи великолепных гранатов и обширные древние леса, превратившиеся в агат и яшму. Однако, затруднительность сообщений и торгового обмена в столь бесплодной стране препятствовала заселению. Хотя Аризона уже более сорока лет принадлежит Соединенным Штатам, она не имеет даже половины той цифры жителей, какая требуется конституцией для принятия территории в число штатов, и большая часть этого горнозаводского населения состоит ещё из мексиканцев. Внутри территории отмежевано несколько земельных участков различным индейским племенам, каковы: на северо-западе, уалапаи; на юго-западе, юмы; на северо-востоке, навахосы и моки; на юге, апачи, пимы, марикопы и папаги. Последние живут в селениях испанской постройки, тогда как моки занимают ещё четыре неприступных утеса, с которых они долго отражали все нападения апачей и навахасов. Их *estufas* более не храмы, теперь они служат мастерскими для ткацкого мастерства; мужчины и женщины проводят там жаркое время[1]. Известно, что апачи до недавней эпохи были грозой мексиканских колонистов; в наши дни нет более независимых апачей; все они содержатся в крепостях, как военнопленные, или живут мирными земледельцами на берегах верхней Хилы[2].

Место Аризоны между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (113.020 кв. миль=292.722 кв. километров)—5-е; по народонаселению в 1890 году (59.620 жителей)—48-е; по километрической плотности населения (0,2 жителя)—48-е.

Прежняя столица Аризоны, Туксон,—на языке индейцев племени пима «Черный источник»—есть самый многолюдный и самый старый город страны: испанцы построили здесь свой первый военный пост, и от этой эпохи сохранились ещё остатки здания, воздвигнутого миссионерами; самая красивая церковь края находится немного южнее, в Сан-Ксавиер-дель-Бак, деревне, вокруг которой были водворены индейцы папагосы, в числе 6.000 душ, все обращенные в католицизм. Население Туксона, в большинстве мексиканское, уменьшилось, в последнее десятилетие, хотя оно ведет значительную торговлю с Сонорой. Испанский город, как столица, был заменен городом американским, Фениксом, принадлежащим также к бассейну Хилы; он стоит на одном из северных притоков этой реки, почти в центре территории. Далее на севере, Прескотт, горнозаводский город, построенный в цирке лесистых гор на высоте 1.796 метров, доминируется фортом Уипль, главной квартирой американских войск в территории Аризона. Цепь индейских укреплений продолжается на высотах к северо-западу до Форта Рок, остроконечной горы, на которой находятся последние развалины, открытые до сих пор в западном направлении, по сю сторону Колорадо.

На берегах этой реки существует несколько судоходных пристаней, из которых главная—Юма или Аризона-Сити, построенная при впадении Хилы, против форта Юма, стоящего на калифорнском берегу.

Главнейшие города Аризоны, с цифрой их населения по переписи 1890 г: Туксон—5.150 жит.; Феникс—3.152 жит.

8. Невада

Невада, державный штат, несмотря на малое число её жителей, есть наименее населенная область Соединенных Штатов, и, кажется, должна навсегда остаться пустыней, по причине большой высоты её плоскогорий и бесплодия скал и глины. Необычайное богатство её формаций серебром и другими металлами не может способствовать заселению страны, так как скуп земель концессионерами рудников убивает всякую индивидуальную инициативу; политически, всё это большое государство или штат есть не более, как «гнилое местечко». В

1 De Nadaillac, „L'Amerique prehistorique".

2 Alph. Pinard, „Bulletin de la Societe de Geographie", mars, 1879.

десятилетие с 1880 по 1890 год население даже значительно уменьшилось, тогда как оно возрасло во всех соседних странах. Несколько маленьких групп индейцев, запертых в отведенных им участках или «резервах», именно шошоны, представляют ещё первобытных аборигенов нагорья. Невада («Снежная») не заслуживает этого имени, потому что называемая так цепь вздымает свои пики вне её пределов, и рассматриваемый штат только касается восточного ската этих гор одним из своих углов, тем, где сосредоточены почти всё его население и вся промышленность. Он почти весь принадлежит к замкнутым бассейнам озер Бонвилль и Лагонтан; только на севере и на юге воды его текут к Колумбии и Колорадо.

Место Невады между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (110.170 кв. миль=286.713 кв. километров)—6-е; по народонаселению в 1890 г. (45.761 жит.)—50-е; по километрич. плотности населения (0,16)—50-е; по добыче золота и серебра (10.525.000 долл.—55.000.000 фр. в 1888 г.)—4-е.

Столица, Карсон-Сити, названная так по имени Кит Карсона, одного из товарищей Фримонта по исследованию дальнего Запада, лежит в гористой и лесистой области, сопредельной Калифорнии, но на покатости «Большого Бассейна»; ручей, проходящий через город, течет на севере и теряется в озере Карсон. Самый большой город штата, Виргиния или Верджиниа-Сити, находится в том же речном бассейне, к северо-востоку от Карсона, на неровном массиве скал, окруженном водопроводами и железными путями. Выбор места для города кажется довольно странным, но дома и заводы по необходимости приходилось строить над шахтами, вырытыми в жиле серебряной руды, называемой Комсток-Лод. Виргиния вытянулась с севера на юг, у восточного основания горы Давидсон (выс. 2.420 метров); затем, после перерыва в несколько сот метров, следует другой город, Гольд-Хилль, или «Золотой Холм», расположенный на той же линии, а ещё далее начинаются улицы третьего города, Сильвер, или «Серебрянаго». Шахты спускаются на различные глубины,—до 945 метров,—в рудную жилу, которая чем дальше от поверхности, тем богаче содержанием металла; но жара там убийственная: уже на глубине 700 метр. температура в этих рудниках доходит до 49 градусов по Цельсию[1]; воды, доставляемые бьющими источниками 70-градусной температуры, наполняли дно шахт, между гранитной скалой горы Давидсон и массами зеленого порфира, из которых состоит плоскогорье. Чтобы эксплоатировать эти богатейшие в свете жилы металла и сделать работу возможной в этой удушливой атмосфере, рядом с этими ключами кипятку, где рудокопы рискуют ошпариться, пришлось вырыть подземную галлерею, протяжением 6.148 метров, которая начинается на высоте 2.368 метров, под горой Давидсон, и, понижаясь на тысячу метров, выходит на высоте 1.366 метров, в равнину Сутро, где вьется ручей Карсон: работы останавливаются ниже галлереи, так так воздух там негодный для дыхания. Население города уменьшилось более чем на три четверти; прежде он имел до 35.000 жителей.

Главнейшие города Невады, с цифрой их населения в 1890 году: Виргиния (Верджиниа-Сити)—8.511 жител.; Карсон (Карсон-Сити)—3.950 жителей.

9. Вашингтон

Штат, которому дали имя первого президента республики, Вашингтон, один из последневступивших в союз соединенных государств Северной Америки, есть также один из самых цветущих, несмотря на отдаленность его от больших центров торговли и эмиграции. В 1853 г. он составлял часть неорганизованной территории Орегон, но, конституированный в особое владение, он оказался дотого бедным средствами сообщения и до такой степени лишенным рессурсов культуры, что только редкие пионеры отваживались селиться там на постоянное жительство. В 1870 году, т.е. почти через четверть столетия после присоединения этой страны к владениям Соединенных Штатов, она имела не более двадцати тысяч жителей, и десять лет спустя число их не достигает ещё 75.000. Но частые посещения пароходов и постройка железных путей, связавших эту территорию с Сан-Франциско, с Нью-Йорком и со

1 Wolcott Brooks, „California Academy of Sciences“.

всей американской железнодорожной сетью, широко открыли иммиграции этот северо-западный угол Соединенных Штатов, и колонисты всё в большем и большем числе направляются к этой привилегированной земле: климат там суровый на высотах, но очень здоровый; каждая долина имеет свои струящиеся воды; чудесная система естественных портов разветвляется, в виде заливов, внутри страны, плодородные земли тянутся на необозримое пространство в широкой равнине, открывающейся между двумя параллельными горными валами, Каскадной и Береговой цепями, а трудные для культуры скаты гор покрыты прекрасными лесами. Месторождение драгоценных металлов, пласты каменного угля и жилы железной руды дополняют естественные богатства края, и разработка их уже началась во многих местах; в 1890 г. добыча ископаемого угля составляла 1.722.650 тонн.

Место Вашингтона между штатами и территориями Северо-Американской республики: по пространству (69.180 кв. миль=179.176 кв. километр.)—18-е; по народонаселению в 1890 г. (349.390 жит.)—34-е; по километрич. плотности населения (2 жит.)—38-е.

Штат этот заселялся с быстротой, поразительной даже для страны, которая видела изумительно быстрый рост Иллинойса и Калифорнии, и города, неизвестные даже по имени за пределами Америки, являются уже деятельными центрами торговли и промышленности. В десять лет население Вашингтона почти учетверилось. Оно легко может удесятериться, ибо этот обширный четыреугольник, ограничиваемый на севере 49-м градусом широты, на востоке 117-м градусом западной долготы (от Гринвича), на юге течением Колумбии, есть несомненно одна из областей Союза, наиболее подходящих для иммигрантов англо-саксонской расы. Индейцы, прежде очень многочисленные, как о том свидетельствуют огромные кучи раковин, оставленные на берегах рек и океана, владеют ещё несколькими анклавами; но в соседстве белых захватчиков краснокожим стоит большого труда защищать свои имения. Так, пуяллупы, живущие, в числе около тысячи девятисот душ, близ города Такома и приобревшие полные права граждан и землевладельцев, должны были, тем не менее, обращаться в суды и хлопотать о том, чтобы у них не отняли земельных участков. Одно племя «Проткнутых Носов» принуждено было бежать из прибрежных равнин Колумбии, надеясь соединиться с сиуксами по другую сторону Скалистых гор, и впродолжении целых месяцев ему удавалось обманывать преследовавшие его американские отряды. Во время этого удивительного похода в 2.500 километров женщины и дети всегда следовали за главной массой племени[1].

Города следуют один за другим на многочисленных портах, образующих разветвление залива Пэджет. К югу от канадской границы и пограничного город Блен, где смыкаются две половины международной железной дороги, показывается сначала город Уотком, на берегу залива, отделенного небольшой группой островов от архипелага Сан-Жуан; затем следует город Маунт-Вернон, при устье могучей реки Скагит; далее, город Сногомиш занимает подобное же положение у подножия водопадов реки того же имени. Ситль, лежащий гораздо далее внутри Педжет-Саунда, напротив Порт-Мадисона и Порт-Блеклей, которые стоят на острове близ западного берега залива, сделался большим городом с тех пор, как железные дороги, спускающиеся с гор, достигли Тихого океана. Лабиринт каналов и проходов между островами и полуостровами делает порт Ситль одною из наилучше защищенных гаваней; кроме того, глубина его достаточна для принятия самых больших судов. Бухта Ситль сообщается каналом с лежащими позади её озерами, которые могли бы, в случае надобности, быть утилизированы для увеличения площади якорной стоянки и судоходства. Ситль служит пристанью для различных промысловых предприятий Аляски, рыбной ловли и охоты на пушного зверя; там приготовляют огромные количества консервов, плодов и рыбы.

Как ни изумительны успехи Ситля, они были превзойдены успехами другого города Вашингтона: Такома, самый юный между городами этого штата, вырос ещё быстрее. В 1880 году, местечко, названное так от высокой горы Такома или Рэнье, снежная вершина которой виднеется на юго-востоке, не имело даже тысячи жителей: окончание северной тихоокеан-

1 Henri Gauillieur, „Etudes Americaines“.

ской железной дороги, которая переходит гребень Каскадных гор туннелем в 3 километра, под «перевалом Поражения», Стампед-Пасс, вдруг превратило Такому в торговый город. Порт погрузки вывозимого хлеба в заливе Пэджет, он ведет торговлю даже с Китаем и Японией, которые продают ему чай в обмен на хлебное зерно; его лесопильни и плотничные мастерские фабрикуют деревянные дома, отправляемые в дальние места, даже в Южную Америку. Жители дали ему название *City of Destiny* («город судьбы»), как бы провозвещая его будущее место между прибрежными городами Тихого океана. Другой порт, Стейлакум, следует за Такомой на восточном берегу залива Пэджет, в небольшом расстоянии от его южной оконечности, где было выбрано, на пляже, место для постройки столицы штата, Олимпии; при высокой воде прилива, пароходы, ходящие от пристани до пристани в Пэджет-Зунде, начиная от Ванкувера и Виктории, останавливаются у набережных Олимпии, одной из конечных станций калифорнской железной дороги.

На западном берегу залива тоже есть несколько портов, но все они маловажны, что объясняется недостатком рынков на гористом и почти пустынном полуострове Олимпа. Самый оживленный из них—Порт-Таунсэнд, лежащий в северо-восточном углу полуострова, у входа в залив Пэджет и на пути судов, проходящих в пролив Жуан-де-Фука: он является необходимой пристанью для судоходства в этих водах; глубина фарватера в этой гавани 9 метров. В Порт-Таунсэнде также снаряжаются суда для китоловного промысла. Западнее, на том же берегу пролива, быстро развивается другой приморский город, Порт-Анхелес. На океанском берегу до недавнего времени не было ни одной гавани, которою бы можно было пользоваться для торговых целей, но теперь соединили с сетью железных дорог, как конечную станцию северной тихоокеанской линии, город Саут-Бенд, лежащий при устье реки Виллапы, на берегу бухты Шольватер-Бай; несмотря на его название, которое значит «Мелководная бухта», залив этот представляет фарватер глубиной не менее 6 с половиной, а во время прилива не менее 9 метров. Вдоль соседних берегов встречаются устричные мели.

Движение судоходства по внешней торговле в портах залива Пэджет в 1890 году: 2.159 судов, вместим. 1.698.224 тонны: движение всего судоходства в Порт-Таунсэнде—2.394.192 тонны.

Также как Канада, штат Вашингтон имеет город имени Ванкувер, на правом берегу Колумбии, немного выше впадения реки Вильямса. Выше, на боковой долине, бывший форт индейцев Проткнутые Носы—Валла-Валла, «Долина Долин», не поднялся на степень города, несмотря на относительно отдаленный период колонизации; но Спокан-Фольс, простая группа хижин в 1880 г., вырос с того времени так же быстро, как города при заливе Пэджет; главный город восточной области штата, по дороге, соединяющей Запад с Востоком Союза, он занял видное место между центрами торговли и промышленности.

Главнейшие города Вашингтона с цифрой их населения в 1890 году: Ситль—42.837 жителей; Такома—37.006 (40.166 с предм.); Спокан-Фольс—19.922; Олимпия—4.698 жителей.

10. Орегон

Орегон, который сохранил имя, употреблявшееся прежде для обозначения реки Колумбии и происшедшее, вероятно, от гор «Ураган» (или, может-быть, от испанского слова *oregano*, означающего особый вид майората), имеет, как и большинство штатов Северо-Американского Союза, массивную четыреугольную форму. Однако, море на западе и течение Колумбии на севере, почти до Валла-Валла, под 46-м градусом широты, образуют ему естественный предел; половина его восточной границы также начертана руслом реки Снэк-Ривер. Орегон, один из больших штатов, покрывающий поверхность, равную сорока французским департаментам, имеет очень редкое население; ежегодное возрастание числа жителей всегда было здесь гораздо меньше, чем в при-миссисипских штатах: холодный и сырой климат Орегона в сравнении с климатом Калифорнии, отдаленность от центров эмиграции, наконец, малая пропорция пахатных земель объясняют этот медленный рост населения. Почти вся восточная часть Орегона, между цепью Каскадных гор и плоскогорьями, по которым

протекает Змеиная река, слишком высока для земледельческой культуры; колонисты не имеют там другого вознаграждающего труд промысла, кроме разведения скота, которому трава *bunch-grass*, растущая пучками, доставляет обильный корм во всякое время года. В западном Орегоне, который прежде представлял сплошной лес вековых деревьев, большая часть территории занята горами и крутыми холмами; но на низинах земля отличается необычайным плодородием: в «Орегоне не бывает плохого урожая», гласит местная поговорка.

В начале настоящего столетия единственные белые, поселившиеся в крае, были канадские трапперы французского происхождения и языка; одна из их колоний сохранилась и доныне, почти без смешения с чужими элементами, в Жерве, в долине Вильяметты. Первая хижина англо-американцев появилась в Орегоне только в 1810 году, и страна так долго оставалась почти игнорируемой иммигрантами, что Великобритания и Северо-Американская республика, как сюзерены, владели ею совместно впродолжении тридцати лет, с 1816 по 1846 год, так как не представлялось надобности приступать к разграничению её между двумя державами. Наконец, граница 49-го градуса широты была присвоена Соединенным Штатам. Два года спустя, открытие золота в Калифорнии и завоевание этой обширной области у Мексики привлекли толпу иммигрантов на берега Тихого океана. Орегон получил свою долю в этом эмиграционном движении, как сосед Эльдорадо, особенно когда и на его территории также открыли месторождения драгоценного металла. Однако строевой лес, пшеница и другие хлеба, пенька и шерсть имеют большую цену, чем золото, в годовой производительности страны. Улов семги в реках ежегодно представляет ценность в несколько миллионов.

Место Орегона между штатами и территориями Северо-Американского Союза:

По пространству (96.030 кв. миль=248.718 кв. километр.)—9-е; по народонаселению в 1890 г. (312.490 жител.)—38-е; по километрической плотности населения (1,25 жит.)—41-е.

Четыре пятых орегонского населения скучено в долине Вильяметты, которая спускается с юга на север, между двух горных цепей, Каскадной и Береговой. Эта долина, называемая «Садом Северо-Запада», составляет часть низменности, по которой идет береговая железная дорога между Британской Колумбией и Мексиканской республикой. Из городских поселений, лежащих на этой магистральной линии, замечательны: Юджин-Сити (Eugene-City), земледельческое местечко, окруженное фруктовыми садами; Корнваллис, где трансконтинентальная железная дорога, оканчивающаяся на Тихом океане, в Ньюпорте, отделяется от Вильяметской железной дороги; Альбани; Салем, хорошенькая столица штата, построенная на покатом лугу, усеянном группами деревьев; Орегон-Сити, мануфактурный город, где водопады Вильяметты, низвергаясь с базальтовой стены, высотой около 12 метров, при ширине 180 метров, приводят в движение лесопильные заводы, прядильные и бумажные фабрики; Портленд, торговый город, который по цифре населения, развитию промышленности, инициативе во всех делах, составляет, вместе с предместьями, расположенными на противоположном берегу, Восточным Портлендом и Альбиной, истинный главный город штата (рабочее население Портленда в 1889 году: 7.862 челов.; ценность произведений его промышленности в 1890 г.: 25.427.603 доллара). Хотя отстоящий от океана на 180 километров, Портленд в действительности морской порт, так как суда, которые могли войти в устье Колумбии, без труда поднимаются вверх по этой реке и её притоку Вильяметте до самого города; прямые пароходные линии соединяют Портленд с Сан-Франциско, с Нью-Йорком, с Японией и Китаем. Трансконтинентальная железная дорога, называемая «северной тихоокеанской линией» (Northern Pacific Railroad), проходит через Портленд и соединяет его с Чикаго и Нью-Йорком; кроме того, несколько других рельсовых путей выходят из Портленда по разным направлениям. Недалеко от этого города находится местечко Освего, с важными железными рудниками.

Движение судоходства в Портленде по внешней торговле в 1890 году: 144 судна, вместимостью 131.497 тонн. Ценность торговых оборотов: 138.000.000 долларов (700.000.000

франков).

На самых берегах Колумбии нет больших городов в Орегоне. Далль, при слиянии реки Дешют (riviere des Chutes, Deschutes River) и у выхода грандиозных «dalles», теснин Колумбии, имеет довольно важное значение, как рынок скотоводов и пристань при начале судоходного течения главной реки. На устье Колумбии, город Астория, аванпорт Портленда, идет следом за своей метрополией по пути преуспеяния. Это старейшее поселение белых в этой береговой области Тихого океана: Астор, немец из Нью-Йорка, основал его в 1811 году, для торговли шкурами пушного зверя; два года спустя англичане овладели этим поселением и учредили в нём свой военный пост, затем Гудсонская компания поместила там своих агентов. Присоединение края к Соединенным Штатам и заселение его внутренней части сделали Асторию наиболее посещаемой пристанью Орегона; однако, по причине трудности прохода через бар, доступ реки возможен только для судов среднего водоуглубления. Теперь устроено жете длиной около 4 с половиной километров, проведенное от южного берега и направляющее течение реки мимо нынешнего бара. Надеются, что эти сооружения будут способствовать углублению фарватера в проходе.

Главнейшие города Орегона, с цифрой их населения в 1890 году: Портленд, с Восточным Портлендом и Альбиной—75.300 жит. (81.000 в 1896 г.); Салем—10.000 жит.

11. Калифорния

На покатости, обращенной к Тихому океану, преобладающая роль принадлежит штату, который владеет великолепной бухтой Сан-Франциско. Калифорния, северная часть области, получившей от испанцев это имя «Жаркой печи», есть один из больших штатов Северо-Американской республики. Он занимает береговой пояс почти в 10 градусов по широте и простирается от морского берега до нагорья, через береговые горные цепи и гребень Сиерры-Невады; но при определении его границ следовали тому методу, как и для большинства других штатов: на севере, 42-й градус широты отделяет его от Орегона; на юге, другая прямая линия разделяет две Калифорнии, Мексиканскую и Северо-Американскую; на востоке, две прямые линии, встречающиеся в озере Тахоэ, образуют общую границу с Невадой; только на юго-западе, течение Колорадо, между фортами Мохаве и Юма, дает естественную границу этому штату. По свойству своего климата, ровного и умеренного, Калифорния, из всех северо-американских стран, кажется, наиболее пригодная для пребывания человека. Главная часть штата, образуемая двойной долиной в форме овала, где текут навстречу друг другу две реки, Сан-Жоакин и Сакраменто, имеет аллювиальную почву, твердеющую на солнце, но которой орошение сообщает необычайное плодородие, тогда как южная область, к югу от узла, связывающего Сиерру-Неваду и Береговую цепь, представляет, на восточном скате гор, пространство каменистое, глинистое или солончаковое, совершенно бесплодное, настоящую пустыню, «страну смерти». Плодородные земли севера и центра дают одну из лучших пшениц, а по виноградарству и плодоводству Калифорния занимает первое место между штатами; овцеводство ведется в обширных размерах в северных местностях. В первые десятилетия своего существования в качестве составной части Союза, Калифорния, теперь столь богатая, как земледельческая страна, славилась только своими минеральными сокровищами. Первый в Союзе по добыче золота, которая, впрочем, сократилась более чем на половину против прежнего времени, штат этот есть единственный по эксплоатации жил ртути; вообще нет металлов и земель полезных в промышленности, которых бы не заключали в себе калифорнские горные породы. Положение страны в месте соединения больших морских путей должно было также сделать этот штат торговым и промышленным; однако, Сан-Франциско в этом отношении уже не имеет той монополии, которою он пользовался до недавнего времени на берегу Тихого океана: заселение Орегона и Вашингтона создало ему в портах Колумбии и залива Пэджет конкуррентов, поставленных в столь же благоприятные условия для международного торгового обмена, имеющих даже значительные преимущества над ним, так как они менее удалены от Иокогамы и Шанхая; кроме того, преследования, которым подверга-

лись китайцы в Сан-Франциско, повели к уменьшению важности его торговых сношений с Небесной империей.

Во время наплыва рудокопов и авантюристов в Калифорнию, вскоре после присоединения этой золотоносной страны, люди всякой расы и всякого языка примешались к прежнему мексиканскому населению, чистому или смешанному. Англичане и янки, немцы, французы, португальцы, итальянцы, скандинавы и русские, белые, желтые и черные, стекались в эту «обетованную землю». Сан-Франциско и горнозаводские города представляли, по разноплеменному составу своих иммигрантов, целый мир в миниатюре; только женщин недоставало этому новому обществу. С того времени почти восстановилось равновесие между полами, и белое население Калифорнии сливается в однообразный тип. Что касается китайцев, число которых быстро возрастало, угрожая Соединенным Штатам «нашествием желтого племени», то законы, вызванные соперничеством белых работников, почти совершенно остановили их иммиграцию: однако, они составляют ещё значительную пропорцию жителей. Туземные мексиканцы были по большей части оттеснены внутрь страны и составляют бродячее население, в значительной части смешанное с индейским элементом, которое часто с презрением называют *Greasers*. Наконец, что касается чистокровных индейцев, племена которых насчитывались десятками до прибытия золотоискателей, то их преследовали более варварским способом, чем в какой-либо другой части Северной Америки. Модоки, жившие на северо-востоке штата, в естественных крепостях, образуемых полями лавы вокруг Лассена и в лабиринте озерных впадин плоскогорья, долго оказывали сопротивление, но кончилось тем, что большинство их было перебито, а оставшихся в живых переселили в Монтану. Чрезвычайные успехи штата в первые годы давали право предсказывать более быстрое возрастание населения в следующую эпоху, когда сеть железных дорог соединила Калифорнию с остальным Союзом; но деление земли на большие имения, на огромные ранчо, которые почти все составляют предмет спора между старыми и новыми концессионерами, не благоприятствует заселению страны.

Место Калифорнии между штатами и территориями Северо-Американского Союза: по пространству (158.360 кв. миль=688.370 кв. километр.)—2-е; по народонаселению в 1890 г. (1.204.002 жител.)—22-е; по километрич. плотности населения (2,9 жител.)—36-е; по добыче золота (9.986.580 пиастров в 1890 г.)—1-е; по добыче драгоценных металлов—3-е.

На западном берегу, к северу от Сан-Франциско, есть несколько маленьких торговых портов, между прочим, Крессент-Сити, Эврика, Бодега, которые были укреплены арматорами бывшей Российско-Американской компании: отсюда и произошло имя «Русская река» (Russian River), данное потоку, впадающему там в море. Остатки индейских деревень, ныне покинутых, доказывают, что туземное население было довольно значительно в этой местности. Но соседний большой город захватил всю торговлю, и к тому же крутые горы Береговой цепи отделяют эти гавани от долины Сакраменто, которая могла бы доставлять им грузы. Земледельческие местечки рассеяны во множестве среди этой богатой долины и служат рынками и складочными пунктами другим агломерациям, лежащим на берегах золотоносных речек и ручьев, спускающихся с горы Сиерры-Невады. Оровилл, Мерисвилль, Пласервилль имели свою эпоху славы, когда золотоискатели толпой устремлялись к их речкам, чтобы пропускать сквозь решето золотоносный хрящ и песок. В настоящее время мало говорят об этих городах, снова сделавшихся тихими местечками, и постоянное население их, более значительное, обновляется менее часто. Особенно Мерисвилль приобрел важное значение, благодаря своему положению при слиянии рек Юбы и Плюмас (Фитер), в начальном пункте пароходства и напротив другого города, Юба-Сити. Железные дороги сделали Мерисвилль товаро-распределительным центром для всей северо-восточной части штата.

Сакраменто, главный город Калифорнии, лежащий на левом берегу реки того же имени, при устье Американской реки (American River), есть, подобно Мерисвиллю, складочный и распределительный пункт. Положение города в низменной местности, при слиянии двух рек, подвергало его опасности страшных наводнений, и в первые годы своего существования

он много страдал от выступающих из берегов вод. Для защиты от наводнений, вокруг города построили солидную плотину; но в 1861 году внезапный разлив Американской реки, катившей груды обломков, вырванных на боках Сиерры-Невады, прорвал этот вал, город был затоплен, и сотни домов были разрушены стремительным потоком. Необходимо было позаботиться о предупреждении на будущее время подобных катастроф: починить плотину значило бы ограничиться палятивным средством; требовали какой-либо решительной меры. Население, собравшееся на главной городской площади, решило, почти единогласно, что нужно поднять грунт выше уровня разливов. Тотчас же принялись задело с энергией, почти беспримерной даже в Соединенных Штатах. На некоторых улицах дома зарыли в землю до высоты первого этажа, но в большинстве кварталов предпочли сохранить архитектурные пропорции зданий, поднимая их целиком и засыпая почву под ними. При помощи рамы из бревен, вводимой под стены в форме пола, приподняли на три и до пяти метров самые тяжелые постройки. Ни один дом не пострадал; ни один не обрушился и не покривился во время поднятия; вместе с мебелью и обитателями, они постепенно поднимались на воздух, без того, чтобы что-нибудь изменялось в обычном ходе их внутренней жизни. Город сохранил свой прежний вид, но теперь он защищен от наводнений; выступившие из берегов воды разбиваются о прежния плотины, преобразованные в набережные и дамбы.

В долине Сан-Жоакина, не столь обильно орошаемой и менее плодородной сравнительно с долиной Сакраменто, население, менее многочисленное, чем в северной долине, распределено также в низинах равнины и по склонам Сиерры. Наиболее известный из городов этой области—Марипоса, лежащий в соседстве долины Иоземита и «деревьев-гигантов»; в летнее время в нём собирается толпа посетителей, беспрестанно меняющаяся и обновляющаяся. Один из притоков Сан-Жоакина, спускающийся с Сиерры-Невады, к югу от Марипосы, проходит через Фресно, бывшую испанскую колонию, которая, из всех городов Америки, производит наибольшее количество винограда, вывозимого преимущественно в натуральном виде, свежим или сушеным, и продаваемого тысячами ящиков в Сан-Франциско. Город Стоктон, находящийся ещё в долине Сан-Жоакина, но в низменной, некогда озерной равнине, где совершается слияние двух главных рек Калифорнии, сделался естественно узловой станцией двух магистральных путей, направляющихся на север и на юг, с одной стороны—к Канаде, с другой—к Мексике.

Сан-Франциско, самый многолюдный город всего тихоокеанского побережья, между Беринговым проливом и мысом Горн, был ещё, во время присоединения страны к владениям Соединенных Штатов, скромным селом или местечком с несколькими сотнями жителей, San Francisco de Yerba Buena, основанным миссионерами в 1776 году, может-быть, на том месте, где Франсис Драк бросил якорь во время своего памятного кругосветного путешествия[1]. Небольшая торговля, производившаяся при помощи редких судов с внутренней Калифорнией, направлялась к портам, лежащим в глубине бухты. Но когда были открыты месторождения золота, привлекшие массу иммигрантов со всех концов света, явилась необходимость в основании большого порта у входа в залив, и деревня Yerba Buena.—т.е. «Доброй травы» или «Мяты»,—расположенная вблизи якорного места, стала быстро расти. Новый город Сан-Франциско, имя которого в беглой речи сокращается в «Фриско», занимает северную оконечность берегового полуострова, выдвинувшагося с юга на север при входе в бухту, и который проливом «Золотые Ворота» отделен от другого полуострова, протянувшагося с севера на юг. Но пространство, которым располагали строители для сооружения быстро разраставшагося города, было довольно тесно: между морским пляжем и свободным побережьем бухты громоздился целый хаос высоких подвижных дюн; когда дул ветер с запада, песок кружился вихрем в улицах, и воздух становился негодным для дыхания. С другой стороны, вода в соседстве набережных имела незначительную глубину. Тогда пришли к мысли засыпать мелкую часть рейда землей с дюн. За исключением горок, укрепленных растительностью, все песчаные бугры были срыты и свезены в море; этим способом расширили слишком на З

1 I. Burney, „Voyages in the South Sea“.

километра пояс внутреннего прибрежья и перенесли набережные к самому каналу, где суда становятся на якорь, находя глубину в 15 метров. Таким образом создали для города, на берегу прекрасной гавани, великолепное местоположение. Пространство, покрытое домами,

Ловля быковъ.

парками и виллами Сан-Франциско, обнимает свыше ста квадратных километров.

Северо-Американская метрополия на Тихом океане архитектурой домов и стилем публичных памятников походит на города Новой Англии, с той разницей, что, благодаря более

сухому и более теплому климату, она могла позаимствовать у городов Мексики их выбеленные стены и вычурные балконы, перевитые тропическими растениями. Улицы центральной части обставлены пышными домами, пешеходы и экипажи всевозможной формы толпятся и снуют там, как на любом проспекте Нью-Йорка или Чикаго, но вид улиц так же обезображен пересечением бесчисленных проволок, висящих пучками на столбах у тротуаров и на павильонах крыш. Здание городской думы представляет великолепный дворец, с башнями, куполами и колоннадами. Китайцы населяют один из кварталов в центре города; прежде это было нечто в роде средневекового гетто, куда полиция боялась заглядывать, но которое по крайней мере имело достоинство оригинальности: это был американский «Кантон», с его своеобразными обитателями, жилищами, лавками и поэтическим беспорядком улиц. Внутри, город имеет общественные сады, а в окрестностях прекрасные кладбища, которые тоже представляют настоящие сады и парки: на соседних с морем дюнах тянется ряд чудных бульваров, откуда можно обозревать вход в «Золотые Ворота», и который оканчивается панорамой Клиф-Хауса или «Дома Утеса», командующего видом на открытое море. Вдоль морского берега идут дороги, проложенные по карнизу утесов, и можно, на барке, близко подойти к скале Силь-Рок («Тюленья»), где тюлени, огражденные от всякого нападения, резвятся сотнями.

Сан-Франциско, отделенный бухтой от континентального берега, должен был построить себе тет-де-поны на этом берегу, исходном пункте железных путей, соединяющих его со всей сетью Соединенных Штатов. В самом деле, непрерывная железная дорога, идущая вокруг южной оконечности бухты через Санта-Клара и Сан-Хозе, имеет не менее 130 километров протяжения, тогда как переезд через бухту, прямо против Сан-Франциско, составляет только 8 километров. Между городом и пригородами на противоположном берегу беспрестанно ходят паровые паромы. Главный из этих пригородов—Окленд, конечная дамба которого, шириной в 360 метров, с десятью параллельными колеями железных дорог, продолжается в море на 3.350 метров, до островка, окаймленного глубокой водой. Окленд, или «страна дубов», вначале был не более, как континентальный амбаркадер Сан-Франциско, и в соседстве его, под тенью больших деревьев, были рассеяны виллы негоциантов. Теперь Окленд и его соседи, Аламеда и Беркелей, местопребывание калифорнского университета, захвачены ростущим потоком населения и постепенно превращаются в промышленные и торговые города; дачи переносятся далее, на холмы, служащие контрфорсами массивам горы Монте-Дьябло. Другой естественный пригород Сан-Франциско, на южной стороне залива, Пало-Альто, замечателен тем, что один капиталист-политикан выбрал его местом для основания университета, одного из богатейших в Соединенных Штатах, которому он дал имя своего сына Лелянд-Станфорд.

Город Сауселито (Саузалито) расположен против Сан-Франциско, по другую сторону пролива. Несколько других городских поселений окаймляют бухту на северо-востоке от Сан-Франциско: одно из этих поселений, Бенисия, бывшая индейская «Венеция», было, до Сакраменто, оффициальной столицей Калифорнии. Бенисия стоит на берегу пролива Каркинес, соединяющего бухту Сан-Пабло с бухтой Суисун, теряющейся внутри материка, в болотах. Все речные пароходы, поднимающиеся по Сакраменто или Сан-Жоакин, должны заходить в Бенисию или в Мартинес, южный страж пролива; в Бенисии, паровой паром, перевозящий огромные поезда в 2 локомотива и 52 вагона, соединяет два участка железной дороги из Окленда в Сакраменто; большие суда, вместимостью до 3.500 тонн, поднимаются до этого пролива за грузами хлеба[1]. На севере, округ Напа, с многочисленными теплыми источниками, производит виноградные вина, пользующиеся большой известностью, но нигде в Калифорнии филлоксера не причинила столько вреда виноградникам, как в этой местности. Петалума эксплоатирует, в виде каменоломен, свои базальтовые колоннады и продает в Сан-Франциско свои сыры и масло.

Как торговый центр, Сан-Франциско не имеет, на Тихом океане, соперников, кроме

1 Fernand Regnier, рукописные заметки.

больших приморских рынков крайнего Востока и Австралии, каковы Иокогама, Шанхай, Гонконг, Сингапур, Сидней, Мельбурн. Одно только движение внешнего судоходства представляет уже слишком 2 миллиона тонн, а общая ценность торгового обмена с заграницей приближается к полмиллиарду франков.

Вот точные цифры, относящиеся к 1893 году:

движение судоходства в Сан-Франциско: в приходе: 565 парусных судов, вместим. 642.188 тонн, и 337 пароходов в 530.463 тонны.

Движение внешней торговли Сан-Франциско: привоз—39.405.028 доллар.; вывоз—33.853.345 доллар.

Гавайские острова, зависящие, по своему географическому положению, в торговом отношении от Сан-Франциско, посылают ему сахар, получая в обмен табак, жизненные припасы, ткани и машины. Япония, Китай доставляют чай, шелк-сырец, рис: Австралия, Индо-Китай также принадлежат к числу коммерческих корреспондентов Сан-Франциско; наконец, Англия получает наибольшую часть экспорта Калифорнии; серебро из рудников Невады отправляется главным образом в азиатские страны. Монетный двор этого города чеканит ежегодно монеты на сумму более 100 миллионов франков. Прорытие американского перешейка, через Панаму или Никарагву, несомненно, имело бы капитальное влияние на благоденствие Сан-Франциско: город этот сделался бы, по ввозу всех тяжеловесных и малоценных товаров, аванпортом Нью-Йорка на Тихом океане. В настоящее время он испытывает некоторый регресс, происходящий преимущественно вследствие конкурренции северных городов, Портленда, Ситля, Такомы. В 1877 году население Сан-Франциско превышало на десяток тысяч число жителей, указываемое переписью 1890 года.

Сан-Хозе,—имя которого местные жители сократили в *Озе*,—есть главный город долины аллювиальных земель, которая тянется на южной стороне бухты, между двух параллельных горных цепей. Вместе с Санта-Кларой, своим западным соседом, он скоро образует один город, один из самых приятных городов американского Запада; обильные воды, доставляемые артезианскими колодцами, питают и поддерживают растительность окружающей равнины, слывущей одним из садов Калифорнии. По своему географическому положению, Сан-Хозе также один из привилегированных городов этой области: он командует сухопутными сообщениями полуострова Сан-Франциско со всеми Соединенными Штатами и с Мексикой; но ему недостает порта: маленькое якорное место Альвисо, в 12 километрах к северу от Сан-Хозе, при устье рио Койоте, имеет незначительную глубину. Сан-Хозе и Санта-Клара богаты школами и другими общественными заведениями; на соседней горе Гамильтон находится знаменитая Ликская обсерватория, одна из наилучше оборудованных в свете; она обладает очень сильным телескопом, который по длине фокусного расстояния уступает только телескопу Ницской обсерватории и употребляется преимущественно для топографического изучения луны. Долина Санта-Клара изобилует минеральными источниками и рудными месторождениями: деревня Новый Альмаден, около южной оконечности долины, есть центр богатейших в Новом Свете ртутных рудников.

Монтерей, испанское местечко, основанное в 1770 году, было столицей Калифорнии, пока эта провинция принадлежала Мексике; здесь же происходили заседания учредительного собрания, созванного после присоединения страны к Соединенным Штатам. Развенчанный в пользу Сан-Франциско, городок этот мало-по-малу приходил в упадок и был не более, как маленький рыболовный и каботажный порт, когда железная дорога, связав его с главным городом, сделала его местом морского купанья, одним из самых модных в Соединенных Штатах: дорога, идущая по карнизу береговых утесов на протяжении 25 километров, мало имеет равных себе по живописности и разнообразию видов: один из мысов, называемый «Кипарисовым», покрыт кипарисами особой породы, с закрученными ветвями; у основания его тюлени играют среди подводных камней.

Несколько маленьких портов, вывозных пунктов для руд и продуктов земледелия, Сан-Симеон, Сан-Луис-Обиспо, Санта-Барбара, следуют один за другим на южном берегу; но са-

мый значительный город находится в некотором расстоянии внутри страны. Лос-Анжелес—по-испански Reina de los Angeles, или «Царица Ангелов»—есть один из старых городов республики, так как он существует уже более ста лет: это была мексиканская миссия, основанная в 1781 году двенадцатью семействами, заключавшими в себе испанцев, негров и мулатов, одного метиса, индейцев и одного китайца. Колония эта благоденствовала: в 1836 году она возвысилась на степень города и сделалась столицей провинции Альта-Калифорния; по окончании мексиканской войны, когда Лос-Анжелес был уступлен Соединенным Штатам, он имел 2.000 жителей; но золотые руды, открытые там в 1833 году, никогда не были серьезно разработываемы. Со времени присоединения он стал быстро расти: теперь это второй город Калифорнии. Благодаря своему счастливому положению, в обильно орошаемой равнине южной полосы штата, у основания сиерры, проходами которой он командует, Лос-Анжелес сделался одним из центров производства и торговли. Ещё мексиканский по физиономии своего предместья Соноры и по архитектуре многих домов, построенных из необожженого кирпича, он уже принял совершенно американский характер в своих людных частях, сооруженных из обожженого кирпича или из дерева, в предвидении землетрясений, довольно частых в этой стране; дома обсажены эвкалиптами, лжеперечниками, древовидной клещевиной, а берега ручьев, перерезывающих город и его окрестности, представляют один огромный сад, богатый апельсинными и другими фруктовыми деревьями. Каждый домик украшен беседкой из виноградных лоз, из которых многие не уступают лозам Санта-Барбары, производящей от 4.500 до 5.000 килограммов винограда в один сбор. Землянику в Лос-Анжелес едят круглый год. Пшеница, ячмень, овес, оливковое масло, винные ягоды Лос-Анжелеса высоко ценятся, и ещё больше его вина, лучшие в Калифорнии; наиболее ценимое вино получается из Анагейма, первоначально немецкой колонии, находящейся к югу от города, в долине рио Санта-Ана. Можно сказать, что бассейн Лос-Анжелес, хорошо защищенный горами от северных ветров, представляет собою большую опытную ферму для плантаций апельсинного, бананового, кофейного, чайного, каучукового деревьев. Благодаря своему теплому, мягкому климату и чистому воздуху, Лос-Анжелес сделался санаторием, который посещают в большом числе богатые американцы из Сан-Франциско и южных штатов: морские купальни в Санта-Моника, маленькой пристани на ближайшей бухте, дополняют эту терапевтическую станцию. Главный порт Лос-Анжелеса—местечко Вильмингтон, лежащее на юго-западе от города и защищенное искусственными молами; ветвь южной тихо-океанской железнодорожной линии приносит туда шерсть, вино, хлеб и другие местные произведения. Совокупность торгового движения Вильмингтона с иностранными рынками простиралась, в 1890 году, до 50.000 тонн; но главная торговля ведется каботажем с Сан-Франциско. Другой порт принял имя Сан-Педро. На островах соседнего архипелага, особенно на острове Санта-Барбара, археологические раскопки привели к открытию большого числа древних могил и любопытных остатков старины.

Граница, на юге американской Калифорнии, охраняется городом Сан-Диего, лежащим при устье реки того же имени, на берегу морского залива, доступного большим судам: это старейшая калифорнская колония на американской территории; она основана испанцами в 1769 году. Оттого Сан-Диего сделался центром торговли с чужими краями, и одно время пытались даже, но без успеха, создать из него соперника городу Сан-Франциско (движение судоходства в Сан-Диего, без каботажа, в 1890 году: 341 судно, с общей вместимостью 122.281 тонна); он имел, говорят, до 75.000 постоянных и временных жителей в период лихорадочной спекуляции. По крайней мере положение его представляет ту выгоду, что чрез южную междуокеанскую железную дорогу он является ближайшим к Новому Орлеану и Мексиканскому заливу портом Тихого океана; как санаторий для людей слабого здоровья, жителей Севера, Сан-Диего есть также, благодаря своему ровному климату, один из самых приятных городов Северной Америки. Скалистый полуостров Коронадо, бывший остров, защищающий порт от западных ветров, усеян виллами и дачами, и на оконечности его, над мысом Пунта-Лома, стоит один из колоссальных отелей Америки. Когда начнется разработка минеральных богатств, находящихся в бывших озерных бассейнах Южной Калифорнии и Аризоны,

буры, борнокислого и углекислого натра и других химических продуктов, Сан-Диего будет естественным портом для вывоза этих товаров, создавших благосостояние северного Чили.

Главные города Калифорнии, с цифрой их населения по переписи 1890 года: Сан-Франциско—297.990 жит. (360.000 в 1899 г.); Окленд—48.590 жит.; Аламеда—11.000 жит. Весь столичный округ (Сан-Франциско, Окленд, Аламеда и пр.)—357.580 жит.; Лос-Анжелес—50.394 жит.; Сакраменто—26.272 жит.; Сан-Хозе—18.027 жит.; Сан-Хозе вместе с Санта-Кларой—20.545 жит.; Сан-Диего—16.152 жит.; Фресно—10.796 жит.

Глава VII Демография и статистика Северо-Американского Союза

I. Движение народонаселения

Через каждые десять лет, с 1790 года, Соединенные Штаты приступают к всеобщей переписи жителей и народного богатства. Уже одиннадцать раз была произведена эта перепись, и каждый раз полученные результаты свидетельствовали о быстром росте этого огромного национального организма. В течение ста лет, с 1790 по 1890 год, народонаселение Соединенных Штатов увеличилось в шестнадцать раз: с 4 миллионов цифра его поднялась до 63 миллионов, а национальные рессурсы возрасли в ещё большей пропорции.

Первая всенародная перепись в 1790 г. показала—3.929.214 жит; одиннадцатая перепись, в 1890 г. (без индейцев и Аляски) насчитала—62.622.250 жит.

По исчислению в начале 1899 г., цифра народонаселения 45 штатов и 5 территорий составляла 75.330.000 душ.

Сравниваемый с Соединенным Королевством (Великобритания и Ирландия) и Францией, Северо-Американский Союз превосходит то и другое государство более чем на треть числом жителей; но если бы он был населен так же плотно, как эти две страны, то жители его считались бы сотнями миллионов. При населенности столь же густой, как существующая в Бельгии, Соединенные Штаты заключали бы в себе больше людей, чем сколько их есть на всём земном шаре.

Народонаселение различных стран в 1891 году:

Бельгия—6.200.000 жит., или 210 на кв. килом.; Британские острова—37.900.000 жит., или 124 на кв. килом.; Франция—38.200.000 ж., или 71 на кв. килом.; Соединенные Штаты—64.000.000 жит., или 7 на кв. килом.

Нет сомнения, некоторые из этих обширных операций повторяющейся периодически через каждые десять лет всенародной переписи страдают важными погрешностями. Так, перепись 1870 года, по сознанию всех американских статистиков, не заслуживает безусловного доверия, особенно те цифры её, которые относятся к южным штатам. В ту эпоху южная часть республики была ещё в полной внутренней революции; расовые войны свирепствовали там и сям, тайные общества оспаривали друг у друга власть, враждебные между собой правительства одинаково претендовали на легальное право употреблять силу для управления графствами и городами. И в таком-то хаосе производившие перепись чиновники, назначенные оспариваемой властью, старались собирать точные сведения о численности населения в обширной территории, многие части которой им были мало известны или трудно доступны! Оттого ошибки, особенно от опущения, были так многочисленны, что статистики впоследствии должны были заменять оффициальные цифры вероятными числами, выведенными из сравнения с другими десятилетними переписями. Так, общая численность народо-

населения, определенная счетчиками в 38.115.341 душу, на самом деле составляла в 1870 году, по всей вероятности, около 40 миллионов душ[1]. В 1890 году легко было бы получить более верные результаты, но громадная работа производства переписи была поручена не наиболее способным людям, независимо от их политических убеждений: преимущество отдавали влиятельным избирателям правительственной партии, и общее мнение таково, что многие из производивших перепись неудовлетворительно исполнили возложенную на них задачу. Доказательством тому может служить ценз Нью-Йорка, давший число жителей на двести тысяч меньше действительного. Однако, и такой, какой он есть, труд этот, в целом, представляет одну из тех работ подобного рода, которые касаются наибольшего числа проблем и наилучше отвечают на них: он во всяком случае вполне достаточен для выяснения главных демографических явлений.

Население в Соединенных Штатах распределено весьма неравномерно, в зависимости от различных условий высоты и широты места, температуры и влажности, большего или меньшего плодородия почвы, минеральных богатств, торгового положения, а также происхождения иммигрантов, возраста колоний, истории заселения. В этом отношении карты, составленные Ганнетом, в высшей степени поучительны[2]; они наглядно показывают действие сил, определяющих группировку жителей: рельеф местности, положение покатостей относительно стран света, речные бассейны, изотермы, географические широты, пропорция дождей,— все эти элементы изучены в их соотношениях с распределением жителей, и относительная плотность населений совершенно выяснена во всех подробностях. Так, исследования Ганнета установили тот факт, что значительное заселение не может происходить в тех местностях, климат которых представляет крайности температуры или влажности, слишком удаляющиеся от средней. Так как «осевая» температура Соединенных Штатов (без Аляски) упадает на изотермическую линию 11°,66, пересекающую около их середины штаты Огайо, Индиану, Иллинойс, то оказывается, что почти три четверти жителей сгруппированы в поясе, заключающемся между изотермами 7 и 16 с половиной градусов. Ниже 5 и выше 21 градуса население везде очень редкое. Точно также, так как средняя осевая дождей в Соединенных Штатах равна 758 миллиметрам, то та же пропорция трех четвертей населения скучена в областях, где выпадает от 750 до 1.280 миллиметров дождя в год. Две пятых пространства республики получают менее 250 миллиметр. атмосферной воды; оттого и число жителей там составляет лишь три сотых всего населения. Другой рассчет: средняя высота Соединенных Штатов над уровнем океана 762 метра, и почти на трети этой высоты именно на 240 метрах, находился в 1890 году центр тяжести общей цифры населения. Постепенное заселение возвышенных областей подняло этот центр на 31 метр в два истекшие десятилетия, с 1870 по 1890 год.

Наиболее поразительный контраст представляют две половины территории—восточная и западная. Атлантическая покатость, включая сюда и покатость Мексиканского залива, имеет в двадцать пять раз больше жителей, чем вся область Скалистых гор без истечения и вся покатость Тихого океана. Население двух покатостей Соединенных Штатов в 1890 году: восточная покатость—60.220.763 жит., или 97,2%; западная покатость—2.401.487 жит. или 3,8%.

Причины этого контраста очевидны: резкий климат, холодный или знойный, плоских возвышенностей, бесплодие почвы, трудность сообщений объясняют относительную малонаселенность Запада; кроме того, нужно принят в рассчет отдаленность этих областей от пункта прибытия иммигрантов, высаживающихся на восточных берегах континента: белые приходили туда менее густыми толпами, и туземцы остались там в несколько большем числе, чем в наводненных белыми странах восточной покатости. Подразделяя густо населенный пояс Востока, находим, что области атлантического побережья, где до войны за независимость были сгруппированы почти все белые жители северо-американских колоний, утрати-

1 Robert P. Porter, „United States Census Bulletin“, 1890, № 12.

2 „Census Bulletin“, 1891, №№ 32, 33, 47, 89.

ли первенство, которое теперь принадлежит уже центральной части Соединенных Штатов: поверхность истечения, покатая к Мексиканскому заливу, одна заключает в себе более половины всех жителей, а в бассейне Миссисипи сосредоточено более двух пятых общей цифры населения. Средняя область, включая сюда берега Великих озер, содержит в себе около двух третей «американцев».

Распределение народонаселения Соединенных Штатов по бассейнам, в 1890 г.[1]:

	Пространство в кв. килом.	Население	На 1 кв. кил.	Процентное отношение
Покатость Пред-Аппалахская	717.145	20.217.690	28	32,3%
„ Великих Озер	454.131	7.009.839	15,4	11,2 „
„ Мексиканского залива	4.470.288	32.993.234	7	52,7 „
„ Миссисипи	3.211.701	27.411.522	8,5	43,8 „
Замкнутые бассейны	590.908	256.130	0,43	0,4 „
Покатость Тихого океана	1.603.832	2.145.357	1,3	3,4 „

Распределение населения по группам штатов в 1890 году[2]: Западные Штаты—3.027.613 жит.; северные—39.763.824; южные—19.791.437 жит.

Север и Юг Соединенных Штатов представляют резкое различие в отношении плотности населения также как в отношении экономической деятельности и народного богатства. Пренебрегая 3 миллионами жителей, населяющих Скалистые горы и океанское побережье, находим, что совокупность северо-американского населения делится на две части, из которых одна, именно северная, вдвое больше южной; при том к Югу нужно причислить ещё все штаты, которые до междоусобной войны находились под правлением рабовладельческой аристократии, и которые, однако, вошли в пояс притяжения Севера в отношении торговли и промышленности: таковы Делавар, Мериленд, дистрикт Колумбия, Западная Виргиния, большая часть Кентукки, Северный Миссури. Материальные выгоды двух полос почти уравновешиваются, и во многих отношениях страны Юга пользуются преимуществами. Северные штаты не имеют областей, которые могли бы сравняться с верхними долинами Виргинии, Тенесси и двух Каролин, с волнистыми равнинами Георгии и Кентукки: нигде нет более здорового климата, более плодородной почвы, более сильного жизнерадостного чувства; там животные и люди родятся наиболее одаренными от природы в отношении крупного роста, силы, красоты и грации. Почему же эти счастливые страны не были предпочтительно выбраны иммигрантами, которые каждый год сотнями тысяч высаживаются на американские берега?

Без сомнения, значительная часть южной территории, жаркая и болотистая, не представляет благоприятных климатических условий, по крайней мере, для белого человека; но, с другой стороны, Север тоже заключает в себе обширные пространства, где редкие жители страдают от суровости климата и не могут требовать от почвы большего разнообразия произведений: совершенно негодные для обитания местности, озера, морены, скалы и горы, занимают более половины Новой Англии, которая приобрела материальное и нравственное управление всей республикой. Если на стороне Севера то преимущество, что он находится ближе к Европе, посылающей ему своих эмигрантов, то Юг был первым, получившим колонистов, во Флориде, в Виргинии. Железнодорожные поезды, перевозящие новоприбывших переселенцев в прерии дальнего Запада, разве не могли бы избирать также южное направление? Очевидная причина контраста между рассматриваемыми двумя поясами заключается в различии социальных условий, господствовавших продолжительное время: с одной стороны, крупное землевладение и невольничество негров; с другой—система мелкой земельной собственности и свободная инициатива работников. Но если глубже вникнуть в это дело, то нужно признать, что самые трудности борьбы за существование были определяющими причинами превосходства Севера в прогрессе всякого рода: в Новой Англии жизнь, суровая и трудная, взывала к непосредственной энергии человека; рабство и там было введено, как в

1 Henry Gannett, „Census Bulletin“ № 47, March 28, 1891.

2 „Census Bulletin“, № 12.

колониях Юга, но на Севере оно не могло привиться.

Городское население непрерывно возрастает на счет деревень: в этом отношении движение внутреннего переселения, происходящее в Соединенных Штатах, совершается гораздо быстрее, чем однородное демографическое явление, наблюдаемое во Франции и в других странах Западной Европы. Подобное же стремление жителей в городские центры замечается в равной степени только в Австралии. Разница оказалась бы ещё гораздо значительнее, если бы в Соединенных Штатах, подобно тому, как это делается во Франции, под «городами» понимали все поселения, имеющие свыше 2.000 жителей; но городские поселения, не достигающие 8.000 душ, причисляются, в заатлантической республике, ещё к сельским жителям: в действительности, горожан в Соединенных Штатах вдвое больше, чем сколько их показывает перепись. Даже считая только американцев, обитающих в городах с 8.000 или больше жителей, эти последние составляют три десятых всего населения республики: во время первой всенародной переписи в 1790 году, они составляли лишь тридцатую часть населения. Число больших городов увеличивается быстрее, чем во всякой другой стране. В 1790 году только шесть городов имели свыше 8.000 жит., в 1890 г. таких городов насчитывали уже 443. Во время первой переписи не было ни одного города с стотысячным населением; ныне, сто лет спустя, таких городов существует 20, и три из них имеют слишком по миллиону постоянных жителей. Каждый из этих больших городов занимает гораздо более обширное пространство, чем соответствующие, по цифре населения, агломерации в Западной Европе. Нью-Йорк, Филадельфия, Чикаго, Сент-Луис раскинулись гораздо более широко, чем Париж.

Густота населения некоторых больших городов по отношению к занимаемому пространству, в 1890 году: Париж—78 квадр. килом.: 2.360.000 ж.; 30.200 ж. на 1 квадр. килом.; Нью-Йорк—106 квадр. километров; 1.710.715 ж.; 16.139 ж. на 1 кв. килом.; Филадельфия—315 кв. кв. килом; 1.046.964 ж.; 3.324 ж. на кв. килом.; Чикаго—471 кв. километр.; 1.099.133 ж.; 2.334 ж. на 1 квадр. километр.

Правда, эти американские города, располагая обширными невозделанными пространствами в соседстве своего первоначального ядра, могли бы включить в свою черту изрядные куски окружающей местности, обратив их в парки и общественные сады. Иной американский город имеет до пятнадцати больших парков, из которых многие обнимают сотни гектаров, с лесами, лугами, скалами, ручьями и озерами. Кладбища, которые находятся тоже в оффициальной черте городов, но вдали от центра деловой жизни, также представляют образцово содержимые парки, где первоначальный рельеф природы всегда сохраняется в полной неприкосновенности.

Как это можно бы было утверждать помимо всякой переписи, южные штаты Новой Англии, Массачузетс, Род-Айленд, Контектикут, превосходящие все остальные штаны Союза плотностью населения, представляют ту область американской республики, где стремление жителей из деревни в город проявляется с наибольшей силой. В 1820 году, в Массачузетсе было только два поселения, имевших право на звание города, т.е. заключавших в себе свыше 12.000 жителей каждое; они составляли лишь 11% всего населения штата; в 1890 году эти города, в числе 30, содержали более 62% общего числа постоянных жителей Массачузетса. Один Бостон заключал в себе одну пятую этого числа и более трети с своим городским округом, ограничиваемым окружностью в 20 километров вокруг дворца законодательного собрания. Если считать городским всё население, пребывающее в городах с числом обитателей в 3.000, то остается всего только одна десятая сельских жителей, и почти все меньшие города уменьшаются вместо того, чтобы расти; они нисходят на степень деревень, затем поселков и, наконец, покидаются жителями. В других штатах Предмиссисипья, и особенно в Иллинойсе, демографические явления, раскрытые последней переписью, представляют совершенно аналогичный характер. Так, прирост в 740.000 душ, констатированный во всём штате, почти всецело поглощается городами, имеющими свыше 8.000 жителей; в одном Чикаго прибавилось слишком полмиллиона людей: теперь англо-американцев больше в городах с населением начиная от 4.000 душ, чем в меньших агломерациях и в деревнях. Этот

факт, столь чреватый различными последствиями, которому справедливо приписывают великую экономическую и социальную важность, превращение сельских жителей в горожан, как видно, гораздо резче выражается в Америке, вечно спешащей, чем во Франции, медлительной и умеренной.

Городское и сельское население в Соединенных Штатах:

Года	Общее число жителей	Сельское население	Городское население
1790	3.929.214	3.797.742	131.472, или 3,35%
1890	62.622.250	44.386.680	18.235.670 „ 29,12 „

От этого быстрого заселения городов происходит то, что, несмотря на возрастание североамериканского населения, статистические карты показывают местами обширные острова, где число жителей уменьшилось. Год от году увеличивается разность между заселяющимися областями и пустеющими местностями: в десятилетие 1870—1880 годов убыль населения имела место только в 138 графствах, тогда как в следующее десятилетие слишком 400 графств частию обезлюдели. Не только земледельческие штаты Новой Англии, Мэн, Нью-Гампшир, Вермонт, потеряли во многих округах больше жителей, чем сколько приобрели, но даже штат Нью-Йорк представляет то же явление, на берегах рек Гудсона и св. Лаврентия, в верхних долинах Делавара и Сусквеганны. Половина Нью-Джерсея лишилась жителей в пользу нью-йоркского городского округа; почти вся Восточная Виргиния и нижний Мериланд между цепью Аппалахских гор и океаном, на пространстве около 100.000 кв. километров, испытывали попятное движение. Точно также многие из сельских графств Огайо, Индианы и Иллинойса обеднели вследствие отлива населения в города Цинциннани, Индианополис, Сент-Луис и Чикаго. В каждом штате Юга происходит процесс постепенного обезлюдения в некоторых округах; повсюду, где возникает фабрика или завод, ближайшая сельская местность заселяется на счет более отдаленной. Наконец, во всех областях горной промышленности по разработке месторождений золота и серебра, за исключением горнозаводских округов Монтаны, уменьшение производительности или скуп рудников и приисков спекулянтами имели следствием уменьшение числа жителей[1]. Таким образом крестьянин уходит, но в Соединенных Штатах настоящий крестьянин редок, разве только в издавна заселенных графствах, каковы, например, старые городские колонии в Пенсильвании; почти везде пахарь—иммигрант или сын иммигранта, наполовину усвоивший городские нравы, благодаря путешествиям и быстрому привыканию к новым изобретениям.

В настоящее время много городов родится, так сказать, совсем готовыми. Спекулянты, владельцы рудников, движущих вод или крупных, выгодно расположенных имений, чертят на карте план будущего города, с его улицами и площадями, отелями, школами и публичными памятниками, затем строят железные дороги, сходящиеся к выбранному месту, и пускают в продажу участки земли, при помощи реклам в газетах, брошюрах и афишах. Предприятие не выгорает в одном месте, но в другом достигает успеха: *boom*—так называется период рекламирования, спекуляции, ажиотажа, и в то же время лихорадочной работы, сопровождающий основание городов— этот бум нередко оканчивается крахом и банкротством; но часто бывает также, что действительно выростает новый город среди пустынь, со всем его аппаратом промышленности и цивилизации. Так родились почти внезапно Омаха и Канзас-Сити на Миссури, Шейенн, Денвер, Пуэбло, Колорадо-Спрингс в голых равнинах, доминируемых горами Фасада. Роанок, на Виргинском плоскогорье, Бирмингам, в алабамских долинах,—тоже города новые, созданные вдруг, и теперь ещё выростают из земли города, как, например, Мидльсборо в Кентукки, близ Кумберланд-Гап, или Кенсингтон в Пенсильвании, в 29 километрах к северу от Питсбурга. В конце августа 1891 года Кенсингтон имел только 58 дней от роду, и уже пять больших заводов стояли на берегу реки Аллегени, земля была взрыта на протяжении двух верст для постройки домов, прокладки улиц и канализации минерального масла и натурального газа; двадцать восемь железнодорожных поездов в день

1 Henry Gannett, „Extra Census Bulletin“, № 1, 1891.

останавливались на новой станции, устроенной среди только-что расчищенного леса.

Города, основываемые по старой моде, без заранее начертанного плана, развиваются иначе. Земледельцы, пришедшие из-за моря или с побережья, сооружают свои жилища и хозяйственные постройки каждый посреди своего земельного участка, и местность покрывается разбросанными, стоящими особняком дворами. Однако, колонисты ощущают потребность собираться время от времени и выбирают, обыкновенно в центре своего судебного округа или *тауншипа*, достаточное пространство, где и сосредоточиваются здания, необходимые для общественной службы, администрации или культа, церковь, школа, почтовая контора; тут же водворяется кузнец, а также и трактирщик, если закон дозволяет открывать трактирные заведения; тут же происходят базары и ярмарки, или даже сельскохозяйственные выставки; зачатки деревни продолжают свои улицы за черту первоначальной площади.

Такова подвижность американских населений, что города там умирают так же легко, как и родятся: сила привычки, культ домашнего очага никого не удерживает в городе из парусины, досок, кирпича или камня, так быстро выросшем по призыву спекуляции. Если большие надежды на обогащение были обмануты; если рудник или нефтяной источник истощились; если торговое движение переместилось; если банкротство следует за банкротством,—город приходит в запустение, железные дороги прекращают свое движение, отели превращаются в развалины. «Выросший точно гриб», эфемерный город и умирает как гриб; вскоре от него не остается никаких следов. Так случилось, например, с Пит-Холь-Сити, в нефтеносном округе, в Пенсильвании, где на пространстве каких-нибудь шести месяцев явились городская ратуша, театры, десятков восемь отелей, водопроводная башня, и который, не просуществовав и года, опять сделался пустыней; новая железная дорога отвлекла в другое место элементы торговли, и новоиспеченный город в несколько недель потерял свои пятнадцать тысяч жителей: в 1890 г. население этого «Города при буровой скважине» состояло всего только из 40 человек. Некоторые города перемещаются целиком всей своей массой: они следуют за железной дорогой. Лагери рудокопов в Черных Холмах исчезли почти все, и тамошния долины совершенно опустели. Случалось даже, что городские поселения распадались и вновь образовывались в другом месте, с целью избегнуть платежа налогов; это было нечто в роде коллективной несостоятельности.

В Соединенных Штатах нет столицы в собственном смысле, ибо Вашингтон, местопребывание законодательного собрания и оффициальная резиденция президента республики, не имеет того, что создает истинную столицу ещё более, чем превосходство жителей,—не имеет политической гегемонии и преобладания в искусствах и творениях мысли. Бостон был некогда главным городом северных колоний и, по имени его, все американцы северо-востока, называемые теперь янки, получили от канадских французов прозвище «бостонцев». В наши дни Бостон остается метрополией Новой Англии и может претендовать на первенство во всей республике за проявляемую им инициативу по части культирования наук и в области народного просвещения, но он слишком много уступает Нью-Йорку и некоторым другим городам Союза по численности населения и размерам торгово-промышленной деятельности, чтобы предъявлять притязание на титул столицы. Нью-Йорк, гораздо лучше поставленный, как международный центр торгового обмена, имеет больше прав, чем Бостон, называть себя «столицей»; он даже величает себя *Empire City*, «царственным городом»; и действительно, ему принадлежит первенствующая роль по торговле, банковому делу, промышленности, но он не может претендовать на такую же роль в отношении наук, искусств, решительного влияния в политике и социальной экономии; кроме того, он лежит так далеко от географического центра Соединенных Штатов, что вследствие лишь одной отдаленности влияние его постепенно ослабевает и теряется в направлении Запада. То же самое нужно сказать о Филадельфии, которая была, во время войны за независимость и несколько лет после того, местопребыванием американского конгресса; тем более Вашингтон должен быть рассматриваем как лежащий на окружности страны, вдали от центров национальной жизни.

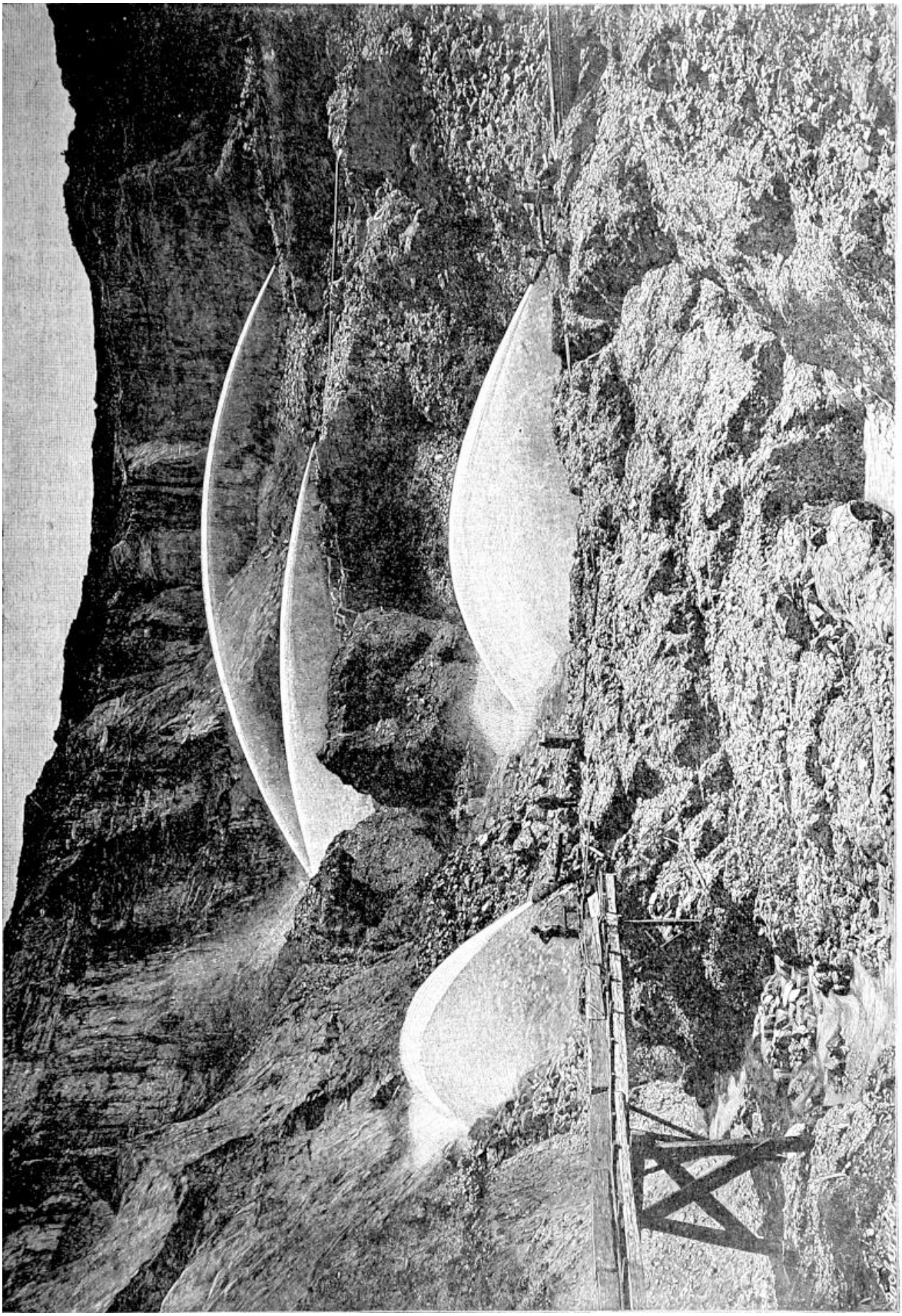
Однако, в ту эпоху, когда президент Вашингтон и его виргинские друзья выбрали среди

земель Виргинии и Мериланда территорию для образования из неё «федерального округа», где должна была основаться будущая столица, местопребывание законодательного собрания Соединенных Штатов, намеченное место казалось самым подходящим. В самом деле, оно находилось тогда в непосредственном соседстве геометрической середины тринадцати первоначальных штатов, между границами Канады и границами Флориды; это была нейтральная местность между северными и южными штатами, между странами, где должна была развиться торговля и промышленность, и странами, единственным занятием которых было земледелие, между областями, обработывавшимися почти исключительно свободными руками, и областями, где каждая плантация имела свою мастерскую невольников. Кроме того, Вашингтон стоял на судоходной реке, вблизи залива, доступного судам небольшого углубления, какие в то время совершали рейсы через Атлантический океан. Казалось вполне естественным, что помощью престижа, обеспечиваемого ежегодным собранием Конгресса, новый город быстро займет высокое место между городскими поселениями Соединенных Штатов, и это в ожидании подобного роста инженер Ланфан, которому было поручено составить план будущей столицы, и начертил такую обширную сеть улиц, проспектов и бульваров с «великолепными расстояниями». Пространство, обведенное на карте, едва заполнилось в течение векового существования города, и причина этой запоздалости в судьбах Вашингтона, без сомнения, заключается частию в том, что в начале считали выгодой, именно в положении города между двумя группами штатов, имеющих различные учреждения. Город нейтральный в силу конституции, которая лишает его права политического голоса, Вашингтон был вдвойне нейтральным вследствие своего географического положения между рабовладельческими и свободными штатами: жизнь, столь деятельная в других местах, сторонилась этого опасного пункта, имеющего капитальную важность только с стратегической точки зрения: во время гражданской войны, вокруг центра должны были направляться все усилия борющихся армий.

Так как местоположение Вашингтона является центральным только для штатов атлантического прибрежья, то населения миссисипского бассейна естественно пришли к мысли, что настоящее место столицы конфедерации должно бы быть на берегах великой реки. В этом отношении Сент-Луис казался местом предуказанным, так как он находится около середины речного течения, недалеко от перекрестка, образуемого двумя притоками Миссури и Огайо, при соединении дорог, идущих от Атлантического и Тихого океанов, из Нью-Йорка и из Сан-Франциско; но, несмотря на все эти выгоды положения, благодаря которым он действительно сделался одним из главных городов Америки, Сент-Луис был на много опережен его бывшим соперником, Чикаго, который имеет на своей стороне то преимущество, что он стоит на берегу одного из Великих озер, в одно и то же время—в сердце континента и в голове атлантического судоходства через реку св. Лаврентия. Возгордившись своими успехами, Чикаго тоже стал величать себя «царицей» и «столицей», но его преобладание, чисто промышленное и торговое, не опирается ещё на какое-либо превосходство в науках или искусствах, и до недавнего времени его репутация далеко не давала ему в этом отношении права на одно из первых мест. Таким образом Соединенные Штаты не имеют одного главного или столичного города, но, как и подобает федерации, имеют несколько первоклассных городов, каковы Бостон, Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор, Чикаго, Сент-Луис, Сент-Поль, Омаха, Сан-Франциско, Новый Орлеан, которые все являются притягательными фокусами для значительных районов. Без сомнения, за-атлантическая республика находится на пути централизации, сокращением расстояний, объединением законов и страшной силой финансовых синдикатов; по крайней мере она ещё пользуется той выгодой, что не подчинена одному городу, сосредоточивающему в себе все живые силы нации. В настоящее время город, имеющий, повидимому, наиболее шансов сделаться жизненным центром всей конфедерации, есть, бесспорно, Чикаго.

Недостаток равновесия в народонаселении, неравномерно распределенном на громадной территории, исправляется год от году перемещением центра плотности, т.е. точки, вокруг которой число жителей Северо-Американской республики одинаково на всех радиусах, прове-

денных к окружности. Точка эта не переставала постепенно передвигаться с самого начала колонизации. Первые иммигранты все поселились на берегах Атлантического океана, у восточного основания цепи Аппалахских гор, в узком поясе, который, вследствие своей боль-

Гидравлическая эксплоатація руды въ Нортблумфильдѣ (Невада).

шой длины, естественно разделился, как это недавно было в Италии, на несколько особых государств, и сделал географически необходимой федеральную организацию. Когда американцы основали город Вашингтон, имея в виду сделать его общей столицей независимых

штатов, в этом самом месте или в соседстве—точнее в 37 километрах к западу от Балтимора—действительно находился истинный центр; но с конца прошлого столетия эмиграция стала направляться к плодоносным равнинам Огайо, и движение это сопровождалось соответствующим перемещением точки равновесия населений. В 1820 году центр тяжести перешел первую цепь Аллеганских гор, в 1830 г. он находился в западных равнинах, среди бассейна Канавги. В 1840 г. он оставался ещё на той же речной покатости, но в 1850 г. уже приблизился к берегам Огайо, недалеко от Паркерсбурга. В 1860 г. он перешел за эту реку и достиг окрестностей Чилликота; затем, десять лет спустя, он был всего только в 77 километрах к востоку от Цинциннати. По переписи 1890 года, эта движущаяся точка, вступившая в пределы штата Индиана, находится почти в центре треугольника, образуемого городами Цинциннати, Индианополис и Луисвилль. Геометрическое же средоточие территории Соединенных Штатов, без Аляски, лежит далеко за рекой Миссисипи, в Северном Канзасе: между двумя центрами, центром населения и центром пространства, расстояние по прямой линии составляет около тысячи километров. Таким образом, математическая точка, где уравновешиваются массы возрастающего населения, постоянно передвигалась к западу, следуя по орбите почти правильной, увеличиваясь или уменьшаясь в скорости, вместе с альтернативами иммиграции; но с десятилетия 1850—1860 гг., которое было периодом быстрого заселения Калифорнии, прогрессирование чувствительно замедлилось, и, без всякого сомнения, скорость движения будет всё уменьшаться. Нормальное распределение населения соответственно рессурсам различных штатов кажется уже почти законченным: центр тяжести северо-американцев стремится установиться в местности, лежащей несколько к востоку от долины Миссисипи.

Иммиграция европейских колонистов, создавшая Соединенные Штаты, остается ещё громадной, без всякого сомнения, численно далеко превосходящей толпу народов, которые некогда двинулись из глубины Азии, чтобы ринуться на римскую империю; однако, американский мир настолько крепко организован, что это огромное переселенческое движение, направляющееся к его берегам, не причиняет ни малейшего материального расстройства; оно могло бы даже проходить незамеченным, если бы экономические и социальные последствия скрещиваний и взаимных влияний не имели такой капитальной важности для будущности Соединенных Штатов, а чрез отражение и для будущности всего мира. Известно почти в точности число иммигрантов за столетие, протекшее со времени войны за независимость. До этой эпохи переселенческое движение было весьма незначительно; иммигрантов в собственном смысле почти совсем не было, прибывали главным образом лишь законтрактованные наемные работники, и три миллиона жителей, населявшие страну, происходили, в огромном большинстве, от семейств, принадлежавших ко второму и третьему поколению. После учреждения республики, иммиграция стала возрастать; однако, впродолжении сорока лет, до 1820 года, число иммигрантов, прибывших в порты, составило в сложности всего только 250.000 душ. Затем переселенческое движение усиливается, и каждое десятилетие, за исключением того, в которое свирепствовала междоусобная война, приносит более значительный поток иностранцев, почти исключительно переселенцев, приходящих с намерением вступить в ряды северо-американской национальности.

Иммиграция в Соединенные Штаты. Периоды и число иммигрантов: 1820—30 г.—128.393; 1830—40 г.—539.391; 1840—50 г.—1.423.237; 1850—60 г.—2.799.423; 1860—70 г.—1,964.061; 1870—80 г.—2.834.040; 1880—90 г.—5.246.613; в 1891 году—560.319; в 1892 г.—623.084; в 1893 г.—502.917; в 1894 г.—314.467; в 1895 г.—279.948; в 1896 г.—301.067; в 1897 г.—222.399; в фискальном 1897—98 г.—229.233. Всего с 1820 г. до 1 июля 1899 г. насчитывают 18.770.307 иммигрантов.

Таким образом, оффициальные переписи дают для иммигрантов (до 1897 г.) цифру восемнадцать слишком миллионов, но этот громадный итог ниже действительности, так как с 1885 г. отказались от счисления прибывающих через сухопутную границу, именно через Монреаль и по Ниагарской железной дороге, вследствие обнаружения многочисленных

ошибок в этом счете пассажиров. Однако, определяют приблизительно в 540.000 душ общее число прибывших через эти границы, и слабое возрастание, в последнее десятилетие, канадского населения, вообще очень плодовитого, позволяет думать, что это исчисление, вероятно, ниже действительности. Следовательно, со времени отделения от Англии Соединенные Штаты получили по меньшей мере девятнадцать миллионов иммигрантов: часто в один день в Нью-Йорке высаживаются несколько тысяч пассажиров. Но если иммиграция возрастала абсолютно, то относительно общего числа жителей она представляет уменьшение; наибольшей относительной важности переселенческое движение достигало в десятилетие с 1850 до 1860 г., в период реакции, следовавшей за революциями 1848 года. Иммиграция с 1850 до 1860 г.—2.799.423, или 12% населения в 1850 г.; иммиграция с 1880 до 1890 г.—5.246.613, или $10{,}_5$% населения в 1880 г.

1882 год представляет вершину кривой иммиграционного движения: в этом году насчитали 788.992 новоприбывших, что составляло, в среднем, более 2.000 человек в сутки. Подобный «исход» переселенцев, можно сказать, имеет размеры космического переворота.

Около десяти миллионов иностранцев (по переписи 1890 г.—9.249.547), живущих ныне на американской почве, распределены весьма неравномерно в своем новом отечестве. Прежде всего пункт прибытия большинства иммигрантов, Нью-Йорк, удерживает значительную часть этого людского прилива; город столь громадных размеров, сосредоточивающий в себе такое колоссальное торгово-промышленное движение, с кортежем многочисленных второстепенных городов, из которых каждый имеет свою мануфактурную специальность и свою колонию европейцев, где новые пришельцы найдут родственников и друзей, естественно должен оказывать неодолимое притяжение на тысячи иммигрантов. Более половины жителей Нью-Йорка родились вне этого города; три четверти происходят от родителей, из которых по крайней мере один пришел из-за моря. Однако, масса эмигрантов только проходит через «царственный город», чтобы рассеяться в разных местах республики, но не следуют дорогами, равно расходящимися, как радиусы круга. Переселение совершается через ряд второстепенных центров, каковы: Филадельфия, Питсбург, Буффало, Кливленд, Цинциннати, Сент-Луис, Чикаго, Миннеаполис, Омаха, Денвер, и маршруты, которых придерживается толпа переселенцев, очень мало разнятся. Из десяти колонистов только один избирает путь к какому-нибудь городу Юга; но остальные девятеро не пойдут наудачу в разные части Севера; напротив, статистическая карта показывает их группирующимися в отдельные архипелаги, преимущественно вокруг больших городов.

Немцы, которые, благодаря своему языку, теряются менее быстро, чем ирландцы, в массе американской нации, скучиваются главным образом в Филадельфии, в Цинциннати и других местах штата Огайо, в Иллинойсе, Висконсине и Миссури, вокруг Чикаго, Мильуоки и Сент-Луиса. Скандинавы направляются в холодные области Севера, в смежные с Канадой штаты, где климат походит на климат их родины. Канадцы-французы захватывают мало-помалу земли, сопредельные с их страной происхождения. Каждый народ имеет свои родственные связи, облегчающие ему переход и подготовляющие его к новой национальности, с которою он скоро сольется. Из всех центров иммиграции Сан-Франциско есть, вместе с космополитом Нью-Йорком, центр, где элементы всякого провенанса соединяются в оригинальное население, имеющее свой собственный характер. Мексиканские резиденты, иностранцы всякой расы, пришедшие из-за моря в эпоху наплыва золотоискателей, восточные американцы, приведенные трансконтинентальными путями, придают этому тихо-океанскому порту совершенно своеобразную физиономию между всеми городами Союза.

В последние годы отношение этнических элементов иммиграции много изменилось. Известно, кто были предки населения, называемого «американским» по преимуществу. Это были, с одной стороны, пуритане, люди горячей веры и сильной воли, которые добровольно уходили в изгнание, чтобы иметь возможность свободно отправлять свой религиозный культ; с другой—фавориты короны, пожалованные большими землями, которые населяли свои поместья авантюристами, наемными работниками или даже преступниками, доставляв-

шимися тюрьмами королевства; в целом колонисты, почти все английского языка, имели по крайней мере одно общее качество: энергию воли, инициативу, дух предприимчивости. Шведы, поселившиеся в Делаваре, голландцы, осевшие по берегам реки Гудсон, особенно французские гугеноты, которые так много способствовали благоденствию нации и которые дали ей, пропорционально, наибольшее число людей, отмеченных в американской истории[1], были также люди отваги, долженствовавшие прибавить свой элемент нравственной силы к первоначальным элементам. Что касается немецких крестьян, поселившихся в Пенсильвании, то они долго держались особняком, да и теперь ещё составляют почти отдельное население, нисколько не способствовавшее видоизменению характера окружающих их «англо-саксонских» американцев.

Период большой иммиграции начался приливом людей английского языка, кельтов в большинстве, так как ирландцы, шотландцы и валлийцы численно превосходили англичан; но с 1870 года пропорция эмигрантов из Соединенного королевства стала постепенно уменьшаться. Голодная Ирландия выделила почти весь свой излишек населения, а собственно Англия не может питать столь же деятельно переселенческий «исход». Перевес в этом отношении приобрела Германия; в совокупности, с 1820 до 1890 года она доставила Северной Америке около трех десятых колонистов, в большинстве выходцев из северо-восточных провинций, Мекленбурга, Померании, Восточной Пруссии; однако, этот приток населения также стал ослабевать, достигнув максимума в годы, следовавшие за революцией 1848 года; эмигрирование, принявшее тогда политический характер, увлекало молодых и недовольных. Но в последние два десятилетия германская эмиграция представляет уже уменьшение, которое отчасти было компенсировано скандинавами, датчанами, шведами и норвежцами. Кроме того, теперь в Соединенные Штаты проникают, в значительных количествах, новые этнические элементы, совершенно отличные от англо-саксонской или немецкой расы: итальянцы и славяне, которых прежде пугала эмиграция в страну чужого языка, победили эту боязнь; гонимые, почти все, крайней бедностью, они толпой устремляются за океан, и уже предвидят скорое наступление периода, когда они будут составлять большинство между прибывающими переселенцами.

Поглощение этих эмигрантов, столь резко отличающихся от американцев нравами, традициями и национальным гением, может ли совершиться так же легко, как поглощение прежних колонистов, более близких по расе? Вот вопрос, который экономисты и историки ставят перед собой с некоторой тревогой, тем более, что он осложняется бесспорно более низким образованием у итальянцев, славян и польских и русских евреев, составляющих новый поток иммиграции; ремесленники среди них представляют гораздо меньший процент, чем у англичан и немцев; почти все они чернорабочие, носильщики, мелкие торговцы. Не подлежит сомнению, что во многих случаях агенты вербовщики, посылаемые крупными фабрикантами в восточную и южную Европу, набирали дешевых работников для замены ими более дорогих американских рабочих. Они действуют в отношении «рабочих рук», ввозимых из Европы, точно так же, как действовали в первые времена китайской иммиграции. Первые «небесные» люди, привезенные из Азии, поступили на кожевенный завод в Массачузетсе.

Иммиграция по национальностям в десятилетие с 1880 до 1890 г.:

Немцев 1.457.000, скандинавов 741.000, итого 2.198.000; ирландцев 655.000, англичан 143.000, шотландцев 113.000, валлийцев 13.000, итого 924.000; русских 268.000, австрийцев (славян) 179.000, венгерцев (словаков, хорватов, сербов), 130.000, поляков 60.000, чехов 50.000, итого 687.000; итальянцев, французов, швейцарцев, бельгийцев 153.000.

Многие политиканы предлагают уже принять против иммиграции ограничительные меры, если не безусловно запретительные, как мера, которая была принята в 1882 г. против китайцев. В этом году, как известно, издан был закон, которым строго воспрещается всякому «небесному» человеку вход на американскую территорию, равно как не дозволяется воз-

1 Henry Cabot Lodge, „The Century Magazine“, September 1891.

вращение тем желтокожим, которые, после отсутствия из Соединенных Штатов, захотели бы опять повидать своих друзей и снова приняться там за ведение своих дел; исключение сделано только для богатых китайцев, пушественников или ученых, которые представят оффициальное удостоверение о своей личности и общественном положении. По отношению к иммиграции европейцев пока ещё ограничились воспрещением высадки идиотов, сумасшедших, уголовных преступников, людей без всяких средств, беременных незамужних женщин; но этот закон строго применяется: каждый вновь прибывший корабль тщательно осматривают и задерживают на борте всех тех, которые не могут доказать обладания небольшой денежной суммой, знания какой-либо прибыльной профессии, нормального состояния; даже раненые и больные задерживаются в госпитале, чтобы быть отправленными обратно после излечения; средним числом, ежегодно отсылается назад около 1.300 эмигрантов[1]. Судя по тону периодической печати, можно опасаться усиления этих ограничительных мер.

В действительности, враждебное чувство или инстинктивное отвращение в отношении людей другой расы или другого языка играет в этом случае лишь весьма второстепенную роль: это вопрос преимущественно экономического и политического порядка. Образованные классы, особенно в Новой Англии, считают для себя обидным быть подчиненными правительству, назначенному невежественными избирателями, пользующимися своим правом голоса наугад, или продающими его за несколько долларов; с другой стороны, американские рабочие косо смотрят на чужеземцев, приходящих понижать на треть, на половину или даже ещё больше средний размер заработной платы, и тем помогающих установлению монополии богатых фабрикантов и промышленников. Эти последние, с своей стороны, пускают в ход всё свое влияние на органы общественной власти, чтобы сохранять положение вещей, доставляющее им дешевые рабочия руки и делающее их раздавателями национального богатства. Даже запретительный закон, изданный против китайцев, не считается безаппелляционным, и крупные землевладельцы не упускают случая сравнивать, к невыгоде тружеников из собственной расы, белокожих рабочих с рабочими желтолицыми, выказывающими столько послушания, точности и пунктуальности в исполнении условленного дела. При равной заработной плате, виноградарь всегда предпочтет китайцев всяким другим американцам для сбора винограда: он может быть уверен, что в назначенный день нанятая им китайская артель явится неукоснительно, и что она всегда верно окончит обещанную работу. Не раз случалось ловить в лабиринте островов залива Пэджет контрабандныя суда, нагруженные желтокожими рабочими, путешествие которых, конечно, было оплачено бледнолицыми спекулянтами.

По свойству человеческой природы, туземец обыкновенно считает себя выше иностранца, пришедшего просить у него убежища, земли или работы. Так и американец смотрит свысока на бедняков-иммигрантов, высаживающихся на набережные Нью-Йорка; однако, эти пришельцы представляют, с демографической точки зрения, более значительную долю действия, чем резиденты, поселившиеся уже несколько поколений тому назад; новоселы будут иметь, в среднем, более многочисленные семьи, более обширное потомство и следовательно, в большей мере будут способствовать образованию завтрашней нации. Это факт вполне доказанный, что рождаемость постепенно уменьшается у природных американцев, особенно в наиболее цивилизованных областях Новой Англии. Во многих городах Массачузетса, указываемых Натан-Алленом, число детей последовательно сокращалось с десятка на семью в первом поколении до шестого поколения, где, в среднем, рождается уже не более трех детей. Прежде большие семьи были общим правилом, теперь они составляют исключение, потому ли, что воспроизводительная сила расы действительно уменьшилась, или, как во Франции, потому, что родителей удерживает опасение невозможности обеспечить благосостояние своим детям. Конечно, эта последняя причина, боязнь будущего, объясняет отчасти уменьшение семейств пуританского происхождения, которые некогда распространялись, в виде многочисленных новых роев далеко за пределы своих первоначальных ульев; тогда как в

1 Whitney, „United States“.

западных и центральных штатах, как Кентукки и Тенесси, где жизнь детей наперед обеспечена экономическими условиями, семьи сохранили свою нормальную плодовитость, этого уже нет в северо-восточных штатах, которые так долго были и до сих пор во многих отношениях продолжают быть руководящей частью нации. Явление ещё более важное—число холостяков увеличивается, большой процента молодых девушек остаются без мужей, раса угасает без потомства.

Естественный прирост северо-американского населения, без иммиграции: в десятилетие 1870—80 г.г.—18,5%; в десятилетие 1880—90 г.г.—14,4%.

Хотя смертность относительно очень мала в этих основных штатах республики, но рождаемость оказывается ещё меньше в семьях природных жителей. У янки на сто браков насчитывается двадцать бездетных: без притока иммигрантов, страна обезлюдела бы с течением времени.

В этом отношении всенародная перепись 1890 года, при всех её недостатках, очень поучительна. Вычтя иммигрантов из итога народонаселения, в 1890 г. и в предъидущие десятилетия, находим, что естественный прирост, превышением числа рождений над числом умирающих, значительно уменьшается. Да ещё надо принять в рассчет тот факт, что прирост происходит на весьма большую долю от семейств иностранцев во втором поколении. Так, в Массачузетсе рождаемость в семьях чистокровных американцев не превышает 18%, тогда как в семьях иммигрантов она втрое больше, достигая 50 процентов[1]. Хотя иммигранты, у которых мужчины имеют большой численный перевес, не все могут жениться, они, тем не менее, заселяют страну, постепенно оттесняя природных жителей: можно было без иронии говорить о честолюбии франко-канадцев, помышляющих о воссоздании «Новой Франции» в территории, которую некогда «бостонцы» расширили на счет владений их предков.

Как во всех странах с большой иммиграцией, в Соединенных Штатах число мужчин превышает число женщин, но общество имеет нормальную наклонность к восстановлению состояния с преобладанием женского пола. Из всех иностранцев ирландцы всего чаще переселяются полными семьями, состоящими из мужчин и женщин; между итальянцами, напротив, мужчины, особенно молодые, иммигрируют в большем числе, и несоразмерность полов громадна.

Численное отношение полов между иммигрантами в Соединенных Штатах в десятилетие с 1880 до 1890 г.:

Ирландцы	51 мужч.,	49 женщ.	на 100 жит.
Немцы	57 „	43 „	„
Англичане и скандинавы	65 „	35 „	„
Австро-венгры	68 „	32 „	„
Итальянцы	79 „	21 „	„

В горнопромышленных округах женщин совсем не было в хаотический период первой эксплоатации, так что, для создания семьи, банды рудокопов часто приходили к мысли назначить награды первым смелым женщинам, которые решились бы взять мужа между ними. В Сан-Франциско однажды в театре публика потребовала приостановки представления, чтобы дать матери, единственной женщине, находившейся в зале, время убаюкать своего расплакавшагося ребенка. И теперь ещё преобладание мужского пола весьма значительно в западных штатах и во всех тех областях, куда направляется иммиграция. В Новой Англии, где общество успело уже, в течение трех веков, организоваться на крепких устоях, и в Северной Каролине, которая получает очень мало иностранных колонистов, женщины имеют численное превосходство.

Медики-физиологи констатировали различия в состоянии здоровья, в болезнях и силе приспособления и сопротивления у различных населений, которые группируются в Соединенных Штатах, как руды разного качества в одной и той же плавильной печи. Самый замечательный контраст между людьми белой расы—это контраст, который сыны Израиля, на-

1 Samuel W. Abbott, „Nation“, April 10, 1890;—Aug. Carlier, „Le Mariage aux Etats-Unis“.

считываемые в числе около полумиллиона душ, почти все ашкиназим, т.е. евреи из славянской Европы, представляют с так называемыми европейцами «арийскаго» племени. Рождаемость, брачность, смертность меньше, пропорционально, между иудеями, чем между христианами; особенно смертность ниже, и, следовательно, население постоянно возрастает, даже без иммиграции. По замечательному иммунитету, еврейские дети избегают многих болезней, которым подвержены дети христиан, особенно мальчики обладают исключительной силой сопротивления против смерти; оттого численное отношение полов, оказывающееся всегда к выгоде женщин в белом населении Европы, установляется в обратном смысле у американских евреев: в еврейских семьях Нью-Йорка на 100 женщин приходится 109 или 110 мужчин[1].

Все контрасты рас и народностей ежедневно сплавляются в новой нации, образующейся из этих разнородных элементов, которая, кроме того, должна приспособляться к климату, отличному от климата первоначальной родины, и, следовательно, видоизменяться соответственно условиям среды. Тщеславие, личное и расовое, недостаток системы и единообразия в исследованиях, столкновение взаимно противоречащих утверждений не позволяли до сих пор формулировать точное суждение в этих деликатных вопросах, но не может быть сомнения, что произошла некоторая перемена в телосложении современного американца. Вообще говоря, американец-тип, представляемый в особенности жителями аппалахских областей, ростом выше европейца; менее мясистый, редко дородный, менее белый и розовый, чем англичанин[2], более угловатый, он лучше выказывает свой костяной сруб и сеть своих нервов. Это самое говорится и в народной песне *Yankee doodle*.

A Yankee boy is trim and tall,
And never over fat, Sir.
(Янки—детина рослый, стройный и не толстяк).

Не по летам развитый, молодой американец рано вступает в битву жизни, раньше своего кузена на старом континенте, раньше даже своего брата Джона Буля; иностранец удивляется, встречая мальчиков, почти детей, занимающихся раскладкой товаров в магазине, изданием газеты или содержанием игорного дома, с апломбом и уменьем старых практиков.

Контраст форм между полами, кажется, менее резко выражен, чем в Европе. Молодые девушки, часто воспитываемые вместе с мальчиками и охотно предающиеся тем же играм, имеют непринужденную походку, свободные манеры, особенную прелесть, происходящую не от слабости их, но, напротив, от их смелой инициативы и самоуверенности. Если должно признать в некоторых случаях местное вырождение, происходящее от нездоровой атмосферы промышленных городов и от горячительной пищи, поспешно проглатываемой, то, тем не менее, раса, рассматриваемая во всей её совокупности, бесспорно ничего не утратила: страшное испытание, вызванное междоусобной войной, показало у миллионов борцов изумительный запас физической силы и крепости; по высоте роста и полноте бюста самые красивые люди выходят из Кентукки и Тенесси, затем идут уроженцы Иллинойса, Мичигана, Висконсина. Нет упражнения в силе, проворстве, ловкости, храбрости, где бы американцы востока, так же, как запада и центра, не занимали одно из первых мест; человек Нового Света вносит больше деятельности в свое существование, чем человек Старого, жизнь его интенсивнее, но она не короче от этого[3]. В целом, эта столь смешанная раса Соединенных Штатов, повидимому, под влиянием среды, приблизилась физически к индейцу: довольно часто можно встретить у современного американца тот красноватый цвет кожи, те длинные, гладкие волосы, тот холодный и пронизывающий взгляд, те резкия черты лица, с выгнутым в дугу носом, ту гордую поступь, которые характеризуют аборигена. Можно сказать, что, умирая, краснокожий опять является в своем истребителе.

1 John S. Billings, „North American Review“, January 1890.
2 John C. Fleming, „North American Review“, Aug. 1891;—H. Gauilieur, „Etudes Americaines“.
3 Nathaniel S. Shaler, „Nature and Man in America“;—Hunt, „Anthropological Review“, April 1870;—John C. Fleming, „North American Review“, Aug. 1872.

II. Индейское население

Потомки первых владельцев почвы теперь очень малочисленны в сравнении с нацией иммигрантов, увеличивающейся ежегодно слишком на миллион человек. Перепись 1890 г. насчитывает 216.706 краснокожих, не считая туземцев Аляски, ни тех индейцев, которые, смешавшись с белым населением, сделались гражданами на равных правах с «бледнолицыми».

Индейцев в оставленных в их владении землях (reservations)—133.382; индейцев цивилизованных, в Индейской территории—66.289; индейцев пуэблосов в Новой Мексике—8.278; прочих—8.757.

В 1897—98 г. в «резервациях» насчитывалось 262.965 жителей.

Перепись 1890 г. прибавляет к сейчас приведенному списку 32.567 индейцев, обложенных податью и пользующихся своими правами американцев, но отмеченные счетчиками составляют, вероятно, небольшую часть туземцев-метисов, которые всё более и более теряются в массе нации. Индейцы в племенах, сохранившиеся отдельно, как представители расы краснокожих, составляют теперь не более одной трехсотой части всего населения в пределах Соединенных Штатов: их считают особо и часто забывают включить в окончательный ценз, как бы принимая их за такое количество, которым можно пренебречь.

Убывание индейских племен, взятых в массе, есть факт бесспорный, констатированный производимыми через каждые десять лет всенародными переписями. Некоторые теоретики грубой силы, счастливые открытием способа избегнуть угрызения совести, ссылались на мнимый закон, по которому «низшая» раса, якобы, должна необходимо исчезнуть при соприкосновении с «высшей» расой. Достаточно-де присутствия белого человека для того, чтобы краснокожий был поражен насмерть в своем лице или в своем потомстве. Закон очень удобный, позволяющий колонисту не церемониться с туземцами, сваливая на неумолимый рок следствия своих собственных действий: грабеж, жестокость, обман становятся таким образом почти оправдываемыми формами борьбы за существование! Но этот «закон» не существует в действительности; частные статистические исследования о племенах, находившихся в соприкосновении с белыми впродолжении нескольких поколений, выяснили причины благоденствия или упадка этих племен. Без сомнения, можно указать примеры смертоносных болезней, кори, оспы и других, которые опустошали, иногда даже почти совершенно истребляли туземные народны; но известно также, что много раз эти эпидемии были напускаемы сознательно, посылкой зараженных лохмотьев, и при том давно уже сношения между бледнолицыми и краснокожими довольно часты, для того, чтобы простое соседство белых не составляло более специальной опасности болезней и смертности у туземцев. Со времени критического периода, вынудившего большинство индейцев перейти от охотничьего образа жизни к обработке полей, они приспособились к новой среде, и в этих условиях быта число их всегда возрастает нормально. Оскорбленная гордость, меланхолия, конечно, играли некоторую роль в смертности индейцев, но, вообще говоря, всякое уменьшение земледельческих племен может быть приписано непосредственно войне, беспричинным избиениям, похищению женщин, разграблению или массовому изгнанию.

В виде примера постоянных успехов, достигаемых индейцами, когда они не подвергаются преследованию со стороны своих соседей белой расы, можно указать на большую нацию ирокезов, которая заключала немного более одиннадцати тысяч душ в 1863 г., и которая теперь состоит слишком из шестнадцати тысяч человек, живущих в разных частях Канады и штата Нью-Йорк, но в сильной степени смешавшаяся с обществом белых: многие из них называют себя ирокезами только для того, чтобы похвастать своим происхождением и сходиться по временам со своими единоплеменниками, совершать известные обряды, несколько напоминающие масонские, и произносить формулы на языке, которого они уже не понимают. Эчемины в штате Мэн тоже увеличились в числе, так же, как пережившие из семинолов, на другом конце Атлантического побережья, в болотах Флориды, и пуяллупы, на берегах залива Пэджет. Могущественная нация сиуксов, которой, однако, пришлось испытать столько

военных превратностей, учетверилась с начала этого столетия. Черокезы, как кажется, из всех индейцев наиболее доступные прогрессу, благоденствовали, пока жили в высоких долинах Аппалахских гор: несмотря на войну, несмотря на изгнание и трудности водворения на новых местах, они численно возрасли также и на берегах рек Канадской, Неошо и Вердигри. Пять так называемых «цивилизованных» наций Индейской территории, черокезы, чоктавы, крики, чиккасавы, семинолы, все увеличились численно с тех пор, как они пользуются относительным миром в области, им принадлежащей, но где сотня тысяч белых уже оспаривают у них почву.

Пять цивилизованных наций Индейской территории: в 1865 г.—47.316 душ; в 1880 г.—59.187 душ; в 1890 г.—63.289 душ.

Это общий закон, что, предоставленные самим себе, свободные индейцы, живущие земледелием и скотоводством, правильно возрастают в числе.

Известно, какие средства употребляли бледнолицые, чтобы избавиться от хозяев земли, которою они хотели завладеть[1]. В отношении несчастных аборигенов, во всех колониях почти одна и та же история систематических обманов, насилий и жестокостей. В Виргинии, так же, как в Каролинах, в Нью-Йорке и в Новой Англии, белые всякой расы и всякой религии нисколько не совестились обманывать индейцев на тысячу ладов, развращать их, поощряя их наклонность к пьянству, сеять между ними раздоры, объявлять им несправедливые войны и убивать, даже сжигать пленных[2]; во многих колониях формальные законы разрешали вечное рабство захваченных на войне краснокожих и продажу детей, как «язычников и исчадий дьявола», плантаторам Бермудских островов. Когда какая-нибудь эпидемия постигала белых, в ней видели проявление гнева Божия; когда она истребляла индейцев, на неё смотрели, как на благодать, ниспосланную свыше[3]. Примеры Роджера Вильямса и Пенна, которые почтительно обращались к индейским народцам с просьбой о дозволении поселиться в стране, к сожалению, имели мало подражателей в американской истории, и даже в этих образцовых колониях, основатели которых надеялись видеть белых и краснокожих живущими в братском согласии, первые скоро должны были совершать страшные избиения окружающих племен. В 1764 г. собственный потомок Вильяма Пенна обещал 130 пиастров за шевелюру индейца и 50 пиастров за шевелюру индианки[4].

Многие народцы были истреблены или, сделавшись слишком слабыми, чтобы сохранять независимое существование, должны были слиться с другими индейскими нациями. В некоторых колониях война велась без перемирия и без пощады, дикарей травили, как лесных зверей; за головы их назначали премии, как за головы волков и ехидн. Усеянные их трупами, прекраснейшие поля Северной Америки, равнины Кентукки, сделались для индейцев «мрачной и окровавленной почвой». Даже народцы, с которыми обходились сравнительно наилучшим образом, должны были выбирать между выселением и смертью. Так как некоторые племена не соглашались продать своих земель, то земли эти у них отняли, а их самих переселили за Миссисипи.

Крики, черокезы южных Аппалахских гор, занимавшие округи, где ныне находятся города Атланта, Афины, Далонега, тщетно ссылались на трактаты: четыре года, во время президентства Адамса, они ещё находили защиту и покровительство, но затем, после назначения на президентский пост крутого нравом Андрью Джаксона, им пришлось покинуть почву, владение которой им было торжественно гарантировано. В 1835 году, когда черокезы, гонимые федеральным воинством, принуждены были двинуться длинной процессией по дороге на запад, эти несчастные, полуголодные, одетые в рубища, изнемогавшие от усталости, потеряли более четырех тысяч человек в своем многотрудном тысячеверстном странствии в замиссисипские области. Затем настала очередь семинолов Флориды: они были вытеснены

1 Helen Hunt Jackson, „A century of Dishonor“;—Amelia Quinton, „Care of the Indians“.
2 Morton, „New England Memorial“.
3 Johnson, „History of New England“.
4 Henry, „History of the Lehigh Valley“;—G. von Rath, „Pennsylvanien“.

из родных болот после кровопролитной войны, из которой только немногие вышли целыми и невредимыми. Раз выгнанные из областей, простирающихся на восток от Миссисипи, индейцы должны были последовательно уступить земли, занятые ими к западу от этой реки, и чего они не отдавали добровольно, то было отнято у них силой. Сиуксы, на границах Миннесоты, Черные Ноги, Вороны, Толстопузы в равнинах Запада, команчи в Техасе, апачи, навахосы, юмы в Новой Мексике, чийены, утахи на большом плоскогорье, Змеи, Проткнутые Носы, Плоскоголовые, модоки на Тихоокеанской покатости, тщетно пытались удержаться хозяевами на своих звероловных территориях и договариваться как равные со своими соседями бледнолицыми. Даже индейцам, живущим на отведенных землях (reservations), владение которыми им было клятвенно гарантировано трактатами, не удается защититься от захватов белого земледельца.

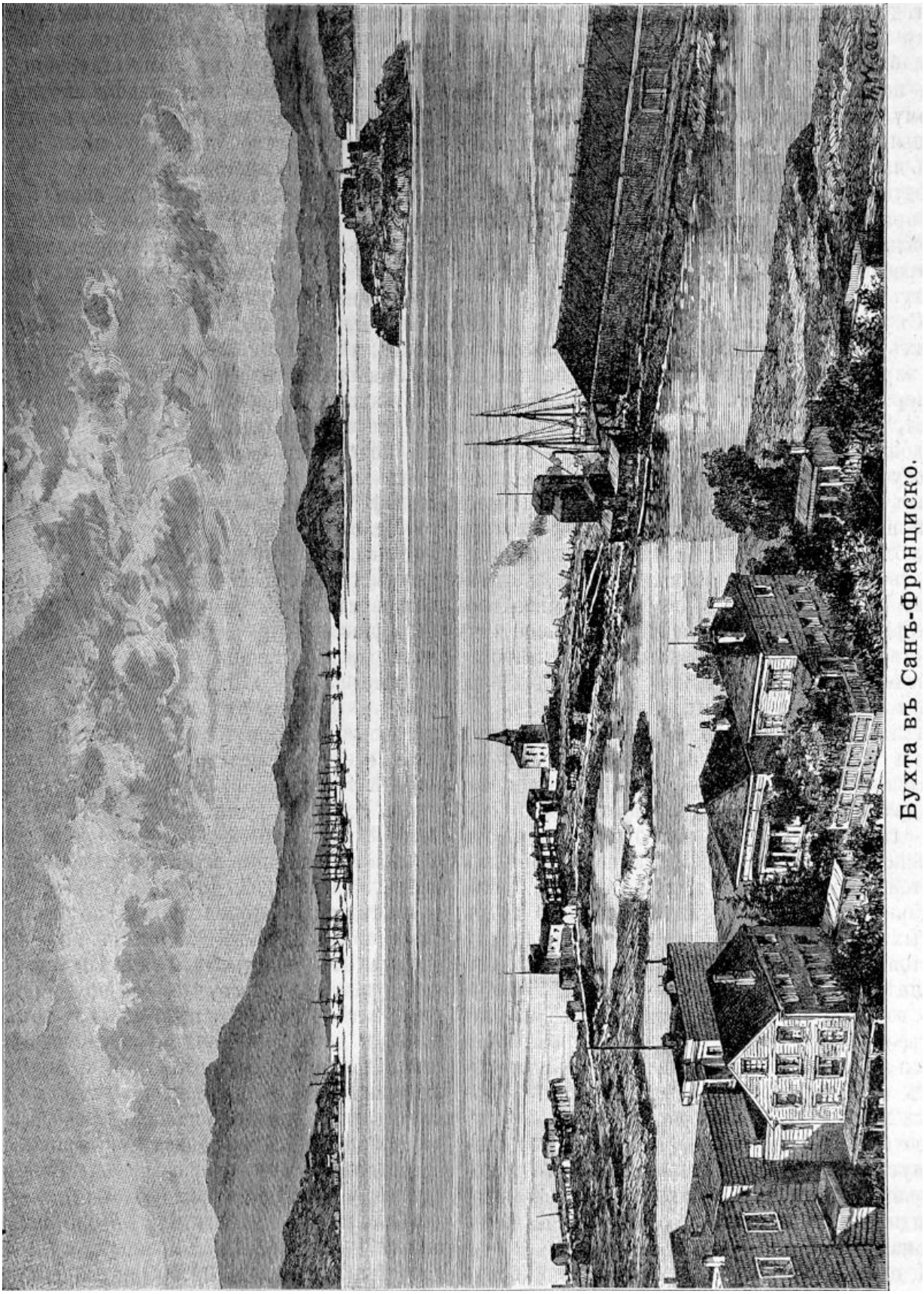
В первые времена колонизации избиение туземцев производились без лицемерного стыда: много раз также, во второй половине настоящего столетия, в Калифорнии устраивали охоту на человеческую дичь, как на лесного зверя; но в других частях Союза, со времени провозглашения независимости колоний, в отношении индейцев, вообще говоря, поступали, если не по справедливости, то по крайней мере с строгим соблюдением юридических формальностей. Федеральное правительство, естественный защитник и покровитель аборигенов, договаривалось с каждым народцем, как если бы он составлял державное государство; агент, которого оно назначало к тому или другому народцу, был оффициально послом, аккредитованным «Великим Отцом» и не облеченным никакими правительственными правами. Условия трактатов обсуждаются и устанавливаются с большой торжественностью, и заключительная статья неизменно гласит, что договор будет соблюдаться свято и нерушимо, пока «растет трава и течет вода». Более того: правительство не ограничивается хорошими словами, оно располагает также значительными суммами, вотируемыми Конгрессом; оно покупает земли и платит за них наличными или по крайней мере высылает следуемые деньги, и если часть посланной им суммы теряется в дороге, то обыкновенно кое-что доходит и до индейских продавцов. Совокупность всех этих последовательных покупок представляет сотни миллионов, даже свыше миллиарда (суммы, ассигнованные на приобретение земель у индейцев, в период с 1789 до 1840 г. составляли 85 миллионов пиастров или около 440 миллионов франков); правда, что войны, предпринимавшиеся против индейцев, стоили слишком в два раза дороже. Покупная цена восьми миллионов гектаров, уступленных чоктавами, простиралась до 23 миллионов пиастров (около 150 миллионов франков),—сумма гораздо больше той, которую выручила Франция от продажи Луизианы и всего Замиссисипья[1].

Счастливы между индейцами те, которые, получив полностью или частию продажную цену земель, предоставлены самим себе в оставленных им территориях (reservations) и не зависят, в отношении насущных потребностей, от попечения федерального правительства. Таковы, например, навахосы в Новой Мексике, живущие скотоводством и тканьем шерстяных материй; таковы же пуэблосы, земледельцы, которые могли бы служить образцом для своих ново-мексиканских соседей белой расы. Но многие народцы, вместе с отчуждением земли, продали свою экономическую свободу и очутились в положении нищих: в определенное время они собираются около федерального агентства за получением жизненных припасов, рабочего скота, одежды и покрывал. В 1890 г. индейцев, живущих на оставленных им землях и не состоящих на содержании у американского правительства, насчитали 98.707 человек, что составляло более трети общего числа краснокожих, попавших в списки всенародной переписи.

Редки агенты, на которых «питомцы» правительства не имели бы причины жаловаться: соблазн нажиться очень велик, и поставщики, по большей части политиканы, назначаемые на эту должность в благодарность за услуги, оказанные ими на выборах, умеют пользоваться представляющимся благоприятным случаем: им поставляют товары по дешевой цене, они

1 Benton, „Thirty Years View“;—Mondot, „Histoire des Indiens d’apres les rapports officiels“;—Aug. Carlier, „La Republique Americaine“.

перепродают их с большим барышем, а как обвинить их в лихоимстве перед «Великим Отцом»? Жалобы проходят через их же и их приятелей руки, расследование по жалобам поручается тоже их приятелям. Впрочем, нынешний режим племен устраняет всякое сопротив-

Бухта въ Санъ-Франциско.

ление. В эпоху их свободы монархическая власть была совершенно неизвестна индейцам; они выбирали в «главари» людей, пользовавшихся общим доверием, приобревших популярность за свое мужество, ловкость или благоразумие. Теперь эти главари сделались мало-по-

малу господами, к которым специально и обращаются по всем торговым или военным делам; их интересы, отныне отличные от интересов их подданных, побуждают их обогащаться на счет приниженной толпы. Масса покорных пенсионеров ясно отдает себе отчет о своей фатальной судьбе, предоставляющей только два выхода—уступить или погибнуть. Несчастные хорошо знают, что анклавы, торжественно гарантированные им трактатами, будут отняты, как скоро белым колонистам будет выгодно завладеть этими землями, и что выдачу им субсидий прекратят совсем, если они будут иметь неосторожность находить эти пособия слишком сократившимися. Поэтому они отдают себя на произвол судьбы, и пьянство, азартная игра, разгул толкают их на край гибели. «Торгаши неотступно преследуют их, как волки следят бизона»,—говорит путешественник Эдвин Джемс. «Белый человек, виски, оспа, порох и пули, истребление!»—повторяет одна из индейских пословиц.

С каждым десятилетием площадь индейских земель всё более и более уменьшается на карте. Прежде туземца оттесняли на запад, теперь он утопает в поднимающемся приливе, который осаждает его со всех сторон. Закон, вотированный Конгрессом в 1887 г., предусматривает даже полное упразднение этих оставленных индейцам земель (reservations), уполномочивая президента республики объявлять данное племя переставшим существовать, как отдельная группа, и отменять нераздельность почвы; разрезывая территорию, как государственное земельное имущество, на квадраты площадью в 65 гектаров, раздают эти участки, по одному каждому главе семейства, и отныне не будет более индейцев, все сольются в американской нации[1]. Достаточно, следовательно, президентского декрета, чтобы отнять миллионы квадратных километров у туземцев и чтобы сделать из них, если они не сумеют приспособиться к новой среде, непрошенных гостей, бродяг на земле их отечества. Так, недавно сиуксы разом потеряли около двух пятых своей территории. Ещё в половине настоящего столетия эти краснокожие жили в долине Миссисипи, близ того места, где стоит город Сент-Поль. Оттесненные на запад, они получили «в вечное владение» земли по берегам Миссури, в двух нынешних штатах Дакота и в долинах Черных Холмов. Казалось, можно было наперед сказать с уверенностью, что они быстро погибнут на этих новых местах, где существование этих индейцев звероловов было, повидимому, тесно связано с существованием бизона.

И, однако, сиуксы, хотя лишившиеся больших диких животных, сумели приспособиться к новым условиям жизни, заменили охоту скотоводством, и число их постепенно возрастало[2]. Но в 1890 г. их заставили силой подписать акт об уступке половины своих земель, не заботясь о том, чтобы немедленно уплатить следуемую им сумму. Сиуксы, крайне недовольные своими мнимыми друзьями и благодетелями, понимали, что им не под силу бороться, и с ропотом удалились в свои становища. Они ожидали спасения от какого-нибудь чуда. Все напасти разом обрушились на их голову: правительство отняло у них половину их территории, посевы их погибли от засухи; корь, затем инфлюенца, ещё более губительная, чем в Европе, опустошали племена; голод свирепствовал, унося тех, кого пощадила эпидемия. Среди этих населений, ослабленных нуждой и голодовкой, самые нелепые слухи находили веру. Распространилась молва, что придет Мессия из страны «людей, одевающихся в заячьи шкурки» и живущих за утахами и «желтокожими». Смешивая поучения миссионеров и предания о Монтезуме, постепенно распространившиеся от племени к племени на севере от пуэблосов Новой Мексики, они ожидали пришествия этого Спасителя, которого белые убили, говорили они, но который вырвался из гроба, чтобы отмстить за угнетенную расу краснокожих, возвратить им землю и стада бизонов. Воины решили предаваться пляске духов впродолжении тридцати лун, дабы ускорить пришествие их избавителя; они были уверены, что те из них, которые умрут от изнеможения, вернутся с добрыми вестями из своего путешествия на тот свет. Эти чародейственные пляски были признаны за бунт сиуксов. Один из их славнейших вождей, Ситтинг-Буль, или «Сидящий Бык», был арестован в его шатре, в

1 James Bradley Thayer „Atlantic Monthly“, Nov. 1891.

2 Albert G. Brackett, „Annual Report of the Smithsonion Institution“, 1876.

Стандинг-Рок, в Северной Дакоте, и убит, вместе со многими из его товарищей, во время свалки, сопровождавшей его арест. В Южной Дакоте, в Вундед-Ни, репрессия была ужаснее: начали с того, что обезоружили мужчин, затем перебили их, так же, как женщин и детей, искавших спасения в бегстве. Офицеры, виновные в этой измене, были разжалованы и удалены из армии; но начиная с этого дня национального позора правда всегда ли будет воздаваема остающимся ещё представителям краснокожей расы? Во всяком случае, у них есть между белыми искренние доброжелатели: таковы их воспитатели в школах Гамптона и Карляйля, в 1890 г. насчитывалось около 23.000 индейцев, умеющих читать и писать по-английски).

Давно уже, как бы выражая тайное желание победителей, скульптор Крауфорд изобразил, на фронтоне Капитолия, американских туземцев под видом женщины, сидящей возле могилы. Но нет: индейцы не хотят умирать! Какие бы ни высказывались опасения, аборигены Северной Америки, как и первобытные обитатели Южной Америки, избегнут полного истребления, и несмотря на избиения, будут жить, только под другими именами: так и древние народы Европы продолжают существовать в нациях, которые им наследовали, и которые тоже старались всё истребить огнем и мечем. Инфильтрация крови аборигенов в северо-американскую нацию совершалась более деятельно, чем обыкновенно думают; особенно в северо-западных штатах так называемые *bois brules* (*Bob-Rulies*, по исковерканному произношению американских пионеров), или метисы в собственном смысле, мало-по-малу растворяются в массе белого населения; франко-канадских метисов, живущих отдельными группами, в 1880 г. насчитали 21.691 человек[1]. Хотя ими обыкновенно пренебрегают, как ничтожной величиной, в подсчетах всенародной переписи, они, тем не менее, способствуют видоизменению черт и признаков так называемых «кавказцев», с которыми они смешались. Краснокожие не погибнут, и благодаря постепенной ассимиляции, начатой двести лет тому назад канадскими трапперами, от них останутся не одни только имена, языки без отголоска и величавые примеры выносливости, гордой покорности судьбе и величия духа.

III. Афро-американцы

Белые имеют привычку смешивать под именем «негров»—*negroes*—всех людей чистой или смешанной расы, у которых цвет кожи изобличает происхождение вполне или отчасти африканское: так как примесь крови обыкновенно можно признать до одной шестнадцатой доли, то все те, которые суть европейцы по пятнадцати из своих родственников по восходящей линии и африканцы только по одному шестнадцатому предку, тем не менее причисляются к «неграм», хотя гораздо вернее было бы называть их «белыми». Таким образом всякое расовое скрещивание уменьшает по виду число «индейцев» и увеличивает число «негров»[2]. Сами граждане африканского происхождения отвергают это название «негры», принимаемое вообще в дурную сторону, и предпочитают называть себя, как чистые негры, так и помеси, общим именем «цветных людей» (colored men); но в эти последние годы в их газетах и на съездах всего чаще употребляется название «афро-американцы», указывающее на их двойное происхождение, на родину их предков и их собственную.

Заселение Северной Америки людьми африканской расы происходило довольно медленно. Английские колонии на Атлантическом побережье во все времена были открыты негроторговцам, но «законтрактованные» наемники белой расы справлялись с полевыми работами в умеренном климате Виргинии, и ввоз чернокожих всегда был гораздо меньше сравнительно с ввозом их на Антильские острова. Спрос никогда не был настолько значителен, чтобы поддерживать торговлю невольниками прямым путем между портами Африки и портами Северной Америки. Почти все негры рабочие, ввозившиеся в континентальные плантации

1 Havard, „The French Half-breeds of the North West“.

2 H. W. Brewer, рукописные заметки.

Англии, доставлялись с Ямайки, Барбады или других островов американского Средиземного моря. Не имея точных документов для своих исчислений, историки Соединенных Штатов определяют различно, от 200.000 до 400.000, число чернокожих, ввезенных в тринадцать провинций до провозглашения независимости, а всё население африканского происхождения состояло в ту эпоху, по приблизительному рассчету, из 550.000 душ (ввоз чернокожих с 1620 до 1740 г.: 130.000; с 1740 до 1776 г.: 300.000 человек). Во время войны оно возрастало очень медленно, и то почти исключительно путем естественного прироста; много невольников убежало в английский стан, чтобы избавиться от своих господ, а помещики «лоялисты», отправившиеся на Багамские острова и в другие страны искать нового отечества, по большей части уводили с собой и свою челядь. В 1790 г., первая всенародная перепись нашла 757.208 цветных людей, в том числе около 60.000 вольноотпущенных: доля африканского элемента в населении Соединенных Штатов составляла 19,3%,—процент, какого она не достигала с той эпохи[1].

Как ни позорно было существование торга невольниками у народа, который только-что завоевал себе свободу, провозглашая «права человека», этот торг был признан легальным конвенцией 1787 года, и южные штаты продолжали ввозить публично чернокожих для своих хлопковых и табачных плантаций до 1808 года. Эти грузы африканских невольников, привозимые в южную часть Союза, почти уравновешивали вольную иммиграцию европейцев в северные штаты, и численное отношение рас изменилось, до 1810 г., лишь весьма незначительно в пользу белых. Правда, что после оффициального запрещения торговли неграми, которая с этого времени приравнивалась к «морскому разбойничеству», тысячи невольников были ввозимы тайно, особенно в Алабаму. Ещё в 1860 году корабль *Wanderer* высадил свой груз людей на один из островов георгийского побережья: но эта контрабандная торговля имела лишь маловажное относительное значение: при этих условиях численное отношение цветных людей к белым, ряды которых пополнялись постоянно усиливавшейся иммиграцией, естественно должно было уменьшаться с каждым десятилетием. Накануне междоусобной войны, долженствовавшей иметь результатом освобождение невольников, африканский элемент, заключавший 4.441.880 душ, представлял уже только 14,1 процента в общем числе американцев: цветных было менее, чем один на семь жителей. В 1890 г. отношение снова уменьшилось, не достигая даже единицы к восьми.

Народонаселение Соединенных Штатов по расам, по переписи 1890 года: белых—54.875.000, или 87,7%; афро-американцев—7.500.000, или 11,9%; краснокожих—250.000, или 0,4%.

Возрастание африканского населения в штатах «Черного Пояса» происходит единственно путем естественного прироста, так как ни иммиграции, ни ввоза негров теперь не существует. Смертность детей гораздо сильнее у афро-американцев, чем у белых, и это вообще во всех штатах; но рождаемость, пропорциально, ещё выше. Рождения более чем компенсируют число умирающих, и численное отношение рас установлялось бы всё более и более в пользу потомства невольников и в ущерб потомства господ, если бы иммиграция белых с Севера и чужеземцев из Европы не восстановляла это отношение к выгоде белой расы. Даже в болотистых округах Юга, где белые, повидимому, находятся в гораздо более чуждой, сравнительно с первоначальной родиной, среде, чем черные, смертность у последних значительнее, но вероятно, эта разница не означает большей трудности акклиматизации для афро-американцев: она происходит оттого, что негры, более бедные, поставлены в худшие условия относительно жилища, одежды и питания, менее способны противостоять гибельным влияниям. Впрочем, они не уменьшились количественно в десятилетие 1880—1890 г. ни в одном из штатов, но число их возрастало значительно только в южных штатах, в Арканзасе и Оклагоме, странах иммиграции. В среднем, негры Соединенных Штатов немного менее рослы, чем белые[2]: во время междоусобной войны, две тысячи измерений дали для роста новобранцев

1 Francis A. Walker, „American Statistical Association“, September-December 1890.

2 Flower, „Nature“, May, 27, 1880.

африканского происхождения 1 метр 68 сантиметров, тогда как средний рост солдат из англо-американцев оказался несколько больше 1,70 метра. Во время эпидемий, белые и черные в разной степени подвержены действию болезнетворных элементов. Желтая лихорадка гораздо менее страшна неграм, нежели белым, но первые в большем числе умирают от холеры.

В силу конституции, черные и цветные люди считаются равноправными белым, и право подачи голоса на выборах у них не может быть отнято; но хотя в трех штатах Юга—в Южной Каролине, Миссисипи и Луизиане, и в некоторых округах всех прочих штатов, численное большинство принадлежит африканцам, они нигде не пользуются социальным равенством: в этом отношении Бостон и Нью-Йорк не более благосклонны к ним, чем Чарльстон или Новый Орлеан. К северу от «линии Мэзона и Диксона» никакой закон не обязывает их давать загонять себя в особые, специально для них предназначенные вагоны или омнинусы, как в Тенесси, и они свободно входят в общественные экипажи, но и там они посещают лишь свои собственные церкви и школы и не дерзают проникать в общество белых. Фактически некоторые роды труда им даже запрещены: в Нью-Йорке никогда не увидишь негров, занимающихся земляными работами, чисткой сточных канав, постройкой домов, малеванием вывесок, ни даже в качестве кучеров или извощиков[1]. Напротив, в южных штатах, где конкурренция европейских рабочих не так велика, чернокожим поручают все эти работы, но граждане белой расы, крепко сплоченные, ни в одном избирательном или судебном округе не дали вырвать у себя господство, которое, по их мнению, должно исключительно им принадлежать, по праву рождения. Даже в Южной Каролине, где негры составляют почти две трети всего населения, белые сохранили власть: приобретя её насилием, они удерживают её запугиванием. Все южные штаты имели свои тайные общества, как куклукс-клан и «общества стрелков», единственною целью которых было убивать негров, нахально претендующих на равенство. Почти во всех южных штатах, за исключением Виргинии, Северной Каролины и Тенесси, прибегали к фальсификации баллотировок разными способами, и часто даже чернокожие были насильственно изгоняемы с избирательных сходов: в Южной Каролине, Георгии, Техасе, негр фактически лишен всякого права подачи голоса на выборах (в Георгии в 1886 г. подававших голоса было: 294.145 белых, 27.293 негров). Учредительное собрание в Миссисипи, созванное в 1891 году, заключало в себе всего только одного чернокожого на 35 членов, хотя более половины населения этого штата состоит из афро-американцев. «Правосудие», с криво стоящими весами, гораздо строже относится к цветным людям, чем к обывателям с белой кожей: в случае уличной драки первых обыкновенно арестуют, а перед вторыми извиняются за вмешательство. Во всех тюрьмах, черные узники относительно гораздо многочисленнее, чем белые; даже в Георгии их криминальность, судя по цифре арестантов, в восемь раз больше судимости белых. И когда граждане, недовольные медленностью и снисходительностию юстиции, сами делаются судьями и палачами,—это к неграм преимущественно применяется «закон Линча». Таковы факты, доставившие недавно господствующей партии Союза предлог выработать законопроект (force-bill), предоставляющий федеральному правительству контроль выборов в южных штатах: этим способом «республиканцы», державшие в своих руках бразды правления, обеспечили бы себе голос афро-американских избирателей, и господство их укрепилось бы.

В действительности, непрерывное военное состояние разделяет эти две расы. Борьба эта не явная: во многих округах никакой факт насилия не обнаруживает её, но Соединенные Штаты обширны, и не проходит дня, чтобы в том или другом пункте не была пролита кровь расовой ненавистью. Эти происшествия даже сделались дотого обыкновенными, что часто не считают нужным упоминать о них: партийные органы печати скрывают их, и никогда не известно число жертв. Однако, факты иногда так ужасны, что молва о них распространяется в штатах Севера, и тем, что знают об этих столкновениях, можно бы было наполнить целые томы. Даже нечаянные убийства неграми наказуются смертною казнью толпой, производя-

1 Lewis H. Blair, „The Prospects of the South dependent on the Elevation of the Negro“.

щей самосуд. В важных случаях эти палачи не просто умерщвляют африканца, но иногда подвергают его мучительной казни. Традиция времен невольничества требовала, чтобы всякий негр, виновный в покушении против белой женщины, был сжигаем живым, и эти случаи жестокого мщения возобновились, даже когда «покушения» состояли лишь в неблагопристойных предложениях или не были подкреплены никаким доказательством. Как бы то ни было, общее мнение между белыми Юга обвиняет огульно всех чернокожих за проступки нескольких, и озлобление стало так сильно, что кары, пытки и казни, налагаемые на виновных и подозреваемых, кажутся недостаточными: обвинение взводится на целую расу.

Некоторые умеренные люди, говоря красивые фразы о несправедливостях, которые бывшие господа делали невольникам, и об услугах, которые освобожденные негры оказали белому населению, либо в качестве солдат Союза, либо в качестве земледельцев, предлагают засвидетельствовать признательность этим темнокожим согражданам массовой высылкой их из пределов Соединенных Штатов. Общее выселение негров—таков лозунг в некоторых политических кругах Юга; но в ожидании, пока это грандиозное предприятие, изгнание стольких миллионов людей, получит осуществление, африканцам рисуют планы эмиграции, один заманчивее другого, и стараются убедить их, что они сами этого желают. Движение общественного мнения, заставившее приобрести обширную территорию на африканском берегу для основания там республики Либерии в пользу вольно-отпущенников, снова пробуждается, но в гораздо более обширных размерах, так как теперь дело идет уже о переселении целого народа. Бразилия, Куба, Гаити и другие Антильские острова, Центральная Америка, особенно Африка—все эти страны поочередно представляются, как будущий рай выселенных негров. Предлагают даже создать для изгоняемой расы два эмиграционных течения, одним из которых следовали бы негры чистокровные или почти черные, а другое было бы предоставлено смешанному населению, в котором господствует тип белой расы, ибо, говорят, доброе согласие так же невозможно между неграми и мулатами, как между белыми и всеми вообще цветными людьми[1].

Некоторые негритянские писатели и проповедники, испуганные угрозами и преследованиями, готовы принять для своей нации идею массовой эмиграции, но даже они не эмигрируют, и миллионы африканцев, сделавшихся американцами поневоле, вследствие порабощения их предков, не хотят более менять отечества. При том различные государства латинской Америки, указываемые как места поселения для черных изгнанников английского языка, энергически отклоняют от себя миссию гостеприимства, которую им хотят навязать, и которая почти роковым образом поставила бы их в политическую зависимость от англо-американской республики. С другой стороны, побережье Африки уже поделено между европейскими державами, и в этом направлении Союз мог бы разве только, как это предлагал Стэнли, просить бельгийское государство Конго принять его семь или восемь миллионов эмигрантов; несколько десятков мелких чиновников—вот всё, что американские негры доставили до сих пор населению этого нового государства.

Но если «исход негров», составляющий предмет оживленных толков в политическом мире южных штатов, оказывается неосуществимым, то ненависть между расами продолжается и усиливается. Нет сомнения, что в этом отношении положение дел ухудшилось со времени междоусобной войны. Тогда катастрофа поражения так тяжело тяготела над плантаторами, что единственной их заботой было возродиться к жизни, снова найти место своего очага. К тому же они не были хозяевами у себя дома; солдаты и чиновники Севера командовали вместо них. Наконец, общее мнение было таково, что негры, деморализованные внезапной свободой, к которой они не были приготовлены, скоро погибнут от лени, нужды и разврата. Но это решение проблемы, которого одни боялись и на которое другие надеялись, тщетно заставило себя ждать; напротив, африканцы выиграли в числе, в образовании, в нравственном достоинстве. Расовая борьба обострилась, политические партии белых примирились в виду общего врага; между обсуждаемыми вопросами на первый план выдвинулся вопрос об

1 W. Laird Clowes, „Black-America“.

устранении чернокожих, об уничтожении их влияния. В действительности, задача, представляющаяся в отношении негров, та же самая, которая представлялась в отношении индейцев. Вытеснение, избиение—таковы были средства, употреблявшиеся против краснокожих, которые, однако, в конце концов, были частию ассимилированы с белой расой. Точно также и в данном случае, люди осмотрительные говорят о желательности вытеснить черных, —другими словами—убедить их в необходимости «добровольнаго» выселения, а буйные политиканы, уличные ораторы, не задумываются грозить им истреблением.

Охраной для негров служит то обстоятельство, что труд их делает их необходимыми тем самым господам, которые проектируют их изгнание. Чернокожие довольствуются малым сравнительно с белыми и охотно работают за гораздо более низкую плату; при том же белый простолюдин считает для себя позорным заниматься такими же работами, как потомки бывших невольников. По переписи 1880 г., совокупность земледельческого труда, исполненного руками африканцев, превышала две трети всей суммы этого труда в штатах «Черного Пояса»; доля белых в коллективной работе не представляла даже одной трети, хотя им досталась львиная доля прибыли. Думали, что введение машин и промышленных способов производства в земледелии позволит плантаторам обходиться без негров, но в то же время в крае основались фабричные заведения, и там тоже дешевизна рабочих рук заставила предпочесть чернокожих белым рабочим Севера, которых нужно бы было привозить с большими издержками; часто фабриканты и заводчики центра или Запада выписывали тысячи африканских работников с Юга, для замены ими стачников. Точно также мелкие местные промыслы переходят мало-по-малу в руки африканцев: последние делаются цирюльниками, сапожниками, портными, каменщиками, кузнецами, и ремесленникам белой расы нет другого выхода, кроме эмиграции. Наконец, во всех домах Юга прислуга состоит из цветных людей. Это—явление аналогичное с тем, что мы видим в Алжирии, где многие колонисты, ругая арабов, постоянно твердят о необходимости оттеснить их в пустыню и, однако, вверяют им все работы по дому и ферме.

Надо сказать также, что разница образования, существовавшая во времена невольничества между белыми и черными в южных штатах, постепенно уменьшилась в пользу потомства бывших рабов. Чтобы подняться в собственных глазах и в глазах своих недругов, многие африканцы, даже между взрослыми, старались пользоваться школой, и год от году статистика констатирует уменьшение неграмотных. В 1890 году, т.е. всего только через двадцать пять лет после отмены «черных кодексов», по которым обучение грамоте невольника считалось уголовным преступлением, наказуемым крупной денежной пеней и пятьюдесятью ударами плетей (закон Южной Каролины, изданный в 1834 г.)[1], около двадцати тысяч начальных школ, с 24.000 учащих, было открыто негритянским детям в южных штатах, и в этих школах насчитывалось 1.370.000 учащихся, или более одной шестой всего населения; кроме того, чернокожие имели свыше семидесяти средних учебных заведений, училища богословия, правоведения, медицины и особые институты для слепых и глухо-немых; специально негритянская пресса обнимает более двухсот периодических изданий. По окончании войны, побежденные защитники невольничества любили предсказывать, что время скоро отомстит за них, снова ввергнув чернокожих в варварство, чтобы превратить их в поганых идолопоклонников, обожателей змеи; но если негры сохранили часть древних суеверий—а какая нация, взятая в массе, может сказать, что она освободилась от них?—то по крайней мере они сделали беспримерное в истории усилие, чтобы усвоить себе просвещение, которое им предлагается, и посредством которого они становятся виртуально равными господствующему классу. В 1890 году определяли в 70 процентов цветного населения число лиц, умеющих читать и подписывать свое имя, а неграмотные были, по большей части, старики, освобожденные войной. И в то время, как народное образование делало такие успехи между цветными людьми, белые простолюдины не все вышли из невежества, в котором коснели в эпоху старого порядка, и около четверти из них не посещали никакой школы.

1 Auguste Carlier, „De l'Esclavage aux Etats-Unis".

Население южных штатов, без Мериленда, Делавара и Кентукки, в 1880 году: грамотных белых—4.092.678; негров—1.480.891; всего—5.573.569; неграмотных: белых—1.107.042; негров—2.147.065; всего—3.254.107.

Констатируя этот постепенный подъем африканской расы, невольно задаешь себе вопрос, не примешивается ли некоторая зависть к озлоблению, питаемому к этой расе теми из белых, которые пребывают в традиционной праздности!

Но если доля черных обитателей Юга выше доли белых в совокупности народного труда, и если первые стремятся сравняться с последними, по крайней мере в элементарных познаниях, то неравенство ещё поразительно велико в обладании почвой. Вот, например, в каком виде представлялось распределение земельной собственности между белыми и чернокожими в Георгии: белых в 1880 г. 801.906, или 53 процента, владевших: в 1879 г. на сумму 229.777.150 доллар., или 97,7 процентов; в 1887 г.: на сумму 332.565.442 доллар., или 97,3 процентов. Негров в 1880 г. 725.133, или 47 процентов, владевших в 1879 г.: на сумму 5.182.390 доллар. или 2,3 процента; в 1887 г. на сумму 8.949.472 доллар., или 2,7 процента.

Акт об эмансипации, который, в 1863 г., дал право гражданства африканцам, не наделил их землей: в этом отношении он стоит ниже манифеста императора Александра II, который, за два года перед тем, освободил крестьянина, обязав помещиков продать ему известный участок пахатной земли. Бывшие плантаторы остались владельцами земель на том же праве, как и до междоусобной войны, и очень немногочисленны, между освобожденными невольниками, счастливцы, приобревшие достаточные средства для того, чтобы сделаться собственниками: большинство должны были по-прежнему работать в крупных имениях, либо в качестве работников, либо в качестве мызников. Об этом можно судить на основании распределения земельной собственности в Георгии по последовательным исчислениям. Точно также, в 1889 г., население графства, в котором находится город Саванна, заключало 61 процент негров, имевших только 2 процента земельной собственности[2]. Однако, существуют захолустья, где чернокожие могли поселиться в мире и сделаться сами себе господами, никем не знаемые, кроме разве сборщика налогов. Земли, покинутые прежними владельцами белой расы в гористых местностях Георгии и в соседних округах, в Северной Каролине и Тенесси, были в большей части снова взяты чернокожими, которые поделили между собою почву мелкими участками, от нескольких десятков аров до нескольких гектаров, и живут в стороне от больших дорог, в избах, построенных из досок. Местности эти могут показаться путешественнику необитаемыми, разве что ему случится проезжать в праздничный день мимо сельской церкви или часовни: в такие дни негры стекаются со всех сторон и сплошь заполняют тесную лесную прогалину перед храмом.

Смешение крови, или «miscegenation», как выражаются американцы, лишь в слабой степени способствует ассимиляции рас. Во времена невольничества население смешанной расы быстро возрастало на плантациях по милости господ или их близких, и таким-то образом мало-по-малу американские негры перестали быть в массе чистыми чернокожими, как их африканские предки, и могут быть рассматриваемы, в среднем, как имеющие в своих жилах от трех четвертей до семи восьмых европейской крови. С тех пор, как негритянки не стоят более на степени скота, временные союзы между мужчинами белой расы и цветными женщинами сделались гораздо реже; что же касается правильных браков, то они воспрещены законом в очень многих штатах и во всех обычаем; даже когда подобные браки были формально совершены на Севере, они не признаются законными на Юге. Тем не менее смешение крови продолжается, особенно в городах и подгородных селениях, например, в Новом Орлеане, где, впрочем, расовые предразсудки менее сильны, нежели в странах чисто англосаксонских. Какие бы восклицания отвращения ни испускали американцы при мысли о скрещивании между семействами гордых плантаторов и семействами бывших невольников, процесс этот не перестает совершаться в глубинах общества, и быть-может, между этими креолами Юга, так кичащимися чистотой своей крови, половина фамилий насчитывают,

2 W. Laird Clowes, „Black America“.

сами того не зная, в ряду своих предков не одного несчастного чернокожого, привезенного из Африки.

Кроме того, совершенное отсутствие иммиграции между неграми и их слабое эмиграционное движение в северные штаты и на Антильские острова, где предразсудки менее сильны, не могут не сближать физически расы черную и белую, уже подвергающиеся уравнивающему влиянию одной и той же климатической среды. Это перемены, долженствующие совершиться в будущем ещё отдаленном; тем не менее, однако, позволительно надеяться, что, несмотря на противоположность интересов и наследственную взаимную ненависть и вражду, элементы социального мира в конце концов одержат верх. Конечно, столкновения ещё будут, но кончится тем, что расовый вопрос сольется с общим социальным вопросом, который так повелительно выступает в северных штатах и мало-по-малу распространяется во всей американской республике.

IV. Землевладение и земледелие

Площадь годных для культуры земель громадна, далеко превышает потребности земледелия, и самое это богатство имело следствием безмерную расточительность. Отдельные штаты, некогда владевшие обширными пространствами, сохранили лишь участки бесплодной или болотистой земли; федеральное правительство, владеющее ещё весьма значительными государственными земельными имуществами, лесами, горами, равнинами и пустынями, представляющими в сложности площадь около трехсот миллионов гектаров, давно уже отдало лучшие из этих земель колонистам, военным пенсионерам и особенно железнодорожным компаниям.

Пространство Соединенных Штатов:—7.838.000 кв. километр.; общая площадь обмеженных земель в 1888 г.—3.907.500 кв. километр.; необмежеванных—3.930.500 кв. километр.

В действительности, федеральное земельное имущество, или по крайней мере единственная могущая быть утилизируемой часть его находится теперь в руках финансовых компаний, назначающих на эти земли цену, какая им заблагоразсудится. В силу закона о homesteads, или семейных земельных наделах, каждый американский гражданин (или подавший прошение о принятии его в число граждан), имеющий более 21 года от роду или женатый, может явиться к территориальному агенту и требовать отвода ему участка земли в 170 акров, или 65 гектаров, который поступает в окончательное его владение по прошествии пяти лет; но свободные пространства, с плодородной почвой и с удобным доступом по железным дорогам, становятся уже редкими; на практике земледельцы, желающие сделаться собственниками, не могут уже обращаться к правительству с просьбой об отводе дарового надела или о непосредственной продаже земельного участка по цене 15 франк. 65 сантим. за гектар; они должны подчиняться условиям спроса и предложения, приобретать земли по цене, устанавливаемой конкуренцией: в 1888 г. средняя покупная цена, сильно разнящаяся, смотря по штатам, была около сотни франков за акр, или около 250 франк. за гектар[1]. Впрочем, совершение сделок о купле-продаже земельной собственности не обставлено никакими стеснительными формальностями, и за исключением тех случаев, где дело идет о землях, отведенных в прежнее время в бывших французских или испанских территориях, переход недвижимых имуществ из одних рук в другие почти никогда не даст повода к тяжбам.

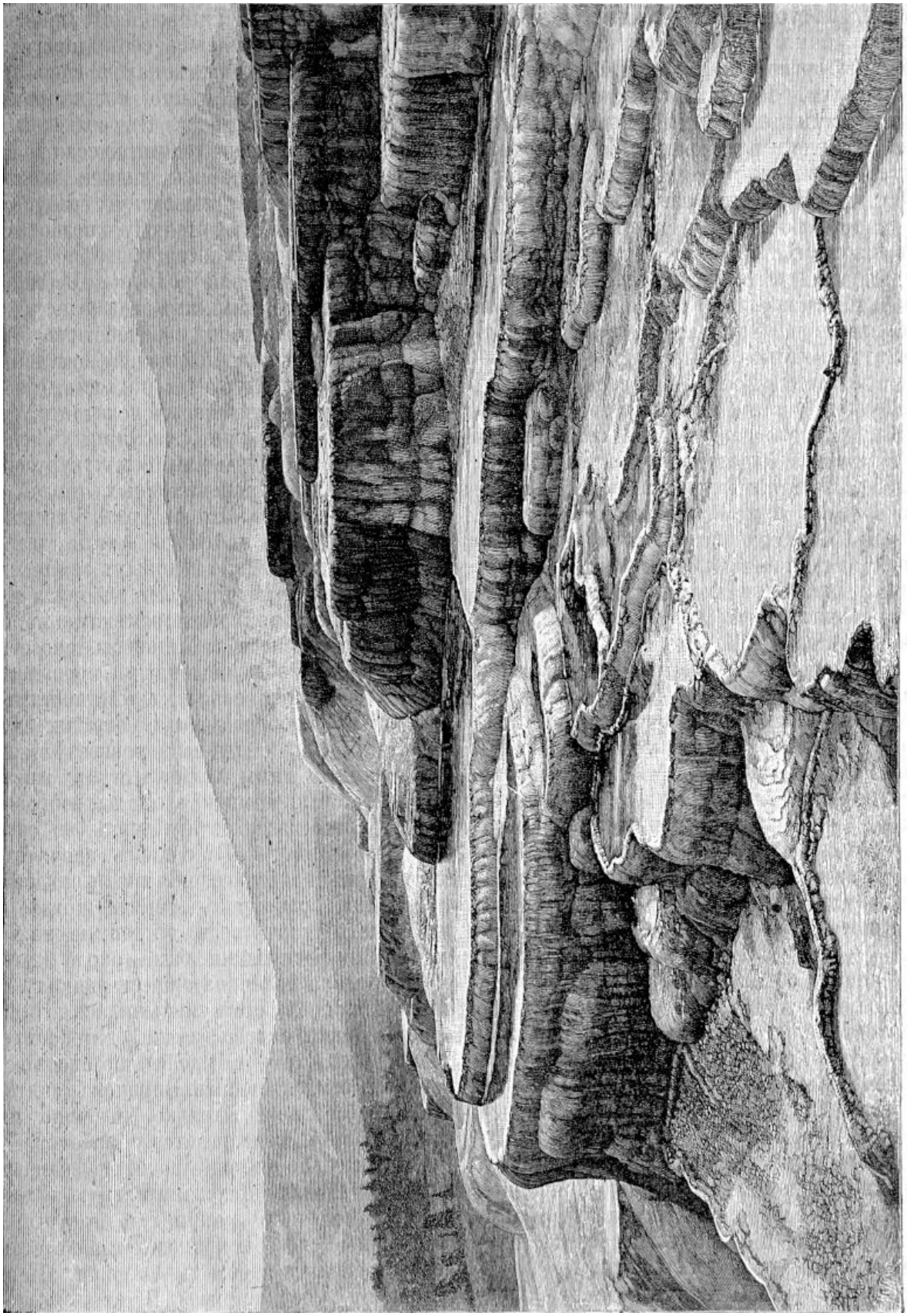
Продажа и концессия земель частным лицам с 1880 по 1888 год:

Федеральным правительством—49.600.000 гектаров; железнодорожными компаниями—7.200.000 гектаров; всего 56.800.000 гектаров.

В северо-американских колониях сначала господствовала система ленов и майоратов, и эта форма землевладения на долго задержала развитие экономических рессурсов страны.

1 Andrew Carnegie, „Triumphant Democracy“.

Так, голландские «патроны» были неограниченными хозяевами почвы, и поселившиеся в их владениях колонисты находились в положении крепостных; только целым рядом возмущений они успели завоевать себе некоторую независимость. После революции, положение их

Іеллостонскій національный паркъ.

значительно улучшилось, но и тогда они всё ещё обязаны были платить, продуктами почвы, 6 процентов с оценочной стоимости земель и, кроме того, исполнять натуральную дорожную повинность. Это ещё не всё: они могли передать свою ферму другим арендаторам не иначе,

как уплатив землевладельцу откупное, равное четверти продажной цены. Наконец, фермеры соединились в легальные союзы сопротивления и в нелегальные общества борьбы вооруженной рукой, так что помещики или «патроны», хотя имевшие на своей стороне закон, принуждены были пойти на мировую и уступить право собственности на бывшие в пользовании фермеров земельные участки, за окончательную выкупную цену.

Какую огромную разницу внесло устройство путей сообщения в жизнь пионера и в постепенное завоевание почвы для целей земледелия! В прошлом столетии, «coureur des bois» пускался в дорогу один или в компании с несколькими избранными товарищами; в отношении своего продовольствия и безопасности он рассчитывал только на свое оружие; затерянный среди бесконечных лесов, он мог опасаться никогда более не увидеть снова своих близких; подстерегающий индеец, дикий зверь, лихорадка и голод угрожали ему каждый день: целыми месяцами шел он через неведомые леса, реки и болота, затем, когда находил, наконец, подходящее место, ему приходилось опять странствовать по пустыням и возвращаться назад, перевозя семью и пожитки на свою новую землю. Теперь колонист едет по железной дороге до самого или почти до самого места, где он хочет основать свой дом и пахать землю. Иногда земледельцы приезжают целыми партиями: социальные и политические общины организуются в поезде до сигнала о высадке. Не видели ли мы ещё недавно внезапных заселений, подобных нашествию саранчи, в территории Оклагома и в анклаве Шейенн-Ривер, проданной сиуксами? Час входа был назначен президентским декретом, и толпа спекулянтов и будущих колонистов ожидала на границе. Как только раздался выстрел пушки, известивший оффициальное вступление во владение, все эти «первозаниматели» стремглав бросились констатировать свои права и водружать несколько кольев, утверждавших их в качестве собственников занятых земельных участков. Всё перевозилось разом: земледельцы и ремесленники, поставщики и торговцы, судьи, полицианты и журналисты; один тащил свой плуг, другой сооружал себе дом, третий устанавливал печатный станок. В несколько дней вновь колонизованный округ принимал банальную физиономию стран Востока, с давнего времени заселенных белым человеком.

Но есть также становища, возникающие вдали от железных дорог и внешним видом похожия скорее на логовища зверей: цивилизация является там в самом зачаточном состоянии. Первым жилищем пионеру служит «dug-out», или пещера, вырытая в боку какого-нибудь яра или холма: легкий остов из ветвей или кольев покрывается сеном, тростником или дерном, удерживающим тепло в берлоге; наклонная дверь состоит из тех же материалов; только невысокая труба, из глины, похожая издали на межевой знак, обнаруживает путешественнику подземное жилье. Более счастливые из троглодитов скоро расширяют жилища. Рядом с первой пещерой выкапывается вторая, и перед входом появляется новая комната, «sod-house», стены и крыша которой состоят из четыреугольных дернин. Будущий город начинает пробиваться наружу, на поверхность почвы. Продукты утонченной цивилизации, мебель, книги, журналы, гравюры, привезенные пионером, выходят из-под земли, чтобы украсить жилища.

В Соединенных Штатах кадастр предшествовал земледельческой культуре, оттого в плоских землях—утомительная для глаза правильность шахматной доски. Поля везде разделены на townships, большие квадраты, которые, в свою очередь, разрезаны на четыре части, каждая в 160 акров, или 64 гектара: это и есть так называемый «гомстед». Все эти четыреугольники правильно орьентированы, и каждая из их сторон обращена к одной из четырех главных точек горизонта. Приобретатели квадратиков не уклоняются от прямой линии; настоящие землемеры, они прокладывают себе дороги, воздвигают свои хижины, копают свои пруды, сеют брюкву непременно по направлению меридиана или параллели. В сельской местности, так правильно геометрически размежеванной, с удивлением видишь железные дороги, грубо перерезывающие градусы широты и долготы, и природу, позволяющую себе кое-какие выпуклости рельефа, в виде крутых берегов или холмов. Имения или «фермы» (farms), как их называют, тоже резко отличаются от европейских значительными размерами площадей,

отведенных под каждую культуру. Не редкость, особенно в равнинах Миссисипской покатости, встретить тысячи гектаров, засеянных сплошь одним каким-нибудь хлебом, кукурузой или пшеницей, без промежуточных полей под паром или лугов. Но на Атлантической покатости, особенно в Новой Англии, два века земледелия, в течение которых земля многократно переходила из рук в руки и подвергалась постоянным переменам в отношении рода и способа культуры, способствовали, вместе с бесчисленными неровностями почвы, сообщению сельским местностям чарующего разнообразия вида: остатки лесов, отдельные рощи и группы деревьев, лужайки, разбросанные нивы делают страну живописной, резко отличающейся от однообразных полей Запада, эксплоатируемых по системе крупного хозяйства. В общем значительное возрастание народонаселения имело следствием сокращение размеров ферм: тогда как в 1850 году их средняя площадь, на всём протяжении республики, была около 92 гектаров, средняя величина существующих ныне пяти миллионов ферм уменьшилась до 50 гектаров,—пространство земли, далеко превосходящее то, которое было бы достаточно европейским земледельцам. Впрочем, считают, что, в среднем, только половина почвы каждой фермы подвергается обработке.

Относительно большие размеры земельных имений объясняют ту капитальную важность, которую получили машины и быстрые промышленные способы производства в сельскохозяйственных работах Америки. В этом отношении Соединенные Штаты бесспорно занимают первое место в свете: по меньшей мере в три миллиарда надо оценивать в общей сумме народного богатства долю, приходящуюся на механические земледельческие орудия американских ферм. Изобретательности конструкторов янки мир обязан жнеями, молотилками и множеством других машин, упрощающих работу и заменяющих труд человека трудом животных, или живые мускулы колесами машин. Но относительно интенсивной культуры американское земледелие, даже в Массачузетсе, который занимает первое место по хорошей утилизации почвы, далеко не так совершенно, как можно было бы думать, судя по баснословному обилию производства.

Удобрение почвы не играет в Соединенных Штатах такой важной роли, как в Европе, хотя употребляемое там количество туков простирается до миллиона тонн. Из году в год большинство американских земледельцев требуют у почвы последовательные жатвы, до тех пор, пока земля не истощится,—тогда её пускают в залежь.

В некоторых местах скопляются массы навоза в скотных парках и хлевах, но вместо того, чтобы вывозить его на поля, предпочитают разобрать сараи и постройки, чтобы перенести их в другое, менее загроможденное навозными кучами, место. Крестьянин в собственном смысле, таким, каким он был и какого мы и теперь видим в Старом Свете, «скупой пахарь», никогда бесполезно не тратящий ни драгоценных минут, ни трудно добытых грошей, тот любящий свою землю крестьянин, который знает каждый её комок и каждое взошедшее растение, почти не встречается в Америке. Даже земледельцы, пришедшие из-за океана, прошли через города, окунулись в новую атмосферу; вступая в среду спекуляции, они сами сделались несколько спекулянтами и стараются скорее делать всё в большом размере, чем делать немного да хорошо. Они охотно управляют жнеей или молотилкой, но не употребляют заступа и особенно не соглашаются, чтобы их жены или дочери занимались этим трудом. Крестьянки ещё больше, чем крестьянина, недостает работам американской деревни. Тамошняя поселянка не умеет содержать свой огород, она не носит на рынок молоко своих коров, а масло и сыр, которое она приготовляет, в среднем, качеством много хуже подобных же продуктов, получаемых в пастбищных местностях Западной Европы.

До недавнего времени удобные для культуры земли были слишком обширны, чтобы американские земледельцы могли серьезны думать об ограждении плотинами низких пространств и болот, окаймляющих большую часть побережья вдоль Атлантического океана и Мексиканского залива. Единственные попытки этого рода, представляющие некоторую экономическую важность, были сделаны энергическими янки Новой Англии[1]. В Каролинах,

1 Nathaniel S. Shaler, „Sea Coast Swamps of the Eastern United States“.

Георгии, Флориде, Луизиане, где нация владеет земельными запасами в несколько миллионов гектаров, которые могли бы с избытком производить количество плодов земных, потребное для продовольствия всего народонаселения, ограничились завоеванием берегов реки при помощи насыпей, защищающих почву от наводнений; но нигде не приступали к систематическим работам по осушке сырых земель и превращению их в пахатные поля. Подобное дело, требующее солидарности многочисленных усилий, может быть выполнено не иначе, как посредством ассоциации, и современная история Соединенных Штатов показывает нам эту ассоциацию организованною не мелкими земельными собственниками или соединившимися деревнями, но синдикатами крупных спекулянтов. Так, во Флориде общество банкиров приобрело пространство земли в 400.000 гектаров, равное французскому департаменту, с целью дренировать болотистые воды и развести плантации табака, сахарного тростника и фруктовых дерев. Таким образом огромное приращение территории, которое совершится путем преобразования болот в польдеры, принесет в начале выгоду только крупному землевладению.

То же самое можно сказать о другом приобретении—о завоевании для культур пустынных пространств, не имевших доселе никакой цены по недостатку воды, и которые искусственное орошение, посредством ирригационных каналов или бурения артезианских колодцев, позволяет отныне превращать в громадные сады. До недавнего времени эти обводнительные работы были почти неизвестны, да они были бы и мало полезны в пред-миссисипских штатах, где хорошо орошаемых земель с избытком хватает для нужд населения. Иначе обстоит дело в областях Замиссисипья и Скалистых гор: там, кроме как в высоких долинах, никакое заселение, никакая культура невозможны без искусственного орошения, а проведение воды из рек, прорытие каналов не может быть выполнено без образования синдикатов, располагающих большими капиталами, разве что все жители соединятся для общего дела, как это делали иногда индейцы и, недавно, испанцы Новой Мексики: государство уступает эти требующие ирригации земли не иначе, как участками по меньшей мере в 260 гектаров. В последнее десятилетие, ирригационные работы были значительны, особенно в Колорадо и в Калифорнии; общая площадь искусственно орошаемой почвы в Соединенных Штатах в 1890 году составляла 3.125.000 гектаров, из которых 1.320.000 гектаров приходилось на долю Калифорнии. В этом штате тихоокеанской покатости, где предприимчивые золотоискатели открыли искусство утилизировать потоки для разрушения морен и пропускания их обломков через свои широкия решета, землевладельцы научились пользоваться водами для орошения полей на обширных пространствах. Громадные равнины были превращены в сады в бассейнах Сан-Жоакина и Сакраменто; поверхность бывших пустынь сотнями тысяч гектаров завоевана для культуры при помощи ирригационных каналов. Вокруг южных городов, бесплодные долины стали великолепными плодовыми садами[1].

Хотя культура почвы и утилизирование её произведений ещё слишком ограничены, однако, богатство земель, прекрасный климат и обширность возделываемых пространств таковы, что существует не только обилие, но преизобилие плодов земных. Об этом можно судить, между прочим, по необычайному плодородию фруктовых садов Делавара и Виргинии, где самый избыток производства разоряет сельских хозяев. В 1889—90 сельско-хозяйственном году фермеры Замиссисипья получили такой баснословно обильный урожай кукурузы, что во многих местах даже не дали себе труда свезти хлеб в житницы и оставили его гнить на полях; другие фермеры употребляли кукурузу вместо топлива или отдавали её за бесценок, если не находили покупателя. Постоянному возрастанию производства соответствует уменьшение продажной цены земледельческих продуктов и постепенное обесценение самих земель. Задолженность увеличилась в ужасающих размерах, и множество заложенных ферм остаются за кредиторами. В 1890 году фермеры оставили в закладе заимодавцам 4.440 хозяйств в трех только штатах—Мене, Вермонте и Нью-Гампшире: любовь к земле так же

1 Charles Nordhotf, „California for Health, Pleasure and Residence“.

«угасла у жителей Массачузетса, как у евреев»[1]. Многие из обремененных долгами сельских хозяев продают весь или часть будущего урожая ещё на корню, и мало-по-малу система сдачи земли исполу или в аренду сменяет обыкновенный, господствовавший до междоусобной войны, порядок землевладения и землепользования. Тысячи плантаций в южных штатах разрезаны на маленькие участки, где поселяются негры, бывшие невольники, слишком бедные, чтобы приобрести землю в собственность. В общей массе земельных имений насчитывают уже целую четверть таких, которые не принадлежат более тем, кто их обработывает. Приблизительная ценность ипотек в Соединенных Штатах в 1889 г. составляла около 2.565.000.000 пиастр., или 13.000.000.000 франков.

И это положение дел становится тяжелее с каждым десятилетием, несмотря на временные улучшения, вносимые годами хорошего урожая в Америке и дороговизны на рынках Европы. Сельские хозяева видят себя всё более и более угрожаемыми в своей независимости. Производители земледельческих продуктов могут продавать их только благодаря милостям перевозочных компаний, которые по произволу повышают или понижают свои тарифы, смотря по надобностям своей биржевой спекуляции на повышение и понижение. Против монополии железных дорог единичные земледельцы бессильны, и все до сих пор основываемые ими союзы боролись бесплодно, или, по крайней мере, не могли одержать решительной победы. Однако, некоторые из этих ассоциаций фермеров, мощно организованные, сделали столь быстрые успехи, что можно было надеяться, что им удастся, в свою очередь, устанавливать тарифы. Такова была ассоциация «гренджеров» (Grangers—«владельцы житниц», т.е. сельские хозяева), которая, основав свою первую ложу в 1867 г., насчитывала в 1874 году уже слишком двадцать тысяч лож, заключавших более миллиона трехсот тысяч членов; она имела собственные газеты, банки, мануфактуры, даже свои корабли для непосредственных торговых сношений с Европой и, кроме того, организовалась как кооперативное общество для приобретения по выгодной цене товаров Старого Света, в обмен на отправляемый ею хлеб; но, несмотря на свою многочисленность, гренджеры не успели преодолеть монополию железнодорожных компаний, которую поддерживает la haute finance, и которая, сверх того, располагает законодательной силой, доставляемой конгрессом. Не более успешно действовали и другие аграрные ассоциации, как «Союз фермеров» и «Колесо земледелия» (Agricultural Wheel). Однако, соединившиеся производители держат в некоторых штатах равновесие власти между двумя главными политическими партиями, «республиканцами» и «демократами».

Самое важное для мелких сельских хозяев то, что интересы их угрожаемы не только косвенно—монополией железных дорог, но и непосредственно—образованием больших синдикатов, имеющих в виду промышленную эксплоатацию земли. Особенно английские капиталы устремляются к этим новым спекуляциям, из которых порядок землевладения вышел бы устроенным по тому же плану, как и в Великобритании. Эти недавно приобретенные громадные имения называют *bonanza farms*, подобно золотым и серебряным рудникам, в которых драгоценный металл содержится в виде жил, по-испански *bonanzas* (испанское слово *bonanza* собственно значит «большое счастье»), представляющих огромные богатства. Производство сельскохозяйственных продуктов достаточно обильно в этих фабриках хлеба или мяса, чтобы цены устанавливались в их пользу, и чтобы произведения мелкого земледельца были совершенно устраняемы с рынка. Новые земельные владения, основавшиеся в пользу нескольких капиталистов Лондона или какого-нибудь другого большого города, простираются на тысячи квадратных километров: это целые княжества, более обширные, чем были мелкие немецкия герцогства во времена Германского Союза. Иное имение Техаса обнимает свыше миллиона гектаров. Один банкир в Калифорнии искусственно орошает пространство земель в 1.200 кв. километров. Одна образцовая ферма в Миннесоте имеет двести жней, действующих одновременно, и продукт работы её молотилок ежедневно наполняет хлебом семьдесят пять вагонов. На этих латифундиях, столь страшных для будущности северо-амери-

1 Nathaniel Shaler, „AtlanticMonthly“, 1873.

канского народа, жители не поставлены ли наперед в положение крепостных, всецело зависящих от отсутствующих крупных землевладельцев и их неответственных управляющих?

Оставляя в стороне Индию и Китай, как страны, которые, по причине различия нравов и политических учреждений, не могут быть сравниваемы с странами европейской цивилизации, Соединенные Штаты занимают первое место по земледельческому производству вообще и специально по производству зерновых хлебов.

Пространство Соединенных Штатов, без Аляски: 7.838.000 квадр. километров. Земли, разделенные на фермы: 2.800.000 кв. километров; земли возделываемые: 1.400.000 кв. километров; земли под кукурузой: 317.194 кв. километров:

Кукуруза или маис, *Indian Corn*,—американский хлеб по преимуществу: в 1889 году эта культура занимала половину всей площади земель под хлебными растениями в Соединенных Штатах, и общее производство кукурузы представляло три четверти собранного во всём свете количества этого хлеба.

Культура кукурузы в Северо-Американском Союзе в 1889 году: засеянная площадь—78.316.651 акров, или 31.719.458 гектаров; урожай—27 бушелей с акра, или 24 гектолитра с гектара; общий сбор—2.112.892 бушеля, или 655.093 гектолитра.

*В 1898 г.: площадь под кукурузой—77.722.000 акров; урожай—24,8 бушелей с акра; сбор—1.924.185.000 бушелей (американский бушель кукурузы=1,55 пуд.).

Главная масса этого хлеба потребляется внутри страны: грубо размолотая кукуруза дает *hominy*, главное блюдо для большей части населения, особенно для негров; в форме же отваренных колосьев её можно встретить на всяком столе. Затем она служит кормом для свиней; её дают также, хотя в меньших количествах, лошадям и рогатому скоту; наконец, она идет на винокуренные заводы для приготовления водки. Бывшие «прерии», в центральных штатах, обращены теперь в обширное маисовое поле. Перед жатвой, равнина исчезает под стеблями кукурузы, вышиной от 4 до 5 метров, и когда гуляешь там при восходе солнца, слышится как бы непрерывная ружейная стрельба, производимая расширением колосьев, разрывающих свои оболочки.

Кукуруза Соединенных Штатов имеет, однако, менее важное значение в мировой торговле, чем другие зерновые хлеба, производимые этой страной. Пшеница составляет главный предмет экспорта в годы недостаточного урожая в России, Франции, Индии и других странах крупного производства этого хлеба. Нью-Йорк и другие американские порты вывозят в некоторые годы на миллиард франков пшеницы в зерне и муке. К громадному производству пшеницы, соперничающему с производством России, нужно прибавить ещё производство ячменя, ржи, гречихи и других зерновых хлебов.

Производство пшеницы в 1891 году, по сведениям венгерского министерства земледелия: Россия—195.000.000; Соединенные Штаты—191.000.000; Ост-Индия—96.000.000; Франция—85.000.000; Австро-Венгрия—58.000.000 гектолитр.; Сбор пшеницы в С. Штатах в 1899 г.: 547.300.000 бушел.

Производство овса представляет значительную ценность, так как ежегодный сбор этого хлеба намного превышает сбор пшеницы; например, в 1889 году в Соединенных Штатах было собрано около 263.000.000 гектолитров (в 1898 году 730.907.000 бушелей; американский бушель овса=0,886 пуда). Производство ячменя год от году возрастает; наибольшее количество этого хлеба производят два штата—Калифорния и Нью-Йорк. Культура сорго, недавно введенная, распространяется в Канзасе и соседних штатах, утилизирующих это растение для приготовления сахара. До междоусобной войны Северная и Южная Каролины производили наибольшее количество риса; в настоящее время Луизиана становится главным производителем этого хлеба, и низменные земли этой области, которые легко можно подвергать периодическим наводнениям, позволяют расширять неограниченно площадь рисовых полей. Сбор риса в Соединенных Штатах в 1890 г. составлял около 6.000.000 гектолитров.

В Миссисипской дельте важнейшую отрасль земледельческой промышленности состав-

ляет культура сахарного тростника. Летом и осенью тростниковые плантации являются в виде больших четыреугольных масс, где стебли и листва так скучены, что образуют, так сказать, один громадный куб растительности. Рано захватываемый внезапными холодами, луизианский сахарный тростник не производит цветков, как тростник на Антильских островах, но достигает такой же высоты, так, что человек верхом на коне не достает до верхушки верхних листьев. Около января месяца чернокожие работники приступают к срезанию стеблей, и, по прошествии нескольких дней, обширная равнина, разрезанная на густые массы зелени, где дома исчезают на половину, представляет пространство черноватой земли, покрытой длинными пожелтевшими листьями. Когда солнце достаточно высушит жнива, зажигают солому кучами, и пожар постепенно распространяется по полям. Со времени междоусобной войны сахарное производство не могло вполне оправиться: наилучший результат дало это производство в 1860 г. Разорение фабрик, опустошение плантаций, разброд освобожденных негров и перемена ими рода занятий—все эти обстоятельства сильно замедляли восстановление сахарной промышленности, и теперь она ещё дает продуктов на целую треть меньше против прежнего времени, т.е. до войны, несмотря на реорганизацию заводов и успехи земледельческой химии; Техас и Флорида не вознаграждают ещё потерь, понесенных Луизианой. Производство тростникового сахара в 1890 году равнялось 250.000 тоннам (в 1897—98 г.: 316.183 тонн), составляя лишь шестую часть годового потребления. Поэтому потребители Соединенных Штатов зависят от других стран в отношении снабжения сахаром: они превратили острова Гавайского архипелага в обширную сахарную плантацию, которая принадлежит им фактически, если не по праву, и стараются сделать из Кубы другой сахарный завод, при помощи специальных таможенных тарифов. Наконец, они пытаются подражать Европе, фабрикуя свекловичный сахар: Калифорния и Канзас взяли на себя почин по введению этой промышленности, параллельно с производством сахара из сорго. Что касается кленовых плантаций на севере Союза, то они дают лишь весьма небольшое количество сахара, потребляемое на самых фермах, но почти не имеющее никакого торгового значения.

Американские виноградники, ещё недавно занимавшие очень ограниченную площадь, теперь быстро возрастают в числе и протяжении. Известно, что первые попытки тамошних виноградарей и виноделов, начатые на берегах Огайо в конце прошлого столетия, были неудачны: получавшийся напиток, кислый и неприятный на вкус, не находил покупателя, а европейская лоза, введенная с большими издержками, не устояла против паразитов и новых непривычных климатических условий. Переворот к лучшему в этой культуре начался только с того времени, когда европейскую лозу, пожираемую филлоксерой, заменили американскими видами: даже в Калифорнии, где сохранились разновидности, введенные из Старого Света, наиболее процветают виноградники местного происхождения. Самый обыкновенный дикий вид, называемый в Луизиане *soco*, а на севере более известный под именем *scuppernong*, растет одинаково хорошо как в болотистых почвах, так и на косогорах, и дает необычайно обильные урожаи. Годовое производство, остававшееся несколько десятилетий почти без всякой экономической цены, приобрело теперь первостепенную важность, и виноградари надеются скоро быть в состоянии удовлетворять всё внутреннее потребление и даже конкурировать с Западной Европой на мировых рынках. В 1890 году сбор винограда дал свыше 1.100.000 гектолитров и 267.000 тонн столового винограда. Одна Калифорния доставляет половину всего урожая; штаты Нью-Йорк и Огайо занимают соответственно второе и третье место. Береговые террасы озера Эри сплошь покрыты виноградниками, которые издали, когда ветер колеблет листья с серебристой оборотной стороной, кажутся обширными садами, усеянными белыми цветами. Южная часть штата Нью-Джерсей также постепенно покрывается виноградниками, утилизируемыми главным образом для производства столового винограда, потребляемого Нью-Йорком и Филадельфией в огромном количестве. В 1890 году общая площадь виноградников в Соединенных Штатах составляла 162.500 гектаров, из которых 81.220 гектар. в Калифорнии; ценность продуктов виноградарства и виноделия равнялась 115.660.000 пиастров, или около 800.000.000 франков; число виноградарей было 200.780. С 1887 года чрезмерное обилие продуктов, получаемых в Калифорнии, особенно в

виноградниках Фресно, вызвало у виноградарей опасения потери части урожая, и тогда они впервые начали приготовлять гроздья для продажи их в форме изюма; кроме того, они выделывают много «шампанскаго» и виноградных водок.

Соединенные Штаты производят баснословные количества фруктов, груш, персиков, яблок, земляники, черники и других ягод; ни в какой другой стране эти плоды не потребляются в таком множестве. Калифорния, Огайо, Индиана, Иллинойс и приатлантические штаты Севера являются крупными производителями фруктов, но первое место по развитию садоводства занимает полуостров между Делаваром и Чизапиком: почва и климат особенно благоприятны для плодоводства, как это доказывают дикие плоды, собираемые в редких ещё нетронутых культурой округах. Фермеры умели выбрать наиболее доходные виды и разновидности, и утилизируют фрукты на разные лады, в свежем состоянии, вареными или сушеными, в консервах или превращенными в сироп или в напиток. С половины настоящего столетия производство плодов возросло в обширных размерах, благодаря более удобным средствам перевозки и особенно благодаря применению промышленных способов для предохранения плодов от порчи. Во многих местностях пашни были преобразованы в фруктовые сады, и садоводство мало-по-малу заменяет экстенсивное полеводство; так, например, на берегах реки Честер повсюду видишь только фруктовые деревья, образующие сплошные леса, площадью в 20 или даже в 50 кв. километров; иная ферма имеет до 150.000 персиковых деревьев. Целые флотилии употребляются для перевозки персиков, вишен, винограда или клубники, и специальные железнодорожные поезда останавливаются среди полей. В годы слишком обильного урожая, как, например, в 1891 г., фруктовые деревья вырубают тысячами, чтобы испробовать на месте их другие культуры, или же избытки плодов употребляют для откармливания свиней. Флорида, Луизиана, некоторые части Техаса, Южная Каролина производят также апельсины, а в Южной Флориде разводят кокосовую пальму. Ценность общего сбора продуктов фруктовых садов в 1883 г. простиралась до 80.000.000 франков.

По части овощей и огородной зелени Соединенные Штаты не имеют никакого превосходства над европейскими странами: огородники Севера, которым недостает гения их профессии, приносят на рынки продукты довольно однообразные и посредственного качества. По крайней мере картофель, составляющий, вместе с овсяной крупой, национальное блюдо ирландцев Нового и Старого Света, производится в количестве, вполне достаточном для покрытия всех нужд потребления. В южных штатах, негры культивируют различные разновидности сладкого картофеля (пататов), а креолы Луизианы, очень искусные садоводы, употребляют в своей изысканной кухне многие виды овощей, мало известные в других местах; среднее производство картофеля в Соединенных Штатах определяют в 750.000.000, а пататов в 200.000.000 гектолитров. В средне-атлантических штатах к числу важных отраслей сельского хозяйства принадлежит также культура арахиды (земляной орех или земляная фисташка). Первое арахидное семя, появившееся на нью-йоркском рынке, происходило с берегов Африки. Только некоторые негры южных штатов возделывали это растение в своих садиках. После междоусобной войны, плантаторы пришли к мысли завести эту культуру в большом размере, и результаты получились как нельзя более удачные; американская арахида, происходящая, главным образом, из Виргинии, совершенно заменила африканскую на рынках Нового Света; гораздо более крупная и более правильная по форме, чем земляные орехи с африканского берега, она не так богата содержанием олеина. В настоящее время масло, наиболее потребляемое в Соединенных Штатах на кухне, под видом коровьего масла и топленого свиного сала, извлекается из семян хлопчатника.

Табак, другая весьма важная культура американского земледелия, был, до войны за независимость, главной статьей экспорта английских колоний Северной Америки. Кентукки на первом плане, затем Мериланд и Виргиния до сих пор остались в ряду крупных производителей этого продукта, особенно по культуре средних сортов. В Соединенных Штатах нет табаков с таким тонким ароматом, как табаки Антильских и Филиппинских островов, но эта страна имеет одну специальность в области табаководства—производство жевательного таба-

ка, который, что бы ни говорили, составляет ещё предмет потребления, весьма ценимый миллионами американцев в центральных и южных штатах. О размерах табаководства в Соединенных Штатах можно судить по следующим цифрам, относящимся к 1887 году: общая площадь под табачными плантациями: 325.000 гектаров; производство: 258.000.000 килограмм.; ценность: 300.000.000 франк.; средний вывоз: 133.000.000 килогр.

Главная роль в ряду произведений земледельческой промышленности, составляющих предмет экспортной торговли, принадлежит теперь хлопку, «королю Котону», как его называют купцы. Начатки хлопководства были очень трудны, и рассказывают, что в 1784 г. первые кипы хлопка, отправленные в Ливерпуль, были задержаны в таможне как контрабандный товар, вывезенный с Антильских островов. Но пришлось уступить перед очевидностью, и вскоре Соединенные Штаты, благодаря изобретению машин для очистки волокна, сделались первой страной по экспорту хлопка. До междоусобной войны они почти обладали монополией этой торговли; затем вдруг производство почти прекратилось: с миллиона слишком тонн, в 1860 году, сбор хлопка в период войны сократился до одной пятнадцатой своего нормального размера. Большинство экономистов думали, что отмена невольничества в Соединенных Штатах и перевес, достигнутый за это время в культуре хлопчатника соперничающими странами, поведут к окончательной утрате Американской республикою первенствующего значения в производстве этого товара, но, вопреки этим пророчествам, преобладающая роль её была быстро вновь завоевана. Южные штаты, культивируемые теперь белыми и получившими свободу неграми, доставляют всей Америке четыре пятых и Европе две трети волокна, употребляемого этими двумя частями света для фабрикации хлопчато-бумажных тканей. Более двух пятых всего вывоза Соединенных Штатов состоит из хлопка. В 1866 году общее количество проданного за границу хлопка, составлявшего в большой части продукт последовательных урожаев, накопившихся за время войны, простиралось до 2.194.000 кип, а двадцать два года спустя, в 1888 году, экспорт этого товара более чем удвоился: он достиг до 4.650.000 кип.

Сбор хлопка в Соединенных Штатах в 1890 году: 8.655.518 кип (по 499 фунтов) = 1.960.475.000 килограммов = 1.960.475 тонн; ценность в Нью-Йорке: 344.000.000 пиастр., или 1.800.000.000 франков. Сбор хлопка в 1897 г.: 8.532.705 кип, ценностью около 291.812.000 долл.; в 1898 г: 11.170.000 кип.

Однако, один продукт американского земледелия представляет годовой доход ещё более значительный, превосходящий доходность всякого другого рода культуры: это—сено. Косимое на пространстве около 13 миллионов гектаров, оно наполняет сенные сараи громадной массой в 50 миллионов тонн, стоимость которой оценивается в два миллиарда франков (в 1898 г. площадь покосов: 42.780.827 акров, ценность собранного сена: 398.060.647 долл.). Соединенные Штаты производят также коноплю и лен, но последний сеют главным образом для семени, приготовляемое из которого масло употребляется, как и хлопковое, преимущественно в пищу.

У американского земледелия много врагов—грибков, насекомых и полевых зверков. Начиная с «гессенской мухи» (*hessian fly*), занесенной в Америку наемными солдатами Англии и разорившей хлебные поля, многие другие вредные насекомые, мухи, гусеницы, кузнечики, опустошали нивы и плантации. Часто саранча тучами опускалась на сельские местности Запада. К опасным врагам земледельческой культуры причисляют также зерноядных птиц, особенно воробья, который был введен в стране по инициативе одного общества естествоиспытателей. Сыновняя любовь к первоначальному отечеству, под влиянием которой индейские земли наррагансетов и массачузетов были постепенно преобразованы в «Новую Англию», с деревьями и травами Старой, заставляла желать также заселения страны британскими птицами: американец хотел, чтобы и у него, как у англичанина, были воробьи на улицах и соловьи в рощах. Первый ввоз воробьев, в 1850 году, не удался: но другие привозы, заключавшие около двух тысяч пернатых, с 1852 до 1881 года, превзошли по своим результатам самые смелые ожидания импортеров. Воробей размножался с неимоверной бы-

стротой: в каждый сезон воробьиный род удесятерялся, и площадь захвата год от году расширялась всё далее к югу и западу. Область распространения воробья обнимала в 1875 г. 1.200, а в 1885 г., уже 1.200.000 квадр. километров. Вместо того, чтобы выдавать премии за ввоз воробьев, как это было прежде, теперь награждают премией истребителей этой птицы[1]. Впрочем, натуралисты констатировали, что естественная реакция начала уже проявляться: ласточки, стрижи, певчия птицы, которых нахальные воробьи сначала терроризировали, затем прогнали с житниц, живых изгородей, из соседних с жилищем человека рощ и лесков, понемногу приободрились и стали возвращаться на старые места; происходили схватки боевые и оканчивались по большей части поражением захватчиков; нарушенное равновесие в мире птиц мало-по-малу восстановляется[2].

Постоянное возрастание земледельческой культуры происходило насчет лесов во всех лесных странах, и агрономы начинают жаловаться на совершающееся лесоистребление. Уже в штате Мэн, доставлявшем прежде такую массу строевого леса, остались только поросли кустарника и молодняка; драгоценнейшая древесная порода, *pinus strobus*, почти совсем исчезла в этом штате. Теперь подобным же образом опустошают сосновые леса Мичигина, Висконсина, Миннесоты, этих главных производителей леса для всей центральной области Союза. На покатости Тихого океана лесоистребление совершается с такой же беспощадностью; срубают даже исполинские вековые и тысячелетния деревья, которые следовало бы щадить, как чудеса природы. Ценность леса, употребленного в 1887 г. для построек, для столярных изделий и в виде топлива, по исчислению Уитнея, составляла 555.330.000 пиастров, или 2.800.000.000 франков. Последствия лесоистребления дали уже себя чувствовать во многих областях ухудшением климата: разливы рек стали внезапнее, засухи продолжительнее; земледелие страдает, в свою очередь, от зла, им же порожденного. Но общественное мнение уже обратило серьезное внимание на это дело, и большинство штатов создают лесные запасы вокруг речных истоков, с целью урегулировать расход вод и поддерживать красу страны. Даются особые льготы концессионерам и покупателям земли, насаждающим деревья в своих имениях, и даже учрежден специальный праздник в честь лесоводства.

С другой стороны, истребление лесов было частию уравновешено насаждением миллионов, даже миллиардов плодовых дерев, и некоторые степные пространства, бывшие прерии и саванны, в Иллинойсе, Айове, Канзасе, Небраске, приняли вид сплошных лесов. Питомники для заселения фруктовых садов и виноградников составляют очень прибыльный промысел: в 1890 году насчитывали свыше 4.500 этого рода заведений, покрывающих в совокупности площадь около 70.000 гектаров и представляющих ценность слишком в 200 миллионов франков; около пятидесяти тысяч лиц были заняты работой в этих рассадниках[3]. Наконец, и цветоводство, промышленность, принадлежащая уже к производствам предметов роскоши, получило в последнее время значительное развитие: восемнадцать тысяч цветоводов, хозяев и рабочих, имеющих вместе 4.659 заведений, продали в 1890 году на 140 миллионов франков садовых растений, венков и букетов[4].

Что касается животноводства, то Соединенные Штаты занимают, как и по земледелию, первое место между странами с европейской цивилизацией. Произведенная в 1890 г. перепись конской расы (лошадей, мулов и ослов) страдает неполнотой: собранные ею статистические сведения относятся только к земледельческим имениям, с площадью земли свыше 3 акров, тогда как города и деревни вовсе не были приняты в рассчет.

Перепись эта дала следующие результаты[5]: лошадей—14.976.017; мулов—2.246.936; ослов—49.109.

В 1899 г. насчитывали лошад.—13.665.307; мулов и ослов—2.134.213 голов.

1 H. de Varigny, „Revue Scientifique“, 22 nov. 1890.
2 Ernest Tremblay, рукописные заметки.
3 „Census Bulletin“, Sept. 2, 1891.
4 „Census Bulletin“, April 29, 1891.
5 „Census Bulletin“ № 103, Aug 19, 1891.

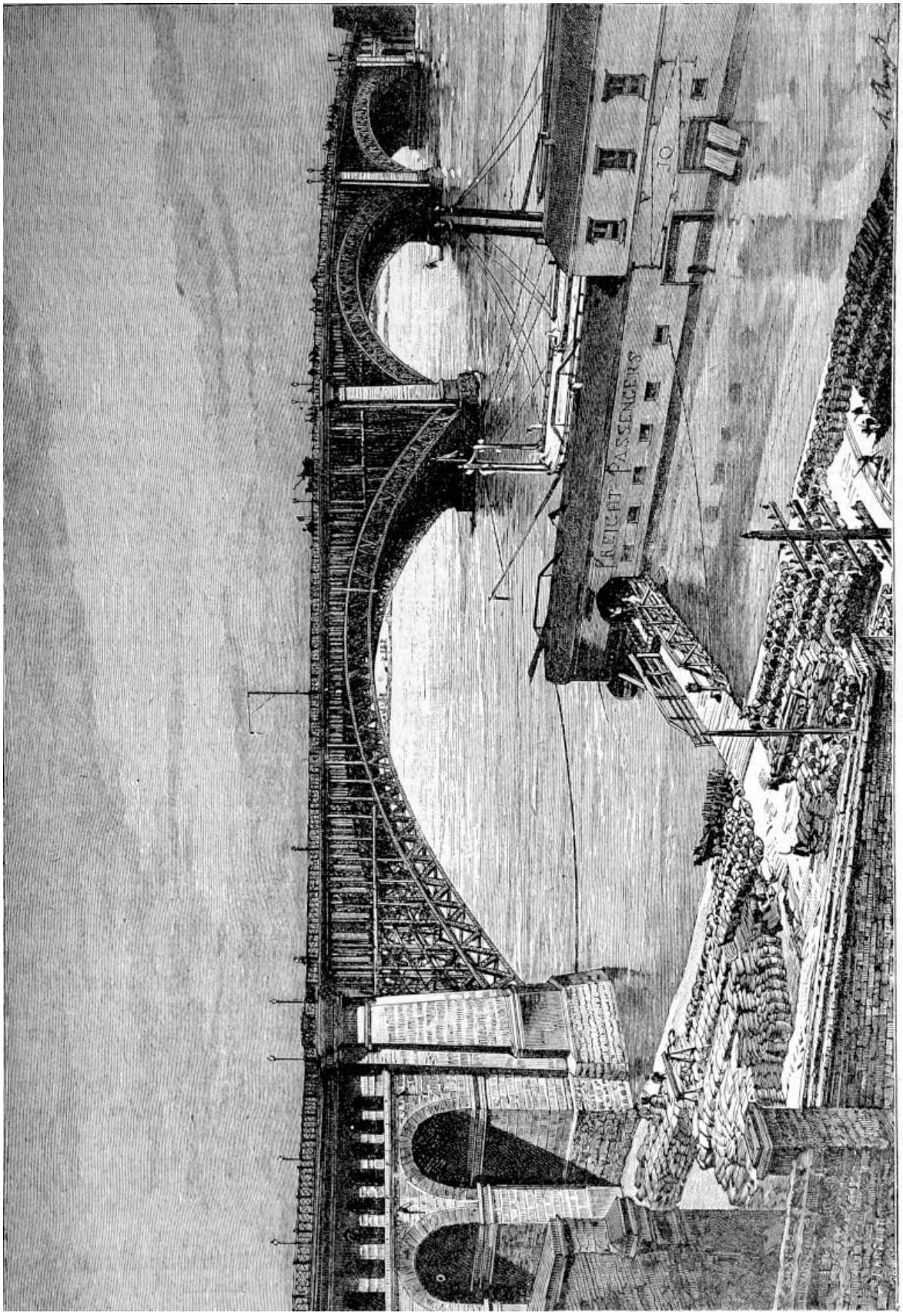
В действительности, общее количество северо-американских лошадей можно считать по меньшей мере в двадцать миллионов голов: по единогласному свидетельству сельских хозяев, возрастание было весьма значительно в последнее десятилетие. Два центральных штата, Иллинойс и Айова,—самые богатые в этом отношении; затем идут два штата с густым населением, Нью-Йорк и Пенсильвания; даже Техас, обладающий обширными пастбищными пространствами, уступает им по числу лошадей, но, вместе с Миссури, он превосходит все другие штаты по числу мулов и ослов; впрочем, эти животные далеко не так ценятся в Соединенных Штатах, как в испано-американских республиках.

Кентукки и Тенесси не имеют таких больших конских заводов, как Нью-Йорк, Пенсильвания, Техас, но они занимают первое место между штатами по качествам лошадиной расы. Коневодство процветает особенно в великолепных равнинах Кентукки, естественных парках, где волнистые луга усеяны лесками дуба, бука, ясени, клена; всего лучше преуспевает лошадь в тех местностях, где известковая почва, богатая фосфатами, густо поростает «синей травой», *blue grass*. Животное проводит зиму среди прерии, питаясь редкой травой и высохшим сеном, укрываясь на ночь под ветвями деревьев. Кентуккийская порода—смешанного происхождения, как и самое население этого штата: ново-мексиканский мустанг, индейский пони, чистокровная английская лошадь способствовали образованию этого нового типа, одного из наиболее ценимых за его прекрасные качества: силу, резвость, быстроходность и выносливость. Самый быстрый бег, сделанный до сих пор на ипподроме, был, в 1890 году, бег знаменитого «Сальватора», который пробежал расстояние 1.609 метров в одну минуту 35 с половиной секунд. Как иноходец или рысак, «кентукиец» не имеет себе равных: в 2 минуты и 8 секунд он проходит 1.600 метров. Кроме того, он отличается замечательно кротким и ласковым нравом, что, без сомнения, происходит от постоянно мягкого обращения с ним человека.

Разведение рогатого скота приобрело ещё гораздо большую важность, чем разведение лошадей. В штатах при-атлантических и при-миссисипских, особенно в Огайо, Индиане, Иллинойсе и других штатах с естественными «лугами» или прериями, фермеры имеют около 15 миллионов молочных коров лучших пород, доставляющих количество молока, достаточное для приготовления 500.000 тонн масла и 200.000 тонн сыру. Соединенные Штаты вывозят в Англию миллионы сыров, качеством не уступающих подобным же продуктам Честера и Стильтона; в равнинах Замиссисипья и на плоскогорьях Скалистых гор, скот, пользующийся менее заботливым уходом, более предоставленный самому себе, приносит доход почти исключительно своим мясом. В этих странах, лежащих за пределами земледельческих областей, бизоны были заменены домашним скотом. Долго не знали, что стада, приведенные белыми, могут жить в этих пустынных местностях: только в 1865 году[1], после вынужденного пребывания одного гурта в зимнем становище, было констатировано вполне удовлетворительное состояние перезимовавших там быков, которые выжили и даже разжирели на воле, без крова и без всякой помощи со стороны человека в самое суровое время года. Это было открытие более важное, чем открытие золота в Калифорнии. Однако, правильное скотоводство в этих обширных областях началось только около 1875 года. Богатые спекулянты, между которыми очень много англичан, арендовали огромные пространства земли, сотнями тысяч акров, и пустили туда скот, который пасется и размножается на свободе, под присмотром пастухов, или *cow-boys*, людей энергичных и неутомимых, которые умеют быстро нагнать намеченного быка, повалить его ловко кинутым арканом, выжечь на бедре клеймо его владельца и направить животное, смотря по надобности, к водопою или на бойню. Этот промысел Запада разросся в громадных размерах, и теперь ежегодно приводят рогатый скот миллионами голов на «мясные заводы» в Чикаго, Омагу, Канзас-Сити. Крупные скотопромышленники—*Cattle-kings*, или «скотные короли», как их прозвали,—отправляют даже живой скот через порты Великих озер и Атлантического океана: в 1890 г. Англия получила таким образом около четырехсот тысяч быков из Соединенных Штатов. Общее число крупного

1 Stuart-Fossard, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale du Havre“, sept.-oct 1889.

рогатого скота (включая сюда и молочных коров) в Северо-Американском союзе в 1890 г. простиралось до 52.802.000 голов, и стоимость этого скота оценивали приблизительно в 5.500.000.000 франков (в 1899 г. число крупного рогатого скота определяли приблизительно

Мостъ въ Сентъ-Луисѣ.

в 4.000.000 голов).

Кукуруза, которую фермеры получают в столь значительных количествах, служит на добрую долю средством для производства свинины. Ни в какой стране преобразование хлебно-

го зерна в мясо не делается более методично и более умело, чем в центральных штатах, где Чикаго играет роль экономической столицы: там ежегодно убивают более двух третей из четырнадцати или пятнадцати миллионов свиней, отправляемых за границу под видом окороков, сала и других пищевых препаратов (общее число свиней в Соединенных Штатах в 1890 году: 51.000.000, ценность около 800.000.000 франков; в 1899 г., по приблизительному исчислению число свиней: 38.652.000). Баранина ценится гораздо менее и вывозится лишь в незначительных количествах. Овцы утилизируются главным образом для производства шерсти. Приложены были всевозможные старания к улучшению породы, и теперь овцеводы получают двойное против прежнего руно по весу и гораздо лучшего качества; фабриканты шерстяных материй находят в самой стране большую часть потребного им сырого материала. Овцеводства сосредоточено главным образом в тихоокеанских штатах.

Число овец в Соединенных Штатах в 1890 году: 44.000.000; ценность—500.000.000 франков. Производство шерсти—108.000.000 килограммов, ценностью около—175.000.000 франков (в 1899 г., по приблизительному подсчету, число овец: 39.114.000 голов).

Как охота на бизона была заменена разведением крупного рогатого скота, охота на птиц—содержанием ферм для разведения домашней птицы, так точно рыбная ловля постепенно преобразовывается в рыбоводство. Охота утратила в значительной мере свою важность в открытом море, так же, как в горах и лесах внутренней части страны. Китоловный промысел, которым прежде занимались тысячи моряков в Новой Англии, сильно уменьшился, и около полсотни китобойных судов собираются теперь на берегу Тихого океана, в Сан-Франциско и в порте Таунсэнд, в заливе Пэджет, на крайнем углу территории (весь китоловный флот Соединенных Штатов в 1890 г. состоял из 101 судна, общей вместимостью 22.660 тонн). Бывшие посты трапперов, на верховьях рек Миссисипи и Миссури, в Скалистых горах, на р. Колумбии обратились в торговые города, утратившие всякие следы вызвавшего их к жизни промысла. Теперь почти вся торговля шкурами пушного зверя сосредоточилась вне Соединенных Штатов в собственном смысле, в Аляске и на прилегающих островах, и не имеет уже того характера случайной удачи, каким отличалась в прежнее время. Котиковый промысел, производимый на островах Прибылова, нисколько не походит на охоту: это—методическое избиение, почти столь же правильное и безопасное, как убой свиней в каком-нибудь чикагском «мясном заводе».

Рыболовный промысел, производимый в соседстве американских берегов и преимущественно в водах Новой Англии и на мелях Ньюфаундленда, где американцы имеют право ловить рыбу начиная с расстояния трёх морских миль от берегов, подвержен различным случайностям: к опасностям моря иногда присоединяется редкость рыбы, особенно в тех водах, где суда закидывают до шести неводов, вооруженных каждый тысячью крючков. Так, например, в 1890 году вся рыболовная флотилия Новой Англии вернулась в свои порты с ничтожной добычей, меньше 30.000 гектолитров, представлявшей только двадцать пятую часть улова 1884 года. Для предупреждения на будущее время подобных неудач, натуралисты, соединившись в постоянные коммисии тщательно исследуют американские моря, с целью ознакомиться с их обитателями, классифицировать виды и разновидности морских рыб, изучить их нравы, проследить их странствования. Благодаря этим изысканиям, американская ихтиология сделала значительные успехи; теперь известно уже около пятисот съедобных видов морской и пресноводной рыбы, из которых более половины были открыты и классифицированы только в недавнее время.

Морская фауна Новой Англии[1]: известная в 1870 году—800 видов; известная в 1880 году—1.800 видов.

Что касается морских животных других классов, то известное число их почти удвоилось за последнее время. Рыболовы воспользовались этими научными работами. Различные породы лосося, населяющие Колумбию и другие реки Вашингтона и Орегона, были введены в реках Атлантической покатости: озера, реки получили новые виды рыб из Европы и Азии.

1 Verril;—G. Brown Good, „American Association for the Advancement of Science“.

Были даже сделаны, и с успехом, попытки вновь заселить море в обедневших рыбой областях его: так, улов бешенки (Shads) удвоился с 1880 года, благодаря тому, что икру, вынутую из купленной на рынке рыбы, стали подвергать искусственному оплодотворению и бросать обратно в море и реки.

Улов бешенки:

	В соленой или солоноватой воде	В реках	Всего
В 1880 г.	2 549.544	1.591.424	4.140.968
» 1888 »	5.010.101	2.650.373	7.660.475

Как и во Франции, но в гораздо более значительных размерах, искусственное разведение устриц скоро должно совершенно заменить ловлю этого съедобного моллюска. Многие устричные мели, прежде очень производительные, между прочим, Вельфлитские, на полуострове Код, совершенно исчезли[1], и того же можно опасаться относительно некоторых Чизапикских банок, чрезмерно эксплоатируемых. Но в других местах, особенно на берегах Род-Айленда, заботливо поддерживают, даже увеличивают культуры (устричное производство этого штата, давшее в 1865 году только 128.000 гектолитров, поднялось в 1879 г. до 991.000 гектолитров), и разводят устрицу на берегах, где она прежде не жила: обсеменили даже Большое Соляное озеро, в территории Утах. Устричные мели Чизапикского залива, занимающие в совокупности площадь около 80.000 гектаров, суть наиболее деятельно эксплоатируемые не только в Соединенных Штатах, но и во всём свете: собираемое там количество устриц превышает даже добычу этого моллюска во всех других странах, взятых вместе.

Устричное производство Чизапикского залива в 1890 г.:—30.000.000 гектолитров. Устричное производство Соединенных Штатов—39.950.000 гектолитров. Около 39.950.000.000 устриц; ценность: 30.438.850 пиастров. Устричное производство Франции: 500.000.000 устриц. О громадном количестве собираемых рыболовами Чизапикского залива устриц можно составить себе понятие по виду тамошних прибрежных селений, например, Крисфильда, лежащего напротив устья реки Потомак, на одном из разветвляющихся лиманов Танжиерской бухты. Крисфильд, или, по крайней мере, его приморское предместье, называют «мериландской Венецией»: дома, отели, магазины, мастерские, набережныя—всё построено там на грудах раковин. Выдвинутая в море дамба, длиной около километра, вся состоит из этих органических остатков; купец-рыболов, желающий расширить свои склады, покупает участок водного пространства, огораживает его кольями и воздвигает на нём свои воздушные постройки; но в несколько лет пустые раковины, выбрасываемые в воду, превращают его в твердую землю[2]. Там сосредоточена значительная часть рыболовного промысла, который дает занятие полутораста тысячам людей и приносит ежегодно около 300 миллионов франков. Превосходя даже рыбную ловлю двух Скандинавских государств, он представляет около четверти того, что доставляют воды моря всем нациям европейской цивилизации.

Годовая ценность американского улова в 1889 году: киты—1.690.000 доллар.; котики—1.900.000 доллар.; рыба—18.000.000 доллар.; устрицы и другие раковины—35.000.000 доллар.

V. Горная промышленность

Первенство, принадлежащее Соединенным Штатам по земледельческому производству, должно быть признано за ними также и по эксплоатации недр земли: их рудное богатство превосходит подобное же богатство всякой другой страны. Золото, серебро, ртуть, медь, свинец, олово, каменный уголь, минеральные масла—по каждому из этих сокровищ Северо-Американский Союз занимает одно из первых мест в свете.

1 Brooks, „The Oyster“.

2 Robert Wilson, „On the Eastern Shore“, Lippincott's Magazine, 1876.

Приатлантические штаты имеют несколько золотых приисков, и до сих пор ещё золотоискатели раскапывают пески аппалахских рек, особенно в Северной Каролине и в Георгии; но самые обильные сокровища находятся в недрах Скалистых гор и Сиерры-Невады,—сокровища, благодаря которым имя «Калифорния» приобрело смысл, аналогичный «Эльдорадо», «Пактол» и «Голконда».

Золото ещё более, чем плодородие почвы и прекрасный климат, способствовало заселению берегов Тихого океана. Большая жила белого кварца или «главная жила», *mother lode*, которая тянется параллельно оси горной цепи и побережью Калифорнии, и которая с равнин представляется в виде белой стены, произвела те колоссальные сокровища, к которым, в период золотой горячки, стекались толпы золотоискателей со всех концов света. Но в начале набросились не на твердую породу, а на пески. Испанцы издавна уже разработывали некоторые золотоносные местности, *placeres*, по берегам речек, и открытие, вызвавшее стремительный наплыв золотоискателей, было сделано в грязи, отложившейся в каналах одного лесопильного завода, близ реки Сакраменто. Бывший офицер швейцарской гвардии, капитан Зуттер, который должен был покинуть Францию после революции 1830 года, вдруг стал богачем, и, при первом известии об этой счастливой находке, толпа, вооруженная мотыками и сосудами для промывки золотоносного песку, бросилась к берегам проточных вод. Начался новый период американской истории.

Золотоискатели разбрелись сначала вдоль потоков, спускающихся с Сиерры, разрабатывая песок и гравий, но вскоре открыли, что морены, у подошвы которых текут речки, также содержат самородное золото, в виде зерен, и принялись яростно разрушать эти высокие берега. Так как кирка и лопата оказались недостаточными для этой работы, то стали отводить в сторону ручьи и речки для того, чтобы речные пески были быстрее увлекаемы рядом каскадов, затем, при помощи машин в роде пожарной трубы, начали разбивать стены из гравия: целые боковые грани гор были таким образом разрушены, и физиономия страны совершенно изменилась в некоторых округах. Но, восходя по течению речек к их истокам и по песчаным откосам к первоначальным породам, нужно было приступить к другим, ещё более трудным работам,—разбивать твердую скалу, добираться до богатых жил глубокими галлереями, копать водосточные туннели для осушки рудников. В некоторых долинах ручьи, содержащие блестки золота в своих песках, текут не на поверхности земли; потоки лавы прикрыли их толстым слоем камня и даже изменили самое течение ручья: чтобы распознать истинное направление прежнего русла и положение золотоносных площадей, нужно было рыть шахты в верхнем покрове из эруптивных пород и ощупью пробираться внутри скалы извилистыми подземными галлереями.

Эти обширные и дорого стоющие работы не всегда вознаграждаются успехом; кроме того, легко доступные «золотые поля» уже истощены в большой части или, по крайней мере, не дают более драгоценного металла в количестве, достаточном, чтобы вознаграждать дорого оплачиваемый труд белых рабочих; их оставляют нетребовательным и упорным в труде китайским работникам. В целом, добыча золота в Калифорнии сильно уменьшилась с половины настоящего столетия, и сельские хозяева имеют все причины радоваться этому, ибо разрушение морен, перемещение гравия и песков, увеличенных потоками и отложенных ниже на плодородных землях долин, резко изменили режим рек и сделали всякую культуру невозможной во многих округах: всё собранное золото не представляет, может быть, ценности испорченных земель. В 1852 году, в период наибольшей золотопромышленной деятельности, добыча золота достигла громадного итога в 81.300.000 пиастров (более четырехсот миллионов франков); в настоящее время годовая ценность добычи, колеблющаяся между 75 и 100 миллионами, в четыре или пять раз меньше, чем была в эпоху «золотой горячки». Со времени присоединения Калифорнии (с 1848 г.) до 1890 г. всего добыто золота на тамошних приисках на сумму 1.230.000.000 пиастров, т.е. около 6.600.000.000 франков. Уменьшение добычи было частью уравновешено открытием месторождений драгоценного металла в Новой Мексике, Аризоне, Колорадо, Монтане, Идаго. Общий итог американской добычи золота

превышает, в среднем, добычу Австралии, соперничающей страны, и представляет приблизительно треть количества этого металла, получаемого во всём свете.

Добыча золота в 1888 году: в Соединенных Штатах—179.100.000 франк., в Австралии—147.500.000 франк.; во всём свете—540.500.000 франк.

В 1898 г. в Соединен. Штатах было добыто золота на сумму около 64.000.000 дол.

В Соединенных Штатах Калифорнии принадлежит также первое место по добыванию ртути. Тамошние рудники этого металла не имеют такой важности, как Альмаденские, в Испании, и по всей вероятности, они беднее ртутных рудников Квей-Шау, в центре Китая, к югу от реки Янтсекианг[1]. Богатые залежи киновари в приморской сиерре Калифорнии были известны уже в 1824 г., и правильная разработка их началась с 1845 г.; в период с 1850 по 1886 г. общая добыча ртути на американской покатости Тихого океана составляла свыше 50 миллионов килограммов,—более трети всемирной добычи,—и более половины этого металла получается из рудников Нового Альмадена, близ Сан-Хозе.

Добыча ртути[2] в Соедин. Штатах в 1881 г. (самый богатый год)—2.111.529 килограмма.; в 1889 г.—919.121 килограмм.; добыча ртути во всём свете в 1889 г.—3.511.890 килограмм.

В 1898 г. в Соедин. Штатах было добыто ртути 31.092 фляжек (по $76^1/_2$ англ, фунта) на сумму 1.188.627 долл.

Месторождения ртути встречаются особенно в береговой цепи, к северу и к югу от бухты Сан-Франциско, в береговых холмах Сан-Луис-Обиспо и Санта-Барбара, и в Неваде, около Стимбот-Спрингс, близ Виргинии. Они всегда залегают в соседстве эруптивных пород.

Добыча серебра сильно возрасла в последние десятилетия. В половине этого столетия и до шестидесятых годов она не превышала 7.500 килограммов в год, представляя ценность около полутора миллионов франков. Затем открытие огромных сокровищ Сиерры-Невады, в округе Вашо, сразу подняло добычу этого металла до 600.000 килограммов, и с того времени размеры этой отрасли горного промысла, поддерживаемой искусственным повышением цены серебра по милости правителей страны, почти учетверились. Правда, торговая ценность белого металла понижалась обратно пропорционально его монетной ценности, увеличенной на целую треть покупками серебряной руды, которые правительство обязано было делать каждогодно, в силу постановлений конгресса.

Добыча серебра в Соединенных Штатах в 1890 г.: 2.200.000 килограммов; торговая ценность—57.225.000 доллар.; ценность монеты—70.465.000 долларов.

Во всемирном производстве серебра доля Соединенных Штатов гораздо больше трети; в 1898 г. в этой стране было добыто серебра—54.438.000 тройск. унций, ценностью (в монете)—70.384.485.000 доллар.

Добыча серебра в 1889 году: Соединенные Штаты—1.683.000 килограм.: Мексика—1.175.000 килограм.; остальные страны—1.379.000 килограм; всего—4.237.000 килограм.; торговая ценность—669.000.000 франк.

Самая богатая известная залежь самородного серебра находится в Комстоке, на восточном скате Сиерры-Невады; жила эта дала, в период времени с 1859 до 1890 г., громадное количество благородного металла, стоимостью в 332 миллиона пиастров (слишком полтора миллиарда франков).

Что касается других имеющих промышленную важность, металлов, каковы медь, свинец, цинк, марганец, никкель, кобальт, железо, то Соединенные Штаты обладают чрезвычайно богатыми, повидимому, неисчерпаемыми залежами всех этих руд; только олово редко: оно встречается лишь в малом количестве в Черных холмах Дакоты, в Калифорнии и в некоторых других штатах. Медные рудники, как известно, разрабатывались уже индейцами до прибытия белых в страну и даже до прибытия оджибуэ и ассинибойнов, которых первые французские путешественники встретили на берегах Верхнего озера; в некоторых местах

1 F. von Richthofen;—George F. Becker, „Quicksilver Deposits of the Pacific Slope“.

2 „Census Bulletin“, № 10, 1890

землекопные работы были доведены до глубины 15 метров в твердой скале. Кованые орудия из меди, добытой из этих рудников, найдены во многих древних могилах в Соединенных Штатах; даже залежи медной руды на Королевском острове (Isle Royale), к которым так труден доступ по бурному озеру, представляют следы долгих рудокопных работ. Медная руда Верхнего озера, извлекаемая, главным образом, на полуострове Кевинау, из вулканических пород, отличается от всех других меденосных формаций своей почти химической чистотой; однажды там нашли глыбу самородной меди весом в 500 тонн (31.000 пудов), для отделения которой от облегающей породы потребовалось пятнадцать месяцев. Один из тамошних рудников доведен до глубины 450 метров.

Как ни важны, однако, рудники Верхнего озера, они превзойдены по годовой ценности производства рудниками Монтаны; Аризона также вносит значительную долю в ту массу меди, которую Соединенные Штаты доставляют на всемирный рынок и которая представляет около двух пятых добываемого во всём свете количества этого металла:

Добыча меди в Монтане в 1888 г.—43.973 тонн; в Мичигане (Верхнее озеро)—38.768 тонн; в Аризоне и других штатах—20.384 тонн; всего в Соедин. Штатах в 1888 г.—103.125 тонн; во всём свете в 1888 г.—225.000 тонн.

Добыча меди в Соединенных Штатах в 1898 г.—526.513.000 англ. фунт.

Свинцовые рудники, после железных,—древнейшие из всех, когда-либо разрабатывавшихся в Соединенных Штатах: французские карты указывают их местонахождение уже в половине прошлого столетия. Дюбюк, оставивший свое имя одному из больших городов Айовы, был одним из первых горнопромышленников страны; колонисты в Сент-Женевьеве употребляли свинцовые кружки в виде меновых денежных знаков, тогда как в Сент-Луисе для этой цели пользовались шкурами пушного зверя. Залежи, разрабатывавшиеся в ту эпоху на обоих берегах верхнего Миссисипи, теперь уже почти истощились; но в новейшее время открыли новые очень богатые месторождения, особенно в южной части штата Миссури, где свинец почти всегда встречается вместе с цинком; ещё большее количество свинца получают при обработке сереброносных руд. Доля Соединенных Штатов в мировом производстве свинца и цинка весьма значительна, составляя соответственно около четверти и одной шестой. Добыча этих двух металлов во всём свете в 1889 г. выразилась следующими цифрами:

Свинца—650.009 тонн; цинка—340.000 тонн; из этого числа на долю Соедин. Штатов приходилось: свинца—182.967 тонн; цинка—58.860 тонн.

В 1898 г. в Соедин. Штатах добыто: свинца—222.000 тонн; цинка—115.400 тонн.

Производство железной руды сливается в большой части с металлургической промышленностью, так как руду эту почти всю утилизируют на заводах, построенных в ближайшем соседстве рудников. Более половины огромного количества металла, извлекаемого из недр земли (так, например, в 1888 г. в Соединенных Штатах было добыто железной руды около 12.650.000 тонн), получается из рудников Мичигана и Висконсина, находящихся на берегах Верхнего озера; легко можно было бы увеличить годовую добычу, но дешевизна перевозки составляет первое условие для прибыльного употребления этих тяжеловесных и относительно малоценных материалов; оттого заводы Пенсильвании выписывают большую часть потребной им руды из заморских стран, с острова Кубы, из Испании, с острова Эльбы, из Алжирии.

Обработка этих металлов и все другие промышленные работы Соединенных Штатов, развивающиеся с изумительной быстротой, требуют возрастающего количества топлива; по счастью, американцы, которые уже сожгли добрую часть своих лесов, обладают громадным запасом ископаемого угля, который они изводят очень энергично: на каждую поступающую на рынок тонну угля теряются две тонны в добывании и перевозке[1]. Естественно поэтому, что уже начинают высказываться опасения насчет возможного истощения эксплоатируемых ныне залежей антрацита и каменного угля. Если Соединенные Штаты ещё не первенствуют по производству минерального топлива, то, по крайней мере, по пространству каменноуголь-

1 Ashburner;—J. D. Whitney, цитиров. сочинение.

ных пластов они далеко превосходят не только Великобританию и страны континентальной Европы, но, вероятно, также и Китай, где месторождения угля, ещё не вполне известные, несомненно занимают весьма значительное протяжение. Общую площадь содержащих ископаемое топливо формаций в Соединенных Штатах исчисляют приблизительно в 500.000 квадр. километров,—пространство, почти равное всей французской территории, или тысячной части земной поверхности; что касается содержания угля, то в этом отношении возможны лишь догадки, так как неизвестны в точности число и мощность каменноугольных пластов. Первая копь была основана в Ричмонде, в Виргинии; теперь она почти оставлена, как и все вообще мелкие бассейны Атлантической покатости, находящиеся в меловых формациях; в настоящее время всего деятельнее разрабатываются антрацит и смолистые и полусмолистые угли. В 1880 году общая добыча минерального топлива составляла несколько более 60 миллионов тонн; в 1889 г. она поднялась до 140 миллионов тонн, представляя на месте, в копях, ценность около 160 миллионов долларов или 830 миллионов франков. Пенсильвания одна производит более половины этого громадного количества ископаемого топлива; однако, преобладание её постепенно уменьшается в пользу зааллеганских формаций, а Колорадо выступает соперником её по разработке залежей антрацита. Мичиган также обладает весьма обширным каменноугольным бассейном, но продукты его—посредственного качества.

Добыча ископаемого топлива в Соединенных Штатах в 1898 г.:

Антрацит—47.663.075 тонн; смолистый уголь—166.592.023 тонны.

Минеральное масло (нефть), происхождение которого, вероятно, имеет связь с каменноугольными формациями, также составляет одно из главных богатств Соединенных Штатов. В 1627 г. миссионер Деларош говорит уже об «источнике горной смолы», виденном им к югу от озера Онтарио[1]. Нефтяной источник, от которого получила свое имя пенсильванская речка Ойль-Крик («Масляный ручей»), был хорошо известен ирокезам, и последние, особенно из племени сенека, собирали, как драгоценность, эту маслянистую жидкость, которую они называли «великим лекарством». Масло это вывозилось даже в отдаленные места, и белые платили за него большие деньги, но оно считается утратившим свои целебные свойства с тех пор, как рыночная цена его упала до ничтожной величины[2]. Во время больших национальных праздников обитавшие в соседстве форта Дюкен (ныне Питсбург) ирокезы с торжеством зажигали нефтяной ключ, бивший на дне одного оврага. Только в 1859 году сделано было, близ Титусвиля, в верхнем бассейне речки Ойль-Крик, первое непосредственное бурение для отыскания каменного масла: его открыли только на глубине 21 метра, и выход нефти тотчас же поднялся до 48 гектолитров в день. Это было первое начало промышленности, которая развивалась с изумительной быстротой и сделалась для Соединенных Штатов одним из главных элементов богатства. Принялись копать колодцы сотнями, затем тысячами, сначала в долине Ойль-Крик и в боковых оврагах, потом и в других местностях, где бурения обнаружили присутствие драгоценной жидкости. Неожиданные находки дали сильный толчок спекуляции: некоторые колодцы доставляли по 10.000, даже по 12.000 гектолитров в день. Можно вообразить себе бешеную игру, которой предавались тогда спекулянты на нефтеносные земли, машины, перевозку и все связанные с нефтяным производством виды промышленности: быстрые повышения и понижения цен приносили попеременно обогащение и разорение, пока не установилась монополия в пользу могущественных синдикатов.

Нефтеносная область обнимает, во-первых, знаменитую долину речки Ойль-Крик, длиной около 25 километров, затем берега верхнего течения Аллегени, округ около города Брадфорда, на юго-западной оконечности штата Нью-Йорк, и различные местности северной Пенсильвании, к западу и к югу от Питсбурга. Одна из недавно открытых групп нефтяных источников находится в округе Вашингтон, к юго-западу от Питсбурга: в 1886 г. один из колодцев давал 19.000 литров в час, т.е. более 5 литров в секунду, другой изливал в начале 8 литров в тот же промежуток времени. В поясе антрацита, на восточной стороне Аллеганских

1 Felix Foucon, „Le Petrole et les „Hommes d'huile" de l'Amerique du Nord".

2 Andrew Carnegie, „Macmillan Magazine", January 1885.

гор, не открыто источников минерального масла, но их находят почти во всех каменноугольных областях, в Западной Виргинии, Огайо, Индиане, Кентукки, Колорадо, Калифорнии. Во всех округах нефтяного производства источники бьют из песков, содержащихся в палеозойских формациях, силурийских или девонских. В главной нефтеносной области Пенсильвании площадь минерального масла или, вернее, слои, из которых вытекают жирные вещества, представляют в общем наклон от северо-востока к юго-западу, в том же направлении, как верхний бассейн реки Огайо, но слои эти не обнаруживают непрерывности, и глубина колодцев, около 300 метров в среднем, сильно варьирует; в 150 метрах ниже уровня моря бурения не дали никакого результата, а в иных случаях работы по рытью колодцев были безуспешно доведены до глубины 1.000 метров, или даже, как в Гомвуде, в Аллегенском округе, до глубины 1.407 метров. При том буровой снаряд никогда не встречал двух, лежащих один над другим, резервуаров масла. Геологи знают, в каких вероятных пределах заключены подлежащие исследованию глубокие пласты, но форма внешнего рельефа, с его холмами, долинами и оврагами, не позволила им до сих пор открыть законы распределения нефтеносных пород в недрах земли. Многие спекулянты, в своих поисках новых источников нефти, прибегают к помощи снов или гадательного прутика[1].

В 1889 году добыча нефти поднялась до 50 слишком миллионов гектолитров, стоимостью, по рыночной цене, в 50 миллионов пиастров, или 260 миллионов франков: это самое большое годовое количество минерального масла, какое когда-либо было почерпнуто из подземных озер с начала правильной эксплоатации в 1859 г.; в этой отрасли горной промышленности Соединенные Штаты имеют одного только соперника—Россию. Сравнительное производство этих двух стран в 1893 году выразилось следующими цифрами: Соединенные Штаты—375.201.000 пуд.; Россия—338.500.000 пуд. Добыча петроля в Соедин. Штатах в 1897 г.: 60.568.081 в 1898 г.: 55.354.233 баррелей (в 42 галлона).

Из этого громадного количества американской нефти около трети, происходящей главным образом из колодцев Огайо, Индианы, Калифорнии, употребляется в виде топлива; остальные две трети, заключающие почти всё масло Пенсильвании, утилизируется для освещения. Большое возрастание производства могло быть достигнуто только расширением подвергаемых бурению земель, так как даваемый колодцами выход продукта уменьшается. Шестьдесят тысяч колодцев Пенсильвании и Нью-Йорка доставляют меньшее количество нефти, чем сколько давали сорок тысяч буровых скважин десять лет тому назад[2].

Ежедневная добыча минерального масла в Пенсильвании: в 1882 г.—82.338 баррелей, или 128.500 гектолитр.; в 1887 г.—58.846 баррелей, или 88.269 гектолитр.

Нефтедобывающая промышленность Соединенных Штатов ослабевает, и число вновь выкапываемых колодцев год от году сокращается. Некоторые очень обильные источники почти совершенно иссякли менее, чем в десять лет. Осушение подземных бассейнов минерального масла идет тем быстрее, чем более энергические средства употребляют нефтепромышленники для увеличения выхода: так, один фонтан, расширенный посредством подземного взрыва динамита, выбрасывал в первый день целый поток масла, около 200 литров в секунду, но на следующий день он не давал уже и одного литра в ту же единицу времени: месяц спустя он почти совсем иссяк. Этим объясняется быстрое появление и исчезновение городов в роде Пит-Голя: они существуют только пока действуют источники минерального масла, вызвавшие их к жизни. Нефтяная промышленность и торговля дают повод к бешеной спекуляции между соперничающими компаниями, располагающими большими капиталами; компании эти успели даже сделаться независимыми от железных дорог, построив, на протяжении, в сложности, более 20.000 километров, подземные нефтепроводы, несущие минеральное масло к вывозным портам, в Нью-Йорк, Филадельфию, Буффало, Кливленд, Чикаго.

К естественным маслам во многих местах присоединяется ещё другое богатство, заключающееся в недрах земли. Давно уже замечали в различных источниках и речках западной

1 G. von Rath, „Pennsylvanien“.

2 „Census Bulletin“, June 19, 1891.

Пенсильвании пузыри водородного газа, лопавшиеся на поверхности воды, но спекулянты не обращали внимания на этот продукт; однако, один фермер утилизировал струю выходящего из выгребной ямы газа для приготовления кленового сахара, а деревня Фредония, в штате Нью-Йорк, освещала улицы натуральным газом. Но когда нефтеискатели принялись зондировать глубины почвы, они не могли не натолкнуться также на источники газа; с 1874 года один завод в долине Аллегени употреблял его для своих металлургических работ; три года спустя, из одной буровой скважины, доведенной до глубины 402 метров, близ Муррейсвиля, к востоку от Питсбурга, вдруг забила струя гремучаго газа, от которого взлетела на воздух мастерская бурения. Целых пять лет этот газ, горевший как маяк, терялся бесполезно в атмосфере; теперь его утилизировали, чтобы провести в различные заводы, железоплавильные, сталелитейные, стеклянные, где он отчасти или вполне заменил каменный уголь. В некоторых случаях, при бурении скважин, буровой снаряд проходил через подземные озера соленой воды прежде, чем встретить резервуары газа. Химический состав этих газообразных водородных соединений разнится, смотря по месту и времени года, но они всегда горят великолепно, без запаха и дыма. Благодаря этому своему свойству, они имеют чрезвычайно важное значение для ассенизации фабричных центров. Никакой промысел не развивался быстрее, чем поиски натурального газа: в 1882 году этого газа было продано на сумму свыше миллиона франков, а четыре года спустя потребление его увеличилось уже в пятьдесят раз; в одном только Питсбурге 470 фабрик и заводов, и 5.000 домов отоплялись и освещались земным газом, и газопроводы в 800 километров общей длины питали город: сбережение угля вследствие употребления этого топлива составляет по малой мере двадцать пять тысяч тонн в день, т.е. десять миллионов тонн в год. Экономия в ручном труде относительно ещё гораздо значительнее, так как один рабочий, регулирующий газовые горелки, легко заменяет десятка три кочегаров или истопников. Но драгоценное вещество быстро улетучивается; внутренние газометры опоражниваются ещё скорее, чем подземные нефтяные озера, и тем более поражает, в прибрежных городах по реке Аллегени, беззаботная расточительность жителей, которые оставляют гореть газ в своих реверберах впродолжении всего дня, чтобы избавить себя от труда снова зажигать их вечером! Добыча натурального газа в Соединенных Штатах в 1888 году, по Джозефу Уикс, составляла приблизительно 11.030.000.000 кубич. метров. В 1898 г. этого газа было добыто на сумму около 14 миллионов 750 т. долларов.

А сколько ещё других сокровищ заключает в себе почва Северо-Американского Союза:—драгоценные камни, соль в Мичигане, Нью-Йорке и Луизиане, руды хрома, платины, боксит (употребляемый для обработки алюминия), фосфаты в Южной Каролине, пластические глины, цементы, гипс, серу, борнокислые соли, колчеданы, ломки камня всякого рода, гранита, порфира, лавы, песчаника и мрамора! Не следует ли также причислить к естественным богатствам минеральные воды, столь обильные в Аллеганских и Скалистых горах, и ледяные покровы озер и рек? Совокупность производства рудников, копей, салин и каменоломен представляет каждогодно громадный итог, около трех миллиардов, и прибыли сосредоточиваются в руках соединившихся в синдикаты капиталистов, которые сокращают число своих заведений, увеличивая в то же время размеры производства. Некоторые горные промыслы, между прочим, добывание соли, совершенно монополизированы. Эксплоатация подпочвы в Соединенных Штатах в 1887 г. дала 542.284.225 доллар., или около 2.900.000.000 франков, а в 1898 г.—слишком 697 миллион. доллар.

VI. Фабрично-заводская промышленность

Ещё около половины нынешнего столетия Соединенные Штаты, как и другие колониальные страны, заселенные иммигрантами Старого Света, вывозили по преимуществу сырье и получали в обмен мануфактурные изделия: они переработывали лишь весьма незначительную часть своих собственных естественных продуктов. Теперь дело обстоит совершенно иначе, и можно спросить, в какой отрасли промышленности Северо-Американский Союз не за-

нимает уже одно из первых мест по своим мануфактурным производствам? Он соперничает с Великобританией и, без сомнения, скоро опередит её в этом отношении; и теперь уже он превосходит её числом паровых машин, употребляемых на фабриках, заводах и железных дорогах. Коллективная сила паровых машин в 1890 г. представляла следующие цифры: Соединенные Штаты—7.492.900, Британские острова—6.956.000, Германия—4.359.377, Франция—3.024.450 паровых лошадей.

В силу того же закона, по которому население деревень постепенно уменьшается в пользу городов, происходит превращение земледельцев в фабричных рабочих, и капитал, употребляемый в фабрично-заводской промышленности, так же, как годовая ценность её произведений, превосходит теперь соответствующие цифры для земледельческого труда. Если машины облегчили эксплоатацию почвы, то ещё в гораздо больших размерах они принесли помощь мускульному труду рабочего в мануфактурах: они его удвоили, удесятерили, увеличили даже в сто раз в некоторых отраслях промышленности. Изобретатель располагает каменным углем, нефтью, естественным газом, электричеством и дает таким образом человеческому труду почти безграничную производительную силу. Разделяя годовую ценность мануфактурного производства на число рабочих рук, находим, что каждый мастеровой доставил потребителям количество изделий стоимостью в 12.330 франков. Фабрично-заводская промышленность Соединенных Штатов в 1890 г.: вложенные в дело капиталы—6.525.156.486 доллар.; число заведений—355.415; число рабочих—4.712.622; ценность продуктов—9.372.437.283 доллар.

Как на пример чрезвычайного прогресса, достигнутого фабрикантами, нужно указать в особенности на металлургию. В семидесятых годах этого столетия Северо-Американский Союз по производству чугуна и стали стоял ещё гораздо ниже не только Англии, но даже Германии и Франции. Но с 1890 года роли переменились: выделка железа, чугуна и стали в Соединенных Штатах превосходит подобное же производство Великобритании, и нет никакого сомнения, что разница эта будет всё более и более возрастать, так как железо и сталь постепенно заменяют теперь дерево в нижнем строении железнодорожных путей и в постройке домов и судов. Но при этом обнаруживается то замечательное явление, свидетельствующее о быстрой централизации капиталов, что возрастание производства совпадает с значительным уменьшением числа фабрик. С 1880 до 1890 г. производство чугуна почти утроилось, и тем не менее из 681 чугуннолитейных заводов 119 закрылись[1].

Производство чугуна в 1890 г.: в Соединенных Штатах—9.579.779 тонн; в Великобритании—7.875.000 тонн; во Франции—2.200.000 тонн.

В 1898 г. в Соедин. Штатах производство чугуна: 11.773.934 тонны.

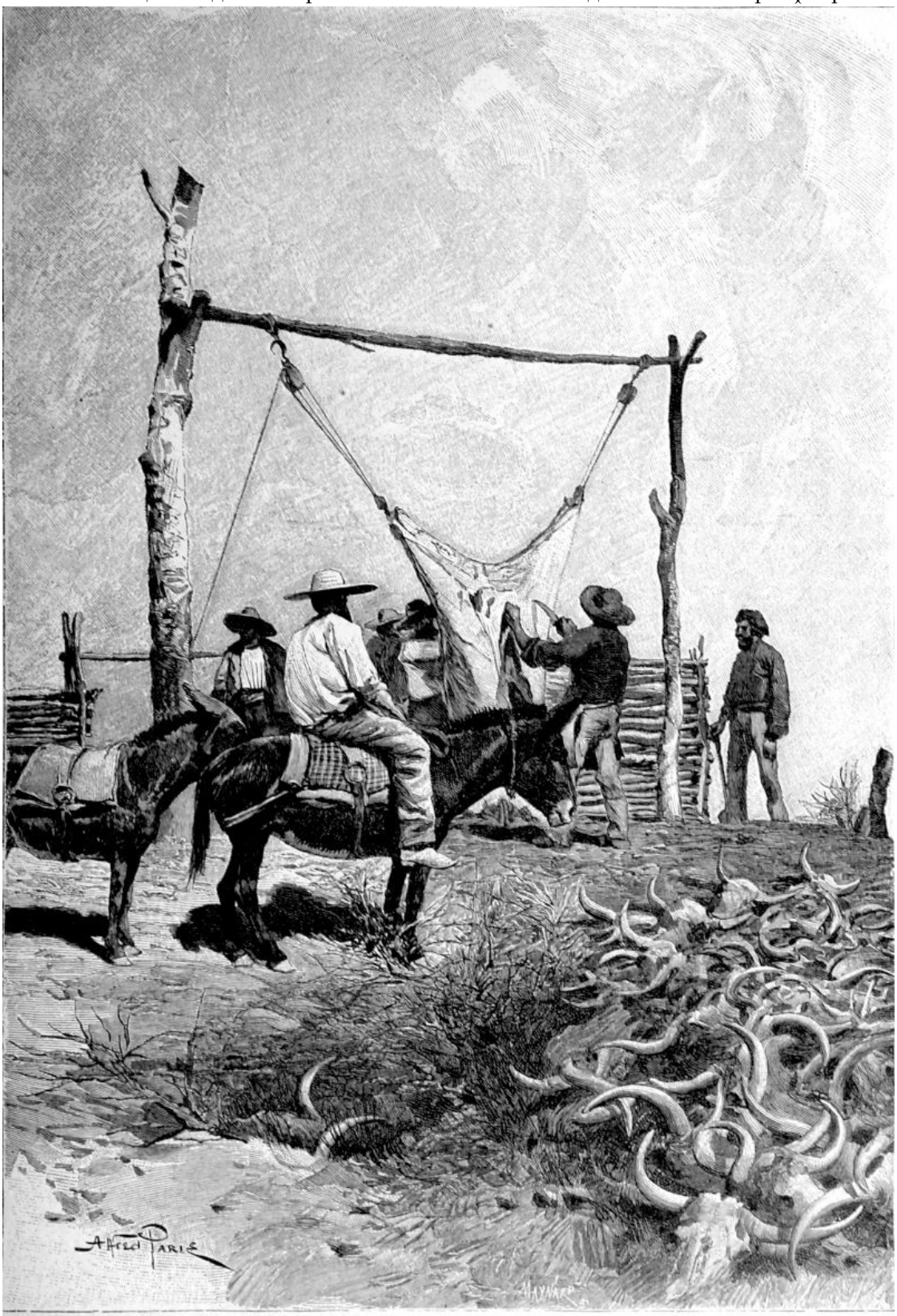
Производство стали сделало такие же успехи: в течение десяти лет, с 1880 до 1890 г., выделываемое количество этого металла возросло на 290 процентов, именно увеличилось с 1.145.711 на 4.466.926 тонн. В 1897 г. производство стали: 7.156.957, стальных рельсов—1.645.020 тонн.

Другие отрасли обработывающей промышленности,—производство стекла, бумаги, кож, мебели, экипажей, швейных машин, земледельческих орудий, инструментов,—представляют аналогичную историю прогресса и быстрой концентрации. Везде вводят более научные способы в переработку сырых материалов и экономизируют труд употреблением машин, устранением посредников и слиянием соперничавших предприятий. Эволюция, совершающаяся в смысле установления монополии во владении землей и сокрытыми в ней минеральными богатствами, совершается таким же образом и в области промышленного труда. Составляются синдикаты для сгруппирования под одним управлением целой отрасли промышленности или даже нескольких однородных промышленностей. Так, например, в 1889 году группа английских капиталистов пыталась захватить в свои руки в Миннеаполисе всё мукомольное производство. В Чикаго пробовали сделать то же самое относительно пивоваренных заводов, в других местах—относительно металлургии, и многие из этих обществ действительно успе-

1 „Census Bulletin“, № 9, Aug. 20, 1890.

ли в своих предприятиях: всякая конкурренция стала немыслимой, и рабочая армия всецело зависит от общего синдиката фабрик.

Легкость сообщений делает промышленность более подвижной. Теперь фабрики стара-

Бойня въ Техасѣ.

ются приблизиться к местам производства сырья. Прежде американцы посылали свой хлопок в Англию и получали взамен хлопчатобумажные фабрикаты; в 1790 г. они решились построить свою первую бумагопрядильню, близ Провиденса; в настоящее время они сами фа-

брикуют бумажные материи: Лоуэль и Лауренс освободились от Манчестера, подобно тому, как от него освободились Бомбей и Пуна (во всех бумагопрядильнях Соединенных Штатов в 1890 году насчитывалось 15.500.000 веретен). Хлопчатобумажная мануфактура Северной Америки представляет теперь почти треть мануфактуры Великобритании; она втрое значительнее подобной же промышленности во Франции и Германии. Массачузетс и Род-Айленд сосредоточивают в себе половину всей хлопчатобумажной промышленности страны, но соседние штаты также имеют в ней свою долю участия и, в свою очередь, штаты Юга постепенно освобождаются из-под зависимости от Севера: бумагопрядильни воздвигаются там рядом с плантациями хлопчатника.

Состояние хлопчатобумажной промышленности в южных штатах в 1880 и 1890 гг.:

В 1880 г.: прядилен—161; веретен—562.048; станков—11.898; переработано хлопка—180.971 кипа. В 1890 г.: прядилен—334; веретен—1.811.701; станков—40.115; переработано хлопка—545.250 кип. Ценность произведений в 1880 г.: 16.356.182 доллар.; ценность произведений в 1890 г.: 54.199.379 долларов.

Подобное же явление наблюдается и в других отраслях обработывающей промышленности: так, металлургические заводы возникли теперь во всех штатах центра и Юга, в Западной Виргинии, в Кентукки, в Тенесси, в Алабаме, везде, где находятся одновременно пласты каменного угля и жилы отличной железной руды; централизации капиталов соответствует децентрализация работ. Промышленное преобразование южных штатов, хотя издали, но неудержимо следует за преобразованием северных; но последние слишком далеко ушли вперед: в 1880 г. совокупность их мануфактур в двадцать один раз превосходила мануфактуры южных штатов.

Некоторые заводы по обширности занимаемого ими пространства, по многочисленности населения и важности своего производства походят на большие города. В виде примера, можно указать на фабрику швейных машин в Элизабете, близ Нью-Йорка, на металлургический завод в Джонстауне, на вагоностроительный завод Пульмана, около Чикаго. Можно сказать даже, что по своему методическому обустройству в виде сети железных дорог, телеграфов, телефонов, водопроводов, газопроводов, керосинопроводов и проводов электрической силы некоторые города обратились в исполинские заводы: иные, как например Локпорт, на Эрийском канале, имеют даже общий очаг тепла для отопления целого квартала.

Ценность главнейших произведений промышленности Соединенных Штатов в 1890 г. (во франках):

производство жизненных припасов: мукомольные продукты—2.800.000.000; приготовление мяса—2.000.000.000; пивоварение 800.000.000.

Прядильно-ткацкая и кожевенная промышленность: хлопок—1.200.000.000; шерсть—1.400.000.000; шелк—200.000.000; полотно и смешан. фабрикаты—500.000.000; кожи—1.000.000.000.

Промышленность, занимающаяся обработкой дерева, металлов и т.п.: срубы и мебель—1.250.000.000 фр.; железо и сталь—2.400.000.000; машины, орудия, экипажи—1.500.000.000; стекло—150.000.000; бумага—300.000.000 фр.

Заработная плата, в среднем, выше, чем в Англии и в других странах Западной Европы, но употребление машин и чрезмерное обилие чужеземных рабочих на рынке позволило фабрикантам понизить цену ручного труда. Во многих горнозаводских округах Пенсильвании и бассейна реки Огайо рабочие, иностранцы в большинстве, нанимаются за плату, на которую не согласились бы местные уроженцы, и существуют случайным заработком, живут так же бедно, как ткач в Силезии или выламыватель серы в Сицилии. На севере мужской труд всё более и более заменяется трудом женщин и детей (так, например, на бумагопрядильнях Массачузетса в 1885 г. работало: 22.180 мужчин, 31.496 женщин и 7.570 детей); на юге белые уступают место неграм, и повсюду американцы—иностранным рабочим. Чтобы достать подешевле рабочия руки, предприниматели Тенесси, Георгии и некоторых других штатов нанимают гуртом у правительства обитателей пенетенциарных тюрем и заставляют их рабо-

тать в своих копях и рудниках и на своих железных дорогах. Несмотря на местные различия, экономическое положение одинаково по обе стороны Атлантического океана, и тот же антагонизм существует между различными классами. Соединенные Штаты имеют свои синдикаты хозяев и коалиции рабочих; там также практикуются стачки, бойкотирование, закрытие мастерских: там тоже бывают кровавые столкновения, порождаемые рабочим вопросом, совершаются казни через повешение или расстреляние! Так, например, в 1886 году в этой стране было 3.902 стачки, с 1.323.203 участниками, в том числе 150.000 женщин.

В совокупности все богатства Соединенных Штатов, земледельческие и промышленные, представляют общую ценность, приблизительно определяемую, по данным последней всенародной переписи (1890 г.), в 62.610 миллионов пиастров, т.е. свыше 320 миллиардов франков: это составит, в среднем, почти 5.000 франков на каждого гражданина, 27.000 франков на семейную группу[1]. Но это колоссальное богатство распределено очень неравномерно; ни в каком другом государстве не замечается более быстрого сосредоточения больших состояний в нескольких руках. В 1890 г. более половины всего имущества Соединенных Штатов принадлежало 25.000 лиц, представляющих одну тысяча-шестисотую долю населения[2]. Некоторые отсталые писатели указывают ещё на Соединенные Штаты как на страну равенства, где каждый обездоленный, пришедший из чужих краев, якобы находит ферму и свободу; в современном Северо-Американском Союзе пауперизм и громадная концентрация капиталов стоят уже друг против друга на двух полюсах общества.

VII. Торговля и пути сообщения

Легко представить себе, какой обширный обмен должно вызывать в таком подвижном обществе, как американское, громадное национальное имущество. По исчислению Эдварда Аткинсона, внутреннее торговое движение в пределах Соединенных Штатов слишком в двадцать раз превосходит внешнюю торговлю, т.е. что все торговые сделки представляют огромную сумму, около 200 миллиардов франков. Так как территория Союза производит почти всё необходимое для удовлетворения потребностей питания, одеяния и роскоши, то Соединенные Штаты могли бы ограничиваться небольшими покупками на стороне; впрочем, фиск систематически сокращает эти покупки заграницей, облагая иностранные товары высокими ввозными пошлинами для того, чтобы защитить могущественных американских промышленников от их заморских соперников: по странной метаморфозе, Северо-Американская республика, первый акт которой совершился во имя свободы торговли, сделалась теперь главной поборницей «покровительства» отечественной промышленности. Несмотря на эти препятствия, северо-американская торговля приняла обширные размеры: она уступает только торговле Британских островов. Совокупность внешних торговых сношений, по ввозу, вывозу и транзиту, поднялась, в фискальном году, окончившемся 30 июня 1890 г., почти до девяти с половиной миллиардов франков, не считая привоза и отпуска благородных металлов; вот точные цифры этого торгового обмена:

Ввоз—789.310.409 доллар.; вывоз—857.828.684; транзит—103.041.635; всего вместе—1.750.180.728 долларов, или 9.450.000.000 франков. В 1898—99 фиск. году: ввоз—товаров—697.148.589, вывоз товаров собственного производства—1.203.931.222 доллар.

С 1790 года, в течение ста лет, внешняя торговля Соединенных Штатов увеличилась в 80 раз (в 1790 г. общая ценность оборотов её составляла 210.000.000 франк.), тогда как население возросло только в 16 раз. Но как ни велика цифра торгового обмена Северо-Американского Союза с иностранными государствами, она гораздо ниже соответственной цифры для других стран: Австралии, Бельгии, Франции, Германии, если оценивать важность торговли по величине доли её оборотов, приходящейся на душу населения.

1 J. K. Upton;—Robert P. Parter, „Census Bulletin“, n° 304.

2 Shearman. „Who Own the United States“?—David A. Wells, „The Arena“, December, 1891.

Сравнительная ценность внешней торговли на каждого жителя в 1890 году (в франках):

Австралия—1.000; Бельгия—750; Великобритания—500; Франция—220; Соединенные Штаты—150.

Главный клиент Соединенных Штатов— Великобритания: так как эти две нации имеют один язык, общие предания и, для половины населения, одинаковое происхождение, то естественно, что сношения между ними завязались гораздо скорее и поддерживаются гораздо лучше, чем со всеми другими странами. В Англию Соединенные Штаты посылают большую часть своего избытка продуктов земледельческой промышленности, зерновых хлебов, муки и хлопка, и, с другой стороны, Англия платит им мануфактурными изделиями; кроме того, она же, вместе с близко следующей за ней Норвегией, ссужает свои суда для перевозки американских товаров: считая английские колонии в Антильском море и Канаду с Великобританией, Соединенные Штаты более половины своего торгового обмена делают с землями английского языка. Франция, которая была вторым клиентом, ввозит тоже хлеб и хлопок, давая в обмен шелковые материи, мануфактурные изделия и предметы искусства. Германия, представленная в Соединенных Штатах столь большим числом своих сынов, ведет, благодаря им, весьма значительную торговлю с Северо-Американской республикой. Сопредельные страны, на севере Канада, на юго-западе Мексика, развивают свой обмен по мере возрастания населения и расширения сети железных путей. Остров Куба, столь близкий к побережью южных штатов, может быть рассматриваем как экономическая провинция великой соседней нации, которая покупает у него производимый им сахар в обмен на хлеб и соленое мясо. Бразилия продает Соединенным Штатам свой кофе и также получает в уплату пшеничную муку и мануфактурные изделия; но, вообще говоря, Южная Америка имеет довольно слабые торговые связи с великой республикой северного континента; несмотря на авансы дипломатов Севера в пользу образования всеамериканской лиги, республики Юга наиболее деятельные сношения ведут всё-таки с Европой. Наконец, торговля Соединенных Штатов с крайним Востоком гораздо менее развита, чем можно бы было предполагать, судя по относительной близости Сан-Франциско к Иокогаме и Шанхаю: в этом отношении Северная Америка имеет значительное преимущество над Англией и Германией, но её запретительная политика относительно китайских иммигрантов уронила её в мнении азиатов и разрушила все её предприятия: Китай в конце концов отмстил за себя, терпеливо, без шума и без разрыва.

Торговля Великих озер, принимая во внимание относительную длину линии берегов, гораздо значительнее торговли океанского побережья: она возрасла в неимоверной степени с того времени, как Кавелье-де-ла-Салль пустил свое судно «Griffon» по волнам Ниагары, чтобы подняться в озеро Эри. В 1889 г., в продолжение 234 дней навигации, совокупность товаров, перевезенных по реке Детройт, между озерами Гурон и Эри, была исчислена в 27.470.260 тонн, для одних только американских портов. Это громадное количество грузов состоит главнейше из руд, каменного угля, леса и земледельческих продуктов; мануфактурные товары, менее тяжеловесные и более ценные, перевозятся обыкновенно по железным путям. Эта торговля распределяется между 108 портами, при чём на долю 16 важнейших приходится более трех пятых итога её оборотов: Буффало, Чикаго и другие многолюдные города побережья занимают, натурально, первое место по ввозу, тогда как по вывозу с ними соперничают горнозаводские города западного Мичигана, как Эсканаба. Ашланд, Маркет, Ту-Гарборс. В 1889 г. коммерческий флот Великих озер, увеличивающийся с каждым годом, состоял из 2.205 судов, вместимостью 826.360 тонн, и пароходы составляли более половины этого числа.

Доля паруса и пара в составе американского флота на Великих озерах: в 1886 г.: 1.060 парусн. судов, вместим. 309.767 тонн; 937 паровых, вмест. 324.000 тонн; в 1889 г.: 902 парусн. судов, вместим. 302.658 тонн; 1.153 паровых, вмест. 523.000 тонн.

Перевозки по рекам представляют более значительное движение, чем каботаж на Великих озерах, но речными путями пользуются преимущественно для транспортирования тяжеловесных и малоценных продуктов. Так, почти всё товарное движение на р. Огайо состоит

из грузов угля и соли; сколько-нибудь ценные товары почти исключительно отправляются по железной дороге, а плавание пассажиров ограничивается переправой через реку на судах-паромах (флот на р. Огайо, выше города Цинциннати: 5.214 судов; движение грузов: 2.526.415 тонн). То же самое нужно сказать о Миссисипи и других её притоках, по которым первые французские колонисты плавали на «cajeux», т.е. циновках из тростника (торговое движение на Миссисипи, между р. Огайо и Новым Орлеаном, в 1890 г.: 3.179.776 тонн). Несмотря на их географическую цену, как главных деятелей в процессе видоизменения земного рельефа; несмотря на их первостепенную историческую важность, как естественных дорог, которыми следовали народы в своих переселениях,—реки всё более и более заменяются другими, более удобными путями для перевозки пассажиров и ценных товаров, особенно когда их магистральное направление, как у Миссисипи, текущей с севера на юг, пересекает поперечно ось торгового движения, направляющагося от запада к востоку.

В эпоху, когда реки были главными торговыми путями, их деятельно старались дополнить сетью каналов, соединяющих между собой различные бассейны. Так, течение Огайо было связано с Великими озерами несколькими каналами, а существовавшее некогда сообщение между озером Мичиган и Миссисипи было восстановлено чрез реку Иллинойс. Заливы Атлантического побережья также сообщаются посредством внутренних водных путей, и заинтересованные штаты начали сооружение каналов, поднимающихся рядом шлюзов до самого сердца Аллеганских гор. Совокупность этих искусственных путей составляет около 5.000 километров и служит для перевозки от 25 до 30 миллионов тонн. Из всех этих предприятий, осуществленных американцами, самое замечательное, относящееся к первой половине настоящего столетия, есть бесспорно прорытие Эрийского канала, соединяющего озеро этого имени с рекой Гудсон, у города Альбани. Этому судоходному пути не приходится переходить через порог в собственном смысле: раздельное возвышение почвы, едва обозначенное, тянется вдоль озера, к востоку от этого прибрежного порога, и канал, глубиной немного более 2 метров, спускается по скату в 173 метра рядом шлюзов, в числе 72, образующих лестницу, постепенно понижающуюся от верхнего плато к долине Дженеси. Длина магистрального пути, к которому присоединяются многочисленные разветвления, между прочим, ветвь озера Чамплен, 571 километр; Нью-Йоркский штат истратил свыше 225 миллионов франков на это грандиозное общеполезное сооружение, которое, впрочем, много способствовало процветанию торговли Нью-Йорка, сделав из этого города, так сказать, коммерческое устье всего бассейна Великих озер. Перевозка грузов, преимущественно хлебных, по Эрийскому каналу обнимает миллионы тонн и представляет ценность около миллиарда (в 1886 году по этому каналу было перевезено разного рода товаров 5.300.000 тонн, на сумму 900.000.000 франк.) Тому же каналу штат Нью-Йорк обязан быстрым заселением всей своей западной части; при каждом шлюзе возник город; точно вдоль большой реки, целая цепь городов, не менее важных, чем города на Гудсоне, образовалась на протяжении этого искусственного водного пути, и, понятно, в том же направлении, придерживаясь пояса заселения, должны были строиться главные линии железных дорог. Само собой разумеется, компании, владеющие этими линиями, завидуя огромному движению грузов по каналу, пытались разорить соперничающее предприятие, чтобы захватить в свои руки все перевозки; но более счастливые, чем населения Лангедока, которым Южный канал не приносит более никакой практической пользы, нью-йоркцы успели пока защитить свой канал от алчности «королей банка и железных дорог».

Начатки железнодорожной промышленности были скромные в Соединенных Штатах, как и в Европе. Первая дорога этого рода была линия рельсов, положенная в 1827 году, в одной ломке гранита, в штате Массачузетс, около Кенси, приморского местечка, лежащего к юго-востоку от Бостона. Несколько месяцев спустя, другой подобный же каток, называвшийся «железным путем», был построен на антрацитовых копях Моч-Чунк, в Пенсильвании: но первая дорога с локомотивами, приводимыми в движение силой пара, была рельсовая линия, проведенная в 1831 году из Альбани в Шенектади, от Гудсона до Могавка, длиной в 27 километров. Через десять лет общее протяжение железных путей с паровой тягой

превышало уже 5.000 километров, и с того времени возрастание железнодорожной сети шло всё быстрее и быстрее, исключая только период междоусобной войны: и тогда, правда, было построено несколько стратегических линий, но от дальнейшего расширения сети торговых путей пришлось отказаться. По заключении мира, работа возобновилась с удвоенной энергией. Нет года, в который бы не было положено по малой мере десяти тысяч километров рельсов; в 1887 г. цифра эта перешла за двадцать тысяч (20.721 километр).

Расширение сети северо-американских железных дорог в разные эпохи (длина в километрах): в 1831 г.—27; в 1841 г.—5.691; в 1851 г.—50.336; в 1871 г.—97.456; в 1881 г.—151.976; в 1891 г.—274.497; в начале 1899 г.—300.633 километра.

Основной капитал железнодорожной сети Соединенных Штатов, в виде акций и облигаций, превышает 55 миллиардов франков, и эта отрасль промышленности дает занятие целой армии агентов, в которой насчитывается свыше семисот тысяч человек. Понятно, что североамериканская инициатива хвалится, как одним из своих триумфов, густой железнодорожной сетью, которою покрылась территория республики: Союз сам по себе богаче Европы железными путями, а вместе с Южной Америкой он имеет их больше, чем все остальные страны, Старый Свет и Австралия.

Длина всемирной сети железных дорог в конце 1891 г.: 635.023 километра. Соединенные Штаты—274.497 килом.; Соединенные Штаты и остальная Америка—341.393 килом.; Старый Свет и Австралия—293.630 килом.

Особенные условия, в которых находятся Соединенные Штаты, вследствие иммиграции, объясняют увлечение американцев в деле постройки железных дорог. Громадность занятой территории и отдаленность центров культуры вынуждали жителей заняться прежде всего устройством путей сообщения, и так как обыкновенные дороги малочисленны, а содержание их затруднительно, то естественно пришли к мысли, что всего лучше восполнить этот недостаток в проезжих дорогах более совершенным механизмом, позволяющим гораздо более быструю циркуляцию. Европейские города, издавна соединенные между собой хорошими грунтовыми дорогами, не испытывали в этом отношении такой настоятельной потребности, как северо-американские; последние могли обойтись без примитивных путей сообщения, для того, чтобы принять усовершенствованный тип их, предлагаемый современной индустрией. Да и вне городов, в сельских местностях, обладающих плодородной почвой, но не заселенных, железная дорога позволяла ускорить колонизацию, облегчала расселение пионеров, беспрестанно оттесняемых всё далее в глубь страны непрерывным приливом иммиграции. Тогда как в Европе железный путь строится между существующими городами, в Соединенных Штатах он предшествует основанию городов, выдвигаясь далеко в ненаселенные области: местоположение деревень, торговых местечек, даже столиц, наперед намечается станциями, пересечениями, узлами железных дорог.

Быстрой постройке железных путей благоприятствовал самый характер местности в восточных областях республики. Первые линии были проведены в низких или слегка волнистых землях приатлантических штатов; затем, продолжив эти линии на запад по широким брешам, перерезывающим Аппалахские цепи, строители увидели перед собой обширные волнообразные равнины бассейна Огайо и прерии Индианы и Иллинойса, столь удобные для прокладки дорог. По ту сторону Миссисипи, в равнинах, полого поднимающихся к основанию Скалистых гор, дело было ещё легче, и рабочим оставалось только положить рельсы, в ожидании, когда значительное развитие движения потребует более солидного устройства пути. Большие трудности представились при проведении железных дорог через горы и высокие плоскогорья, по каменистым или солончаковым пустыням, где бродили только индейцы-звероловы. Но в эпоху, когда была проектирована постройка первой трансконтинентальной железной дороги, Соединенные Штаты были уже богаты, и накопленные капиталы позволяли попытаться осуществить это грандиозное предприятие: нужно было во что бы то ни стало соединить два порта Атлантического и Тихого океанов, Нью-Йорк и Сан-Франциско.

До того времени дорога эмигрантов, между передовыми постами Миссури и Калифорнией, была не что иное, как колея, проложенная грузными телегами, запряженными волами и мулами. Люди были вооружены для защиты от нападений индейцев и форсирования прохода в опасных ущельях, и везли с собой запас провизии, рассчитанный на полугодовое странствование, с апреля до октября; иногда подолгу не встречалась вода, подножный корм был недостаточен, и животные падали среди дороги: каждое путешествие стоило жизни многим эмигрантам. Наконец, во время междоусобной войны, когда сама борьба положила конец спорам между сторонниками южного и северного направления, это последнее было принято окончательно, и с 1865 года приступили к делу. Образовались две компании, из которых каждая прокладывала свою линию к плоскогорью Большого Бассейна, где должно было произойти соединение между двумя путями. Располагая капиталами, доставленными правительством и крупными капиталистами, строители могли окончить это огромное предприятие в четыре года, и рассказывают, что рабочие, по большей части китайцы, разделяя общее рвение, укладывали до 17 километров рельсов в один день; правда, что значительная часть работ носила характер временных сооружений. Со времени открытия двух линий, смыкающихся у Огдена, в Большом Бассейне, было построено ещё несколько трансконтинентальных железных путей, и даже нельзя указать в точности их число, так как они пересекаются своими ветвями; за пределами Соединенных Штатов Канадская конфедерация также имеет свою железнодорожную линию от моря до моря.

Трансконтинентальные линии Северной Америки в 1891 г. (длина в километрах): Канадская Тихоокеанская, из Квебека в Ванкувер—4.932; Северн. Тихоокеанская, из Нью-Йорка в Асторию, через Чикаго—5.839; Централ. Тихоокеанская, из Нью-Йорка в С.-Франциско, через Огден—5.412; из Нью-Йорка в С.-Франциско, через Топеку и Санта-Фе—7.480; Южная Тихоокеанская, из Нового Орлеана в С.-Франциско—4.015.

Громадное пространство, которое проезжаешь от Атлантического побережья до калифорнских берегов, представляет между крайними пунктами, как, например, между двумя Нортландами,—один в штате Мэн, другой в штате Орегон,—около 54 градусов по долготе, т.е. почти равное шестой части земной окружности: когда в Нью-Йорке полдень, в Сан-Франциско нет ещё девяти часов утра. В стране относительно небольших размеров, как Франция и Германия, где часы разнятся от часа центрального места лишь на малое число минут, много что на тридцать или на сорок, можно принять фикцию общего полудня для всех точек территории, но громадность протяжения Соединенных Штатов не позволяет прибегнуть к подобной условности: во избежание путаницы в счете часов и замешательства в торговых сношениях, компании согласились между собой разделить массу континента на поясы в 15 градусов ширины, в каждом из которых час считается один и тот же. Таким образом Северная Америка в отношении счисления времени делится на пять поясов, *Intercolonial Time*, *Eastern Time*, *Central Time*, *Mountain Time*, *Pacific Time*, и особыми соглашениями между железнодорожными обществами и важнейшими городами определены станции, где совершается переход от одного часа к другому.

Почин спекулянтов и союз частных капиталов были достаточны для постройки первой сети в западных и центральных штатах, но род головокружения, произведенного открытием золотых россыпей в Калифорнии, и настоятельная потребность в устройстве быстрых путей сообщения между двумя половинами республики вызвали чреватую последствиями перемену в отношениях между компаниями и правительством. Общественное мнение, увлеченное, не устояло перед ходатайствами капиталистов, и хотя выбор дороги и управление предприятиями остались за концессионерами, казна широко раскрылась для них: им не только подарили обширные пространства земли, принадлежащие нации, но, сверх того, их наградили денежными пособиями, и раз прецедент был установлен, не имели уже мужества отступать от него: когда первый трансконтинентальный путь был окончен, дали подобные же льготы и преимущества конкуррирующим предприятиям, затем и другим обществам. Железнодорожные компании получили уже сотни миллионов субсидий, которые, впрочем, представляются

маловажными в сравнении с ценностью миллионов гектаров земли, которые были им подарены на обеих сторонах пути. По фиктивной норме оценки, принятой при выдаче концессий, эти земли представляли, правда, всего только один доллар с четвертью за акр, т.е. от 15 до 16 франков за гектар; но проложение пути сразу подняло их цену, и компания могла, кроме того, регулировать продажу по своему произволу, могла спекулировать на земельные участки, сбывая наименее полезные для неё и оставляя за собой, для будущих операций, те, на которых должны были возникнуть города и выстроиться ветви главного пути. Искусным управлением своими громадными имениями, так же, как тарифной игрой, большие компании успели приобрести господство над всей территорией, главной артерией которой они владели, и, несмотря на сопротивление заинтересованных, господство это во многих округах сделалось почти полным. По странному совпадению, во многих штатах законы запрещают продажу земли не натурализованным иностранцам, а между тем крупными скупщиками, приобревшими земли миллионами гектаров, являются в большинстве англичане, благодаря образованию анонимных обществ. Общая площадь национальных земель, уступленных железнодорожным компаниям, не считая субсидий деньгами, с 1865 по 1890 год, составляет 90.000.000 гектаров. Жалуются также, что Национальные Парки, продажа которых участками мелким землевладельцам воспрещена, сделались в действительности охотничьими парками директоров финансовых компаний, владеющих ведущими к Паркам железными дорогами и воздвигнутыми там отелями. Каждый из этих каравансараев—таков, например, колоссальный отель, построенный возле Мамонтовых Террас, в Иеллостонском Парке—есть в действительности центр настоящего владетельного княжества.

Понятно, что экономическое и даже политическое преобладание компаний всего легче могло установиться в штатах и территориях Запада, где население сравнительно редкое; но и в других штатах сила их возрастала вместе с концентрацией капиталов, и даже в восточной части Союза обладание той или другой железной дорогой или сетью, монополизирующей пути сообщения между значительными городами и господствующей над промежуточными рынками, часто отдавало благосостояние или разорение целых округов в руки нескольких спекулянтов. Борьба, предпринятая непосредственно различными общинами против компаний, оканчивалась в большинстве случаев к выгоде последних, или приводила к хромающим сделкам, почти всегда нарушаемым в пользу всемогущей перевозочной промышленности. Союзы сельских хозяев, известные под именем «Granges», должны были, после долгого сопротивления, принять продиктованные им условия, утвержденные и высшим судебным учреждением республики. Многие города тщетно пытались защитить свои площади, улицы и набережные от захватов со стороны железнодорожных станций, с их запасными путями; значительные кварталы больших городов, как Чикаго, Буффало, Канзас-Сити, очутились в железном кольце, образуемом десятерным поясом рельсов. Сколько раз сами штаты были побеждены решением местных законодательных собраний или палат Конгресса, доступных, как и отдельные лица, подкупу и интриге!

Однако, железнодорожные общества пока ещё не соединились в один общий синдикат для эксплоатации сети Северной Америки. Это событие, конечно, не замедлит наступить; но, в ожидании его, компании ведут между собой ожесточенную конкурренцию, по крайней мере в восточных штатах. Многие из них, эксплоатируя одни и те же области параллельными линиями, сражаются сбавками тарифа: они надеются этим способом восторжествовать над соперничающей компанией, купить её или заставить уступить перспективой разорения. Иногда борьба принимает дотого острый характер, что, войдя в азарт, подобный тому, какой овладевает держателями пари на скачках, служащие, рабочие бывают охвачены чем-то в роде коллективной страсти, ярым патриотизмом местной сети, и не раз случались формальные баталии между железнодорожниками, *railroadmen*, той или другой линии. Экономическая история Соединенных Штатов представляет даже памятный пример железной дороги, которую оспаривали друг у друга два враждовавших капиталиста, и по которой пустились два локомотива в противоположном направлении, для того, чтобы констатировать завладение именем своего господина. Американская публика с замиранием сердца следила за этими

двумя машинами, разобьются ли они одна о другую, или, как это и случилось в действительности, одна из них благоразумно отступит в последний момент перед столкновением? Состояние войны или «угрожающего мира» между соперничающими компаниями привело к тому, что компании эти организовались, как армии, с полным штабом и всего чаще с одним директором-распорядителем, которого можно уподобить главнокомандующему. Он держит в своих руках большинство акций и распоряжается ими по своему произволу, для поднятия или понижения курса; он субсидирует или покупает газеты, чтобы создавать или направлять общественное мнение; он посылает своих адъютантов, финансовых и политических, на биржу и в палаты Конгресса, для подготовления спекуляционных ударов и для принятия участия в выработке законов. Брайс[1] уже подметил автократический характер этих финансовых обществ, представляемых директорами, которые в действительности пользуются большей властью, чем правители страны. «Монархия, упраздненная в государстве, возрождается в промышленности и финансах».

Соперничество между компаниями помешало созданию сети путей с правильными звеньями, в роде сети французских железных дорог, линии которых расходятся в виде радиусов, и которые соединены на равных расстояниях поперечными линиями, на-подобие ткани паука. Напротив, американские линии сближаются, в виде пучков, между важными городами, и в густо населенных областях переплетаются в настоящий хаос, среди которого путешественнику крайне трудно ориентироваться, так как указания, даваемые различными компаниями, относятся только к собственному предприятию данной компании. Но если сеть кажется расположенной без всякого порядка, то служба одинакова на всех линиях, вагоны построены по одному образцу, и ширина колеи везде однообразная, именно в 1,425 метра. Вагоны эти, более обширные, более удобные, более роскошные, чем французские, с их тесными перегородками, перевозят также, в среднем, гораздо более значительное число пассажиров.

Железные дороги в Соединенных Штатах 31 декабря 1889 г., по Пуру (Poor): общая длина сети 259.688 килом.; перевезено пассажиров—495.124.767; средняя длина проезда—40; перевезено товаров—619.137.237; средняя длина перевозки—179; общий валовой доход железных дорог—992.856.856 дол. (свыше 5 миллиардов франков); общий расход—674.731.517 доллар.; прибыль, включая сюда доходы с земель—406.959.487 доллар.

Сравнительная стоимость постройки километра железного пути[2] во Франции—399.418 франк.; в Соединенных Штатах—202.725 франк.

В 1898 г. в Соедин. Штатах, при длине сети 186.810 англ, миль, валовой доход был: 1.249.558.724 долл., прибыль 389.666.474 долл.

На линиях, едва оконченных, с насыпями, ещё недостаточно осевшими, с шатающимися временными мостами и путеводами, и с закривлениями очень малого радиуса, несчастные случаи следуют один за другим; но на больших линиях, хорошо устроенных, несчастия бывают редки, едва-ли даже не реже, чем во Франции, где так мало простора оставлено частной инициативе, где публика так хорошо защищена от неприятных приключений барьерами и вывешенными правилами, и где число служащих относительно, т.е. принимая во внимание длину сети и размеры движения, втрое больше, чем в Америке; однако, сравнительные таблицы были бы обманчивы, так как компании не дают списков несчастных случаев или публикуют лишь неполные статистики. Приблизительная статистика несчастий, случившихся на железных дорогах Соединенных Штатов с пассажирами, служащими и прохожими, в 1890 году: 806 убитых, 2.812 получивших увечья.

Что касается финансовых невзгод железнодорожных предприятий, то они следуют одна за другой с изумительной быстротой. Беспорядочные спекуляции и неравная борьба мелких компаний против больших имели следствием многочисленные крахи: в десятилетие с 1877 до 1886 года насчитали 343 компании (т.е. одна на пять), объявивших себя несостоятельными, на общую сумму около десяти миллиардов франков. В 1889 г. совокупность железных

1 „The American Commonwealth“.

2 Martin, „Association francaise pour l'Avancement des Sciences“, 1890.

путей под секвестром представляла общую длину свыше 26.000 километров. Банкротства слабых компаний были очень выгодны для сильных обществ, которые покупают или снимают в аренду секвестрованные сети за относительно ничтожную сумму. В 1890 г. вся железнодорожная сеть заключала в себе 1.705 отдельных предприятий, но управляющих компаний было только 609, и большинство их соединены в синдикаты, подчиненные воле одного человека. В виде примера этих могущественных предприятий, можно указать на общество *New-York Central*, которое владеет одной конечной станцией, расположенной на острове Мангаттан, и линии которой разветвляются на север и на запад, к Бостону, Канаде, Великим озерам, Чикаго. Другая компания, *Pennsylvania Railroad*, начала скромно маленькой линией из Филадельфии в Гаррисбург, оканчивавшейся на обеих оконечностях наклонными плоскостями, где поезда были тащимы лошадьми; теперь сеть, владеемая или управляемая этой компанией, обнимает свыше 13.000 километров и продолжается на разных пунктах примиссисипской области, переходя даже на другую сторону реки. И это общество Пенсильванской железной дороги, которому нет равного между перевозочными предприятиями Старого Света, кроме, разве, германского правительства, уже превзойдено, в свою очередь: один синдикат на западе Союза командует движением на обширной сети в 35.000 километров, а недавно образовалась другая группа, с целью сосредоточить в своих руках сообщения на сети длиной свыше ста тысяч километров между Чикаго и побережьем Тихого океана.

Занимая первое место в свете по развитию сети обыкновенных рельсовых путей, Северо-Американский Союз далеко опередил также все другие государства в отношении постройки железных дорог с электрической тягой. С 1885 года, эпохи первых серьезных попыток в этом направлении, этот двигатель всё более и более оценивается и входит в употребление. Нет почти города, который не обзавелся бы уже одним или несколькими электрическими путями[1]: в 1898 году они представляли в сложности длину в 16.197 англ. миль. Но, по какому-то странному контрасту, эта страна, которая трудится с таким усердием и успехом в деле создания сети быстрых сообщений, до сих пор пренебрегала устройством государственных, земских и проселочных грунтовых путей; обыкновенно дороги, даже в ближайшем соседстве больших городов, представляют из себя *dirt-roads*, узкия тропы, которые поддерживаются кое-как местными фермерами, без правильного профиля, без устилки битым камнем, просто только выравниванием колеи да наваливанием земли и накладкой дерна с соседних откосов. Плохое состояние дорог есть, без сомнения, одна из причин, наиболее способствующих обезлюдению деревень: дороговизна перевозки по сельским дорогам разоряет многих фермеров, которые, вследствие этого, переселяются в города при железнодорожных станциях. Во всех округах, где *townships* надумались построить хорошие дороги, земля тотчас же поднялась в цене, и население снова увеличилось[2].

Северо-американцы не занимаются «извозным промыслом на морях», как их сородичи англичане и как норвежцы. Факт этот кажется на первый взгляд тем более удивительным, что ещё в половине настоящего столетия три четверти внешней торговли производились под их собственным флагом. Первые колонисты, селившиеся почти исключительно в соседстве моря, жили частию продуктами рыбной ловли, очень обильными в этих водах; кроме того, они имели в своем распоряжении прекрасный строевой лес, доставлявшийся сплавом по внутренним водным путям: смелые и предприимчивые, какими и должны были быть люди, не побоявшиеся переменить отечество, американцы собственными средствами исполняли все свои перевозки, и судоходство их занимало первое место в свете, после судоходства Англии. Но совершившийся затем промышленный переворот изменил положение дел к их невыгоде: пар заменил парус в деле перевозки пассажиров и товаров, и в то же время железо всё более и более вытесняло дерево в постройке судов. С этого времени американцы потеряли большое преимущество, которое им давали их обширные леса: железные кузовы обходят-

1 Ch. H. Cooley, „Census Bulletin“, № 55, April, 1891.

2 Isaac B. Potter, „The Forum“, November, 1891.

ся им дороже, чем англичанам, по причине более высокой заработной платы в Америке, а потому американцы, естественно, должны были сократить деятельность своих кораблестроительных верфей; и так как годовая убыль судов не пополнялась, то доля Соединенных Штатов в общей торговле постоянно уменьшалась. Затем наступила междоусобная война, которая разом сократила на целую треть американский торговый флот, выставленный нападениям пиратов. После восстановления мира, надеялись, что присущая национальному гению эластичность проявится также в воссоздании флота, но те же экономические причины не переставали действовать, и уменьшение продолжается из году в год.

Торговый флот Соединенных Штатов в 1899 г.: 13.300 парусных судов, вместим. 1.825.318 тонн; 6.837 паровых судов, вместим. 2.476.011 тонн; всего (со включением барж и ладей, плавающих на каналах): 22.728 судов, вместим. 4.864.238 тонн.

В настоящее время (1899 г.) совокупность тоннажа по приходу в американские порты простирается, для одной только внешней торговли, до 26 миллионов тонн, из которых около 20 миллионов 770 т. тонн приходится на долю иностранных флагов.

Внешнее судоходство в портах Соединенных Штатов в 1890 г.: морские порты, в приходе—18.207 судов, вмест. 15.365.604 тонны, в том числе иностранных—12.773 судов, вмест. 11.961.020 тонны; озерные порты, в приходе—15.241 судов, вмест. 2.741.657 тонны; в том числе иностранных—9.458 судов, вмест. 2.063.120 тонны; всего—33.448 судов, вмест. 18.107.261 тонн; пришедших и отшедших—67.000 судов, вмест. 36.000.000 тонн.

В 1897—98 г. в главных портах Соединенных Штатов: тоннаж пришедших судов—25.579.399, отшедших—25.758.332.

Благодаря пароходам, сообщение между Америкой и Европой, прежде очень нерегулярное, производится теперь правильно, в определенный день для отхода, в вероятный день для прибытия. Известно, что судоходство при помощи пара, с успехом испробованное сначала в разных местах на Соне и Сене, на одном канале в Шотландии, на американских реках Гудсон, Шуилькиль и Миссисипи[1], впервые приняло промышленный характер в Нью-Йорке, после опытов Фультона, на Гудсоне, в 1807 г. Восемь лет спустя, пар восторжествовал над течением Миссисипи между Новым Орлеаном и Сент-Луисом. В 1819 году первый морской пароход «Саванна», вышедший из города того же имени, пустился по Атлантическому океану в Европу, но во время своего двадцати-пятидневного плавания до Ливерпуля он употреблял паруса совместно с паром и дал опередить себя многим парусным судам более легкой конструкции. Таким образом Соединенные Штаты взяли на себя почин введения трансатлантического мореходства, но надо было дать практическое доказательство его пользы. Можно сказать, что эра морских пакетботов началась только в 1838 году, с того дня, когда два парохода, *Sirius* и *Great Western*, отправившиеся, один из Лондона, другой из Бристоля, прибыли в Нью-Йоркский порт, с промежутком в несколько часов; кратчайший переход, именно *Great Western*'а, был сделан в четырнадцать с половиной суток. Два года спустя основалась линия Кюнард, которая доныне остается важнейшей из всех линий, содержащих срочное сообщение между Европой и Соединенными Штатами. В 1891 году насчитывалась уже целая дюжина трансатлантических пароходных обществ, имеющих вместе 84 пакетбота, совершающих каждую неделю правильные рейсы между Нью-Йорком и одним или несколькими портами Европы: кроме того, девять других пароходных линий возят пассажиров через более отдаленные промежутки или в неопределенные сроки. Пароходы главных линий из Нью-Йорка в Европу стараются превзойти друг друга в скорости, и часто составляются огромные пари на бег этих «гончих Океана», как в ипподроме на скачки лошадей. Пункты отправления и прибытия определены не от пристани до пристани, по причине особых затруднений, происходящих вследствие морского прилива и таможенного досмотра, но от входа в Квинстаун, в Ирландии, до мыса Санди-Гук, против Нью-Йорка, и ведется тщательная запись минут опоздания или упреждения в каждой части перехода через океан, с поправка-

1 Pierre Margry, „La Navigation du Mississipi et les precurseurs de Fulton“;—Mark Twain, „Life on the Mississipi“.

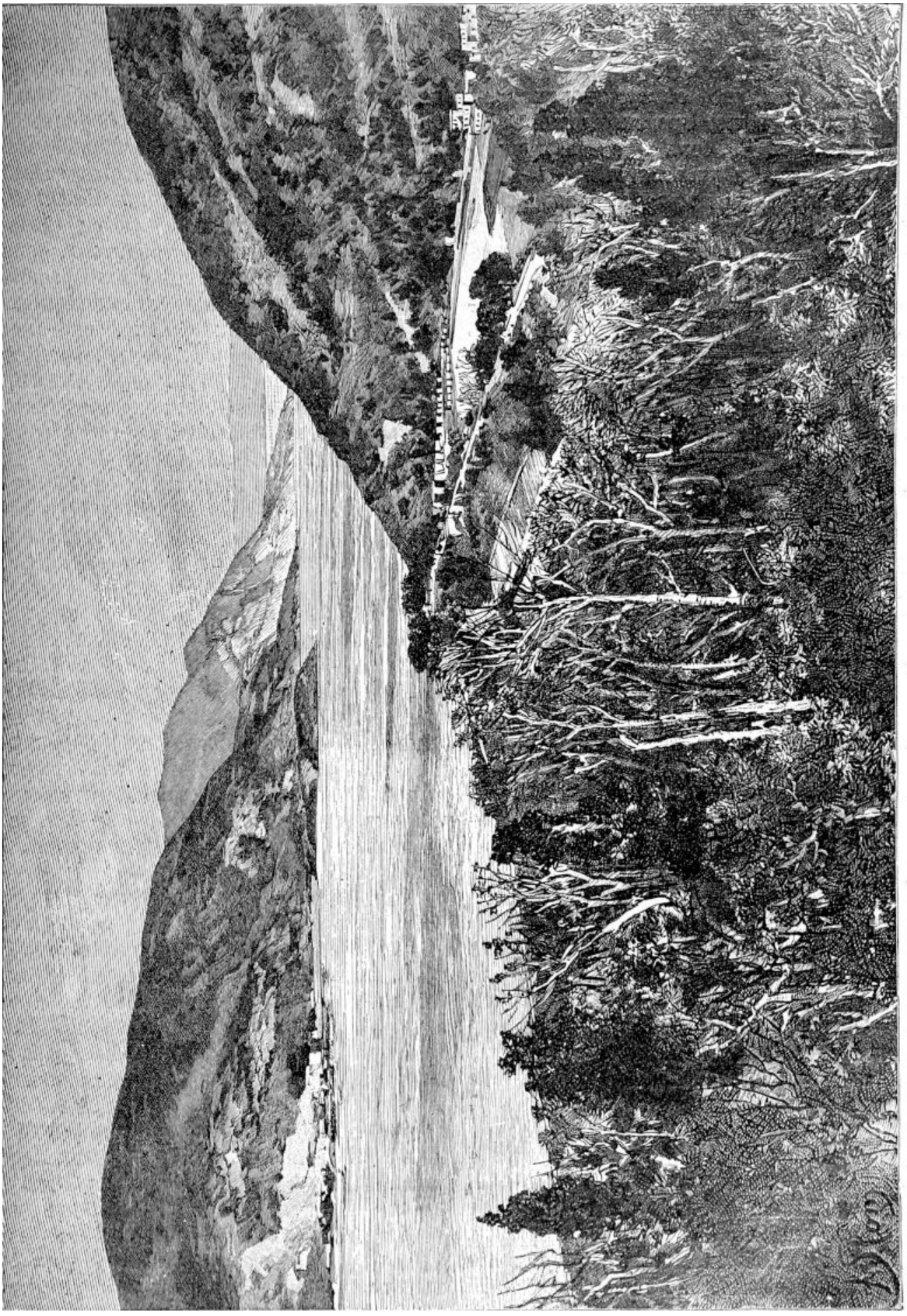
ми, требуемыми разностью долгот. В конце 1891 года первенство в состязании на быстроходность принадлежало пароходу *Teutonic*, из Ливерпуля, который совершил путь из Европы в Новый Свет в 5 суток 16 часов 31 минуту. Средняя продолжительность перехода через океан уменьшилась на двое суток в последние пятнадцать лет. Что касается парусных судов, то начиная с 1851 года «почетный кубок» всегда выигрывали американские суда.

VII. Народное просвещение

Статистические таблицы, относящиеся к земледелию, промышленности и торговле, свидетельствуют, что богатство изобилует и даже преизобилует в Соединенных Штатах, хотя оно распределено крайне неравномерно, как и в Европе. Следовательно, общественное и частное состояние может широко уделять средства для доставления образования всем гражданам, и оффициальные речи говорят о распространении знаний, как о важнейшей коллективной обязанности нации. Времена сильно переменились с 1671 года, эпохи, когда губернатор Виргинии, Вильям Баркелей, произнес следующие памятные слова, «слава Богу, у нас нет ни свободной школы, ни типографии, и я надеюсь, что пройдет ещё сто лет прежде, чем они заведутся, ибо просвещение породило в мире ересь, сектантство и неповиновение; печатный станок распространяет их среди населения, прибавляя ко всему этому злу ещё нападки на правительство!» Но колонии Новой Англии уже лет за двадцать до того времени имели у себя школы, правда, только церковно-приходские, состоявшие под управлением пасторов и старшин: главная цель этих учебных заведений была «разстроивать козни старого искусителя сатаны» и «мешать лжеученым затемнять истинный смысл Писания». Однако, эти школы мало-по-малу преобразовались и постепенно утратили свой строго религиозный характер. Что ещё осталось из старых законов Массачузетса, и что сделалось правилом, более или менее верно соблюдаемым во всех штатах Союза,—это то, что каждая группа семей, образующая селение, обязана иметь начальную школу, и что колледжи или высшие училища должны существовать в каждом городе.

Часто говорили, что северо-американские школы обязаны своим происхождением частной инициативе. Ей, без сомнения, принадлежала большая доля участия в этом деле, но совокупность граждан, представляемая государством, во все времена вмешивалась в управление и финансовое обеспечение народного просвещения. Общины, основавшие первые школы в английских колониях, преследовали двоякую цель: они хотели формировать «людей образованных и правоверных, способных в одно и то же время к занятию должностей духовных и гражданских». Но с течением времени совершилось раздвоение. Конфессиональные (вероисповедные) школы сделались частными заведениями, и государство косвенно приобрело преобладающую роль в публичных школах и колледжах: средства, вотируемые на содержание этих училищ законодательными собраниями отдельных штатов и Конгрессом, составляют в действительности бюджет народного просвещения, отличающийся от подобных же бюджетов европейских государств только способом управления этими суммами. С 1785 года было решено, чтобы каждый шестнадцатый участок в ново-кадастрованных землях был оставляем для общественных учебных заведений. Каждый штат, принятый в число членов Союза, становился вместе с тем владельцем обширных земельных дотаций, выручаемые от продажи которых суммы должны были быть употребляемы на дело народного образования. Многие штаты очень дурно утилизировали эти великолепные подарки: так, например, Огайо извлекает из своих 14.000 гектаров общественной земли ничтожный доход в 13.000 долларов, т.е. меньше доллара с гектара; Иллинойс, ещё более расточительный, продал свое земельное имущество по цене один с четвертью доллар за акр. Но в случае дефицита, общегосударственная казна всегда приходила на помощь местным администрациям. В 1848, 1860, 1887 и 1890 годах Конгресс вотировал новые фонды для обеспечения содержания общественных учебных заведений; до 1888-го года дотации в виде земель достигали в сложности 31 миллиона гектаров,—площадь равная трем пятым пространства Франции. Впрочем, сум-

мы, выручаемые от продажи земель, составляют лишь небольшую часть—около одной пятой бюджета школ. Прямой налог, вотируемый законодательными собраниями штатов, превышает ежегодно сто миллионов долларов, т.е. полмиллиарда франков. Расход на содержание

Вестъ-Пойнтъ и рѣка Гудсонъ.

начальных и средних учебных заведений в 1897—98 г. составлял 194.020.470 доллара.

В начале принцип дарового и обязательного для всех детей обучения был провозглашен в школах Массачузетса, но мало-по-малу правило это вышло из употребления, когда, около

1850 года, посещение классов снова было сделано обязательным. Из Массачузетса и других штатов Новой Англии, доставляющих остальному Союзу столь значительный процент наставников, принцип обязательной и бесплатной школы распространился в большинстве других политических делений государства; однако, ещё не так давно, до междоусобной войны, знаменитая демаркационная линия 36°30' образовала преграду распространению просвещения, так как ученье не было в чести в той стране, где тяжкия кары грозили всякому, кто оказался бы виновным в обучении грамоте негра. Со времени отмены невольничества Юг, в свою очередь, входит в движение школьной пропаганды. Однако, начальное образование, общеобязательное в принципе, не есть таковое в действительности. Тогда как в образцовом штате, Массачузетсе, 443.000 детей и молодых людей, т.е. пятая часть всего населения, посещали в 1890 году учебные заведения, публичные или частные, колледжи и «академии», процент воспитанников начальных школ был далеко не так значителен. Во всём Союзе насчитывают сотни тысяч мальчиков и девочек, не умеющих читать, не только между иностранными иммигрантами, но и между природными американцами. В глухих сельских местностях, где школа собирается под простым деревянным навесом, среди лесов, расстояния иногда слишком длинны, чтобы дети, пешком или хотя бы даже на коне, могли поспевать вовремя, а в промышленных округах, где фабрика является конкуррентной школы, заработная плата малышей слишком драгоценна, чтобы родители пренебрегали ею. Но в целом всё-таки есть прогресс. Всенародная перепись 1890 года показала, что посещение школ увеличилось во всех штатах Союза, за исключением Мэна, Нью-Гампшира и Вермонта: это три штата, население которых меняется всего быстрее, вследствие постоянного прилива франко-канадцев, и относительное уменьшение числа школьников приписывают или меньшей заботливости этих иммигрантов о школьном образовании детей, или, скорее, трудности устройства приходских школ, отличных от училищ чисто английских[1].

Основание школ не обставлено никакими ограничениями: обучать может всякий, кто желает. Закон не установляет никакого надзора за частными учебными заведениями и не предписывает им никакой программы; он требует только, чтобы в них преподавался английский язык. Что касается публичных школ, предназначенных для детей, принадлежащих к самым разнообразным вероисповеданиям и сектам, то они ведутся обыкновенно вне всякого сектантского духа; однако, большинство из них сохранили в своем преподавании дух нейтрального «протестантизма», не могущего шокировать ни унитариан, ни баптистов, ни всяких иных христиан, отделившихся от Рима. Но католики жалуются и основывают конфессиональную школу при каждой из своих церквей: в 1889 году они имели около трех тысяч таких школ. Последователи епископального вероисповедания и лютеране также по большей части относятся неблагоприятно к общим школам; наконец, вопрос о языке сильно волнует общественное мнение в тех штатах, где английская речь не сделалась ещё языком всего населения. Так, у немцев есть многочисленные частные школы в Мичигане, Висконсине, Миссури, где они составляют значительную часть населения; канадские французы Новой Англии и креолы в Аттакапа и Опелуза настаивают на том, чтобы в их школах французский язык преподавался совместно с английским; испанцы Новой Мексики предъявляют с таким же правом аналогичные требования. Приблизительно определяют в восемьсот тысяч число детей, посещающих частные школы, и в восемьсот тысяч число учеников приходских школ: вместе эти воспитанники составляют девятую часть школьного населения.

Начальные школы Соединенных Штатов в 1890 году[2]:

Число учащихся, внесенных в списки—14.372.683; число школ—184.000; число учителей (361.781 в обществ. школ.)—400.000.

В 1897—98 г. в штатных общих школах (State common Schools): в начальных—14.589.134 учеников и учениц, внесенных в списки, и 391.261 учащих; в средних: 449.502 учащихся и 17.932 учащих.

1 „Census Bulletin“, № 53, April 20, 1891.

2 Robert F. Porter, „Eleventh Census“.

Над элементарными школами стоит иерархия средних и высших учебных заведений всякого рода, колледжей, институтов, академий, училищ нормальных и технических, университетов, основанных либо штатами, либо духовными корпорациями, либо, наконец, частными лицами. Федеральное правительство не имеет школ, кроме специальных заведений для подготовки к военной службе: оно содержит военное училище в Вест-Пойнте, в одной из очаровательнейших местностей, на берегах реки Гудсон, для сухопутных кадет, и морское училище в Аннаполисе, на берегу Чизапикской бухты, для офицеров флота; кроме того, оно основало школу для унтер-офицеров в Ливенворте, в Канзасе, и близ Нью-Гавна школу для юнг. Государство не выдает дипломов: свидетельства этого рода выдаются только самими школами, и уважение, которое они доставляют своим обладателям, разнится, смотря по репутации, какою пользуется заведение, выдавшее диплом; из сотни тысяч врачей, которые выходят из 170 медицинских школ Союза, соединенных по большей части с госпиталями, вероятно, далеко не все выдержали бы приемный экзамен в какой-нибудь серьезный медицинский факультет. В этом отношении замечается огромная разница: иные так называемые «университеты» представляют в действительности лишь совокупность построек, без профессоров, без лабораторий, хотя имеют свой почетный совет и свой журнал; в иных посредственных колледжах зубрение нескольких учебников заменяет основательное учение; но есть также высшие учебные заведения, юное население которых, проникнутое любовью к науке, находит в лекциях своих избранных профессоров и во вспомогательных учреждениях, каковы библиотеки, музеи, лаборатории и обсерватории, все средства и пособия для серьезного образования[1].

Безусловное право, которое имеют женщины, как личности, пользоваться таким же воспитанием, как мужчины, и развиваться в полной мере, соответствующей их гению, не встречает никакого противодействия в Соединенных Штатах, и принцип этот настолько признан, что многие учебные заведения, школы, гимназии и университеты, открыты безразлично учащимся обоего пола. С 1804 года Брэдфордская академия, в Массачузетсе[2], первая стала принимать в одно и то же время юношей и девиц, и с той эпохи учебные заведения, основанные на принципе равной свободы и равной ответственности для студентов и студенток, сделались очень многочисленными, в особенности в штатах, лежащих в бассейнах рек Миссисипи и св. Лаврентия. В 1888 году насчитывали не менее 237 «совместно-воспитательных» колледжей на 389 высших школ, имеющих право выдавать дипломы: это составляет более двух третей. Кроме того, двести заведений, предназначенных для молодых девушек, принимают около двадцати пяти тысяч студенток. Для них основаны настоящие университеты, как, например, Вассар-Колледж, в Пучкипси: однако, первая школа Соединенных Штатов, Гарвард-Колледж, в Кембридже, открыла им лишь особое отделение, где некоторые профессора повторяют курсы, которые они уже прочли молодым людям. Уже помимо университетов женщины широко пользуются правом делаться медиками, проповедниками, адвокатами: в одном только 1889 году тридцать пять женщин были посвящены в сан пасторесс в секте унитариев[3]. Наконец, в начальных школах женщины принимают самое широкое участие в деле обучения, составляя две трети учительского персонала.

Старые университеты были в начале духовными учебными заведениями, которые постепенно преобразовались в светские колледжи; новые же университеты основаны штатами, церквами, или богатыми частными лицами, с целью доставления поступающим в них преимущественно научного образования; почти во всех этих заведениях власть директора имеет нечто монархическое: это «президент», прерогативы которого походят на прерогативы главы государства. Между этими многочисленными университетскими корпорациями только немногие, десятка полтора, может-быть, имеют более или менее важное значение в области научного труда и способствуют успехам человеческого знания. Без сомнения, не всё там

1 Claudio Jannet;—Auguste Carlier, „La Republique Americaine“

2 Alice Freeman Palmer, „Forum“, September, 1891.

3 Annie Nathan Meyer, „Woman's Work in America“.

оригинально, самобытно, и британские традиции борются там с рабским подражанием немецким школам[1]. Несомненно также и то, что атлетические игры берут изрядную часть времени, которое должно бы быть посвящено изучению наук; наконец, питомцы легко дают увлечь себя на скользкий путь корпоративного духа, столь противного духу научному, и во многих коллегиях юные граждане поддаются тщеславию носить специальный костюм; но между тысячами молодых людей, собранных в этих университетах, есть и такие, которые работают серьезно, не ради получения диплома, доставляющего синекуру или какое-нибудь хорошо оплачиваемое занятие. Все студенты, профессора, соседи и друзья, одинаково живо интересуются процветанием своей высшей школы, и когда встретится надобность в средствах для устройства музея, лаборатории, библиотеки или новой кафедры, их всегда находят без затруднения: иногда денег собирают даже более, чем нужно, так что остатки тратятся на бесполезные или сомнительного вкуса украшения. Сто миллионов франков—такова была дотация главного университета в Калифорнии. В 476 университетах и колледжах в 1895 г. состояло 10.897 профессоров и преподавателей и 143.632 студентов (в том числе 31.527 женщин).

Это ещё не всё: теперь под именем *University Extension*—«университет для всех» или народный университет—пропагандируется мысль о том, чтобы сделать всех граждан причастными прогрессу науки, приобщая их к соседним университетам, не только путем публичных лекций или бесед, читаемых профессорами, но также посредством систематических курсов, основания общественных библиотек в каждой деревне (например, в Массачузетсе в 1890 г. было 218 публичных библиотек, содержащих 2.500.000 томов), правильных посещений музеев и лабораторий, употребления трехмесячных вакаций для коллективных изучений, где профессора и воспитанники собирались бы в одном месте. Можно ли встретить где-нибудь, кроме Соединенных Штатов, целые города из палаток, расположившиеся на морском пляже, на берегу озера или в лесу, и населенные людьми, которые поставили себе целью учиться сообща, слушать один и тот же курс, предаваться целому ряду коллективных исследований? Без сомнения, эти странствующие колледжи не всегда дело вполне серьезное, и реклама профессоров, содержателей отелей, поставщиков может играть тут не малую роль, но не есть ли уже замечательное знамение времени и самый факт, что этот род рекламы может действовать на значительную часть общества? Много есть американцев, которые, говоря о каком-нибудь умственном центре, Гарварде, Яле, или другом, повторяют известное выражение Перикла: «Афины—эта школа Греции». Они умеют уважать также природу, доказательством чего может служить национализация Национальных Парков. Где в другом месте найдешь частные сады, более широко открытые для публики, без каменной ограды, без решетки, грубо прерывающей естественные линии пейзажа?

Если бы кто-нибудь спросил, имели ли американцы, инициатива и предприимчивость которых оказала в области промышленности решительное влияние, имели ли они также свою долю участия в успехах наук и произведениях искусства, то это был бы праздный вопрос. Конечно, у народа, только вчера народившагося, не было ещё ни Эсхила, ни Шекспира, ни Ньютона, ни Лапласа, ни Гельмгольца, но «понять—значит сравняться», и как много уже в американском обществе людей, занимающихся наукой и открывающих в ней новые пути, людей, стремящихся проникнуть в тайны природы и воспроизводить её в художественных творениях! Не должно ли человечество причислять к гениям, внесшим вклад в общую сокровищницу высоких идей и совершенных форм, таких людей, как Эмерсон, Торо, Лонгфелло, Лоуэль? Между пятью или шестью тысячами книг, ежегодно выходящих в свет в Америке, многие составляют драгоценную прибавку к человеческому знанию, и мало найдется стран, которые могли бы соперничать с Нью-Йорком и Бостоном по ценности периодических сборников, научных и литературных. Что касается периодической печати, то если бы судить о степени развития литературы у данного народа по массе бумаги, публикующей каждый день новости и рекламы, Соединенные Штаты, без всякого сомнения, оказа-

1 P. de Coubertin, „Universites transatlantiques“.

лись бы опередившими весь остальной мир! Северо-Американский Союз есть страна, где издается сравнительно наибольшее количество газет и других периодических произведений печати: здесь каждый день выходит из типографий пятьсот тонн (около 30.000 пудов) отпечатанной бумаги. Более половины листков, публикуемых на земном шаре, издаются на английском языке; этот последний имеет, следовательно, всего больше права называть себя всемирным языком. Некоторые из американских газет представляют из себя настоящие державы: об этом можно судить по известному путешествию, которое было предпринято Стенли для отыскания Ливингстона, и которое сделалось исходной точкой завоевательных предприятий на черном континенте и «раздела Африки».

Число газет в Соед. Штат. в 1700 г.—4; в 1841—1.500; в 1887—14.082 (1.939 в южных штатах; 12.143, в северных). В 1897 г.: 2.109 ежедневных, 14.699 недельных, 388 полунедельных, 2.617 месячных, 305 полу-месячных и 335 других периодических изданий, всего 20.453.

Население распределено весьма неравномерно в Северной Америке, но умственная деятельность сосредоточена главным образом в атлантических штатах и особенно в Новой Англии и в Нью-Йорке. Цвет ума едва-ли может появиться в областях запада, где все энергии, не менее творческие, но иначе применяемые, направлены на расчистку почвы, на основание промышленности, на организацию новых обществ. Он не может также распуститься в странах, каковы замиссисипские штаты Юга, Техас, например, где нравы ещё грубы и жестоки, где нет никакого уважения к человеческой жизни, где убийца похваляется своими злодеяниями. «Лучше идти в ад без когтей», гласила одна старая пословица, «чем в Арканзас без оружия». С 1-го по 30-е сентября 1869 года военные власти зарегистровали 384 убийства в одном только штате Техас, и правительство выразило, в оффициальном отчете, радость по поводу того, что случаи убийства сделались гораздо реже против прежнего времени.

Однако, вообще в Соединенных Штатах число преступлений значительно возросло в последние десятилетия: в виде примера, можно указать на «образцовый штат», Массачузетс, где в 1890 году было не менее 83.413 арестов, сопровождавшихся 33.290 обвинительными приговорами с назначением тюремного заключения, при цифре населения в 2.236.943 души. В девять лет число проступков и преступлений почти удесятерилось[1]. Страсть к игре развилась в неслыханной степени: держат пари на лошадей, на суда, на голубей, на кандидатов, на всевозможные события, по всякому поводу и даже без всякого повода; свыше миллиарда франков каждый год—такова общая ценность пари, и армия дельцов, профессия которых состоит в регистрации этих пари, достигает сотни тысяч человек[2]. Так же, как в Европе, и здесь каждое десятилетие, или даже каждый год, возрастает число случаев сумасшествия и самоубийства.

IX. Религии и религиозные общины

По федеральной конституции, Церковь совершенно отделена от государства; Конгресс не позволяет себе никакого вмешательства в религиозные дела, и общественные должности должны быть раздаваемы без соображения о том, к какому вероисповеданию принадлежит назначаемое лицо. Известно, что не так было в прошлом столетии в колониях, более или менее зависящих от Великобритании. Кроме одного только Род-Айленда, все общины Новой Англии, устроенные на строго теократическом начале, исключали от пользования политическими и гражданскими правами лиц, не посещавших церкви: неверующим грозили даже более суровые кары, чем лишение этих прав, и ересь—т.е. всякое мнение о деле и религии, отличное от мнения пуритан конгрегационалистов—была наказуема тюремным заключением или изгнанием. В центральных и южных колониях,—исключая Мериланда, где была про-

1 W. P. Andrews „Forum“, October, 1891.

2 W. B. Curtis, „Forum“, October, 1891.

возглашена полная веротерпимость,—доступ к должностям на государственной или общественной службе был закрыт людям, не исповедывавшим господствующей религии.

После войны за независимость, эти проникнутые конфессиональной ненавистью законы были почти все отменены, и даже суровый протестантский город Бостон поспешно созвал своих делегатов, чтобы провозгласить свободу совести и чествовать, как избавителей, католических воинов, посланных союзной Францией. Местные конституции, одна за другой, последовали примеру федерального законодательства, установляя равноправность различных вероисповеданий и предоставляя верующим самим заботиться об устроении и содержании своих церквей. Однако, и теперь ещё сохранились в некоторых штатах многие следы прежнего порядка. Так, Вермонт объявляет, что каждая секта должна иметь внешния оказательства культа и воздерживаться от работы в «день субботний»; в Коннектикуте, в Тенесси «несоблюдающие воскресенья» ещё недавно были приговариваемы к тюремному заключению. По законам Пенсильвании, Тенесси, Северной Каролины и многих других штатов: «Всякий, кто будет отрицать бытие Бога, истину христианской религии или божественное происхождение Ветхого и Нового Завета, или исповедывать религиозные принципы, не совместимые с свободой и безопасностью государства, объявляется недостойным занимать какую-либо выборную или оплачиваемую должность в гражданской администрации сего штата». В Арканзасе и Мериланде запрещение это распространяется даже на обязанности присяжного заседателя и на действительность свидетельского показания. Нельзя, следовательно, признать бесспорным утверждение, столь часто повторяемое, что в Северо-Американской республике государство держит себя безусловно нейтрально между церковью и отдельными гражданами. Члены наиболее строгих сект, баптисты и методисты, настаивают, чтобы имя «Бога» было включено в текст конституции, для придания ей более священного характера[1].

Кроме прямой поддержки, даваемой некоторыми законодательными собраниями религиозным обществам вообще, все эти собрания оказывают им ещё косвенную, но весьма существенную помощь, вотируя специальные фонды для основания или содержания благотворительных или учебно-воспитательных заведений, состоящих под ведением духовенства. Таким образом религиозным корпорациям обеспечены правильные субсидии, равносильные оффициальному бюджету и нередко между настоятелями церквей и политиканами различных партии заключались тайныя соглашения, имевшие целью доставление голосов на выборах, в обмен за обещаемые пособия из казны на богоугодные дела. В большинстве штатов церковные здания освобождены от налога, при чём эта льгота мотивируется тем соображением, что «поучение с церковной кафедры, проповедь, способствует насаждению и утверждению добрых нравов в народе и тем уменьшает расходы на содержание полиции», либо тем, что «церкви, выбираемые как центры заселения, увеличивают ценность прилегающих недвижимых имуществ», либо тем, наконец, что «вообще религиозные интересы должны первенствовать над всеми другими общественными интересами». Стоимость церковных недвижимых имуществ, неподлежащих налогу, в 1880 г. простиралась до 370.445.598 пиастров, т.е. до 1.875.000.000 франков. Влияние духовенства, хотя значительно ослабевшее против прежнего, сравнительно недавнего времени, всё ещё весьма велико; почти все клирики пользуются правом бесплатного проезда по всем железным дорогам и на различных линиях судоходства. Специальные законы ограждают от всякого нападения религиозные собрания, происходящие под открытым небом. Правительство наблюдает за правильным соблюдением религиозных обрядностей в казармах, в крепостях и на военных судах. Законодательные собрания штатов и обе палаты Конгресса имеют своего капеллана (домового священника); заседания их оффициально открываются молебствием, и торжественные прокламации заранее возвещают о предстоящих днях поста и покаяния. Таким образом, сохраняя нейтральное положение между различными вероисповеданиями, федеральное правительство также, как большинство избирателей, которым оно обязано своим происхождением, молчаливо признает, что христианство, в той или другой форме, должно быть религией всех. Далекое от того,

1 James Bryce, „The American Commonwealth“.

чтобы быть «атеистическим», по выражению, употребленному кем-то для характеристики парламентарных правительств Европы, американское государство есть государство «христианское», но без специальной квалификации, и покровительство его распространяется на все вероисповедания от католицизма до сект адвентистов и унитариан.

Духовные писатели часто говорят, одни с восторгом, другие с ужасом, об успехах, достигнутых католической церковью в Соединенных Штатах. Успехи эти действительно немаловажны, так как число католиков простирается до семи слишком миллионов; но как ни велико возрастание их численности, оно представляет только часть потомства ирландцев, англичан и шотландцев католиков, наконец, немцев и латинян различных наций, принадлежавших к римской церкви во время их прибытия в Соединенные Штаты.

По данным переписи 1890 года состояние католической церкви в Северо-Американском Союзе представляется в следующем виде: приходов 10.221, заключающих 6.250.000 причастников и действительных членов, а вместе с крещеными детьми,—7.200.000. Число церквей: 8.766, сгруппированных в 72 епархии (теперь общее число католиков 8—9 миллионов).

Увеличение числа католиков происходит главным образом вследствие иностранной иммиграции, но неизвестно в точности численное отношение этих новых пришельцев по вероисповеданиям. Вообще потомки колонистов не-протестантов составляют по меньшей мере треть населения; в настоящее время пропорция американских католиков превышает только восьмую часть; следовательно, она значительно уменьшилась.

До войны за независимость католики в английских владениях, за исключением Мериланда, были так малочисленны, что не считали нужным даже упоминать о их существовании: только несколько патеров, принадлежавших к ордену иезуитов, образовали тесную группу, ядро духовенства, состоящего из десяти слишком тысяч епископов и священников, которое ныне управляет церковью. В Нью-Йорке и в других торговых городах католики иностранцы были очень редки, а в Новой Англии, колониальном центре английских поселений, католики могли получать право пребывания только по особому каждый раз разрешению. Даже в начале этого столетия их не насчитывалось и двух тысяч, от границ Нью-Йоркского штата до границы Канады, и всего только четыре священника отправляли службу и совершали требы в этой обширной стране. Несколько лет спустя прибавляется новый очаг католицизма к очагам атлантических штатов, вследствие присоединения французской Луизианы к Северо-Американской республике: много уступая числом совокупности протестантов всякого наименования, католики, тем не менее, оспаривают первенство у баптистов и веслеян, если рассматривать каждую христианскую секту как отдельную церковь. Говорят, что в Индиане они составляют более половины общего числа жителей.

Священники-миссионеры, под руководством которых устроилась Церковь, пришли из Европы, также как и большинство верующих. Все европейские духовенства участвовали в пополнении рядов американского духовенства; некоторая доля пришла из глубины России. Однако, большинство состоит из ирландцев, и католики этой же расы составляют большинство воспитанников в американских духовных семинариях. Все монашеские ордена Европы, между которыми иезуиты преобладают по влиянию, натурализировались в Соединенных Штатах; женские общины, гораздо более многочисленные, чем мужские, принадлежат почти все к деятельным орденам, французского происхождения, посвятившим себя воспитанию детей или уходу за больными. Американские нравы не подходят к жизни созерцательных орденов, возникших в Испании и в Италии[1].

Рвение пропаганды гораздо сильнее ощущается в северных штатах, чем на Юге: почти все священники бывших рабовладельческих штатов—чужеземцы в стране, в которой они живут. Оттого негры, на которых однако производит такое сильное впечатление пышность религиозных церемоний, остаются по большей части вне лона католической церкви; они принадлежат к сектам, в которых проповедь, прорицание, молитва, чародейство даже могут быть свободно совершаемы каждым верующим. Со времени освобождения невольников,

1 De Meaux. „Correspondant“, janvier, 1891.

много негров «креолов» Луизианы, воспитанных в религии бывших плантаторов, перешли в секту методистов или баптистов, как будто эта перемена вероисповедания, следовавшая за переменой гражданскаго состояния, должна была поставить их на один уровень с их освободителями. Говорят, что вследствие враждебных отношений, обыкновенно существующих между ирландцами и неграми, члены американского духовенства, в такой сильной степени подпавшие влиянию ирландских традиций, охотно оставляют в стороне католические общины африканцев Юга. Пропаганда обращения в христианство гораздо деятельнее и успешнее идет среди индейцев: традиция первых французских миссионеров Канады, живших между краснокожими по ту сторону Великих озер и за рекой Миссисипи, продолжается до наших дней, и целые племена называют себя католиками и даже группируются в религиозные общины вокруг священников, правильно поставленных в духовный сан.

Церковная армия Соединенных Штатов, организованная иерархически по европейскому образцу и связанная со своими единоверцами в общем единстве церкви, представляет тем не менее большие различия, происходящие от разности среды. Имея приходы гораздо более обширные, сравнительно с приходами европейских священников, будучи устранены от всякого прямого политического действия, но пользуясь более высоким общественным положением и получая более значительное содержание, американские духовные пастыри обыкновенно деятельнее, смелее своих заатлантических собратий и быстро приноровились к демократическому обществу, в котором они живут. Духовенство Франции и Бельгии, вместе с духовенством Канады, более чем духовенство других наций поработало над основанием семинарий, монастырей и миссионерских постов, но священники его поддаются влиянию американских нравов, и авансы социалистских партий не были безусловно отвергнуты поместными соборами. Нашли даже возможным отступить от преданий Церкви, введя избрание самими священнослужителями высших духовных особ; однако, светское общество, как и правительство, исключено от участия в этих выборах. Одним словом, католическая церковь приблизилась к церквам протестантским. Несмотря на незыблемость догмата и историческую связь католичества, традиции религиозной ненависти, завещанные Старым Светом, частью изгладились в этой новой земле. Общая эволюция человечества всё теснее и теснее соединяет установленные религии в борьбе против независимой мысли.

Протестантская секта, проявлявшая некогда свою догматическую власть с такой суровостью, требуя энергического содействия светских властей, секта конгрегационалистов, к которой принадлежали «пуритане» Новой Англии, утратила свой авторитет в то же время, как и узость своей догмы. Тогда как население Новой Англии простиралась почти до пяти миллионов душ, число это по меньшей мере утроилось бы, если бы прибавить всех колонистов, эмигрировавших из этой части Северной Америки в другие штаты,—в настоящее время конгрегационалисты, сгруппированные в сплоченные церкви, заключают в своих рядах не более полмиллиона верующих: таким образом потомство пуритан в громадном большинстве отделилось от первоначальной ветви, чтобы присоединиться к другим сектам или колебаться между различными религиозными общинами. Один из отпрысков пуританизма, отличающийся широтой своих теологических воззрений, представляют унитарии, относительно малочисленные, но сильные цветом писателей, ученых и ораторов, прославивших их общины, каковы Чаннинг, Теодор Паркер, Эмерсон, Протингам. Так же, как конгрегационалисты, унитарии в силе только в Новой Англии.

Пресвитериане, относительная численность которых также значительно уменьшилась, хотя абсолютно число их возрасло, и теперь ещё имеют самые могущественные церкви в атлантических штатах центра, где в первые времена колонизации поселились голландские кальвинисты и пресвитериане из Ульстера: насчитывают по меньшей мере миллион двести тысяч последователей этих сект, более двух миллионов вместе с детьми, не вступившими официально в Церковь. Между жителями южных штатов пресвитериане более редки, чем епископальные, методисты и баптисты. Первые, примыкающие к англиканам метрополии, принадлежат к богатым или зажиточным классам, тогда как различные секты методистские

и баптистские, очень изменчивые в своей организации и группировке, вербуют своих последователей особенно в народной массе, на севере—между колонистами, рабочими и рудокопами, на юге—между неграми, но всегда соблюдая предразсудки белых, т.е. строго поддерживая деление общин на церкви «белыя» и церкви «черныя». Что касается лютеран, то они представляют германский элемент в американском протестантизме, и по странному контрасту, взятые в массе, они, кажется, более верные хранители догмата и предания, чем европейские лютеране. Немцы, не оторванные от Церкви новыми условиями среды, сплочиваются теснее вокруг своих пасторов.

Главные деления протестантской церкви в Соединенных Штатах и число их верующих в 1890 году:

Методисты (14 главных делений)—5.000.000; баптисты (13 главных делений)—4.500.000; пресвитериане (9 главных делений)—1.200.000; лютеране—1.000.000; епископальные—500.000; конгрегационалисты—500.000.

Кроме больших сект христианского мира, в Соединенных Штатах существует, как в Англии, по меньшей мере полтораста других религиозных группировок, с контурами, более или менее изменчивыми, и связанных по большей части с главными вероисповеданиями нечувствительными переходами. Квакеры, прославившиеся в американской истории колонизацией Пенсильвании и Нью-Джерсея, немногочисленны, их всего около сотни тысяч.

Между бесчисленными американскими сектами особенно замечательна секта мормонов, стоявшая с самого начала совершенно особняком и пытавшаяся основать отдельное политическое государство; не если основатели этой религии были природные американцы, то главная масса её исповедников—иностранного происхождения: по национальности своих последователей мормонизм является более скандинавским, чем северо-американским, хотя главы его, президенты, патриархи, апостолы, старейшины, почти все—уроженцы Соединенных Штатов, как и сам основатель. С большим трудом новый культ мог возникнут и держаться, пока он не покинул среды многолюдных областей в Предмиссисипьи и в штате Миссури: он процветал в течение около тридцати лет, только изолировавшись совершенно, защищаемый поясом гор и пустынь. С 1820 года Джозеф Смит, Моисей мормонизма, утверждал, что получил свыше возвещение о своей пророческой миссии, а семь лет спустя он нашел «золотые скрижали», на которых было начертано новое откровение буквами, мало отличающимися от знаков ацтекского календаря. В 1830 году «мормонская» религия «лучших людей», именующих себя также «святыми последних дней», основалась оффициально в Манчестере, в штате Нью-Йорк. В следующем году она эмигрировала на Запад, в штат Огайо, откуда народное восстание прогнало её в Миссури. В этом штате и в Иллинойсе, где мормоны основали город Науво, всё время шла непрерывная борьба, процессы, штурмы, битвы; затем, в 1847 году, после убиения пророка и нескольких учеников, «святые» должны были избегать всякого соприкосновения с обществом «язычников» и отделить себя пустыней и горами от агентов федерального правительства. Последние, однако, последовали за ними на берега Большого Соляного озера, и война, скрытая или явная, возобновилась. В начале она была счастлива для мормонов, которые сумели привлечь на свою сторону индейцев, и при помощи целой системы засад, особенно на юге территории, в Маунтен-Мидо, моментально избавлялись от своих соперников, вольных иммигрантов; но как ни могущественна стала новая община, она должна была в конце концов уступить под давлением всей конфедерации, с её торговлей, промышленностью, законодательством и войском.

Что бы ни говорили, мормонство вступило в борьбу с Американской республикой не как религиозная секта, но как особое и мятежное государство, имеющее свои собственные законы, свои особенные учреждения, каково—явное многоженство, свое правительство и свою независимую политику. В обществе «святых» хотели видеть продукт американской демократии; на самом деле оно есть результат реакционного движения, пытавшагося создать непогрешимую теократию в секте протестантского происхождения. Перепись 1890 года насчитала 144.352 мормона в 425 религиозных общинах, сгруппированных в Утахе и спорадически

рассеянных в 21 других штатах и территориях[1]; до религиозной отмены полигамии, запрещенной уже тремя последовательными законами Конгресса, более миллиона трехсот тысяч мормонов были приговорены к тюремному заключению за двоеженство[2]. Город Соляного озера (Salt Lake City), метрополия Утахи и вместе с тем Иерусалим мормонов, заключает в себе, между прочим, здание странного вида, «Скинию завета», которая стоила им больше золота, чем храм Соломона; однако, город Соляного озера ускользает из рук его основателей: мормоны населяют менее смешанными группами некоторые долины гор и особенно берега озера Утах, откуда вытекает священная река Иордан.

Некоторые другие секты также составляют «государства в государстве», но без агрессивного характера, и живут в добром согласии с своими соседями, тем охотнее терпимые, что они способствуют оживлению местной промышленности. Но оставляя в стороне замкнутые секты, которые представляют весьма малую часть американского общества, различные культы легко основываются и уживаются один в другом. Их формы так подвижны, их контуры так неопределенны, что верующие принадлежат одновременно сотнями тысяч, может-быть, миллионами, к религиозным группам, по виду совершенно различным, или даже к конгрегациям, в которых только и есть христианского, что обычные обряды культа. Переход делается тем легче, что обычные церемонии имеют много сходства. «Спиритисты», более многочисленные в Соединенных Штатах, чем даже в Великобритании, исповедуют род христианства, вновь открытаго «духами» и более или менее приноровленного к современным идеям, хотя обыкновенно связанного с индейскими преданиями: нео-буддисты также делают постепенную эволюцию в своем учении, не отделяясь, однако, от религии, в которой они были воспитаны; и так далее до свободных мыслителей, принимающих только проповедь чистой морали, которые собираются в зданиях, похожих по виду на храмы, и совершают свои обрядности в произвольных формах с аккомпанементом пения и усердной молитвы. Масонство, навлекшее на себя столько проклятий в других странах, получило в Соединенных Штатах, также как общество *Odd Fellows* («чудаков») и другие ассоциации, весьма значительное распространение, которое, повидимому, нимало не беспокоит религиозные общины, так как большинство посвященных принадлежат вместе с тем к одному из вероисповеданий нации, и так как можно быть одновременно сановником между масонами и между верующими. В Окмульджи, главном местечке Индейской территории, масонский «храм» долгое время гостеприимно давал приют всем культам, исповедываеным различными группами населения страны, индейцами, метисами или белыми. Публичное открытие железных дорог всегда сопровождается молитвами: «обнажите головы», командует телеграф населениям всех четырех стран света, «помолимся!» Верующие всех исповеданий в самом деле обнажают головы, и молитва передается также по проволокам телеграфной сети.

Обыкновенно указывают на *camp-meetings*, или собрания под открытым небом, как на явление, доказывающее фанатический характер религиозных сект в Соединенных Штатах, но эти собрания, очень обыкновенные в земледельческих округах на берегах Великих озер и реки Огайо, далеко не походят на сцены религиозного исступления, которые так часто описывались. Увлекаемые потребностью движения и волнения, которая сидит в крови всех американцев, и особенно любовью общества, призывом человеческой солидарности, сельские жители, земледельцы, которых обычные занятия держат изолированными, испытывают время от времени, особенно после главных в деревенском быту периодов года, сева или жатвы, необходимость «пробуждения» (revival), которое есть вместе с тем отдых от обычных трудов и восстановление сил, в виду будущей работы. В назначенный день толпа верующих направляется к молитвенному полю, расположенному в живописной местности, почти всегда на берегу ручья, на пологом холме. Палатки священнослужителей, «старейшин», женщин быстро разбиваются на опушке леса; по средине свободного пространства воздвигают платформу, с которой ораторы должны произносить свои проповеди; затем, когда всё готово, «об-

1 „Census Bulletin“, № 70, May 22, 1891.

2 Ch. S. Zane, „Forum“, Nov. 1891.

ращенные» проникают внутрь ограды, тогда как профаны толпятся снаружи, или смотрят с телег и повозок, расположенных в виде трибун. Что удивительного, если несколько дней досуга, проведенных в очаровательном месте, под чудным небом и в обществе друзей, распевающих свои излюбленные гимны, и проповедников, старающихся превзойти друг друга в красноречии, оставляют у всех, пользовавшихся пребыванием на этих «полевых митингах», самые приятные воспоминания! Это—настоящие праздники, и, натурально, они принимают форму, соответствующую складу ума участников и господствующим идеям. Часто певцы собираются группами в вагонах поездов и на пароходах, и большинство пассажиров принимают участие в церемонии с видимым удовольствием, но без серьезного и сосредоточенного вида, который можно бы было ожидать встретить у убежденных верующих, совершающих акт благочестия. Дух общительности есть один из главных двигателей этих собраний. Недавно основались особые дачные места, даже постоянные местечки для соединения и общения людей одинаковых религиозных воззрений: таковы, например, «Веслеянское поле», на северном берегу «Виноградника Марфы» (Martha's Vineyard), и Ошен-Гров, один из отдельных кварталов большой купальной агломерации Лонг-Бранч, на Нью-Джерсейском пляже. Говорят, что иногда собиралось до 70.000 методистов в этом импровизованном городе[1]. Все дома, все улицы и площади в Ошен-Грове носят имена, заимствованные из Библии или связанные с какими-либо религиозными воспоминаниями; «день субботний» там строго соблюдается; «братья» наблюдают друг за другом, чтобы предупреждать всякие скандалы; спиртные напитки, карты запрещены. Иногда верующие, с тем аффектированным пристрастием к поэзии, которое составляет один из наиболее обыкновенных недостатков американского общества, собираются на берегу моря в «бурунные митинги» (Surf-meetings), для того чтобы звуки их песнопений и молитв смешивались с громом прибоя. Одна из деревень в Лонг-Бранче, Асбери-Парк, служит местом собрания педагогов и философов-перипатетиков.

Что касается сцен исступленного фанатизма, в роде тех, какие прежде можно было видеть во Франции, на Сен-Медардском кладбище, и примерами которых так богата история русских раскольников, то в Америке они очень редки, и бывают только в отдаленных от городов захолустьях или между чернокожими методистами или баптистами южных штатов. При том физиологи достаточно установили тот факт, что в этих порывах коллективного исступления притворство часто играет преобладающую роль: крики, рыдания, корчи составляют тогда чисто произвольные проявления, иногда знаки грубой лести по адресу проповедника. Но в исключительные годы, особенно после неурожаев, сильных бурь, циклонов, периодов крайнего возбуждения, припадки коллективной галлюцинации и умопомешательства иногда овладевают верующими в собраниях под открытым небом. Бывали случаи, что миссионеры экзальтировали до горячечного бреда целые населения. «Оживления» или «пробуждения», revivals, произвели такия нравственные опустошения между жителями некоторых округов Массачузетса, Коннектикута, Огайо, что этим краям дали прозвище *Burnt Countries* (сожженные страны), сравнивая их таким образом с лесами, опустошенными пожаром[2].

Влияние христианской религии, в различных её формах, кажется, вообще говоря, здесь сильнее, чем в какой-либо из европейских стран, исключая Шотландии. Церкви всякого наименования так многочисленны в американских городах, что иной второстепенный город Соединенных Штатов превзошел в этом отношении Париж. Американская устная речь и литература свидетельствуют о христианской основе воспитания; они проникнуты этой основой, предполагая у собеседников или читателей предварительное довольно подробное знание Библии и богословия. Даже газеты переполнены провербиальными выражениями, происхождение которых надо искать в библейских рассказах, словах Евангелия или религиозных правилах и наставлениях; французский читатель навряд-ли был бы в состоянии понимать все эти намеки на историю «избранного народа». Соблюдение «субботы», столь строгое до недавнего времени, не только в силу законов, но также по общему согласию, есть другое до-

1 „Visit to the States, by the special correspondent of the Times".

2 Hepworth Dixon, „The White Conquest".

казательство влияния, оказываемого религиозными воспитателями Америки: однако, иммиграция немцев в восточных и центральных штатах и французов в Луизиане и Калифорнии способствует превращению воскресенья, дня молитвы, в день праздника и удовольствий. В иной деревне Новой Англии заблудившийся путник в воскресенье рискует умереть с голоду; ни один дом не откроет ему своих дверей. Но в большом городе, как Нью-Йорк, Цинциннати, Сент-Луис, иностранец имеет и в этот день те же удобства жизни, как в континентальной Европе.

Большинство многочисленных коммунистических колоний, основавшихся в Соединенных Штатах, имели религиозное происхождение и, как таковые, отличаются от монастырей только подробностями организации и недостатком устойчивости, недолговечностью: не будучи подчинены определенной власти, они исчезают, уносимые изменчивым потоком идей и нравов. Общины шэкеров, основавшиеся в 1770 году, близ Манчестера, в Англии, по внушению пророчицы Анны Ли, и существующие уже более ста лет в Америке, достигли высокой степени материального благосостояния,—деревни их—прелестные уголки, поля и сады прекрасно обработаны,—не зная другого закона, кроме закона «привлекательного труда»; но общинники не делают более прозелитов, и верующие, обреченные на безбрачие, вымирают последовательно, не будучи заменяемы новым поколением: не помогло и то, что в одну памятную ночь усиленной молитвы и религиозного экстаза они пустились в погоню за сатаной и, как им казалось, предали его закланию, восторжествовав вместе с тем над бедствиями и горестями этого света[1]. Другие общества распались вследствие недостатка рессурсов, но ещё многочисленнее те общины, которые погибли, благодаря своему слишком большому преуспеянию, и которые дети разрушили, чтобы поделить между собой имущество, накопленное отцами. «Гармонисты» или «рапписты» общины Икономи (Экономия), близ Питсбурга, теперь уже недостаточно многочисленны для своего богатого местечка. Одна из самых цветущих ассоциаций, община «инспирационистов», состоит из эльзасских и швабских иммигрантов, держащихся совершенно особняком, отдельно от внешнего общества, и налагающих строгое табу на всякия книги, журналы, портреты и фотогравюры, дабы не поддаваться пустому любопытству, «искушениям сатаны», «похотям жизни». Основанная первоначально в соседстве города Буффало, община эта перенесла впоследствии свое местопребывание в штат Айова, где она владеет имением в 10.000 гектаров, названным библейским именем «Амана» и заключающим в себе семь селений, с двумя слишком тысячами жителей, занимающихся земледелием и ткачеством. Наконец, существуют ещё ассоциации, именуемые также коммунистическими, но которые в действительности суть не что иное, как группы послушных служителей, отдающих своему пастору всю прибыль от своего труда: такова община Аврора, близ Портланда, в Орегоне[2].

История социалистических колоний чисто светского характера более коротка и менее разнообразна, чем история религиозных ассоциаций. Патриарх Оуэн купил у раппистов, на берегах реки Вабаш в Индиане, фаланстер «Новая Гармония», долго существовавший, а идеи Фурье были осуществлены в Брук-Фарме, в Новой Англии, группой личностей, мужчин и женщин, которые все отметили свое имя в истории литературы. Иностранные иммигранты, между прочим, ученики Кабэ, и русские нигилисты также делали попытки основания коммунитарных обществ, от которых уцелели ещё кое-какие остатки. Наконец, социалисты «национализаторы», разделяющие идеи Генри Джорджа и Беллами, тоже основали колонии, именно в Кавеахе, недалеко от «Больших Деревьев» Марипозы, на покатости Тихого океана.

1 Elie Reclus, „Etudes Sociologiques, Oneida et Mount Lebanon“.

2 Th. Kirchhoff, „Streifzuge in Oregon und Californien“.

Глава VIII Правительство и администрация Северо-Американской республики

Общинная организация весьма разнообразна в Соединенных Штатах, смотря по заселению и истории колоний, и, следовательно, степень участия народа в общем правительстве нации различна не только в каждом штате, но даже в близких между собою округах. Община, обозначаемая словом *town* или *township*, не в смысле «города», но в древне-германском его значении Zaun, «ограда» или «огороженная земля», сохранила свой первоначальный характер только в Новой Англии. В начале это была сельская территория, колонисты жили разбросанно, отдельными дворами, каждый в своей лесной прогалине, но довольно близко один от другого, чтобы взаимно оказывать помощь в случае опасности, и чтобы удобно было ходить в церковь в «день субботний». К этому избирательному центру тяготело всё существование общины, в нём сосредоточивалась как муниципальная, так и религиозная её жизнь. Совокупность нации образовалась из соединения всех этих независимых и автономных township'ов, подобно тому, как живые организмы состоят из соединения большого числа клеточек, имеющих каждая свою собственную деятельность. Американская республика уже зародилась в этих примитивных общинах Новой Англии, когда редкия, раскиданные по стране населения были ещё в полном колониальном режиме. Избиратели деревни все по праву члены общего собрания, мирского схода, и собираются по крайней мере раз, весной, вообще же три или четыре раза в году, либо в церкви или в школе, если эти здания могут вместить их, либо под открытым небом. Они обсуждают общественные дела, особенно те, которые относятся к местным путям сообщения, к школам, к гигиене, и вотируют фонды, необходимые на учреждения и работы общины. Они назначают, также на год, уполномоченных, не получающих жалованья, но имеющих право требовать возмещения расходов, сделанных ими специально в интересе общественников; лица, три, пять или семь, назначаемые на ту или другую общественную должность, нравственно обязаны принять её; так, например, философ Эмерсон добросовестно исполнял функцию *hog-reeve*'а, или «отгонятеля свиней», которою его почтили его земляки. Прецеденты запрещают подающим голос, на общинных выборах, принимать во внимание партию, к которой принадлежит избираемый делегат.

В Новой Англии «графства» (counties), названные так в память территориальных делений метрополии, суть не что иное, как соединения *township*'ов, образовавшие высшую группу для отправления правосудия и постройки дорог длинного пробега, но в центральных и южных штатах графства составляют первичную молекулу или ячейку. В этих странах землевладение организовалось иначе, чем в пуританских колониях. Вместо того, чтобы быть разделенной между многочисленными земледельцами, земельная собственность распределилась в виде обширных имений: система плантаций получила преобладающее значение, и «белые людишки», затем чернокожая челядь сгруппировались вокруг ленников короля, напоминавших баронов и сеньоров феодального мира. Деления территории установились, следовательно, не в интересе всех, для обсуждения и управления общественных дел, но смотря по удобствам аристократии, для раздела страны на судебные округа. В западных штатах чрезвычайная быстрота заселения имела подобные же последствия: иммигранты так торопились вступить в пользование землями, что принимали без возражений большие кадастральные деления; законодательное собрание ограничивалось признанием четыреугольников графств в том виде, в каком они были начерчены на планах, представленных ему землемерами. Но социальные преобразования, совершившиеся на Юге и Западе, привели к постепенному образованию там township'ов по образцу общин Новой Англии: в Виргинии, в Северной Каролине, школы служат ядром для создания общинной ячейки, а на Западе, быстрый наплыв иммигрантов позволяет гражданам подразделять графства на шестнадцать самостоятельных и самоуправляющихся тауншипов, имеющих каждый свою собственную жизнь и свою автономную администрацию. Но в Европе удивляются этому странному делению земли на общи-

ны совершенно геометрической формы, имеющие каждая 6 миль в стороне, т.е. 92 квадр. километра в площади, и расположенных на карте в виде правильных полос и рядов. В равнинах или на довольно ровных плоскогорьях сельская местность представляет вид шахматной доски: только реки, крутые выступы холмов, высокие берега и овраги вносят кое-где разнообразие в прямолинейные очертания фигур. «Графства» или большие административные деления, на которые разрезаны штаты, представляют почти такую же геометрическую правильность, как и тауншипы; в виде примера, можно указать на административные клетки штата Айовы.

Заселение общины или тауншипа совершается не равномерно на всей территории, так как деревня возникает обыкновенно,—если только каприз крупного землевладельца не решит иначе,—в месте, наиболее удобном для рынков и сообщений, на берегу реки, у подъема горного прохода, на перекрестке дорог. Деревня растет, наконец, становится городом. Как только новое городское поселение, приобретя, в среднем, от шести до двенадцати тысяч жителей, сделалось достаточно важным населенным пунктом, оно может требовать юридического преобразования его в инкорпорированный, т.е. пользующийся муниципальными правами, «город», *city*, и штат дает ему тогда хартию, содержащую условия его новой организации, которая, впрочем, одинакова во всех областях республики.

Каждый из *cities*, или больших городов управляется выборным мэром (mayor) и законодательным собранием, состоящим всего чаще из палат, члены которых также назначаются посредством прямых выборов; что касается служащих по городскому общественному управлению, муниципальных чиновников, то назначение их зависит в одних штатах—от избирателей, в других—непосредственно от мэра, несущего ответственность за их действия. Большинство городов организованы по образцу Союза: мэр, род президента, вооруженного правом *veto*, пользуется значительным содержанием и командует полицией, созывая даже милицию или национальную гвардию, в случае общественной опасности. Во многих городах, между прочим, в Бостоне, в общинных собраниях должны быть представлены обе главные политические партии. Некоторые важные вопросы решаются всенародным голосованием, или плебисцитом; даже в Бостоне общие собрания всего народа, хотя вышедшие из употребления, имеют ещё легальное существование.

Каждый из штатов, будь он обширен, как Калифорния, или малых размеров, как Род-Айленд, густо населен, как Нью-Йорк, или почти безлюден, как Невада, цивилизован, как Массачузетс, или обитаем пастухами, как большая часть Техаса, составляет державную общину, с политическими правами, предшествующими, по времени происхождения, правам Союза. В прошлом столетии, когда штаты соединились в федерацию, центральное правительство представляло для всего государства не более, как «общий департамент иностранных дел», по выражению Джефферсона. С той эпохи историческая эволюция усилила центральное правительство насчет местных правительств; отныне ни дух, ни буква конституции не оставили бы более, в случае столкновения, «лойяльнаго» гражданина в сомнении относительно его долга верности отечеству; но нужна была страшная междоусобная война, чтобы разрешить эту проблему и позволить патриотам примирить их двоякий патриотизм, до того времени противоречивый. Если бы чисто нравственный вопрос дела, с одной стороны сохранение, с другой—отмена невольничества, не получил в конце концов перевеса над простым конституционным вопросом о «праве штатов» и праве Союза, то исход войны, без всякого сомнения, был бы иной, и свободная группировка автономных общин была бы признана. По конституции и дополняющим её поправкам, державность отдельного штата ограничена теперь обязанностью оставаться связанным с другими членами нации и передачей в заведывание Союза некоторых общественных служб, каковы почта, содержание армии и флота, управление индейскими территориями и делами. В случае конфликта между отдельными штатами и всей республикой, спор решают суды.

Конституции штатов, очень схожия по декларациям принципов, весьма различные по де-

талям, происходят в действительности из старых королевских хартий. Некоторые из этих грамот были даже сохранены в их первоначальном виде, с коротенькими прибавками после отложения от Великобритании,—так глубоко консервативен был дух американских «революционеров». С той эпохи конституции неоднократно подвергались пересмотрам и поправкам, но народ оставляет за собой право непосредственного обсуждения их назначением специальных конвентов (сходов), которые результат своих совещаний подвергают плебисциту: таков общий порядок этой процедуры, представляющий, впрочем, смотря по штатам, некоторые различия в частностях. Произведенные перемены уменьшили власть законодательных собраний и усилили прямое влияние избирателей путем всенародного голосования, подобного существующему в Швейцарии референдуму; однако, граждане, вообще говоря, не выказывают особенного рвения в пользовании своими политическими правами, и часто трудно бывает собрать число голосов, необходимое для того, чтобы совещания могли иметь законную силу. С 1888 года большинство штатов переделали избирательные законы по австралийскому образцу, с целью обеспечить тайну подачи голосов и представительство меньшинства; однако, «черная полоса» остается почти всецело вне этих реформ, так как для белых избирателей дело капитальной важности наблюдать за подачей голосов на выборах и направлять их в своих интересах. В конце 1891 года, двадцать девять штатов ввели австралийские статьи в свою местную конституцию, но почти все с вариантами первоначального образца.

Избирательное право принадлежит по закону не всем достигшим зрелого возраста жителям; известный имущественный ценз, платеж годового налога, впрочем, весьма незначительного размера, требовались прежде в большинстве штатов. В Массачузетсе и Коннектикуте, гражданин может подавать голос на выборах лишь при условии уменья читать конституцию на английском языке, тогда как в Алабаме и Миссисипи, штатах с населением сравнительно менее образованным, конституция формально запрещает всякия оговорки относительно воспитания в пользовании избирательным правом: можно сказать, несмотря на различные ограничения, что всеобщая подача голосов существует фактически, так как каждый штат имеет интерес принимать участие в федеральных выборах всей массой избирателей, какую только может набрать; такова причина, почему южные штаты, лишая на деле негров избирательного права, охотно сохраняют их как виртуальных избирателей[1]. Многие штаты предоставляют женщине право голоса в школьных вопросах, между прочим, Массачузетс; но она редко пользуется этим присвоенным ей по законам правом. Штат Уайоминг дает ей полное право голоса в вопросах муниципальных и политических; она заседает даже в суде присяжных и может быть избираема на общественные должности. В каждом штате есть губернатор и две палаты, верхняя и нижняя, различающиеся в разных штатах числом членов и сроком их полномочий. Все депутаты получают жалованье, впрочем, довольно ограниченное: так, например, в Род-Айленде сенатор и представитель имеют право только на один доллар за каждый день заседания. Губернатор избирается непосредственно народом, также, как его товарищ или вице-губернатор, в тех штатах, где признали полезным прибавить и это должностное лицо к списку сановников. Другие высшие чины штата также почти все назначаются на должность прямым народным голосованием.

В иерархии политических единиц значение штата постепенно уменьшается, с одной стороны в пользу Союза, с другой—в пользу *townships*, или автономных сельских округов, и *cities*, или городов, которые, по самой природе вещей, представляют вполне определенные индивидуальности. Прямые и определенные интересы привязывают гражданина к его городу, а политический горизонт его переходит за искусственные границы, в которые заключен его штат. В силу исторического движения, подобного тому, которое сплавило провинции Франции, мелкие государства Германии и Италии в национальности высшего порядка, бывшие американские колонии, некогда совершенно обособленные и независимые в своей политической жизни, имеют теперь лишь традиционное существование: удобства сообщения,

1 James Bryce, „North American Review“, December, 1891.

позволяющие тысячам граждан жить последовательно или периодически в разных штатах, притягательная сила торговли, действующая на расстоянии от одного до другого конца республики, общие страсти, волнующие умы, большие политические партии, ведущие между собой ожесточенную борьбу из-за обладания центральной властью,—все эти новые условия быта всё более и более сглаживают первоначальные границы делений страны.

«Территории», будущие штаты, имеют устройство такого рода, что оно не может способствовать развитию местного патриотизма: им недостает жизни, этим политическим созданиям, представляющим нечто вроде колоний, остающихся под общей зависимостью от державных штатов. Жители их даже не участвуют в парламентских и президентских выборах. Исполнительная власть представлена там губернатором и персоналом гражданских чиновников по назначению президента республики; судьи также назначаются вашингтонским правительством. Что касается местного законодательного собрания, состоящего из двух палат, избираемых тем же порядком, как палаты штатов, то оно свободно совещается о делах территории, но решения его получают окончательную силу только тогда, когда национальный Конгресс не найдет нужным отменить их. Делегат от каждой территории заседает в Вашингтонской палате представителей, но без права голоса. Все расходы территориальной администрации покрываются из средств общегосударственной казны Союза. В настоящее время Утаха. Новая Мексика, Аризона, Оклагома в Индейской территории и сама эта территория суть единственные части федеральных владений, поставленные в это положение исключительной зависимости.

Северо-Американский Союз, который в своей первой исторической фазе образовался из конфедерации независимых штатов, а впоследствии, наоборот, создавал из всяких кусков новые штаты и территории, представляет в своем происхождении и в своих законах этот двойственный характер централизованного государства и лиги между державными общинами. Нынешняя конституция Соединенных Штатов сложилась после признания их политической автономии правительством Великобритании. После заключения трактата 1783 года, каждый из тринадцати штатов, теперь обеспеченный в своей независимости, опять стал пользоваться своей свободной инициативой для управления своими делами: федеральная связь существовала почти только в принципе, и совещания Конгресса не имели никакого влияния. Различные столкновения между штатами и боязнь новых опасностей со стороны иностранных наций убедили американцев в необходимости соединиться теснее, и, благодаря этому движению общественного мнения, было созвано, в 1787 году, учредительное собрание. В следующем году, предложенная хартия была принята большинством штатов, и в 1789 году, который и в Европе был началом новой эры, американская конституция сделалась законом для всего Союза. При составлении её особенно заботились о том, чтобы установить истинное единство нации, сохранив в то же время державные права отдельных штатов, больших и малых, торгово-промышленных и земледельческих; но самая эта преобладающая забота оставляла в некоторой неопределенности важнейший из всех вопросов—о невольничестве, и заранее оправдывала междоусобную войну, которая, семьдесят лет спустя, должна была поставить нацию в столь опасное положение. Легальное существование рабства негров в южных штатах было признано в достаточно ясных выражениях, и право каждого штата порвать федеральную связь и вернуться к обособленной политической жизни не было отрицаемо очевидным образом: скорее можно было считать его молчаливо признанным. Лига штатов была преобразована в федеральное государство, но ни одна из договаривающихся сторон не отреклась формально от права «отложиться» от группы соединенных держав.

Сыны англичан и воспитанные в политических традициях Великобритании, англо-американцы должны были повиноваться естественным законам своей истории, заимствуя элементы своей союзной конституции из конституций отдельных штатов, которые сами получили их от метрополии. Но они подчинялись также в сильной степени влиянию современных писателей, и сделанное ими приспособление британской конституции к политическому устройству их собственной страны носит на себе следы толкования, которое дал этой конститу-

ции Монтескье в своей книге «Esprit des lois»: строгое деление власти на законодательную, исполнительную и судебную, система равновесия и контроля между этими отдельными элементами власти, наконец, самая форма провозглашения независимости и первоначальные конституции штатов свидетельствуют о значительной доле влияния, которую имели отвлеченные теории о «Правах человека» в редакции их основных статутов[1].

Палата представителей, обыкновенно называемая просто «Палатой», *the House*, избирается американскими гражданами пропорционально их числу в каждом штате: по закону 1789 г., собрание это состояло из 65 членов, по одному на каждые тридцать тысяч жителей. С той эпохи число народных представителей упятерилось; оно было бы ещё гораздо больше, если бы пропорция избирателей для каждого депутата не была увеличена.

Число представителей в 1890 г.: 332;—один на 188.600 жителей; число представителей в 1892 г.: 357—один на 175.900 жителей.

Представительство различных штатов весьма неравномерно: тогда как некоторые из них, не имеющие даже требуемой законом численности населения,—таковы Монтана, Идаго, Невада,—посылают только одного уполномоченного в Конгресс, Нью-Йорк имеет их слишком тридцать. Кроме того, каждая территория посылает делегата, который заседает и принимает участие в совещаниях, но без права голоса в решениях. Представители избираются между постоянными жителями округов назначающего их штата: так требует обычай, подтверждаемый некоторыми законодательными собраниями по ясно выраженному вотуму. Срок полномочия депутатов двухлетний, но они не тотчас по избрании вступают в отправление своих обязанностей, так как их назначение имеет место в то время, когда прежняя палата представителей ещё заседает и продолжает свои совещания. Законодательства отдельных штатов различно определяют пользование избирательным правом, однако, можно сказать, что оно распространяется почти на всех граждан, достигших совершеннолетия. Каждый Конгресс имеет две сессии: «длинную», первогоднюю, и «короткую», предшествующую истечению срока полномочия; общее число заседаний впродолжении двух лет составляет около десяти или двенадцати месяцев регулярных заседаний. Каждое заседание открывается молитвой, читаемой капелланом того или другого исповедания, по выбору Палаты. Ни солдат, ни моряк, ни чиновник не имеет права заседать в законодательном собрании, и пропорция натурализованных, посылаемых туда народным голосованием, ничтожна. Ремесленники также очень редко встречаются между народными представителями: огромное большинство членов Палаты состоит из законников: пропорция адвокатов там даже значительнее, чем во французском парламенте, составляя около трех четвертей. Что касается банкиров, финансовых тузов и крупных спекулянтов, то им, конечно, легко было бы попасть в члены Конгресса; но они слишком заняты, чтобы переезжать на жительство в Вашингтон, а синдикаты «могут влиять на законодательное собрание так же успешно извне, как и извнутри»[2]. Представители, так же, как сенаторы, получают годовой оклад в пять тысяч долларов, к которому прибавляются 125 долларов на канцелярские расходы и *mileage*, или прогонные, по рассчету 20 центов, или один франк на милю (полторы версты).

Кандидатами в Сенат могут быть только лица, достигшие 30-летнего возраста, состоящие американскими гражданами не менее 9 лет и имеющие постоянное жительство в штате, в котором они желают баллотироваться. Местное законодательное собрание избирает сенатора на шесть лет и может вновь избирать его неограниченное число раз. Нигде, по оффициальным документам, назначение в сенаторы не почитается результатом прямого народного голосования; однако, законодатели, производящие баллотировку, получают mandat imperatif: имена кандидатов диктуются политиканами, заправляющими выборами. Каждый штат, большой и малый, многолюдный, как Нью-Йорк, и почти пустынный, как Невада, считается равным перед Сенатом и посылает ему двух представителей; эта верхняя Палата Конгресса,

1 James Bryce, „The American Commonwealth“.

2 James Bryce, цитиров. сочинение.

состоявшая из 26 членов в эпоху образования федерации первоначальных штатов, заключает в себе теперь 88 членов, и преобразование последних территорий в штаты ещё увеличит число сенаторов. Каждые два года треть членов, уже заседавших в течение шестилетнего периода, выбывает из состава Сената, и собрание это пополняется посредством выбора новых членов или вторичного избрания выбывающих, но отдельный штат никогда не может избирать двух представителей одновременно: из этого следует, что если равновесие партий изменится между двумя выборами, то два сенатора одного и того же штата являются поборниками различной политики, и голоса их взаимно нейтрализуются. Сенатору воспрещено всякое совместительство: по конституции, он должен посвятить себя всецело интересам своего штата в частности и государства вообще.

Вице-президент республики по праву руководит совещаниями Сената, но сам не участвует в решении вопросов, исключая тот случай, когда голоса разделятся поровну. В качестве законодательного собрания, Сенат вотирует законы простым большинством, если президент дает на них свое согласие, большинством двух третей, когда нужно устранить президентское veto. Ему присвоено безусловное право инициативы по предложению всякого рода законов, кроме только финансовых законопроектов, которые берут начало в Палате представителей, но которые он может видоизменять. Как исполнительная власть, Сенат санкционирует заключенные с иностранными державами трактаты и утверждает президентские декреты о назначении на должности; наконец, он облечен также судебной властью и судит высших чиновников, преданных суду по постановлению Палаты представителей. Хотя буква конституции не изменилась в отношении Сената, тем не менее его эволюция в разделении политического труда была весьма заметна. В первые времена он был причастен в особенности к исполнительной власти, как совет президента: он состоял в действительности из послов штатов при центральном правительстве, и заседания его происходили при закрытых дверях, как бы во избежание любопытства публики. Теперь Сенат составляет в особенности второе совещательное собрание для изготовления законов, а доля ответственности в выборе высших чиновников и в заключении трактатов лежит главным образом на его комитете внешних сношений. Вообще говоря, сенаторы пользуются большим личным влиянием, чем депутаты, и им отводится более почетное место в оффициальных церемониях и в обществе. Этими привилегиями они обязаны своему более зрелому возрасту, большей продолжительности своего полномочия, деловой опытности, также как и своему богатству: выражение «Сенат—это клуб миллионеров» вошло в поговорку в Соединенных Штатах. За немногими исключениями, сенаторы своим собственным состоянием представляют специальные интересы богатого класса. При столкновениях между Палатой представителей и Сенатом, последний почти всегда одерживает верх; на стороне его то преимущество, что он менее многочислен и, следовательно, более дисциплинирован, да и срок его полномочия продолжительнее: он может выжидать. При том же почти все сенаторы были депутатами; они хорошо знают сильные и слабые стороны своего противника и обладают средствами восторжествовать над ним. Когда какие-нибудь законопроекты или поправки к законопроекту, вотированные Палатой представителей и отвергнутые Сенатом, ходят взад и вперед между двумя половинами Конгресса, комитет, составленный из шести членов, по три от каждого собрания, берет на себя задачу уладить спор, и обыкновенно улаживает не в пользу Палаты, спешащей покончить дело до своего распущения.

Способ избрания президента республики представляет замечательное доказательство быстрой эволюции, совершающейся в понимании и функционировании законов: каков бы ни был текст конституций, политическая страсть истолковывает его по-своему. Так, законодатели 1787 г. думали, что ими всё предусмотрено, чтобы устранить влияние партий на выбор президента: они решили, чтобы голосование производилось во второй степени, вне страстных возбуждений толпы, и чтобы избиратели были выбираемы единственно между людьми независимыми от всякой правительственной связи, не состоящими ни членами Конгресса, ни чиновниками. Предполагалось, что такие избиратели, выбранные исключительно за лич-

ные достоинства, будут выбирать и президента единственно за его ум и добродетель. Известно, что сталось с этими прекрасными проектами. Избиратели назначаются с повелительным наказом, mandat imperatif, подавать голос за такого-то кандидата: несмотря на «вторую степень», дело решает народный вотум, и выбор становится чисто партийным, так как голосование делегатов сводится на простую формальность. Оттого все усилия политиканов направлены на завоевание голосов толпы. В течение нескольких месяцев кандидаты и их наиболее искусные на язык или интригу приспешники разъезжают по стране, чтобы возбуждать рвение сторонников и обещать им победу и собачью долю добычи; сотнями основываются газеты, посвященные специально выборной агитации; каждый город, каждая деревня имеет свои процессии, дневные и ночные, с знаменами и факелами; публичные банкеты, празднества соединяют избирателей; на улицах бросают петарды; фейерверки огненными буквами вырисовывают на небе имена кандидатов; пушка гремит, чтобы подкреплять речи ораторов. Вино и деньги льются рекой, для покупки голосов и влияний. Сотнями миллионов исчисляются суммы, переходящие в другие руки во время избирательного периода.

Самая сложность непрямого или «второстепеннаго» голосования при избрании президента неоднократно приводила к совершенному извращению выбора. Каждый штат назначает столько избирателей, сколько имеет представителей на Конгрессе, депутатов и сенаторов, и дает им наказ подать голос за кандидата партии. Таким образом, в многолюдном штате, как Нью-Йорк, может случиться, что половина голосов, с прибавкой одного, достаточна, чтобы дать кандидату коллективный вотум всей делегации и уравновесить почти единогласный выбор со стороны нескольких менее важных штатов: в этом случае, так как большинство народных избирательных голосов представлено меньшинством избирателей второй степени, то истинный избранник народа есть именно тот, который не вступит в «Белый Дом». Пример тому видели в 1876 гиду, когда «демократический» кандидат Тильден должен был отступить перед своим «республиканским» соискателем Гэйсом, который, однако, получил 250.000 голосами менее в общей массе 8.300.000 подававших голос. Впрочем, в подобном деле, где успех важнее всего, господствующая страсть походит на азартную игру: надо восторжествовать во что бы то ни стало, и когда голоса того или другого штата представляются сомнительными, по причине несоблюдения какой-нибудь формальности или спорного обстоятельства, партия, стоящая у власти, никогда не упускает случая присвоить их себе. Констатировано также, что если военная слава доставила Вашингтону, Джаксону, Гранту честь избрания на президентский пост, то побудительной причиной вотума редко было исключительное личное достоинство кандидата, выдающагося умом или знаменитостью: граждане, общепризнанные как первые люди, которыми республика всего более имела повод гордиться,—всегда были устраняемы.

Прерогативы президента громадны. Он только не носит имени, но имеет больше власти, чем европейский конституционный король. Он командует сухопутными и морскими силами, подписывает трактаты, с согласия Сената, представленного двумя третями его членов, назначает посланников и консулов, равно как членов верховного суда и других высших сановников государства, также по соглашению с Сенатом, располагает клиентурой мелких чиновников, составляющих настоящую армию (число назначений, сделанных президентом Гаррисоном при вступлении в должность: 35.800), созывает Палаты в чрезвычайных обстоятельствах, и обязан наблюдать за точным исполнением законов; кроме того, он обладает правом *veto,* т.е. правом протеста против решений, вотированных Конгрессом, и решения эти, снова подвергнутые голосованию, могут получить силу не иначе, как при условии санкционирования их двумя третями голосов в каждой из Палат. Во время междоусобной войны президент Линкольн был облечен Конгрессом достаточно широкою властью, чтобы действовать по-диктаторски, и никто не оспаривал у него право провозгласить, в качестве неограниченного главы государства, эмансипацию невольников в возмутившихся штатах. Министры не навязываются косвенно президенту, как в государствах Западной Европы, группами, преобладающими в Конгрессе: глава республики может выбирать их где угодно, даже между лицами,

никогда не принадлежавшими к составу какого-либо совещательного собрания. Раз назначенные им, с согласия, почти обязательного, Сената, они не ответственны перед Конгрессом: хотя бы даже им выражалось прямое порицание в каждом заседании Палат, они преспокойно продолжают оставаться на своем посту; независимые от Конгресса, в котором они не заседают и с которым не сносятся непосредственно, они имеют дело только с президентом, как министры султана или другого самодержца; вся ответственность за политические акты лежит, следовательно, на главе государства, который считается руководящим действиями своих подчиненных. В самом деле президент может быть предан суду Конгрессом «за измену, лихоимство или иные преступления или злоупотребления по должности», и в этом случае Палата представителей возбуждает преследование, а Сенат, председательствуемый старшим членом верховного суда, произносит приговор. В течение столетнего периода, который обнимает история Северо-Американского Союза, Эндрю Джонсон есть единственный президент, который был предан суду, в 1868 г., но так как требуемого конституцией большинства двух третей голосов не составилось, то его признали по суду оправданным. Обвинительный вердикт имел бы следствием отрешение от должности и преследование обыкновенным судебным порядком, как для всякого другого гражданина.

Число министров возрасло с течением времени: в 1789 году их было только четверо, теперь, с 1888 г., их восемь, а акты Конгресса могут создавать ещё новые министерства. «Государственный секретарь» (Secretary of State), первый между этими сановниками по порядку председания и власти, заведует иностранными делами и играет свою партию на шахматной доске оффициальной истории. Он—держатель «большой федеральной печати», хранитель государственных архивов и непосредственный начальник всего дипломатического и консульского персонала; иногда влияние его ощущается гораздо сильнее, чем влияние самого президента, на долю которого выпадает неблагодарная работа раздачи мест. «Секретарь казначейства» (Secretary of Treasury), или министр финансов, играет менее важную роль в кабинете, несмотря на громадность вверенных ему сумм, так как он не принимает никакого участия в изготовлении законов, и Конгресс диктует ему употребление бюджетных назначений. «Секретарь внутренних дел» (Secretary of Interior) управляет государственными землями и индейскими делами. Генерал-прокурор (Attorney-general) исполняет функции, аналогичные с функциями министра юстиции, и служит советником или юрисконсультом президенту в трудных вопросах, относящихся к истолкованию законов или статей конституции. Другие министры, военный, морской, земледелия, почт, дополняют кабинет, но не образуя солидарного целого. Каждый из этих секретарей обращается с докладами по своей отрасли управления непосредственно к президенту, который созывает их всех вместе или порознь, по своему усмотрению. Совет кабинета может собираться в любом месте, какое угодно назначить главе правительства, либо в Белом Доме, либо в одном из министерств, либо вне Вашингтона, в какой-нибудь купальной деревне или вилле, которые можно назвать «летними столицами» республики. В сезон жаров политиканы тяготеют к местам, избранным для дачного пребывания президента или его влиятельнейших министров. Так, Лонг-Бранг и Бар-Гарбор, на острове Маунт-Дезерт, приобрели первостепенную важность, как временные центры американской политики.

Можно сказать, что духовная жизнь постепенно отлетает от всего этого оффициального организма. Управление государственными делами нации всё более и более переходит в руки «дельцов», «специалистов», которые со школьной скамьи готовятся к роли «политиканов», изучают искусство говорить, не для того, чтобы выражать мысли, а для того, чтобы угодить толпе, и упражняются в практике, более ещё прибыльной, эксплоатировать в свою пользу страсти и глупости ближнего. Вступив на поприще оффициальной жизни, они толкаются около какого-нибудь влиятельного покровителя, пишут для него газетные статьи и брошюры, произносят речи, стараются вербовать голоса избирателей и подбирают крохи, падающие с пиршественного стола. Придет момент, когда и они, в свою очередь, сядут за этот стол; они будут депутатами сельских округов и графств, членами избирательных комитетов, членами

Конгресса, может-быть: они сделаются необходимыми людьми; пройдя стадию политиканства, они будут политическими персонами, или даже, если фортуна им улыбнется, «государственными мужами», и репутация их примет имя славы. Удивительно ли, что скромный и честный человек держится в стороне от бесстыдного торжища, где заключаются сделки по купле правительственной власти и сопряженных с нею материальных выгод? Каждая из двух главных политических партий, «республиканцы» и «демократы», имеет свою «машину» для указания кандидатов и орудования выборами; каждая имеет своих *bosses* или «патронов», своих агентов, назначение которых—формировать в полки, поверять, угощать и оделять наградами стадо избирателей. В настоящее время между этими двумя партиями почти установилось равновесие, и *mugwumps* или «независимые республиканцы» не раз обеспечивали победу демократов в различных выборах. Другие, менее важные, партии, «Соединенные фермеры», «Националисты», также вмешиваются, и иногда им удается восторжествовать на местных выборах; в среднем, треть избирателей остаются вне комиций или избирательных съездов. В народной речи Соединенные Штаты (*United States* или просто *U. S.*) олицетворяются под именем *Uncle Sam*, «Дядя Сам» (уменьшительное от Самуил), или *Brother Jonathan*, «Брат Ионафан».

Мировой судья (justice of the peace), местный орган правосудия, избираемый народным голосованием в большинстве штатов, занимает низшую ступень в судебной иерархии; его атрибуции, оклад жалованья, срок полномочия разнятся, смотря по областям; в некоторых местах он ведает только гражданские дела. Затем идут, в восходящем порядке, местные суды, окружные и гражданские аппеляционные трибуналы и государственный Верховный Суд, которые отличаются только названиями, но организованы почти одинаково, по образцу, установленному кодексом и процедурой английских законоведов; впрочем, один из штатов, Луизиана, сохранил французский кодекс, несколько видоизмененный в деталях. В большинстве старых штатов, судьи назначаются ещё губернатором или местным законодательным собранием, тогда как в странах Запада, менее почитающих заветы прошлого, и в больших штатах Востока, Нью-Йорке и Пенсильвании, подчиняющихся влиянию многолюдных городов, выборы чинов магистратуры производятся посредством всеобщей подачи голосов. Некоторые конституции придумали очень строгия гарантии, впрочем, почти всегда призрачные,—чтобы заставить судей усердно исполнять свои служебные обязанности. В одних штатах, поверенные сторон могут избрать третье лицо в качестве третейского судьи, когда настоящий судья опоздал на полчаса; в других местах, судья не может получить жалованье, пока не представит удостоверения, что ни по одному из возбужденных у него за последние три месяца дел не было допущено медленности. Все судебные решения могут быть обжалуемы, подвергаемы пересмотру и переносимы на апелляцию или кассацию в Верховный Суд, состоящий из девяти федеральных судей, назначаемых исполнительною властью, но поставленных в известной мере выше президента республики, так как они несменяемы и призваны устанавливать смысл конституции в случае столкновения между высшими государственными учреждениями. Ни в одной стране нет такого множества законов, как в Северо-Американской республике и при том таких трудных для истолкования; нигде также нет такого обилия судей и адвокатов; в 1890 году последних насчитывали около семидесяти тысяч.

«Весы правосудия» меряют далеко не одинаковой мерой в разных штатах: на Западе и Юге, в странах с менее цивилизованным населением, судьи вообще строже, нежели на Севере, и негры всегда приговариваются к более тяжкому наказанию, чем белые. Смертная казнь отменена в некоторых из северных штатов,—в Мэне, Род-Айленде, Мичигане, Висконсине, Огайо. В Делаваре существует ещё наказание плетьми. Две крайности мягкосердечия и жестокосердия в уголовном возмездии представлены соответственно штатами Род-Айленд и Миссисипи. Население сравнительно самое цивилизованное оказывается наиболее милостивым: с одной стороны, средняя сроков тюремного заключения по приговорам суда не достигает трех лет, с другой—она превышает двенадцать лет. В тех же странах Запада и Юга, от-

носительно варварских, свирепствует ещё «закон Линча» (Lynch Law), т.е. самосуд, во всей своей силе. Закон этот, чаще применяемый, чем легальная репрессия, знает только две кары —изгнание или смерть. Изгнанию обыкновенно предшествует наказание плетьми или «оперение»,—казнь, состоящая в том, что жертву окунают в бочку с дегтем, затем прокатывают в куче перьев. Смертная казнь совершается почти всегда чрез повешение, иногда чрез расстреляние, в некоторых случаях, к счастью, очень редких, чрез сожжение на костре. В своем послании 1891 года губернатор Техаса дает даже своего рода санкцию этому «закону», рекомендуя гражданам живо кончать с убийцами, как они делают это с «конокрадами»[1]; в некоторых графствах этого штата полиция употребляет в дело догов, которые выслеживают человека. В Америке и даже за пределами её нередко можно услышать рассуждение, что «закон Линча», хотя и самосуд, но всё же суд, и что если разбирательство пред этим импровизованным трибуналом не обставлено условными гарантиями беспристрастия, то тем не менее судьи произносят свой вердикт с знанием дела и на основании положительных доказательств. Иногда это действительно так: случается даже, что самосуд становится на место снисходительной юстиции, заинтересованной в том, чтобы истинные виновные избегли наказания; но в большинстве случаев «закон Линча» применяется под влиянием расовой или сословной ненависти, и приговоры его диктуются духом мщения. Сколько раз простого подозрения достаточно было, чтобы осудить обвиняемого, и сколько раз жалобщик был в одно и то же время свидетелем, присяжным, судьей и палачем! Часто единственными судьями этого импровизованного трибунала являются скотоводы и их пастухи: горе чужому бродяге, забравшемуся в места по близости с их пастбищем! Если во время выборов обвиняемый негр появится пред своими белокожими врагами, или во время пограничной войны индеец будет приведен пред толпу колонистов, тот и другой хорошо знают ожидающую их участь, хотя бы они всю жизнь были преданными друзьями белых[2].

Каждый штат имеет свои особые законы для охранения народной нравственности. Таковы законы Коннектикута, запрещающие продажу фруктов в воскресенье, но дозволяющие продажу газет; таков же закон, вотированный громадным большинством голосов в обеих Палатах Миннесоты, который безусловно воспрещает женщинам, под угрозой денежного штрафа или тюремного заключения, появляться на сцене в мужском костюме. Другие законы относятся к употреблению табаку и спиртных напитков. Законы, безусловно запрещающие употребление спиртных напитков, известные под названием *Maine liquor law*, по имени штата, который прибег к этой законодательной мере, кажется, не имели сколько-нибудь серьезного действия в многолюдных городах, где именно и бывает всего больше пьянства. Но дело обстоит иначе в городах и тауншипах, которым штат оставил свободу препятствовать введению хмельных напитков: в большинстве этих округов, прозванных «сухими», в отличие от соседних «мокрых» округов, чужеземцу редко удается нарушить закон. В Массачузетсе, руководящей «республике», более четырех пятых городов не допускают у себя никакой торговли крепкими напитками. Меры, принятые против употребления спиртных напитков, включая сюда и пиво, много способствовали отклонению потока немецкой иммиграции к «мокрым» штатам и графствам. Луизиана уступила монополию лотереи одной могущественной финансовой кампании, которой часто удавалось заставить законодательное собрание вотировать согласно её воле и к её выгоде.

Северо-Американский Союз, как известно, не имеет армии, ибо трудно дать это имя силе менее, чем в тридцать тысяч человек, рассеянной по территории, почти столь же обширной, как Европа, и занимающейся преимущественно делами, в которых нет ничего военного, например, содержание декоративных садов в резиденциях, называемых «фортами»; впрочем, на некоторых пунктах морского побережья, особенно на подступах Нью-Йорка, существуют стратегические позиции, защищенные сильно вооруженными укреплениями. «Националь-

1 „Diplomatic and Consular Reports on Trade and Finance“, Foreign Office, 1891 № 823.

2 Washington Irving, „A Tour on the Prairies“.

ные парки», т.е. части территории, сохраняемые как общее достояние нации, также находятся под наблюдением армии, которая прокладывает дорожки и отгоняет порубщиков и пастухов. Войска, расположенные на индейской границе и вдоль границ Мексики, беспрестанно переходимых контрабандистами, суть единственные, которые несут действительно тяжелую службу; кроме этих полицейских и таможенных кампаний, войско часто утилизируется для мирных работ. Так, обширные исследования к западу от «сотого меридиана», в Скалистых горах, были поручены экспедиции из военных; все предварительные изыскания для постройки трансконтинентальных железных дорог были сделаны военными инженерами. Общественные работы, предпринимаемые не для одного какого-либо штата, но для всего Союза, например, сооружение миссисипских плотин, также производятся под руководством военного министерства. Американская нация, довольная, что с успехом выдержала испытание, и сознающая свою силу, выказывает некоторое кокетство в сопоставлении численной незначительности своей армии, состоящей всецело из волонтеров, с громадными массами, набранными посредством всеобщей воинской повинности, которые маневрируют в государствах континентальной Европы: ей нравится быть последней по цифре военных сил и в то же время занимать первое место по столь большой доле полезных работ; благодаря именно этому почти совершенному отсутствию армии, она может утилизировать для производительного труда те энергии, которые доставили ей, с материальной точки зрения, её очевидное превосходство. Вооруженная сила Соединенных Штатив в 1899 году: 2.587 офицеров, 65.000 солдат; организованная милиция: 9.376 офицеров, 115.627 нижних чинов.

Рекруты выбираются между волонтерами в возрасте от 18 до 35 лет, белыми или неграми, ростом не менее 1,53 метра, нанимающимися на пять лет, с правом остаться на вторичный срок службы. Годовая стоимость содержания солдата представляет сумму от 6.000 до 6.500 франков. Недавно начали вербовать роты краснокожих, которые все оказались прекрасными солдатами. Между белыми волонтерами случаи побега очень часты: число дезертиров составляет более трети годового числа новобранцев. Корпус офицеров существенно аристократический, набирается не в рядах войска; он составлен исключительно из питомцев Вест-Пойнтского военного училища, куда можно попасть только по протекции: на 314 воспитанников десять назначаются ежегодно президентом, и каждый из избирательных округов, посылающий депутата в палату представителей, представляет каждые четыре года, чрез посредство этого депутата, одного кандидата, которого принимают, по выдержании им вступительного экзамена, составляющего, впрочем, простую формальность. Эта организация, столь мало демократическая, пережила гражданскую войну, которая, однако, показала все её неудобства, так что правительство вынуждено было назначить многих высших офицеров из лиц, чуждых Вест-Пойнту. Аристократический дух школы ясно обнаружился с самого начала войны отступничеством большого числа офицеров, которые присоединились к конфедератам, и нерешительным образом действия большинства тех, которые остались в рядах федеральной армии.

Что касается военного флота, то он, пропорционально, сильнее сухопутной армии: отдаленные экспедиции для океанских исследований, воспитание моряков и дипломатические демонстрации не могли бы осуществляться без довольно значительного наличного состава военных кораблей; но корабли эти по большей части несовершенного и устарелого типа; в настоящее время уже приступлено к постепенной замене их судами новой конструкции. Доля участия, принимаемого морским ведомством Соединенных Штатов в общеполезных работах, относительно, ещё значительнее, чем доля участия сухопутного войска. Это ведомство намечает местоположение маяков и портовых огней, наблюдает за освещением берегов, оказывает штатам, общинам, морским синдикатам содействие в деле устройства спасательных станций, составляет ежемесячно «лоцманские карты» (pilot charts) и морские планы, и исполняет международную гидрографическую службу морских наблюдений. Число маяков на берегах Союза в 1890 году: 802.

У богатой заантлантической республики нет недостатка в финансовых рессурсах для по-

стройки фортов или военных кораблей, плотин, волноразбивателей или маяков, ибо таможенные сборы, к которым нужно прибавить некоторые внутренние налоги и суммы, выручаемые от продажи земель, доставляют с избытком средства на покрытие государственных расходов нации и даже позволяют ей расточительность.

Таможенный доход (ввозные пошлины) в 1895—96 году дал 160.000.000 доллар.

Федеральный бюджет Соединенных Штатов в финансовом (оканчивающемся 30 июня) 1898—99 году: доходы—515.960.620 доллар.; обыкновенные расходы—605.072.179 долларов.

Те же обильные источники доходов позволяют нации давать щедрой рукой средства на содержание почты, из которой в других странах сделали фискальное предприятие, но которая в Соединенных Штатах стоит казне больше, чем сколько приносит. Что касается телеграфных линий, то они принадлежат частным компаниям.

Доходы почты в 1897—98 г.: 89.012.619 доллар.; расходы—98.033.524 доллар.

Число предметов, пересланных по почте в 1894—95 г.:

	Закрытые письма	Открытые письма	Печати, произ. и образчики	Переводы денег	
	В тысячах			В тысячах	В тысячах франков
Внутр. корр	2.486.230	493.305	2.155.870	22.031	811.964
Иностран. корр	113.377	5.965	110.007	1.258	97.815

В 1897—98 г. переслано по почте писем, посылок и пр.: 12.242.783.928; переведено денег —204.593.890 долл.

Как ни богат Северо-Американский Союз, междоусобная война лежит тяжелым бременем на его финансах. По оффициальным счетам, составленным после восстановления мира, общая сумма расходов, возложенных на федеральный бюджет этой исполинской борьбой, простиралась до 6.190.000.000 пиастров, или 32 миллиардов франков; но к этому громадному итогу надо прибавить ещё по малой мере десяток миллиардов, израсходованных непосредственно штатами побежденной конфедерации, и ценность опустошенных полей, испорченных дорог, сломанных мостов, разрушенных и преданных пламени городов и деревень. Да ещё в эти рассчеты не включено уменьшение народного богатства, происшедшее от потери миллиона человеческих жизней, принесенных в жертву во время войны.

Жертвы людьми, причиненные гражданской войной:

Союз—2.653.000 навербован. людей; 650.000 убит. или ран.; конфедерация—1.124.000 навербован. людей; 660.000 убит. или ран.; всего—3.777.000 навербован. людей; 1.320.000 убитых или раненых.

Самая умеренная оценка определяет в шестьдесят миллиардов прямой дефицит в произведениях человеческого труда, причиненный междоусобной войной. Правда, что большая часть громадного бремени расходов была перенесена на будущее. Национальный долг, составлявший до войны всего только около полмиллиарда, достигал, при заключении мира, почти 14 с половиной миллиардов, и ежегодные платежи процентов и погашения превышали 150 миллионов пиастров, или 780 миллионов франков.

Долг 1 июля 1861 г.: 90.580.874 пиастра, или 490.000.000 франк.; долг 1 июля 1866 г.: 2.773.236.174 пиастра, или 14.980.000.000 фр.

С той эпохи государственный долг постепенно уменьшался: в 1891 году он уже сократился на две трети, а конверсии займов, с понижением величины процента, оставили только четыре пятых первоначальных расходов по этому долгу. Оттого нынешняя администрация расходует, не считая: она даже нашла, чтобы избавиться от избытка доходов, очень неудачное средство, влекущее за собой важные экономические последствия, так как оно создает огромный класс паразитов, живущих на счет государственного бюджета: в стране, устроенной свободной инициативой и трудом, особенно странно видеть, что граждан прямо заинтересовывают в мотовстве общественных денег. Расточительность казны такова, что на свою

армию, распущенную уже четверть столетия тому назад, она и теперь ещё тратит, в виде пенсий и пособии, более, чем сколько стоит ежегодно Франции или Германии содержание их колоссальных военных сил. Вот, например, какие внушительные цифры представлял военный бюджет Соединенных Штатов в 1891 году:

Армия—46.000 000 долл.; флот—32.000.000; пенсии отставным военным—139.000.000; всего—217.000.000 долл., или около 1.100.000.000 франков.

Число живущих ещё ветеранов междоусобной войны составляет около 1.200.000 лиц, из которых свыше 600.000 пенсионеров, получающих, в среднем, около пятидесяти франков в месяц. Недавно вотированные законы ещё увеличат количество пенсионеров армии. К федеральному долгу надо прибавить ещё долги штатов и территорий, затем долги графств, городов и учебных заведений: общий итог превышает 2 миллиарда пиастров, что соответствует бремени около 160 франков на душу населения,—сумма ничтожная в сравнении с тягостью, лежащей на жителях Западной Европы.

Долги Соединенных Штатов в 1890 году (в долларах):

Национальный—891.960.104; штатов и территорий—228.997.385; графств 141.950.845; городов—725.000.000; учебных завед.—38.500.000; общая сумма долга—2.036.408.334 доллара, или 10.935.000.000 фр.

К 1 июля 1899 г. национальный долг составлял 1.991.927.307 доллар.

Способ обложения далеко не однообразный для всего Союза, ибо, кроме федеральных налогов, штат, графство, тауншип, город взимают, каждый особо, различные подати и пошлины. В противоположность федеральным налогам, которые почти все косвенные, налоги, взимаемые в пользу штата или местных округов, почти все прямые; но раскладка этих доходов не подчинена никакому определенному закону или правилу. Так, например, для одного только налога с анонимных (акционерных) обществ в Союзе существует тринадцать различных способов обложения, на капитал, на акции, на прибыли или дивиденды и т.д.[1]. Впрочем, почти всё «неосязаемое» богатство, представляемое билетами, акциями и ценными бумагами всякого рода, обманно ускользает от действия закона. По фискальным статистикам, богатство это, будто бы, уменьшается год-от-году, тогда как на самом деле оно, напротив, возрастает в огромной пропорции: так, в Коннектикуте в половине настоящего столетия сумма этого неосязаемого имущества, заключающагося в бумагах, составляла, по приблизительному рассчету, десятую часть общественного состояния, тогда как в 1885 году она, будто бы, не превышала 4 процентов[2]. Это доказывает, что присяга останавливает только очень немногих из недобросовестных плательщиков.

Таблица, помещенная на этой странице, дает список штатов и территорий Северо-Американского Союза, с показанием их пространства в квадратных милях (английских) и километрах, и цифры населения по последней всеобщей переписи (1890 года), а также список их 2.798 графств, их главных по значению городов и административных центров.

1 „Economiste Francais“, 21 fevr 1898 г.

2 James Bryce, цитиров. сочинение.

Главные территор. деления	ШТАТЫ И ТЕРРИТОРИИ	Пространство		Население	Графства или приходы (Луизиана)	Важнейшие города и *административные центры* (оффициальные главные города)
		квадр. английск. миль	квадр. километров			
Атлантическая область	Мэн	33.040	85.574	660.261	61	Портланд, *Аугуста*
	Нью-Гампшир	9.305	24.100	375.827	10	*Конкорд*
	Вермонт	9.565	24.775	332.205	14	*Монпелье*
	Массачузетс	8.315	21.536	2.233.407	14	*Бостон*
	Род-Айленд	1.250	3.238	345.341	5	*Провиденс*
	Коннектикут	4.990	12.924	745.861	8	*Гартфорд*
	Нью-Йорк	49.170	127.350	5.981.934	60	Нью-Йорк, *Альбани*
	Нью-Джерсей	7.815	20.241	1.441.017	21	Ньюарк, *Трентон*
	Пенсильвания	45.215	117.107	5.248.574	67	Филадельфия, *Гаррисбург*
	Мериланд	12.210	31.624	1.040.431	24	Балтимор, *Аннаполис*
	Делавар	2.050	5.310	167.871	3	Вильмингтон, *Довер*
	Округ Колумбия	70	181	229.796	1	*Вашингтон*
	Виргиния	42.450	109.945	1.648.911	100	*Ричмонд*
	Сев. Каролина	52.250	135.327	1.617.340	96	*Ралей*
	Южн. Каролина	30.570	79.176	1.147.161	35	Чарльстон, *Колумбия*
	Георгия	59.475	154.040	1.834.366	137	*Атланта*
	Флорида	58.680	151.981	390.435	45	Джаксонвиль, *Талагасси*
Миссисипская область	Западн. Виргиния	24.780	64.180	760.448	54	Уилинг, *Чарльстон*
	Огайо	41.060	106.345	3.660.719	88	Цинциннати, *Колумбус*
	Индиана	36.350	94.147	2.189.030	92	*Индианаполис*
	Иллинойс	56.650	146.724	3.818.534	102	Чикаго, *Спрингфильд*
	Мичиган	58.915	152.590	2.089.792	84	Детройт, *Лансинг*
	Висконсин	56.040	145.144	1.683.697	68	Мильуоки, *Мадисон*
	Кентукки	40.400	104.636	1.855.436	119	Луисвиль, *Франкфорт*
	Тенесси	42.050	108.910	1.763.723	96	*Нашвиль*
	Алабама	52.250	135.328	1.508.073	66	*Монтгомери*
	Миссисипи	46.810	121.238	1.284.887	76	Виксбург, *Джаксон*
	Миннесота	83.365	215.916	1.300.017	80	Миннеаполис, *Сент-Поль*
	Сев. Дакота	70.795	183.359	182.425	56	*Бисмарк*
	Южн. Дакота	77.650	201.113	327.848	81	Янтон, *Пьер*
	Айова	56.025	145.105	1.906.729	99	*Демуан*
	Небраска	77.510	200.751	1.056.793	92	Омага, *Линкольн*
	Миссури	69.415	179.785	2.677.080	115	Сент-Луис, *Джефферсон-Сити*
	Канзас	82.080	213.587	1.423.485	111	Канзас-Сити, *Топека*
	Арканзас	53.850	139.472	1.125.385	76	*Литль-Рок*
	Индейская территория	67.406	174.582	186.490		*Талеква, Окмульджи*
	Оклагома	3.024	7.832	56.364	8	*Гутри*
	Луизиана	48.720	126.185	1.116.828	59	Новый Орлеан, *Батон-Руж*
	Техас	265.780	688.370	2.232.220	244	*Остин*
Тихоокеанская область	Монтана	146.080	378.347	131.769	16	Бьютт-Сити, *Гелена*
	Идаго	84.800	219.632	84.229	18	*Буазе-Сити*
	Уайоминг	97.890	253.535	60.589	12	*Чейен*
	Колорадо	103.925	269.166	410.975	55	*Денвер*
	Утаха	84.970	220.072	206.498	25	*Сольт-Лек-Сити*
	Новая Мексика	122.580	317.482	144.862	16	*Санта-Фе*
	Аризона	113.020	292.722	59.691	10	*Феникс*, Туксон
	Невада	110.700	286.713	44.327	15	*Карсон-Сити*
	Вашингтон	69.180	279.176	349.516	34	Ситль, *Олимпия*
	Орегон	96.030	248.718	312.490	31	Портланд, *Салем*
	Калифорния	158.360	410.152	1.204.002	53	Сан-Франциско, *Сакраменто*

КОНЕЦ ШЕСТНАДЦАТОГО ТОМА.

Оглавление шестнадцатого тома

Том XVI. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ....4
Глава 1 Общий обзор....4
I. Пространство, геологическое строение, естественные деления страны....4
Глава II Первобытные обитатели страны....18
Глава III Колонисты Соединенных Штатов, белые и черные....43
Глава IV Аппалахские горы и приатлантические штаты....62
I. Аппалахские горы....62
II. Реки Атлантической покатости....70
III. Климат, флора и фауна Аппалахских гор и атлантической покатости....85
IV. Приатлантические штаты и города....90
I. Мэн....90
2. Нью-Гампшир....93
3. Вермонт....94
4. Массачузетс....95
5. Род-Айленд....105
6. Коннектикут....106
7. Нью-Йорк....110
8. Нью-Джерсей....122
9. Пенсильвания....124
10. Мериланд....132
11. Делавар....134
12. Федеральный округ....136
13. Виргиния....138
14. Северная Каролина....142
15. Южная Каролина....143
16. Георгия....146
17. Флорида....148
Глава V Покатость Великих озер и реки Миссисипи....152
I. Рельеф почвы....152
II. Древние ледники, озера и реки....157
III. Климат, флора и фауна....190
IV. Штаты и города средней полосы....202
1. Западная Виргиния....202
2. Огайо....204
3. Индиана....208
4. Иллинойс....210
5. Мичиган....218
7. Висконсин....222
7. Кентукки....226
8. Тенесси....227
9. Алабама....229
10. Штат Миссисипи....230
11. Миннесота....233
12. 13. Два штата Дакота....235
14. Айова....238
15. Небраска....241
16. Миссури....242
17. Канзаз....245
18. Арканзас....248
19, 20. Индейская территория и Оклагома....249
21. Луизиана....252
22. Техас....257
Глава VI Скалистые горы и Тихоокеанская покатость....261
I. Рельеф почвы....261

II. Проточные воды, озера и замкнутые бассейны....281
III. Климат, флора и фауна Скалистых гор и тихоокеанской покатости....294
IV. Штаты и города Скалистых гор и тихоокеанского побережья....301
1. Монтана....301
2. Идаго (Айдаго)....303
3. Уайоминг....303
4. Колорадо....304
5. Утаха (Юта)....306
6. Территория Новая Мексика....308
7. Аризона....310
8. Невада....311
9. Вашингтон....312
10. Орегон....314
11. Калифорния....316
Глава VII Демография и статистика Северо-Американского Союза....323
I. Движение народонаселения....323
II. Индейское население....337
III. Афро-американцы....342
IV. Землевладение и земледелие....348
V. Горная промышленность....362
VI. Фабрично-заводская промышленность....368
VII. Торговля и пути сообщения....372
VII. Народное просвещение....381
IX. Религии и религиозные общины....386
Глава VIII Правительство и администрация Северо-Американской республики....394